

Маньонъ, мѣста находокъ—Горжъ-д'Анферъ, Ложери-Бассъ, Ложери-Готъ и еще далѣе, вверхъ по теченію, пещера Ла-Маделенъ. Здѣсь же располагаются извѣстныя всѣмъ пещеры Фонтъ-де-Гомъ, Комбарелль, Ла-Муть, Ливейръ и Бернифаль. Между ними встрѣчаются и такія мѣста, какъ пещеры Ла-Микокъ и Ле-Мустье, въ которыхъ содержатся остатки древняго палеолитическаго періода, а также и отложенія типичныхъ ориньякской и солотрейской эпохъ, встрѣчающіяся, наиримѣръ, въ Ложери-Бассъ, Горжъ д'Анферъ и Кро-Маньонъ. Такимъ образомъ, долина Везеры, повидимому, во всѣ времена представляла настоящее охотничье Эльдorado, куда стекались со всѣхъ сторонъ. Приведемъ вкратцѣ результаты изслѣдованій археологовъ Капитана, Брейля, Бурниэ

Рис. 125. Гравированная на кости изображенія.

a — тюлень. *b* — головы оленей.

Изъ пещеры Абри-Мэжъ въ Дордови.
(По Брейлю.)

и Пейрони. Пещера Абри-Мэжъ представляетъ древнее становище магдаленской эпохи, давшее подъ мощнымъ слоемъ камней и глины огромное количество остатковъ животныхъ, современныхъ магдаленскимъ обитателямъ; здѣсь нашлись кости пещернаго медвѣдя, волка, лисицы и дикой кошки, горноста, зайца, суслика, землеройки, лемминга, дикаго быка и въ особенности большое количество костей сѣвернаго оленя. На ряду со множествомъ птицъ были найдены и остатки растений — крушины (*Rhamnus catharticus*), дуба и каштана. Очень обильны были также и кремневые орудія — скребки, долота, небольшіе ножи, микролиты и клинки съ притупленной спинкой; къ нимъ присоединялись гарпуны съ зубцами въ одинъ рядъ, шила, сверла и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ орудій были украшены гравировкой и рисунками, изъ коихъ мы приводимъ изображенія тюленя и нѣсколькихъ оленьихъ головъ (рис. 125). Столь же цѣнною была добыча, найденная въ пещерѣ Де-ла-Мэри, расположенной также недалеко отъ Тейята и изслѣдованной тѣми же археологами въ 1903 и 1904 годахъ. Здѣсь самый нижній слой относился къ древней магдаленской эпохѣ и содержалъ кости лисицы, дикой лошади, сѣвернаго оленя, дикаго быка и землеройки. На ряду съ такими каменными и костяными орудіями возбудили особое вниманіе найденныя здѣсь произведенія искусства и среди нихъ награвированное на обломкѣ сталагмита изображеніе зубра. Онъ выгравированъ очень тонко, но, очевидно, съ давняго уже времени кусокъ сталагмита былъ разбитъ, такъ что пришлось соединить его отдѣльные обломки (рис. 126). Верхній слой, заключающій остатки, принадлежалъ къ новѣйшей магдаленской эпохѣ и обнаруживалъ кости медвѣдя, лисицы, зайца, землеройки, суслика,

сурка, дикой лошади, дикаго быка, сѣвернаго оленя (въ очень большомъ числѣ), благороднаго оленя, дикаго кабана и выдры. Изъ растительныхъ остатковъ, по опредѣленію проф. Флихе, здѣсь былъ найденъ букъ, дубъ, каштанъ и орѣшникъ, но, какъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, послѣдніе два были здѣсь, какъ и въ пещерѣ Абри-Мэжъ, занесены въ магдаленскій слой позднѣе изъ болѣе новыхъ. Мы не будемъ подробно останавливаться на разсмотрѣніи кремневыхъ орудій и костяныхъ издѣлій, которыя ничѣмъ особеннымъ не отличаются, но не можемъ не упомянуть о лучевой кости орла, которая на одномъ концѣ тщательно опилена; на ней мы находимъ цѣлый рядъ изображеній, которыя частью стерты, такъ какъ кость эта долгое время служила, очевидно, игольникомъ, какъ и другая такая же, найденная еще съ иголками внутри. Чрезвычайно

оригинально изображеніе на этой кости цѣлаго ряда сѣверныхъ оленей, при чемъ вырисованы лишь переднее и заднее животное, тогда какъ всѣ промежуточные олени

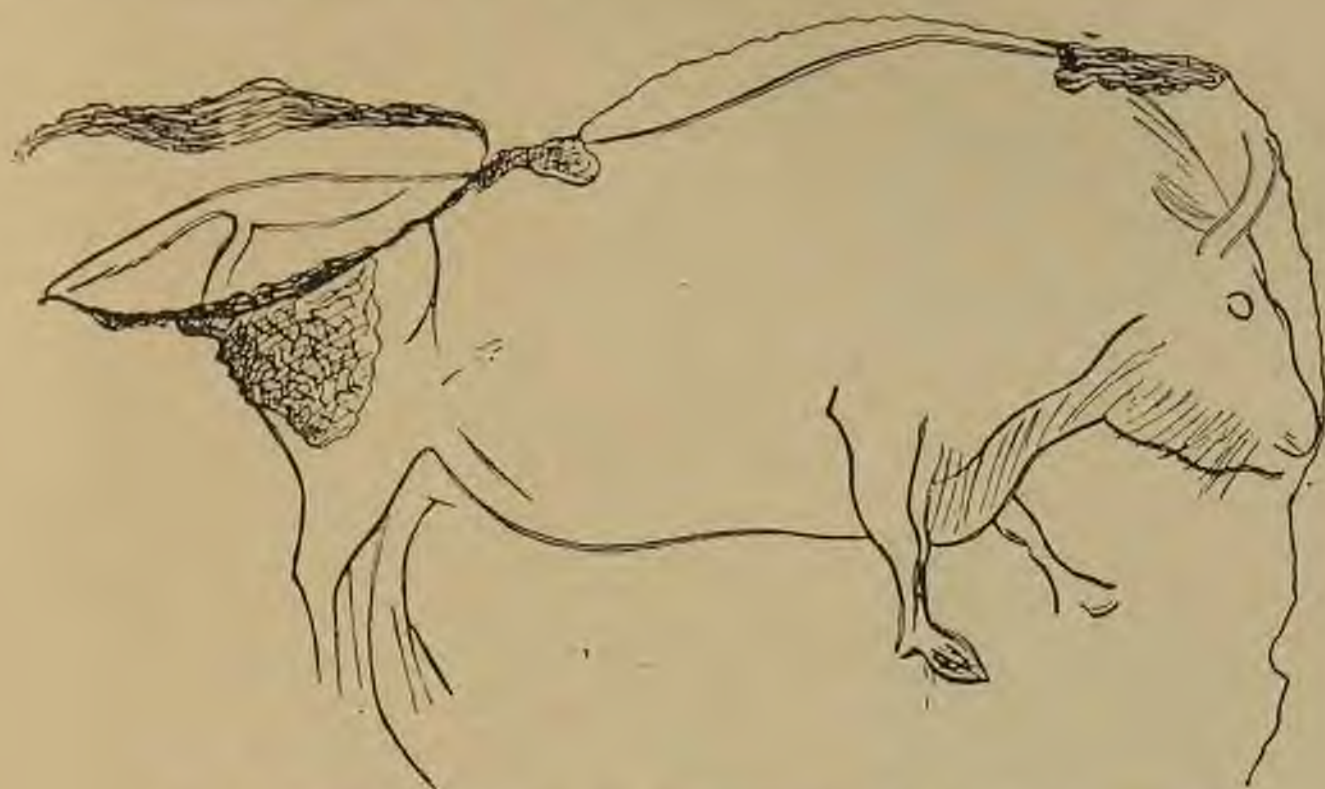

Рис. 126. Изображеніе зубра, выгравированное на кускѣ сталагмита. Изъ нижняго культурнаго слоя пещеры Де-ла-Мэри у Тейята въ Дордонн.
(По Брейлю.)

изображены простыми косыми черточками, а соотвѣтствующіе имъ рога нарисованы очень крупными и слегка стилизованными (рис. 127).

Оставимъ теперь, однако, область Дордонн. Настоящая Пиренейская область была въ магдаленскую эпоху также густо населена,—стоитъ лишь упомянуть, напри- мѣръ, въ департаментѣ Арьежѣ пещеру Де-ла-Вашъ, около Тараскона, изслѣдованную Гарригу; пещеру въ хребтѣ Кверъ, около Масса; пещеру Монтестье-Авантъ, около

Рис. 127. Стадо сѣверныхъ оленей. Рисунокъ, награвированный на кости орла изъ пещеры Де-ла-Мэри у Тейята.
(По Брейлю.)

Монсеронъ, близъ Дюрбана; пещеру Сень-Лизье, около Сень-Жирона, и прежде всего знаменитую пещеру Масъ-д'Азиль, черезъ которую протекаетъ рѣчка Ариза,—пещеру, давшую археологу Пьетту столь поразительно богатую добычу. Въ департаментахъ Верхнихъ и Нижнихъ Пиренеевъ находятся также знаменитыя пещеры Ла-Турась, Монъ-Конфоръ, Марсула и Гурданъ. Последняя располагается въ 1,5 километрахъ южиѣ мѣстечка Монъ-Трежо, въ сѣверной группѣ известняковаго хребта Лапеладъ, на высотѣ 55 метровъ надъ уровнемъ Гаронны и 480 метровъ надъ уровнемъ моря.

Пьеттъ нашелъ тамъ остатки пантеры и рыси, волка и бурога медвѣдя, дикой лошади, сѣвернаго оленя, канадекаго оленя, благороднаго оленя, горнаго козла, серны, ископаемаго быка и зубра, дикаго кабана, мамонта и сибирскаго носорога; тамъ же

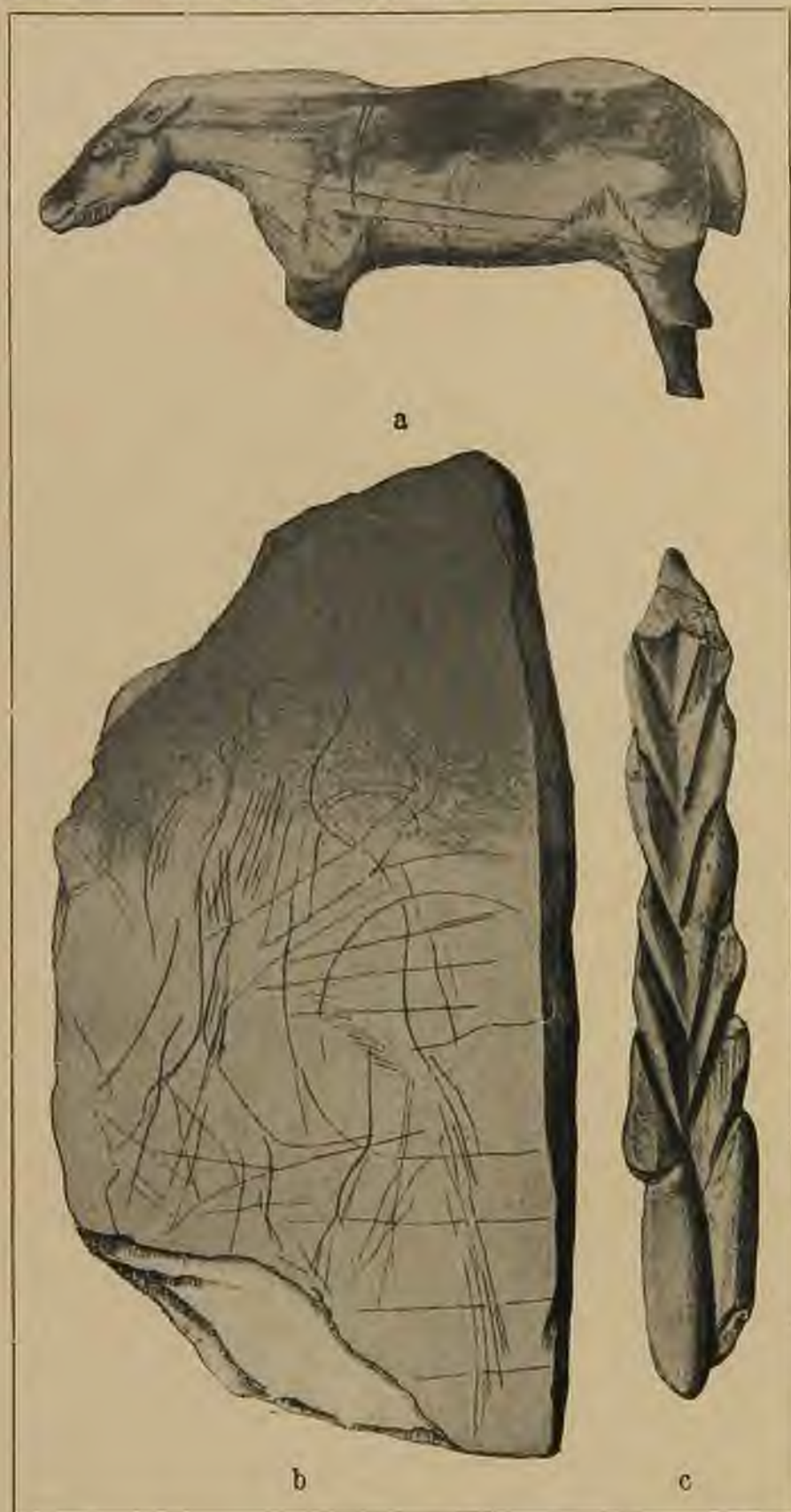

Рис. 128. Произведенія искусства изъ Лурда изъ коллекціи Л. Нелли.

а—лошадь изъ слоновой кости. б—бородатый мужчина (гравиров. на камнѣ).—с—фигура вродѣ колоса. Естеств. велич.

антилону-сайгу, пещернаго льва, тюленя, лебедя, дикую утку и щуку.

Далѣе къ западу сюда примыкають пещеры Лортэ на рѣкѣ Нестъ, Орансанъ на Адурѣ, недалеко отъ Баньеръ-де-Бигоръ, и пещера Лезъ-Эспелогъ въ окрестностяхъ Лурда. Эта послѣдняя располагается непосредственно позади знаменитаго Лурдскаго грота, въ горѣ, и извѣстна всѣмъ паломникамъ подъ названіемъ пещеры св. Магда-

были найдены многочисленные черепа человѣка, относящіеся къ четвертичному періоду. Собранныя тамъ раковины были описаны Фишеромъ и являются частью ископаемыми видами, частью современными. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя происходятъ изъ той же мѣстности, но большинство принадлежитъ побережью Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, при чемъ атлантическихъ раковинъ больше, чѣмъ средиземноморскихъ. Остатки дѣятельности первобытнаго человѣка въ пещерѣ Гурданъ чрезвычайно многочисленны; тамъ представлены всѣ культурныя стадіи, начиная съ солютрейской и до азильской. По Пьетту, въ верхнихъ четвертичныхъ отложеніяхъ сѣверный олень встрѣчается уже рѣдко, и для изготовленія различныхъ издѣлій часто примѣняется рогъ благороднаго оленя; въ среднихъ слояхъ преобладаетъ, однако, сѣверный олень, тогда какъ нижніе слои отличаются широкимъ распространеніемъ зубра, канадекаго оленя и мамонта. Еще болѣе богатый списокъ фауны оставилъ намъ, однако, человѣкъ четвертичнаго періода въ видѣ гравированныхъ или скульптурныхъ изображеній на различныхъ предметахъ, которыми онъ пользовался. Эти изображенія опредѣлимы съ достаточною точностью, и на нихъ мы находимъ слѣдующихъ животныхъ: лошадь, сѣвернаго оленя, зубра, ископаемаго быка, оленя, серну, горнаго козла, носорога, волка,

лины. Въ ней еще задолго до начала паломничества были произведены раскопки Гарригу, Мильнъ-Эдвардсомъ, Лартэ и Пьеттомъ; совершенно ее опорожили, когда возводили лурдскую базилику, причемъ археологъ Леонъ Нелли добылъ поразительно богатую серію магдаленскихъ находокъ, и среди нихъ были также довольно многочисленныя издѣлія азильскаго періода. Изъ остатковъ животныхъ этой пещеры мною были опредѣлены дикая лошадь, волкъ, песецъ, лисица, пещерный левъ, пещерная гиена, ископаемый быкъ и зубръ, сѣверный олень, горный козель, серна, сибирскій носорогъ, заяцъ, бобръ, лань, дикій кабанъ и пещерный медвѣдь; кромѣ того, имѣлись еще различныя остатки грызуновъ, птицъ и рыбъ. Три найденныя тамъ человѣческія черепа, къ сожалѣнію, за это время были утрачены. Коллекція кремневыхъ орудій, найденныхъ здѣсь, содержала болѣе 2.000 отборныхъ произведеній и чрезвычайно много прекрасно обработанныхъ костей, наконечниковъ костяныхъ орудій, старыхъ и новыхъ типовъ наконечниковъ гарцуновъ, „жезловъ начальниковъ“, лопаточекъ, наконечниковъ копій, иглъ, долотъ, просверленныхъ зубовъ львовъ, такихъ же зубовъ дикой лошади, волковъ, сѣверныхъ оленей, лисицъ и зубровъ и, наконецъ, много просверленныхъ раковинъ. О богатствѣ изобразительнаго искусства даетъ нѣкоторое представленіе слѣдующій списокъ найденныхъ здѣсь произведеній:

а) Скульптурныя изображенія: лошади изъ слоновой кости (рис. 128, *a*), форель изъ кости, головы ископаемаго быка, сѣвернаго оленя и горнаго козла, сдѣланныя изъ рога сѣвернаго оленя; два изображенія изъ рога, похожія по формѣ на колосья (рис. 128, *c*). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ ни коимъ образомъ нельзя предполагать присутствія настоящихъ хлѣбныхъ злаковъ—вѣроятно, эти изображенія воспроизводили сходныя дико растущіе виды.

б) Барельефы (выпуклыя изображенія): угорь и голова сѣвернаго оленя.

в) Барельефы: спящее животное: головы зубра и лошади и много ногъ животныхъ.

г) Вырѣзанныя круглыя фигуры: пять различныхъ лошадиныхъ головъ, рыбы, часть ноги зубра.

д) Простыя гравированныя рисунки: сѣверный олень, самка оленя, головы зубровъ, заднія части различныхъ животныхъ.

е) Изъ орнаментовъ геометрическаго характера, изображенныхъ большею частью на различныхъ орудіяхъ, имѣются спиральныя линіи, концентрическія круги, стилизованныя глаза и рога животныхъ, сплетенныя линіи, волнообразныя линіи, зигзаги, рельефныя узлы и т. п.

Кромѣ того, рисовальщики магдаленской эпохи примѣняли свое искусство на различныхъ галькахъ и пластинкахъ шифера. Мы находимъ на этихъ матеріалахъ гравированныя изображенія зубровъ, лошадей, горныхъ козловъ, сѣверныхъ оленей, различныхъ головъ и роговъ животныхъ, изображенія медвѣдя, мамонта (?), носорога (?), бородатаго мужчины (рис. 128, *b*) и какого-то танцора съ одѣтой на голову маской въ видѣ головы лошади.

Правда, въ эту коллекцію рисунковъ замѣшались и различныя поддѣлки, но выполненіе и стиль ихъ, однако, настолько отличаются отъ настоящихъ рисунковъ, что специалистъ легко можетъ ихъ узнать.

Въ Гавъ д'Оссо находится весьма замѣчательная пещера Арюди, въ Ландахъ около Брессамнуи—пещера Папы, около Сорда—пещера Дюрюти и Абри-Дюфоръ.

Въ средней Франціи магдаленскій періодъ въ общемъ представленъ еще очень хорошо, но зато въ сѣверной Франціи остатки его встрѣчаются весьма рѣдко,—это разсѣянныя, но очень характерныя отдѣльныя кремневыя орудія. Такія орудія най-

дены, на примѣръ, въ лёссѣ окрестностей Парижа и около Сентъ-Ашеля. Это объясняется, конечно, весьма большою бѣдностью сѣверо-западной Франціи пещерами; какъ только появляются снова пещеры, такъ вмѣстѣ съ ними обнаруживается въ полномъ развитіи и эта эпоха съ ея издѣліями. Это мы видимъ, на примѣръ, въ долинахъ Эйры и Юнны, гдѣ археологи Вибрэ и Фикатье, а послѣ нихъ аббатъ Пара изслѣдовали болѣе 60 пещеръ, среди которыхъ прежде всего оказались весьма богатыми орудіями пещера Фей и пещера Трилобитовъ. Расположенное на открытомъ мѣстѣ мѣстонахождение остатковъ магдаленской эпохи въ окрестностяхъ Нешэ въ Оверни было нами уже упомянуто выше (стр. 50).

Такимъ образомъ, остатки магдаленской эпохи распространены почти по всей Франціи и представлены въ такомъ изобиліи, какого мы нигдѣ болѣе не встрѣчаемъ; мы едва-ли впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что число мѣстонахожденій остатковъ этой эпохи составляетъ около 500. Большая однородность въ обработкѣ орудій и въ выполненіи художественныхъ произведеній говоритъ за то, что кочевники магдаленскаго періода точно такъ же, какъ и кочевники солиотрейскаго, жили не изолированными группами, а находились между собою въ постоянномъ соприкосновеніи и, переселяясь съ мѣста на мѣсто, устраивались на болѣе или менѣе долгія пребыванія то тамъ, то здѣсь. На это указываетъ и находженіе въ качествѣ украшеній морскихъ раковинъ въ мѣстностяхъ, которыя лежатъ глубоко внутри континента, далеко отъ моря. Мы привели уже въ качествѣ примѣра, что въ Гурданѣ встрѣчаются не только раковины изъ Атлантическаго океана, но и раковины средиземноморскія. Дюпонъ нашелъ въ бельгійской пещерѣ Шалэ множество ископаемыхъ раковинъ сухопутныхъ моллюсковъ изъ области Реймса, Версаля и Арденнъ; туда же доставляется изъ Франціи и кремень. Число этихъ примѣровъ для Франціи можетъ быть еще значительно увеличено; можно привести еще въ подтвержденіе сказаннаго находженіе въ Иссуарѣ, въ Пью-де-Домѣ ископаемыхъ изъ Турена, находженіе въ Ложери-Бассѣ ископаемыхъ изъ Турена и Пуату, наконецъ, замѣчательныя находки Ривіера въ пещерѣ Гримальди—имъ было открыто тамъ 125 видовъ нынѣ живущихъ морскихъ моллюсковъ, при чемъ изъ нихъ 62 принадлежатъ исключительно средиземноморской области, 9—исключительно Атлантическому океану и остальные тому и другому. Виды, найденные въ пещерѣ Масъ д'Азиль въ Аржежѣ, обнаруживали опять-таки отношенія къ Средиземному морю. Изъ этого мы вмѣстѣ съ Дешелеттомъ заключаемъ, что объекты эти, служившіе для украшенія, свидѣлствуютъ о существованіи весьма отдаленныхъ странствованій отдѣльныхъ группъ кочевыхъ народностей, а равно и доказываютъ существованіе между отдѣльными такими группами настоящей мѣновой торговли; возможно также, что во многихъ случаяхъ эти объекты представляли собою добычу, отнятую у враговъ-пришельцевъ.

Послѣ того, какъ были найдены такіе замѣчательные могильники изъ мустьерской и ориньякской эпохи, насъ несколько не можетъ удивить, что такіе же точно могильники стали извѣстны и изъ магдаленскаго времени. Они были открыты даже большею частью въ болѣе давнія времена, когда интересовались скорѣе каменными орудіями, чѣмъ скелетами, и когда изслѣдователи еще не заботились въ такой степени, какъ теперь, о тщательномъ выясненіи горизонтальнаго распредѣленія находокъ. Это тѣмъ болѣе понятно, что большинство изслѣдователей того времени платило дань предрасудку, будто нельзя и ожидать открытія четвертичныхъ могильниковъ; когда таковыя находились, то ихъ разсматривали какъ остатки, попавшіе позднѣе въ соотвѣтствующіе глубокіе слои, или, въ тѣхъ случаяхъ, когда самый способъ расположенія не позволялъ сдѣлать такого допущенія, ихъ считали останками охотниковъ четвертичнаго періода,

погибшихъ отъ различныхъ несчастныхъ случайностей, отъ обвала скалъ и т. п. и оставшихся на томъ мѣстѣ, гдѣ они погибли. Потому особою заслугою Эмиля Картальяка является, что онъ давно уже указывалъ на существованіе и настоящихъ четвертичныхъ могильниковъ и доказывалъ, что еще въ четвертичный періодъ должно признать существованіе почитанія покойниковъ и культа ихъ.

Раскопки въ Ложери-Бассѣ, въ долину Везеры, начатыя съ такимъ успѣхомъ Лартэ, Кристи и де-Вибрэ, были въ 1872 г. продолжены археологомъ Массена. Послѣ того, какъ онъ на томъ же самомъ мѣстѣ въ незатронутой еще части удалилъ поверхностный слой толщиной въ 1,25 метра, онъ наткнулся на значительное количество обрушившихся съ потолка пещеры камней, подъ которыми располагались слои, богатые магдаленскими каменными орудіями. Подъ слоемъ толщиной въ 1,20 метра, содержащимъ хорошо развитые остатки очаговъ, онъ наткнулся на человѣческій скелетъ. Этотъ скелетъ лежалъ на боку въ согнутомъ положеніи, при чемъ голова покоилась на лѣвой рукѣ, тогда какъ правая рука лежала на шеѣ; ноги были сильно подогнуты (рис. 129). Кости всѣ были цѣлы, и лишь позвоночникъ былъ посрединѣ раздробленъ огромнымъ камнемъ, что заставило Мортилье ошибочно предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою остатки человѣка, убитаго во снѣ обрушившимся сводомъ пещеры. На самомъ дѣлѣ, это несомнѣнные останки погребеннаго покойника, и можно даже предполагать, что трупъ былъ стянутъ искусственнымъ образомъ какими-либо шнурами или тканью. На немъ были найдены раковины, происходящія изъ Средиземнаго моря (*Supraea pygmaea* или *rufa* и *C. lurida*). Онѣ находились на головѣ, двѣ изъ нихъ были положены на локти и по парѣ лежало на каждомъ колѣнѣ и на каждой ногѣ. Такимъ образомъ, трупъ этотъ былъ, вѣроятно, одѣтъ, и на одеждѣ въ качествѣ украшенія были прикрѣплены просверленные раковины; то обстоятельство, что раковины этого могильника, находящагося вблизи Гасконскаго залива, происходили изъ Средиземнаго моря, является весьма замѣчательнымъ и свидѣтельствуетъ опять-таки о существованіи чрезвычайно древней мѣшовой торговли.

Рис. 129. Скелетъ съ подогнутыми ногами изъ Ложери-Бассѣ въ Дордони.
(По Картальяку.)

„Кузнечная“ пещера около Брюникеля, въ департаментѣ Тарнъ и Гаронна, заключаетъ въ себѣ такіе же могильники, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, они были въ вѣкъ сѣвернаго оленя разрушены позднѣйшими обитателями пещеры. Очень точныя свѣдѣнія мы имѣемъ также относительно могильниковъ пещеры Раймонды у Шанселана въ Дордони; они были открыты въ 1888 году археологами Гарди и Фэо. Костякъ лежалъ тамъ на глубинѣ 1,64 метра, непосредственно на скалистомъ грунтѣ, и надъ нимъ находилось нѣсколько слоевъ съ остатками магдаленской эпохи. Онъ также былъ сильно скрюченъ, лежалъ на лѣвой сторонѣ, съ головой, положенной между обѣими руками. Вокругъ него былъ разсыпанъ толченый кровавикъ.

Не менѣе интересенъ былъ могильникъ пещеры Дюрюти въ Сордѣ въ департаментѣ Ландовъ. Эта пещера была въ 1872—73 гг. изслѣдована археологами

Лартэ и Шапленъ-Дюпаркомъ. Она была выполнена почвою на 3 метра толщиной со слоями слѣдующаго распредѣленія. Непосредственно на самомъ скалистомъ днѣ пещеры располагался незначительный слой съ остатками очаговъ, смѣшанными съ каменными орудіями, костями зубровъ и сѣверныхъ оленей; въ немъ было найдено болѣе 40 зубовъ медвѣдей и пещерныхъ львовъ, у которыхъ были просверлены отверстия, и на нѣкоторыхъ находились даже изображенія гарпуновъ, орнаментовъ или самихъ животныхъ. Все это являлось украшеніями скелета, черепъ котораго позднѣе былъ раздавленъ каменными обломками (рис. 130). Надъ этимъ нижнимъ могильникомъ располагались снова слои съ остатками очаговъ обитателей, охотившихся за сѣверными оленями, и, наконецъ, всѣ эти слои увѣнчивались слоемъ, содержащимъ культурные остатки болѣе новаго каменнаго вѣка, со множествомъ человѣческихъ костей въ самомъ заднемъ углу пещеры.

Совершенно тенденціозно и несправедливо отрицался также магдаленскій возрастъ могильника Лезъ-Ото—небольшой пещеры около Россильона въ департаментѣ Энъ, которая продолжалась наружу въ видѣ прикрытой сверху скалою террасы. Аббатъ Турнье и археологъ Гильонъ нашли внутри пещеры, имѣющей около 50 кв. метровъ поверхностью, слѣдующее расположе-

Рис. 130. Разрѣзъ черезъ пещеру Дюрюти у Сорда въ Ландахъ.

Скелетъ магдаленской эпохи находится на самомъ днѣ пещеры между *c*—*d*.

(По Лартэ.)

ніе слоевъ:

а) Сверху неолитическіе отбросы (0,10 метра).

б) Желтоватая почва съ слѣдами очага, съ обитыми кремнями и раздробленными костями оленей и кабановъ (0,10 метра).

в) Желтый песокъ, отчасти сцементированный (0,80 метра).

г) Остатки золы очага, по всѣмъ вѣроятіямъ, магдаленской эпохи.

д) Моренный матеріалъ послѣдняго альпійскаго ледниковаго періода (1,22 метра).

е) Красный кварцевый песокъ (0,30 метра).

ж) Отполированная поверхность скалы.

На террасѣ, расположенной передъ пещерою, аббатъ Турнье нашель 6 налегающихъ другъ на друга культурныхъ слоевъ, изъ коихъ самый верхній былъ прикрытъ обломками толщиной въ 75 сант. и содержалъ, какъ и болѣе глубокіе слои, типичные остатки магдаленской эпохи. Въ данномъ случаѣ эта эпоха, очевидно, должна была являться послѣледниковою, такъ какъ охотники за сѣверными оленями могли здѣсь поселиться лишь послѣ того, какъ отступилъ Ронскій ледникъ. Фауна этихъ отложений содержитъ остатки сѣвернаго оленя, притомъ весьма многочисленные, остатки горнаго козла, благороднаго оленя, дикаго кабана, сурка, бобра, зайца, лося (?), пещерной гіены, барсука и нѣкоторыхъ птицъ. Кремневые орудія, состоявшія изъ ножей, скребковъ, сверлъ, долотъ и т. п., были довольно многочисленны, и вмѣстѣ съ ними находились также отдѣльные просверленные раковины и зубы, тонкія иглы и какое-то скульптурное произведеніе въ видѣ листа. Совсѣмъ внизу, въ нижнемъ слоѣ, на уровнѣ 6-го слоя съ остатками очаговъ, слѣдовательно, на глубинѣ 2 метровъ, былъ найденъ человѣческій скелетъ (рис. 131). Онъ покоился на спинѣ, и всѣ кости, за исключеніемъ

и

нѣсколько сдвинутыхъ бедеръ, находились въ совершенно естественномъ положеніи; руки были вытянуты по обѣ стороны тѣла. Трупъ былъ, несомнѣнно, похороненъ на самомъ очагѣ, въ его золь, и для защиты позади головы былъ поставленъ большой камень. Всѣ части скелета были покрыты красной охрой, которая на головѣ, на позвонкахъ и на ребрахъ образовала цѣлые комки. Изъ вещей, положенныхъ въ гробницу, были найдены на уровнѣ головы просверленный зубъ оленя и кусокъ кремня, около правой лопатки—кремневый мечъ, ножъ длиною въ 9 сант., а около правой плечевой кости лежалъ острый скребокъ. Еще нѣкоторыя другія каменные орудія были расположены около различныхъ частей скелета. Около одной изъ ногъ былъ найденъ украшенный сильно стертymi узорами „жезль начальника“ съ единственнымъ отверстіемъ. Такой же жезль длиною въ 24 сант. съ превосходнымъ изображеніемъ ревущаго оленя былъ найденъ еще ранѣе между 4-ымъ и 5-мъ слоями съ остатками очаговъ.

Рис. 131. Могильникъ въ Лезъ-Ото.
(По аббату Турнье и Ш. Гилльону.)

По всѣмъ даннымъ, Франція была главнымъ центромъ, гдѣ особенно богато развилась культура въ магдаленскую эпоху. Эта эпоха представлена, однако, достаточно хорошо и въ Испаніи во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было систематически проведено въ повѣйшее время изслѣдованіе соответственныхъ отложений. Мы имѣемъ остатки магдаленской эпохи изъ пещеры Де-Серинья (въ провинціи Герона), на восточной окраинѣ Пиренеевъ, и изъ пещеры Айцъ-Битартэ въ провинціи Гвипуцкоа, на западной окраинѣ этого же хребта. Въ этой послѣдней пещерѣ была собрана превосходная коллекція орудій магдаленской эпохи, найденная вмѣстѣ съ остатками слѣдующихъ животныхъ: пещернаго медвѣдя, пещерной гиены и пещернаго льва, дикой лошади, дикаго быка, благороднаго оленя, сѣвернаго оленя и дикаго кабана. Въ провинціи Сантандеръ, изслѣдованной археологами Гермиліо Алькальде-дель-Ріо и патеромъ Лоренцо Сьерра, найдены также замѣчательныя мѣстонахожденія въ мѣстностяхъ Отеро, Кулальвера, Валлэ (гдѣ въ нижнемъ горизонтѣ имѣлись немногочисленные остатки сѣверныхъ оленей и множество костей благороднаго оленя, горнаго козла, серны, дикаго быка и дикой лошади), Салитрэ, Пенья-да-ла-Кабада, Фуэнте-дель-Франсезъ, Трухиро, Нуэстра-Сеньора-де-Лорето, Камарго, Кастильо, Альтамира (въ верхнемъ горизонтѣ), Эль-Куко, Пенья-де-Каранчя, Горносъ-де-ла-Пенья и Ла-Гермида. Соответствіе этихъ мѣстонахожденій съ французскими наблюдается полное и специально свойственными Испаніи являются развѣ лишь гарпуны изъ оленьяго рога съ просверленными отверстіями для прикрѣпленія къ рукояткѣ (рис. 132).

Магдаленская эпоха Бельгiи уже съ давнихъ поръ хорошо намъ извѣстна по изслѣдованiямъ Эдуарда Дюпонъ. Его главною областью находокъ были изобилующiя пещерами долины Лессы и Мейзы недалеко отъ городовъ Динанъ, Намюръ и Люттихъ. Первое мѣсто въ данномъ случаѣ занимаетъ пещера Гуайе, находящаяся на рѣчкѣ Самсонъ, одномъ изъ мелкихъ притоковъ Мейзы. Дюпонъ констатировалъ тамъ 5 горизонтовъ съ различными объектами; оба нижние горизонта содержали исключительно животныя остатки изъ того періода, когда здѣсь жили пещерныя львы, пещерныя гиены и пещерныя медвѣди; оба слѣдующiе слоя относились къ ориньякской эпохѣ,

Рис. 132. Испанскіе наконечники гарпуновъ магдаленской эпохи съ ушкомъ. (Изъ пещеры Кастильо у Сантандера.)

самый же верхній слой принадлежалъ типичной магдаленской эпохѣ. Это доказывали, наравнѣ съ кремневыми орудiями новѣйшаго типа, также и многочисленныя издѣлія изъ рога и кости—наконечники, иглы, „жезлы начальника“, гарпунъ, подвѣски изъ слоновой кости и различныя другія украшенія. Среди остатковъ фауны преобладали остатки мамонта и сѣвернаго оленя. Столь же богатая находки были сдѣланы въ пещерѣ Тру-де-Шалэ, около Гюльсоню, на рѣчкѣ Лессѣ. Тамъ отложенія дѣлились на три слоя, разъединенные не содержащими никакихъ остатковъ слоями обломочныхъ породъ. Дюпонъ и Рюто назвали эти отложенія „гуайельскими“ и „шалѣскими“, но они соотвѣтствуютъ древнимъ и новымъ магдаленскимъ отложенiямъ Франціи. Слон, содержащiе находки той же самой культурной ступени, были найдены также въ Тру-дю-Фронталь въ Фюрфузѣ, затѣмъ въ Тру-де-Нютонъ, въ пещерахъ Де-Проль и Дю-Сюро около Фалаена, въ пещерѣ Магрить у Понтъ-а-Лесса, въ „Докторской“ пещерѣ въ долинѣ Меэнъ и въ пещерѣ Анжи. Тщательнымъ изслѣдованiемъ этихъ отложенiй въ археологическомъ отношенiи мы обязаны Шмерлингу, Дюпону, Лозету, Де-Пюи, Фрепону, Ванденбруксу и Рюто.

Относительно мало пока извѣстно мѣстонахожденiй магдаленской эпохи изъ Англiи. Въ пещерѣ Кентъ, въ Девонширѣ, вблизи Торка, изслѣдованной въ 1824 г. и особенно подробно между 1868 и 1880 годами, надъ слоями, содержащими мустьерскія орудiя, были найдены подъ покровомъ обломковъ сталагмитовъ не очень обильныя остатки вѣка сѣвернаго оленя, состоявшiе изъ обработанной кости и одностороннихъ и двустороннихъ гарпуновъ изъ оленьяго рога. Точно также и область пещеръ Кресвелля, прежде всего „Церковная“ пещера и пещера Робина Гуда въ Дербиширѣ, содержатъ наравнѣ съ болѣе древними культурными ступенями также и остатки магдаленской эпохи. Вмѣстѣ съ извѣстными уже намъ издѣліями изъ кости здѣсь было найдено выгравированное на кускѣ кости изображеніе дикой лошади, поразительно сходное съ такими же гравированными рисунками изъ Перигоръ во Франціи.

г) Азильская эпоха.

Конецъ магдаленской эпохи означаетъ въ то же время и конецъ ледниковаго періода, его послѣднiя фазы. Затѣмъ наступаетъ время, когда климатическія условiя въ общихъ чертахъ становятся тождественными съ нашимъ современнымъ умѣреннымъ лѣснымъ климатомъ, и это ведетъ къ развитiю какъ соотвѣтствующей флоры, такъ

и соответствующей фауны нашего времени. Арктическія и альпійскія животныя, равно какъ и обитатели степи исчезаютъ изъ средней Европѣ, мамонтъ и сибирскій носорогъ вымираютъ окончательно,—животнымъ, господствующимъ въ лѣсахъ, является благородный олень. И если эта „эпоха оленя“, которую намъ теперь предстоитъ разсмотрѣть, въ общемъ относится уже къ современному намъ геологическому періоду, то все же нѣкоторыя послѣднія узлы связываютъ ее съ четвертичнымъ періодомъ, — такими узлами являются присутствіе росомахи и льва, которые въ западной и въ средней Европѣ исчезли съ окончаніемъ четвертичнаго періода. Первобытная культура этого времени, судя по археологическимъ остаткамъ, принадлежитъ всецѣло къ концу палеолитическаго періода; искусство шлифованія камня, гончарное дѣло, земледѣліе и скотоводство, развитыя въ теченіе новѣйшаго каменнаго вѣка, т.-е. въ теченіе неолитическаго періода, еще совершенно неизвѣстны. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ укладомъ жизни, какой былъ характеренъ для палеолитическаго періода, идущаго теперь на убыль, постепенно угасающаго.

Свое наименованіе азильская эпоха получила по огромной, вырытой рѣкою пещерѣ Масъ-д'Азиль въ Аржежѣ, въ предгоріяхъ Пиренеевъ. Здѣсь горная рѣчка Ариза прорыла себѣ сквозь известняковый гребень настоящій туннель, въ который она вступаетъ широкими воротами въ 51 метръ ширины и въ 48 метровъ вышины; она

течетъ здѣсь на протяженіи 400 метровъ, подъ довольно большимъ уклономъ и, образуя значительныя извилины, затѣмъ выходитъ наружу и сбѣгаетъ въ котловину Масъ-д'Азиль. Направо и налево отъ настоящаго туннеля, прорытаго рѣкою, располагаются надъ ея уровнемъ боковыя пещеры, прорытыя отчасти также Аризою во время четвертичнаго періода, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ древніе рѣчные наносы на днѣ этихъ руселъ; огромныя, тяжелыя каменные глыбы, лежація въ современномъ руслѣ

Рис. 133. Входъ въ пещеру Масъ-д'Азиль въ Аржежѣ съ южной стороны.
(По фотографіи.)

Аризы, обнаруживаютъ, что и въ настоящее время атмосфера продолжаетъ свою разрушительную работу на потолокъ пещеры; значительный обвалъ образовалъ даже приблизительно по срединѣ пещеры вертикальную шахту, открывающуюся наверхъ и дающую въ пещеру свѣтъ. Начиная съ 1854 г., по этой пещерѣ проходитъ дорога, ведущая изъ Каркассона въ Сень-Жиронъ,—она проложена частью по руслу рѣки, частью по скалѣ.

Вполнѣ естественно, что подобное собраніе пещеръ сдѣлалось извѣстно въ свое время и первобытному населенію страны. Уже въ магдаленскую эпоху, какъ по правому, такъ и по лѣвому берегу Аризы, поселился первобытный человѣкъ и оставилъ послѣ себя мощные слои различныхъ отбросовъ. Послѣ этой эпохи онъ возвращался сюда въ теченіе почти всѣхъ послѣдующихъ эпохъ, пользуясь въ качествѣ прибрѣжища этимъ прекрасно защищеннымъ туннелемъ съ его обширными боковыми камерами. Археологическіе остатки, находящіеся здѣсь непрерывно, вызывали къ себѣ интересъ въ теченіе болѣе чѣмъ 50 послѣднихъ лѣтъ. Здѣсь были предприняты раскопки еще извѣстнымъ геологомъ аббатомъ Пуэшъ-де-Памье, а позднѣе профессорами Фильодемъ и Гарригу изъ тулузскаго университета, археологомъ Ладевезомъ изъ Масъ-д'Азиля и проф. Феликсомъ Реньо изъ Тулузы. Систематическое изслѣдованіе было начато, однако, лишь въ 1887 г., когда знаменитый археологъ Эдуардъ Пьеттъ предпринялъ кропотливыя и нерѣдко даже угрожающія жизни раскопки четвертичныхъ отложеній по обоимъ берегамъ Аризы. Эти раскопки увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ, хотя и не исчерпали всего, что можетъ дать эта область. Въ 1901 и 1902 г. аббатъ Брейль началъ вторичныя раскопки и въ главныхъ чертахъ закончилъ обслѣдованіе пещеры.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на интересныхъ результатахъ раскопокъ по правому берегу Аризы, въ срединѣ пещеры вырытой рѣкою, такъ какъ они исключительно принадлежатъ эпохѣ сѣвернаго оленя. Тѣмъ болѣе важными для насъ теперь являются раскопки по лѣвому берегу, начатыя непосредственно за изображенными здѣсь входными воротами пещеры, у лѣвой стѣны скалы. Здѣсь, между слоями, содержащими магдаленскія орудія, и слоями болѣе поздняго каменнаго вѣка, были найдены промежуточные слои, содержащіе самые типичные остатки азильской эпохи.

Слои, расположенные по лѣвому берегу, считая снизу вверхъ, были слѣдующіе:

- 1) Каменистая почва съ нѣкоторыми остатками очаговъ (толщиною 1,46 метра).
- 2) Черный культурный слой, относящійся къ средней магдаленской эпохѣ (остатки очаговъ, многочисленныя кости сѣверныхъ оленей и кремневыя орудія; иглы и гарпуны изъ оленьяго рога. Мощность 0,83 метра).
- 3) Тонкослоистая, иловатая глина, происшедшая отъ выхожденія изъ береговъ Аризы (мощность 1,50 метра).
- 4) Черный культурный слой, относящійся къ новѣйшей магдаленской эпохѣ (множество гарпуновъ, украшеній и гравированныхъ изображеній; сѣверный олень встрѣчается рѣже, благородный олень попадаетъ чаще). Мощность 0,30 метра.
- 5) Глина, происшедшая отъ разлива водъ какъ въ слѣд третьемъ (1,24 метра толщиною).
- 6) Слой, содержащій остатки азильской эпохи (0,15—0,50 метровъ).

7) Наступленіе новѣйшаго каменнаго вѣка—эпоха, названная Пьеттомъ „аризскою“. Между свѣтлыми, красноватыми и сѣрыми полосами пепла, происшедшаго исключительно отъ древеснаго угля, имѣются настоящіе слои, образованные раковинами лѣсной улитки (*Helix nemoralis*). Изъ остатковъ фауны явствуется, что въ тѣ времена существовали лошадь, быкъ, благородный олень и кабанъ. Имѣлись костяныя шила и

другія орудія, отполированные каменные орудія въ видѣ скребковъ и топоровъ; небольшое число гарпуновъ изъ оленьяго рога. Здѣсь же впервые появляются остатки гончарныхъ издѣлій (мощность слоя 0,10—0,60 метра).

8) Типичные остатки неолитическаго періода и бронзоваго вѣка (мощность 0,30—1,20 метра).

9) Остатки желѣзнаго вѣка и галльско-римскаго періода; современный наносъ (мощность 0,20—0,50 метра).

Обратимся теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію содержамаго 6-го азильскаго слоя. Онъ состоялъ изъ красноватой глины, содержавшей большое количество золы и окиси желѣза; среди этой глины находились остатки настоящихъ очаговъ. Кости животныхъ принадлежали совершенно современнымъ формамъ, среди нихъ не было и слѣда сѣверныхъ оленей или другихъ какихъ-нибудь видовъ, свойственныхъ ледниковому періоду. По частотѣ находженія первое мѣсто принадлежитъ благородному оленю, затѣмъ идутъ лань, бурый медвѣдь, дикій кабанъ, барсукъ, дикая кошка, бобръ, различные виды птицъ, форель, щука и жабы. Многочисленные остатки бобровъ и рыбъ заставляютъ думать, что въ тѣ времена въ этой мѣстности было много прѣсноводныхъ водоемовъ и прудовъ, такъ что тамъ могли селиться бобры, и было развито рыболовство. Точно также и обиліе костей дикихъ кабановъ и жабъ свидѣтельствуетъ о присутствіи большихъ болотистыхъ пространствъ. О значительно большей влажности климата, чѣмъ въ настоящее время, говорятъ огромныя скопленія раковинъ улитокъ въ раннихъ неолитическихъ отложеніяхъ, именно въ 7-мъ слое — находящіяся тамъ раковины лѣсной улитки (*Helix nemoralis*), очевидно, собиравшіяся и поѣдавшіяся человекомъ, встрѣчаются преимущественно во влажныхъ мѣстахъ и со времени новѣйшихъ отложеній каменнаго вѣка не попадаютъ болѣе въ окрестностяхъ пещеры Масъ-д'Азиль.

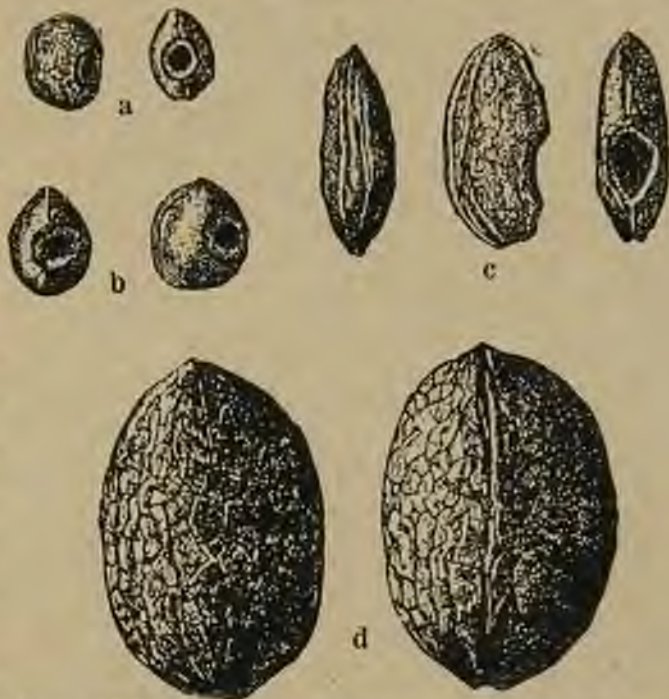

Рис. 134. Зерна плодовъ, неправильно приписанныя Пьеттомъ азильской эпохѣ. а—терновникъ, б—вишня, с—слива, d—грецкій орѣхъ. (По Пьетту.)

Довольно неожиданнымъ явилось сообщеніе Пьетта, что въ азильскую эпоху существовали уже и нѣкоторыя настоящія полезныя растенія. Въ эту эпоху мы находимся въ началѣ современнаго климатическаго періода, и было бы чрезвычайно интересно узнать, какія полезныя растенія въ тѣ времена употреблялись человекомъ. Уголья очаговъ, нерѣдко, впрочемъ, поддерживавшихся сжиганіемъ жира животныхъ, указываютъ на присутствіе обильной древесной растительности. Еще болѣе опредѣленные ботаническія указанія видитъ Пьеттъ въ присутствіи желудей дуба и сѣмянъ боярышника, въ присутствіи множества сѣмянъ терновника, лѣсныхъ орѣховъ, зеренъ пшеницы, косточекъ вишни и сливы и грецкихъ орѣховъ (рис. 134). Ядра этихъ зеренъ были болѣею частью надрѣзаны и, какъ полагаетъ, по крайней мѣрѣ, Пьеттъ, эти ядра служили, по всеѣмъ вѣроятіямъ, для приготовленія одуряющихъ напитковъ. Всѣ эти находки, послѣ тщательной провѣрки, вмѣстѣ съ Картальякомъ и Брейлемъ, я считаю за открытія, не имѣющія большой цѣны, такъ какъ нельзя, какъ мнѣ кажется, установить со сколько-нибудь достаточной увѣренностью, что эти остатки плодовъ одновременны съ азильскими отложеніями, хотя они и располагаются въ тѣхъ же слояхъ.

Дѣло въ томъ, что пещера Масъ-д'Азиль и въ настоящее время еще сильно населена крысами, роющими ходы въ землѣ и собирающими тамъ зимніе запасы. Такимъ образомъ, вполне возможно, что на глубину попадали современные сѣмена и зерна, принимавшія затѣмъ окраску азильскихъ слоевъ, но не относящіяся вовсе къ тому же времени. За это говорить съ полною очевидностью и то ясное уже изъ рисунковъ обстоятельство, что зерна эти не надрѣзаны, а выгрызаны. Потому эти находки Пьетта должно совершенно исключить изъ разсмотрѣнія, какъ находки ошибочныя.

Каменные орудія этого азильскаго слоя обнаруживаютъ большей частью формы, свойственныя магдаленской эпохѣ, и смѣшать ихъ съ новѣйшими неолитическими типами довольно трудно; полный упадокъ наблюдается въ производствѣ костяныхъ издѣлій — среди нихъ замѣчаются лишь обыкновенныя шила изъ кости, иглы и приспособленія для разглаживанія; наконечники копій и гарпуновъ совершенно отсутствуютъ. Нѣтъ также и слѣда гравировки и скульптурныхъ изображеній изъ кости; отсутствуютъ совершенно

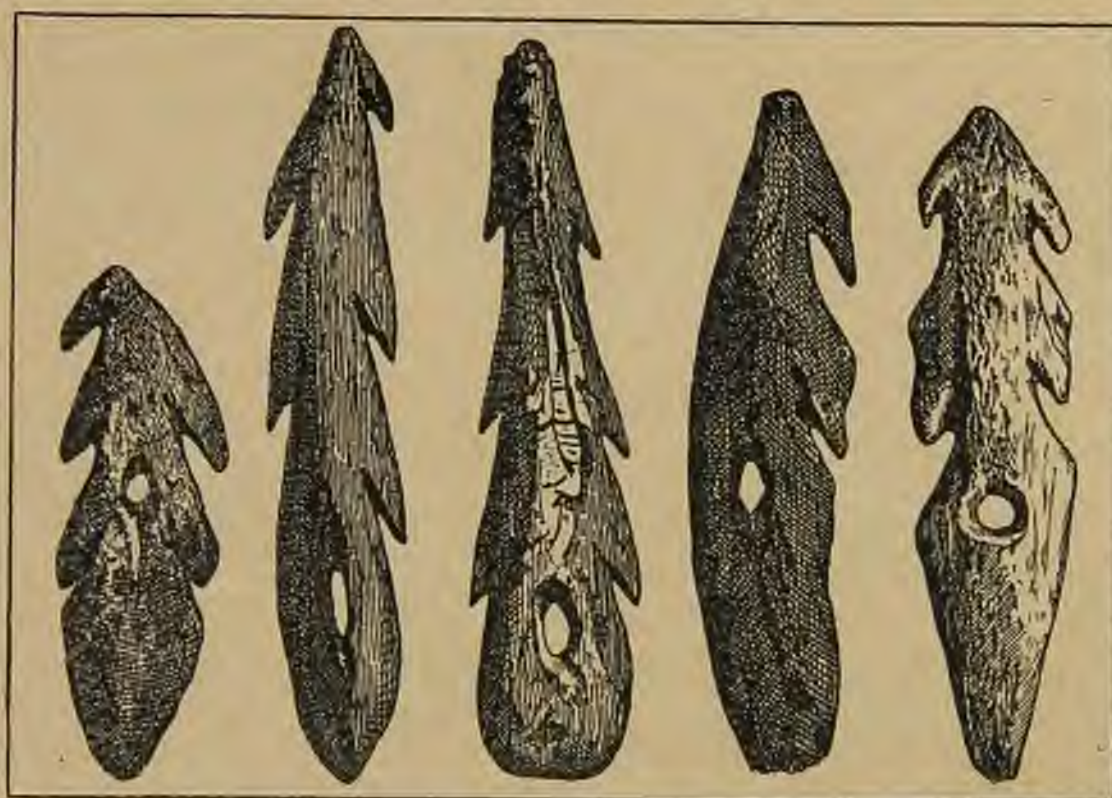

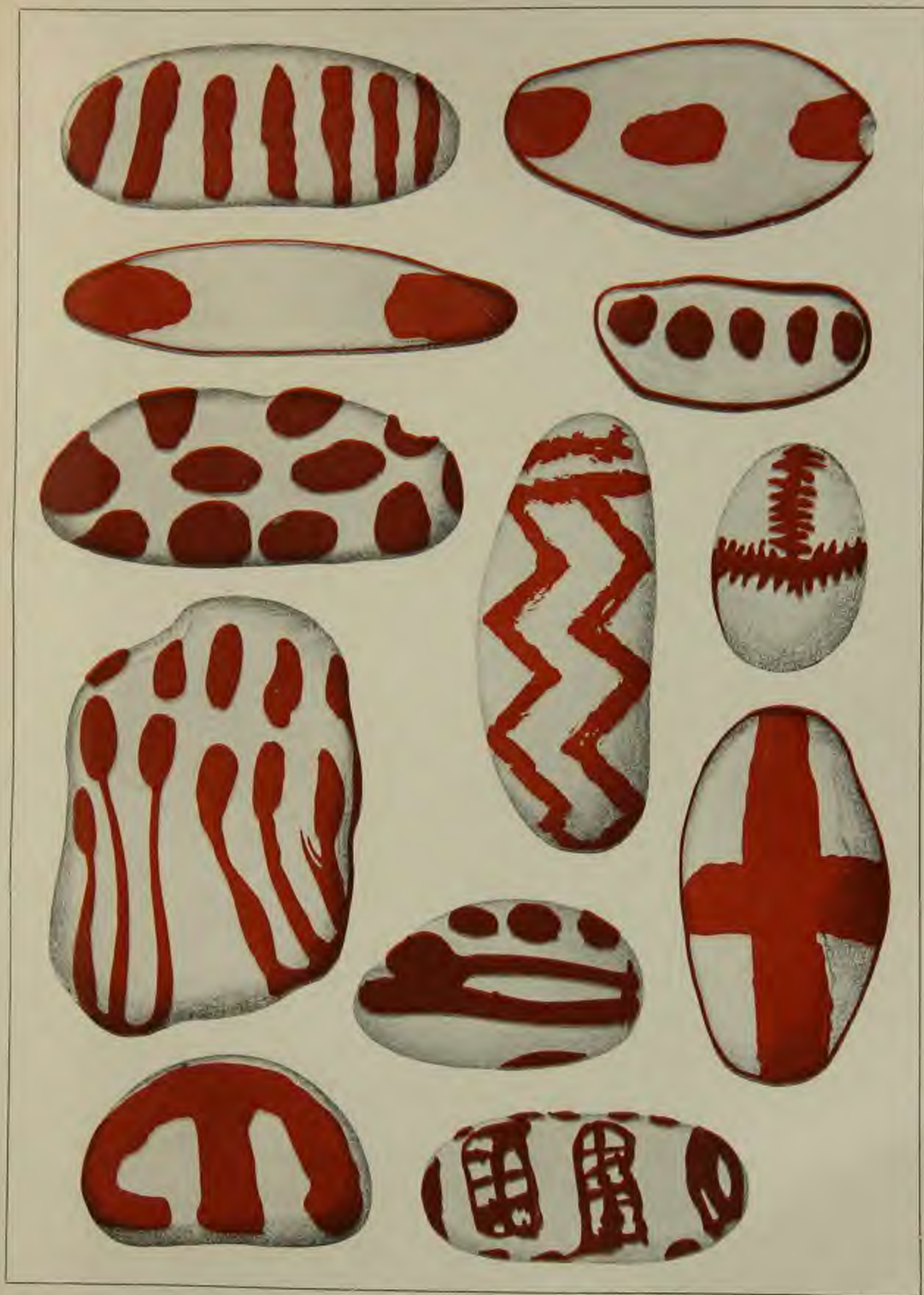
Рис. 135. Гарпуны изъ оленьяго рога азильской эпохи изъ пещеры Масъ-д'Азиль.

(1/4 наст. вел. По Пьетту.)

гораздо менѣе искусно, чѣмъ первые, снабжены однимъ или двумя рядами направленныхъ назадъ зубцовъ безъ всякой болѣе тонкой обработки. Новою является и форма ихъ: азильскіе гарпуны широки и плоски, что объясняется уже природою примѣнявшагося для изготовленія ихъ матеріала. Дѣло въ томъ, что внутренняя часть рога благороднаго оленя гораздо рыхлѣе и оказывается болѣе губчатою, чѣмъ таковая сѣвернаго оленя, почему гарпуны приходилось вырѣзать исключительно изъ болѣе плотнаго наружнаго слоя рога, и они вслѣдствіе этого получали болѣе плоскую форму. У основанія большинство этихъ наконечниковъ имѣетъ просверленное круглое или овальное отверстіе. Пьеттъ собралъ въ пещерѣ Масъ-д'Азиль болѣе тысячи такихъ наконечниковъ, что свидѣтельствуетъ о богатомъ развитіи рыболовства въ тѣ времена въ сосѣднихъ прудахъ и водоемахъ (рис. 135).

Совершенно неожиданнымъ открытіемъ были раскрашенныя гальки, найденныя Пьеттомъ тамъ же въ чрезвычайно большомъ количествѣ (табл. XIII). Это плоскія, круглыя или продолговатыя гальки, какія всюду имѣются въ руслѣ Аризы.

просверленные зубы оленя, кабана и медвѣдя, служащія для украшенія; раковины, однако, еще собирались и примѣнялись въ качествѣ ожерелій или нашивались на одежды. Фишеръ опредѣлилъ среди нихъ два ископаемыхъ вида (*Cerithium margaritaceum* и *Turritella sp.*) и 12 нынѣ живущихъ. Въ-мѣсто цилиндрическихъ узкихъ гарпуновъ изъ рога сѣвернаго оленя встрѣчаются такіе же изъ рога благороднаго оленя, но они сдѣланы

Раскрашенные гальки изъ Масъ-д'Азиль.

Онѣ сѣраго или бѣловатаго цвѣта и разрисованы самымъ различнымъ способомъ красной краской, именно кровавикомъ (окисью желѣза), то болѣе свѣтлаго, то болѣе темнаго тона; краска эта встрѣчается въ естественномъ состояніи повсюду въ окрестностяхъ пещеры. Эту желѣзную руду, очевидно, растирали въ тонкій порошокъ и смѣшивали затѣмъ съ саломъ, мозгомъ или смолистыми веществами, при чемъ для растиранія пользовались выдолбленными и плоскими камнями или раковинами морского гребешка (*Pecten jacobaeus*). Наносилась краска на гальки съ помощью кисти, палочки или часто, быть-можетъ, просто пальцемъ. Обыкновенно разрисована лишь одна сторона камня, хотя имѣются и двустороннія разрисованныя гальки. Въ рѣдкихъ случаяхъ вся поверхность гальки окрашивалась въ свѣтло-розовый цвѣтъ и затѣмъ уже по этому фону наносился особый рисунокъ; чаще край гальки окаймлялся цвѣтной полосой и затѣмъ разрисовывалась середина. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ въ высшей степени своеобразныхъ рисунковъ, весьма притомъ примитивныхъ и не имѣющихъ характера художественности, мы должны отмѣтить, что подлинность древности этихъ разрисованныхъ галекъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Пьеттъ при своихъ раскопкахъ пригласилъ въ качествѣ свидѣтелей другихъ весьма компетентныхъ археологовъ, напримѣръ, Буля и Картальяка, и они подтверждаютъ его данныя. Помимо того, и другіе изслѣдователи позднѣе, даже въ совершенно другихъ пещерахъ, о которыхъ намъ предстоитъ говорить далѣе, нашли тождественныя гальки въ тѣхъ же самыхъ азильскихъ отложеніяхъ. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ находеніе уже въ 1874 г. въ пещерѣ Де-ла-Крузадъ, около Нарбонны, двухъ раскрашенныхъ галекъ, которыя тогда не обратили, однако, на себя вниманія и хранились въ Каркассонскомъ музеѣ, пока не были вторично тамъ открыты Картальякомъ. Что подобныя раскрашенныя гальки могли сохраниться до настоящаго времени, несколько не удивительно, особенно послѣ того, какъ мы познакомились съ еще болѣе древними рисунками на стѣнахъ пещеръ, относящимися къ предыдущимъ эпохамъ четвертичнаго періода; смѣшеніе краски съ жирными веществами несомнѣнно содѣйствовало ей лучшему сохраненію, равно какъ и то обстоятельство, что гальки эти въ пещерѣ Масъ-д'Азиль хранились въ совершенно сухомъ слоѣ пыли.

Своеобразные рисунки на галькахъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одну изъ нихъ Пьеттъ истолковываетъ какъ цифры, другую—онъ считаетъ графическими значками. Если начать съ разсмотрѣнія группы его „цифръ“, то сюда должны быть отнесены всѣ камни, на которыхъ имѣются простыя параллельныя линіи. Въ такомъ случаѣ гальки съ одной полосой должны изображать цифру 1, съ тремя полосами—цифру 3 и т. д. (рис. 136, *a, c*). Имѣются гальки, несущія до 8 полосъ на одной сторонѣ, тогда какъ галекъ, соответствующихъ цифрѣ 9, не извѣстно. Пьеттъ предполагаетъ такимъ образомъ, что это были камни для счета, служившіе для того, чтобы запоминать числа, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ. Другія гальки украшены кружками (рис. 136, *b*) и окаймлены обыкновенно полосой. Быть-можетъ, онѣ представляютъ собою число, являющееся основой системы счисления, напримѣръ, цифру 10, если въ азильскій періодъ была десятичная система, какъ въ настоящее время, или цифру 9, если это число было основой счисления. Три кружка въ такомъ случаѣ должны были изображать собою 30 или же 27; и въ данномъ случаѣ, опять-таки, отсутствуетъ изображеніе 9, но среди этихъ галекъ съ кружками имѣются экземпляры, содержащіе до 23 круглыхъ точекъ. На нѣкоторыхъ камняхъ замѣчаются овальныя фигуры, всегда соприкасающіяся съ краемъ камня; эти значки можно считать квадратами основнаго числа (рис. 136, *d*), и въ этомъ случаѣ мы находимъ опять комбинированныя изображенія, со-

держація, помимо такихъ овальныхъ фигуръ, также и свободные кружки. Еще сложнѣе было бы счисленіе, если бы придавать специальное значеніе рѣже встречающимся фигурамъ въ видѣ нарисованныхъ и выгравированныхъ линий (рис. 136, *e*) или въ видѣ нарисованныхъ зигзагообразныхъ линий. Дѣло въ томъ, что среди большого числа галекъ, несущихъ совершенно простыя линии и точки, имѣются и зубчатые или развѣтвленные образцы (рис. 136, *f, g*). Не останавливаясь пока на подробностяхъ, мы можемъ указать лишь на то, что дѣло касается здѣсь вопросовъ, находящихся исключительно въ предѣлахъ гипотезъ и предположеній, и о толкованіяхъ сколько-нибудь прочно обоснованныхъ вообще не можетъ быть и рѣчи. Не подлежитъ сомнѣнію лишь, что такія „числовыя гальки“ имѣли своимъ назначеніемъ отмѣчать числа или другія какія-либо связанныя съ числами обстоятельства. По отношенію къ низшимъ единицамъ это совершенно ясно, но при переходѣ къ болѣе сложнымъ высшимъ числовымъ системамъ становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что трудно сказать, имѣло ли смыслъ и практическое значеніе для людей азильскаго періода производить болѣе сложныя ариметическія счисленія. Быть-можетъ, полосы и кружки изображали тѣ же

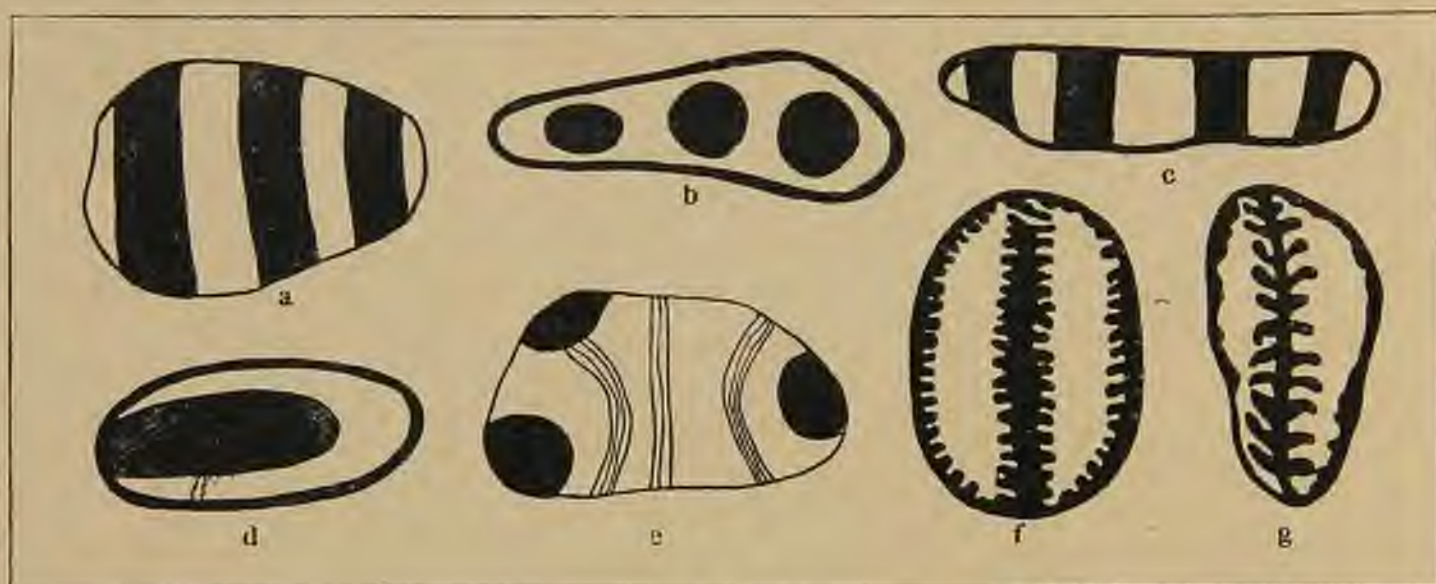

Рис. 136. Разрисованныя гальки изъ Мась-д'Азиль, будто-бы изображающія числа.
(По Пьетту.)

самыя цифры и примѣнялись лишь въ разное время къ разнымъ объектамъ, которые считали и отмѣчали. Въ такой же степени вѣроятно, что это были объекты магическаго культа, волшебства, или просто камни для игры, въ родѣ нашего домино или лото; менѣе допустимо, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою опыты рисованія, предпринятыя лишь для препровожденія времени. Пьеттъ, впрочемъ, допускаетъ возможность и такого толкованія.

Еще труднѣе истолковать значеніе „символически разрисованныхъ галекъ“. Среди нихъ мы находимъ въ качествѣ символическихъ изображеній прежде всего кресты, которые нерѣдко тщательно окаймлены цвѣтною полосой (рис. 137, *a*). Спрашивается, не являются ли они, подобно тому какъ въ древней Ассиріи, Халдеѣ и Индіи, символомъ бога-солнца? Встрѣчаются, однако, и трехлучевые кресты, а также кресты, украшенные зубцами или кресты въ видѣ буквы Т (рис. 137, *b*). Солнце напоминаетъ непосредственно зубчатый кружокъ, окаймленный также зубчатымъ вѣнкомъ (рис. 137, *c*). Въ качествѣ символовъ можно разсматривать также изображенія, приближающіяся по очертаніямъ къ естественнымъ предметамъ окружающей среды. Сюда Пьеттъ причисляетъ змѣеобразныя изображенія (рис. 137, *d*), изображенія въ видѣ деревьевъ

или лѣстницъ (рис. 137, *e*), фигуры, напоминающія глазъ (рис. 137, *f*), напоминающія гарпуны, мохъ и камыши (рис. 137, *g*) и различныя стилизованныя геометрическія линіи (рис. 137, *h*). При этомъ изображенія эти выполнены такъ примитивно, что трудно дать имъ сколько-нибудь опредѣленное толкованіе.

Последній классъ разрисованныхъ галеокъ представляетъ собою формы, истолковываемыя Пьеттомъ, какъ знаки алфавита. Дѣйствительно, мы имѣемъ цѣлый рядъ изображеній, поразительно напоминающихъ буквы алфавита, — либо алфавита финикійскаго, либо греческаго или даже латинскаго. Такъ, нѣкоторыя фигуры напоминаютъ по формѣ букву „*Pa*“ кипріотовъ (рис. 138, *a*), по изслѣдованіямъ Артура Иванса, найденную въ эгейско-критскихъ надписяхъ, или греческую букву „*Xi*“, какъ она изображается въ Аргосѣ, Родосѣ, Милетѣ и Сиракузахъ. Имѣются также формы, соответствующія финикійскому „*Wau*“, изъ котораго произошелъ греческій ислонъ (*b*), буквы „*We*“ и „*Mo*“ кипріотовъ и буквы „*Ain*“ и „*Heth*“ финикійянъ. Другія изображенія (рис. 138, *c*) напоминаютъ нѣкоторыя древне-тройскія буквы, похожія на кипріотское „*Ko*“ и „*Go*“. Еще болѣе замѣчательно сходство съ готическимъ „*M*“ (*e*) и съ латинскимъ „*L*“, которое при другомъ положеніи представляетъ собою финикійское „*Gimel*“ или греческую гамму. Комбинированные алфавитные знаки представляютъ собою гальки, изображенныя на рис. 138, *g* и *h*. Въ общей сложности 9 азильскихъ значковъ тождественны со знаками кипріотскаго алфавита именно съ *Ko*, *Pa*, *Mo*, *Lo*, *Ri*, *We*, *Sa*, *Ti* и *Ta* и 11 — со знаками эгейскихъ письменъ. Еще значительно сходство многихъ знаковъ съ древнефиникійскими буквами, изъ которыхъ, какъ извѣстно, развился позднѣе греческій алфавитъ: изъ 23 буквъ финикійянъ мы находимъ 13 изображенными на азильскихъ галькахъ, — именно буквы *Aleph*, *Gimel*, *Wau*, *Digamma*, *Zain*, *Heth*, *Teth*, *Samech*, *Ain*, *Sin*, *Tau*, *He* и *Jod*.

Можно ли изъ всего этого заключить на самомъ дѣлѣ, какъ это предполагаетъ Пьеттъ, что пещера Масъ-д'Азиль „представляетъ собою какъ бы огромную школу,

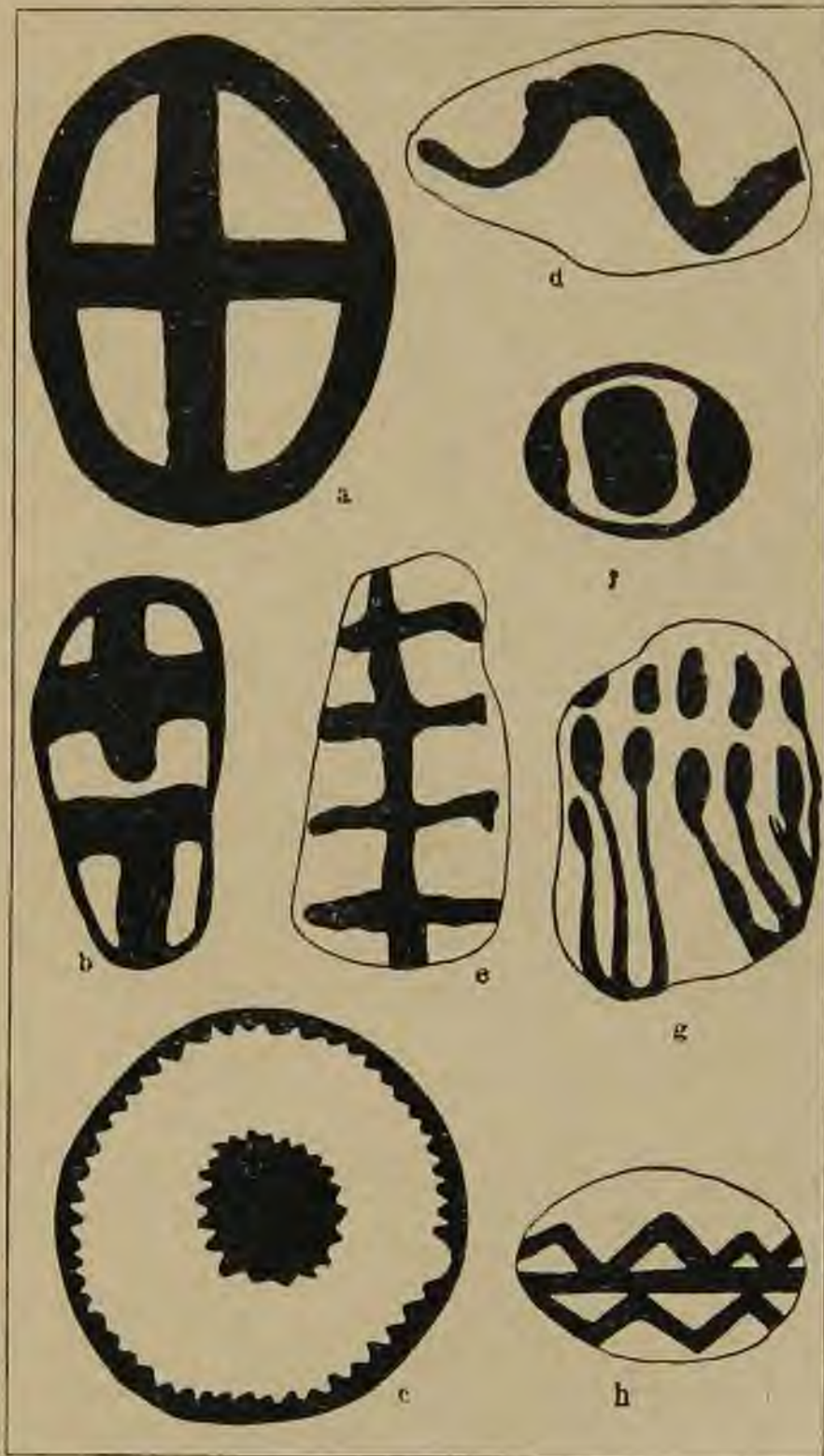

Рис. 137. Разрисованныя гальки пещеры Масъ-д'Азиль съ «символическими» узорами.
(По Пьетту.)

гдѣ учили и учились чтенію, письму, счету и символамъ религіознаго культа“, и что оттуда „финикійскіе мореплаватели“ получили свой алфавитъ въ томъ смыслѣ, что они заимствовали графическіе знаки у обитателей азильской эпохи, видоизмѣнили ихъ и приспособили къ звукамъ своего языка? Такое представленіе было бы ужасающимъ анахронизмомъ! Намъ прекрасно извѣстно, что первыми предтечами настоящей письменности были символическіе знаки въ видѣ жезловъ посланцовъ, шнурковъ съ узелками. Затѣмъ послѣдовало воспроизведеніе понятій съ помощью изображеній предметовъ, какъ это и въ настоящее время еще примѣняется индѣйцами Сѣверной Америки. Изъ этого изобразительнаго письма развились древнѣйшіе іероглифы вавилонянъ, египтянъ, китайцевъ и мексиканцевъ,—іероглифы, имѣвшіе явственный характеръ изображеній (они появились приблизительно за 5000—4000 л. до Р. Хр.). Отсюда возникла генетически связанная съ іероглифами письменность, состоявшая въ изображеніи опре-

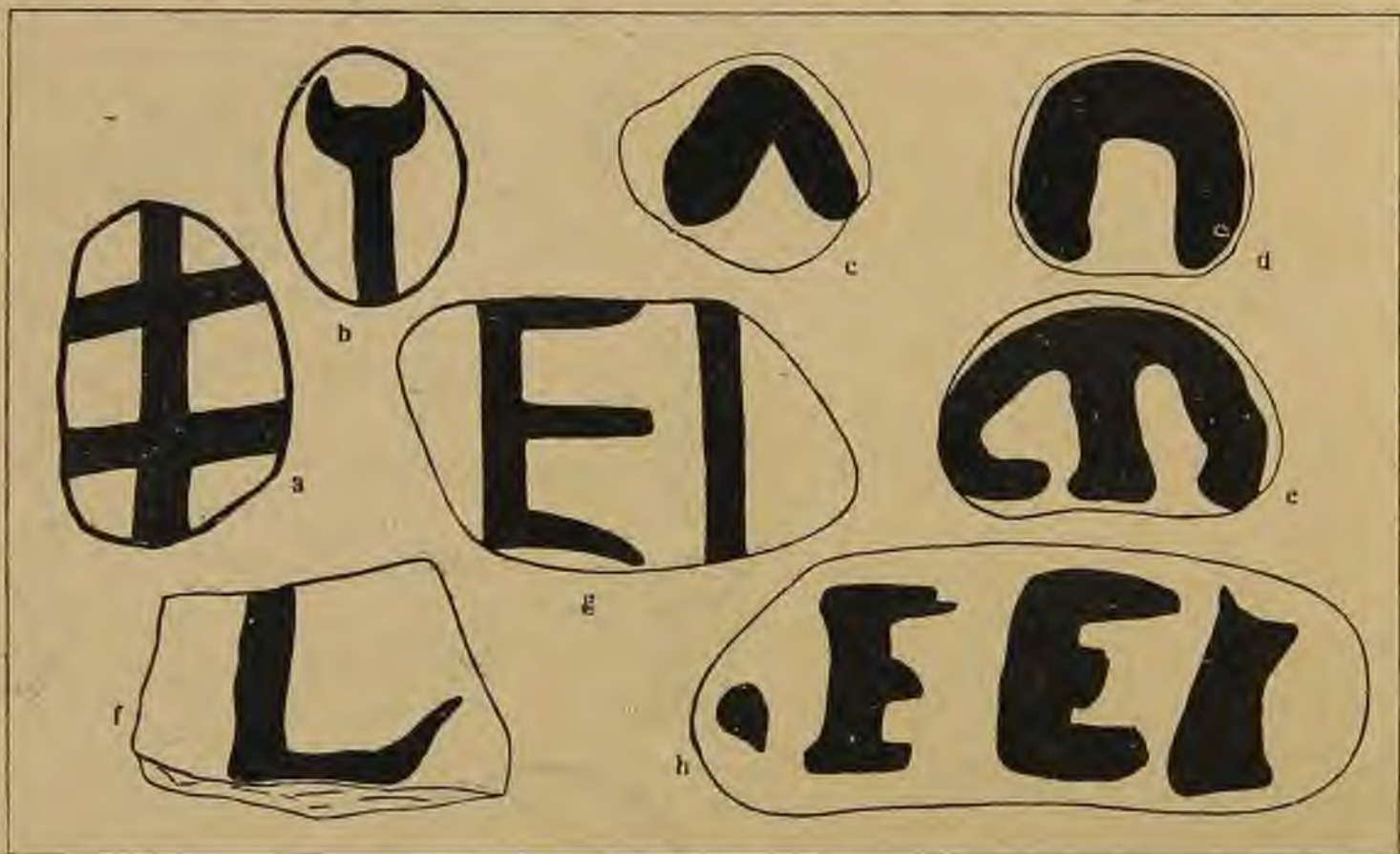

Рис. 138. Разрисованныя гальки пещеры Мабъ-д'Азиль съ такъ называемыми буквами алфавита.
(По Пьетту.)

дѣленными начертаніями перваго слога того слова, которое желательно передать. Наконецъ, отсюда въ послѣдствіи (уже, вѣроятно, около 2000 л. до Р. Хр.) выработался способъ начертанія буквами, появившійся сперва въ Передней Азіи, но первичныя формы этихъ 22 согласныхъ еще не были найдены. Какъ бы то ни было, уже изъ этихъ краткихъ данныхъ о возникновеніи письменности можно заключить, что совершенно немисливо предположить, чтобы обитатели азильской эпохи, жившіе за нѣсколько тысячелѣтій до существованія древнѣйшаго азіатскаго іероглифическаго письма, могли бы обладать уже идеальнымъ буквеннымъ письмомъ, какъ бы свалившимся прямо съ неба, при отсутствіи всѣхъ тѣхъ стадій, которыя ему предшествовали. Не менѣе удивительно было бы и то обстоятельство, что это драгоцѣннѣйшее открытіе снова исчезло въ данной мѣстности, не оставивъ никакого слѣда, такъ какъ затѣмъ лишь въ римскій періодъ Галлія снова получила письменность. Такимъ образомъ, сходство значковъ азильской эпохи съ письменами послѣдующихъ алфавитовъ является, несомнѣнно, лишь слу-

чайнымъ и вѣшнымъ; при этомъ интересно, конечно, отмѣтить, что начертанія, которыми позднѣе воспользовались въ качествѣ буквъ, появляются уже въ столь отдаленныя времена,—мы не знаемъ, однако, ничего рѣшительно объ ихъ значеніи.

Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что разрисованныя гальки пещеры Масъ-д'Азиль имѣютъ нѣкоторыя этнологическія параллели. Путешественникъ А. Б. Кукъ указалъ на то, что у племени арунта центральной Австраліи, въ каждой группѣ населенія имѣется складъ „шуринга“, т.-е. пещера, гдѣ находится шуринга каждого изъ членовъ данной группы, безразлично какъ мужчины, такъ и женщины, при чемъ эти шуринга тамъ тщательно охраняются. Австралиецъ видитъ въ „шуринга“ воплощеніе одного изъ своихъ предковъ, духъ коего перешелъ въ него и свойства коего онъ унаслѣдовалъ. Эти шуринга приготовляются изъ дерева, но часто дѣлаются также и изъ камня и въ послѣднемъ случаѣ очень сходны по формѣ и по раскраскѣ съ азильскими гальками. Не должны ли, такимъ образомъ, послѣднія свидѣтельствовать о вѣрованіяхъ въ духовъ, которыхъ, быть-можетъ, даже можно заставить говорить съ помощью подобнаго каменнаго или костяного амулета, носившагося на шеѣ? Въ этомъ случаѣ азильскіе рисунки на галькахъ должны представлять собою не что иное, какъ „тотемы“ или символы предковъ, получившіе уже весьма условную, такъ сказать, геральдическую форму.

Наконецъ, въ томъ же самомъ слоѣ Пьеттъ нашелъ и два человѣческихъ скелета. Онъ предполагаетъ, что они долгое время лежали на воздухѣ и свободно разлагались, такъ какъ въ нихъ отсутствуютъ мелкія кости, и затѣмъ, вѣроятно, они были выскоблены кремневыми ножами и совершенно очищены отъ мягкихъ частей; послѣ этого ихъ окрасили въ красный цвѣтъ окисью желѣза и окончательно похоронили. Однако, по мнѣнію Заборовекаго, слѣды скобленія ножами сомнительны.

Одновременнымъ съ пещерою Масъ-д'Азиль является еще цѣлый рядъ мѣсто-нахожденій въ предѣлахъ Франціи; въ нихъ нѣтъ остатковъ сѣвернаго оленя, и въ качествѣ главнаго животнаго, служившаго добычею человѣка, выступаетъ благородный олень; въ то же время слои съ этими отложеніями ограничиваютъ сверху отложенія четвертичнаго періода. Сюда относятся, прежде всего, расположенныя въ Пиренейскомъ департаментѣ Арьежъ пещеры Масса и Монфоръ, около Сенъ-Лизьера, гдѣ Реньо собралъ классическую коллекцію гарпуновъ изъ оленьяго рога и коллекцію раскрашенныхъ галекъ, а также пещера Ла-Вашъ около Алліа, недалеко отъ Тараскона. Сюда же принадлежитъ и изслѣдованный Пьеттомъ гротъ Лортэ на рѣкѣ Нестъ въ Верхнихъ Пиренеяхъ, гдѣ въ совершенно правильной послѣдовательности представлены всѣ культурныя ступени, начиная отъ солютрейской эпохи и вплоть до азильской. Сюда же должна быть причислена пещера Оранзанъ, около Баньеръ-де-Бигорра, на Адурѣ, содержащая два мощныхъ слоя съ *Helix nemoralis*, въ верхнихъ отложеніяхъ съ остатками очаговъ, и Лурдская пещера, объ обильныхъ сокровищахъ которой, относящихся къ магдаленской эпохѣ, мы уже ранѣе упоминали. Слои, содержащіе гарпуны изъ оленьяго рога, найдены также въ пещерѣ Рельякъ въ Ло, которая была изслѣдована Картальякомъ и Булемъ, въ пещерѣ Ла-Брикъ въ Гардѣ, въ пещерѣ Дюфоръ, около Сорда въ Ландахъ, и въ пещерѣ Ла-Маделенъ, въ Дордони. Очень извѣстна также пещера Ла-Турасъ, расположенная недалеко отъ Сенъ-Мартори у подножья известняковой скалы Монъ-Пеца на Гароннѣ. Раскопки, произведенныя тамъ, къ сожалѣнію, безъ достаточной тщательности, археологами Шамэзономъ и Дарбасомъ, показали, что надъ слоемъ, содержащимъ новѣйшія магдаленскія орудія, располагается большое число костей благороднаго оленя, очень немного остатковъ сѣвернаго оленя,

попавшихъ туда, быть-можетъ, изъ болѣе глубокихъ слоевъ, и, кромѣ того, кости бурого медвѣдя, кабана, дикаго быка, барсука, бобра, лани, зубра, дикой лошади, лося и льва; вмѣстѣ съ ними нашлись смѣшанные съ остатками золы и углей многочисленныя, довольно плохо изготовленныя каменные орудія и нѣсколько гарпуновъ изъ оленьяго рога и раскрашенныхъ галекъ. Г. де Мортилье назвалъ по имени этого мѣстонахожденія заключительную стадію палеолитическаго періода— „турасской эпохой“. Это, однако, не только не имѣетъ никакихъ основаній, въ виду того, что пещера Ла-Турассъ, по сравненію съ пещерой Масъ-д'Азиль, является по бѣдности своего содержимаго однимъ изъ худшихъ мѣстонахожденій этой стадіи, но и совершенно неправильно въ силу того обстоятельства, что Пьеттъ еще до открытія Ла-Турассъ неоднократно указывалъ уже, что Масъ-д'Азиль имѣетъ характеръ переходной ступени къ неолитическому періоду. Ближе всего къ предѣламъ средней Европы, изъ всѣхъ другихъ мѣстонахожденій азильской эпохи, является мѣстность Бобашъ въ Веркорѣ, изслѣдованная Г. Мюллеромъ изъ Гренобля. Здѣсь азильскія отложенія покоятся на слояхъ новѣйшаго магдаленскаго періода и содержатъ на ряду съ богатой серіей кремневыхъ орудій 4 раскрашенныя гальки, открытыя въ 1909 году. Фауна этой эпохи была уже вполне нынѣшней и заключала, между прочимъ, горнаго козла, сурка и лося.

Рис. 139. Кремневые орудія типа «тарденуазъ». (2/3 наст. велич.) (По де Мортилье.)

Устраняя совершенно „турасскую эпоху“, какъ излишнее обозначеніе, мы считаемъ точно также необходимымъ, присоединить къ азильской эпохѣ и еще одну ступень—такъ называемую „тарденуазскую эпоху“, названную такъ по своему главному мѣстонахожденію—Феръ-анъ-Тарденуа въ департаментѣ Энъ. Эта эпоха отличается чрезвычайно мелкими микролитическими кремневыми орудіями и въ своемъ классическомъ мѣстонахожденіи, находящемся подъ открытымъ небомъ, не обнаружила пока никакихъ остатковъ фауны и никакихъ издѣлій изъ кости

и изъ глины. Она не имѣетъ ничего общаго съ болѣе поздними періодами каменнаго вѣка, но, по своему правильному напластованію, должна быть отнесена къ современному геологическому періоду, почему нерѣдко перемѣшана съ остатками неолитическихъ слоевъ. Ея кремневые орудія, однако, имѣющія ромбическую, трапецевидную, треугольную или округлую форму, произошли, очевидно, изъ мастерскихъ кремневыхъ орудій магдаленскаго времени; они несутъ явственный палеолитическій отпечатокъ (рис. 139).

Въ 1909 г. въ сѣверной Испаніи, въ пещерѣ Валлэ, около Гибайя (провинція Сантандеръ), вмѣстѣ съ археологами Брейлемъ и Буйссонье удалось, къ величайшему нашему изумленію, открыть надъ богатыми содержимымъ слоями магдаленской эпохи классическіе азильскіе слои съ цѣлой коллекціей плоскихъ гарпуновъ изъ оленьяго рога самыхъ разнообразныхъ формъ и съ большимъ количествомъ раковинъ улитокъ. Здѣсь были богато представлены и мелкіе кремневые инструменты, среди которыхъ мы нашли всю ту серію орудій, какая отмѣчалась французскими изслѣдователями для мѣстонахожденій тарденуазской эпохи. Такимъ образомъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что азильская и тарденуазская эпохи приблизительно совпадаютъ, и этимъ рѣшается и давнишній споръ: послѣдняя представляетъ собою не болѣе, какъ стадію первой, расположенную подъ открытымъ небомъ, — она, слѣдовательно, значительно древнѣе неолитическихъ отложеній, почему ея орудія, изготовленныя изъ кости, очевидно, въ данныхъ условіяхъ совершенно разложились и исчезли.

Азильская эпоха распространяется и на Англію. Непосредственно у прибрежнаго городка Обанъ, въ западной Шотландіи, имѣются въ песчаниковыхъ скалахъ многочисленныя пещеры: пещера Мэкей, пещера Гасъ-Уорксъ, пещера Дистиллери и, наконецъ, пещера Мэкъ-Артуръ, названная такъ по своему владѣльцу и изслѣдованная въ 1895 г. Андерсономъ. Эта послѣдняя пещера, глубиною въ 8 метровъ, при ширинѣ въ 6—7 метровъ, обнаружила слѣдующіе слои:

a) Сверху современный перегной. b) Верхній слой раковинъ (толщиною 0,70—1 метръ). c) Слой гальки.	d) Нижній слой раковинъ. e) Слой гальки. f) Скала.

Слой *a* не имѣетъ для насъ особаго интереса, такъ какъ онъ современнаго происхожденія; болѣе важнымъ является отложеніе *b*, состоящее изъ огромныхъ скопленій съѣдобныхъ морскихъ двустворчатыхъ моллюсковъ (*Ostrea, Patella, Pecten*), смѣшанныхъ съ остатками крабовъ, съ костями млекопитающихъ и рыбъ, съ кусками углей и слоями золы. Здѣсь, слѣдовательно, жило въ прежнія времена прибрежное населеніе за счетъ рыболовства и ловли раковинъ, и это дѣлаетъ понятнымъ, почему многія кости животныхъ раздроблены и обожжены. Весь слой покоится на слоѣ гальки, занесенной моремъ въ періодъ болѣе низкаго положенія берега. Однако, еще до наступленія катастрофы пещера была также населена, — объ этомъ свидѣтельствуютъ остатки, находящіеся во второмъ слоѣ раковинъ (*b*), который состоитъ въ общихъ чертахъ изъ того же, изъ чего и слой *b*. Фауна этихъ слоевъ, опредѣленная Вильямомъ Турнеромъ и Джемсомъ Симпсономъ, заключала благороднаго оленя, лань, узколобаго быка, дикаго кабана, барсука, выдру, собаку, дикую кошку и многочисленныя кости рыбъ. Вся эта фауна ничѣмъ не отличается отъ той, которая въ настоящее время находится въ данной мѣстности. Къ этому присоединяется около 20 каменныхъ орудій, въ томъ числѣ куски необработаннаго кремня, ножи и скребки и около 150 костяныхъ и роговыхъ издѣлій, къ которымъ относятся шила, долота и т. п. Особаго вниманія заслуживаютъ, однако, семь плоскихъ гарпуновъ изъ рога благороднаго оленя, имѣющіе форму характерную для азильской эпохи; эти находки заставляютъ отнести пещеру Мэкъ-Артуръ къ нашей конечной фазѣ палеолитическаго періода. Такіе же гарпуны были найдены затѣмъ среди скопленія раковинъ на недалекомъ отстоящемъ отъ этого мѣста островѣ Оронсей и въ сѣверной половинѣ Англіи, въ пещерѣ Викторіи, около Ситтля въ Йоркширѣ, такъ что мы должны ее также отнести къ азильской ступени культуры.

Рис. 140. Анри Брейль.
Профессоръ исторіи первобытнаго
человѣка, въ Парижѣ.

ГЛАВА V.

Искусство новѣйшаго палеолитическаго періода западной Европы.

За послѣднія десятилѣтія много писалось и говорилось о происхожденіи и психологій первобытнаго искусства, и столь же многочисленны, пожалуй, какъ изслѣдованія, посвященныя этому вопросу, были и миѣнія, по нему высказывавшіяся. Нѣкоторые авторы еще въ давнія времена давали чрезвычайно простое объясненіе происхожденію искусства: человѣку, говорили они, прирождено чувство прекраснаго, онъ любитъ украшать себя, свое собственное тѣло, свою утварь и жилища. Стремленіе къ красотѣ возникло изъ этой потребности. Когда дикарь находитъ блестящіе камни, красивыя раковины, онъ собираетъ ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ себѣ ожерелье; пестрыя перья птицъ служатъ ему головнымъ украшеніемъ. И подобно тому, какъ на самого себя, такъ и на все окружающее онъ переноситъ это стремленіе къ украшенію, — онъ снабжаетъ столбы и балки своей хижины рѣзьбою, разрисовываетъ свое оружіе орнаментами, покрываетъ утварь узорами, — такихъ изукрашенныхъ предметовъ мы можемъ найти сколько угодно въ этнографическихъ коллекціяхъ, собранныхъ въ самыхъ различныхъ частяхъ земнаго шара. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи, мы должны нѣсколько углубить вопросъ. Мы не можемъ отрицать дѣйствительной прирожденности чувства прекраснаго, но мы должны спросить себя, выражается ли оно лишь въ бессознательномъ стремленіи къ украшенію, — стремленіи, не имѣющемъ никакой определенной цѣли, или же въ основѣ его лежатъ какія-нибудь побужденія практическаго характера. Для рѣшенія этого вопроса мы должны были бы, однако, заглянуть на много тысячелѣтій назадъ, обратиться къ первобытнымъ періодамъ развитія человѣчества, къ тѣмъ временамъ, когда наши отдаленные предки жили въ дѣвственномъ лѣсу и въ пещерахъ и изготовляли необходимыя для нихъ орудія съ немалымъ искусствомъ изъ безформенныхъ кусковъ камня, изъ дерева или изъ рога. Но какъ иначе, спрашивается, можемъ мы проникнуть въ основу ихъ психологій, какъ не путемъ сравненія этихъ первобытныхъ людей съ первобытными, дикими племенами современнаго міра? Мы прекрасно понимаемъ, конечно, какъ трудно предпринять подобное сравненіе. Къ сожалѣнію, изслѣдователи слишкомъ часто забывали, что современные бушмены и австралійцы не могутъ считаться настоящими первобытными людьми; что они представляютъ собою уже натуры весьма сложныя, видоизмѣненныя своеобразно, въ теченіе тѣхъ тысячелѣтій, которыя они прожили съ настоящихъ первобытныхъ эпохъ. Весьма крупныя заблужденія могутъ возникнуть, если безъ всякой критики считать пещерныхъ обитателей ледниковаго періода вполне отвѣчающими по образу мыслей и по духовной жизни современнымъ огнеземельцамъ и папуасамъ. Но и учитывая всѣ эти обстоятельства, все же невольно приходится останавливаться въ изумленіи предъ тѣмъ поразительнымъ соответствіемъ въ образѣ жизни современныхъ дикарей и первобытныхъ людей отдаленныхъ періодовъ, которое обнаруживается во всей обстановкѣ ихъ жизни, —

очевидно, это соотвѣтствіе не можетъ быть чисто-случайнымъ и вѣрнымъ. Вся утварь ихъ, все ихъ орудія обнаруживаютъ полное тожество и въ особенности въ направленіи искусства оказываются явственно одинаковыми, — стоитъ лишь сравнить, на примѣръ, инвентарь имущества современнаго меланезійца съ таковымъ обитателей Европы каменнаго вѣка, стоитъ сравнить свайныя постройки съ таковыми Новой Гвинееи и рисунки въ пещерахъ четвертичнаго періода съ изображеніями на скалахъ, нарисованными бушменами, или съ живописью сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, и это тожество не можетъ не броситься въ глаза.

Изученіе жизни современныхъ дикарей, какъ справедливо говоритъ Поттье, прежде всего прекрасно выясняетъ происхожденіе и назначеніе украшеній. За исключеніемъ тѣхъ народностей, которыя живутъ при самыхъ суровыхъ климатическихъ условіяхъ, все охотничьи народности являются, прежде всего, по существу болѣе украшенными, чѣмъ одѣтыми. Въ прежнія времена этихъ дикарей считали „дѣтьми“, находящими удовольствіе въ пестротѣ и яркости красокъ, теперь же мы знаемъ, что часто эта пестрота наряда является въ то же время полезной, иногда даже необходимою. Во времена войны дикарь пользуется яркими украшеніями для того, чтобы напугать своего врага, внушить ему страхъ предъ собою; множество украшеній, носимыхъ на шеѣ, отнюдь не является пустыми предметами кокетства и ребяческаго пристрастія къ бездѣлушкамъ,—они представляютъ собою амулеты, объекты, имѣющіе врачебное назначеніе, или обладающіе таинственной цѣлебной или защитною силою. Вѣдь даже и въ нашей средѣ не вывелась еще вѣра въ „счастливую свинку“, „четырёхлистный клеверъ“ и другіе тому подобныя porte-bonheur'ы. Краски ни коимъ образомъ не выбираются безъ всякой системы: красный цвѣтъ всегда составляетъ принадлежность борьбы, битвы и танцевъ; бѣлый, соотвѣтствующій цвѣту трупа, лишеннаго крови, у многихъ племенъ является цвѣтомъ траура. Татуировка нерѣдко имѣетъ религіозную подкладку или обозначаетъ принадлежность къ извѣстной соціальной группѣ, совершенно подобно тому, какъ и наши солдаты, матросы, мясники татуируютъ себѣ на верхней части руки символическія обозначенія ихъ профессіи. На ряду съ раскраскою тѣла примѣняется болѣзненная, но зато несравненно болѣе прочная татуировка, являющаяся доказательствомъ не только принадлежности къ извѣстному роду или племени, но и доказательствомъ мужественной стойкости и терпѣнія. Такъ, на примѣръ, молодая австралійская дѣвушка со спиной, покрытою рубцами, можетъ гораздо легче выйти замужъ, чѣмъ боящаяся боли, не украшенная ими красавица. Между палочками, продѣтыми сквозь носъ африканскихъ женщинъ, и брильянтовыми серьгами нашихъ дамъ, между ожерельями изъ зубовъ акулы женщинъ Полинезіи и жемчужными ожерельями представительницъ прекраснаго пола высшаго круга, наконецъ, между бѣлилами и румянами европейскихъ модницъ, подчеркивающихъ ими бѣлизну тѣла и румянецъ щекъ, и мазью изъ сажи полинезіанокъ, приобретающихъ еще болѣе густой черный цвѣтъ кожи,—по существу нѣтъ никакихъ глубокихъ различій. Царица міра—мода—не что иное, какъ утонченная модернизированная „идея дикарей“, будто необходимо подчеркивать и наружными отличіями существующія соціальныя различія въ положеніи, а также личную красоту и благосостояніе. Самолюбіе, стремленіе выдѣлиться передъ другими и превзойти ихъ, являются могущественными творческими факторами, присущими специально всеѣмъ производителямъ тѣхъ или иныхъ издѣлій. Каждому этнографу въ настоящее время извѣстно, что многіе узоры на оружіи и на различныхъ предметахъ обихода представляютъ собою не что иное, какъ клейма, свидѣтельствующія о принадлежности тому или другому лицу, или о производствѣ

опредѣленнымъ мастеромъ, или же въ другихъ случаяхъ имѣютъ сверхъестественный, волшебный смыслъ. Конечно, въ данномъ случаѣ прирожденное художественное чутье, любовь къ симметріи и къ красотѣ, являются необходимыми предпосылками, но пробуждаются эти стремленія прежде всего практическими потребностями, и въ основѣ ихъ лежатъ мотивы полезности. Чисто идеальнаго происхожденія нельзя приписать даже музыкѣ, какъ это справедливо отмѣчаетъ Бюхеръ. Музыка первобытныхъ племенъ основывается на ритмѣ, а ритмическое произведеніе звуковъ само собою появляется тамъ, гдѣ большое число лицъ сообща должно произвести какую-либо трудную работу,—стоитъ вспомнить лишь пѣни и клики гребцовъ, молотобойцевъ и рабочихъ, поднимающихъ какой-либо тяжелый предметъ. Такимъ образомъ, самое простое пѣніе уже отнюдь не одинъ чистый продуктъ удовольствія,—оно облегчаетъ работу, прогоняетъ усталость, даетъ новую бодрость и силу,—отсюда возникла и военная музыка съ ея воинственными маршами. Преобладаніе полезности искусства сохранилось еще и въ тѣ времена, когда сформировывались первыя культурныя народности земного шара. Мы не раздѣляемъ мнѣнія Поттье, что художественныя произведенія египтянъ и вавилонянъ „были созданы ради самого искусства“,—эти произведенія всегда исполняли служебныя роли по отношенію къ различнымъ другимъ факторамъ—къ религіи, къ культу мертвыхъ, къ увѣковѣченію памяти завоевателей или повелителей. Лишь значительно позднѣе искусство сдѣлалось до известной степени самостоятельнымъ и превратилось въ божество, царящее надъ обыденной жизнью. Мы съ полнымъ сознаниемъ говоримъ „до известной степени“, такъ какъ и до сихъ поръ искусство остается привязаннымъ къ землѣ, является отраженіемъ существующихъ потребностей даннаго времени.

Первые слѣды искусства четвертичнаго періода, насколько мы знаемъ въ настоящее время, встрѣчаются лишь въ новѣйшемъ палеолитическомъ періодѣ. Мы не имѣемъ никакихъ произведеній искусства изъ шельской, апѣльской и мустьерской эпохъ, хотя правильность и элегантность очертаній ручныхъ топоровъ болѣе поздняго происхожденія обнаруживаютъ несомнѣнную склонность къ симметріи. Впрочемъ, на этихъ отрицательныхъ данныхъ мы не можемъ основывать никакихъ серьезныхъ выводовъ. Намъ известно, что въ древнемъ палеолитическомъ періодѣ кость и рогъ не обрабатывались вовсе, почему мы и не можемъ ожидать какихъ-либо художественныхъ произведеній изъ этихъ веществъ. Воплиѣ возможно, однако, допустить—и совершенство скульптурныхъ издѣлій ориньякской эпохи даже заставляютъ насъ это сдѣлать,—что уже въ очень давнія времена производились различныя украшенія изъ дерева и другихъ легко разлагающихся матеріаловъ, но эти издѣлія не дошли до насъ. Насколько такія произведенія первобытныхъ народностей могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ удачны, показываетъ, напримѣръ, изображаемая здѣсь (рис. 141) человѣческая фигура, сдѣланная изъ соломы ороचनाми. Отрицать въ древнемъ палеолитическомъ періодѣ склонность украшать свое тѣло и проявлять инныя примитивныя художественныя склонности мы не имѣемъ никакого основанія—это было бы равносильно полному отрицанію основныхъ чертъ природы человѣческой!

Если мы перейдемъ теперь, послѣ этихъ общихъ соображеній, къ разсмотрѣнію новѣйшаго палеолитическаго періода, являющагося временемъ, изъ котораго до насъ дошло наибольшее количество произведеній искусства, то, быть-можетъ, читателей прежде всего удивитъ, почему мы эту главу объ искусствѣ примкнули непосредственно къ главамъ, посвященнымъ издѣліямъ четвертичнаго періода западной Европы, и не остановились сперва на параллельныхъ явленіяхъ остальной части Европы. Дѣло въ томъ, что находящаяся въ гораздо болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ

западная Европа обнаруживает такое развитіе искусства, что съ нимъ нельзя и сравнивать тѣ ничтожныя слѣды художественной дѣятельности первобытнаго человѣка, какія мы находимъ въ центральной Европѣ. Настоящимъ Эльдorado четвертичнаго искусства является Франція; далѣе произведенія искусства распространяются также на сѣверную Швейцарію, до Рейна, который, повидимому, образуетъ западную границу распространенія. То, что намъ извѣстно изъ скульптурныхъ изображеній и изъ рисунковъ, найденныхъ въ Германіи, представляетъ собою совершенно отрывочный, разбросанный на обширной поверхности матеріаль, — онъ даетъ намъ цѣнныя, существенно дополняющія детали къ развитію западно-европейскаго искусства; но матеріаль этотъ настолько скуденъ, что совершенно невозможно говорить о центрально-европейской области распространенія искусства. Точно также и въ Австріи сохранившихся художественныхъ произведеній чрезвычайно мало, но тѣ, которыя имѣются, производятъ зато впечатлѣніе, что на востокъ средней Европы и въ восточной части континента, по крайней мѣрѣ, въ ориньякскую и солотрейскую эпохи, имѣлась самостоятельная область, отличающаяся отъ единовременной ей западно-европейской многими чертами.

Если разсматривать искусство въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и приобщать сюда пѣніе, музыку и танцы, извѣстныя и современнымъ первобытнымъ народностямъ, то ясно, что фактическихъ доказательствъ существованія этихъ отраслей искусства нельзя требовать отъ нашей науки, получающей свой матеріаль, главнымъ образомъ, изъ раскопокъ. Изображенія человѣческихъ фигуръ, въ общей массѣ дошедшихъ до насъ рисунковъ, играютъ совершенно второстепенную роль и воспроизводятъ людей въ совершенно не характерныхъ позахъ, не дающихъ права дѣлать какія-либо заключенія относительно ихъ повседневной жизни и ихъ религіознаго культа. Все же можно отмѣтить присутствіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ силуэтовъ, изображающихъ человѣческія фигуры со звѣринными масками, и въ связи съ этимъ можно, слѣдовательно, признать существованіе въ тѣ времена танцевъ религіознаго характера. Но тамъ, гдѣ имѣлись танцы или иныя подобныя мимическія упражненія, необходимо должно было существовать и пѣніе, и музыка, воспроизводимая инструментами. Конечно, было бы рискованнымъ задаваться цѣлью отысканія музыкальныхъ инструментовъ среди остатковъ четвертичнаго періода. Археологъ Пьеттъ склонялся, правда, къ тому, чтобы истолковывать небольшія трубчатыя кости птицъ, нерѣдко встрѣчаемыя въ магдаленскую эпоху, какъ примитивныя флейты, быть-можетъ, связанные по нѣскольку вмѣстѣ, какъ флейта Пана. Эти кости, на самомъ дѣлѣ, имѣютъ отполированное отверстіе и иногда несутъ отверстіе сбоку, но съ такимъ же правомъ ихъ можно считать футлярами для иглъ или для красокъ. Быть-можетъ, кость зайца, снабженная многочисленными отверстіями, которая была найдена въ Кэнтской пещерѣ въ Англіи, съ большей увѣренностью можетъ считаться первобытной флейтой или свирѣлью. Вѣроятно, сигнальными свистками были часто встрѣчающіяся просверленные на концѣ фаланги пальцевъ сѣвернаго оленя, — онѣ, дѣйствительно, издають рѣзкій свистъ разнаго тона въ зависимости отъ положенія и размѣровъ отверстія.

Рис. 141. Соломенная кукла орочоновъ.

(Уменьшено. По коллекц. Вѣнскаго Этногр. Музея.)

Раскраска тѣла и украшеніе его.

Раскраска и татуировка тѣла свойственна всѣмъ первобытнымъ народностямъ и основывается на стремленіи украсить свое тѣло или отдѣльныя его части на продолжительное время. Первобытные люди четвертичнаго періода и въ этомъ отношеніи даютъ намъ лишь косвенныя доказательства: во всѣхъ болѣе богатыхъ мѣстонахожденіяхъ археологическихъ остатковъ вѣка сѣвернаго оленя столь часто встрѣчаются различныя красящія вещества, что мы не можемъ отрѣшиться отъ увѣренности, что ихъ примѣняли для раскраски тѣла. Если вспомнить то обстоятельство, что въ могильникахъ Ментоны и другихъ мѣстностей костяки находились неоднократно на цѣломъ слоѣ кровавика (красной желѣзной руды), и что то же самое наблюдалось и въ могильникахъ Австріи, напримѣръ, въ Брюннѣ, то можно считать доказаннымъ, что первобытные люди отдавали предпочтеніе яркимъ цвѣтамъ и считали важнымъ и полезнымъ снабжать покойниковъ и для будущей жизни, вмѣстѣ со всевозможными украшеніями, также и такую краскою. Первые находки, изобилующія краскою, относятся къ ориньякской эпохѣ. Археологъ Септіе собралъ въ мѣстонахожденіи Де-Рошъ въ департаментѣ Эндръ цѣлую коллекцію изъ 17 различныхъ красокъ; въ томъ числѣ были кровавикъ, охра, окись желѣза и другія краски минеральнаго происхожденія, растертыя кремневыми орудіями на каменныхъ пластинкахъ; эти краски, несомнѣнно, превращались прибавленіемъ воды въ тѣстообразную пасту и наносились пальцами или костяными лопаточками на поверхность тѣла. Мало того, первобытные люди того времени, подобно современнымъ австралійцамъ, носили съ собою нѣкоторый запасъ краски, какъ на это указываетъ, по крайней мѣрѣ, украшенная рѣзьбою кость сѣвернаго оленя, найденная въ Ле-Коттэ, въ департаментѣ Віенны, внутри которой сохранилось еще нѣкоторое количество охры въ видѣ порошка. Аббатъ Буйссонъ точно также подобралъ въ пещерѣ Ноэль, въ департаментѣ Коррезы, цѣлую скалу красокъ: бѣлая краска доставлялась обожженнымъ въ огнѣ мергелемъ, свѣтлая и темная желтая образовывались охрою, которая давала также и различные оттѣнки оранжевой, коричневой и темно-бурой. Черную краску доставляли руды марганца и уголь, зеленая и синія краски совершенно отсутствовали. Тѣ же самыя красящія вещества находятъ нами въ большемъ или меньшемъ количествѣ и во всѣхъ другихъ мѣстонахожденіяхъ магдаленской эпохи,—они прежде всего служили для раскрашиванія тѣла. Суровый климатъ послѣдниковаго періода заставляетъ, правда, предполагать, что люди носили одежду, но это никоимъ образомъ не исключаетъ возможности, что лицо, открытыя части рукъ, грудь и голени раскрашивались. Если производилась также татуировка, и дѣлались насѣчки на кожѣ, то для этого, конечно, были чрезвычайно пригодны ножи и наконечники малыхъ размѣровъ и притомъ очень острые, встрѣчаемые въ магдаленскую эпоху. Не подлежитъ сомнѣнію, что краски получали еще и другое примѣненіе: ими выполнялись иногда бороздки глубоко врѣзанныхъ узоровъ на издѣліяхъ изъ кости, рога и изъ зубовъ, съ цѣлью лучше выдѣлать рисунокъ и сдѣлать его цвѣтнымъ; эти же краски служили для живописи на стѣнахъ пещеръ и, наконецъ, въ азильскій періодъ для изготовленія тѣхъ таинственныхъ, раскрашенныхъ галекъ, о которыхъ мы говорили въ концѣ предыдущей главы.

У современныхъ первобытныхъ народностей раскраска тѣла дополняется, обыкновенно, различными надѣваемыми на тѣло украшеніями. Въ качествѣ таковыхъ мы

находимъ у нихъ украшенія изъ перьевъ и изъ цвѣтовъ, подвѣски и ожерелья на лбу и на шеѣ, ожерелья изъ просверленныхъ раковинъ, просверленныхъ зубовъ и изъ выточенныхъ изъ кости бусъ и пластинокъ. Эти украшенія, поскольку они состоятъ изъ матеріала, который могъ сохраниться, имѣются и въ новѣйшемъ палеолитическомъ періодѣ. Мы укажемъ лишь на богато украшенные костяки пещеры Гримальди (стр. 211) съ ихъ подвѣсками на головѣ и на лбу, сдѣланными изъ ракушекъ *Nassa peritca* и изъ просверленныхъ зубовъ оленя, съ ихъ браслетами на рукахъ и на ногахъ, украшеніями изъ раковинъ на груди, украшеніями на колѣняхъ; точно также украшены костяки пещеръ Ложери-Баэсъ и Дю-Рюти (стр. 239). Что среди этихъ украшеній такое важное мѣсто занимаютъ зубы животныхъ, не можетъ казаться особенно удивительнымъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ охотничьими племенами. Высоко совершенное искусство магдаленской эпохи пыталось даже создавать имитаціи,—мы находимъ среди его произведеній подражаніе зубамъ и раковинамъ изъ слоновой кости или изъ рога. Въ качествѣ украшеній служили также и рѣдкіе минералы, каковыми являются кристаллы горнаго хрустала, лигнитъ, янтарь и различныя другія вещи, бросающіяся въ глаза своимъ блескомъ или своею окраскою. Въ пещерахъ Ла-Кардъ въ Шарантъ и въ Спи, въ Бельгіи, были найдены также обломки браслетовъ изъ слоновой кости. Едва ли стоитъ указывать также на то обстоятельство, что многіе изъ этихъ предметовъ имѣли значеніе амулетовъ.

Скульптура и рѣзьба изъ кости и рога.

Пьеттъ первый обратилъ вниманіе на то, что въ изобразительномъ искусствѣ новѣйшаго палеолитическаго періода сперва появляется скульптура, и нѣкоторое время она занимаетъ господствующее положеніе. Теоретически скульптуру можно поставить во главѣ искусства въ силу того, что она представляетъ собою полное тѣлесное подражаніе формамъ объекта, хотя бы и въ уменьшенномъ масштабѣ. Скульптура поэтому скорѣе могла стать достояніемъ первобытнаго человѣка, чѣмъ воспроизведеніе объектовъ путемъ воссозданія очертаній, — оно требуетъ уже нѣкотораго отвлеченія и передачи пластики съ помощью перспективы. Быть-можетъ, именно чрезвычайно широкое распространеніе мамонта въ теченіе ориньякской и солютрейской эпохъ оказало нѣкоторое опредѣляющее вліяніе на развитіе этого искусства, такъ какъ бивни мамонта доставляли превосходный матеріалъ для всякихъ пластическихъ издѣлій. Нѣсколько позднѣе, главнымъ образомъ, въ солютрейскую эпоху, изобиловавшую лошадьми и дикими быками, появляются рельефныя изображенія, вырѣзанныя на плоскости, и гравированныя рисунки, передающіе очертанія предметовъ; наконецъ, въ магдаленскую эпоху мы встрѣчаемъ въ огромномъ количествѣ простыя гравированныя изображенія, при чемъ ихъ численность и широкое распространеніе обуславливались, быть можетъ, обиліемъ оленьяго рога, который легко можно было выравнивать, такъ что получались достаточно широкія поверхности для гравировки. Конечно, слѣдуетъ отмѣтить, что такая хронологическая послѣдовательность не является абсолютной: простыя рисунки, состоящіе изъ однихъ очертаній, не отсутствуютъ и въ теченіе первой половины новѣйшаго палеолитическаго періода, и точно также скульптурныя и рельефныя изображенія встрѣчаются еще и въ магдаленскую эпоху. Иная до нѣкоторой степени также хронологическая группировка могла бы быть дана на основѣ стиля изображеній, — именно, ихъ можно раздѣлить на примитивныя архаическія, на изображенія чисто-реалистическія и, нако-

нецъ, на изображенія схематическія, стилизованныя; во всѣхъ этихъ случаяхъ произведенія искусства остаются все же ярко выраженными, натуралистическими.

Древнѣйшія дошедшія до насъ произведенія четвертичнаго искусства—это статуэтки, изображающія человѣческія фигуры, которыя были найдены въ пещерѣ Брассампун въ Ландахъ и относятся къ ориньякской эпохѣ. Къ одному съ ними времени принадлежатъ находки изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Франціи, изъ Ментоны и изъ Тру-Магрить въ Бельгій. Точно также мы познакомимся позднѣе съ двумя соответствующими цѣнными объектами изъ Виллендорфа и Брюнна въ Австріи (стр. 337, табл. XXIII). За исключеніемъ весьма немногихъ, все это женскія фигуры, нерѣдко совсѣмъ безъ лица и большею частью съ сильно преувеличеннымъ изображеніемъ половыхъ органовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что уже въ тѣ времена художники не воспроизводили изображенія опредѣленныхъ личностей, а хотѣли изобразить отвлеченное женское начало, и едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что эти фигуры представляютъ собою идоловъ, олицетворяющихъ плодородіе. Именно, вслѣдствіе такого символическаго преувеличенія отдѣльныхъ частей тѣла, мы не можемъ сдѣлать никакихъ сколько-нибудь точныхъ выводовъ объ антропологической природѣ, т.-е. объ особенностяхъ физическаго строенія тогдашняго населенія (рис. 142). И если неоднократно пытались приписывать тогдашнему населенію стеатопигію, т.-е. образованіе сильно развитаго зада, основывающееся на особенностяхъ анатомическаго строенія, то противъ такого предположенія можно возразить, что у всѣхъ остальныхъ статуэтокъ, найденныхъ во Франціи, нѣтъ ни малѣйшаго намека на стеатопигію. Такая настоящая стеатопигія хорошо изображена на одномъ изъ рисунковъ бушменовъ (табл. XIX, *b*, стр. 294). Она основывается на очень сильномъ искривленіи поясничныхъ позвонковъ, связанномъ съ сильнымъ наклономъ таза и съ почти горизонтальнымъ положеніемъ крестца. Вслѣдствіе этого, сдѣланныя мускулатура естественнымъ образомъ выдается далеко назадъ и вслѣдствіе характернаго скопленія въ сдѣланный области жировыхъ массъ получаетъ чрезвычайно преувеличенные размѣры и своеобразную форму. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ не можетъ пока считаться рѣшеннымъ. Весьма часто скульптурныя изображенія, дошедшія до насъ въ видѣ отдѣльныхъ обломковъ, представляютъ совершенно недѣтныя фигуры, такова, на примѣръ, изображенная на табл. XIV (рис. 1) фигура изъ слоновой кости, на груди которой находится рядъ тонкихъ чертъ, изображающихъ волосы или татуировку; анатомическія формы этой фигуры переданы очень правильно. Интересъ представляетъ также грубо сдѣланная изъ слоновой кости статуэтка (рис. 4) въ 47 миллиметровъ длины, изображающая женскую фигуру съ длинными волосами, вырѣзанная изъ рѣзца лошади фигурка (рис. 6), найденная въ пещерѣ Масъ-д'Азиль, изображающая голову съ явственными чертами лица; весьма реалистически выполненная фигура изъ мыльнаго камня, найденная въ пещерѣ Ментоны, совершенно несправедливо вызвала сомнѣнія въ правильности отнесенія ея къ данному періоду. Другія фигуры обнаруживаютъ нерѣдко слѣды украшеній или одежды, такова изображенная на рис. 2 той же таблицы въ сильно затянутомъ поясѣ, изображенная на рис. 3—съ головнымъ уборомъ или кашономъ и на рис. 5—въ пелеринѣ или въ длинномъ платьѣ. Изящная головка изъ слоновой кости, изображенная на рис. 3, имѣетъ лишь слегка намѣченные брови и носъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, глаза и ротъ ея были ранѣе раскрашены красками.

Тогда какъ эти примитивныя скульптуры ориньякской эпохи воспроизводятъ исключительно человѣческія фигуры, мы обладаемъ также и цѣлымъ рядомъ скульптурныхъ изображеній и барельефовъ болѣе позднихъ временъ — они могутъ быть отнесены къ эпохѣ свободнаго натуралистическаго развитія искусства и изображаютъ почти исклю-

Статуэтки, изображающія человѣческія фигуры.

1, 2, 3a, b, 4, 5—изъ Брассампуи (слоновая кость). 6—изъ Мась-д'Азиль (зубъ лошади).

7a, b—изъ Ментоны (мыльный камень).

(1—6—по Пьетту, 7—по фотографіи).

чительно различныхъ животныхъ. Мы уже привели изъ этой группы относящееся къ магдаленской эпохѣ превосходное изображеніе лошади изъ слоновой кости, найденное въ Лурдѣ (стр. 236, рис. 128, а),—на тѣлѣ этой лошади нанесено множество штриховъ, быть-можетъ, чтобы намѣтить шерсть съ полосами какъ у зебры; обыкновенно, однако, такія изображенія привязаны къ предметамъ, имѣющимъ утилитарное значеніе, напри-

Рис. 142. Женскіе идолы изъ Ментоны (мыльный камень).
(По Рейнаху.)

мѣрь, имѣются на копьяхъ, на дротикахъ, на рукояткахъ, сдѣланныхъ изъ кости или изъ слоновой кости, на жезлахъ начальниковъ и т. п. Художникъ, дѣлавшій такіе предметы, нерѣдко пользовался естественными шероховатостями, выступами и впадинами и превращалъ ихъ въ отдѣльныя части фигуръ. Изъ обильной коллекціи этой болѣе поздней группы произведеній искусства приведемъ выточенную изъ рога сѣвернаго оленя голову лошади, найденную въ пещерѣ Масъ-д'Азиль и представляющую собою

настоящій шедевръ—лошадь изображена въ моментъ ржанія съ поразительной точностью и художественнымъ чутьемъ (рис. 143), затѣмъ голову ископаемаго дикаго быка (*Bos primigenius*), найденную въ Лурдѣ (рис. 144, 2), изображение дикой кошки изъ Сень-Мишель-д'Арюди (рис. 1) и голову лисицы изъ Плакарда (рис. 3). Этотъ списокъ можно было бы еще значительно увеличить—мы имѣемъ въ такомъ же выполненіи скульптурныя и рельефныя изображенія сѣвернаго оленя, мамонта, горнаго козла и лебедя, цѣлый рядъ другихъ головъ лошади и среди нихъ настоящія анатомическія изображенія—черепъ лошади, изображенія ископаемыхъ раковинъ (*Cypraea*) изъ Пэръ-ионъ-Пэръ, изображенія головы зубра и отдѣльных частей его тѣла, наконецъ, рядъ изображеній, которыя нельзя опредѣлить.

Рис. 143. Голова лошади, вырѣзанная изъ оленьяго рога, найдена въ пещерѣ Масъ-д'Азиль. (Наст. велич. По фотографіи.)

рисунокъ, хотя и въ меньшемъ числѣ, появляются уже въ верхнихъ ориньякскихъ и солиотрейскихъ слояхъ, особенно рисунокъ на костяныхъ и роговыхъ пластинкахъ и на плоскихъ камняхъ; позднѣе нерѣдко встрѣчаются и комбинированныя изображенія, на которыхъ часть углублена или сдѣлана рельефно, тогда какъ все остальное нарисовано на плоскости. Подобно скульптурнымъ изображеніямъ гравированныя рисунокъ частью

Контурные рисунки. Расцвѣтомъ контурныхъ рисунковъ является магдаленская эпоха, но настоящіе гравированные

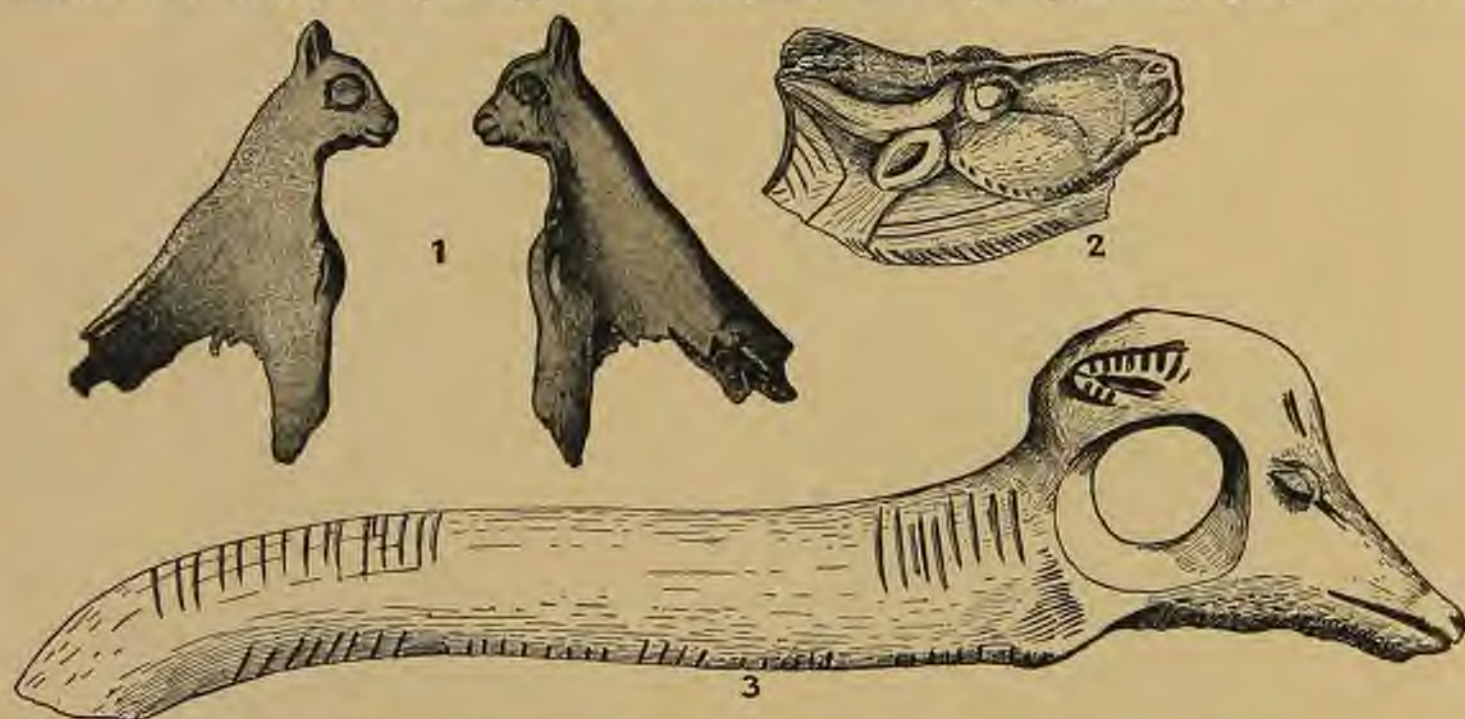

Рис. 144. Вырѣзанныя изъ кости и рога изображенія: 1) дикой кошки, 2) дикаго быка, 3) лисицы.

(Ориг. рис. Брейля.)

украшаютъ различные предметы обихода, частью объекты, которые нельзя причислить непосредственно къ утвари, на примѣръ, различныя подвѣски, просверленные „жезлы начальниковъ“ и т. п.; сюда присоединяются также и многочисленные наброски, сдѣланные на обломкахъ костей, на камнѣ и на другихъ предметахъ. Среди произведеній искусства позднѣйшаго четвертичнаго періода одна изъ такихъ серій заслуживаетъ особаго упоминанія—изображенія ея сдѣланы грубо и кое-какъ, но не могутъ считаться неудачными

и не художественными; очевидно, дѣло касается массоваго производства, въ отдѣльныхъ объектахъ котораго не обнаруживается уже той тщательности обработки, какая была въ предшествовавшихъ оригинальныхъ произведеніяхъ. При томъ неоднократно рисунки упрощаются, такъ что вообще получаются лишь схематическія фигуры. Въ азильскую эпоху уже вовсе нѣтъ болѣе художественныхъ изображеній, несмотря на то, что въ слояхъ магдаленскаго періода, располагающихся подъ слоями азильскими, мы встрѣчаемъ въ классическомъ мѣстонахожденіи, именно въ пещерѣ Мась-д'Азиль, замѣчательное богатство произведеній искусства. По всѣмъ вѣроятіямъ, люди азильской эпохи вообще не являются прямыми потомками населенія магдаленской эпохи. Количество рисунковъ, гравированныхъ на плоской поверхности, превосходитъ значительно количество скульптурныхъ изображеній, такъ что

немыслимо составить хотя бы приблизительно полный списокъ всѣхъ подобныхъ находокъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія разбросаны по различнымъ музеямъ и частнымъ коллекціямъ. Среди множества ихъ наблюдается нѣкоторое количество по истинѣ художественныхъ произведеній, цѣнность которыхъ еще болѣе увеличивается благодаря тому обстоятельству, что они созданы въ высшей степени примитивными орудіями, именно массивными рѣзцами изъ кремня и, быть-можетъ, лишь для

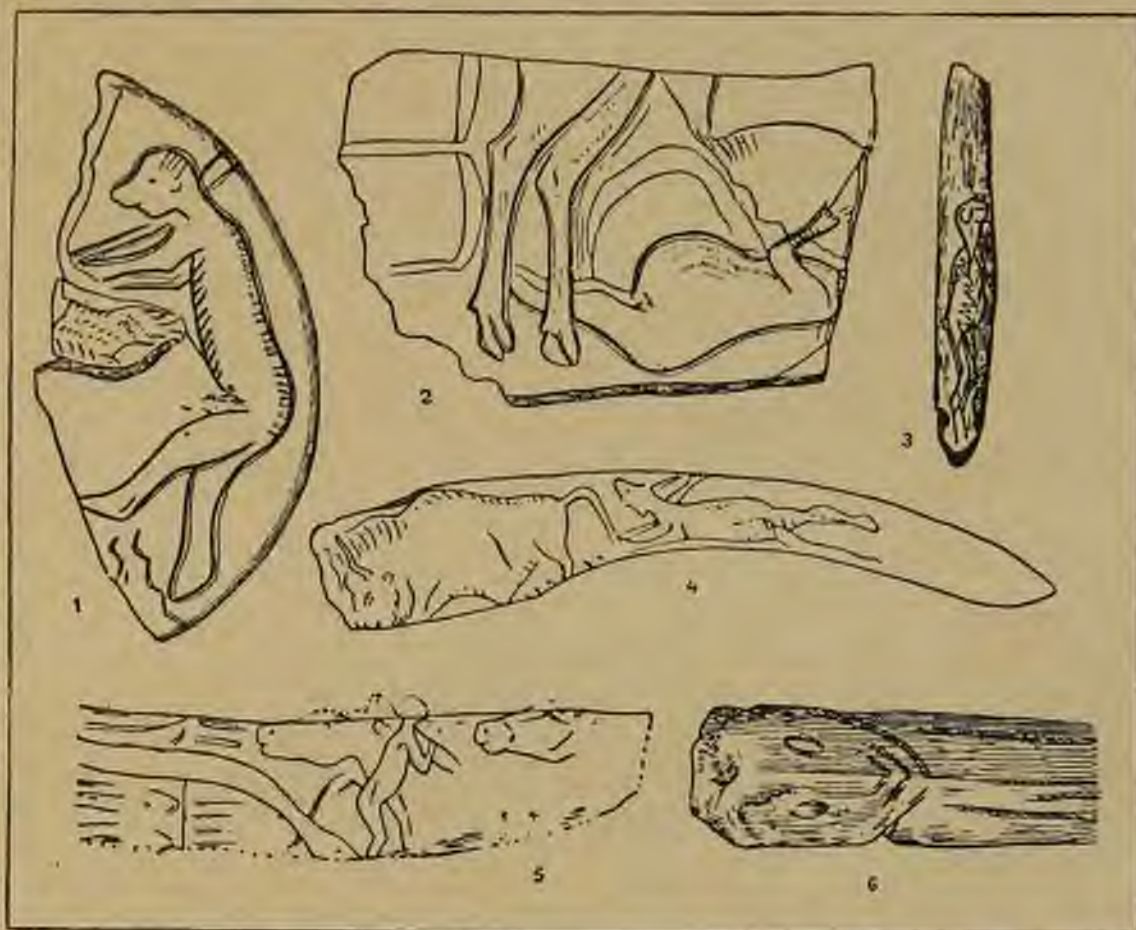

Рис. 145. Изображенія человѣка (контурные рисунки).

1—Мась-д'Азиль, 2—Ложери-Бассъ, 3—Кро-Маньонъ, 4—Ложери-Бассъ, 5—Ла-Мадельнъ, 6—Рошбертье.

(По Дешелетту.)

дальнѣйшей обработки подверглись дѣйствию болѣе тонкихъ и острыхъ кремневыхъ орудій. Нерѣдко они нанесены чрезвычайно тонкими линіями, чаще всего на кости или на рогъ оленя, рѣже на камень или на слоновою кости; сюжетъ представляется ими преимущественно въ профильныхъ контурахъ. Чаще всего встрѣчаются изображенія животныхъ, гораздо рѣже изображенія человѣка. При томъ эти послѣднія обыкновенно мало удачны и не могутъ идти въ сравненіе съ рисунками животныхъ, въ смыслѣ точности и тонкости выполненія. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что для насъ именно человѣческія фигуры съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія имѣютъ особенно важную цѣнность, и что рисовальщики магдаленской эпохи въ другихъ своихъ произведеніяхъ обнаруживаютъ полную способность давать точныя и соответствующія дѣйствительности изображенія. Такимъ образомъ, никакихъ данныхъ о внѣшнемъ строеніи этихъ первобытныхъ людей, охотившихся за сѣверными оленями, мы не можемъ изъ нихъ вывести. Точно также не выясняютъ намъ рисунки и нравовъ и занятій тогдаш-

няго населенія, такъ какъ мы находимъ на нихъ лишь отдѣльныя фигуры или фигуры, совершенно безъ всякой связи перемѣшанныя съ изображеніями животныхъ. Правда, фигуру, изображенную на рис. 145, 4, истолковываютъ, напримѣръ, какъ охотника за зубрами, но на самомъ дѣлѣ, надо сознаться, ничто не заставляетъ насъ связывать обѣ изображенныя фигуры—зубра и человѣка. Велѣдствіе того, что все изображенія передаютъ совершенно голыхъ людей, мы не получаемъ никакихъ данныхъ относительно одѣянія людей того времени, хотя суровый климатъ и нѣкоторыя находки въ могильникахъ и заставляютъ насъ думать, что они ходили въ одеждѣ. Потому мы и приводимъ здѣсь воспроизведеніе лишь самыхъ важнѣйшихъ изображеній. Фигура 1 рис. 145 не можетъ быть, конечно, истолкована, несмотря на сходство ея головы съ головою животного, какъ изображеніе обезьяны,—это дѣлаютъ невѣроятнымъ все найденныя нами черепа, относящіеся къ данному времени; намъ приходится ее истолковывать либо какъ неудачный рисунокъ, либо какъ изображеніе человѣка съ одѣтою маскою животного. Фигура 2 изображаетъ голую женщину, надъ которой, повидимому, безо всякой связи съ нею, нарисованы туловище и заднія ноги сѣвернаго оленя; фиг. 3, 4 и 5, которыя представляютъ наброски изображеній человѣка, мало обработаны; фиг. 6 воспроизводитъ грубо вырѣзанную человѣческую голову. Рисунки выполнены частью на оленьемъ рогѣ (2, 4, 6), частью на кости (1, 3) и воспроизведены у насъ въ уменьшенномъ масштабѣ. Сюда же относится человѣческая фигура съ бородой, изображенная на рис. 128, b, стр. 236.

Приблизительно около 80% всехъ четвертичныхъ гравированныхъ рисунковъ представляютъ собою изображенія животныхъ. Среди нихъ сѣверный олень занимаетъ, какъ это вполне естественно, особенно выдающееся положеніе, такъ какъ съ этимъ животнымъ особенно тѣсно были связаны интересы первобытныхъ охотниковъ конца четвертичнаго періода. Сѣверныхъ оленей они, очевидно, терпѣливо подкарауливали и выслѣживали въ теченіе долгихъ часовъ, наблюдая за всеми ихъ движеніями, и въ часы досуга они воспроизводили этихъ животныхъ съ большимъ искусствомъ и вѣрностью природѣ. Мы укажемъ здѣсь лишь для примѣра изображеніе пасущагося сѣвернаго оленя, найденное въ Таингенѣ, въ сѣверной Швейцаріи, изображеніе, о которомъ придется говорить въ слѣдующей главѣ (стр. 305), или на превосходное выгравированное на глинистомъ сланцѣ изображеніе изъ пещеры Ложери-Баессъ, которое было предоставлено Парижскому Естественно-Историческому Музею археологомъ маркизомъ де-Вибрѣ. Выполненіе этихъ фигуръ животныхъ нерѣдко столь тонко, что трудно даже воспроизвести его съ такою тонкостью (табл. XV и рис. 127, стр. 235). Очень часто мы находимъ изображенія дикой лошади, за которой, очевидно, много охотились,—эти чрезвычайно близкія къ природѣ изображенія значительно дополняютъ нашъ палеонтологическій матеріалъ и доказываютъ, что существовало нѣсколько расъ лошадей. Мы встрѣчаемъ здѣсь на ряду съ низкорослой, коренастой дикой лошадыю изъ Сольотрэ (рис. 123, стр. 98 и 231), также и болѣе высокихъ и граціозныхъ лошадей съ тонко сложенной головою (табл. XV, рис. 128, стр. 236, и рис. 143, стр. 262). Довольно часто также встрѣчаются изображенія благороднаго оленя (табл. XV, рис. 125, стр. 234), гораздо рѣже попадаются изображенія самки оленя и лани. Точно также и первобытный быкъ со своимъ плоскимъ затылкомъ и расходящимися рогами представленъ на весьма многихъ изображеніяхъ (табл. XV), равно какъ и зубръ съ высокимъ загривкомъ, который, однако, чаще изображается въ видѣ живописи на стѣнахъ пещеръ (табл. XV, рис. 126, стр. 235). Въ видахъ полноты слѣдуетъ упомянуть, нѣсколько забѣгая впередъ, объ изображеніяхъ мускусныхъ быковъ пещеры

Рисунки животныхъ магдаленской эпохи.

а — голова сѣвернаго оленя (Мась-д'Азиль), б — то-же (Гурданъ), в — олени (Ла-Маделень), д — голова дикой лошади, е — пещерный левъ (Гурданъ), ф — мамонтъ (Ла-Маделень), г — сурокъ (Гурданъ), и — росомаха (Лортэ), и — бизонъ (Тейгъ), к — носорогъ (Гурданъ), л — первобытный быкъ (Ложерн-Бассъ), м — тюлень (Сордъ), н — мускусный быкъ (Тайнгень), о — лось (Гурданъ), п — волкъ (Гурданъ), q — сайга (Гурданъ), r — косуля (Мась-д'Азиль).

(По оригинальнымъ рисункамъ Брейля).

Кеслерлохъ близъ Тангена въ Швейцаріи (табл. XV). Изъ толстокожихъ первое мѣсто занимаетъ мамонтъ, котораго мы находимъ въ цѣломъ рядѣ изображеній, затѣмъ сибирскій носорогъ, покрытый густою шерстью (табл. XV, рис. 106, стр. 207). Совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ человѣка того времени играли представители семейства козловъ, напримѣръ, горный козель, дикая коза (рис. 116, e, стр. 223) и серна (табл. XV), а также и антилопы, среди которыхъ имѣется прекрасно изображенная антилопа-сайга (табл. XV); вѣдѣствіе этого данныя животныя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ изображались и на рисункахъ. Что касается лосей, то мы имѣемъ лишь два наброска, которые по строенію роговъ могутъ быть отнесены къ этимъ жи-

вотнымъ (табл. XV); гигантскій ископаемый олень пока совершенно отсутствуетъ въ изображеніяхъ. Совершенно единичныя изображенія имѣются тѣхъ животныхъ, которыя были безразличны для охотниковъ эпохи сѣвернаго оленя, однако, все же мы располагаемъ изображеніями волка (табл. XV), дикаго кабана, гіены, сурка (табл. XV), выдры и росомахи (табл. XV). Точно также мы находимъ и изображенія тюленей, которые въ этотъ холодный періодъ, очевидно, встрѣчались на атлантическомъ побережьѣ Франціи (таблица XV, рисунокъ 125, a, стр. 234). Очень рѣдко попадаются изображенія

Рис. 146. Изображеніе растений четвертичнаго періода.
1—гротъ Трилобитовъ, 2—Ле-Вейрье, 3 и 4—Ложери-Бассъ, 5—Масъ-д'Азиль.
(По Дешелетту.)

крупныхъ хищниковъ, мы встрѣчаемъ среди нихъ лишь фигуры опаснаго для человѣка пещернаго льва (табл. XV). Извѣстно, что первобытные люди магдаленской эпохи усердно занимались рыболовствомъ, и доказательствомъ этого могутъ служить весьма удачныя изображенія форелей, щуки и лосося; изъ птицъ мы встрѣчаемъ совершенно единичныя изображенія лебедей, дикихъ гусей, журавлей и дикихъ утокъ, изъ гадовъ—изображенія змѣй, которыя, впрочемъ, могутъ быть и изображеніями угрей. Рисунки растений очень рѣдки, несмотря на то, что охотничьи народности были въ то же время и собирателями растений; правда, снабженіе кухни растительными продуктами лежало всецѣло на женщинахъ и на дѣтяхъ. Изображенія растений четвертичнаго періода тѣмъ замѣчательнѣе, что современныя первобытныя народности никогда не производятъ таковыхъ. На одномъ

изъ обломковъ кости изъ пещеры Трилобитовъ (рис. 146, 1) мы находимъ довольно изящное изображеніе вѣтви, покрытой листьями; древовидное изображеніе какъ бы съ корнями находится на обломкѣ оленьяго рога изъ Масъ-д'Азиль (рис. 146, 5); на одномъ изъ жезловъ начальниковъ имѣется также изображеніе вѣтви (изъ пещеры Ле-Верье въ Швейцаріи, рис. 146, 2), и соотвѣтствующіе же рисунки получены изъ пещеры Ложери-Бассеъ (рис. 146, 3, 4). Иногда бывають изображены и фигуры, похожія на колосья (рис. 128, е, стр. 236). Но является все же спорнымъ, дѣйствительно ли это

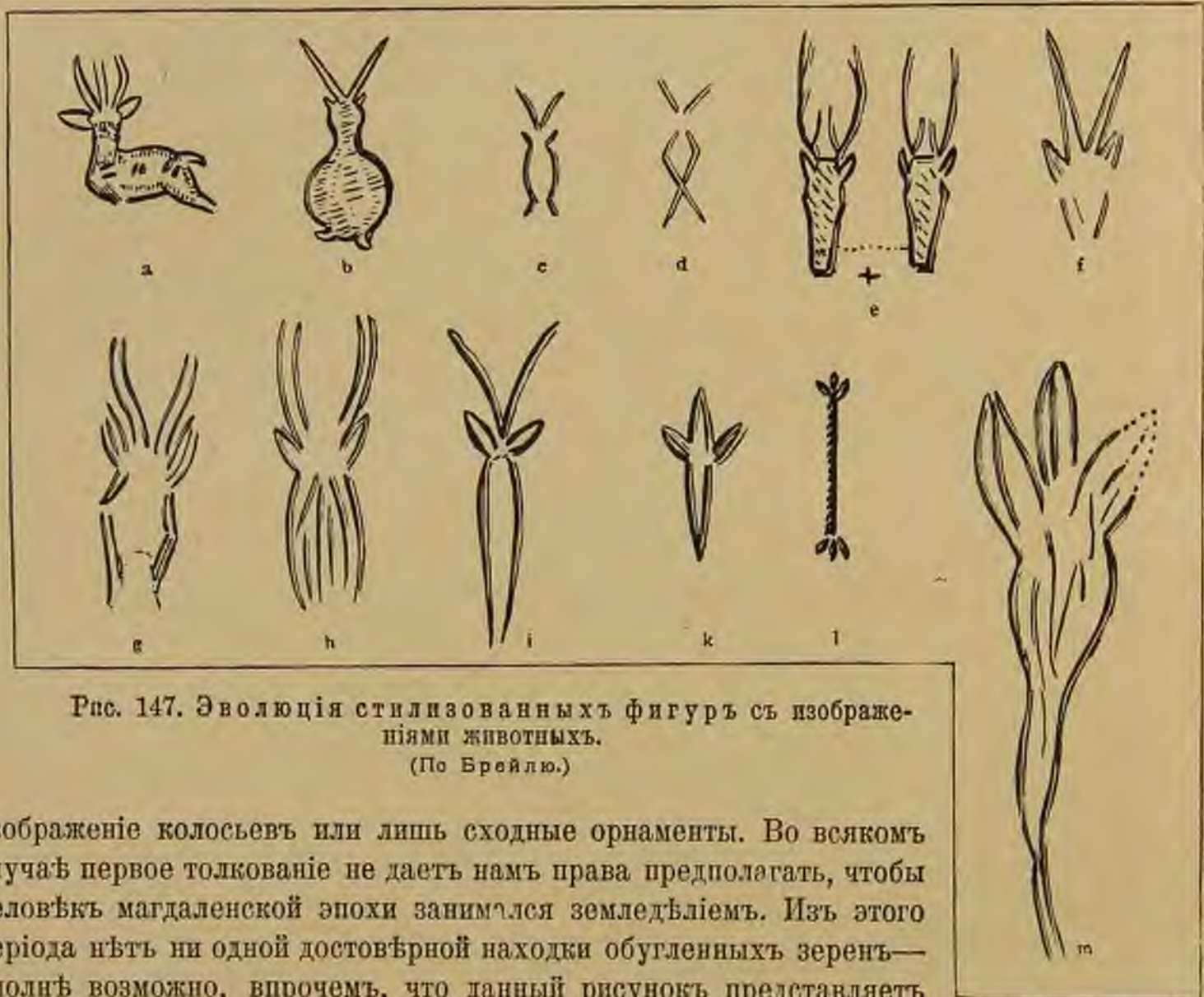

Рис. 147. Эволюція стилизованныхъ фигуръ съ изображеніями животныхъ.
(По Брейлю.)

изображеніе колосьевъ или лишь сходные орнаменты. Во всякомъ случаѣ первое толкованіе не даетъ намъ права предполагать, чтобы человѣкъ магдаленской эпохи занимался земледѣліемъ. Изъ этого періода нѣтъ ни одной достовѣрной находки обугленныхъ зеренъ—вполнѣ возможно, впрочемъ, что данный рисунокъ представляетъ собою подражаніе дико растущимъ злакамъ, — вѣдь, и они могли въ такой же степени остановить на себѣ вниманіе художника, какъ простыя вѣтви.

Можно считать за правило, что четвертичныя изображенія животныхъ представляютъ собою единичныя изображенія. Нерѣдко, однако, рисовальщикъ пользовался одною и той же костяною или каменною пластинкою и изображалъ на ней два, три раза подрядъ различныя наброски (табл. XV, N, r, f, u, l), которые представляютъ собою какъ бы упражненія въ рисовальномъ искусствѣ. Такимъ способомъ получалась запутанная масса линий, которыя трудно разобрать. При этихъ условіяхъ возникали и комбинаціи фигуръ, не стоявшія ни въ какой внутренней связи между собой; такъ, на примѣръ, на одномъ изъ обломковъ кости изъ Лорте пустыя мѣста между ногами двухъ сѣверныхъ оленей заполнены изображеніями весьма удачно нарисованныхъ лососей. Нѣкоторыя находки составляютъ, однако, исключеніе изъ общаго правила и изображаютъ цѣлыя группы животныхъ, таково, на примѣръ, изображеніе сѣверныхъ оленей въ Grotte de la Mairie (рис. 127, стр. 235), изображенія табуна лошадей изъ пещеры Шаффо, въ депар-

таментъ Вьенны, и такое же изображеніе изъ Брюникель, въ Ландахъ. Быть-можетъ, впрочемъ, и здѣсь мы имѣемъ передъ собою лишь схематическія повторенія одной и той же фигуры, не заключающія въ себѣ идеи воспроизведенія группы животныхъ. Точно также и знаменитая „борьба сѣверныхъ оленей“ изъ Ложери-Бассъ, находящаяся въ коллекціи де-Вибрэ, не признается Дешелеттомъ за произведеніе, въ основу котораго вложена идея изобразить дѣйствительно борющихся животныхъ.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ интересному выводу, что четвертичное искусство заключало въ себѣ уже всѣ элементы нашего современнаго натуралистическаго искусства—изображались люди, окружающія животныя и растенія. Даже болѣе того: художники четвертичнаго періода перешли къ стилизаціи рисунковъ, и отправною точкою въ данномъ случаѣ служило совершенно натуралистическое изображеніе фигуръ животныхъ. Несмотря на то, что большая часть рисунковъ изображаетъ животныхъ въ профиль, среди нихъ нѣтъ недостатка и въ изображеніяхъ спереди или сзади (рис. 147, *a*). Путемъ упрощенія такихъ изображеній, какъ остроумно доказалъ аббатъ Брейль, произошли простые орнаменты (рис. 147, *b, c, d*), возникшіе изъ очертаній животныхъ. То же самое можно сказать и объ изображеніяхъ головъ животныхъ, изъ которыхъ, въ концѣ концовъ, произошли фигуры, похожія на растенія или на цвѣты,—эти фигуры сами по

Рис. 148. Стилизованныя головы лошади.
(По Пьетту.)

себѣ внѣ связи съ изображеніями, отъ которыхъ онѣ произошли, являлись бы совершенно непонятными (рис. 147, *e, f, g, h, i, k, l, m*). Точно также изображенія глазъ, частей роговъ, переднихъ и заднихъ конечностей, внѣшней формы рыбъ и т. п. претерпѣли сходныя геометрическія упрощенія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собою настоящую эволюцію декоративныхъ образцовъ изъ изображеній животныхъ,—ихъ можно считать схематизированными и геометрически стилизованными производными продуктовъ чисто натуралистическаго искусства. Сходныя явленія наблюдаются и въ области пластики. Мы сами должны здѣсь указать еще на нѣсколько соответствующихъ изображеній, давшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Именно, различныя по формѣ лошадиныя головы обнаруживаютъ часто рѣзкое подчеркиваніе границъ тѣхъ мѣстъ, которыя покрыты шерстью, и мѣстъ голыхъ, равно какъ и подчеркиваніе мускулатуры, въ особенности большой жевательной мышцы, на примѣръ, у классической лошадиной головы пещеры Масъ-д'Азиль (рис. 143, стр. 262). Особенно рѣзко обозначается переходъ отъ безволосаго конца морды лошади къ покрытой шерстью щекѣ, здѣсь проводится рѣзкая черта, и нерѣдко намѣчаются, дѣйствительно, обнаруживающіяся у живыхъ лошадей въ видѣ слабыхъ очертаній зубы, которые изображаются зубчатой линіей вдоль челюсти (сравни рис. 148, *a*). Еще далѣе заходитъ стилизація на рис. *b*, который выгравированъ на томъ же самомъ кускѣ кости изъ Масъ-д'Азиль, непосредственно рядомъ съ предыдущимъ; на немъ декоративно окаймленъ чертой и пучокъ длинныхъ волосъ на подбородкѣ ло-

шади. Наибольшей степени схематизации достигаетъ изображеніе головы лошади, переданное на рис. с; оно было найдено въ Сень-Мишель д'Арюди. Здѣсь жевательная мышца, челюсть и зубы, превратившіеся въ простыя зубчатая линіи, равно какъ и носъ, такъ сильно окаймлены линіями геометрически правильными, что въ первый моментъ совершенно производятъ впечатлѣніе удивительнаго сходства съ лошадыю, которая взнуздана, какъ это и заключилъ на самомъ дѣлѣ Пьеттъ, высказавшій предположеніе, что человѣкъ четвертичнаго періода, дѣйствительно, приручилъ уже и взнуздаль дикую лошадь. Что это, однако, не такъ, и что въ этихъ изображеніяхъ мы

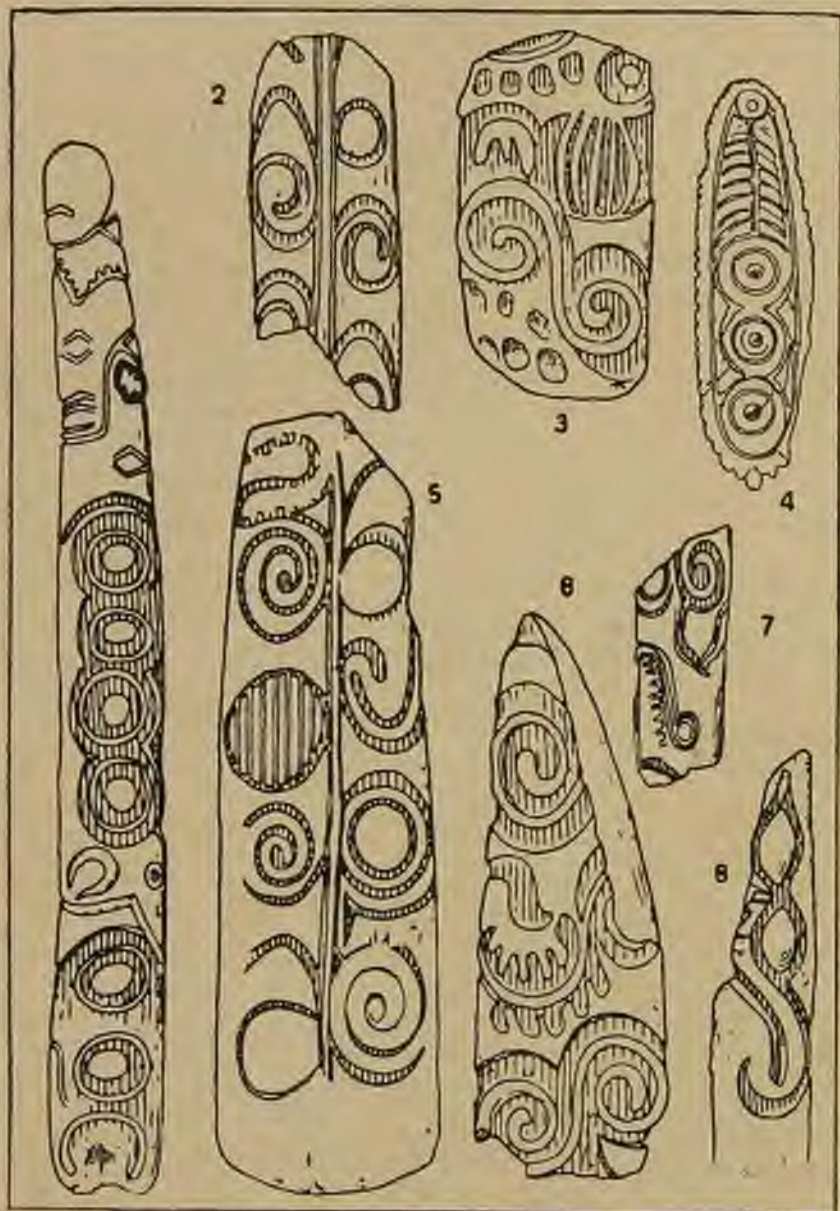

Рис. 149. Узоры изъ круговъ и спиралей.
1, 3, 7—Лурдъ; 2, 5, 6, 8—Арюди; 4—Сень-Марсель.
(По Дешелетту.)

должны видѣть какъ бы дегенерацію изображеній натуралистическихъ, было убѣдительно доказано Картальякомъ и Брейлемъ на рядѣ изображеній, на которыхъ замѣтны все переходныя стадіи. Такимъ образомъ, „взнузданная“ лошади Пьетта должны быть отнесены къ группѣ „стилизованнаго головъ животныхъ“, установленной Брейлемъ.

Что при этомъ значительная часть геометрически декоративныхъ образцовъ произошла изъ чисто-натуралистическихъ изображеній, можно считать вполне установленнымъ изслѣдованіями Брейля; именно, вслѣдствіе этого данныя образцы являются нѣсколько болѣе новыми и начинаютъ попадаться болѣе часто лишь въ концѣ магдаленской эпохи. Было бы, однако, совершенно напраснымъ указывать на то, что простѣйшіе образцы орнаментовъ далеко не всегда имѣютъ одинаковый ходъ развитія. Орнаменты въ видѣ рядовъ точекъ и въ видѣ простыхъ симметричныхъ линій, обыкновенные ряды зигзагообразныхъ линій, треугольниковъ и круговъ появляются очень рано и, быть-можетъ, возникли вслѣдствіе чисто-техническихъ условій. Для нихъ всюду въ природѣ имѣлись соотвѣтствующіе образцы, они же получались нерѣдко при перетягиваніи орудій ремнями для прикрѣпленія къ рукояткамъ и при попыткахъ плести. И на самомъ дѣлѣ, такіе орнаменты украшаютъ большую часть предметов повседневнаго обихода; острія, шила, лопаточки для разглаживанія и другія орудія изъ рога, кости или слоновой кости (рис. 119, стр. 227). Прекрасно развитыми являются также орнаменты изъ круговъ или спиралей, по отношенію къ которымъ возможно предположить, что они произошли изъ стилизованныхъ глазъ или роговъ зубровъ, изъ изображеній раковинъ улитокъ и т. п. предметовъ (рис. 149). Наконецъ, если не считать совершенно бессистемныхъ упражненій въ видѣ ряда штриховъ и набросковъ, каковыя неизбѣжнымъ образомъ должны были сопрово-

ждать произведенія искусства при такомъ невѣроятномъ множествѣ послѣднихъ, имѣется еще нѣкоторое количество загадочныхъ орнаментовъ, цѣль и назначеніе которыхъ намъ неизвѣстны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть-можетъ, это чистѣйшіе продукты фантазіи, въ другихъ—клейма, обозначающія принадлежность тому или другому лицу. Признавать въ нихъ вмѣстѣ съ Пьеттомъ непосредственные письменные знаки мы не имѣемъ никакого основанія изъ тѣхъ самыхъ соображеній, которыя въ предыдущей главѣ мы привели при разсмотрѣніи разрисованныхъ галекъ пещеры Масъ-д'Азиль. Скорѣе можно высказать предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь передъ собою магическіе знаки (рис. 150).

Если мы кинемъ теперь взглядъ на всѣ произведенія искусства, о которыхъ была рѣчь, то увидимъ, что главную роль среди нихъ играетъ изображеніе животнаго міра; очевидно, вокругъ животныхъ вертѣлись всѣ помыслы человѣка тѣхъ временъ, бывшаго по преимуществу охотникомъ. При томъ особенно часто изображаются животныя, служившія предметомъ охоты, рѣже встрѣчаются тѣ, которыя менѣе существенны въ экономическомъ отношеніи, и совсѣмъ рѣдко попадаются животныя, опасныя для человѣка, хищники, которыхъ убивали лишь изъ самозащиты. Списокъ изображенныхъ различными способами животныхъ охватываетъ такой длинный рядъ формъ, что мы можемъ на основаніи его возстановить почти всю важнѣйшую фауну того времени. Никакого вниманія не обращали на себя мелкія животныя въ родѣ лемминговъ, земляныхъ зайцевъ

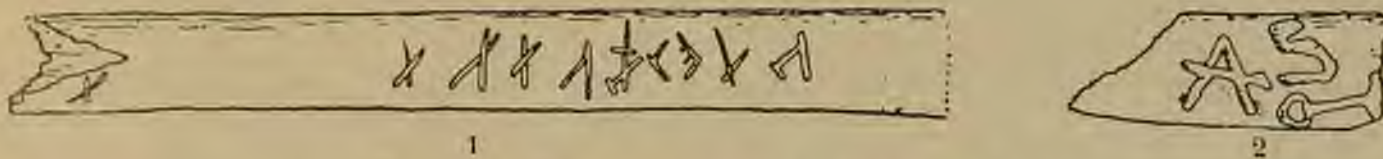

Рис. 150. Предполагаемые письмена.

1—Рошбертье; 2—Гурданъ.
(По Пьетту.)

и т. п.—ихъ остатки заносились въ пещеры обыкновенно хищными птицами, напримеръ, совами, а не человѣкомъ. Изображенія являются сплошь совершенно натуралистическими, и что касается ихъ эстетическаго значенія, то лучше всего я приведу слова директора картинной галлерей въ Дрезденѣ Вѣрманна: „Всѣ животныя вѣка сѣвернаго оленя—говоритъ онъ—изображены въ профиль (имѣются, однако, и исключенія); чрезвычайно замѣчательно при этомъ, какъ правильно сумѣли выполнявшіе ихъ первобытные художники передать жизненную правду и сходство съ природою. Для исторіи искусства является уже весьма важнымъ самое присутствіе такихъ произведеній, указывающихъ на эстетическое развитіе человѣка въ четвертичный періодъ. Мы видимъ, въ данномъ случаѣ, здѣсь ясенѣе, чѣмъ въ какой-либо изъ болѣе позднихъ періодовъ, какой высокой степени сходаства съ природою и какого высокаго развитія чувства мѣры достигало человѣчество при самыхъ скромныхъ техническихъ средствахъ въ эти первобытныя времена, несмотря на низшій уровень своего интеллектуальнаго развитія“. Хотя и среди современныхъ первобытныхъ народностей многія обнаруживаютъ ясно выраженный художественный талантъ, все же наши наилучшія произведенія четвертичнаго періода по художественности выполненія стоятъ значительно выше этихъ произведеній теперешнихъ племенъ,—относительно этого нѣтъ никакого разногласія среди всѣхъ знатоковъ даннаго періода. Спрашивается, какова была цѣль изготовленія всѣхъ этихъ художественныхъ произведеній? Судя по тому, что мы сказали выше, въ началѣ главы, можно думать, что здѣсь преобладало и даже исключительно было развито искусство для искусства. По всѣмъ вѣроятіямъ, многія изъ изо-

браженій являлись какъ бы воспоминаніями объ охотѣ, или трофеями, указывающими на ловкость, храбрость и искусство охотника, владѣльца этихъ предметовъ. Еще чаще, вѣроятно, это были амулеты, стоявшіе въ связи съ волшебствомъ и обеспечивавшіе владѣльцу защиту и успѣхъ въ одолѣніи изображаемаго звѣря. Нельзя предположить, чтобы въ новѣйшій палеолитическій періодъ каждый самостоятельно былъ художникомъ и рисовальщикомъ, изготовлявшимъ вещи для себя,—вѣроятно, и въ тѣ времена имѣлись болѣе умѣлые и опытные спеціалисты, которые занимались этимъ какъ ремесломъ; возможно, что работою отдѣльныхъ лицъ, не спеціалистовъ по этой части, являются тѣ различные наброски и попытки рисовать, которые мы находимъ нерѣдко на ряду съ болѣе совершенными произведеніями.

Рисунки на стѣнахъ пещеръ.

Давно уже можно было теоретически представить себѣ, что на ряду съ мелкой художественной промышленностью въ первобытныя времена существовали и болѣе крупныя произведенія искусства, напримѣръ, рѣзьба по дереву или живопись на болѣе значительныхъ поверхностяхъ, но эти произведенія были уничтожены временемъ. И вотъ, за послѣднее десятилѣтіе на самомъ дѣлѣ было сдѣлано въ этой области совершенно неожиданное открытіе,—былъ открытъ цѣлый новый міръ художественныхъ произведеній—цѣлый рядъ изображеній штрихами и красками на потолкахъ и стѣнахъ пещеръ, служившихъ жилищемъ человѣку въ четвертичный періодъ. Первые относящіяся сюда наблюденія были сдѣланы, впрочемъ, уже давно,—они связаны съ именемъ испанскаго археолога Марселино де-Саутуола и съ такъ называемою Альтамирскою пещерою въ округѣ Сантлана-дель-Маръ въ провинціи Сантандеръ. Эта пещера была открыта въ 1868 году однимъ охотникомъ, и въ 1875 году ее посѣтилъ Саутуола, нашедшій въ ней тотчасъ же слѣды обитанія человѣка въ четвертичный періодъ. Удивленіе его было велико, когда его маленькая дочка, бывшая съ нимъ вмѣстѣ въ пещерѣ въ 1879 году, обратила его вниманіе на рисунокъ животнаго на потолкѣ пещеры. Такихъ рисунковъ было найдено, дѣйствительно, множество, при чемъ выполнены они были черною, коричневою и красною краскою и изображали собою зубровъ, частью цѣликомъ, частью лишь туловища ихъ безъ головы, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и въ различной степени выцвѣтшихъ; длина этихъ изображеній была большею частью 1,25—1,50 метра, нѣкоторыя же достигали 2,20 метра. Саутуола опубликовалъ свои наблюденія въ слѣдующемъ же году, но они были встрѣчены съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ; особенно высказался противъ нихъ выдающійся палеонтологъ Арлэ, считавшій невозможнымъ, чтобы эти изображенія относились къ столь древнимъ временамъ. Онъ полагалъ, что они не могли сохраниться въ пещерахъ въ теченіе тѣхъ тысячелѣтій, которыя протекли со времени четвертичнаго періода,—къ тому же какое значеніе могли имѣть эти рисунки, прятавшіеся въ совершенной темнотѣ и чрезвычайно мало доступные? Тѣмъ не менѣе, и Арлэ обратилъ вниманіе на то, что многія изъ изображеній были покрыты тонкими инкрустациями отложившейся извести и никоимъ образомъ не могли быть произведеніями современными, въ виду того, что входъ въ пещеру былъ совершенно засыпанъ и былъ открытъ впервые снова лишь въ 1868 году. Какъ бы то ни было, открытіе это оставалось въ полномъ забвеніи, пока въ 1895 году Эмиль Ривьеръ не нашелъ въ свою очередь, рисунки, выгравированныя на стѣнахъ пещеры Ла-Муть, у Тайяка, въ Дордони. Входъ въ эту пещеру, заключающую большое количество остатковъ каменнаго

вѣка, былъ также до изслѣдованія ея Ривьеромъ совершенно засыпанъ и, такимъ образомъ, относительно высокой древности изображеній не могло быть никакого сомнѣнія. Тогда и археологъ Дало вспомнилъ о замѣчательныхъ рисункахъ на скалахъ, которые онъ еще въ 80-хъ годахъ наблюдалъ къ своему великому изумленію въ пещерѣ Пэръ-нонъ-Пэръ въ Шарантѣ, и которыя несомнѣнно принадлежали четвертичному періоду, такъ какъ были расположены низко на стѣнахъ и оказывались засыпанными четвертичнымъ наносомъ пещеры. Тогда рѣшились отнести къ ледниковому періоду и изображенія, замѣченныя въ пещерѣ Шабо, около Эгезы, въ департаментѣ Гарь, — среди нихъ еще въ 1893 году Ломбардъ Дюма открылъ очертанія слона, — животнаго, котораго, какъ извѣстно, въ позднѣйшія времена не было на нашемъ континентѣ.

Съ этого времени, благодаря счастливымъ и основательнымъ изслѣдованіямъ пещеръ, предпринятымъ аббатомъ Брейлемъ, археологами Капитаномъ, Картальякомъ, Пейронье, Реньо, Алькальде-дель-Ріо и патеромъ Сьерра, подобныя открытія настолько умножились, что теперь, т.-е. въ 1910 году, мы располагаемъ уже длиннымъ спискомъ пещеръ, содержащихъ, несомнѣнно, четвертичныя изображенія. Этотъ списокъ охватываетъ слѣдующія мѣстности.

А. Франція.

1. Пещера Шабо (деп. Гарь), открытая въ 1878 году Широномъ.
2. Пещера Пэръ-нонъ-Пэръ (деп. Жиронда), открытая въ 1883 году Дало.
3. Пещера Ла-Мутъ въ Дордони, открытая въ 1893 году Ривьеромъ.
4. Пещера Марсула (Верхняя Гаронна), открытая въ 1897 г. Реньо.
5. Пещера Ле-Комбарель въ Дордони, открытая въ 1902 году Капитаномъ, Брейлемъ и Пейронье.
6. Пещера Фонтъ-де-Гомъ (въ Дордони), открытая въ 1902 году тѣми же изслѣдователями.
7. Пещера Масъ-д'Азиль (въ Арьежѣ), открытая въ 1902 г. Брейлемъ.
8. Пещера Бернифаль (въ Дордони), открытая въ 1903 г. Капитаномъ, Брейлемъ и Пейронье.
9. Пещера Тейять (въ Дордони), открытая въ 1903 году тѣми же изслѣдователями.
10. Пещера Ла-Калеви (въ Дордони), открытая въ 1903 г. тѣми же изслѣдователями.
11. Пещера Ла-Грезъ (въ Дордони), открытая въ 1904 г. Капитаномъ, Брейлемъ и Ампуланжемъ.
12. Пещера Гаргасъ (Верхняя Гаронна), открытая въ 1906 г. Реньо и въ 1909 г. Брейлемъ.
13. Пещера Ніо (въ Арьежѣ), открытая въ 1906 г. Моларомъ и Картальякомъ.
14. Пещера Беделіакъ (въ Арьежѣ), открытая въ 1907 г. Брейлемъ и Картальякомъ.
15. Пещера Буишета (въ Арьежѣ), открытая въ 1907 г. Брейлемъ.
16. Пещера Ле-Портель (въ Арьежѣ), открытая въ 1908 г. Жаннелемъ и Реньо.
17. Пещера Гонтранъ (въ Дордони), открытая въ 1908 г. Брейлемъ.
18. Пещера Лоссель (въ Дордони), открытая въ 1909 г. Лаланомъ.

Б. Испанія.

Сѣверныя провинціи.

1. Альтамирская пещера, близъ Сантильяна-дель-Маръ, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1875 и 1879 г. археологомъ Саутуола.
2. Пещера Горносъ-дела-Пенья, близъ Санъ-Фелицесъ-де-Буэлья, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1903 г. Алькальде-дель-Ріо.
3. Пещера Кастильо близъ Пуэнте-Віезго, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1903 г. Алькальде-дель-Ріо.
4. Пещера Коваланасъ, близъ Рамалесъ, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1903 г. Алькальде-дель-Ріо и Сьерра.
5. Пещера Ла-Хаза, близъ Рамалесъ, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1903 г. Алькальде-дель-Ріо и Сьерра.
6. Пещера Сантьянъ близъ Пуэнте-де-Арче, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1905 г. Алькальде-дель-Ріо.
7. Пещера Салитра, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1905 г. Сьерра.
8. Пещера Ла-Клотильде, близъ Санта-Изабель въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1906 г. Алькальде-дель-Ріо и Брейлемъ.
9. Пещера Пендо, близъ Эскобедо, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1906 г. Алькальде-дель-Ріо.
10. Пещера Ла-Вента-дела-Перра близъ Молиара въ Бискайѣ, открытая въ 1906 г. Сьерра.
11. Пещера Меаза, близъ Комилласъ, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1907 г. Алькальде-дель-Ріо.
12. Пещера Ла-Сотарриза близъ Гибайя, въ провинціи Сантандеръ, открытая въ 1907 г. Сьерра.
13. Пещера Ла-Лойя близъ Буэллесъ, въ провинціи Овiedo, открытая въ 1908 г. Алькальде-дель-Ріо и Брейлемъ.
14. Пещера Пиндаль, близъ Пиміанго, въ провинціи Овiedo, открытая въ 1908 г. Алькальде-дель-Ріо.
15. Пещера Квинтаноль, въ провинціи Овiedo, открытая въ 1908 г. Алькальде-дель-Ріо.
16. Пещера Мазакулосъ, въ провинціи Овiedo, открытая въ 1908 г. Алькальде-дель-Ріо.

Арагонія.

17. Пещера Калапата, близъ Кретасъ, въ Теруэль, открытая въ 1905 г. Кабрэ и Брейлемъ.
18. Пещера Альбаррасинъ, въ Теруэль, открытая въ 1909 г. Кабрэ.

Каталонія.

19. Пещера Когуль, въ провинціи Лерида, открытая въ 1908 г. Чефери-Рокафоръ и Брейлемъ.

Эстремадура.

20. Пещера Ласъ-Батуэкасъ, въ провинціи Саламанка, открытая въ 1909 г. Виченте Паредесъ.

Эти пещеры (изъ нихъ лишь *A* № 18 и *B* № 17—20 полуоткрытые гроты, защищенные нависающими скалами) распредѣляются, какъ ясно изъ списка, исключительно на югѣ Франціи и въ Испаніи, такъ что эти страны являются преимущественнымъ мѣстомъ распространенія стѣнной живописи первобытнаго человѣка. Впрочемъ возможно ожидать, однако, что эта область распространенія еще болѣе расширится, такъ какъ, на примѣръ, въ 1904 году археологи Регалиа и Стази открыли въ нижней Италіи въ пещерѣ Романелли, близъ Кастро, въ провинціи Терра-д'Отранто, также и въ некоторые рисунки на скалахъ, по всему своему общему характеру сходные съ такими западной Европы.

Намъ предстоитъ теперь задача—ближе разсмотрѣть подлинность этихъ художественныхъ произведеній, состоящихъ частью изъ вырѣзанныхъ рисунковъ, частью изъ фресокъ. Прежде всего надо рѣшить вопросъ, какимъ способомъ вообще могла сохраниться живопись со столь древнихъ временъ,—что касается вырѣзанныхъ на камнѣ изображеній, то они, конечно, въ этомъ отношеніи находились въ лучшихъ условіяхъ. При разсмотрѣніи пещеръ, наиболѣе богатыхъ произведеніями живописи, бросается въ глаза, что большинство изъ нихъ необыкновенно глубоко вдается внутрь горы. Такъ, пещера Ламуть, на примѣръ, достигаетъ длины, приблизительно, 220 метровъ, и лишь начиная съ 90 метровъ разстоянія отъ входа, слѣдовательно, тамъ, гдѣ царитъ полная тьма, начинаютъ встрѣчаться выгравированные на стѣнахъ рисунки; точно такъ же обстоитъ дѣло въ пещерѣ Комбарель, которая представляетъ собою узкій извитый ходъ,—она длиною въ 225 метровъ, и первые украшающіе стѣны рисунки находятся въ разстояніи 119 метровъ отъ входа. Въ пещерѣ Фонтъ-де-Гомъ лишь на разстояніи 65 метровъ отъ входа мы встрѣчаемъ такъ называемую „Картинную галерею“; въ пещерѣ Ніо, которая длиною болѣе 1400 метровъ, мы встрѣчаемъ такую же на разстояніи 500 метровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти пещеры въ прежнія времена были разукрашены и ближе ко входу, но фактически рисунки сохранились лишь въ глубинѣ пещеръ, куда не достигаютъ ни свѣтъ, ни прямая атмосферическія вліянія, ни дѣйствіе растительныхъ факторовъ разрушенія. Менѣе глубокія пещеры подтверждаютъ это предположеніе, съ своей стороны, такъ какъ въ нихъ иногда также сохранились рисунки благодаря различнымъ особымъ обстоятельствамъ. Такъ, на примѣръ, входъ въ пещеру Марсула обрушился еще въ концѣ четвертичнаго періода и замкнулъ ее точно такъ же, какъ обрушился главный входъ въ пещеру Пэръ-нонь-Пэръ, и лишь аббатъ Ко-Дюрбанъ и археологи Реньо и Дало открыли вновь эти пещеры. Такое же положеніе вещей имѣло мѣсто и въ Альтамирской пещерѣ и въ пещерѣ Тейять. Небольшая пещера Ла-Грезъ была, по всѣмъ вѣроятіямъ, сплошь покрыта вырѣзанными на камнѣ рисунками, но дѣйствіе воздуха и разрушающихъ камень лишаевъ уничтожило эти рисунки, сохранился лишь одинъ зубръ и три отдѣльныхъ куска рисунковъ вслѣдствіе того, что они были такъ низко помѣщены на стѣнѣ пещеры, что ихъ покрылъ еще культурный слой магдаленской эпохи—слой этотъ, слѣдовательно, является по происхожденію болѣе позднимъ, чѣмъ эти рисунки. Интересно при этомъ, что три рисунка наполовину обрѣзаны—верхняя половина (голова и спина животнаго) выдавалась надъ четвертичнымъ покровомъ, заполнившимъ пещеру, и погибла, нижнія части были прикрыты наносомъ и вслѣдствіе этого сохранились. Нерѣдко одинъ и тотъ же рисунокъ оказывалъ различную степень сопротивленія разрушающимъ факторамъ; мы увидимъ далѣе, что нерѣдко одиѣ части рисунковъ лишь вырѣзаны на камнѣ, тогда какъ другія выполнены красками,—первыя сохранились, вторыя же нерѣдко разрушились, такъ что отъ нихъ остались лишь очертанія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что подлинность

данныхъ рисунковъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнiю, они никоимъ образомъ не могутъ быть произведенiями современнаго геологическаго періода. Такому предположенiю противорѣчить и то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ отдѣльные рисунки инкрустированы известью или покрыты даже толстой корой известняка, образовавшагося въ теченіе долгихъ періодовъ. Если, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолженіе фресокъ оказывается лежащимъ глубоко подъ образовавшимися сталагмитами, и для того, чтобы это изображеніе увидѣть, приходится отбивать ихъ, то ясно, что и сохранившаяся снаружи половина изображеній не можетъ никоимъ образомъ быть поддѣльною и современною. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что данные рисунки должны относиться къ четвертичному періоду, или же мы сдѣлаемъ лучше, если отнесемъ ихъ къ болѣе позднимъ періодамъ доисторическаго времени? Последнее предположеніе неоднократно высказывалось и, между прочимъ, высказывалось даже знаменитымъ изслѣдователемъ пещеръ Мартелемъ. Оно должно, однако, при ближайшемъ разсмотрѣнiи немедленно отпасть совершенно,—дѣло въ томъ, что списокъ животныхъ, изображенныхъ на стѣнахъ пещеръ первобытнымъ человѣкомъ, содержитъ цѣлый рядъ исключительно четвертичныхъ видовъ, которые съ окончанiя четвертичнаго періода исчезли изъ предѣловъ Европы или даже совершенно вымерли,—стоитъ лишь упомянуть мамонта, сибирскаго носорога и сѣвернаго оленя. Если воспроизведеніе ихъ произошло не въ настоящее время, что по выше приведеннымъ соображенiямъ является недопустимымъ, то оно могло относиться лишь къ ледниковому періоду, такъ какъ исключительно въ эту эпоху первобытный человѣкъ и имѣлъ передъ своими глазами соответствующихъ

Рис. 151. Слонь, непокрытый шерстью.
Красный контурный рисунокъ въ пещерѣ Кастильо.
(Рисунокъ Брейля.)

животныхъ въ натурѣ. Населеніе Европы болѣе позднихъ періодовъ каменнаго вѣка, бронзоваго періода или хотя бы среднихъ вѣковъ нашего времени, не имѣло никакого представленiя и никакихъ данныхъ объ этомъ животномъ населенiи. Правда, вмѣстѣ съ изображенiями этихъ животныхъ мы встрѣчаемъ и рисунки такихъ видовъ, которые вымерли лишь въ болѣе позднее время (на примѣръ, зубръ, дикія лошади и др.) или даже встрѣчаются и посейчасъ въ средней Европѣ (олени, серны и т. п.); однако, по стилю выполненiя и по сохраненiю своему рисунки эти вполне соответствуютъ изображенiямъ несомнѣнно четвертичнымъ, такъ что ихъ никакъ нельзя вырвать изъ общей связи—они образуютъ съ четвертичными рисунками одно цѣлое. Испанскія пещеры, содержащія рисунки на стѣнахъ, до недавняго времени выдѣлялись и признавались болѣе поздними по происхожденiю, такъ какъ въ нихъ не было найдено изображеній исключительно четвертичныхъ животныхъ, но въ настоящее время таковыя имѣются и оттуда (рис. 151).

Къ этому доказательству четвертичнаго происхожденiя пещерныхъ рисунковъ присоединяется еще и другое, — именно, тѣсное родство вырѣзанныхъ рисунковъ съ украшенiями на мелкихъ художественныхъ произведенiяхъ четвертичнаго періода.

Техника и воспроизведеніе въ томъ и другомъ случаѣ совершенно тождественны, и несомнѣнно и тѣ и другія произведенія являются результатомъ дѣятельности тѣхъ же рукъ человѣческихъ. Сперва можно было думать, что размѣры стѣнныхъ изображеній сильно отличаются отъ таковыхъ, воспроизводившихся на предметахъ домашняго обихода, но въ настоящее время намъ извѣстны всѣ градаціи размѣровъ. На ряду съ крупнымъ изображеніемъ длиною до трехъ метровъ и вышиною до полутора метра, мы находимъ въ пещерахъ и миниатюрные гравированные рисунки, размѣры которыхъ соответствуютъ какъ-разъ самымъ крупнымъ изображеніямъ на кости и на каменныхъ пластинкахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ одну и ту же манеру воспроизведенія, одиѣ и тѣ же основныя черты и методы рисованія и даже тѣ же ошибки и несовершенства выполненія. Стоитъ лишь обратить вниманіе на изображеніе лошадей и сѣверныхъ оленей или на изображенія зубра, выгравированное на пластинкѣ сталагмита и воспроизведенное нами на рисункѣ 126. Это изображеніе, неоспоримо принадлежащее древне-магдаленской эпохѣ, опредѣляетъ въ то же время точнѣйшимъ образомъ и возрастъ тождественныхъ съ нимъ стѣнныхъ рисунковъ; нерѣдко различныя наброски на кости или на камнѣ являлись, по видимому, вообще какъ бы первыми эскизами рисунковъ, воспроизводившихся затѣмъ въ окончательномъ видѣ на стѣнахъ. Это особенно ясно въ случаѣ, открытомъ Брейлемъ, Алькадомъ-дель-Ріедомъ и мною въ 1909 г. въ пещерѣ Горносъ-дела-Пенья, гдѣ нами была найдена лобная кость лошади въ имѣвшемся тамъ солотрейскомъ слоѣ, и на ней оказался изображеннымъ набросокъ задней части лошади, точнѣйшимъ образомъ воспроизведенной затѣмъ на стѣнѣ пещеры въ видѣ гравированнаго рисунка.

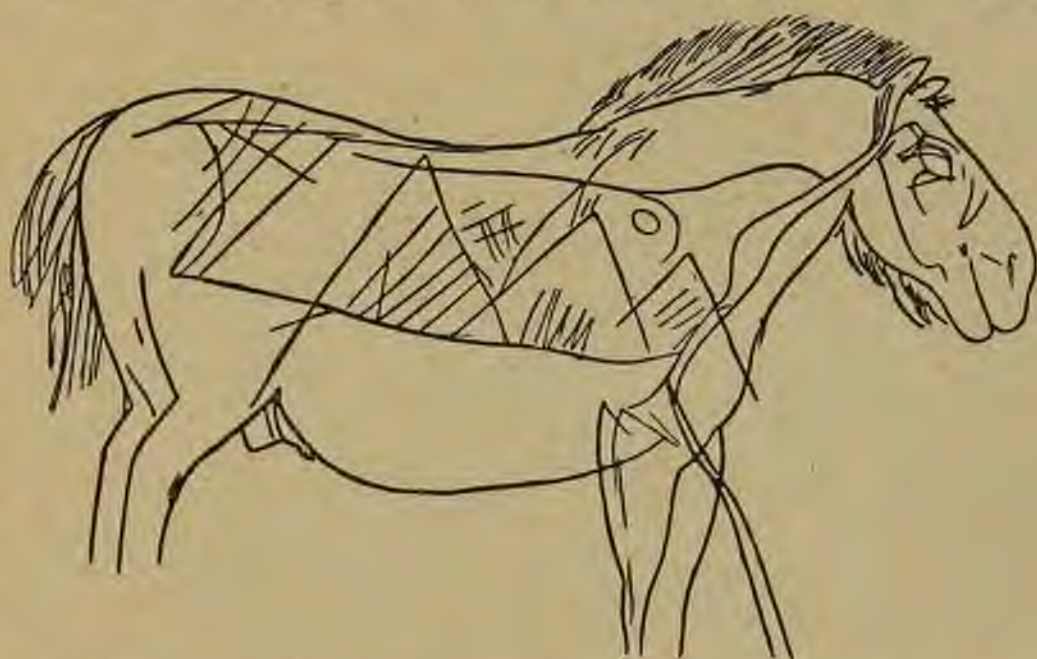

Рис. 152. Рисунокъ лошади изъ пещеры Комбарель, съ невѣрно понятымъ изображеніемъ «пононы».
(По Капитану и Брейлю.)

Установивъ, такимъ образомъ, четвертичный возрастъ художественныхъ произведеній первобытнаго человѣка на стѣнахъ пещеръ, мы должны теперь сказать нѣсколько словъ объ ихъ общемъ характерѣ и выполненіи. Какъ было указано, мы должны различать прежде всего выгравированные рисунки, состоящіе изъ однихъ очертаній, и настоящую живопись красками. Вполнѣ понятно, что какъ тѣ, такъ и другія произведенія не могли не подвергнуться разрушительному дѣйствию времени въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не были защищены естественными условіями. Краски во многихъ случаяхъ поблекли, и нерѣдко для того, чтобы замѣтить чрезвычайно тонкія очертанія гравированныхъ рисунковъ, требуется особенно благоприятное освѣщеніе. Если свѣтъ и тѣни падаютъ правильно, то не трудно разобрать фигуры, но если разсматривать съ неудобной стороны, то глазъ нерѣдко тщетно ищетъ изображеній тамъ, гдѣ только-что передъ тѣмъ были видны совершенно ясныя очертанія. Пониманіе изображеній къ тому же часто затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что иногда цѣлый рядъ поколѣній обитателей

пещеры воспроизводилъ рисунки на одномъ и томъ же мѣстѣ другъ на другѣ. Иногда требуется продолжительное изученіе поверхности пещеры, прежде чѣмъ удастся разобраться въ путаницѣ отдѣльныхъ беспорядочныхъ штриховъ, выяснитъ незаконченныя или стертые картины и выдѣлить сохранившіеся рисунки. Такимъ образомъ, волюнъ понятно, что даже такіе спеціалисты, какъ Капитанъ, первоначально не волюнъ правильно истолковывали нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ, и что первыя опубликованныя изображенія неоднократно страдали неточностями и давали поводъ къ недоразумѣніямъ. Въ качествѣ примѣра можно привести хотя бы изображеніе лошади въ пещерѣ Комбарель (рис. 152), многократно воспроизводившееся позднѣе въ разныхъ сочиненіяхъ. Это изображеніе въ томъ видѣ, какъ оно было воспроизведено въ 1902 г., и воспроизводится здѣсь на нашемъ рисункѣ, представляетъ собою лошадь какъ бы покрытую какою-то попоною; на самомъ дѣлѣ, однако, на этомъ мѣстѣ нарисовано другъ на другѣ много различныхъ фигуръ, и различныя черты на тѣлѣ лошади представляютъ собою лишенные какой-либо правильности штрихи, не имѣющіе ничего общаго съ изображеніемъ лошади; кромѣ того, на груди этой лошади находится второе изображеніе дикой лошади, изъ котораго Ка-

Рис. 153. Форель, нарисованная на глиняномъ днѣ пещеры. Пещера Ню. Рисунокъ длиною въ 30 сант.
(По фотографіи Лассалля.)

питанъ и Брейль ошибочнымъ образомъ воспроизвели лишь глазъ и кривую линію лба, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по данному миѣ лично объясненію авторовъ, эти очертанія переходятъ въ изображенія рта и шеи. Такимъ образомъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ изображеніи прирученной и взнузданной лошади. Всѣ эти контурные рисунки выгравированы на поверхности стѣнъ пещеры кремневыми рѣзцами, иногда поверхностно, въ другихъ случаяхъ довольно глубоко. Для картинъ, выполненныхъ красками, применялись красящія вещества, о которыхъ мы упоминали уже выше (стр. 258), и притомъ нѣкоторые рисунки выполнялись лишь одною краскою, другіе — многими. Краски стирались съ жиромъ или съ различными другими веществами и превращались въ компактную однородную и довольно прочно выдерживающую массу; онѣ наносились кистью или другими сходными приспособленіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ скала, на которой рисовали, нѣсколько выравнивалась, чтобы получилась сплошная поверхность; въ другихъ случаяхъ пользовались, какъ и при украшеніи различныхъ мелкихъ предметовъ, естественными плоскостями, выступами и т. п. и привязывали къ нимъ очертанія тѣхъ или другихъ животныхъ; при этомъ иногда, напримѣръ, туловища изображаемыхъ животныхъ оказывались выступающими пластически, или ноги ихъ намѣчались естественными изгибами выростовъ сталагмитовъ. Такими рисунками украшались всевозможныя, нерѣдко очень неудобныя и недоступныя мѣста, — мы встрѣчаемъ эти рисунки въ узкихъ проходахъ, въ низкихъ боковыхъ нишахъ, куда можно обратиться лишь ползкомъ, на гладкихъ стѣнахъ и на сводчатыхъ потолкахъ и притомъ нерѣдко на такой высотѣ, что приходится предположить о выполненіи этихъ рисунковъ не иначе, какъ при помощи лѣтницы или другихъ вспомогательныхъ приспособленій. Въ пещерѣ

образомъ воспроизвели лишь глазъ и кривую линію лба, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по данному миѣ лично объясненію авторовъ, эти очертанія переходятъ въ изображенія рта и шеи. Такимъ образомъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ изображеніи прирученной и взнузданной лошади. Всѣ эти контурные рисунки выгравированы на поверхности стѣнъ пещеры кремневыми рѣзцами, иногда поверхностно, въ другихъ случаяхъ довольно глубоко. Для картинъ, выполненныхъ красками,

Но, дно которой въ глубинѣ ея превосходно сохранилось, были найдены очертанія зубра и форели (рис. 153) даже въ глинѣ самаго дна, которое съ того времени сильно затвердѣло. Тамъ же были найдены отпечатки колѣнъ и ногъ пещерныхъ жителей. Неоднократно возбуждался вопросъ, какими средствами освѣщенія пользовались обитатели этихъ пещеръ, украшавшіе стѣны ихъ изображеніями не только въ тѣхъ частяхъ, которыя еще освѣщены дневнымъ свѣтомъ, но и въ глубинѣ пещеръ, гдѣ царитъ вѣчная ночь. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти отдаленные уголки пещеръ, благодаря ихъ равномерной, относительно высокой температурѣ въ теченіе долгихъ и суровыхъ зимъ являлись самыми излюбленными мѣстами обитанія, такъ какъ въ нихъ не нужно было поддерживать огня для согрѣванія жилища. Ихъ освѣщали, по всѣмъ вѣроятіямъ, свѣтильниками, сдѣланными изъ кости или изъ камня, въ которыхъ, подобно тому какъ въ настоящее время у эскимосовъ, горѣлъ жиръ и костный мозгъ. Быть-можетъ, пользовались также факелами изъ коры деревьевъ или лучиною, — копоть отъ этихъ освѣтительныхъ матеріаловъ, какъ извѣстно, быстро разлагается на потокъ, и глазъ по истеченіи нѣкотораго времени приспособляется къ различенію при этомъ несовершенномъ освѣщеніи самыхъ мелкихъ деталей окружающаго.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію пещеръ, украшенныхъ рисунками и живописью въ отдѣльности. Намъ извѣстны, съ одной стороны, пещеры, содержащія лишь гравированные

рисунки, съ другой — пещеры, гдѣ имѣются лишь рисунки красками; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы, къ счастью, знаемъ и такія пещеры въ которыхъ встрѣчаются почти все виды различныхъ стѣнныхъ украшеній, и притомъ иногда они даже непосредственно налегаютъ другъ на друга, такъ что позволяютъ намъ сдѣлать заключенія и относительно послѣдовательности и развитія искусства стѣнной живописи. Брейль на конгрессѣ въ Монако, въ 1906 г., подробно разсмотрѣлъ вопросъ о послѣдовательности появленія этихъ рисунковъ.

Первою и древнѣйшею фазою было простое воспроизведеніе очертаній. Изъ этой фазы мы располагаемъ лишь силуэтами, воспроизводящими животныхъ въ видѣ самыхъ примитивныхъ профилей, т.-е. воспроизводится лишь та передняя или задняя нога животнаго, которая обращена непосредственно къ наблюдателю; очертанія этихъ изображеній большею частью неправильны такъ же, какъ и пропорціональныя соотношенія частей, ихъ детали, напримѣръ: копыта, волосы и т. п., обыкновенно вовсе не воспроизведены. Если дѣло касается гравированныхъ изображеній, то очертанія ихъ большею частью

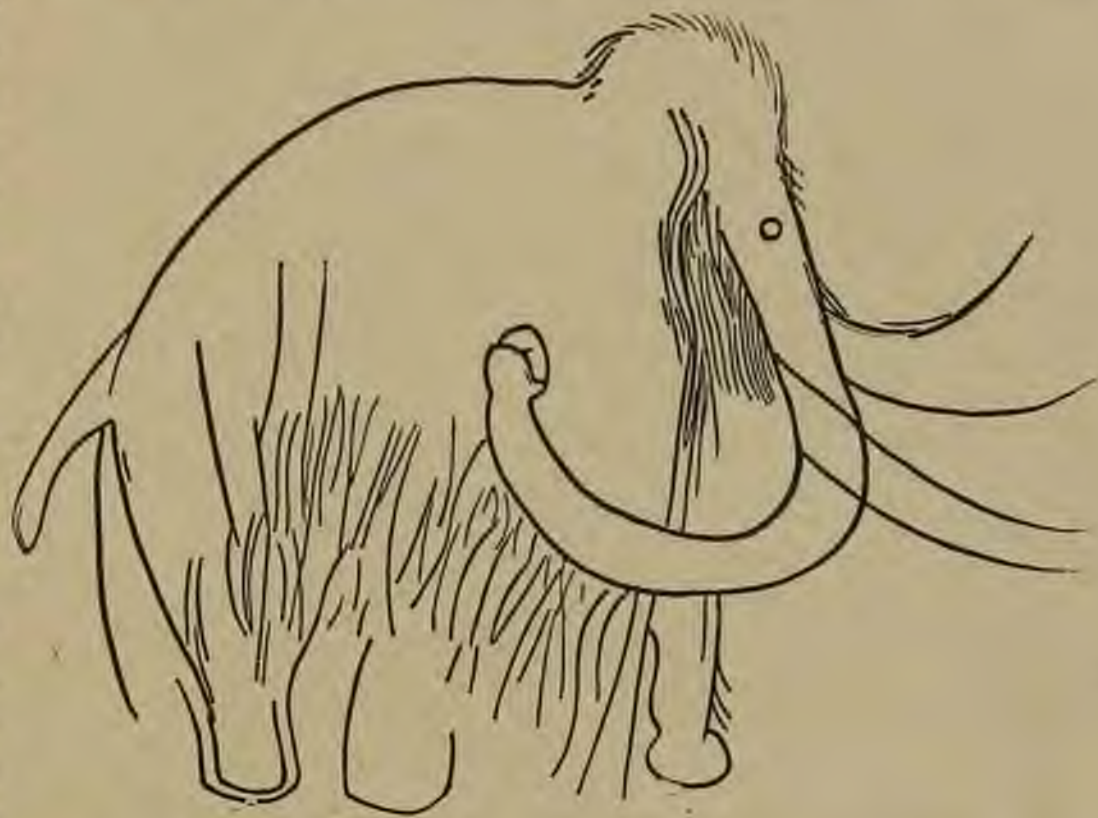

Рис. 154. Мамонтъ, вырѣзанный на камнѣ, въ пещерѣ Комбарель. (1/8 наст. вел.).
(По Капитану, Пейрони и Брейлю.)

очень глубоки и толсты, тогда какъ произведенія живописи представляютъ собою лишь контуры, выполненные красною и черною красками. Примѣрами можетъ служить живопись пещеры Пэръ-нонъ-Пэръ, пещеръ Ла-Грезъ и Шабо, затѣмъ сюда же относятся отдѣльныя изображенія Альтамирской пещеры, пещеры Ла-Калери, Портель и Кастильо въ Испаніи (рис. 151).

Вторая фаза опять охватываетъ прежде всего гравированныя изображенія, но здѣсь таковыя, все еще глубоко врѣзанныя, являются болѣе точными и жизненными; у животныхъ изображены уже 4 ноги, притомъ болѣе тщательно нарисованныя, а также вырисованы въ большинствѣ случаевъ копыта, грива, и т. п. Рога воспроизведены уже въ перспективномъ видѣ. Въ концѣ этой фазы наблюдаются и дальнѣйшіе успѣхи живописи: отдѣльныя части животныхъ воспроизводятся съ болѣею жизненностью, части, покрытыя шерстью, исчерчиваются штрихами, точно такъ же, какъ и гривы и хвосты

Рис. 155. Черный зубръ изъ Альтамирской пещеры.
(По Картальяку и Брейлю.)

(рис. 154). Соответствующія произведенія мы встрѣчаемъ въ пещерахъ Альтамирской и Марсула, Ла-Муть, Фонтъ-де-Гомъ и въ особенности въ пещерѣ Комбарель. Еще яснѣе сказывается этотъ прогрессъ въ современныхъ рисункахъ, выполненныхъ красками. Черныя и вообще темныя, ограничивающія линіи, мѣстами утолщаются, чтобы такимъ образомъ отдѣльные члены животныхъ выступали пластичнѣе. Рисунокъ дѣлается одноцвѣтнымъ, но выполняется очень тонко, при чемъ туловище изображается пластичнымъ благодаря соответственному распредѣленію болѣе свѣтлыхъ и болѣе темныхъ тоновъ. Этотъ способъ пластичной тушовки достигается частичнымъ соскабливаніемъ краски съ тѣхъ мѣстъ, которыя должны быть свѣтлѣе. Превосходнѣйшимъ примѣромъ такого рода живописи можетъ считаться частично выполненный зубръ Альтамирской пещеры (рис. 155); другіе подобные же образцы мы находимъ въ пещерахъ Марсула, Комбарель, Фонтъ-де-Гомъ, Ла-Муть, а также въ Испаніи въ пещерахъ Ковалавасъ и Кастильо.

Гравированные рисунки третьей фазы болѣею частью малы и не глубоко врѣзаны. Можно сказать, что здѣсь техника достигаетъ своего максимальнаго развитія: поверхность скалы нерѣдко является выглаженной кремневыми ножами для того, чтобы было возможно тончайшее выполненіе рисунковъ, которые по выразительности, пропорциональности и изяществу деталей представляютъ собою настоящіе шедевры (рис. 162). Изображенія, относящіяся къ этой фазѣ, весьма многочисленны въ Альтамирской пещерѣ, и сюда должны быть отнесены нѣкоторые рисунки пещеръ Марсула, Фонтъ-де-Гомъ и вся живопись пещеры Тейять. Нѣкоторые гравированные рисунки Горнось-дела-Пенья и Кастильо могли бы также быть сюда отнесены. Одновременная живопись,

однако, стоитъ ниже предшествующей ступени: пластичность передачи тѣла красками отсутствуетъ, и животныя изображаются либо черною, либо красною краскою; иногда присоединяется гравировка или же вмѣсто сплошной однородной краски тѣло покрывается правильными красными или черными точками, какъ это мы особенно видимъ въ пещерѣ Марсула, что производитъ какое-то чуждое, неблагоприятное впечатлѣніе (рис. 163). Въ пещерѣ Фонтъ-де-Гомъ изображенія сперва совершенно черны, затѣмъ коричневые, при чемъ въ общемъ они прекрасно передаютъ и очертанія животныхъ, и детали.

Кульминаціоннаго пункта своего развитія пещерная живопись достигаетъ въ четвертой фазѣ. Богатѣйшія гравированныя изображенія утрачиваютъ свое значеніе и замѣняются небольшими вырѣзанными рисунками, на которыхъ заботы о сохраненіи деталей нерѣдко неблагоприятно вліяютъ на общее впечатлѣніе. Въ живописи художники этого періода снова стараются найти утраченную въ предыдущей фазѣ способность пе-

Рис. 156. Сѣверные олени изъ пещеры Фонтъ-де-Гомъ.
Живопись, дополненная гравировкой на камнѣ.
(Ориг. рис. Брейля.)

редачи пластики, и достигаютъ этихъ результатовъ, примѣняя многоцвѣтныя изображенія. Многоцвѣтные рисунки первоначально вводятся съ большою осторожностью, — сперва на отдѣльныхъ одноцвѣтныхъ коричневыхъ или красныхъ фигурахъ наносятся детали черною краскою, на примѣръ, рисуются копыта, глаза, гривы и рога. Позднѣе черная краска служитъ для нанесенія всѣхъ контуровъ, и очертанія выполняются различными красками въ нѣсколькихъ тонахъ, которые получаются изъ основныхъ красокъ: желтой, красной, коричневой и черной. Съ другой стороны, на томъ же самомъ рисункѣ нерѣдко тончайшая гравировка соединяется съ живописью красками, — очертанія врѣзаются и врѣзанными же штрихами подчеркиваются детали, при чемъ иногда вся голова, глаза, рога и ротъ животнаго, равно какъ его копыта, колѣна, грива и другія покрытыя шерстью части тщательнѣйшимъ образомъ выгравировываются на камнѣ. Сюда относятся фрески Альтамирской пещеры и пещеръ Кастильо, Марсула и Фонтъ-де-Гомъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что фигуры животныхъ нерѣдко обнаруживаютъ тен-

денцію и некоторой условной неподвижности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, художникъ не останавливается и передъ некоторымъ преувеличеніемъ.

Въ пятой фазѣ развитія живописи мы не встрѣчаемъ болѣе гравированныхъ рисунковъ и фресокъ, изображающихъ фигуры животныхъ. Зато мы находимъ здѣсь, особенно въ пещерахъ Марсула и Пиндаль, цвѣтные узоры въ видѣ длинныхъ вѣтвевидныхъ штриховъ, щитовъ и пунктировъ; иногда встрѣчаются и окаймленные дугообразными линиями кресты (рис. 157). Все это чрезвычайно напоминаетъ рисунки на раскрашенныхъ галькахъ азильскаго періода, предшественники которыхъ, впрочемъ, находятся уже въ пещерахъ Кастильо, Ню и др. на болѣе раннихъ стадіяхъ, такъ что узоры азильскаго періода фактически являются происшедшими отъ болѣе раннихъ условныхъ знаковъ.

Что касается распредѣленія во времени этихъ пещерныхъ изображеній, то въ этомъ отношеніи мы пришли теперь къ совершенно опредѣленному выводу, именно, выяснили, что они относятся къ новѣйшему палеолитическому періоду. Они появляются

Рис. 157. Красные узоры изъ пещеры Марсула.
(По Картальяку и Брейлю.)

въ ориньякскую и солотрейскую эпохи, къ которымъ относятся самыя первыя ступени, и достигаютъ максимума развитія, именно: второй и третьей фазы, въ магдаленскую эпоху. Одновременно съ мелкими художественными украшениями предметовъ обихода исчезаютъ и крупныя изображенія на стѣнахъ пещеръ.

Къ сожалѣнію, мы

должны отказаться отъ описанія всѣхъ пещеръ, украшенныхъ произведеніями живописи въ отдѣльности, но о важнѣйшихъ и красивѣйшихъ изъ нихъ все же надо сказать нѣсколько словъ, и прежде всего, въ данномъ случаѣ, о пещерахъ Комбарель и Фонтъ-де-Гомъ, которыя съ полною справедливостію называются настоящими Луврами четвертичнаго періода.

Пещера Комбарель находится въ Дордони, недалеко отъ Лезъ-Эйзи въ долину рѣки Банъ. Это не расщелина въ скалѣ, а сильно извитое русло подземнаго ручья, въ которомъ можно различить съ полною точностью мѣста, гдѣ находилось въ прежнее время дно этого узкаго ручья. Вся длина пещеры 225 метровъ, средняя ея ширина полтора—два метра и средняя вышина 0,5—3 метра. Въ 1902 году эта пещера была изслѣдована Пейронье, Капитаномъ и Брейлемъ, при чемъ обнаружилось, что первые ясно замѣтные гравированные рисунки находятся на разстояніи 119 метровъ отъ входа, который служитъ одному изъ мѣстныхъ жителей хлѣвомъ; начиная отсюда, эти рисунки распредѣляются по всей остальной части пещеры вплоть до самаго задняго конца. Иногда они награвированы слабо, иногда же врѣзаны на 6 миллиметровъ и не-

рѣдко совершенно или отчасти покрыты корой натечнаго известняка. Животныя изображены въ профиль, длиною 0,2—1 метра, одни изъ нихъ выполнены съ большою точностью, такъ что ихъ легко узнать, другія вырѣзаны другъ на другѣ или покрыты беспорядочными линіями. Тщательность выполненія отдѣльныхъ частей свидѣтельствуешь о большой наблюдательности и сильно развитомъ художественномъ чутьѣ. Нѣкоторыя изъ фигуръ превосходно выступаютъ въ видѣ рельефовъ; особенно выпуклы ихъ головы, что достигнуто тѣмъ, что камень вокругъ тщательно выскобленъ и, слѣдовательно, углубленъ. Нарисованныхъ краскою рисунковъ очень немного, притомъ эти очертанія сдѣланы черной краской; они представляютъ собою дикихъ лошадей и горнаго козла. Гораздо чаще встрѣчаются гравированныя изображенія дикихъ лошадей, зубровъ, сѣверныхъ оленей, мамонтовъ, антилопъ, пещерныхъ львовъ и пещерныхъ медвѣдей (рис. 158 и 159). Имѣется и много изображеній, напоминающихъ людей. Многочисленнѣе всего изображенія дикихъ лошадей—ихъ около 40,—при чемъ они воспроизводятъ, по меньшей мѣрѣ, два различные типа; очень рѣдки, съ другой стороны, сѣверные олени. Изображенія мамонта поражаютъ своей точностью. — бока животнаго всегда покрыты свѣшивающейся до земли шерстью, хоботъ опущенъ внизъ, бивни длинные и сильно изогнутые, голова заостренная съ маленькими глазами. Сильно

Рис. 158. Вырѣзанный на камнѣ пещерный левъ изъ пещеры Комбарель.
(По Брейлю.)

Рис. 159. Вырѣзанный на камнѣ пещерный медвѣдь изъ пещеры Комбарель.
(По Брейлю.)

покрытая натечнымъ известнякомъ почва еще не изслѣдована съ точки зрѣнія содержанія въ ней какихъ-либо включеній, но техника выполненія рисунковъ и большое число изображеній дикихъ лошадей и мамонтовъ заставляютъ предполагать, что пещера эта относится къ болѣе древнимъ эпохамъ, скорѣе всего къ концу солиотрейской (рис. 154).

Жемчужиной среди пещеръ южной Франціи является Фонтъ-де-Гомъ, пещера, расположенная въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ предыдущей, нѣсколько ближе къ Лезъ-Эйзи. Она открывается по направленію къ западу, среди массивнаго хребта изъ

известняковъ, на высотѣ 20 метровъ надъ долиною. Пройдя обширный залъ и узкій проходъ, вступаешь въ неправильную по своимъ очертаніямъ галерею, которая представляетъ собою настоящую высокую расщелину. Вся длина пещеры 123 метра, ширина ея колеблется въ среднемъ между 2 и 3 метрами, высота иногда превосходитъ

7—8 метровъ. На разстояніи 65 метровъ отъ входа попадаются первые рисунки, и оттуда попадаешь въ залъ длиною въ 60 метровъ, особенно богатый изображеніями на стѣнахъ. Изъ Фонтъ-де-Гомъ намъ извѣстно сравнительно немного рисунковъ, исключительно вырѣзанныхъ на камнѣ, при чемъ всѣ они выполнены чрезвычайно тонко и нерѣдко усилены черными линіями. Иногда отдѣльныя части животныхъ, напр., когти, оказываются раскрашенными. Нѣкоторыя животныя, напр., одинъ сѣверный олень въ 1,5 метра длиною и лошадь длиною въ 50 сант., выполнены исключительно черной краской и образуютъ рѣзкіе силуэты. Обыкновенно, однако, животныя, контуры которыхъ черны, сами выполнены красной краской на красномъ фонѣ. Разрисовка ихъ тѣла имѣетъ совершенно видъ фрески, такъ какъ имѣются всѣ переходы между краснымъ, коричневымъ и чернымъ, и иногда краскою покрыты выгравированныя очертанія частей тѣла; съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ гравировка внесена уже послѣ нанесенія рисунка красками, при чемъ этотъ послѣдній

Рис. 160. Нарисованный красками носорогъ изъ пещеры Фонтъ-де-Гомъ.
(По Брейлю.)

получаетъ тушовку путемъ выскабливанія краски въ свѣтлыхъ мѣстахъ. Охотно пользовались при выполненіи рисунковъ естественными выступами скалъ, чтобы придать изображеніямъ больше рельефности, притомъ эти рисунки выполнялись какъ у самого дна пещеры, такъ и на высотѣ 4 метровъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ длины $2\frac{1}{2}$ метровъ, другіе—1 метра, третьи—лишь 50 сант. Нерѣдко встрѣчается позднѣйшій натечный покровъ известняка. Первый списокъ изображеній, открытыхъ Пейрономъ въ этой пещерѣ, включаетъ перечисленіе болѣе 80 явственныхъ и хорошо сохранившихся рисунковъ; изъ нихъ 49 изображаютъ зубровъ, 4—сѣверныхъ оленей, 1—волка, 1—благороднаго оленя, 4—дикихъ лошадей, 3—антилопъ и 3—мамонтовъ. Сюда присоединяются изъ особенно замѣчательныхъ рисунковъ одинъ гравированный рисунокъ кошки и одинъ чрезвычайно удачно выполненный красками рисунокъ сибирскаго носорога (рис. 160). Наконецъ, имѣются различныя изображенія, передающія внѣшнія очертанія хижинъ и узоры въ видѣ изогнутыхъ лѣстницъ.

Ни въ пещерѣ Фонтъ-де-Гомъ, ни въ другихъ пещерахъ не удалось пока найти изображеній группъ животныхъ, но часто встрѣчаются ряды изображеній одного и того же вида, расположенные серіями другъ за другомъ. Интереснѣе всего въ этомъ отношеніи рядъ зубровъ (рис. 161), состоящій изъ цѣлой вереницы животныхъ, обращенныхъ въ лѣвую сторону и тянущихся вдоль длинной поверхности стѣны пещеры. Подъ этой серіей находилась, повидимому, такая же серія нарисованныхъ мамонтовъ и благодаря частичному выцвѣтанію нарисованныхъ прямо на нихъ зубровъ эти мамонты съ ихъ изогнутыми бивнями обнаружались и замѣтны на нашемъ рисункѣ съ перваго взгляда. Если присмотрѣться внимательнѣе, то не трудно различить и остальное тѣло мамонтовъ, особенно подъ среднимъ самымъ крупнымъ и темнымъ зубромъ: оба свѣтлыхъ бивня мамонта прорѣзаютъ голову зубра и выдаются, достигая зада зубра, стоящаго слѣва. Хоботъ мамонта изогнутъ и наклоненъ къ землѣ,—онъ замѣтенъ въ видѣ свѣтлой линіи, параллельной линіи груди зубра. Маленькая круглая голова мамонта располагается подъ выемкой загривка зубра, его линія спины пробѣгаетъ приблизительно параллельно спинѣ послѣдняго и опускается внизъ около конца бивней слѣдую-

Рис. 161. Серія зубровъ, изображенныхъ красками; подъ ними просвѣчиваетъ серія мамонтовъ. Пещера Фонтъ-де-Гомъ.
(Ориг. рис. Брейля.)

щаго мамонта, обнаруживающагося позади зубра. Цѣлый рядъ такихъ просвѣчивающихъ и нарисованныхъ подъ зубрами мамонтовъ замѣчается также и въ правомъ концѣ картины, который наглядно доказываетъ, что разобраться въ стѣнныхъ изображеніяхъ пещеръ не такъ легко, какъ можетъ показаться. На ряду съ такими серіями животныхъ, вытянутыхъ вереницею, въ пещерѣ Фонтъ-де-Гомъ имѣются кое-гдѣ и животныя, нарисованныя одно противъ другого, на примѣръ, сѣверные олени, изображенные на нашемъ рис. 156, но говорить о настоящихъ скомпанованныхъ картинахъ въ данномъ случаѣ все же не приходится.

Обращаетъ на себя вниманіе среди пещеръ Дордони еще половинная пещера Лоссель, которая также находится въ долинѣ Бэны. Въ ней изслѣдовавшіе ее археологи Малацъ и Пейриль нашли 6 культурныхъ слоевъ, раздѣленныхъ пустыми промежуточными слоями,—эти слои по ихъ опредѣленію были ашѣльскій, мустьерскій, нижне- и верхне-солютрейскій. Особый интересъ имѣютъ единственные въ своемъ родѣ пластичныя скульптурныя изображенія животныхъ на каменныхъ стѣнахъ этой пещеры; надо сказать, впрочемъ, что нѣчто подобное попадаетъ и въ другихъ пещерахъ, на примѣръ, въ Алтамирской и въ пещерѣ Кастильо, гдѣ рельефныя изображенія привл-

заны къ естественнымъ выпуклостямъ скалы, напимѣръ, къ подходящимъ частямъ сталактитовъ. Эти рельефныя изображенія пещеры Лоссель украшаютъ собою цѣлую галерею длиною въ 12 метровъ и изображаютъ животныхъ почти въ натуральную величину. Въ началѣ пещеры слѣва находится изображеніе сѣвернаго оленя, длиною въ 1,9 метра, затѣмъ слѣдуетъ рельефъ зубра въ 1,4 метра и въ 0,6 метра вышины; далѣе находимъ изображеніе дикой лошади длиною въ 2,15 метра. Это изображеніе выступаетъ рельефомъ на 20 сант., грива его передана штрихами, брюхо, ноги и хвостъ, къ сожалѣнію, въ давнія еще времена были повреждены (табл. XVI). Общее впечатлѣніе этого художественнаго произведенія усиливалось въ свое время еще нанесенной на него краскою, которая выдѣляла различныя детали и сохранилась въ видѣ слѣдовъ и до настоящаго времени. Надъ спиною лошади замѣтна голова горнаго козла, направо отъ ея хвоста видна голова другой лошади меньшаго масштаба, еще далѣе направо

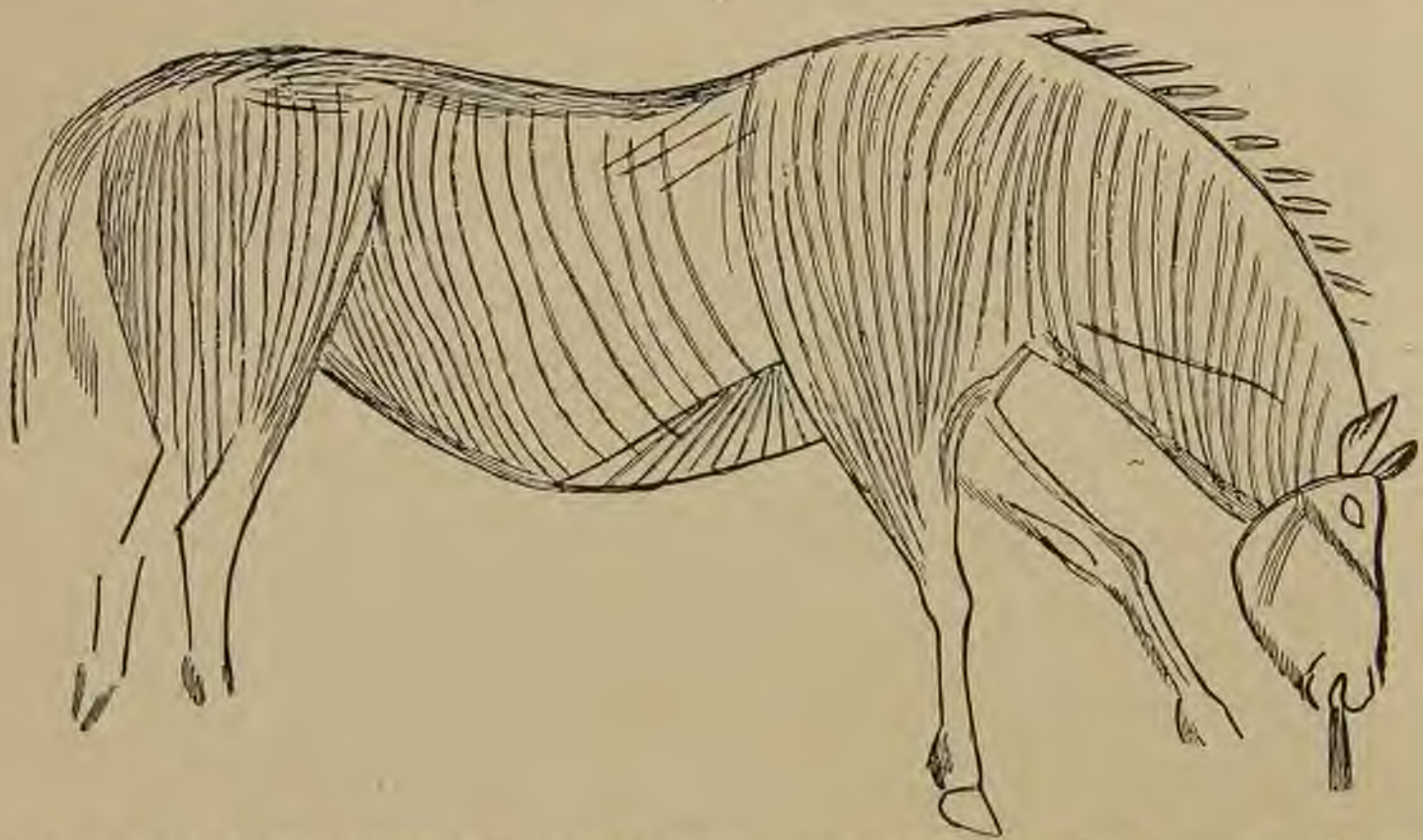

Рис. 162. Вырѣзанное на камнѣ изображеніе дикой лошади (зебры?) изъ пещеры Марсула.
(По Картальяку и Брейлю.)

располагается второе огромное изображеніе дикой лошади съ головою, полной экспрессіи, а на ея тѣлѣ вырѣзано на камнѣ изображеніе зубровъ. Такое же изображеніе расположено между ногами лошади, при чемъ туловище его вырѣзано, а голова и рога исполнены барельефомъ. Дальнѣйшихъ деталей пока еще не удалось разобрать; во всякомъ случаѣ, вся эта группа изображеній должна быть отнесена къ четвертой магдаленской фазѣ Брейля.

Пещера Марсула, имѣющая всего 60 метровъ длины, расположена недалеко отъ Сали-до-Сала въ Аръежѣ въ долинѣ рѣчки Лауинъ; эта пещера, какъ извѣстно, у входа своего была совершенно засыпана на протяженіи 8 метровъ, когда ее открылъ аббатъ Ко-Дюрбанъ. Онъ при первомъ изслѣдованіи ея замѣтилъ уже остатки краски на стѣнахъ, но не обратилъ на это вниманія. Въ 1897 г. Реньо, побуждаемый предшествовавшими открытіями Ривіера въ пещерѣ Ла-Муть, предпринялъ вторичное изслѣдованіе пещеры Марсула и выяснилъ истинное значеніе ея стѣнныхъ изображеній; окончательно разобрать въ нихъ удалось, однако, лишь въ 1902 году Картальяку.

Рельефное изображение дикой лошади изъ пещеры Лоссель въ Дордони.
(По фотографіи).

Въ пещерной глинѣ Марсула были найдены богатые археологическіе остатки солотрейской и ранней магдаленской эпохъ, и именно обитатели этихъ эпохъ были и авторами изображеній, найденныхъ на стѣнахъ. Главныя фигуры, которыхъ имѣется всего 14, изображаютъ 6 дикихъ лошадей, 6 зубровъ, горнаго козла и оленя, но къ нимъ присоединяется еще множество другихъ рисунковъ и знаковъ.

Изъ этихъ рисунковъ мы обратимъ вниманіе лишь на одно чрезвычайно тщательно гравированное изображеніе дикой лошади, которое по полосатости и по присутствію гривы въ видѣ щетки, быть-можетъ, указываетъ на какой-либо изъ видовъ зебры (рис. 162).

Затѣмъ интересъ представляютъ зубры, нарисованные красками, при чемъ туловище ихъ выполнено красными точками, что характерно для третьей фазы развитія живописи. Изъ изображенныхъ на нашемъ рис. 163 животныхъ лѣвое имѣетъ въ длину около 1 метра.

Совершенно недавно была открыта пещера Нію, длиною болѣе 1400 метровъ, расположенная въ долинѣ Викъ-де-Со, одного изъ притоковъ Арьежа, — ее открылъ Моларъ въ 1906 г. и изслѣдовалъ Картальякъ.

Эта мѣстами феерически-прекрасная мраморная пещера съ давнихъ поръ уже посѣщалась туристами, и маія послѣднихъ всюду начкать стѣны надписями не мало повредила изображеніямъ, которыя долгое время оставались незамѣченными. Изображенія животныхъ въ этой пещерѣ состоятъ исключительно изъ черныхъ фресокъ и собраны въ нѣсколькихъ мѣстахъ пещеры, особенно въ большомъ залѣ, такъ называемомъ „Музеѣ“; рельефныя изображенія и многоцвѣтныя картины отсутствуютъ. Среди найденныхъ изображеній имѣются 35 зубровъ, 10 лошадей, одинъ олень и три горныхъ козла, при чемъ длина этихъ рисунковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ 1,5 метра, обыкновенно же около одного метра и иногда уменьшается до 0,25 метра. Нію обнаружила новую для Франціи характерную особенность: около половины животныхъ несетъ на бокахъ черныя или красныя стрѣлки въ числѣ одной, двухъ и даже до пяти (рис. 164).

Рис. 163. Зубры съ красными точками изъ пещеры Марсула.
(По Картальяку и Брейлю.)

Рис. 164. Черный зубръ съ нарисованными наконечниками копій изъ пещеры Нію.

¹/₁₀ наст. велич.

(По Картальяку и Брейлю.)

1,5 метра, обыкновенно же около одного метра и иногда уменьшается до 0,25 метра. Нію обнаружила новую для Франціи характерную особенность: около половины животныхъ несетъ на бокахъ черныя или красныя стрѣлки въ числѣ одной, двухъ и даже до пяти (рис. 164).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ нарисованы и въ тѣла животнаго, но тогда, повидимому, надо себѣ представлять, что они летятъ на животное. Если принять во вниманіе изображенія, нарисованныя на зубахъ медвѣдя въ Сордѣ (ср. стр. 239), то ихъ слѣдуетъ истолковывать какъ копья или гарпуны. Не меньшаго вниманія заслуживаютъ узоры на глинѣ, найденные въ этой пещерѣ (рис. 153) и сохранившіеся здѣсь необыкновенно хорошо, такъ какъ дно пещеры съ вѣка сѣвернаго оленя не претерпѣло никакихъ нарушающихъ измѣненій. Списокъ изображеній, найденныхъ въ Ню, допознается многочисленными символическими значками, сдѣланными красной краской, и прежде всего различными комбинаціями точекъ. Пещера эта во время послѣдняго ледниковаго періода находилась въ мѣстности, покрытой вокругъ ледниками и пересѣченной множествомъ ручьевъ отъ таянія льда, — объ этомъ свидѣтельствуется большое число эрратическихъ гранитныхъ валуновъ внутри пещеры на разстояніи 110 метровъ отъ входа. Они, должно-быть, были вдвинуты туда давленіемъ льда.

Объ Альтамирской пещерѣ, находящейся въ сѣверной Испаніи, мы уже говорили во вступленіи къ этой главѣ. Въ качествѣ первой пещеры съ живописью на стѣнахъ, которая стала достояніемъ ученаго міра, она была превосходно изслѣдована и описана Картальякомъ и Брейлемъ въ опубликованномъ ими въ 1906 г. роскошномъ сочиненіи „La Caverne d'Altamira à Santillane“, которое было издано подъ покровительствомъ принца Альберта Монаккаго. Пещера эта почти на всемъ своемъ протяженіи украшена картинами, изъ которыхъ красивѣйшія и наилучше сохранившіяся находятся на низкомъ потолкѣ боковой галлерей, слѣва отъ входа, и образуютъ во многихъ случаяхъ какъ бы переходъ къ настоящимъ рельефнымъ изображеніямъ пещеры Лоссель, такъ какъ они примыкаютъ къ естественнымъ выпуклостямъ потолка и пользуются ими для приданія пластики. Художественною дѣятельностью здѣсь занимались цѣлые ряды поколѣній, такъ какъ мы встрѣчаемъ на стѣнахъ этой пещеры всѣ рѣшительно фазы развитія и всѣ способы воспроизведенія, начиная съ самыхъ древнихъ и кончая періодомъ расцвѣта многокрасочныхъ изображеній. Въ списокѣ животныхъ, изображенныхъ на стѣнахъ Альтамирской пещеры первое мѣсто занимаетъ дикій быкъ, схваченный во всевозможныхъ позахъ и положеніяхъ. Иногда изображаются величественные, смиренно стоящіе быки, отличающіеся нѣкоторой деревянностью рисунка, чѣмъ они сходны съ египетскими изображеніями Аписа, — эти изображенія относятся къ первымъ періодамъ многокрасочной живописи, когда первобытные художники еще не умѣли придавать естественнаго сочетанія чернымъ и бурымъ тонамъ, изображающимъ различныя части тѣла животнаго. Необыкновенно жизненными и смѣлыми являются многочисленныя изображенія изъ періода расцвѣта многокрасочной живописи, передающія то прямо стоящихъ, то отдыхающихъ и лежащихъ на землѣ зубровъ и самокъ ихъ. Благородство и стильность рисунка, свойственныя нѣкоторымъ изъ этихъ изображеній, принимая во вниманіе чрезвычайную древность ихъ, прямо поражаетъ насъ (табл. XVII). Мы обращаемъ особое вниманіе на прилагаемую табл. XVIII, на которой изображенъ отдыхающій зубръ съ повороченной въ сторону головой; главные части этого рисунка выполнены яркой красной краской, при чемъ на переднихъ и на заднихъ ногахъ и по контурамъ задняго бедра имѣются тонкія черныя очертанія. Болѣе блѣдною черною краскою выполнены оригинальный хвостъ зубра, его шерсть на брюхѣ, верхняя часть загривка и его рога, глаза, уши и небольшое пятно надъ мордою. Между ними по всей спинѣ и по краямъ бедеръ и ногъ, въ особенности же на нѣкоторыхъ частяхъ головы, проходятъ яркіе красные мазки и линіи, чрезвычайно усиливающія пластичность всего изображенія. Нѣкоторыя части выдѣланы тонкой гравировкою, голова животнаго

САМКА БИЗОНА.

Рисунокъ на потолкѣ Альтамирской пещеры.

отличается большою выразительностью и стилистичностью, которая, положительно, бросается въ глаза. Кромѣ зубровъ и дикихъ лошадей, имѣются и рисунки дикихъ кабановъ, ланей, оленя, горнаго козла и другихъ представителей семейства козъ. Относительно различныхъ другихъ знаковъ и человѣкоподобныхъ изображеній на стѣнахъ пещеры намъ еще придется говорить ниже съ большею подробностью.

Пещера Кастильо, около Пуэрта-Віесго, въ провинціи Сантандеръ, имѣетъ въ длину болѣе 200 метровъ и содержитъ большое число мелкихъ изображеній головъ самокъ оленя и цѣлый рядъ примитивныхъ изображеній зубра, выполненныхъ штрихами и относящихся къ солутрейской эпохѣ. Въ ея „второмъ залѣ“ имѣется рельефное изображение чернаго зубра, приспособленное къ естественному выступу сталагмита, при чемъ голова животнаго выполнена весьма тонко гравировкой, наконецъ, въ „Галлерей красныхъ круговъ“ имѣется изображение слона безъ шерсти (рис. 151, стр. 274). Такое же изображение зубра имѣется въ живописно расположенной у самаго моря пещерѣ Пиндаль, недалеко отъ Пиманго, въ провинціи Овiedo, гдѣ находится также изображение морской рыбы.

Очень своеобразны мелкія фрески пещеръ Ласъ-Батуэкасъ, въ провинціи Саламанка, Калапата, въ Арагоніи, и Когуль, въ Каталоніи. Изображенія оленей, горныхъ козловъ и зубровъ этихъ пещеръ по стилю и выполнению принадлежатъ, несомнѣнно, къ четвертичному періоду сѣверной Испаніи, но между ними встрѣчаются и стилизованныя изображенія болѣе поздняго происхожденія, быть-можетъ, неолитическаго періода,—именно: сцены охоты и танцевъ. Должно подождать болѣе подробныхъ изслѣдованій въ этихъ провинціяхъ, прежде чѣмъ высказывать какія-либо окончательныя заключенія, почему пока мы и ограничимся простымъ упоминаніемъ о находкахъ въ этихъ пещерахъ. Въ общемъ онѣ производятъ такое впечатлѣніе, что эти открытія Кабра и Брейля должны свидѣтельствовать о существованіи въ средней и южной Испаніи новой „провинціи“, характеризующейся совершенно инымъ искусствомъ и инымъ составомъ произведеній живописи.

Если мы бросимъ теперь общій взглядъ на фауну, изображенную живописью въ пещерахъ юго-западной Европы, то прежде всего, по сравненію съ животными, изображенными на мелкихъ предметахъ обихода, мы должны отмѣтить нѣсколько большую бѣдность этой фауны. На стѣнахъ пещеръ изображены лишь крупныя млекопитающія—мамонтъ, сибирскій носорогъ, пещерный левъ, пещерный медвѣдь, дикія лошади, дикіе быки и прежде всего зубры, благородный и сѣверный олень, лань, горный козель и близкіе къ нему представители жвачныхъ (быть-можетъ, антилопы), дикій осель, дикій кабанъ и волкъ. Мелкія животныя совершенно отсутствуютъ, равно какъ отсутствуютъ и какія-либо отдѣльныя части изображеній и воспроизведенія сценъ изъ жизни животныхъ. Изображенія птицъ извѣстны намъ пока лишь изъ Гаргаса, фигуры же пресмыкающихся совершенно отсутствуютъ, рыбъ извѣстно лишь три рисунка въ пещерахъ Нио и Пиндаль, несомнѣнныхъ изображеній растений также нѣтъ, если не считать за таковыя различныя такъ называемыя азильскія изображенія.

Все изображенныя на стѣнахъ пещеръ животныя южной Франціи принадлежатъ исключительно фаунѣ холоднаго послѣледниковаго періода; въ сѣверной Испаніи изображенъ и одинъ болѣе южный видъ, именно лишенный шерсти слонъ, котораго никоимъ образомъ нельзя смѣшать съ мамонтомъ (рис. 151, стр. 274); быть-можетъ, это изображение относится къ одному изъ южныхъ видовъ слоновъ, которые въ этой странѣ, менѣе затронутой ледниковымъ періодомъ, могли держаться еще долгое время. Что господствующее положеніе среди изображеній на стѣнахъ пещеръ занимаютъ животныя, при-

носившія непосредственную пользу человѣку, совершенно ясно изъ приведеннаго выше перечисленія: на ряду съ большимъ числомъ зубровъ, дикихъ быковъ, дикихъ лошадей, мамонтовъ и сѣверныхъ оленей, мы встрѣчаемъ лишь совершенно особнякомъ стоящія изображенія пещерныхъ медвѣдей, носороговъ и т. п. Однако, и въ этомъ отношеніи капризъ и личные вкусы художника играли, повидимому, нерѣдко главную роль, такъ какъ лишь этимъ можно объяснить, что въ пещерѣ Пэръ-нонь-Пэръ, гдѣ человѣкъ охотился за носорогомъ, мамонтомъ и гигантскимъ оленемъ, изображены на стѣнахъ лишь представители семейства козловъ, лошади и дикій быкъ;

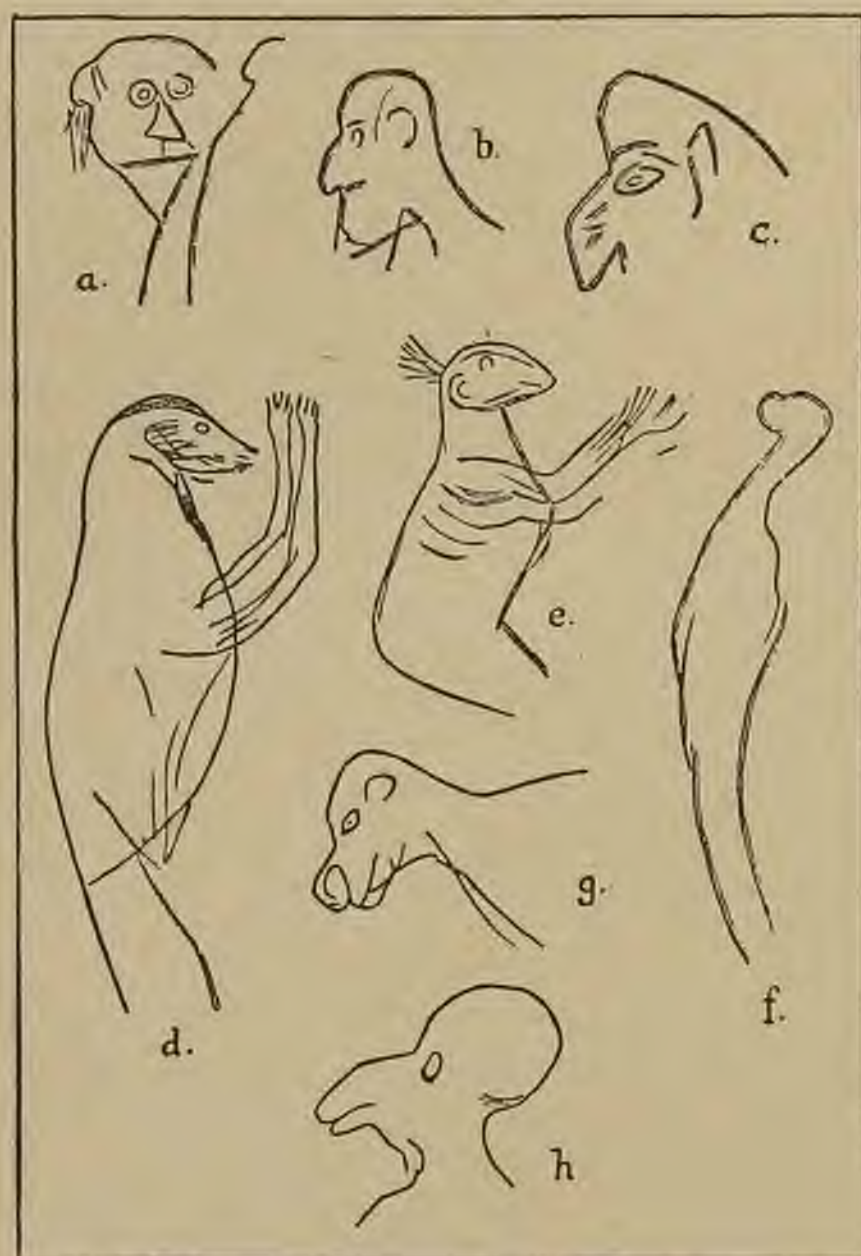

Рис. 165. Изображенія человѣка и человѣкообразныхъ существъ изъ Марсулы (a, b, c), Альтамыры (d, e, f) и Комбарель (g и h).
(Ориг. рис. Брейля.)

мира и лишенная всякаго художественнаго значенія (рис. 165). Настоящія человѣческія изображенія мы встрѣчаемъ лишь въ пещерѣ Марсула (рис. 165, a, b и c), но и они не имѣютъ никакихъ претензій на сходство съ дѣйствительностью. Еще труднѣе истолковать фигуры Альтамырской пещеры (рис. 165, d, e, f), вся форма которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ животными, хотя головы похожи на головы тюленей; то же самое можно сказать о рожахъ въ пещерѣ Комбарель (рис. 165, g и h), гдѣ мы можемъ найти много и другихъ соответствующихъ рисунковъ. Если принять въ соображеніе, что одна изъ обкатанныхъ галеокъ Лурда украшена изображеніемъ танцующаго мужчины съ явственной лошадиной головой, и что такія же танцующія фигуры за послѣднее время

стѣнахъ лишь представители семейства козловъ, лошади и дикій быкъ; точно также художники пещеры Марсулы, сохранившіе въ отложеніяхъ пещеры обильное количество остатковъ сѣверныхъ оленей, ни разу не изобразили этихъ животныхъ на стѣнахъ своего жилища. Быть-можетъ, именно относительная рѣдкость находенія нѣкоторыхъ животныхъ побуждала запечатлѣвать ихъ видимость живописью. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, это показываетъ намъ, что было бы большою ошибкою опредѣлять возрастъ стѣнной живописи пещеръ, руководствуясь лишь палеонтологическими соображеніями.

Столь же рѣдко, какъ и на предметахъ домашняго обихода, встрѣчаются на стѣнахъ пещеръ изображенія человѣка; пока мы имѣемъ всего лишь одно такое изображеніе, выполненное красками въ пещерѣ Портель, въ другихъ пещерахъ имѣются лишь гравированныя изображенія, да и тѣ чрезвычайно поверхностны и неудовлетворительны. Въ качествѣ примѣровъ, можно привести рожи, нацарапанныя въ пещерахъ Марсула, Комбарель и Альтамыра.

ОТДЫХАЮЩЕЙ БИЗОНЪ.

Рисунокъ на потолокъ Альтамирской пещеры.

найлены и въ другихъ мѣстахъ, то едва ли не будетъ правильнымъ истолковывать эти изображенія какъ фигуры людей въ маскахъ, изображающихъ головы животныхъ.

На ряду съ фигурами животныхъ и людей мы встрѣчаемъ въ пещерахъ, кромѣ того, нѣкоторыя разбросанныя безъ всякой правильности фигуры, обыкновенно нарисованныя, рѣже вырѣзанныя на камнѣ, значеніе конхъ съ точностью нельзя опредѣлить. Относительно одной изъ группъ такихъ рисунковъ, быть-можетъ, можно высказать предположеніе, что это нѣчто въ родѣ хижинъ или палатокъ. Это большею частью геометрическія фигуры, напоминающія по очертаніямъ простые шалаша изъ вѣтвей и листьевъ, устраиваемые и нашими современными дикарями (рис. 166). Къ нимъ присоединяются, однако, въ Альтамирской пещерѣ, въ Фонтъ-де-Гомъ, Комбарель, Марсула, Кастильо и Пиндаль, также и другія фигуры въ родѣ разрисованныхъ щитовъ, топоровъ, рѣшетокъ и т. п., наконецъ, простыя комбинаціи штриховъ и точекъ, относительно значенія и смысла которыхъ мы ничего не можемъ пока сказать. Быть-можетъ, это просто фантастическія произведенія художниковъ, или какія-нибудь неизвѣстныя намъ орудія, или математическіе знаки,—они являются для насъ столь же загадочными, какъ и разрисованныя гальки пещеры Масъ-

д'Азиль, къ которымъ они являются параллельными произведеніями, почему мы вмѣстѣ съ Брейлемъ большинство этихъ рисунковъ относимъ къ этому болѣе позднему періоду (ср. рис. 157). Часто мы встрѣчаемъ также фигуры въ видѣ деревьевъ или какихъ-то виль, въ родѣ тѣхъ, которыя находятся на рис. 155 надъ вторымъ зубромъ,—ихъ можно считать также стилизованными изображеніями рукъ, хотя въ другихъ случаяхъ, въ противоположность тому, что мы встрѣчаемъ на мелкихъ предметахъ обихода, стилизація естественныхъ фигуръ животныхъ почти совершенно отсутствуетъ на стѣнахъ пещеръ.

Рис. 166. Изображенія хижинъ въ Фонтъ-де-Гомъ.
(Ориг. рис. Брейля.)

Вовсе не относящимися къ искусству должно считать тѣ силуэты рукъ, которые въ изобиліи встрѣчаются въ пещерахъ Гаргасъ и Кастильо. Поэтому мы остановимся на нихъ лишь далѣе, въ X главѣ, посвященной психическимъ проявленіямъ чловѣка четвертичнаго періода.

Мы не можемъ не заключить, однако, эту главу объ искусствѣ безъ того, чтобы не остановиться хотя вкратцѣ на нѣкоторыхъ общихъ соображеніяхъ. Мы видимъ, что какъ мелкое декоративное искусство, такъ и живопись на стѣнахъ представляютъ собою одно неразрывное цѣлое и относятся къ одной и той же категоріи. Нѣкоторыя отдѣльныя различія, наблюдаемая между ними, на примѣръ, то обстоятельство, что нѣкоторые виды животныхъ и попытки стилизаціи, находимые на предметахъ обихода, отсутствуютъ совершенно въ живописи на стѣнахъ, и что, наоборотъ, въ украшеніяхъ предметовъ обихода мы не находимъ вовсе тѣхъ фигуръ въ видѣ хижинъ, щитовъ и лѣстницъ, какія встрѣчаются на стѣнахъ пещеръ,—эти различія не мѣняютъ дѣла.

Благодаря примѣненію краски стѣнные рисунки производятъ гораздо большій эффектъ, чѣмъ мелкія изображенія на предметахъ обихода; во многихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собою истинныя произведенія искусства, которыя не рѣжутъ глаза даже и очень разборчиваго. Глядя на эти произведенія, можно съ увѣренностью сказать, что

обитатели послѣдннковаго періода западной Европы обладали настоящимъ вкусомъ къ живописи и пониманіемъ прекраснаго, искусство доставляло имъ, безъ сомнѣнія, немалое наслажденіе. Они не только просто изображали животныхъ, являвшихся предметомъ ихъ охоты, но и стремились придать этимъ изображеніямъ художественность,—они обнаруживали, однимъ словомъ, настоящее эстетическое чутье и проявляли его въ тщательномъ выполненіи очертаній, въ нанесеніи тоновъ и подборѣ красокъ. Искусство адѣсь, на самомъ дѣлѣ, практиковалось ради самого искусства—этого никто не можетъ отрицать, кому только довелось видѣть эти поразительныя картинныя галереи четвертичнаго періода.

Въ живописи на стѣнахъ, какъ мы сказали, преобладаютъ изображенія полезныхъ человѣку животныхъ, бывшихъ объектами его охоты. Они, безспорно, болѣе всего возбуждали фантазію охотника ледниковаго періода, и онъ занимался ими въ первую голову, такъ какъ отъ нихъ на самомъ дѣлѣ зависѣло все его матеріальное благосостояніе. Можно, такимъ образомъ, предположить, что художественныя произведенія эти возникли непосредственно изъ внутреннихъ желаній и побужденій первобытнаго человѣка имѣть передъ своими глазами излюбленные объекты и въ своемъ пещерномъ жилищѣ, притомъ возможно болѣе близкими къ природѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ каждый изъ обитателей пещеры былъ въ состояніи воспроизвести портреты животныхъ съ достаточной красотой и потому долженъ былъ обращаться къ особымъ искуснымъ рисовальщикамъ и живописцамъ, либо принадлежавшихъ къ тому же племени, либо, быть-можетъ, даже къ странствовавшимъ. Дѣло въ томъ, что именно западно-европейскія произведенія стѣнной живописи не только чрезвычайно сходны между собою по технике и по выполненію, но и обнаруживаютъ столь общій и однородный стиль и характеръ, что можно говорить о настоящихъ художественныхъ традиціяхъ и настоящихъ художественныхъ школахъ. Быть-можетъ, эти художники были просто бѣдняками, неспособными по своей тѣлесной слабости вести жизнь свободныхъ охотниковъ, и были принуждены заниматься живописью. Они странствовали отъ одного племени къ другому и пользовались почетомъ, подобно тому какъ нерѣдко современными дикарями уважаются знаменитые специалисты татуировки. Такое предположеніе скорѣе всего можетъ объяснить намъ поразительное совпаденіе стиля рисунковъ, и вполне понятнымъ также является, что каждый такой художникъ придерживался опредѣленнаго репертуара рисунковъ и потому часто воспроизводилъ животныхъ, которыя въ данной мѣстности встрѣчались рѣдко и не относились къ ея фаунѣ, почему остатки ихъ и не попадаются въ отложеніяхъ пещеръ.

На основаніи того, что мы высказали во введеніи къ этой главѣ, мы все же считаемъ, что наши стѣнныя изображенія имѣютъ прежде всего религіозно-практическую основу. Наши современные первобытныя народности изготовляютъ сходныя изображенія животныхъ съ тою цѣлью, чтобы путемъ удержанія изображенія получить, вмѣстѣ съ тѣмъ, власть и надъ душою животнаго,—слѣдовательно, съ цѣлью волшебства, которое дало бы благопріятные результаты на охотѣ; нерѣдко передъ отправленіемъ на охоту предъ этими изображеніями животныхъ совершаются различныя таинственные обряды, въ которыхъ воспрещается принимать участіе женщинамъ и дѣтямъ. Этимъ, быть-можетъ, объясняется до нѣкоторой степени бросающееся въ глаза отсутствіе человѣческихъ изображеній, равно какъ и поразительное нахожденіе фигуръ животныхъ въ самыхъ удаленныхъ и темныхъ уголкахъ и нишахъ, гдѣ царитъ вѣчный мракъ,—иногда добраться до такихъ изображеній чрезвычайно трудно и разсматривать ихъ можно лишь въ самой неудобной позѣ. Близко родственною является идея, что эти изображенія не

что иное, какъ примѣръ почитанія „тотемовъ“. Большое число современныхъ первобытныхъ народностей вѣрять, что человекъ стоитъ подъ защитою особаго высшаго существа, каковымъ является то или иное животное. Именно, вслѣдствіе этого, такое животное или „тотемъ“ становится предметомъ особаго культа; оружіе и амулеты украшаются его изображеніями, пускается въ ходъ тайная магія, чтобы сдѣлать его особенно благосклоннымъ своему племени. Танцы въ маскахъ, изображающихъ головы животныхъ, какъ можно предположить, означали тогда уже, согласно этой гипотезѣ, не что иное, какъ проявленіе культа волшебства въ честь животныхъ „тотемовъ“. Быть-можетъ, нѣкоторыя изъ особенно богато украшенныхъ картинами пещеръ, въ которыхъ находится въ настоящее время лишь очень мало слѣдовъ жилья человека (Шю, Комбарель и др.), были въ данномъ случаѣ священными мѣстами культа тотемовъ.

Какъ бы то ни было, совершенно справедливо говорить Картальякъ, что „живопись четвертичнаго періода во всѣхъ отношеніяхъ получила грандіозное развитіе и не имѣетъ себѣ равной у современныхъ народностей. Какъ ни сильно удалены отъ насъ эти первобытные обитатели во времени, мы чувствуемъ себя близкими къ нимъ и родственными по этому культу красоты и искусства,—намъ нечего краснѣть, называя ихъ своими предками“.

Добавленіе. Мы неоднократно уже отмѣчали, что наука о культурѣ четвертичнаго человека можетъ извлечь большую пользу изъ примѣненія выводовъ современной этнологіи. Это справедливо и по отношенію къ искусству, и наши приведенныя выше соображенія были бы неполными, если бы мы не посвятили, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ строкъ искусству современныхъ первобытныхъ народностей. Еще болѣе это обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что художественныя произведенія четвертичнаго періода являются типичными произведеніями первобытныхъ народностей. Если сравнить ихъ съ болѣе поздними произведеніями доисторическаго и начала историческаго времени въ западной Европѣ, то получаются колоссальное противорѣчіе и полное несоотвѣтствіе. Эти послѣднія со времени неолитическаго періода представляютъ собою произведенія искусства культурныхъ народностей, возникшія на совершенно иной культурной почвѣ, на которой настоящее „природное“ искусство вообще не могло бы развиваться. Настоящія первобытныя народности жили въ Европѣ, такимъ образомъ, лишь въ ледниковый періодъ.

Способность быстро набрасывать характерныя рисунки гораздо шире распространена среди первобытныхъ народностей, чѣмъ это обыкновенно принимается; конечно, и дикари не всѣ являются художниками, среди нихъ имѣются и люди, одаренные въ слабой степени талантомъ, но таковыя все же составляютъ довольно рѣдкое исключеніе. Кохъ-Грюнбергъ пишетъ относительно туземцевъ Южной Америки слѣдующее: „во всѣхъ ихъ рисункахъ характерныя черты оригинала сильно подчеркнуты; душа первобытнаго человека не такъ отягощена культурнымъ балластомъ, какъ человека цивилизованнаго,—онъ болѣе свободенъ отъ предразсудковъ, является болѣе тонкимъ наблюдателемъ и потому подмѣчаетъ самыя характерныя черты. Индѣйцы не только обладаютъ большимъ талантомъ набрасывать рисунки, но могутъ правильно истолковывать и изображенія, нарисованныя другими; притомъ не слѣдуетъ забывать, что они привыкли рисовать и пользоваться красками, у нихъ развитъ ясно выраженный вкусъ къ красотѣ, и они пользуются каждымъ случаемъ проявить свое искусство. При торжественныхъ случаяхъ они раскрашиваютъ свое тѣло и лицо, при изготовленіи утвари они украшаютъ какъ глиняныя, такъ и плетенныя издѣлія съ величайшимъ вкусомъ. На покрытыхъ корою стѣнахъ хижины, на передникахъ, служащихъ для танцевъ, и на

своихъ маскарадныхъ костюмахъ они помѣщаютъ всевозможныя украшенія. Всюду, гдѣ только могутъ, они проявляютъ свое художественное чутье“. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ, главнымъ образомъ, производство картинъ большого размѣра, выполняемыхъ съ помощью угля, краски разведенной на смолѣ и палочекъ, служащихъ вмѣсто кистей,—иногда вмѣсто того примѣняется угловатый камень, съ помощью котораго рисунки вырѣзаются на поверхности скалы.

Изъ рисунковъ южно-американскихъ туземцевъ, выполненныхъ на скалахъ и опубликованныхъ вышеупомянутымъ изслѣдователемъ, ясно прежде всего, что всѣ они нѣсколько преувеличенно стилизованы въ геометрическомъ направленіи. Цитированный авторъ не приписываетъ имъ никакого болѣе глубокаго внутренняго значенія. „Подобно тому, какъ на стѣнахъ своей хижины индѣецъ въ свободные часы выцарапываетъ всевозможныя фигуры, точно такъ же и гладкая стѣна скалы побуждаетъ его проявлять свое искусство. Въ качествѣ рѣзца ему служитъ обломокъ камня, который онъ тутъ же находитъ. По истеченіи нѣкотораго времени на это же самое мѣсто приходитъ другой индѣецъ. Онъ видитъ фигуру, нарисованную на темномъ фонѣ скалы и, слѣдуя инстинкту подражанія, самъ намѣчаетъ контуры поднятымъ съ земли камнемъ. Слѣдующій туземецъ дѣлаетъ то же самое, и такъ продолжается и далѣе. Постепенно контуры вырѣзаются все глубже и глубже въ скалу, и нѣрѣдко лишь по истеченіи цѣлыхъ поколѣній достигается та глубина, которая теперь такъ изумляетъ изслѣдователей, признающихъ рисунки за результаты дѣятельности одного человѣка или приписывающихъ ихъ періоду болѣе высокаго культурнаго развитія“. Такимъ образомъ, Кохъ полагаетъ, что вырѣзанные на камнѣ рисунки индѣйцевъ, о которыхъ было такъ много споровъ, возникаютъ просто, благодаря стремленію художественно украшать пустыя поверхности и, съ другой стороны, являются результатомъ стремленія къ подражанію, благодаря чему послѣдующіе посѣтители углубляютъ прежнія изображенія и прибавляютъ къ нимъ новыя. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ вырѣзанными на камнѣ рисунками четвертичнаго періода,—они являются произведеніемъ одного человѣка и возникли подъ вліяніемъ одной руководящей идеи; то же самое можно сказать и о живописи на стѣнахъ пещеръ. Все же мы считали необходимымъ отмѣтить теорію Коха о происхожденіи и смыслѣ картинъ, хотя намъ и нѣтъ надобности останавливаться на разсужденіи самихъ изображеній, такъ какъ они уже, по всему своему стилю, не имѣютъ ничего общаго съ художественными произведеніями четвертичнаго періода.

Большій интересъ для насъ представляютъ современныя народности оленеводовъ, т.-е. лопари и другія европеико-азіатскія племена, обитающія у полярнаго круга, и прежде всего эскимосы Сѣверной Америки. Они до самаго послѣдняго времени находились на стадіи каменнаго вѣка, и ихъ оружіе и орудія, по полной своей аналогіи съ таковыми четвертичныхъ охотниковъ за сѣверными оленями, даютъ весьма цѣнные выводы относительно давнихъ временъ нашей страны. Гравированныя и скульптурныя изображенія у нихъ пользовались всеобщимъ распространеніемъ точно такъ же, какъ и живопись красною охрою и углемъ, которые растирались на кускѣ кожи съ ворванью. Эти народности воспроизводили съ нѣкоторымъ талантомъ не только отдѣльныя фигуры звѣрей, какъ, напримѣръ, сѣверныхъ оленей, тюленей и моржей, но и цѣлыя сцены охоты, рыболовства, семейной жизни и религіознаго культа. Это соотвѣтствіе между современными сѣверными народностями и первобытными такъ поразило нѣкоторыхъ изслѣдователей, что они предположили существованіе внутренняго этническаго родства между ними и охотничьими племенами ледниковаго періода и видѣли въ нихъ потомковъ пещерныхъ жителей, которые послѣдовали за отодвигающимися ледниками на

крайній сѣверъ. Что касается соответствія въ технику, то въ данномъ случаѣ легко возможно ошибочное заключеніе: умъ человѣческій при аналогичныхъ условіяхъ существованія создать и аналогичныя орудія, при чемъ вовсе нѣтъ надобности, чтобы въ данномъ случаѣ имѣлось какое-либо родство народностей, въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ съ полною справедливостью указываютъ Картальякъ и Брейль, мы имѣемъ здѣсь передъ собою этнологическія аналогіи, которыя можно считать не болѣе какъ явленіями конвергенціи, вызванной одинаковыми условіями существованія. То же самое можно сказать и относительно изобразительныхъ искусствъ: будемъ ли мы разсматривать мелкія вырѣзанныя на кости изображенія (рис. 167), или же многочисленныя фигуры, высѣченныя на скалахъ Сибири, мы всюду встрѣтимъ рисунки, которые представляютъ изображенія фетишей, далеко не достигающія, по искусству и натуральности, нашихъ произведеній четвертичнаго періода. Исполнители, обыкновенно, довольствуются тѣмъ, что данный предметъ или сцена достаточно хорошо и характерно

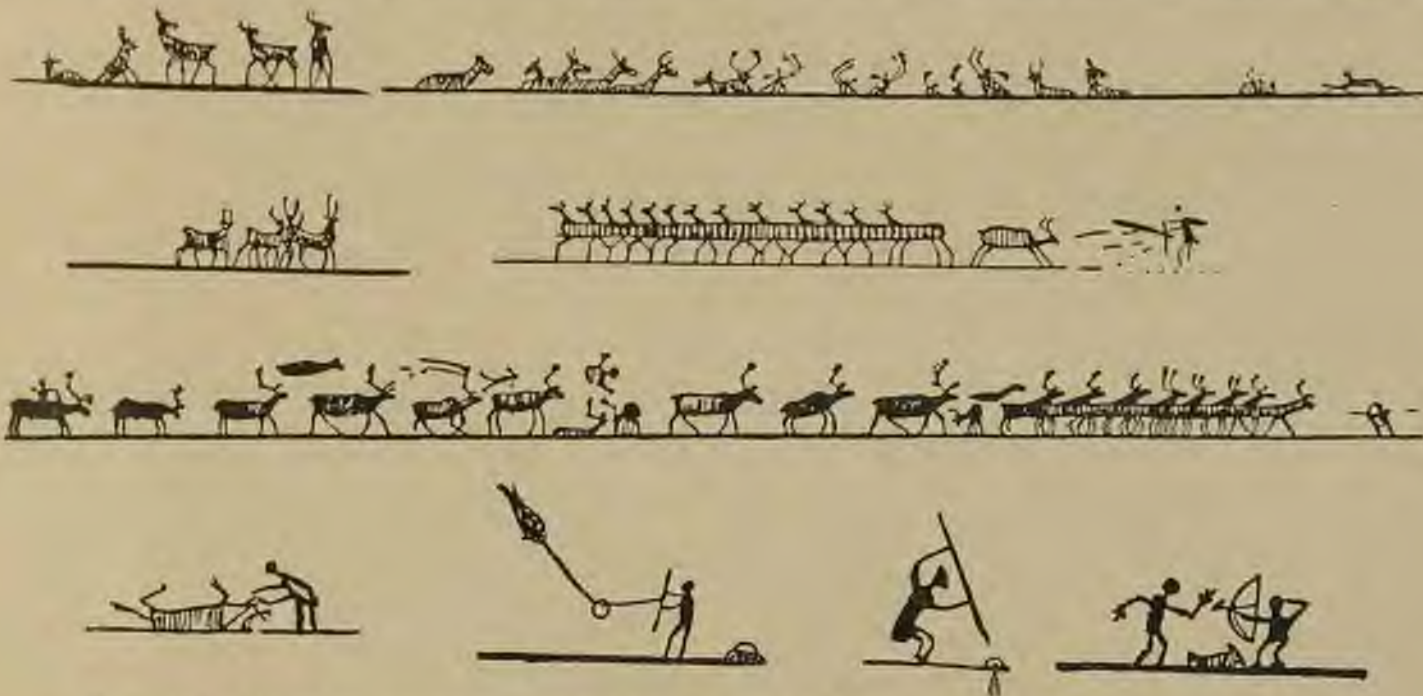

Рис. 167. Сцены охоты и рыбной ловли, нарисованныя эскимосами Аляски.
Рѣзьба на слоновой кости.
(По Гофману.)

изображены, и настоящихъ эстетическихъ и художественныхъ представленій у нихъ мы не встрѣчаемъ вовсе.

Условія существованія, весьма сходныя съ нашими первобытными народностями, обнаруживаютъ также индѣйцы Сѣверной Америки. Въ степяхъ Канады и сѣверной части Соединенныхъ Штатовъ была развита также богатая фауна бизоновъ и оленей, за счетъ которой жили племена дикихъ охотниковъ, находившихся еще нѣсколько столѣтій тому назадъ на стадіи каменнаго вѣка, но запослѣднія 300 лѣтъ почти совершенно истребленныхъ. Эти индѣйскія племена также очень много рисовали, но стиль ихъ былъ совершенно инымъ, чѣмъ тотъ, какому слѣдовали художники палеолитическаго періода. „Фигуры ихъ никогда не достигаютъ такой тонкости, точности и изящества; онѣ не столько являются просто декоративными, сколько представляютъ собою письменные знаки, которыхъ назначеніе удерживать въ памяти совершившіяся событія и передавать ихъ грядущимъ поколѣніямъ. Эти рисунки обозначаютъ имена личностей, племенъ или ихъ тотемы и имѣютъ символическое значеніе, извѣстное лишь посвященнымъ“ (Брейль). Для охоты служили амулеты съ изображеніями животныхъ, за которыми охотились. Чрезвычайно развито было въ Сѣверной Америкѣ также употребле-

нѣе переодѣванія и маскированія. Охотникъ закутывался въ шкуру оленя или антилопы, чтобы подрастаться къ этимъ животнымъ, или одѣвался въ шкуру волка, чтобы подойти ближе къ бизонамъ; сходнымъ образомъ и охота на тюленей производилась при помощи масокъ, изображающихъ головы тюленей, при чемъ охотники подражали и голосу животныхъ. Во всякомъ случаѣ, это, несомнѣнно, было самою первою и основною цѣлью и смысломъ всякаго переодѣванія въ животныхъ, и лишь позднѣе послѣднее получило религіозный характеръ. Тогда маски сдѣлались предметами религіознаго церемоніала, ими пользовались при нѣкоторыхъ церемоніяхъ и танцахъ для прославленія животныхъ-тотемовъ и тѣхъ духовъ, которые они изображали,—цѣлью этого было добиться болѣе удачной охоты, примирить съ собою тѣни убитыхъ животныхъ и избѣжать козней злыхъ духовъ. При этомъ животнымъ подражали во всѣхъ деталяхъ ихъ поведенія, маски же разукрашивали самымъ фантастичнымъ образомъ, такъ что позднѣе нерѣдко трудно уже бываетъ опредѣлить, какому животному принадлежитъ данная голова. Мы говорили уже выше, что такія изображенія имѣются и изъ четвертичнаго періода.

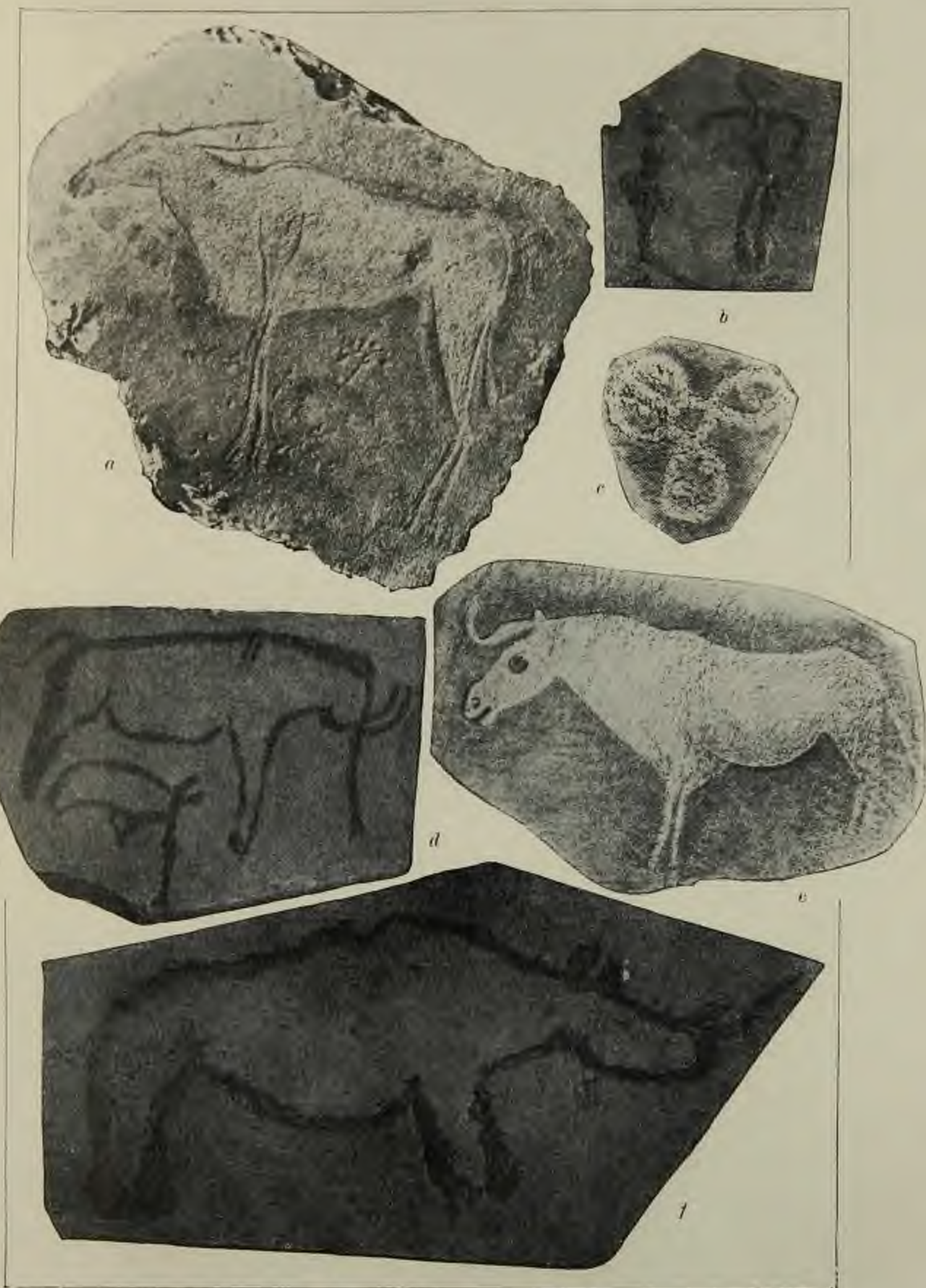
Почти во всѣхъ частяхъ сѣверо-африканской пустыни имѣются скалы, покрытыя вырѣзанными на камнѣ изображеніями, которыя относятся частью къ доисторическому періоду, частью къ началу историческаго. Эти изображенія, находимыя въ Сахарѣ, пред-

Рис. 168. Рисунки-тотемы сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, вырѣзанные на деревѣ и на кости.
(По Катлину.)

ставляютъ собою животныхъ, которыя были свойственны странѣ въ тѣ времена, когда рисунки эти были выполнены; нѣкоторыя изъ нихъ живутъ тамъ и посейчасъ, другія, какъ, на примѣръ, слонъ, исчезли изъ этихъ предѣловъ еще во времена римлянъ; наконецъ, третьи, на примѣръ, буйволъ, должны считаться совершенно вымершими. Такимъ образомъ, древнѣйшія изъ этихъ высѣченныхъ на камнѣ изображеній могутъ быть поставлены въ нѣкоторую связь съ нашими европейскими изображеніями четвертичнаго періода. Если бы даже, на самомъ дѣлѣ, это оказалось правильнымъ, то все же надо сказать, что наблюдается мало родства между тѣмъ и другимъ искусствомъ. Африканскія художественныя произведенія обнаруживаютъ талантъ и вѣрность природѣ, но далеко не достигаютъ того художественнаго совершенства, какое обнаруживается въ произведеніяхъ европейскихъ первобытныхъ охотниковъ за сѣверными оленями.

Первобытная народность, которая обнаруживаетъ наиболѣе тѣсное и близкое сходство съ искусствомъ четвертичнаго періода,—это бушмены южной Африки, распространенные до вторженія негровъ также и въ центральной Африкѣ, гдѣ слѣды ихъ встрѣчаются къ западу отъ озера Танганайки. Въ настоящее время эта народность находится на стадіи вымиранія и дѣлится на двѣ различныя группы, изъ которыхъ одна замѣчательна своею живописью красками, другая — своеобразными рисунками. Скульптурныя изображенія бушменовъ высѣкаются на твердомъ камнѣ ударами молотка: на гладкой поверхности выбиваются одна за другою выбоинки и такимъ способомъ получаютъ

Рисунки бушменовъ на скалахъ.

a—антилопа, *b*—мужчина и женщина, *c*—орнаментъ (?), *d*—слонъ и слоненокъ, *e*—гну, *f*—носорогъ.
(По Картальяку и Брейлю).

вырѣзанные на камнѣ рисунки, которые сперва воспроизводятъ лишь одни простые контуры. Затѣмъ, съ улучшеніемъ техники полировки эти рисунки превращались и въ настоящія скульптурныя фигуры. Древнѣйшія изъ этихъ изображеній, по мнѣнію Г о л у б а, относятся ко времени, удаленному отъ нашего примѣрно на 500 лѣтъ назадъ; возрастъ самыхъ позднихъ также не менѣе двухъ столѣтій. Въ настоящее время они большею частью покрыты землею, ихъ трудно найти и по указаніямъ самихъ бушменовъ они являются работою ихъ предковъ. На прилагаемой табл. XIX мы видимъ цѣлую серію такихъ изображеній на скалахъ; интересно сравнить нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности изображенія капскаго носорога, слона и антилопы съ такими же изображеніями четвертачнаго періода, — бросается въ глаза довольно близкое родство ихъ передачи и техники выполненія. Произведенія живописи бушменовъ находятся обыкновенно въ пещерахъ (табл. XX). Ихъ возрастъ также трудно опредѣлить, но, во всякомъ случаѣ,

Рис. 169. Охотникъ, подрадаывающійся къ страусамъ (справа).
Живопись бушменовъ изъ области Гершель въ Капландѣ.
(По Стоу.)

новѣйшія относятся ко времени 50 лѣтъ тому назадъ, какъ это можно судить по изображеннымъ сценамъ борьбы съ бурами и по вооруженію нѣкоторыхъ изъ фигуръ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Для выполненія этихъ рисунковъ примѣнялись красная, бѣлая, коричневая, желтая, черная, синяя и зеленая краски, всѣ минеральнаго происхожденія. Стоу указываетъ, что живопись, какъ и приготовленіе яда, составляетъ спеціальность лишь небольшого числа посвященныхъ въ эти искусства лицъ. Бентъ дѣлитъ всѣ произведенія на три ступени, изъ коихъ первая содержитъ мало разборчивыя, грубыя изображенія животныхъ, вторая—прекрасно нарисованныя и выполненныя многими красками фигуры ихъ, третья—сцены изъ жизни людей. Среди изображенныхъ животныхъ рѣдко встрѣчаются птицы и собаки; рыбы же и зайцы отсутствуютъ совершенно. Зато часто мы находимъ исчезнувшихъ въ настоящее время изъ страны бушменовъ страусовъ, гиппопотамовъ и огромныхъ змѣй, затѣмъ быковъ, антилопъ, зебръ, гну, пантеръ, волковъ и львовъ. Колоритъ этихъ рисунковъ очень жизненный, яркій и обыкновенно не соотвѣтствуетъ вовсе настоящей окраскѣ животныхъ; большею частью имѣются тонкіе нюансы и тѣни. Стоу заявляетъ, что отдѣльныя изображенія животныхъ пред-

ставляютъ собою эмблемы вождей отдѣльныхъ племенъ, жившихъ въ этой пещерѣ; на ряду съ ними находятся и картины историческаго содержанія, передающія военныя и охотничьи сцены или болѣе важныя событія изъ обыденной жизни. Примѣнялось также и переодѣваніе и маскированіе и притомъ какъ для цѣлей охоты, такъ и для религіозныхъ цѣлей. Верхъ стилистичности и сходства съ природою представляетъ собою, напри- мѣръ, сцена, изображенная на рис. 169; всѣ прежніе изслѣдователи обращаютъ особое вниманіе на охоту бушменовъ на страусовъ, при которой охотники прикрываются, какъ сѣдломъ, шкурой страуса съ прикрѣпленной къ ней набитой шерстью и головой, вымазы-

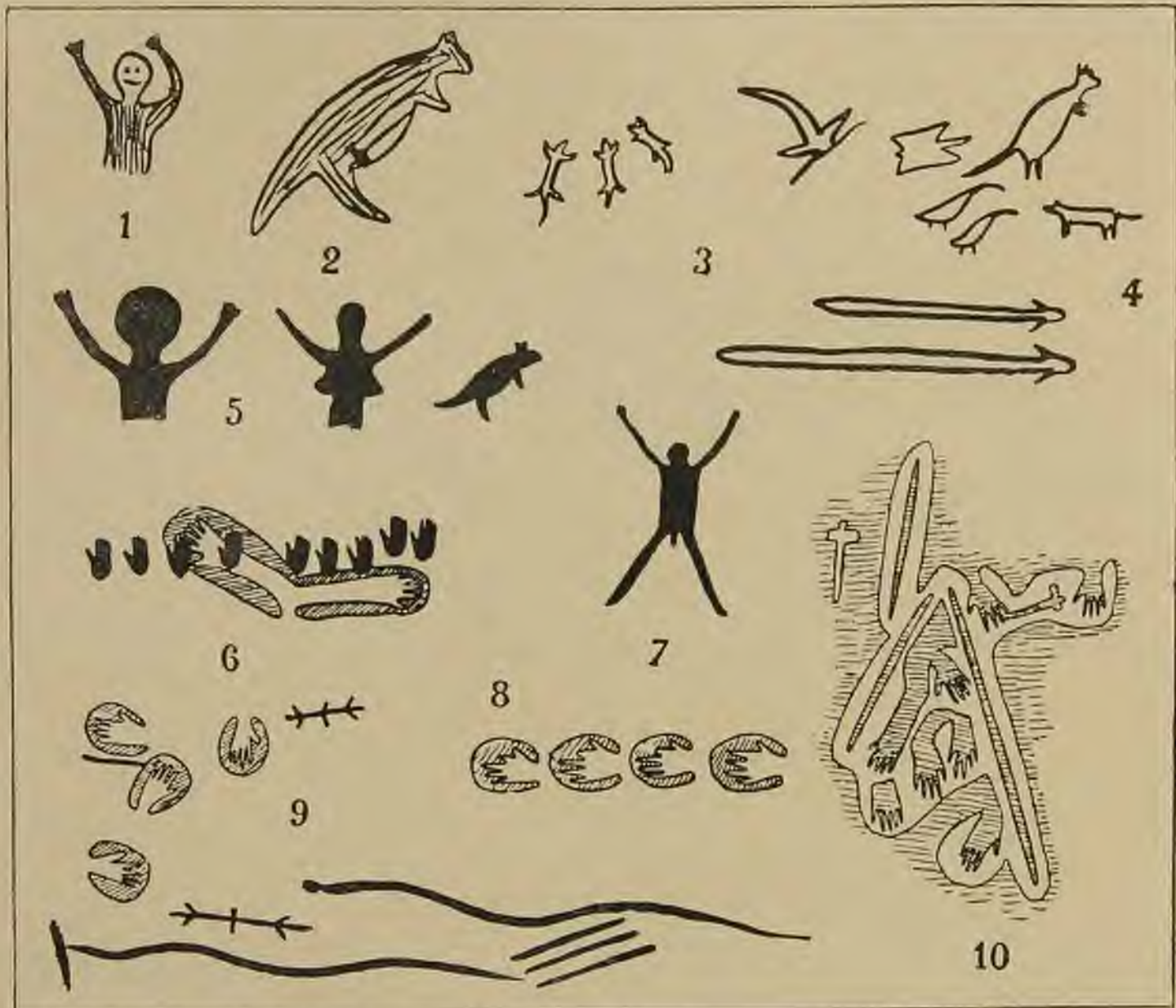

Рис. 170. Живопись австралийцевъ на стѣнахъ пещеръ.
(По Матьюсъ.)

ваютъ свои ноги бѣлою краскою и стараются вообще сдѣлать себя возможно болѣе похожими на страусовъ. Затѣмъ держа въ лѣвой рукѣ лукъ и стрѣлы, они подходятъ къ стаѣ страусовъ какъ можно ближе, разумѣется, противъ вѣтра. М о ф ф а увѣряетъ, что они дѣлаютъ это съ такими естественными движеніями, что даже на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ нельзя замѣтить обмана. „Этотъ человѣкъ, одѣтый птицею,—говоритъ онъ—совершенно производитъ впечатлѣніе страуса, щиплющаго траву; онъ поворачиваетъ голову, какъ бы озираясь, встряхиваетъ свои перья, подвигается то шагомъ, то рысью, пока не подойдетъ къ самому стаду. Если страусы пукаются бѣжать, когда онъ убьетъ стрѣлою одного изъ нихъ, то онъ бѣжитъ вмѣстѣ съ ними и повторяетъ ту же самую игру. Иногда страусы-самцы начинаютъ преслѣдовать странную птицу, и

РИСУНКИ БУШМЕНОВЪ.

a—изъ Цуурфонтена (быки и левъ), *b*—изъ Цандфонтена (носорогъ, слонъ, шакалы, кафры съ копьями).

ГЛАВА VI.

Новѣйшій палеолитическій періодъ въ средней и восточной Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта.

Большое соотвѣтствіе, которое наблюдается между древнимъ палеолитическимъ періодомъ западной Европы и остальной частью нашего континента, сохраняется и въ новѣйшемъ отдѣлѣ палеолитическаго періода; мы имѣемъ дѣло и въ данномъ случаѣ съ чрезвычайно однородною культурою, такъ что безъ всякаго колебанія можемъ примѣнить выработанныя въ предѣлахъ Франціи подраздѣленія и ко всей центральной Европѣ; ихъ правильность во многихъ мѣстахъ самымъ блестящимъ образомъ подтверждается мѣстнымъ напластованіемъ отдѣльныхъ стадій развитія каменныхъ орудій. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ и въ средней Европѣ ориньякскую, солотрейскую и магдаленскую эпохи, но для азильской эпохи пока имѣются лишь немногочисленные отдѣльные указанія.

а) Новѣйшій палеолитическій періодъ въ средней и восточной Европѣ.

Швейцарія.

Въ виду того, что новѣйшій палеолитическій періодъ соотвѣтствовалъ послѣдниковому періоду, слѣдовательно, времени, когда глетчеры Альпъ были въ періодѣ полного отступанія по направленію къ высокимъ горамъ, мы уже заранѣе можемъ ожидать, что найдемъ остатки его какъ въ предгорьяхъ западныхъ Альпъ, такъ и въ области Швейцарской Юры и самой сѣверной Швейцаріи. И, на самомъ дѣлѣ, остатки этого періода богато представлены: за исключеніемъ ориньякской и древней солотрейской эпохъ, мы встрѣчаемъ здѣсь всѣ остальные стадіи. Заселеніе Швейцаріи произошло, очевидно, изъ Франціи,—этимъ объясняется, прежде всего, богатство нѣкоторыхъ изъ швейцарскихъ мѣстонахожденій магдаленской эпохи предметами, представляющими собою произведенія искусства, и не встрѣчаемыми хотя бы даже приблизительно въ такомъ количествѣ нигдѣ въ остальной Европѣ. Положительно производитъ впечатлѣніе, что мы имѣемъ здѣсь непосредственный отпрыскъ искусства Дордои, слѣды котораго становятся тѣмъ болѣе скудными, чѣмъ далѣе мы подвигаемся на востокъ. Въ этомъ смыслѣ, Франція должна считаться настоящею родиною четвертичнаго искусства, тогда какъ сосѣднія области, въ качествѣ провинцій, лежащихъ на периферіи, имѣютъ съ нею общую, преимущественно матеріальную культуру.

Рамки этой книги не позволяютъ мнѣ подробно разсмотрѣть всѣ отдѣльные мѣстонахожденія Швейцаріи, но я остановлюсь все же нѣсколько долѣе на тѣхъ мѣстонахожденіяхъ, которыя особенно богаты,—таковыхъ въ сѣверной Швейцаріи два: Кеслерлохъ около Таингена и Швейцербильдъ около Шаффгаузена.

Кеслерлохъ располагается около входа въ долину Фулахъ, вблизи деревни Таингенъ, въ кантонѣ Шаффгаузенъ, лишь въ одномъ километрѣ къ западу отъ железнодорожной станціи Таингенъ. Пещера заключается въ небольшомъ гребнѣ известняка, который прежде сообщался съ расположеннымъ примѣрно въ 80 метрахъ къ востоку островкомъ известняковъ Шенебюля, и названіе свое (Кеслерлохъ—„Яма котельниковъ“) получилъ изъ-за того, что въ прежнія времена служилъ временнымъ приѣжищемъ чинильщикамъ котловъ и различному другому бродячему народу. Пещера была расположена очень удобно, такъ какъ мимо нея крупная дичь отправлялась съ сосѣднихъ хребтовъ Юры къ рѣчкѣ Фулахъ на водопой; пещера эта имѣетъ поверхность около 200 кв. метровъ, загибается подъ угломъ и открывается въ обѣ стороны воротами. Южный

Рис. 171. Внѣшній видъ пещеры Кеслерлохъ (восточный входъ).
(По Гейерли.)

входъ, шириною въ три метра, расширяющійся далѣе къ западу въ полулунную впадину, въ 7 метровъ длиною, располагается приблизительно на два метра надъ поверхностью долины, тогда какъ главный входъ на восточной сторонѣ, имѣющій 12 метровъ ширины и 3 метра вышины, обладаетъ подошвою, лежащею ниже нынѣшней долины Фулахъ, такъ что подпочвенныя воды ея сильно препятствуютъ раскопкамъ съ этой стороны (рис. 171). Первые болѣе значительныя раскопки были произведены въ 1874 году базельскимъ учителемъ Меркомъ, который опубликовалъ свои чрезвычайно важные результаты въ 1875 году въ особой монографіи. Кромѣ того, тамъ занимался раскопками и другіе швейцарскіе изслѣдователи (Геймъ, Мессикомеръ, Рютимейеръ), затѣмъ у южнаго входа, въ находящихся здѣсь гудахъ обломковъ, Нюшъ произвелъ рядъ раскопокъ въ 1893, 1898 и 1899 гг.; окончательно раско-

пана пещера была извѣстнымъ изслѣдователемъ д-ромъ Гейерли (1902 и 1903 гг.), который совершенно очистилъ все это мѣсто и изслѣдовалъ въ особенности область, затопляемую подпочвенными водами у главнаго входа. Находки Мерка были приобрѣтены Ростартенскимъ Музеемъ въ Констанцѣ, тогда какъ остальная часть поступила въ Шаффгаузенъ; небольшія коллекціи, не имѣющія важнаго значенія, имѣются и въ нѣкоторыхъ другихъ музеяхъ.

По Мерку расположеніе слоевъ было слѣдующее:

а) Верхній слой обломковъ толщиною въ среднемъ около 1 метра.

б) Черный культурный слой, который у входа толщиною въ 0,4 метра, въ серединѣ—0,27 метра и въ заднемъ концѣ около 0,1 метра.—Въ немъ имѣются палеолитическія включенія, именно: очень многочисленныя кости животныхъ и каменные орудія, остатки очаговъ и остатки обработки камней.

в) Красноватый слой, тянущійся по всей пещерѣ, мощностью въ 0,06—0,36 метра, содержащій также большое число костей и орудій, которыя лучше сохранились, чѣмъ

Рис. 172. Напластованіе слоевъ въ Кеслерлохѣ.
(По Гейерли.)

таковыя предыдущаго слоя, особенно передъ входомъ, гдѣ они постоянно были окружены почвенными водами.

г) Желтый слой глины, отсутствующій во внутренней части пещеры; различныя находки лежали на поверхности этого слоя.

д) Каменное дно пещеры.

Тотъ же авторъ упоминаетъ, что первоначально онъ считалъ культурные слои относящимися къ различнымъ періодамъ, но соотвѣтствіе фауны и каменныхъ орудій удостовѣряетъ, что въ данномъ случаѣ имѣется одинъ слой, который лишь двучлѣтенъ.

Гейерли констатировалъ ту же самую послѣдовательность слоевъ: современный слой обломковъ, сѣрый палеолитическій культурный слой, желтый культурный слой, глина безъ всякихъ включеній и наносъ послѣдняго ледниковаго періода. Ему удалось, однако, расчленить содержимое желтаго культурнаго слоя на три археологическихъ яруса, которымъ соотвѣтствуютъ и нѣкоторые отбѣики въ фаунѣ, что значительно обогащаетъ наши свѣдѣнія о напластованіи слоевъ въ данной мѣстности (рис. 172).

Пищу и одежду обитатели Кеслерлоха получали отъ продуктовъ охоты, и насколько данная мѣстность была въ послѣдний періодъ настоящимъ охотничьимъ раемъ, показываетъ лучше всего взглядъ, брошенный на списокъ животныхъ,—впрочемъ, должно замѣтить, что далеко не всѣ виды, находимые въ этомъ списокѣ, были убиты и доставлены туда охотниками,—особенно это относится, конечно, къ многочисленнымъ мелкимъ грызунамъ и насѣкомояднымъ. Полный списокъ фауны охваты-

васть 52 вида, распредѣляющіеся слѣдующимъ образомъ: левъ (пещерный левъ?), дикая кошка, мануль, рысь, волкъ (часто), песецъ (часто), американская лисица (? часто), обыкновенная лисица, росомаха, куница, выдра, бурый медвѣдь; землеройка и крогъ; заяцъ бѣлякъ (очень часто), заяцъ-русакъ, сурокъ, пятнистый сусликъ, рыжій сусликъ (очень рѣдко), полярная мышь, полосатый леммингъ (очень рѣдко), соня, бобръ; мамонтъ (не въ большомъ числѣ), сибирскій носорогъ, дикая лошадь (часто), дикій осель, дикій кабанъ, сѣверный олень (очень часто), благородный олень, козуля, серна, горный козелъ, горный баранъ, мускусный быкъ (очень рѣдко), зубръ, ископаемый быкъ (не въ большомъ числѣ); воронъ, ворона, дроздъ, скопа, лебедь, дикій гусь, дикая утка, бѣлая куропатка (очень часто), альпійская куропатка (очень часто), сорока, соколъ, ласточка; гадюка, лягушка, жаба.

Какъ явствуетъ изъ разсужденій проф. Гешелера, характеръ фауны Кеслерлоха въ теченіе всего періода заселенія остается въ общемъ одинаковымъ: довольно рѣзко выраженный альпійскій климатъ данной мѣстности измѣнился незначительно, зато вполне возможно, что нѣкоторые отдѣльные виды животныхъ за время—очевидно, очень продолжительное—существованія пещерныхъ обитателей появились здѣсь вновь или стали встрѣчаться въ большемъ числѣ, тогда какъ другіе виды за это время исчезли. На это указываетъ то обстоятельство, что остатки лошадей въ нижнихъ слояхъ встрѣчаются относительно болѣе часто, чѣмъ въ верхнихъ, равно какъ и обломки бивней слоновъ. Сибирскій носорогъ и мускусный быкъ были найдены лишь въ нижней части желтаго слоя: первобытный быкъ и горный козелъ чаще встрѣчались въ нижнихъ слояхъ, чѣмъ въ верхнихъ, тогда какъ бурый медвѣдь и козуля, наоборотъ, чаще попадались въ послѣднихъ. Можно, во всякомъ случаѣ, съ увѣренностью сказать, что предположеніе, будто тундровая и степная фауны были рѣзко разъединены во времени, невозможно: онѣ оказываются довольно равномерно перемѣшанными, особенно если считать, что того же возраста и остатки южнаго входа въ пещеру. Что касается растительныхъ остатковъ, то въ желтомъ культурномъ слоѣ имѣются угли орѣшника, ели и, по всѣмъ вѣроятіямъ, ольхи.

Болѣе подробное расчлененіе четвертичныхъ культурныхъ слоевъ показано на прилагаемомъ рис. 172. Непосредственно подъ пустымъ слоємъ желтой глины находились остатки очаговъ; кромѣ того, у III c, около обломка скалы, имѣлась обширная мастерская кремневыхъ орудій. Тамъ нашлись камни, которые служили молотками и наковальнями при обработкѣ кремней, а равно и необработанные куски кремня въ большомъ количествѣ. Здѣсь было болѣе сотни кремней, большею частью желтаго цвѣта, и т. п. Были найдены также и пластинки изъ мамонтовыхъ бивней и два зуба дѣтеныша мамонта. Столь же богаты находками были слои II c и I c; все это сверху было прикрыто каменной мостовой, такъ называемою „бзеци“, устройство которой должно было относиться къ началу отложенія сѣраго культурнаго слоя.

Меркъ перечисляетъ 12.000 кремневыхъ издѣлій, найденныхъ здѣсь, Ньюшъ—10.000, Гейерли—еще 8.000. Безъ сомнѣнія, въ общей своей массѣ они свойственны новѣйшему палеолитическому періоду и, главнымъ образомъ, магдаленскому времени. Все же Гейерли по отношенію къ тремъ подотдѣламъ желтаго культурнаго слоя замѣчаетъ, что нижній изъ нихъ содержитъ болѣе древнія формы каменныхъ орудій и болѣе простыя издѣлія изъ кости и рога. Въ среднихъ слояхъ появляется первый „жезль начальника“, появляется зазубренный съ одной стороны гарпунъ и иглы, а также болѣе часто начинаютъ появляться украшенія: лишь верхній слой содержитъ типичныя магдаленскія орудія.

Какъ было уже выше указано, въ Кеслерлохѣ кости и рога сѣверныхъ оленей были найдены не только въ сыромъ видѣ,—многіе были обожжены, еще большая часть была разбита. При этомъ можно было замѣтить, что, напримѣръ, бедраиыя кости альпійскаго зайца всегда были разбиты на одномъ и томъ же мѣстѣ. Во многихъ костяхъ, напримѣръ, въ суставныхъ косточкахъ сѣверныхъ оленей, имѣлись круглыя отверстія—это свистки, служившіе для сигнализаціи во время охоты и вообще встрѣчаемые нерѣдко (рис. 173, *a*). Кое-гдѣ мы находимъ кости и куски рога, которые выскоблены и выглажены, другіе кажутся полированными. Нерѣдко на разрѣзахъ замѣтны отдѣльныя царапины, образовавшіяся вслѣдствіе примѣненія кремневаго ножа. Рога сѣвернаго оленя ударами отдѣлялись отъ черепа, или же отпиливались съ помощью кремневаго ножа; не-

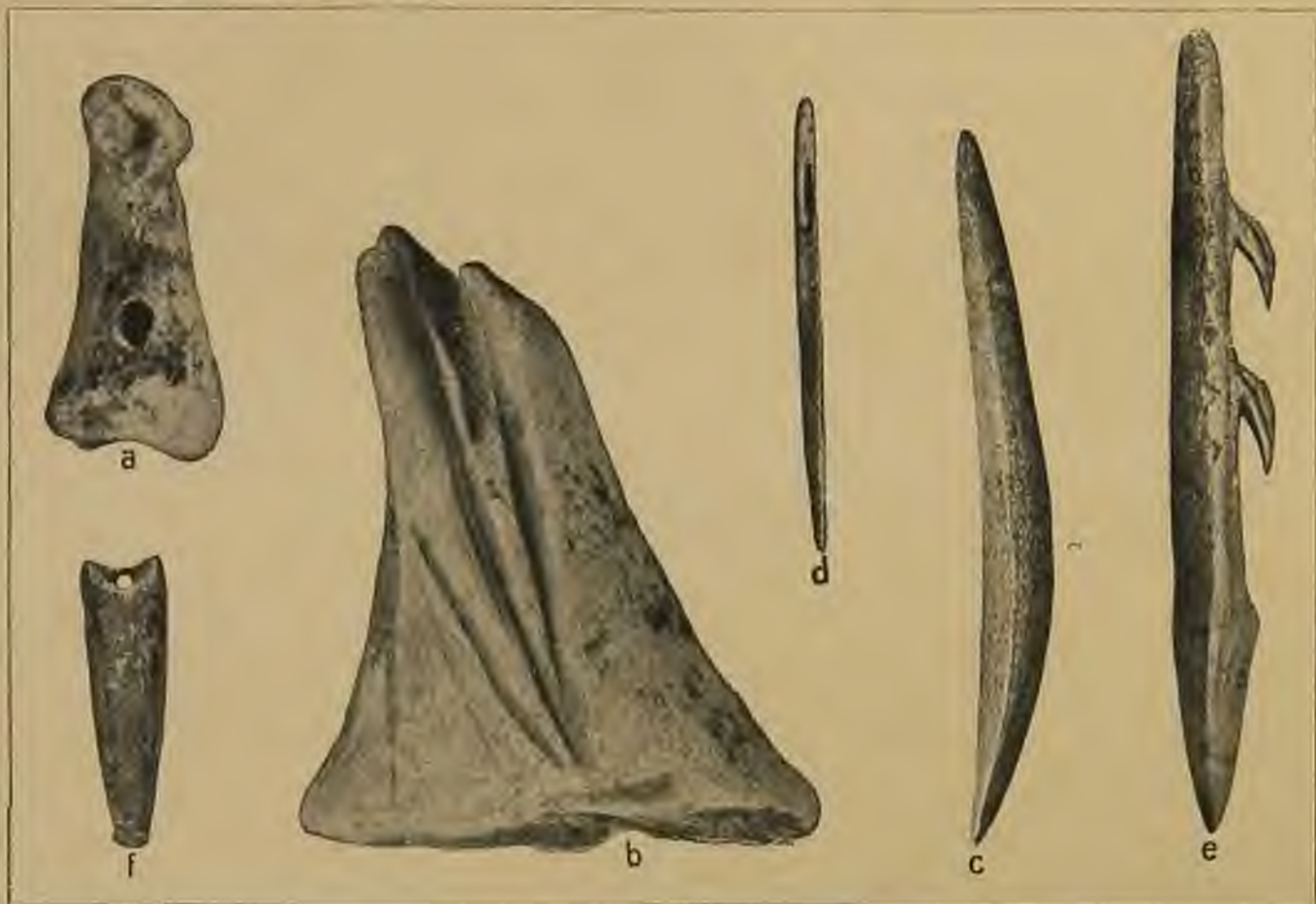

Рис. 173. Находки изъ Кеслерлоха.

a — свистокъ изъ сустава сѣвернаго оленя; *b* — надпиленный рогъ сѣвернаго оленя; *c* — наконечникъ съ остріями на обоихъ концахъ; *d* — игла съ продолговатымъ ушкомъ; *e* — наконечникъ гарпуна; *f* — стилизованная голова животнаго изъ кости.

(По Гейерли.)

рѣдко раздѣлялись и отдѣльныя вѣтви роговъ, либо путемъ ударовъ, либо распиливаніемъ, и такимъ способомъ получались изъ нихъ куски, которые служили для вырѣзанія тонкихъ иголокъ и т. п. (рис. 173, *b*). Нерѣдко такъ обрабатывалась и слоновая кость. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію костяныхъ и роговыхъ издѣлій. Многія кости требовали лишь незначительнаго заостренія для того, чтобы ихъ можно было примѣнять въ качествѣ шила или даже въ качествѣ кинжала. Чаше, однако, встрѣчаются шила, приготовленныя изъ распиленныхъ кусковъ (173, *c*). Лишь изъ верхняго слоя рога дѣлались иглы, въ которыхъ имѣлись ушки двухъ сортовъ—круглыя или продолговатыя. Круглыя ушки большею частью малы, и нерѣдко эти иглы при просверливаніи ушковъ ломались. Потому было немаловажнымъ шагомъ впередъ, когда пещерные обитатели додумались до того, чтобы вставлять нитку въ желобокъ, ведущій къ ушку, чтобы было возможно легче ее продѣвать (рис. 173, *d*). Въ большомъ числѣ встрѣчаются также, какъ

мы видѣли, острые наконечники, и хотя нѣкоторые изъ нихъ служили шилами и т. п., другіе, несомнѣнно, служили оружіемъ и могутъ быть названы наконечниками копій. Размѣры ихъ колеблются между 5 и 25 сант., поперечное сѣченіе большею частью кругловатое, иногда угловатое. Нѣкоторые изъ нихъ снабжены зарубками и значками, являющимися либо украшеніями, либо знаками, отмѣчающими собственность; въ серединѣ нерѣдко наблюдается продольный желобокъ, такъ называемый „кровяной“ желобъ. У основанія эти наконечники копій либо просто скошены, либо клиновидны и имѣютъ нарѣзки для того, чтобы лучше держались на рукояткѣ. Гарпуновъ въ нижнихъ слояхъ не было совершенно, но въ верхнихъ они появляются и притомъ какъ односторонніе, такъ и двусторонніе (рис. 173, e). Изображенный здѣсь экземпляръ спереди довольно тупъ, зато низъ его заостренъ клиновидно, и стержень обнаруживаетъ 6 направленныхъ назадъ зубцовъ, которые очень остры, сильно загнуты внизъ и несутъ каждый въ серединѣ кровяной желобъ. Такъ называемые „жезлы начальниковъ“, подобно гарпунамъ, попадаютъ лишь въ верхнемъ слоѣ. Въ 1874 г. были найдены цѣльные экземпляры и среди нихъ жезлъ, украшенный превосходными изображеніями пасущагося сѣвернаго оленя и его дѣтеныша; Нюшъ и Гейерли нашли лишь обломки или первоначальные наброски. Имѣются и обломки метательныхъ копій.

Между многочисленными украшеніями особенно бросаются въ глаза тѣ, которыя были приготовлены изъ каменнаго угля. Этотъ уголь не стоитъ ни въ какой связи съ юрскими углями Вюртемберга, а происходитъ отъ третичныхъ углей и нерѣдко встрѣчается по сосѣдству съ мѣстомъ находки. Было найдено большое число бусъ, стерженьковъ, пластинокъ, подвѣсковъ и амулетовъ, сдѣланныхъ изъ этого матеріала или изъ кости, при чемъ наиболѣе красивые опять-таки относятся къ верхнимъ слоямъ. Нерѣдко экземпляры эти просверлены, они имѣютъ различную форму и очень разнообразно украшены (рис. 173, f). На ряду съ простыми узорами изъ штриховъ и линій, мы встрѣчаемъ также и изображенія растений; едва ли допустимо, конечно, считать вмѣстѣ съ Фрицомъ Редигеромъ, что запутанныя линіи на угольной пластинкѣ представляютъ собою карту, начерченную пещерными обитателями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлись и украшенія изъ зубовъ песка, волка и лошади, при чемъ таковыя были просверлены. Затѣмъ въ видѣ подвѣсковъ служили также двустворчатые и спирально-закрученныя раковины, среди нихъ особенно заслуживаютъ вниманія просверленные аммониты, экземпляры *Ceritium* изъ олигоценовыхъ отложеній бассейна Майна и раковины *Dentalium* изъ итальянскихъ пліоценовыхъ отложеній, ихъ нахожденіе замѣчательно по удаленности отъ мѣста происхожденія.

Что касается узоровъ, встрѣчаемыхъ въ данной пещерѣ, то ихъ можно разбить на нѣсколько группъ. Гейерли группируетъ ихъ и дѣлитъ на точки и точкообразныя выбоинки, на настоящія прямыя и параллельныя линіи, комбинаціи изъ параллельныхъ линій и насѣчекъ, угловъ и треугольниковъ, кривыя линіи, вѣтвеобразныя узоры и нынѣ большей частью мало понятныя орнаменты и узоры. Интереснѣе всего, однако, Кеслерлохъ тѣмъ, что онъ оказался хранильщемъ, чрезвычайно богатымъ предметами, украшенными превосходною гравировкою. Они не всѣ одинаковаго выполненія, — на ряду съ экземплярами, не имѣющими большой цѣнности, мы находимъ и такіе, которые представляютъ собою первоклассныя произведенія, — особенными искусниками были тогдашніе рисовальщики животныхъ. Къ несчастью, одинъ изъ рабочихъ Мерка, въ 1874 году, занялся фальсификаціей такихъ вырѣзанныхъ изображеній. Въ настоящее время, при нашемъ знакомствѣ уже съ другими произведеніями искусства людей ледниковаго періода, мы не можемъ себѣ представить, какимъ образомъ три

существующихъ фальсифицированныхъ изображеній не были разгаданы съ перваго же взгляда. Тѣмъ болѣе несправедливымъ кажется намъ, на основаніи этого случая, подвергать сомнѣнію и весь остальной существующій матеріалъ. Эти изображенія были вырѣзаны на полированномъ рогѣ сѣвернаго оленя или въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ на каменномъ углѣ или на кости, но никогда матеріаломъ для нихъ не являлся камень. Первымъ изъ такихъ изображеній является рисунокъ дикаго кабана (рис. 174, *a*), отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранились не все очертанія. Спину животного образуетъ слабо изогнутая линія, и у начала хвоста замѣчается характерный загибъ. Изъ заднихъ ногъ ясно изображена лишь одна, граница живота вырѣзана въ видѣ двухъ дугообразныхъ линій. На туловищѣ животного замѣчаются еще другіе штрихи и нарѣзки, относительно которыхъ нельзя рѣшить, принадлежатъ ли они самому рисунку, или образуютъ случайныя царапины. Изъ переднихъ ногъ лишь передняя часть правой ноги можетъ быть замѣчена на рисункѣ, голова и шея совершенно отсутствуютъ. Рисунки, изображающіе лошадиныя головы, выполнены на рогѣ, на кускахъ реберъ и на пластинкѣ каменнаго угля, но они менѣе существенны. Тѣмъ большее значеніе имѣютъ изображенія цѣлыхъ лошадей, которыя Гейерли нашелъ на угольной пластинкѣ длиною въ 6 сант. и шириною въ 4. Ноги, хвостъ, спина, грудь и шея могутъ быть безъ труда различены, при чемъ голова нѣсколько нагнута внизъ и расплывчата. Еще лучше выполнено изображеніе лошади на одномъ изъ „жезловъ начальника“, найденномъ Меркомъ (рис. 174 *b*). „Животное, смотрящее налѣво, вытянуло голову по направленію къ отверстию жезла, глаза и уши ясно различимы, равно какъ и позди. Верхняя губа выдается впередъ, какъ у лося, нижняя губа оттянута назадъ. Очень характерны длинныя волосы на нижней сторонѣ головы, имѣющіе видъ бороды. Шея лошади вследствие отверстия жезла кажется очень длиною, линія груди совпадаетъ съ краемъ отверстия и отдѣляется отъ него лишь около начала ногъ. Линія шеи, какъ и спина, едва замѣтны; повидимому, онѣ скорѣе нанесены отдѣльными штрихами, а не вырѣзаны. Отъ гривы замѣтны лишь два пучка волосъ, одинъ около ушей, другой ниже, около шеи. Туловище животного вытянуто въ длину и почти цилиндрично, ноги, которыя все видны, кажутся довольно слабыми. Лошадь изображена шагающей, причемъ правая передняя нога ея поднята. Брюшная линія вѣзана очень сильно, на заднемъ концѣ ея рисовальщикъ пробовалъ нѣсколько разъ, пока ему удалось найти правильное положеніе. Правая задняя нога нарисована очень грубо, лучше удалась лѣвая нога, хотя и здѣсь замѣтно много пробъ и поправокъ рисовальщика. Копыта неясны, и еще менѣе ясными являются верхняя часть загривка и хвостъ. Рисунокъ этотъ, несмотря на несоотвѣтствіе пропорцій, все же во всехъ частяхъ основывается на тщательномъ наблюденіи природы и является потому весьма жизненнымъ“ (Гейерли). Остальные рисунки на томъ же самомъ жезлѣ сохранились очень плохо и походятъ на сѣверныхъ оленей. Вблизи этого жезла былъ найденъ второй, также съ рисункомъ лошади, представляющимъ собою одно изъ лучшихъ произведеній такого рода. Весь жезлъ имѣетъ въ длину 27 сант., ширину въ среднемъ въ 3 сант. и толщину 2 сант. Тщательно отскобленная и полированная верхняя сторона его несетъ изображеніе, которое мы представляемъ въ развернутомъ видѣ (*c*). Оно, если не своими пропорціями, то своими деталями можетъ быть названо положительно художественнымъ. „Сперва, повидимому, была проведена линія спины; почти по всей длинѣ ея нанесены косо торчащія вверхъ короткіе волосы; по туловищу имѣются, кромѣ того, тѣсно сжатые ряды небольшихъ косыхъ полосокъ, воспроизводящихъ какъ бы полосатость зебры. Хвостъ спускается почти до уровня копытъ; съ большимъ умѣньемъ изображены заднія ноги.

на которыхъ можно различить колѣно, каштанчики и копыто. Брюхо намѣчено слабо выгнутой линіей, и растущая на немъ шерсть нанесена соответствующими царапинами; хорошо переданы также и переднія ноги, но настоящимъ шедевромъ является голова:

отъ небольшихъ заостренныхъ ушей тянется линія лба, около которой концентрическими кружками изображенъ глазъ. Верхняя и нижняя губы выгравированы совершенно ясно; линія щекъ начинается подъ глазомъ и пробѣгаетъ почти въ видѣ полукруга къ началу линіи груди. Небольшія царапинки изображаютъ слабо развитую шерсть головы, которая вытянута въ длину и всей своей формой свидѣтельствуетъ, что рисунокъ этотъ изображаетъ молодого дикаго осла, чему соответствуетъ и длинный хвостъ. Что касается всего остального, то справедливо указывалось, что голова, собственно говоря, слишкомъ мала;

именно это и заставляетъ предполагать, что рисовальщикъ хотѣлъ изобразить жеребенка, на это же указываютъ и полосы на туловищѣ (Гейерли). Изъ изображеній оленей особенно выдается „пасущійся сѣверный олень“, самое знаменитое и совершенно несправедливо подвергавшееся сомнѣнію произведеніе, найденное въ Кеслерлохѣ (фиг. *d*).

Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ, т. I.

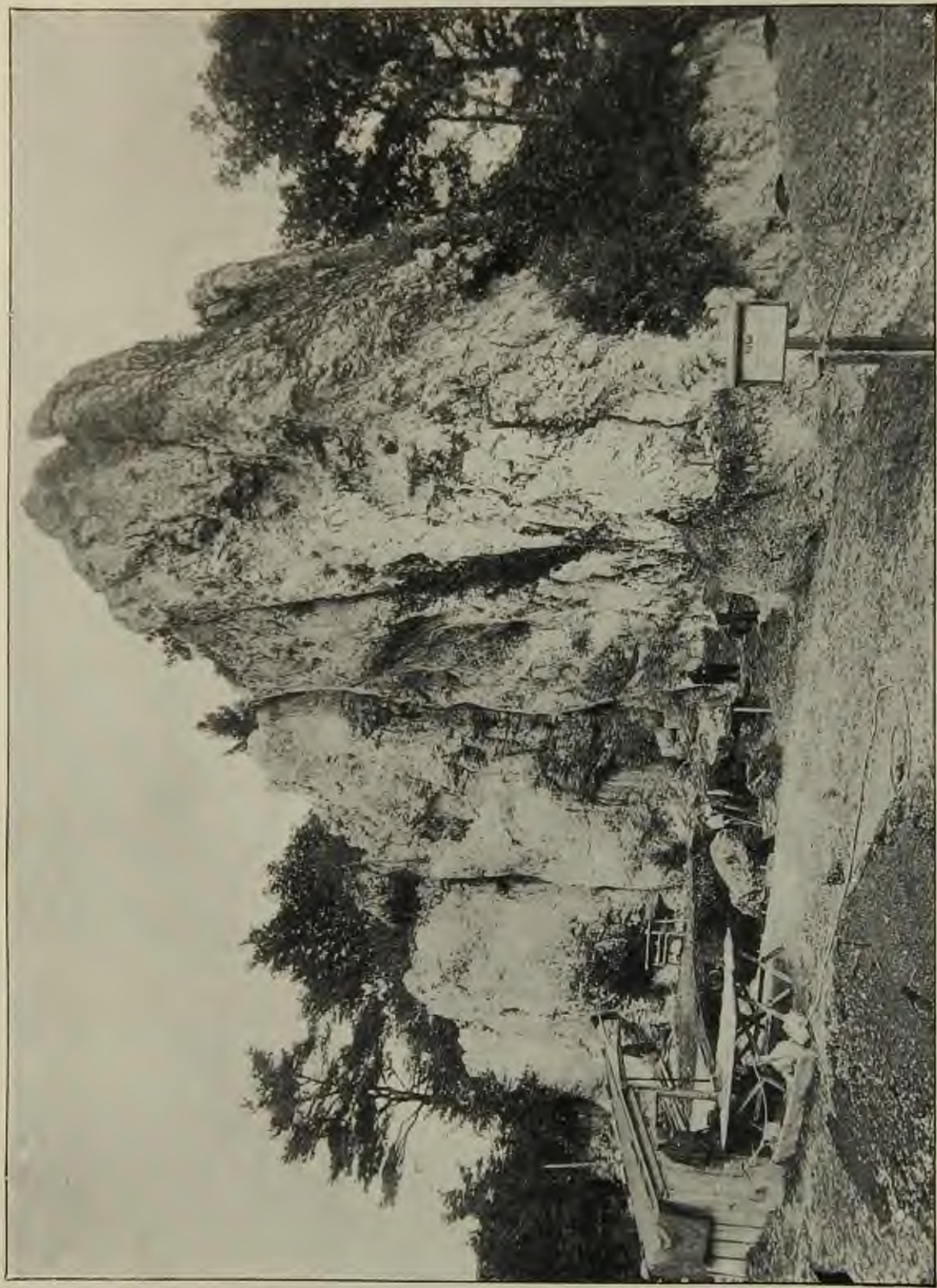
Рис. 174. Произведенія искусства изъ Кеслерлоха. *a* — дикій кабанъ; *b* — дикая лошадь; *c* — развернутое изображеніе жеребенка; *d* — развернутое изображеніе пасущагося сѣвернаго оленя; *e* — комбинированное скульптурное изображеніе головы животнаго (обломок). (По Гейерли.)

Геймъ полагаетъ, что сперва была нарисована спина этого животного. При разсмотрѣніи его конечностей обнаруживается, что переднія ноги вышли гораздо лучше, чѣмъ заднія. Изъ трехъ имѣющихся линій брюха окончательной надо считать нижнюю, тогда какъ обѣ неправильныхъ линій, нарисованныхъ ранѣе, стоятъ въ связи съ задними ногами; слѣдовательно, можно думать, что заднія ноги были нарисованы ранѣе переднихъ и ранѣе головы. Очевидно художникъ долженъ былъ начать выполненіе рисунка слѣва и сперва вырѣзалъ кремневымъ остриемъ на полированномъ кускѣ рога спину и заднія ноги оленя, лишь затѣмъ дошла очередь до головы и груди, которыя, слѣдовательно, оказались нарисованными нѣсколько ниже, чѣмъ было предположено, почему линія брюха передвинулась далѣ книзу. Большинство изображеній животныхъ, найденныхъ во французскихъ пещерахъ, смотритъ направо, — это даетъ основаніе думать, что выполненіе рисунка начиналось слѣва, и что, слѣдовательно, рисовали правой рукой. Пасущійся сѣверный олень, несмотря на указанные недостатки, все же является образцовымъ произведеніемъ магдаленскаго искусства. Живость и естественность изображенія заставляеть забывать, что художникъ гравировалъ кремневымъ орудіемъ на рогѣ сѣвернаго оленя: „искусство въ данномъ случаѣ одержало верхъ надъ матеріаломъ“. На одинаковый уровень съ этими гравированными изображеніями можно поставить настоящую рѣзбу и мелкія скульптурныя изображенія, сдѣланныя рельефно изъ рога. Намъ особенно интересуеть голова животного, изображенная на табл. XV (фиг. n), которую Меркъ нашелъ въ сѣромъ культурномъ слое; къ сожалѣнію, этотъ объектъ сломанъ, такъ какъ отсутствуютъ морда и все туловище. Огромные рога прилегаютъ къ головѣ и не направлены наружу, что заставило Ранке думать, что изображеніе это представляетъ собою голову мускуснаго быка. Если, дѣйствительно, принять во вниманіе то характерное смыканіе роговъ на лбу, которое наблюдается въ данномъ случаѣ, то толкованіе это получаетъ много вѣроятія. Къ этому присоединяется, что Гейерли при раскопкахъ нашелъ, дѣйствительно, кости мускуснаго быка. Очень тонкіе ряды насѣчекъ покрываютъ весь затылокъ головы и очевидно отмѣчаютъ шерсть животного. Другія рѣзныя изображенія мы можемъ оставить безъ вниманія, такъ какъ они имѣютъ меньшее значеніе. Нюэшъ упоминаеть на ряду съ различными изящными украшеніями рѣзныя фигуры рыбы и человѣка, — первое изъ этихъ толкованій вполнѣ возможно, что же касается второй фигуры, то она скорѣе представляетъ собою незаконченную голову животного.

Изъ остатковъ человѣка Меркъ указываетъ лишь нахожденіе ключицы одного молодого индивидуума.

Подводя итоги археологическимъ находкамъ Кеслерлоха, можно сказать, что тамъ представлены всѣ стадіи магдаленской эпохи, какъ нижняя, такъ и средняя и высшая. Низшая стадія, къ которой мы по стилю выполненія, вопреки мнѣнію Гейерли, должны отнести и рѣзную голову мускуснаго быка и другіе сходные объекты, по существу такова, что въ ней нельзя не замѣтить связи съ концомъ солиотрейской эпохи.

Приблизительно въ 4 километрахъ къ юго-западу отъ Кеслерлоха и въ 3 километрахъ сѣвернѣе Шаффгаузена располагается обширная, покрытая лугомъ долина, на которой поднимаются 3 отдѣльныя известняковыя скалы, носящія названіе Швейцербильдъ изъ-за имѣвшихся здѣсь нѣкогда статуи (табл. XXI). Хотя здѣсь и не было пригодной для жилья пещеры, но стѣны скалы поднимались все же не только отвѣсно, но и были вогнуты внутрь въ горизонтальномъ направленіи такъ, что у основанія этихъ стѣнъ образовался полуовальный участокъ—его длина по длинной оси была 36,5 метровъ, тогда какъ половина длины короткой оси составляла 12½ мет-

Швейцербильдъ у Шаффаузена во время раскопокъ.

(По Ньюшу).

ровъ. На этомъ участкѣ, имѣвшемъ около 200 кв. метровъ поверхности, и располагалось поселеніе на 2¹/₂ метра выше долины; оно образовало какъ бы валъ вдоль скалы между обоими ея выступами. Отъ высоко поднимающихся стѣнъ солнечные лучи отражались какъ отъ вогнутого зеркала по направленію къ центру этого пространства. Они такъ нагревали мѣстность, что снѣгъ зимою могъ держаться лишь самое короткое время, а лѣтомъ жара была почти невыносима. Въ прежнія времена скала еще сильнѣе выдавалась навѣсомъ впередъ и защищала отъ холодныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, отъ дожди и снѣга и отъ всякой непогоды. Примѣрно въ 200 метрахъ западнѣе этого прежняго поселенія находился обильный водою источникъ, и тамъ сходились пять различныхъ долинъ. Съ верхушки скалъ Швейцербильда можно было прекрасно наблюдать за дичью, подавать охотникамъ сигналы и точно также держать караулъ противъ нападенія враговъ. Поэтому не удивительно, что охотники за сѣверными оленями еще въ четвертичный періодъ воспользовались этой мѣстностью. Археологическіе остатки Швейцербильда были сперва въ 1891—1893 гг. изслѣдованы учителемъ Шаффгаузена, д-ромъ Ньюэшъ, при чемъ результаты его изслѣдованій были очень цѣнны и внесли много новаго въ наши познанія о жизни человѣка четвертичнаго періода въ Швейцаріи, хотя мѣстонахожденіе это и значительно бѣднѣе Кесслерлоха. Самымъ нижнимъ слоемъ, по Ньюэшу, является рѣчной наносъ, выполняющій

Рис. 175. Напластованіе слоевъ Швейцербильда.
(По Ньюэшу.)

долину; онъ сверху переходитъ въ мелкій щебень, происшедшій отъ вывѣтриванія скалы и слегка сцементированный. Ньюэшъ назвалъ самую нижнюю часть этого мѣстнаго слоя щебня „нижнимъ слоемъ грызуновъ“—онъ имѣетъ въ среднемъ 50 сант. въ толщину и содержитъ остатки рыси, волка, песца, обыкновенной лисицы, росомахи, бураго медвѣдя, горностая, лемминговъ, зайца-бѣляка, сѣвернаго оленя, дикой лошади, сибирскаго носорога, альпійской куропатки, бѣлой куропатки и различныхъ другихъ животныхъ, въ томъ числѣ птицъ и мелкихъ грызуновъ. Остатки этихъ послѣднихъ были занесены туда совами, которыя прежде во множествѣ гнѣздились въ щеляхъ скалъ, когда человѣкъ на время покидалъ это мѣсто. Надъ этой нижней брекчіей располагается „желтый культурный слой“, толщиною приблизительно въ 30 сант. съ костями волка, песца, обыкновенной лисицы, росомахи, бураго медвѣдя, горностая, манула, тушканчика, зайца-бѣляка, бобра, рыжаго суслика, сѣвернаго оленя, горнаго козла, марала, благороднаго оленя, козули, зубра, дикаго кабана, дикой лошади, дикаго осла, полярной куропатки, альпійской куропатки и др. Дальнѣйшимъ слоемъ является „верхняя брекчія съ верхнимъ слоемъ грызуновъ“ (80—120 сант.); въ немъ имѣлись кости горностая, тушканчиковъ, зайца-бѣляка, бѣлки, сѣвернаго оленя, дикаго кабана и нѣкоторыхъ другихъ видовъ. Ньюэшъ полагалъ, что горизонты нижней брекчіи и желтаго культурнаго слоя должны быть подробнѣе подраздѣлены, именно первый

является „слоемъ тундры“, послѣдній — „степнымъ слоемъ“. По моему мнѣнію и по мнѣнію Пенка, это едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что этимъ слоемъ нѣтъ соответствующихъ въ Кеслерлохѣ, тогда какъ эта пещера древнѣе и должна была бы вслѣдствіе того скорѣе отражать такое подраздѣленіе, если бы оно существовало. Оба слоя имѣютъ столько общихъ характерныхъ видовъ, что ихъ можно разсматривать какъ одинъ горизонтъ съ арктическо-альпійской фауной. Верхній слой брекчии представляетъ собою лишь переходный горизонтъ къ слѣдующему, „сѣрому культурному слою“ (40 сант.), въ которомъ появляется уже современная лѣсная фауна, именно, имѣются кости волка, обыкновенной лисицы, бураго медвѣдя, дикой кошки, куницы, барсука, обыкновеннаго зайца, бобра, козла, благороднаго оленя, козули, овцы, ископаемаго быка, короткорогога быка, дикаго кабана, дикой лошади и, по всѣмъ вѣроятіямъ, попавшаго сюда изъ другихъ горизонтовъ сѣвернаго оленя.

Всѣ четвертичныя археологическія находки этой пещеры, въ главной массѣ своей, собраны въ настоящее время въ Швейцарскомъ Государственномъ Музеѣ въ Цюрихѣ, въ Городскомъ Музеѣ въ Шаффгаузенѣ и въ Росгартенскомъ музеѣ въ Констанцѣ. Онѣ были найдены въ нижнемъ слое грызуновъ и въ желтомъ культурномъ слое: въ первомъ содержалось около 300 превосходныхъ кремневыхъ орудій и 40 обработанныхъ костей, въ послѣднемъ—14000 кремневыхъ орудій и 1300 обработанныхъ объектовъ изъ рога и кости. Какъ мнѣ было сообщено самимъ Ньюшомъ, археологическія находки обоихъ отдѣловъ не различались между собой „ни по формѣ, ни по обработкѣ“, почему онъ не считалъ возможнымъ раздѣлить оба эти отдѣла—они образуютъ одно цѣлое. Въ „нижней брекчии“ былъ найденъ лишь одинъ очагъ, покрытый слоемъ пепла въ 10 сант. толщиной и большимъ числомъ разбитыхъ, но не обожженныхъ костей. Это обстоятельство, равно какъ и констатированное въ выше лежащемъ слое присутствіе многочисленныхъ хищныхъ птицъ, гнѣздившихся безпрепятственно на скалахъ, доказываетъ, что человѣкъ въ этотъ періодъ не устранился еще здѣсь прочно, а лишь временно пребывалъ въ этомъ мѣстѣ. Гораздо многочисленнѣе слѣды его болѣе продолжительнаго втораго пребыванія. Здѣсь мы видимъ уже огромныя массы разбитыхъ костей и обломковъ кремней, множество камней, служившихъ для обколачиванія орудій, и множество необработанныхъ кремней; наконецъ, мы находимъ здѣсь два очень искусно устроенныхъ очага, выложенныхъ камнями, и вымощенное мѣсто для работы съ сидѣльями и камнями, служившими наковальнями, почему Ньюшъ считаетъ, что здѣсь имѣлась фабрика кремневыхъ орудій, снабжавшая таковыми всѣ сосѣднія мѣстности. Сами эти орудія состоятъ изъ ножей и наконечниковъ копій всевозможныхъ величинъ, изъ пилъ, сверлъ, шилъ, скребковъ, рѣзцовъ, зубчатыхъ клинковъ и клинковъ съ притупленной спинкой. Въ тщательно сдѣланномъ каменномъ ящикѣ съ каменною крышкою было найдено цѣлое сокровище—48 кремневыхъ инструментовъ особенно малыхъ размѣровъ и особенно тщательно выполненныхъ. Издѣлія изъ кости и изъ рога представляли собою большею частью надрѣзанные, надпиленные и изломанные куски; слѣдуетъ упомянуть лишь находеніе двухъ цѣльныхъ иглъ изъ кости и 58 обломковъ тонкихъ иглъ съ ушкомъ или безъ ушка; кромѣ того, было найдено около 300 наконечниковъ, большею частью съ кровянымъ желобомъ и съ простымъ или двойнымъ клинообразнымъ концомъ, 3 гарпуна, 41 свистокъ изъ оленьяго рога и 2 обработанныхъ и обуглившихся куска дерева.

Охотники за сѣверными оленями, жившіе въ Швейцарсбильдѣ, заботились и о своемъ украшеніи. Тамъ были найдены просверленные зубы лошади, песца и росомахи, просверленные раковины и окаменѣлости (аммониты и зубы ископаемыхъ акулъ, обра-

ботанные кусочки бурога каменнаго угля), подвѣски изъ каменнаго угля, 2 „жезла начальниковъ“ и 15 обломковъ ихъ, куски охры и кровавика для раскрашиванія стѣнъ и тѣла и т. п. Тогда какъ сырой матеріалъ для кремневыхъ издѣлій (кремень, халцедонъ, яшма) происходилъ изъ юрскихъ слоевъ Швейцербильда или былъ найденъ въ расположенной по соседству моренѣ Рейнскаго глетчера, встрѣчаются и такія каменные породы, которыя нигдѣ не найдены въ Швейцаріи и до настоящаго времени ближе всего къ данной мѣстности находились въ третичномъ бассейнѣ у Майнца. Изъ этого слѣдуетъ, что охотники четвертичнаго періода совершали большія путешествія или, быть-можетъ, данные предметы являются добычею. Въ цѣляхъ украшенія на различныхъ костяныхъ издѣліяхъ имѣются штриховые узоры, но самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ изъ издѣлій искусства является жезлъ начальника съ изображеніемъ двухъ дикихъ лошадей (рис. 176).

Онъ находился въ небольшой низкой нишѣ скалы, покрытой и окруженной брекчией изъ костей и зубовъ молодыхъ сѣверныхъ оленей, изъ кремневыхъ ножей, кусковъ кремня и изъ различныхъ кухонныхъ остатковъ. Чрезвычайно ломкій жезлъ длиною въ 29 сантим. имѣетъ на заднемъ отломанномъ концѣ полулунный вырѣзь, шириною въ 20 миллиметровъ, представляющій собою остатокъ прежняго отверстія; на его верхнемъ концѣ находится нѣсколько косо направленныхъ вырѣзковъ. „На средней полированной части жезла выцарапана направленная головою налѣво идущая впередъ лошадь. На ея короткой толстой головѣ имѣются сильно выступающія щеки, ротъ открытъ какъ бы для ржанія, ноздри огромны, ясно намѣчены глазъ и короткія уши; довольно длинная шея ея несетъ свѣшивающуюся внизъ гриву и сидитъ на сильно выпяченной груди. Правая согнутая передняя нога отдѣляется отъ земли, тогда какъ лѣвая, обращенная къ наблюдателю, поставлена прямо. Лошадь собирается выдвинуть впередъ уже приподнятую, снабженную небольшимъ копытномъ и ясными каштанчиками заднюю ногу, тогда какъ правая задняя нога упирается въ почву. Всѣ четыре ноги покрыты длинною,

Рис. 176. Жезлъ начальника изъ Швейцербильда.
(По Нюэшу.)

какая правая задняя нога упирается въ почву. Всѣ четыре ноги покрыты длинною,

отвислою шерстью. Брюхо сзади сильно подтянуто, линия спины отсутствуетъ, такъ какъ жезль въ этой части несетъ изломъ, хвостъ не нарисованъ, такъ какъ онъ прикрытъ при данномъ положеніи лѣвой задней ногой. Позади этой лошади, нарисованной съ большою вѣрностью природѣ, находится вторая, также идущая впередъ, но менѣе ясно очерченная“ (Нюэшь).

Нѣкоторый интересъ представляютъ также рисунки, найденные на небольшой неправильной пятиугольной пластинкѣ известняка длиною въ 10 сант., шириною въ 6 и толщиною въ 5 миллиметровъ. Эта пластинка лежала на уровнѣ желтаго культурнаго слоя, въ небольшой узкой щели, въ скалѣ, заполненной брекчией, костями четвертичныхъ животныхъ и разнообразными обломками каменныхъ орудій; рисунки эти стали замѣтны лишь послѣ того, какъ съ пластинки былъ удаленъ известковый наплывъ. На передней ея сторонѣ нарисованы три животныхъ (рис. 177): посрединѣ, нѣсколько

Рис. 177. Каменная пластинка съ изображеніями дикихъ ословъ (передняя сторона).
(По Нюэшу.)

ближе къверху, изображенъ въ спокойной позѣ дикій степной оселъ, подъ нимъ молодое животное той же породы. Третій рисунокъ представляетъ сѣвернаго оленя, идущаго по направленію къ дикому ослу, слѣва направо. Морда оленя приходится на шею осла, ниже замѣтны голова и рога; нижняя линия шеи и груди направлены назадъ, отъ переднихъ ногъ замѣтны лишь верхнія части, задняя половина тѣла почти совершенно отсутствуетъ. На обратной сторонѣ пластинки Нюэшь изъ множества запутанныхъ ли-

ній думаетъ различить двѣ головы лошадей, очертанія мамонта и степного осла, но эти толкованія кажутся мнѣ мало обоснованными.

Если сравнить произведенія искусства охотниковъ на сѣверныхъ оленей въ Швейцербильдѣ съ обитателями Кеслерлоха, то бросается въ глаза прежде всего, что въ первой мѣстности совершенно отсутствуютъ настоящія скульптурныя изображенія. Точно также можно отмѣтить бѣдность художественныхъ мотивовъ на украшеніяхъ орудій, сдѣланныхъ изъ кости и рога. Зная соответствующія стадіи Франціи, можно ясно замѣтить, что въ Швейцербильдѣ представлена лишь часть тѣхъ слоевъ, которые имѣются въ Кеслерлохѣ, именно лишь слои, соответствующіе концу магдаленской эпохи. Такимъ образомъ, соответствие между обѣими станціями слѣдующее:

Въ Кеслерлохѣ: конечная стадія солютрейской эпохи и первая, вторая и третья стадіи магдаленской.

Въ Швейцербильдѣ: конецъ солютрейской и первая и вторая стадіи магдаленской эпохи отсутствуютъ, имѣется лишь третья стадія магдаленской.

Швейцербильдъ первоначально былъ ошибочно признанъ Пенкомъ за образование, соответствующее послѣднему межледниковому періоду. Новѣйшія изысканія того же автора и Мейстера окончательно установили, что онъ относится къ послѣдниковому періоду, — это мнѣніе высказывалъ Буль съ самаго начала. Пенкъ за послѣднее время установилъ слѣдующее геологическое развитіе Швейцербильда:

1) Максимумъ послѣдняго оледенѣнія (четвертый ледниковый періодъ), — Швейцербильдъ вмѣстѣ съ сосѣдними возвышенностями покрытъ еще льдомъ Рейнскаго глетчера.

2) Отступаніе глетчера до первой остановки.

3) Глетчеръ остается въ 600 метрахъ къ юго-востоку отъ Швейцербильда, его воды заносятъ почву долины Швейцербильда наносомъ.

4) Глетчеръ продолжаетъ далѣе отступать; долина Швейцербильда не получаетъ болѣе воды, происходящихъ отъ его таянія, ея собственныя воды нагромождаютъ юрскій наносъ въ $1\frac{1}{2}$ метра по меньшей мѣрѣ.

5) Отъ скалъ Швейцербильда отдѣляется мелкій щебень, скопляющійся въ груды мелкозернистаго наноса. Въ окрестностяхъ водятся уже грызуны.

6) Первобытный человѣкъ поселяется подъ прикрытіемъ скалъ. Образуются отложенія нижней брекчии и желтаго культурнаго слоя.

„Верхній слой грызуновъ“ обнаружилъ отсутствіе произведеній рукъ человѣческихъ и является, слѣдовательно, чисто-переходнымъ горизонтомъ. Всевозможные остатки человѣческой дѣятельности оказались въ вышележащемъ „сѣромъ культурномъ слое“, цвѣтъ котораго обусловливается чрезвычайно большимъ количествомъ золы и пепла; въ немъ было обнаружено 6000 каменныхъ орудій и 270 выдѣланныхъ изъ кости и изъ рога объектовъ. На ряду съ ними имѣются еще огромные обломки известняка, которыхъ особенно много вокругъ очаговъ, затѣмъ камни, окружавшіе гробницы, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, занесенныя сюда гальки, раковины и окаменѣлости, грубые неглазироваанные черепки глиняной посуды, шлифованныя каменные орудія и т. п. Ньюэшъ пишетъ самъ, что опредѣленіе возраста этихъ включеній, благодаря неоднократно нарушенію ихъ первоначальнаго положенія, доставляло большія трудности: кости сѣверныхъ оленей и современныхъ животныхъ, палеолитическія каменные орудія и совершенно новыя произведенія искусства представляли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пеструю смѣсь. Однако, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сѣрый культурный слой оставался незатронутымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, сохранялъ своеобразный и безспорно неолитическій характеръ. Многія указанія говорили за то, что эта мѣстность, въ теченіе продолжительнаго неолитическаго періода, не была непрерывно населена; весьма вѣроятно, что здѣсь въ различныя времена погребали или сжигали покойниковъ, о чемъ свидѣлствуютъ огромныя скопленія золы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и отсутствіе различныхъ костей у нѣкоторыхъ скелетовъ. Ньюэшъ нашелъ, въ общемъ, 22 гробницы, въ которыхъ были похоронены останки 27 человѣкъ, въ томъ числѣ 14 взрослыхъ и 13 дѣтей моложе 7-лѣтняго возраста. Изъ послѣднихъ трое были, несомнѣнно, погребены въ новѣйшее время, какъ это ясно изъ незначительной глубины могилъ, изъ свойства костей и изъ нарушенія слоя перегноя, потому отъ болѣе древнихъ временъ сохранились лишь скелеты 10 дѣтей: изъ нихъ трое были новорожденные, и притомъ двое похоронены вмѣстѣ съ матерями и потому безъ всякихъ вещей. Остальныя 8 дѣтей были похоронены по одиночкѣ, и вмѣстѣ съ ними были положены кольца и кремневые орудія; у двухъ были, кромѣ того, положены когти какого-то хищника. Кольманъ, изслѣдовавшій этотъ матеріаль, выдѣлилъ изъ него скелеты 9 индивидуумовъ, отличав-

шихся карликовымъ ростомъ, значительно ниже 1600 миллиметровъ, хотя не было никакихъ данныхъ, чтобы считать ихъ болѣзненно видоизмѣненными. Три скелета, принадлежащія, какъ онъ полагаетъ, женщинамъ, имѣли среднюю вышину въ 1380—1490 миллиметровъ. Мы не думаемъ, чтобы здѣсь, въ данномъ случаѣ, слѣдовало предполагать присутствіе двухъ расъ, и было бы еще удивительнѣе, если бы имѣлись женщины карликоваго роста, и не было бы ни одного такого же мужчины. Если, однако, взять изъ имѣющихся максимальныхъ и минимальныхъ величинъ среднее, то оказывается, что все же здѣсь мы находимъ остатки людей малаго роста, но никоимъ образомъ не настоящихъ карликовъ. Ньюэпъ полагаетъ, что дѣло касается гробницъ одной и той же народности, независимо отъ того, находятся ли онѣ на глубинѣ одного или 1,5 метра; эти гробницы вырывались въ теченіе многихъ поколѣній, при чемъ ихъ рыли иногда глубже, иногда менѣе глубоко. Въ тѣхъ случаяхъ, когда скелеты лежали въ „верхнемъ слой грызуновъ“, было не трудно рѣшить, къ какому времени они принадлежали: слой верхней брекчии въ этихъ мѣстахъ былъ всегда нарушенъ и заключалъ болѣе новыя включенія. Затруднительнѣе было положеніе, когда скелеты находились непосредственно въ палеолитическихъ отложеніяхъ. Однако, и въ этихъ мѣстахъ можно было замѣтить болѣе позднее нарушеніе четвертичнаго уровня либо по другой окраскѣ, либо по болѣе рыхлому свойству земли или по присутствію болѣе позднихъ фаунистическихъ включеній. По этой причинѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что все эти гробницы болѣе поздняго происхожденія и не относятся къ палеолитическому періоду.

Приблизительно въ разстояніи четверти часа къ сѣверу отъ Швейцербильда расположена въ долинѣ Фрейды третья палеолитическая пещера, такъ называемая Фрейдентальская. Она находится на восточномъ склонѣ, называемомъ Розенгальде, въ 25 метрахъ надъ поверхностью долины, и раскопки въ ней были произведены еще въ 1874 году д-ромъ Карстеномъ изъ Шаффгаузена. Въ этой совершенно еще не затронутой почвѣ оказались явственно замѣтны слѣдующіе слои: сверху располагался обломочный слой въ 1—1,5 метра съ современными включеніями, пронизанный кое-гдѣ массами известковаго туфа. За нимъ слѣдовалъ слой толщиной въ 40—60 сант. изъ обломковъ юрскаго известняка, перемѣшанный съ глиною и съ палеолитическими остатками. Слои очаговъ и пепла тянулись отъ входа въ пещеру до ея середины и содержали раздробленныя и обожженныя кости, равно какъ и многочисленныя издѣлія рукъ человѣческихъ. Въ фаунѣ этого культурнаго слоя оказались остатки сѣвернаго оленя, зайца-бѣляка, бураго медвѣдя, волка, лося, оленя, козули, дикой лошади, горнаго козла, песца и мамонта, при чемъ послѣдній встрѣчался не особенно часто. По сообщенію названнаго изслѣдователя, вмѣстѣ съ костями животныхъ попадались и человѣческія кости, которыя онъ, на основаніи ихъ положенія, считаетъ за несомнѣнно относящіяся къ тому же времени, какъ культурный слой: обломокъ темянной кости лежалъ посреди слоя пепла, недалеко отъ него находился кусокъ нижней челюсти человѣка 16—19-лѣтняго возраста. Сюда же присоединялись другіе обломки черепа и нижней челюсти, равно какъ и обломки тазовыхъ костей. Что касается кремневыхъ орудій, то они обнаруживали типичный магдаленскій періодъ такъ же, какъ и орудія, сдѣланныя изъ кости, украшенныя иногда богатыми геометрическаго характера узорами и тѣмъ напоминающія находки Кеслерлоха (рис. 178). Изъ пещеры Керценштюбле, близъ Шаффгаузена, мы имѣемъ лишь обработанный зубъ мамонта.

Если мы вмѣстѣ съ Пенкомъ и откажемся отъ признанія сѣраго культурнаго слоя Швейцербильда за отложенія азильскаго періода, то мы все же должны замѣтить, что эта стадія, съ несомнѣнностью, констатирована въ Швейцаріи. Она была от-

крыта Сарзнимъ въ пещерѣ, находящейся въ паркѣ замка Бирсекъ у селенія Арлесгеймъ, къ югу отъ Базеля. Наиболее глубоко лежащій изъ изслѣдованныхъ тамъ слоевъ заключалъ въ себѣ произведенія магдаленской эпохи и характеризовался присутствіемъ сѣвернаго оленя, нахожденіемъ наконечниковъ и сверлъ изъ оленьяго рога и богатымъ подборомъ характерныхъ кремневыхъ орудій. Надъ этимъ слоемъ располагались азильскія отложенія, сопровождаемыя современной фауной, — здѣсь были представлены быкъ, олень, козуля, лошадь, кабанъ, заяцъ, бѣлка и другіе мелкіе грызуны,

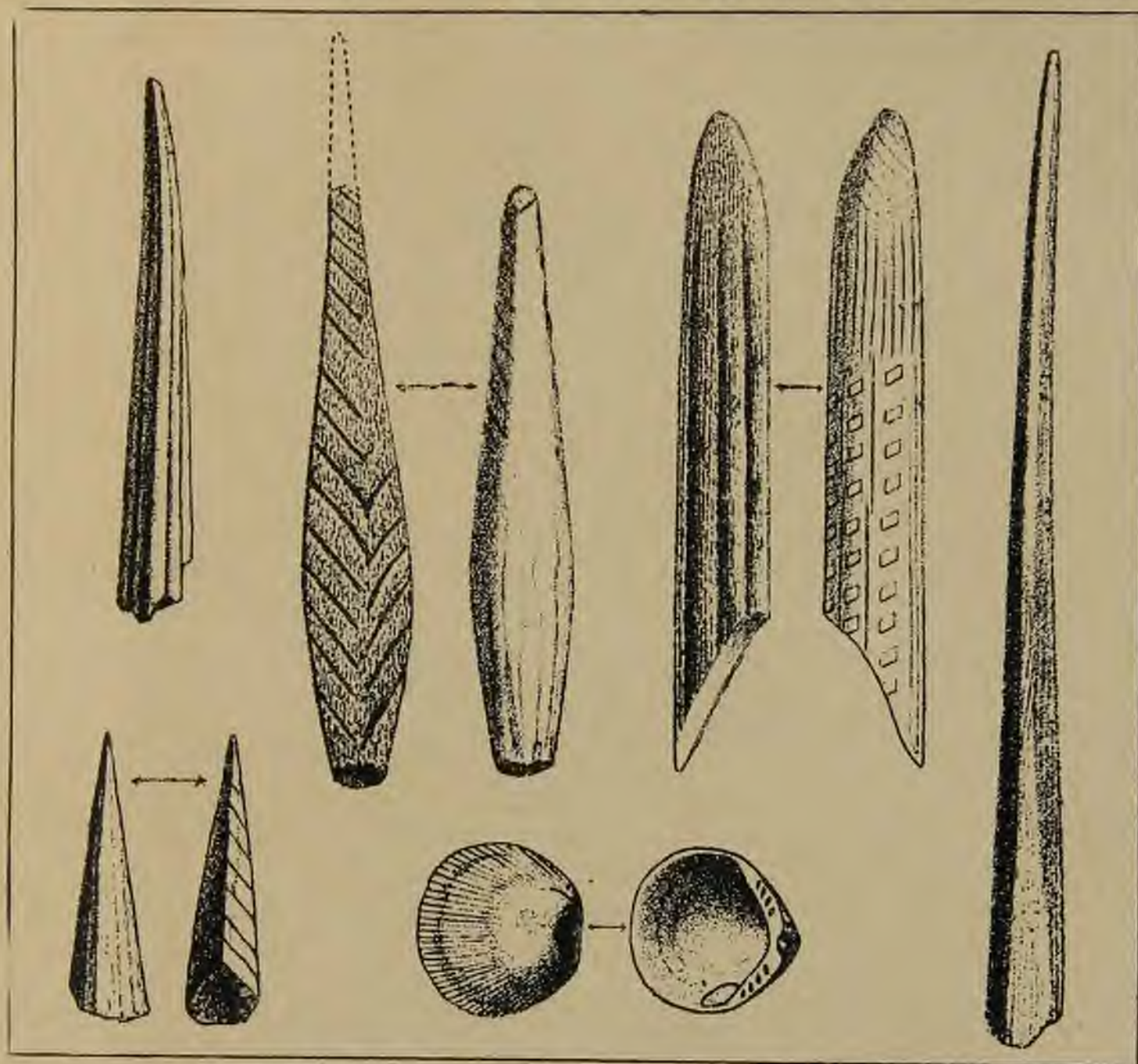

Рис. 178. Находки изъ Фрейдентальской пещеры.
(По Карстену.)

дикая кошка, рысь, ласка и т. д. Роговые наконечники этого слоя сдѣланы изъ рога благороднаго оленя и частью круглы, частью сплюснуты съ одной стороны; сюда присоединяются также лопаточки изъ кости, множество кремневыхъ орудій и кое-какія украшенія; такъ, на примѣръ, просверленная раковинка морского гребешка, бусы изъ каменнаго угля и просверленные подвѣски изъ охры. Особый интересъ сообщаетъ этому слою присутствіе многочисленныхъ, находящихся въ верхнихъ горизонтахъ обкатанныхъ галець, которыя, очевидно, были занесены въ пещеру человѣкомъ и находятся тамъ въ видѣ цѣлыхъ скопленій. На 122 галькахъ были обнаружены явственные слѣды красной краски; наилучше сохранившіяся гальки обнаруживаютъ красныя, проведенныя

на одинаковыхъ разстояніяхъ полосы охры, идущія большею частью подъ угломъ къ продольной оси гальки. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, замѣчательное образованіе, соотвѣтствующее расписнымъ галькамъ пещеры Масъ-д'Азиль и другихъ французскихъ пещеръ; эти гальки мы выше рассматривали какъ объекты, связанные съ религіознымъ культомъ. Замѣчательнымъ образомъ разрисованныя гальки Ардестеймской пещеры разбиты въ куски, и Саразинъ, быть-можетъ, правильно заключаетъ изъ этого, что онѣ были разбиты врагами, надругавшимися надъ этими святынями даннаго племени.

Остальныя мѣстонахожденія палеолитическихъ остатковъ въ Швейцаріи большею частью не имѣютъ значенія. Они находятся отчасти въ юго-западной Юрѣ, на примѣръ, въ Монъ-Салевъ, около Верье и Боссе, и въ пещерѣ Сэ близъ Вильнёва, на Женевскомъ озерѣ. Имѣя въ виду, что они располагаются здѣсь уже внутри послѣдней конечной морены четвертаго ледниковаго періода, должно признать, что они произошли позже этого періода. Изъ области сѣверо-восточной Юры извѣстны мѣстонахожденія Лизбергъ въ долинѣ Бирзе между Дельзбергомъ и Лайфеномъ, и Кессилохъ въ долинѣ Кальтенбруннеръ, близъ Грелингена, а также Тирштейнская пещера близъ Бюссераха въ кантонѣ Золотурнъ, и Каслохъ близъ Винцау, тамъ же. Всѣ эти 7 мѣстонахожденій относятся къ магдаленской эпохѣ. Изъ Верье замѣчательнъ „жезль начальника“, украшенный узоромъ, похожимъ на растеніе.

Германія.

Въ Германіи изученіе палеолитическаго періода было начато довольно рано, но въ теченіе долгаго періода здѣсь не удалось поставить его на ту же высоту, какъ во Франціи. Несмотря на то, что въ исторіи археологіи всегда будутъ занимать почетное мѣсто имена такихъ изслѣдователей, какъ Оскаръ и Эбергардъ Фраасъ, К. фонъ Циттель, Г. Шаффгаузенъ, I. фонъ Гельдеръ, Р. Вирховъ,— все же надо сказать, что Германіи въ этомъ отношеніи далеко до Франціи. Она сама по себѣ оказалась бѣдна остатками палеолитическаго періода, и помимо того истолкованіе и использованіе находокъ въ ней не приносило долгое время надлежащихъ результатовъ уже изъ-за одного того, что германскіе изслѣдователи не вступали въ тѣсное и плодотворное соприкосновеніе съ изслѣдователями французскими и швейцарскими. Вслѣдствіе этого, выработанные въ послѣднихъ двухъ государствахъ методы классификаціи археологическихъ остатковъ, не только не примѣнялись къ находкамъ, сдѣланнымъ въ Германіи, но даже отрицалось и самое право ихъ на существованіе. Лишь Гёрнесъ въ 1903 году принялъ на себя задачу объединить эти области и тѣмъ самымъ открылъ новый путь, который сразу внесъ новое пониманіе положенія вещей; съ этого времени путь этотъ особенно старательно использовался и при томъ съ большимъ успѣхомъ Робертомъ Шмидтомъ. Этотъ дѣятельный изслѣдователь предпринялъ провѣрку всего прежняго археологическаго матеріала западной и южной Германіи на основаніи данныхъ Франціи—этого Эльдорадо изслѣдователей четвертичнаго періода. Кромѣ того, онъ поставилъ своей главной задачей произвести рядъ новыхъ раскопокъ и доказать новыми непосредственными изслѣдованіями, что и въ германскихъ предѣлахъ имѣется богатая фаза развитія четвертичнаго періода, и что и здѣсь можетъ быть съ успѣхомъ примѣнена та хронологія чередованія палеолитическихъ культуръ, которая была выработана на западѣ европейскаго материка. Старанія его были увѣнчаны величайшимъ успѣхомъ.

Для большей наглядности мы оставимъ въ сторонѣ разсмотрѣніе палеолитическихъ отложеній средней Европы по отдѣльнымъ періодамъ, какъ во Франціи; мы примемъ за основаніе лишь общую географическую группировку.

Западная Германія. Довольно бѣдны находками оказались прежде всего Эльзасъ и Лотарингія, лёссовыя отложенія которыхъ были подробно изслѣдованы Шумахеромъ. Этотъ ученый наблюдалъ въ Нижнемъ Эльзасѣ, что въ лёссовыхъ разрѣзахъ во многихъ мѣстахъ имѣлись слои глины. Особенно замѣчательнымъ оказался одинъ изъ нихъ, представляющій собою, повидимому, разрушившійся влѣдствіе вывѣтриванія покровъ болѣе древнихъ, глубже лежащихъ подъ нимъ массъ лёсса. Этотъ слой, обыкновенно, прикрытъ глинистыми и въ то же время содержащими перегнойными слоями, возникшими, повидимому, путемъ его размыванія и новаго намыванія. Загѣмъ надъ такими перегнойно-глинистыми слоями располагаются песчанья лёссообразныя и далѣе болѣе чистыя массы лёсса, наконецъ, новѣйшій чистый лёссъ. Промежуточные глинистые слои оказались культурнымъ горизонтомъ, въ которомъ въ самыхъ различныхъ пунктахъ имѣются несомнѣнные слѣды присутствія и дѣятельности человѣка четвертичнаго періода. Эти слѣды находятся, по Шумахеру, вмѣстѣ съ костями дикой лошади, дикаго быка и зубра, мамонта и сибирскаго носорога, сѣвернаго оленя, пещерной гіены и сурка, которыя расположены на поверхности или недалеко надъ поверхностью древняго лёсса и нерѣдко смѣшаны съ крупною, повидимому, занесенною галькою. Такимъ образомъ, пока мы имѣемъ основанія предполагать, что находки, сдѣланныя въ лёссовыхъ отложеніяхъ Эльзаса, по своему положенію принадлежатъ по времени къ поверхности древняго лёсса или непосредственно находятся надъ нею, слѣдовательно, въ намытой глини болѣе новаго песчаного лёсса, которая, обыкновенно, представляетъ собою переходъ отъ болѣе древней лёссовой глины къ болѣе новому лёссу.

Важнѣйшія находки этого рода были сдѣланы при различныхъ раскопкахъ въ долинахъ Брейша и Цорна. Шумахеръ отмѣчаетъ изъ провѣрочныхъ имъ самимъ мѣстонахожденій Момменгеймъ, Гангенбитенъ, Гохфельденъ, лёссовую яму между Ахенгеймомъ и Обершеффольсгеймомъ и нѣкоторыя другія. Здѣсь были найдены, однако, лишь отдѣльные объекты,—такъ, въ Момменгеймѣ были найдены два кремневыхъ чожа, изъ которыхъ одинъ былъ 54 миллим. длины, 39 миллим. ширины и 6 миллим. толщины, другой—68 миллим. длины, 43 миллим. ширины и 13 миллим. толщины; сходныя орудія были найдены и въ другихъ мѣстахъ. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что эти орудія, дѣйствительно, представляютъ собою издѣлія рукъ человѣческихъ, и что они располагались въ слояхъ, въ которыхъ имѣлись остатки четвертичныхъ животныхъ вышеупомянутаго геологическаго горизонта. Безъ сомнѣнія, и нѣкоторыя изъ прежде найденныхъ отдѣльныхъ кремневыхъ орудій должны быть отнесены туда же, напримѣръ, орудія, найденныя въ Альткирхѣ и въ Шильтиггеймѣ. Изъ новыхъ находокъ сюда относятся кремневый скребокъ изъ лёссовой глины Гресвейлера и кремневая орудія изъ лёссовыхъ отложеній Зульца.

Если во всѣхъ этихъ случаяхъ и нельзя говорить о серіяхъ находокъ, то, во всякомъ случаѣ, орудія эти, по своему общему виду, по своей длинной и узкой формѣ и по своей ретуши должны быть отнесены не къ мустьерской эпохѣ, а къ новѣйшему палеолитическому періоду. Относятся ли они къ ориньякской или къ солиотрейской эпохѣ—мы не можемъ пока рѣшить; менѣе всего, конечно, можно думать, что они принадлежатъ магдаленской эпохѣ. Изъ Рейнскаго Пфальца также имѣются нѣкоторыя находки, объявленныя четвертичными, но онѣ не относятся къ точно установленнымъ четвертичнымъ слоямъ и не представляютъ собою типичныхъ произведеній этой эпохи.

Несомнѣнно, болѣе богатъ соответствующими археологическими находками Баденъ, именно лёссовыя отложенія Мунцингена у Туниберга въ окрестностяхъ Фрейбурга въ Брейсгау. Еще Эккеръ, изслѣдованія котораго относятся къ 1874 г., упоми-

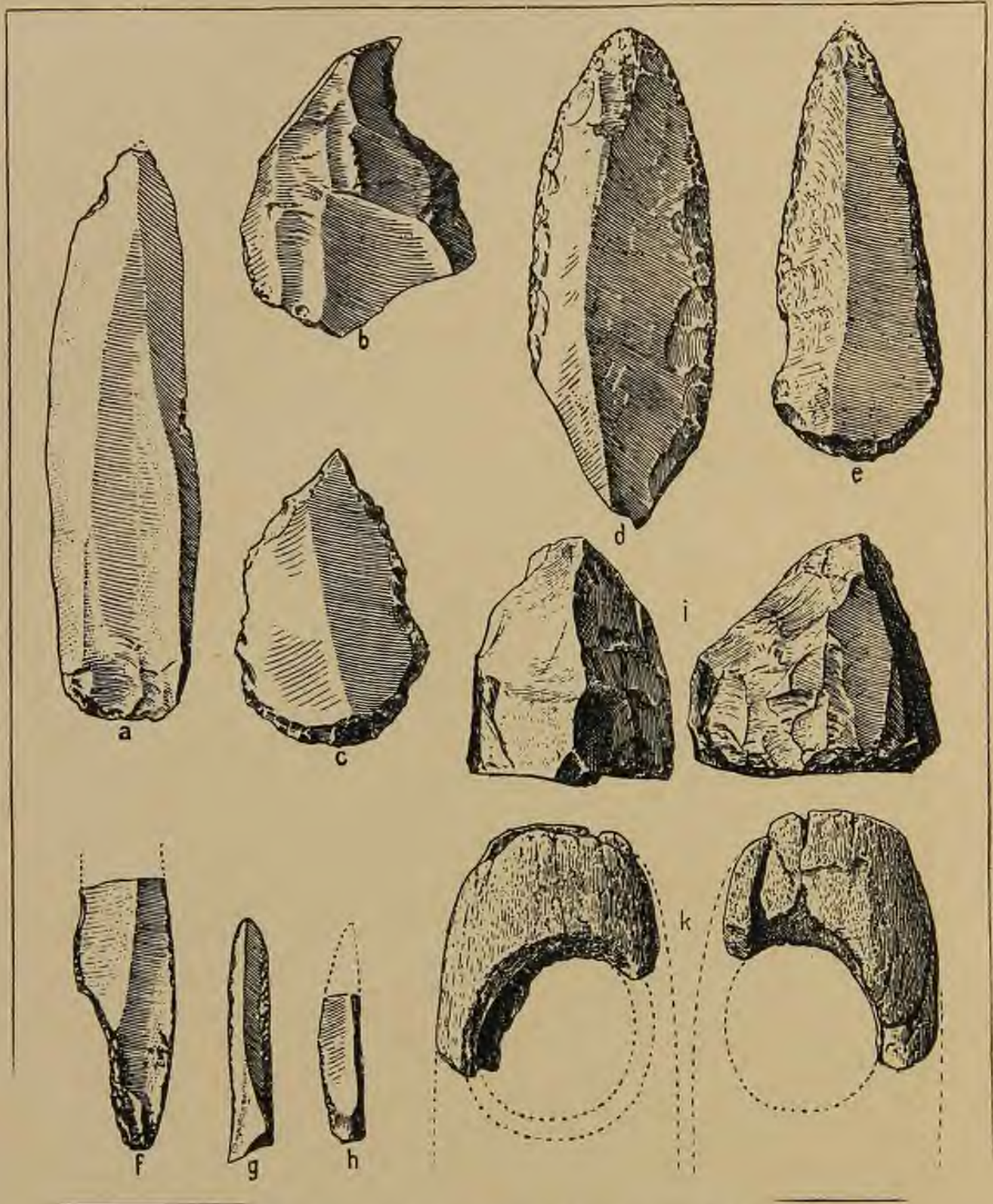

Рис. 179. Находки изъ Мунцингена въ Баденѣ.

a—i—предметы изъ камня; k—изъ рога сѣвернаго оленя.

(По Штейнманну.)

наетъ, что этотъ хребетъ покрытъ до уровня долины Рейна лёссомъ, и что въ послѣднемъ находятся предметы, относящіеся къ палеолитическому періоду. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Штейнманна и Граффа мѣстонахожденіе этихъ находокъ рас-

полагается въ новѣйшемъ лёссѣ, который въ этой мѣстности, вслѣдствіе развитія тамъ виноградниковъ, разработанъ террасами, такъ что часть культурнаго слоя затѣмъ оказалась смѣщенной,—этотъ выводъ подтвердили и позднѣйшія раскопки Шётензака въ 1902 году. Настоящимъ культурнымъ слоемъ оказался слой, содержащій обожженные камни очаговъ, остатки угля, разбитыя и обожженные кости животныхъ и издѣлія изъ камня и изъ кости. Каменные орудія Шётензака призналъ близкими къ таковымъ магдаленскаго горизонта Швейцербильда; къ этому заключенію его побудила прежде всего находка, сдѣланная еще ранѣе Эккеромъ. Послѣдній нашелъ кусокъ оленьяго рога съ рѣзбою и съ круглымъ вырѣзомъ, — по Шётензаку это обломокъ конца просверленнаго „жезла начальника“ (рис. 179, *k*). Противъ такого опредѣленія возраста высказался Штейнманъ, который обратилъ вниманіе на то, что каменные орудія здѣсь совершенно находятся на уровнѣ солютрейской стадіи. Къ этому его побудило присутствіе тщательно обработанныхъ солютрейскихъ наконечниковъ въ формѣ листа (рис. *d, e*), обломковъ наконечниковъ съ выемкой (*f*), мелкихъ ножеобразныхъ заостренныхъ орудій (*g, h*) и различныхъ скребковъ (*i*). Что касается куска просверленнаго рога (*k*), то о немъ вообще нельзя ничего сказать опредѣленнаго; къ тому же во Франціи и въ Моравіи какъ-разъ такіе же простые просверленные куски рога принадлежатъ типичной солютрейской эпохѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ и я, съ своей стороны, поддерживалъ этотъ послѣдній взглядъ, но теперь долженъ высказаться противъ взглядовъ Штейнманна и Байера и признать, что мунцингенскія находки относятся къ древнему магдаленскому періоду, съ чѣмъ согласны также и Шмидтъ, Вигерсъ и Брейль. Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя заставляли бы относить эти находки къ болѣе древнему времени; прежде всего уже отсутствуютъ настоящія типичныя ориньякскія формы, отсутствуютъ и настоящія солютрейскія формы, такъ какъ обломокъ *f* съ его легкой ретушью по краямъ представляетъ собою, конечно, лишь конвергентную форму, не имѣющую большого значенія, а орудіе *k* не имѣетъ въ магдаленской эпохѣ никакого вполнѣ ему соответствующаго. Далѣе простыя формы ножей (*a*), рѣзцовъ (*c*), скошенныхъ рѣзцовъ (*b*), тщательно выполненныхъ мелкихъ орудій (*g, h*), несомнѣнно, говорятъ за принадлежность ихъ къ магдаленской эпохѣ, въ теченіе первой половины которой насъ не могутъ удивить листообразные наконечники съ легкой ретушью по краямъ и толстые скребки. Въ виду большого интереса, который представляетъ это, къ сожалѣнію, не особенно богатое мѣстонахожденіе, приводимъ здѣсь перечень нормальнаго напластованія слоевъ, установленнаго Штейнманномъ:

Верхній слой *a*: Нарушенная лёссовая глина съ остатками новѣйшаго каменнаго вѣка (2,2 метра).

Слой *b*: Свѣтло-желтый, чистый, не слоистый лёссъ безъ включеній (1,8 метра).

Слой *c*: Палеолитическій культурный слой (0,3 метра). Остатки очаговъ, кремневая и костяная орудія, кости, зубы и куски роговъ сѣвернаго оленя. Лёссъ полосами окрашенъ въ красноватый или темно-бурый цвѣтъ.

Слой *d*: Свѣтло-желтый лёссъ, становящійся книзу песчанистымъ, съ немногими раковинами и лёссовыми конкреціями (5,5 метра).

Въ юго-западномъ углу Бадена, у Хардберга, недалеко отъ Эфрингена, находятся небольшія пещеры Иштейнъ. Въ одной изъ нихъ Мигъ нашелъ довольно тщательно сработанныя кремневая орудія вмѣстѣ съ остатками современной фауны. Вопреки мнѣнію этого изслѣдователя, считающаго находку магдаленскою, мы со Шмидтомъ причисляемъ ее къ азильской эпохѣ, которая недалеко въ Арлесгеймѣ, у Базеля, выражена весьма типично.

Въ области средняго теченія Рейна мы находимъ прежде всего весьма важное мѣсто археологическихъ находокъ, расположенное въ 20 километрахъ отъ Кобленца у Мартинсберга, недалеко отъ Андернаха. Находки здѣсь были сдѣланы на полѣ, покрытомъ пемзой, и Шаффгаузенъ установилъ слѣдующія условія залеганія. Сверху располагался слой чернозема, подъ которымъ находился слой пемзового песка, толщиной въ 4—5 метровъ. Подъ этимъ вулканическимъ пескомъ лежала тонкая желтоватая глина, выполняющая также трещины слѣдующаго далѣе слоя лавы и, по Вигерсу, представляющая собою превращенный въ глину лёссъ, о чемъ свидѣлствуютъ ея известковыя конкреціи и раковины моллюсковъ. Этотъ слой содержалъ остатки четвертичныхъ животныхъ и разнообразныя слѣды дѣятельности человѣка. Подъ нимъ располагалась настоящая лава, которая, въ свою очередь, прикрывала глину,

Рис. 180. Украшенія изъ Андернаха у Кобленца.
(По Р. Шмидту.)

близкую по составу къ лёссу и столь мощную, что въ данномъ мѣстѣ конца ея еще не нашли на глубинѣ 2,5 метра. Всѣ условія залеганія этихъ слоевъ приводятъ къ слѣдующему выводу: человѣкъ жилъ здѣсь вблизи рѣки, на остывшемъ потокѣ лавы, когда поверхность ея подвергалась продолжительному вывѣтриванію, растрескиванію и покрывалась новыми отложеніями лёсса,—это объясняетъ, какимъ способомъ остатки дѣятельности человѣка могли попасть въ открытыя тогда еще трещины лавы на глубину до одного метра. Добыча охотниковъ того времени, собранная тамъ, состояла изъ дикихъ лошадей, сѣверныхъ оленей, ископаемыхъ быковъ, псцовъ, благородныхъ оленей, волковъ, зайцевъ-бѣляковъ, рысей, лебедей, куропатокъ и дикихъ утокъ. Изъ костей человѣка были найдены лишь 2 рѣзца ребенка и 7 обломковъ реберъ. Каменные орудія выбивались изъ находившагося тамъ кварцита и другихъ горныхъ породъ; весьма многочисленны были издѣлія изъ рога и изъ кости—шила, наконечники со скошеннымъ основаніемъ, лопаточки, наконечники для гарпуновъ, зубчатые съ одной стороны, тонкія иглы. На нѣкоторыхъ предметахъ имѣлись вырѣзанныя украшенія (рис. 180, а), наилучшимъ издѣліемъ такого рода былъ кусокъ оленьяго рога, обработанный въ видѣ головы птицы (рис. b, спереди и сбоку). Мѣсто отхожденія вѣточки рога на немъ превращено въ клювъ и два глаза. Изъ небольшихъ выпуклостей у основанія рога оставлено нѣсколько, образовавшихъ какъ бы хохолокъ птицы, при чемъ нѣсколькими штрихами намѣчены перья на головѣ. Надрѣзы по бокамъ изображаютъ крылья и хвостъ. Все это произведеніе имѣетъ очень недурной видъ, свидѣтельствующій о богатой фантазіи палеолитическаго охотника. Принимая во вниманіе все вышесказанное, должно признать Андернахъ типичнымъ мѣстонахожденіемъ издѣлій магдаленской эпохи,

близкую по составу къ лёссу и столь мощную, что въ данномъ мѣстѣ конца ея еще не нашли на глубинѣ 2,5 метра. Всѣ условія залеганія этихъ слоевъ приводятъ къ слѣдующему выводу: человѣкъ жилъ здѣсь вблизи рѣки, на остывшемъ потокѣ лавы, когда поверхность ея подвергалась продолжительному вывѣтриванію, растрескиванію и покрывалась новыми отложеніями лёсса,—это объясняетъ, какимъ способомъ остатки дѣятельности человѣка могли попасть въ открытыя тогда еще трещины лавы на глубину до одного метра. Добыча охотниковъ того времени, собранная тамъ, состояла изъ дикихъ лошадей, сѣверныхъ оленей, ископаемыхъ быковъ, псцовъ, благородныхъ оленей, волковъ, зайцевъ-бѣляковъ, рысей, лебедей, куропатокъ и дикихъ утокъ. Изъ костей человѣка были найдены лишь 2 рѣзца ребенка и 7 обломковъ реберъ. Каменные орудія

мѣстностью, которая была снова покинута человѣкомъ, когда послѣдовало новое изверженіе пемзы. Значительно болѣе древними, именно, относящимися къ ориньякской эпохѣ, являются мѣстонахожденія, открытыя за послѣдніе годы Гюнтеромъ въ лёссовыхъ отложеніяхъ, въ той же мѣстности, недалеко отъ Кобленца. Они находятся частью близъ Меттерниха, недалеко отъ устья Мозеля, частью у Ренса, недалеко отъ устья Лана; къ сожалѣнію, они до сихъ поръ дали очень мало находокъ.

Если мы теперь обратимся къ самой долинѣ Лана, то увидимъ, что эта рѣка между Рункелемъ и Лимбургомъ описываетъ широкую направленную къ сѣверу дугу, при чемъ прорѣзаетъ скалы известняковъ и доломитовъ. Особенно живописны эти скалы около Рункеля и Шадека, гдѣ въ долину рѣки недалеко отъ Штетена открывается другая долина, идущая отъ Тифенбаха. Эта долина начинается, примѣрно, на милю сѣвернѣе у Штейнбаха и открывается въ главную долину ущельемъ, которое носитъ названіе Инъ-деръ-Лееръ. Въ скалахъ этого ущелья, именно съ лѣвой стороны долины, открываются двѣ пещеры, къ которымъ можно подойти по узкимъ тропинкамъ—Вильдшейеръ и Вильдгаузъ. Первая изъ нихъ располагается на 12 метровъ надъ подошвою долины; чрезъ входъ, имѣющій около 7 метровъ ширины и 6 метровъ вышины, можно проникнуть въ пещеру, вдающуюся на 22 метра внутрь скалы и оканчивающуюся узкой щелью. Раскопки въ ней производились еще около 100 лѣтъ тому назадъ, но вполнѣ научное ея обследованіе было произведено лишь недавно Когаузеномъ и Шаффгаузеномъ, а послѣ нихъ Беленомъ и Шмидтомъ. Особенно изслѣдованія послѣдняго ученаго внесли много новаго относительно интереснаго напластованія слоевъ въ этой пещерѣ, почему мы и будемъ придерживаться его данныхъ. Шмидтъ нашелъ въ нѣсколькихъ метрахъ къ сѣверу отъ входа въ пещеру область, не затронутую еще прежними раскопками и сохранившую, слѣдовательно, первоначальное расположеніе слоевъ. „Подъ слоемъ перегной толщиною въ 41—53 сант. слѣдовало пять наносныхъ слоевъ четвертичнаго періода, общою мощностью въ среднемъ около 2 метровъ, при чемъ три верхнихъ слоя содержали издѣлія, относящіяся къ тремъ различнымъ отдѣламъ палеолитическаго періода. Самый верхній палеолитическій слой (1) состоялъ изъ лёссообразнаго отложенія въ 70—80 сант. толщиною и содержалъ огромное количество сброшенныхъ первыхъ роговъ сѣвернаго оленя, при чемъ лишь одна пара роговъ обладала принадлежащими къ ней частями черепа, такъ что ясно было, что животное было убито человѣкомъ. Болѣе типичную картину представляли найденные тамъ же остатки сѣверной фауны мелкихъ животныхъ, какъ представителей степи, напримѣръ, тушканчиковъ, такъ и представителей тундры, свидѣтельствующей о холодномъ климатѣ—именно, множества лемминговъ. Къ нимъ присоединялись въ большомъ числѣ кости куропатовъ, мышей и крысъ, равно какъ и нѣкоторые лёссовые моллюски. Уже изъ находокъ, сдѣланныхъ въ Беленѣ, вытекаетъ, что въ нижней границѣ лёссоваго слоя сильно возрастаетъ число лемминговъ, тогда какъ тушканчики встрѣчаются лишь одиночно,—это свидѣлствуетъ объ увеличеніи преобладающаго развитія тундры въ періодъ, соответствующій отложенію нижнихъ горизонтовъ этого слоя. Въ самомъ низу этихъ верхнихъ четвертичныхъ отложеній, вмѣстѣ съ сѣверными оленями и леммингами, встрѣчаются остатки углей, сильно обугленные кости и зола, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ которой находятся кремневые и лидитовые ножи, цилиндрическая палочка и просверленный зубъ лисицы. Горизонтъ этотъ, по найденнымъ въ немъ орудіямъ, относится къ ранней магдаленской эпохѣ, но чрезвычайно бѣденъ, такъ что, повидимому, въ это время пещера лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доставляла приютъ палеолитическому охотнику.

Нѣсколько богаче было содержаніе слѣдующаго (II) слоя, который толщиною былъ въ 60—70 сант. и состоялъ изъ глинообразныхъ продуктовъ вывѣтриванія перваго слоя. Здѣсь гораздо рѣже встрѣчаются сѣверный олень и лемминги, на первый же планъ выступаютъ дикая лошадь, благородный олень и мамонтъ. Нѣкоторое количество каменныхъ орудій, сдѣланныхъ преимущественно изъ лидита, указываютъ на болѣе значительное развитіе техники. Въ связи съ этимъ, и количество каменныхъ орудій многочисленнѣе; изъ костяныхъ издѣлій здѣсь имѣются превращенныя въ лопаточки трубчатая кости и характерныя для ориньякскаго періода орудія для разглаживанія. Техника и внѣшняя форма этихъ орудій второго слоя соотвѣтствуютъ концу ориньякскаго періода.

Болѣе сильно заселена была пещера Вильдшейеръ, однако, въ періодъ отложенія нижняго культурнаго слоя (III), состоящаго изъ красной глины толщиною въ 60—80 сант. Въ почвѣ имѣются здѣсь чашеобразныя углубленія, которыя оказываются остатками очаговъ. Иногда почва не ровна, но благодаря различной окраскѣ слоевъ можно было тщательно установить, къ какому горизонту относятся тѣ или другія орудія. Мамонтъ, бивни котораго получили уже техническое примѣненіе, равно какъ и пещерный медвѣдь, въ этихъ слояхъ не увеличиваются и не уменьшаются въ численности, точно также можно установить присутствіе благороднаго оленя, какъ въ верхнемъ ориньякскомъ горизонтѣ. На измѣненіе климатическихъ условій указываетъ болѣе рѣдкое присутствіе сѣвернаго оленя, и тогда какъ грызуны крайняго сѣвера совершенно исчезли, пещерная гѣна ограничивается исключительно этимъ горизонтомъ. Изъ каменныхъ орудій здѣсь имѣются характерныя руководящія формы высокихъ скребковъ, дугообразныхъ рѣзцовъ и ножей съ типичною ориньякскою ретушью. Несмотря на трудности, которыя представлялъ матеріалъ, служившій для изготовленія этихъ орудій, именно черный лидитъ, мы находимъ здѣсь тѣ же особенности техники и стила, какія характерны для кульминаціоннаго пункта ориньякской эпохи въ западной Европѣ. Изъ роговыхъ и костяныхъ издѣлій въ этомъ слоѣ имѣются долота изъ заостренныхъ костей ноги лошади и приспособленія для разглаживанія изъ реберъ болѣе крупныхъ животныхъ. Культурные слои, въ своемъ нижнемъ отдѣлѣ, ограничиваются тонкимъ слоемъ съ остатками грызуновъ (IV), среди которыхъ преобладаютъ представители сѣверной тундры, лемминги, здѣсь же имѣются многочисленныя куропатки. И здѣсь, слѣдовательно, подтверждается то типичное расположеніе слоевъ, о которомъ мы говорили выше: имѣется верхнее и нижнее ограниченіе ориньякскихъ культурныхъ слоевъ отложеніями, свидѣтельствующими о появленіи сѣверной тундры съ ея фауною, слѣдовательно, говорящими о наступленіи періода холода.

Еще болѣе глубокой четвертичный слой (V) не содержалъ болѣе ни остатковъ животныхъ, ни издѣлій человѣка. Что касается прежнихъ раскопокъ, то найденныя въ нихъ археологическія находки, судя по даннымъ Когаузена о глубинахъ ихъ залеганія, должны принадлежать почти исключительно обоимъ ориньякскимъ слоямъ. Найденная здѣсь птичья кость съ орнаментомъ изъ 4 рядовъ зубцовъ соотвѣтствуетъ, вѣроятно, новѣйшей ориньякской эпохѣ (рис. 181); горизонту максимума развитія ориньякской эпохи принадлежатъ нѣкоторыя издѣлія изъ слоновой кости въ видѣ лопаточекъ, изъ нихъ одно несетъ орнаментъ изъ косыхъ полосъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, сюда же должны быть отнесены два просверленныхъ зуба лошади, двѣ просверленныхъ въ видѣ подвѣсковъ гальки, просверленный шарикъ лидита, три коралла и многочисленныя, превращенныя въ долота кости ноги лошади. Большое богатство издѣлій изъ кости обнаруживается всюду тамъ, гдѣ трудно добыть кремень. Полное отсутствіе

орудіи мустьерскаго типа свидѣтельствуесть о выпаденіи въ данномъ случаѣ ранней ориньякской эпохи. Въ теченіе солотрейской эпохи пещера Вильдшейеръ не была населена“. Сосѣдняя пещера Впльдгаузъ содержитъ нѣкоторыя занесенныя туда, очевидно, изъ пещеры Вильдшейеръ предметы, но о геологическомъ напластованіи тамъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ весь покровъ два пещеры имѣеть едва 30 сант. толщины.

Дальнѣйшія мѣстонахожденія остатковъ ориньякской эпохи, по изслѣдованіямъ Вигера, это—расположенныя далѣе къ сѣверу лёссовыя отложенія Вестергелльна и Тиде, недалеко отъ Брауншвейга. Объ отложеніяхъ Тиде (къ сѣверу отъ Вольфенбюттеля, въ Ганноверскомъ округѣ) мы говорили уже въ фаунистической части книги (стр. 95) и указывали тамъ, что гипсовыя скалы этой мѣстности покрыты четвертичными отложеніями, которыя кверху переходятъ въ сплошной лёссъ. Тогда какъ эти самыя верхнія отложенія обнаруживаютъ мало остатковъ очаговъ, къ серединѣ число послѣднихъ возрастаетъ; во всякомъ случаѣ, и въ самыхъ нижнихъ частяхъ, съ типичными остатками тундры, мы имѣемъ еще каменные орудія. Они, однако, сравнительно малочисленны, такъ какъ систематическое изслѣдованіе всего матеріала въ пластахъ земли было невозможно. Вестергелльнъ лежитъ къ юго-востоку отъ Тиде, въ большой равнинѣ, между Магдебургомъ и Гальберштадтомъ. Здѣсь имѣются гипсовыя

Рис. 181. Птичья кость съ орнаментами изъ Вильдшейера у Штеетена на Ланѣ.
(По Р. Шиндту.)

ломки, прикрытыя слоемъ лёсса, который достигаетъ толщины трехъ метровъ, но мѣстами проникаетъ и до глубины 7 метровъ въ разсѣлины гипса. Моллюски въ этомъ лёссѣ исключительно наземные, а млекопитающія и птицы, по Нерингу, не могутъ быть подраздѣлены на горизонты. Важнѣйшіе представители ихъ—пещерный левъ, пещерная гиена, волкъ, полярная лисица, медвѣдь, земляной заяцъ, сусликъ, леммингъ, заяцъ-бѣлякъ, тушканчикъ, олень, лань, сѣверный олень, дикій быкъ, антилопа-сайга, дикая лошадь, сибирскій носорогъ, мамонтъ, дрофа и др. Въ этомъ спискѣ упоминался прежде и носорогъ Мерка, но Нерингъ замѣчаетъ, что онъ самъ не нашель остатковъ этого животнаго, а лишь встрѣтилъ таковыя въ мюнхенскихъ коллекціяхъ съ общимъ указаніемъ, что они „найдены въ Вестергелльнѣ“. Нахожденіе медвѣдя въ противоположность мѣстности Тиде, гдѣ онъ отсутствуетъ, объясняется близостью Гарца, изобилующаго ущельями; въ остальномъ списки животныхъ обоихъ мѣстонахожденій довольно сходны. Присутствіе здѣсь человѣка доказываютъ остатки угля, разбитыя кости животныхъ (при чемъ всѣ черепа сѣверныхъ оленей, лошадей и носороговъ разбиты) и, наконецъ, каменные орудія, очевидно принадлежащія къ ориньякской эпохѣ. Остальныя мѣстонахожденія сѣверной Германіи не имѣють крупнаго значенія. Мы упомянемъ изъ нихъ лишь Линдентальскую пещеру близъ Геры, гдѣ найдены незначительныя слѣды ориньякской эпохи, и пещеру Мартина у Летмате, въ Вестфалии, гдѣ найдены нѣкоторыя остатки магдаленской эпохи.

Если мы обратимся теперь къ южной Германіи, т.-е. къ Вюртембергу и Баваріи, то увидимъ, что до недавняго времени здѣсь въ верхнемъ теченіи Дуная не было никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ даннаго періода. Лишь въ 1907 г. этотъ пробѣлъ былъ

восполненъ открытіемъ Шмидта пещеры Пробстфельзенъ близъ Бейрова, расположенной на 8 метровъ выше уровня Дуная. Отложенія этой пещеры обнаруживаютъ незатронутое, рѣзко выступающее расположеніе слоевъ. Слой перегноя, толщиной въ 1 метръ, содержалъ черенки глиняныхъ сосудовъ доисторическаго бронзоваго періода; за этимъ слоемъ слѣдовалъ сѣрый слой толщиной въ 30 сант. безъ всякихъ включеній, подъ которымъ, въ свою очередь, располагались слои, содержащіе палеолитическіе остатки. Верхнимъ изъ этихъ слоевъ былъ слой толщиной въ 17 метровъ, содержащій остатки очаговъ. Затѣмъ слой гальки въ 48 сант. отдѣлялъ его отъ болѣе богатаго костями животныхъ и издѣліями человѣка втораго слоя съ остатками очаговъ, тянувшася по всей поверхности пещеры и бывшаго толщиной въ 26—30 сант.; наконецъ, подъ нимъ располагался еще желтый культурный слой толщиной въ 30—35 сант.; палеолитическія включенія простирались въ глубину до 2,65 метровъ; на глубинѣ 4 метровъ было естественное каменное дно пещеры. Всѣ четвертичные слои содержали одинаковые остатки животныхъ, и различія каменныхъ орудій въ технику и въ стилѣ оказывались очень незначительными. Изъ животныхъ чаще всего жертвою человѣка становилась въ тѣ времена дикая лошадь. Въ качествѣ представителей сѣверной фауны мы встрѣчаемъ еще сѣвернаго оленя, горнаго козла, песца, зайца-бѣляка, бѣлую куропатку и цѣлый рядъ мелкихъ грызуновъ; однако, уже преобладаніе благороднаго оленя, козули, бобра, тетерева и др. заставляеть заключить о болѣе умѣренномъ климатѣ и о большемъ распространеніи послѣледниковаго лѣса. По словамъ Шмидта, „и произведенія рукъ человѣческихъ, среди которыхъ преобладають мелкія каменные орудія, свидѣлствуютъ о техническомъ упадкѣ вымирающаго палеолитическаго періода. Болѣе крупныя типы каменныхъ орудій и ихъ тщательное выполненіе совершенно исчезаютъ, хотя отъ предыдущихъ эпохъ и сохраняется еще цѣлый рядъ условностей стила прежней техники,—такъ фабрикуются во множествѣ мелкіе ножи съ однимъ притупленнымъ лезвіемъ, мелкіе острые наконечники съ рукояткою и находящіеся въ болѣе глубокихъ слояхъ рѣзцы съ боковымъ остриемъ. Кромѣ этого архаическаго инвентаря, встрѣчаемаго по преимуществу въ нижнемъ горизонтѣ, послѣдняя эпоха палеолитической культуры сказывается въ цѣломъ рядѣ типичныхъ орудій, среди которыхъ играетъ главную роль рѣзецъ со среднимъ остриемъ, такъ называемые „перочинные ножи“ съ дугообразными клинками и изъ костяныхъ орудій—роговыя стамески. Среди остальныхъ кремневыхъ орудій, имѣющихся сотнями экземпляровъ, находятся обыкновенные заостренные ножи, ножи съ концами въ видѣ скребковъ и съ небольшими выемками, сверла и множество другихъ кремневыхъ орудій. Изъ костяныхъ и роговыхъ издѣлій, кромѣ многочисленныхъ обломковъ долотъ, имѣются пила и иглы и цѣлый рядъ кусковъ костей, на которыхъ видно, что изъ нихъ хотѣли сдѣлать иглы. Наконечниковъ гарпуновъ нѣтъ совершенно, и точно также отсутствуютъ художественныя украшенія на издѣліяхъ. О присутствіи стремленія украшать себя свидѣлствуетъ все же находеніе куска ребра, просверленнаго и превращеннаго въ подвѣсокъ, и окаменѣлостей, отшлифованныхъ для той же цѣли. Каменные орудія, найденныя у Пробстфельзера, относятся къ концу магдаленской эпохи, каковая была констатирована во Франціи, и рѣзкое раздѣленіе и классификація каковой стали возможны лишь послѣ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ. Соответствіе ихъ съ французскими остатками этого времени полное“.

Къ области Боденскаго озера принадлежитъ знаменитое мѣстоименіе Шуссенридъ. Оно располагается въ 45 километрахъ на юго-западъ отъ Ульма, на плоскогоріи верхней Швабіи, около ручья Шуссенъ, и было изслѣдовано въ 1865 г.

Фраасомъ, когда было начато осушеніе этого болота (Ried). Съ этою цѣлью была прорыта глубокая канава, которая и дала разрѣзь, воспроизводимый нами на рис. 182, а. Сверху располагался торфъ, который во всѣхъ окрестностяхъ на много миль кругомъ покрываетъ всѣ низины и образуетъ болота, изъ которыхъ выглядываютъ лишь валы наноса, накопленнаго четвертичнымъ Рейнскимъ глетчеромъ. Примыканіе торфа къ гребню изъ крупнаго песка указано на нашемъ рисункѣ съ правой восточной стороны профиля. Подъ торфомъ располагается толстый слой известняковаго туфа, мощностью отъ 4 до 5 футовъ,—этотъ туфъ является несомнѣннымъ продуктомъ тѣхъ ключей, которые выходятъ изъ песчанаго гребня морены и, соединяясь, даютъ Шуссенскій источникъ. Въ виду того, что туфъ этотъ возникаетъ лишь на поверхности, вълѣдствіе испаренія воды на воздухѣ, мы должны видѣть въ немъ древнюю поверхность земли,—объ этомъ свидѣлствуютъ и тысячи мелкихъ и нѣжныхъ сухопутныхъ моллюсковъ, заключенныхъ въ известнякѣ. Уже въ глубокомъ слое этого известняковаго туфа было найдено нѣсколько обломковъ роговъ и костей, которые, однако, не сохранились. „Подъ туфомъ располагается темно-бурый слой мха съ зеленоватымъ отливомъ, поражающій своимъ сохраненіемъ,—онъ выглядит какъ живой и можетъ быть засушенъ и опредѣленъ. Первоначально можно было думать, что археологическими находками являются лишь тѣ объекты, которые лежатъ здѣсь между туфомъ и ледниковымъ наносомъ, заключенные въ мелкій песокъ и въ мохъ, пропитанный водою, такъ какъ всѣ эти предметы были очень твердыми и свѣжими, какъ-будто ихъ только недавно сложили сюда и собрали въ кучу. Вязкій черно-бурый илъ выполнялъ всѣ промежутки между мхомъ и пескомъ, всѣ мельчайшія полости въ рогахъ и костяхъ и распространялъ гнилостный запахъ. Какъ показалъ послѣдующій ходъ раскопокъ, мы имѣли передъ собою яму, служившую для отбросовъ,—въ нее сбрасывались не только кости и обломки костей убитыхъ и съѣденныхъ человѣкомъ животныхъ, но и остатки углей и золы, покрытые копотью камни очага и многочисленныя кремневыя орудія и различныя издѣлія изъ рога сѣвернаго оленя. Все это лежало въ кучѣ, въ плоской ямѣ, глубиною въ 4—5 фут., вырытой въ чистомъ ледниковомъ наносѣ, при чемъ ясно было замѣтно, что превосходное сохраненіе костей и костяныхъ издѣлій было обусловлено лишь дѣйствіемъ воды, которая могла держаться мхомъ и пескомъ. Это скопленіе мха походило на огромную навитанную водою губку, которая предохраняла содержимое отъ всякаго соприкосновенія съ воздухомъ, и сохраняла въ совершенствѣ все, что въ ней заключалось, въ теченіе тысячелѣтій. На границѣ слоя мха и туфа можно было видѣть куски оленьяго рога, прекрасно сохраненные въ той своей части, которою они были погружены въ песокъ и мохъ,—тамъ они были твердыми и прочными, какъ-будто ихъ положили туда лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и въ то же время концы ихъ, выдававшіеся въ туфъ, были такими мягкими и хрупкими, что распадались въ рукахъ“ (Фраасъ). Мы уже упоминали выше (стр. 66), что изслѣдованіе мховъ, произведенное Шимперомъ, показало, что климатъ былъ совершенно арктической, и условія флоры были такими, какія въ настоящее время мы находимъ на границѣ сѣверныхъ вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ. Изъ изслѣдованій Пенка мы знаемъ также, что это мѣсто находится среди концевыхъ моренъ Рейнскаго глетчера, относящихся къ послѣднему ледниковому періоду,—глетчеръ, слѣдовательно, находился уже въ періодѣ отступанія, когда влажная поверхность Шуссенрида заросла греландскимъ мхомъ; на ней паслись тогда стада сѣверныхъ оленей, за которыми охотились волки и росомахи, медвѣди и песцы. Дикія лошади и дикіе быки также появлялись въ этой мѣстности, а холодные водоемы ея были населены полярными лебедями. Среди этой обстановки и жилъ здѣсь

человѣкъ, котораго привлекала, конечно, охота за сѣверными оленями. Если костей человѣка и не удалось здѣсь найти, зато сохранилось достаточно много издѣлій рукъ его, и эти издѣлія бросаютъ лучъ свѣта на его образъ жизни. Правда, мы имѣемъ здѣсь лишь очень скудные слѣды его дѣятельности, такъ какъ располагаемъ только отбросами кухни и промышленности и притомъ большею частью испорченными и сломанными орудіями. „Кухонные остатки преобладаютъ и являются самыми простыми и грубыми: мы имѣли здѣсь передъ собою вскрытыя трубчатые кости и разбитые черепа животныхъ, сдѣлавшихся добычею. Особенно большое значеніе имѣли издѣлія изъ рога сѣвернаго оленя. Рога этого животнаго представляли собою сырой матеріалъ, изъ котораго приготовлялись почти всеѣ костяныя орудія, и мы можемъ, на основаніи большого числа этихъ издѣлій, возстановить, такъ сказать, все ихъ происхожденіе и развитіе. Первымъ дѣломъ охотника было всегда отбить у умерщвленнаго оленя рога съ помощью любого камня. Затѣмъ удалялся глазной отростокъ рога за исключеніемъ небольшого остатка; лопатообразное расширеніе, которое имѣется у животнаго съ правой стороны рога, было также совершенно не примѣнимо для человѣка, поэтому его удаляли и бросали въ общую кучу. Точно такъ же и развилокъ, или у болѣе старыхъ животныхъ многочисленныя боковыя вѣтви удалялись; затѣмъ переходили къ обработкѣ твердаго главнаго стержня, который отдѣлялся тотчасъ отъ главнаго развѣтвленія. Съ этою цѣлью, ударяли камнемъ, иногда болѣе острымъ, иногда болѣе тупымъ, подъ острымъ угломъ къ стержню, совершенно такимъ же образомъ, какъ ударяетъ дровосѣкъ топоромъ, когда обрубаетъ вѣтви съ дерева. Когда стержень наполовину былъ перерубленъ, его затѣмъ окончательно отламывали. Боковые отростки верхушки стержня служили затѣмъ въ качествѣ ручекъ для кремневыхъ ножей“. Кремневые орудія состояли изъ ножей и острыхъ наконечниковъ, скребковъ, клинковъ съ притупленной спинкою и довольно большого числа различныхъ мелкихъ орудій. Съ ихъ помощью рога оленей обрабатывались далѣе, разрѣзались и распиливались, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ образцовъ, не законченныхъ обработкою или даже едва лишь начатыхъ. На рис. 182 изображенъ стержень съ желобообразной выемкой (*e*); шилообразныя орудія представлены на фиг. *b* и *c*; фиг. *d* представляетъ собою просверленный кусокъ рога, похожій на „жезлы начальниковъ“. Что мы имѣемъ здѣсь передъ собою произведенія магдаленской эпохи, это доказываютъ обломки гарпуновъ (*f*) и обломки гравированнаго рога сѣвернаго оленя, на которые до сихъ поръ не обращали вниманія. На одномъ стержнѣ рога взрослога оленя съ большою правильностью нанесены глубокія насѣчки, такъ что является невольна мысль о насѣчкахъ, сдѣланныхъ для памяти. О наклонности обитателей Шуссенрида украшать себя свидѣтельствуетъ красная краска, найденная въ видѣ отдѣльныхъ мелкихъ кусковъ, въ культурномъ слоѣ; одинъ изъ такихъ кусковъ представлялъ собою комокъ пасты величиной съ орѣхъ. Краска эта легко растиралась, какъ масло, между пальцами, была жирною на ощупь и красила кожу въ яркій красный цвѣтъ. Она состояла изъ окиси желѣза и была взята, вѣроятно, изъ сосѣднихъ горъ, гдѣ матеріалъ для нея имѣется въ достаточномъ количествѣ въ третичныхъ желѣзныхъ рудахъ и въ юрскихъ бурыхъ рудахъ. Достаточно было просто растолочь и отмыть эти желѣзныя руды, чтобы получить такую красную краску, растворяющуюся еще, вѣроятно, предварительно съ жиромъ и служившую для раскрашиванія тѣла и въ качествѣ румянъ.

Новѣйшія палеолитическія мѣстоахожденія археологическихъ остатковъ въ Вюртембергѣ группируются Шмидтомъ слѣдующимъ образомъ:

Ранняя ориньякская эпоха: Зиргенштейнъ, Бокштейнъ.

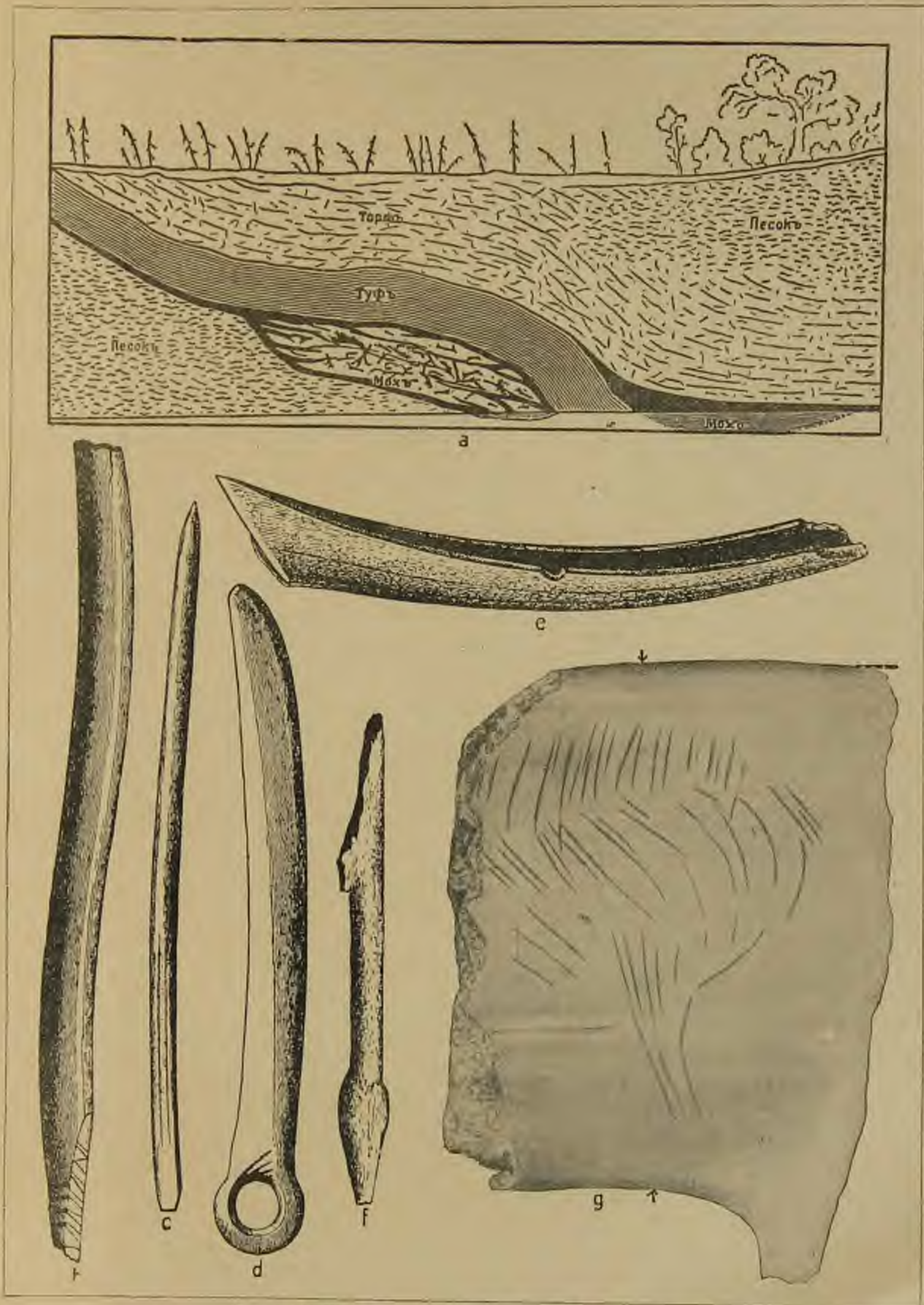

Рис. 182. Шуссенрида у ручья Шуссенъ.

a — продольный профиль Шуссен-рида; *b*, *c* — шило из оленьего рога; *d* — жезль с отверстием; *e* — кусок рога, выдолбленный в видъ желоба; *f* — обломок гарпуна; *g* — изображеніе животного — задняя часть сѣвернаго оленя на оленьемъ рогѣ. *a* — *f* — по Фразсу, *g* — по Р. Шмидту.

Средняя ориньякская эпоха: Зиргенштейнъ, Бокштейнъ.

Поздняя ориньякская эпоха: Зиргенштейнъ, Бокштейнъ, Голештейнъ, Голефельсъ у Шельклингена, Цуффенгаузенъ (?).

Переходный періодъ къ солютрейской эпохѣ: Зиргенштейнъ.

Солютрейская эпоха: Канштаттъ.

Ранняя магдаленская эпоха: Зиргенштейнъ, Голефельсъ у Шельклингена, Нидернау, Лаутерахъ (?).

Средняя магдаленская эпоха: Шуссенридь, Голефельсъ у Гюттена, Винтерлингенъ, Ганзерфельзенъ.

Поздняя магдаленская эпоха: Бокштейнъ, Голефельсъ у Гюттена, Шмихенфельсъ, Шуссенридь, Голефельсъ у Шельклингена, Зиргенштейнъ.

Часть приведенныхъ мѣстонахожденій была уже давно изслѣдована по „старому методу“ безъ тщательнаго изученія напластованія, при чемъ, къ счастью, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пещера опоражнивалась совершенно,—это позволило Шмидту многое исправить заднимъ числомъ и дополнить подробностями тѣ изслѣдованія, которые были сдѣланы безъ достаточной тщательности. Къ списку мѣстностей должно присоединить еще длинный списокъ другихъ мѣстъ, найденныхъ этимъ изслѣдователемъ подъ руководствомъ Кокена; мы, конечно, можемъ здѣсь рассмотреть лишь самыя важныя изъ данныхъ мѣстонахожденій.

На Неккарѣ, недалеко отъ Штуттгарта, располагается Канштаттъ, гдѣ въ лѣссовыхъ отложеніяхъ былъ найденъ наконецникъ, имѣющій форму лавроваго листа, рѣдкостной красоты и совершенства техники,—это, по всѣмъ вѣроятіямъ, объектъ, привезенный сюда съ запада въ солютрейскую эпоху, такъ какъ пока мы не имѣемъ ни одной находки, которая ему здѣсь соотвѣтствовала бы. Далѣе вверхъ по Неккару, недалеко отъ Тюбингена, располагается у Нидернау нависающая скала, гдѣ Шмидтъ открылъ небольшой очагъ, у котораго были найдены, кромѣ кремневыхъ орудій магдаленскаго періода, нѣкоторыя агатовыя бусы, издѣлія изъ кости, и просверленная раковина средиземноморскаго моллюска *Pectunculus pilosus*. Эта послѣдняя указываетъ на существованіе связи съ югомъ, быть-можетъ, на связь съ Кесслерлохомъ. Изъ остатковъ животныхъ здѣсь чаще всего встрѣчались сѣверный олень, мамонтъ, дикая лошадь; присутствіе песка, зайца-бѣляка и лемминговъ указываетъ еще на бореальный климатъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, олень, бѣлка и тетеревъ свидѣтельствуютъ объ измѣненіи климата въ сторону большей умѣренности.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію изобилующей пещерами Швабской Юры, гдѣ мы можемъ ожидать особенно цѣнныхъ находокъ. Совершенно второстепенное значеніе имѣетъ Голефельсъ, у Шельклингена, съ отложеніями ориньякской и магдаленской эпохъ, изслѣдованными еще въ 1870 г. Фраасомъ и Гартманомъ; мѣста прибѣжища магдаленскихъ охотниковъ представляютъ собою также сосѣдніе небольшіе гроты у Винтерлингена и у Ганзерфельзена въ долину рѣки Ахъ, затѣмъ Шмихенфельсъ съ остатками оленя, сѣвернаго и благороднаго, и дикой лошади, и Голефельсъ у Гюттена съ остатками лемминговъ, дикой лошади, сѣвернаго оленя, дикаго быка и горнаго козла.

Особый интересъ имѣетъ Зиргенштейнъ, между Шельклингеномъ и Блаубереномъ. Его нижній четвертичный слой съ орудіями ранней и средней мустьерской эпохи разсматривался нами уже выше (стр. 155). Надъ нимъ располагается нижній слой, содержащій остатки грызуновъ и являющійся переходомъ къ среднему четвертичному слою, который принадлежитъ уже новѣйшему палеолитическому періоду. Этотъ слой

имѣлъ толщину въ среднемъ 50 — 80 сант. и содержалъ остатки мамонта и дикой лошади, сибирскаго носорога, дикаго осла, сѣвернаго, благороднаго и гигантскаго оленей, зубра, пещернаго медвѣдя, пещернаго льва и пещерной гіены, волка, песца, зайца-бѣляка, антилопы-сайги, дикой кошки, серны, выдры, горнаго козла, дикаго барана, рыси, россомахи и у самаго основанія внизу—лемминговъ; тамъ же находились три зуба человека.

Нижніе три горизонта этого средняго слоя, соотвѣтствовавшіе уже времени послѣ максимума ледниковаго періода и представлявшіе собою фазисъ болѣе умѣреннаго климата, представлены ясно ранней, средней и поздней ориньякской эпохой; напластованіе этихъ слоевъ тѣмъ болѣе легко разобрать, что между ними имѣются прослойки, содержащія остатки очаговъ. Въ этихъ горизонтахъ найдено около 1200 каменныхъ орудій, и на ряду съ довольно многочисленными мустьерскими формами тамъ имѣются и характерныя для ориньякской эпохи высокіе скребки и клинки съ выемкой, большіе и малые клинки съ типичной ориньякской ретушью, пожеобразные скребки, рѣзцы и сверла и скребки толстой формы (рис. 183, *a—f*). Обработанная слоновою костью и кости животныхъ тамъ рѣдки, хотя все же имѣются нѣкоторые наконечники, шила и острія. Къ нимъ примыкаетъ въ верхнихъ слояхъ горизонтъ съ узкими клинками, у которыхъ одинъ изъ краевъ притупленъ, съ ножами, имѣющими рукоятку, съ многогранными рѣзцами и другими произведеніями новѣйшей ориньякской эпохи. Сверху этотъ слой замыкается двумя горизонтами съ остатками очаговъ, содержащими каменныя орудія ранней солотрейской эпохи въ числѣ болѣе 700 экземпляровъ. Тщательная ретушь ориньякскаго типа совершенно исчезаетъ, и точно также исчезаютъ другія руководящія формы этой стадіи. Зато выплываетъ, хотя и въ меньшемъ количествѣ, цѣлый рядъ орудій, которыя, подобно орудіямъ солотрейскаго типа, обнаруживаютъ ретушь съ обѣихъ сторонъ или съ одной стороны (рис. 183, *g—k*). Изъ роговыхъ и костяныхъ орудій здѣсь имѣется также около 10 экземпляровъ и между ними подвѣсокъ изъ слоновою кости и наконечникъ коня; присутствіе различныхъ постороннихъ матеріаловъ (коровавика, окаменѣлостей, кусковъ бурога желѣзняка и т. п.) обнаруживаетъ повышенное стремленіе къ собранію различныхъ предметовъ.

Четвертичныя отложенія пещеры заканчиваются верхнимъ четвертичнымъ слоемъ толщиною большею частью въ 40 сант.; вся его фауна слагается изъ слѣдующихъ видовъ: очень часто встрѣчаются сѣверный олень, дикая лошадь и пещерный медвѣдь, рѣже—мамонтъ, горный козель, волкъ, лисица, песецъ, заяцъ-бѣлякъ и хомякъ; къ нимъ присоединяется обильная фауна мелкихъ животныхъ, присутствіе которыхъ доказываетъ, что при началѣ этой стадіи увеличеніе холода вызвало притокъ сѣверныхъ тундровыхъ пришельцевъ съ леммингами во главѣ. Въ виду того, что остатки лемминговъ (*Mygdes torquatus*) встрѣчаются исключительно въ нижней половинѣ даннаго слоя и притомъ очень часты, Шмидтъ назвалъ этотъ горизонтъ „слоемъ пеструшки“; съ нимъ совпадаетъ ранняя магдаленская эпоха, такъ какъ въ немъ находятся болѣе тысячи кремневыхъ орудій этого типа, сравнительно бѣднаго формами. Ретушь отступаетъ въ нихъ на задній планъ, сотни мелкихъ обломковъ кремня, имѣющихъ форму ножей, являются предтечами микролитическаго періода магдаленской эпохи, которая достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ мелкихъ кремневыхъ орудіяхъ съ притупленною спинкою. Имѣются цилиндрическіе стержни изъ слоновою кости и изъ оленьяго рога. Мамонтъ и пещерный медвѣдь еще хорошо представлены. Въ верхней половинѣ слоя лемминги уступаютъ свое мѣсто пищухамъ (*Lagomys sillus*), почему изслѣдователь даетъ этому горизонту названіе „слоя пищухи“. Скудные

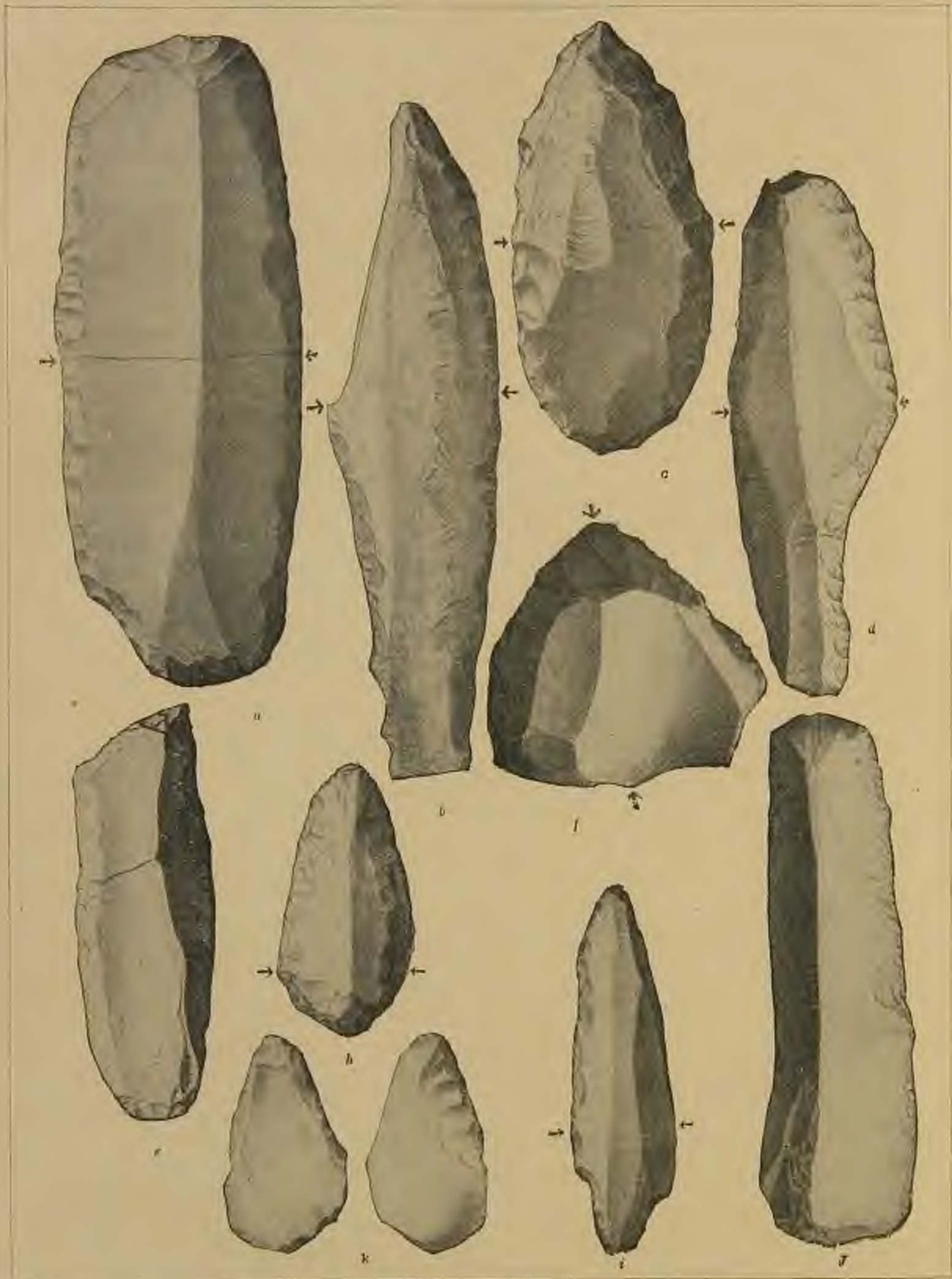

Рис. 183. Типы орудій изъ пещеры Зиргенштейнъ (ест. вел.)

1—ориньякскіе типы: *a*—широкій двойной скребокъ; *b*—заостренный ножъ; *c*—овальный ножъ; *d*—ножъ съ выемкой; *e*—косо срезанный рѣзецъ; *f*—скребокъ высокой формы.
 2—солютрейскіе типы: *g*—узкій двойной скребокъ; *h*—заостренный скребокъ; *i*—остріе съ рукояткой; *k*—остріе съ частичной солютрейской ретушью. По Р. Шмидту.

археологическія находки указываютъ на кратковременное пребываніе здѣсь поселенцевъ въ періодъ поздней магдаленской эпохи.

Переходъ къ современному періоду представляютъ слои перегной толщиною въ 1,5 метра, заключающіе современную лѣсную фауну, остатки домашнихъ животныхъ и человѣческія издѣлія бронзоваго періода, римской эпохи и средневѣковья.

Нѣсколько далѣе къ сѣверо-востоку отъ Зиргенштейна, расположеніе слоевъ котораго имѣло основное значеніе для выясненія стадій германскаго палеолитическаго періода, находится въ долинѣ рѣки Лоны, недалеко отъ Лангенау, пещера Бокштейнъ, изслѣдованіе которой было произведено не особенно удовлетворительно насторомъ Лошемъ и лѣсничимъ Бюргеромъ. Коллекціи ихъ, находящіяся въ Ульмѣ, обнаруживаютъ, что тамъ въ нижнихъ слояхъ находилась типичныя ориньякскія орудія, надъ ними же располагались слои также съ типичными, но не особенно обильными находками магдаленской эпохи; солютрейская стадія здѣсь совершенно отсутствовала. Много говорили въ свое время о человѣческихъ костякахъ, найденныхъ въ этой пещерѣ. Бюргеръ нашелъ на глубинѣ 87 сант., слѣдовательно, уже въ четвертичныхъ слояхъ, скелетъ 30-лѣтней женщины и рядомъ съ ней остатки ребенка. Шааффаузенъ подвергъ детальному изслѣдованію этотъ скелетъ, замѣчательный многими анатомическими особенностями черепа, и настаивалъ на его четвертичномъ происхожденіи. Напротивъ, фонъ-Гельдеръ высказывался за гораздо болѣе позднее его происхожденіе. Споръ этотъ былъ окончательно рѣшенъ, когда въ одной изъ старинныхъ церковныхъ книгъ Эллингера найдена была записъ, согласно которой это должны были быть останки самоубійцы, похороненной въ пещерѣ въ 1739 году.

Географически къ той же самой группѣ швабскихъ пещеръ Юры принадлежитъ и пещера Офнетъ, которая находится, однако, уже въ предѣлахъ Баваріи, именно, у Уцмеммингена, недалеко отъ Нёрдлингена. Ея доисторическое прошлое было разъяснено въ 1875—76 г. Фрасомъ, дальнѣйшія же раскопки были предприняты въ 1901 году, при чемъ, однако, на нее все же не было обращено столько вниманія, сколько она заслуживала. Лишь изслѣдованія Шмидта въ 1907—8 г. были произведены съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ современной техники раскопокъ. Онѣ простирались прежде всего на террасы, располагающіяся передъ Большой и Малой пещерой Офнетъ и, кромѣ того, были произведены раскопки и внутри самой пещеры, поскольку тамъ имѣлись мѣста, незатронутыя предыдущими раскопками. Геологическій профиль болѣе важной Большой пещеры Офнетъ состоялъ изъ толстаго слоя доломитоваго песка, мощностью въ 0,65 метра, и расположенныхъ надъ нимъ 7 культурныхъ слоевъ, изъ которыхъ оба послѣдніе соответствують новѣйшему каменному вѣку и бронзовому вѣку. Слой эти (рис. 184) были слѣдующіе:

Слой I снизу. Вывѣтрившіеся камни; совершенно пустъ.

Слой II. Доломитовый песокъ съ кое-какими костями мамонта и сибирскаго носорога, несущими слѣды зубовъ гіены.

Слой III и IV. Средняя и поздняя ориньякская эпоха. Непосредственно надъ доломитовымъ пескомъ располагались отдѣльные остатки сѣверныхъ грызуновъ, между прочимъ, лемминговъ, и кости, разгрызанныя гіенами, которыя, однако, были, несомнѣнно, прогнаны обитателями ориньякской эпохи. О дѣятельности этихъ обитателей можно судить по нѣсколькимъ изогнутымъ наконечникамъ; болѣе ясно выступаетъ культура средней ориньякской эпохи, иллюстрируемая простыми скребками, рѣзцами, наконечниками, ножами съ выемкой, скребками высокой формы и ориньякскими наконечниками изъ кости (рис. 185, a). Въ теченіе слѣдующаго поздняго ориньякскаго времени типичная

ориньякская ретушь краевъ ножей исчезаетъ; фаунистическія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что холодный и влажный климатъ тундры уже миновалъ, и что въ теченіе ориньякской эпохи наблюдались относительно болѣе теплыя климатическія условія, позволившія существовать въ большомъ числѣ гіенамъ и давшія возможность появиться хотя бы въ видѣ одиночныхъ экземпляровъ пещернымъ львамъ. Чрезвычайно рѣдкимъ становится сѣверный олень, но тѣмъ чаще и обильнѣе встрѣчается дикая лошадь, которая была главною добычею и главнымъ средствомъ пропитанія людей ориньякского періода. Кромѣ того, встрѣчаются зубы и кости мамонта, сибирскаго носорога, пещернаго медвѣдя, зубра, различныхъ представителей семейства собакъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ—гигантскаго оленя.

Слой V. Древній солютрейскій. Характеризуется цѣлымъ рядомъ типичныхъ наконечниковъ, имѣющихъ форму лавроваго листа (рис. 185, b), на ряду съ кото-

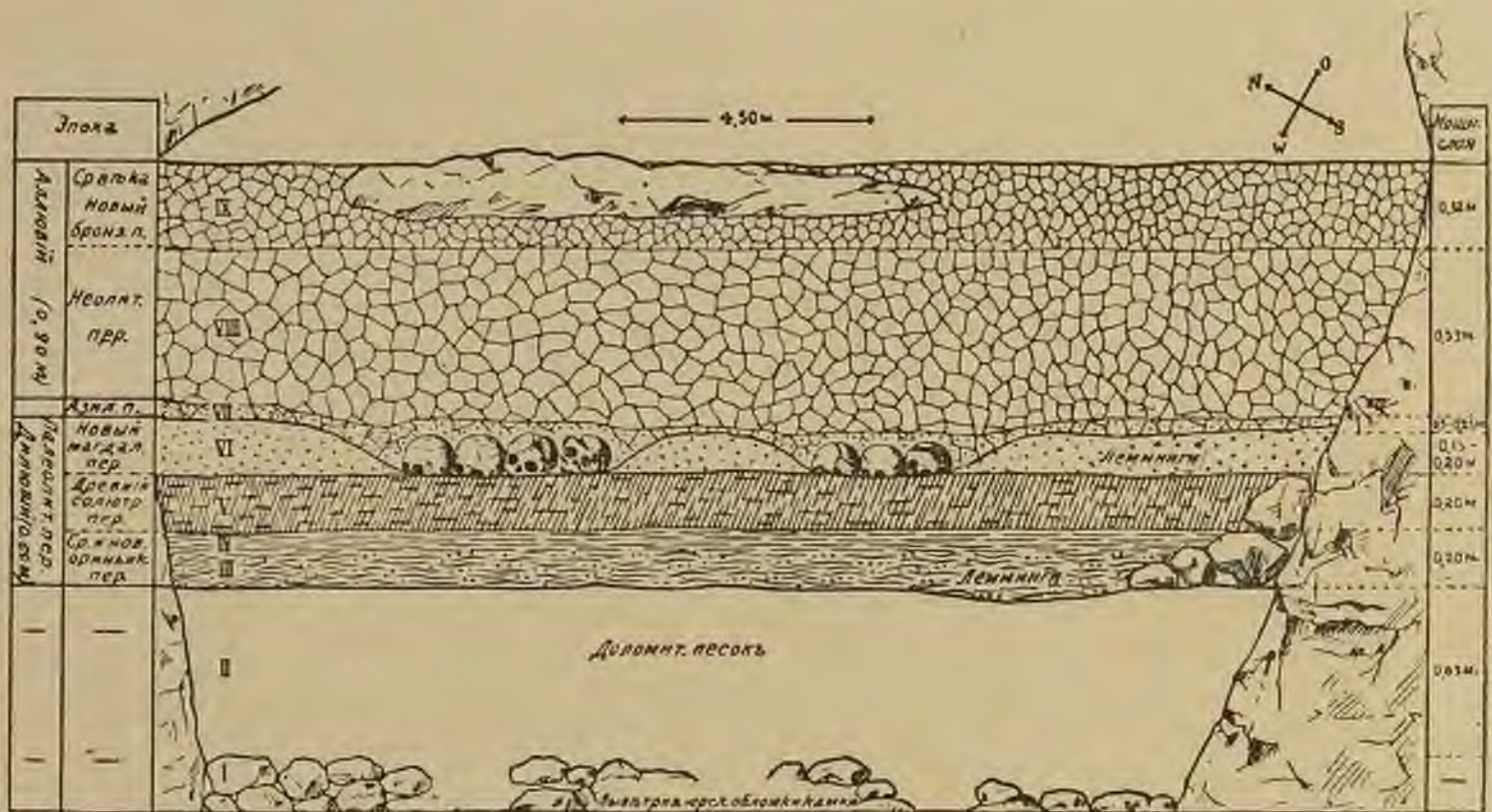

Рис. 184. Напластованіе слоевъ въ пещерѣ Офнетъ.

По Р. Шмидту.

рыми находились и многочисленныя орудія, отличавшіяся вмѣсто широкой ретуши по краямъ лишь очень тонкой ретушью на концахъ лезвія, рѣже по всему краю; среди этихъ орудій были ножи съ простымъ и двойнымъ концомъ въ видѣ скребка, сверла, двойныя сверла, рѣзцы; рѣзцы, соединенные со скребками, и др. Орудія новѣйшаго солютрейскаго періода съ типичными остріями съ выемкой отсутствовали. Фауна была въ существенныхъ чертахъ та же, какъ и въ ориньякскомъ слоѣ; пещерныя гіены встрѣчались въ меньшемъ числѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружилось значительное уменьшеніе численности дикихъ лошадей.

Между слоями V и VI находится тонкій слой, заключающій кости сѣверныхъ грызуновъ, исчезнувшихъ опять въ пещерѣ Офнетъ съ наступленіемъ магдаленской эпохи.

Слой VI. Поздняя магдаленская эпоха. Каменные издѣлія новѣйшихъ четвертичныхъ отложеній обнаруживаютъ большое число тонкихъ призматическихъ

ножей, на которыхъ замѣтна лишь незначительная ретушь на концахъ, или же имѣется притупленная спинка. Еще болѣе типичными являются маленькіе ножи съ дугообразно-изогнутой спинкой, ножи съ боковымъ или срединнымъ остриемъ въ видѣ рѣзца, скребки и т. п. Изъ роговыхъ издѣлій имѣется большое долото, тогда какъ гарпуны отсутствуютъ. Въ слое этомъ заключались кости сѣвернаго оленя и дикой лошади, но совершенно не было остатковъ крупныхъ четвертичныхъ животныхъ, каковы мамонтъ и носорогъ, равно какъ не было и крупныхъ хищниковъ, напримѣръ, пещерной гиены и пещернаго льва.

Слой VII. Азильская эпоха. Эта стадія была представлена тонкимъ, въ среднемъ лишь въ 5 сант. мощности слоемъ, который изъ остатковъ животныхъ содержалъ преимущественно кости благороднаго оленя, лося и дикаго кабана, а кромѣ того росомахи и льва. Такимъ образомъ, очевидно, послѣднія вѣянія великаго ледниковаго періода уже миновали, и высоты сосѣднихъ горъ одѣлись сплошнымъ покровомъ лѣса. Лишь у самаго входа въ пещеру азильскій слой расширялся въ видѣ двухъ впадинъ, спускавшихся до горизонта солютрейскаго слоя. „Здѣсь обнаружилась двѣ круглыя могилы, служившія для погребенія череповъ, которые были покрыты и сверху и снизу смѣшанной съ большимъ количествомъ охры землею. Болѣе значительная изъ этихъ могилъ имѣла почти круглую форму, ея поперечникъ былъ въ 0,76 метра; она содержала 27 помѣщенныхъ въ охру череповъ, тогда какъ могила меньшаго размѣра, удаленная отъ первой на разстояніи одного метра, содержала еще 6 череповъ и имѣла въ поперечникѣ 0,45 метра“ (рис. 184).

„Обѣ могилы свидѣтельствовали такимъ образомъ о частичномъ погребеніи, такъ какъ, кромѣ нѣсколькихъ обугленныхъ кусочковъ кости и череповъ, въ нихъ не содержалось ничего. Всѣ черепа были обращены въ опредѣленную сторону, именно къ западу. Въ обѣихъ могилахъ бросается въ глаза преобладаніе череповъ дѣтскихъ и женскихъ, при чемъ и послѣдніе принадлежатъ молодымъ субъектамъ; череповъ, принадлежащихъ мужчинамъ, насколько можно установить, имѣется лишь 6; среди этихъ послѣднихъ отсутствуютъ черепа стариковъ. Женскіе черепа получили при погребеніи въ придачу ожерелья изъ оленьихъ зубовъ и изъ просверленныхъ раковинъ, одинъ изъ такихъ череповъ, наиболѣе богато украшенный, былъ снабженъ 69 просверленными оленьими зубами и примѣрно сотнею мелкихъ просверленныхъ раковинъ. Черепа полузрелыхъ женщинъ были менѣе богато украшены, тогда какъ у новорожденныхъ имѣлось лишь нѣсколько оленьихъ зубовъ, но довольно большое число просверленныхъ раковинъ. Мужскіе черепа совершенно были лишены украшеній, но около нихъ находились иногда въ большомъ числѣ кремневые орудія, которыя, впрочемъ, были разбросаны и въ другихъ мѣстахъ. Изъ обѣихъ могилъ было получено до 200 зубовъ оленей, собранныхъ

Рис. 185. Находки изъ пещеры Офнетъ. а — ориньякскій наконечникъ изъ кости; б — наконечникъ въ формѣ лавроваго листа солютрейскаго времени. По Р. Шмидту.

въ 15 большихъ и малыхъ ожерелій. Чтобы получить такое число зубовъ, необходимо было убить до сотни оленей. Нѣкоторыя изъ этихъ украшеній были тѣсно сжаты между собою своими плоскими широкими сторонами и просверленными корнями, при чемъ были склеены известковымъ цементомъ и красной желѣзной рудой и расположены кольцеобразно около черепа; такимъ образомъ, мы получаемъ представленіе о томъ, какимъ способомъ ихъ носили. Несомнѣнно, они составляли собственность живыхъ и были положены съ ними въ могилу. Такимъ же точно образомъ носились, вѣроятно, найденныя цѣлыми тысячами просверленныя улитки, мелкіе виды *Planorbis*, добытые изъ третичныхъ отложеній Штейнгейма. Одинъ изъ дѣтскихъ череповъ былъ украшенъ настоящимъ чепчикомъ изъ тѣсно соприкасающихся раковинъ, которыхъ было нѣсколько сотъ,—эти раковины лежали на черепѣ какъ бы положенныя лобницей рукой на голову маленькаго покойника. Иногда раковины составляли тонкій слой, на которомъ покоился затылокъ, въ другихъ случаяхъ онѣ были цементированы въ видѣ комка. За то, что это было настоящее погребеніе по совершенно особому ритуалу, говорятъ сами условія находенія череповъ. У всѣхъ этихъ череповъ были нижнія челюсти, равно какъ и одинъ или нѣсколько шейныхъ позвонковъ, располагавшихся еще большею частью одинъ надъ другимъ. Можно, слѣдовательно, думать, что погребеніе было совершено вскорѣ послѣ смерти, во всякомъ случаѣ, до того, какъ совершенно разложилось мясо и распались связки, поддерживавшія челюсти и позвонки. Можно думать также, что погребеніе череповъ совершалось не въ одно время, а постепенно, и новые черепа помещались кольцомъ вокругъ ранѣ погребенныхъ,—за это говорить то обстоятельство, что внутри лежащіе черепа сильнѣе сжаты и сдвинуты, тогда какъ наружные большею частью лежатъ свободнѣе и лучше сохранились, чѣмъ внутренніе. Очевидно, остальные части тѣла сжигались. Въ пещерѣ были найдены многочисленные остатки древесныхъ углей и нѣсколько обожженныхъ костей, которыя, быть-можетъ, лишь случайно попали въ могилу, такъ какъ погребеніе совершалось не на томъ мѣстѣ, гдѣ производилось сожженіе. На черепахъ не видно никакихъ раненій, причиненныхъ во время жизни, и точно также на нихъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ огня. Потому мы не имѣемъ здѣсь дѣла ни съ людоѣдствомъ, ни съ жертвоприношеніемъ. Погребеніе покойниковъ такимъ способомъ стояло, несомнѣнно, подъ знаменіемъ религіозныхъ представленій и культа“ (Шмидтъ).

Р. Шмидтъ приписываетъ слой, содержащій черепа, азильской эпохѣ, и вполне справедливо. Здѣсь, правда, отсутствуютъ гарпуны изъ оленьяго рога и раскрашенныя гальки, но расположеніе слоя безусловно свидѣтельствуетъ объ этомъ возрастѣ: подъ нимъ располагается слой съ остатками поздняго магдаленскаго періода, а надъ нимъ типичные остатки неолитическаго періода. На ряду съ нетипичными каменными орудіями, здѣсь встрѣчаются формы таковыхъ, сходныя съ находимыми въ Тарденуазѣ и, несомнѣнно, одинаковыя съ азильскими (стр. 251); изъ животныхъ — росомаха и левъ являются представителями четвертичной фауны, такъ какъ послѣдній не сохранился въ западной и средней Европѣ послѣ четвертичнаго періода. Наконецъ, должно отмѣтить, что самый способъ погребенія, наблюдаемый въ пещерѣ Офнетъ, является чисто-палеолитическимъ. Намъ придется еще говорить о немъ въ X главѣ, и мы приведемъ тогда цѣлый рядъ параллельныхъ явленій во Франціи изъ области новѣйшаго палеолитическаго періода; во время неолитическаго періода мы не встрѣчаемъ уже подобныхъ могилъ съ черепами, окруженными охрою и снабженными украшениями изъ оленьихъ зубовъ.

Въ смыслѣ выясненія странствованій обитателей пещеры Офнетъ даются нѣкоторыя данныя изслѣдованіемъ раковинъ, находимыхъ въ украшенияхъ: *Carnifex multi-*

formis происходятъ изъ Штейнгейма, *Lithoglyphus*—съ Дуная, *Columbella rustica* — со Средиземнаго моря, *Neritina sp.*—изъ области Роны и изъ Италіи.

Слой VIII. Новѣйшій каменный вѣкъ. Многочисленные сосуды изъ глины, наконечники стрѣлъ, шлифованный каменный топоръ, остатки домашнихъ животныхъ.

Слой IX. Вѣкъ металловъ. Остатки бронзоваго вѣка, гальштаттской и латенской эпохи, остатки историческихъ временъ.

Пещера Офнетъ является самымъ восточнымъ мѣстонахожденіемъ, которое обнаруживаетъ несомнѣнные остатки азильской эпохи; не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что со временемъ область распространенія послѣдней расширится, такъ какъ и теперь уже указываются различныя мѣста въ Прирейнскихъ областяхъ, въ Тюрингіи, въ сѣверной Германіи и въ западной части Россіи, гдѣ находятся остатки, которые сходны съ найденными въ Тарденуазѣ и эквивалентны съ данною стадіей. Они требуютъ, впрочемъ, еще болѣе тщательнаго и глубокаго изученія, и потому мы пока довольствуемся простымъ упоминаніемъ объ ихъ существованіи.

Въ другихъ отношеніяхъ Баварія пока оказывается довольно бѣдной палеолитическими находками. Я не рѣшаюсь отнести къ четвертичнымъ мѣстонахожденіямъ южной Германіи такъ называемую „Разбойничью“ пещеру у Шельменграбена, близъ Эттерцгаузена, изслѣдованную въ 1871 г. Циттелемъ, Гюмбелемъ и Фраасомъ. Она располагается недалеко отъ устья рѣки Набъ, выше Регенбурга, и содержитъ вмѣстѣ съ костями четвертичныхъ животныхъ остатки неолитическихъ домашнихъ животныхъ, глиняные черепки, цѣлый рядъ обломковъ кремня и небольшое число издѣлій изъ кости, которыя я имѣлъ возможность видѣть въ Мюнхенѣ и въ Британскомъ Музеѣ, и которыя кажутся мнѣ очень мало похожими на палеолитическія. Въ виду того, что не было обращено вниманія на напластованіе и расположеніе археологическихъ остатковъ, и вся пещера была сильно перерыта, я считаю болѣе вѣроятнымъ, что всѣ найденныя въ ней нетипичныя кремневые орудія скорѣе принадлежатъ къ новѣйшему каменному вѣку. Помимо того, многочисленныя болѣе давнія и новыя раскопки во Франконской Юрѣ не обнаружили до сихъ поръ никакихъ достовѣрныхъ палеолитическихъ мѣстонахожденій. Это касается какъ пещеръ Гайленрейта, Голфельса у Гересбрука, Цверглоха у Поттенштейна, такъ и гротовъ у Клетерля, около Кельгейма, грота въ окрестностяхъ Вельбурга и Гогенбурга, пещеры Дюрлохъ у Швейггаузена къ сѣверо-западу отъ Регенбурга и многихъ другихъ. Многочисленныя отдѣльныя находки заостренныхъ каменныхъ орудій въ видѣ лавроваго листа, сдѣланныя у Регенбурга, Гейзенфельда, Нёрдлингена, представляютъ ненадежные образцы, могущіе по своей формѣ быть и неолитическими, тѣмъ болѣе, что ближайшія условія ихъ нахожденія и залеганія совершенно темны.

Все же намъ извѣстно и сейчасъ одно мѣстонахожденіе остатковъ первобытныхъ охотниковъ за сѣверными оленями въ самомъ сердцѣ Баваріи, въ мирной и живописной долинѣ Альтмюля у Нейессинга, — это такъ называемая Кастльгенгская пещера, которой недавно было дано названіе „Пещеры каменнаго вѣка“. Она была давно уже изслѣдована Фраунгольцемъ при нѣкоторомъ моемъ содѣйствіи. Пещера эта вдается на 30—35 метровъ въ юрскіе известняки и содержитъ, особенно въ желтой глинѣ своего задняго конца, палеолитическій слой толщиной въ 10—25 сант. Этотъ слой, по опредѣленію Шлоссера, заключаетъ остатки слѣдующихъ животныхъ: сѣвернаго оленя, горнаго козла, горнаго барана, благороднаго оленя, дикой лошади, волка, росомахи, лемминга, песца, обыкновенной лисицы, барсука, зайца-бѣляка, буро-раго медвѣдя (встрѣчается очень рѣдко), мамонта, пещернаго медвѣдя, бѣлой куро-

палки, альпійской куронатки. Изъ археологическихъ остатковъ здѣсь встрѣчаются простые ножи, тонко ретушированные заостренные орудія, узкіе скребки, рѣзцы, тонкіе ножи съ притупленной спинкой, сверла и мелко-зубчатая пила, къ которымъ присоединяются надрѣзанные рога сѣвернаго оленя, нѣкоторое количество долотъ и наконечниковъ копій изъ рога и кости, круглые стержни изъ слоновой кости, немногочисленные простыя украшенія, тонкая игла и односторонній гарпунъ съ зубцами. Судя по всему, это мѣстонахожденіе относится, повидимому, къ средней магдаленской эпохѣ. Пещерный медвѣдь, несомнѣнно, составлялъ еще предметъ охоты, угли очаговъ, по мнѣнію Крассера, указываютъ на присутствіе дуба. Подъ этимъ слоемъ располагалась глина, богатая остатками пещерныхъ медвѣдей; надъ нимъ былъ слой съ остатками грызуновъ и съ немногочисленными леммингами.

Открытіе Ка стльгенга заполняетъ пробѣлъ на картѣ географическаго распространенія магдаленской эпохи, такъ какъ при многочисленности магдаленскихъ мѣстонахожденій въ юго-западной Германіи, особенно въ Швабской Юрѣ, серія ихъ обрывалась пещерою Офнетъ и находила себѣ продолженіе снова лишь въ Нижней Австріи. Тѣмъ болѣе пріятно, что этотъ пробѣлъ восполненъ этой пещерою, являющейся какъ бы этапомъ того великаго пути переселенія народовъ, который еще въ четвертичномъ періодѣ проходилъ вдоль Дуная.

Австрія.

Послѣ Франціи областью наиболѣе богатой находками, относящимися къ новѣйшему палеолитическому періоду, является Австро-Венгрія. Она была гораздо меньше покрыта льдами, чѣмъ средняя и южная Германія, стиснутая между сѣвернымъ и альпійскимъ покровами глетчеровъ,—здѣсь степнымъ охотникамъ-кочевникамъ предоставлялись изобиловавшая дичью степи Нижней Австріи, Богеміи и Моравіи; въ то же время горные хребты Моравіи и Галиціи, прорѣзанные множествомъ пещеръ, доставляли этимъ первобытнымъ обитателямъ безчисленное количество убѣжищъ,—это и объясняетъ намъ многочисленные слѣды жизни первобытнаго человѣка въ данной области. Послѣ того, какъ мы установили и въ южной Германіи присутствіе всѣхъ культурныхъ періодовъ, характеризующихъ новѣйшую палеолитическую эпоху Франціи, именно, установили для нея ориньякскую, солотрейскую и магдаленскую стадіи, для насъ является теперь несомнѣнною непосредственная органическая связь между западной и восточной Европой въ ея средней полосѣ.

Если мы въ своемъ описаніи будемъ придерживаться географической послѣдовательности, то, идя внизъ по Дунаю, мы попадемъ прежде всего въ Верхнюю Австрію, въ которой пока четвертичныя мѣстонахожденія еще неизвѣстны; зато въ Нижней Австріи ихъ имѣется поразительное множество. Дунай вступаетъ въ эту область послѣ впаденія въ него Энса, при чемъ вплоть до Мелька онъ течетъ еще въ широкой долинѣ; ниже Мелька онъ вступаетъ въ горный массивъ и, не доходя до Кремса, прорѣзаетъ его узкимъ романтическимъ ущельемъ Вахау. Колоссальныя массы лёсса покрываютъ здѣсь всюду его крутые обрывы, и въ нихъ-то и находятся двѣ важныхъ мѣстности, содержащія остатки новѣйшаго палеолитическаго періода—Агтебахъ и Виллендорфъ.

Селеніе Агтебахъ, расположенное въ 10 километрахъ ниже Мелька, было открыто въ 1883 г. Бруномъ, къ сожалѣнію, въ то время, когда культурный слой, находящійся въ лёссѣ, былъ уже большею частью истребленъ. Фишеръ продолжалъ

эти раскопки съ 1889 по 1892 годъ. По его сообщенію, археологическія находки не были включены въ одинъ сплошной и непрерывный культурный слой, но располагались, повидимому, отдѣльными партіями, благодаря тому, что первобытные обитатели того времени избирали для устройства своихъ очаговъ естественныя углубленія въ тогдашней поверхности земли. Отъ этихъ очаговъ до насъ дошли остатки въ видѣ обожженныхъ камней и углей; вмѣстѣ съ ними находятся кости дикой собаки, мамонта, ископаемаго быка, сѣвернаго оленя, дикой лошади, горнаго козла и канадскаго оленя. Изъ археологическихъ находокъ было собрано около 150 различныхъ кремневыхъ издѣлій. Ориньякская ретушь встрѣчается лишь на одномъ изъ этихъ орудій, именно, на заостренномъ ножѣ; на ряду съ длинными и тонкими ножами безо всякой ретуши здѣсь попадаются и ножи съ легкой тонкой ретушью, какая примѣняется обыкновенно лишь послѣ солиотрейской эпохи. Затѣмъ имѣются небольшіе ножи, сверла и зазубренные ножи, встрѣчающіеся въ классическомъ горизонтѣ Лезъ-Эзъ. Матеріаль мелкихъ кремневыхъ орудій содержитъ очень небольшіе и тонкіе ножи съ тщательно притупленными спинками и маленькія, пластинчатая лезвія, притупленные по обоимъ боковымъ краямъ и заостренные на обоихъ концахъ. Издѣлія изъ кости и рога отсутствуютъ, но имѣются употреблявшіеся для окраски кровавикъ, охра и графитъ. Весь этотъ комплексъ находокъ кажется мнѣ говорящимъ скорѣе за древнюю магдаленскую эпоху, чѣмъ за какую-либо другую изъ культурныхъ ступеней.

Въ одномъ частѣ пути внизъ по Дунаю, противъ развалинъ Аггштейна располагается другое важное мѣстонахожденіе—Виллендорфъ. Здѣсь уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ обширныя ломки лѣсса кирпичнаго завода Бруннеръ-Гроссенштейль у южнаго конца деревни („мѣстонахожденіе I“) доставили коллекціонерамъ Бруну и Фишеру превосходныя собранія орудій новѣйшей ориньякской эпохи, украшающія витрины Вѣнскаго Естественнаго-историческаго Музея; небольшія коллекціи были собраны также у сѣвернаго конца деревни, гдѣ находится кирпичный заводъ Эбнера („мѣстонахожденіе II“). Лишь въ 1908 году, когда производилась постройка дороги отъ Кремса до Грейна, были сдѣланы новыя важныя находки, такъ какъ при этомъ „мѣстонахожденіе I“ было вновь прорѣзано, „мѣстонахожденіе II“ болѣею частью сохранилось и далѣе, внизъ по Дунаю, пять дальнѣйшихъ лѣссовыхъ бугровъ („мѣстонахожденія III—VII“) были вскрыты и обнаружили палеолитическіе слои. Однимъ изъ самыхъ важныхъ оказалось „мѣстонахожденіе II“, которое въ томъ же году было исследовано пишущимъ эти строки и докторомъ Байеромъ, по порученію и подъ руководствомъ директора Археологическаго Отдѣла Вѣнскаго Музея Г. Шомбати. Байеръ продолжалъ раскопки на томъ же мѣстѣ и въ слѣдующемъ году, равно какъ и въ „мѣстонахожденіи I“ и, тѣмъ не менѣе, не исчерпалъ всего содержанія этой мѣстности.

Остановимся подробнѣе на „мѣстонахожденіи II“. Здѣсь лѣссъ достигаетъ мощности 18—20 метровъ и внизу переходитъ въ тонкій лѣссовый песокъ, а далѣе въ чистый рѣчной песокъ. Въ этой огромной стѣнѣ лѣсса обнаружилось не менѣе 9 культурныхъ слоевъ, которые распредѣлялись, главнымъ образомъ, въ верхней половинѣ всего слоя, именно, между 2-мъ и 9-мъ метромъ отъ поверхности земли. Они рѣзко выдѣлялись темной окраской отъ остальнаго свѣтлаго лѣсса, повышались съ востока къ западу подъ нѣкоторымъ угломъ и были толщиной въ среднемъ 5—10 сантим., при чемъ мѣстами, гдѣ находились остатки очаговъ, достигали толщины болѣе 30 сантим. Каждый культурный слой и каждый промежуточный слой раскапывались отдѣльно, такъ что было возможно выяснитъ совершенно безошибочно распредѣленіе всѣхъ сдѣ-

ланныхъ находокъ по слоямъ. Между верхними и нижними слоями не обнаружилось существенныхъ различій въ фаунѣ, и потому можно ограничиться перечисленіемъ животныхъ, найденныхъ во всѣхъ слояхъ. Списокъ, составленный Машка, содержитъ слѣдующіе виды: пещерный левъ, рысь, волкъ, обыкновенная лисица, песецъ, медвѣдь, россомаха, заяцъ, мамонтъ, дикій кабанъ, зубръ, горный козель, серна, антилопсайга (?), сѣверный олень (многочисленные остатки), благородный и канадскій олень, гигантскій олень, дикая лошадь, сибирскій носорогъ.

Тѣмъ болѣе интересной оказалась эволюція культуры первобытнаго человѣка отъ нижнихъ слоевъ къ верхнимъ,—здѣсь было представлено развитіе ориньякской эпохи отъ самыхъ первыхъ ея стадій и до самаго ея конца. Слѣдуетъ отмѣтить, что даже на глубинѣ 7 метровъ подъ первымъ культурнымъ слоемъ былъ найденъ изолированный обломокъ каменнаго орудія съ небольшими выемками и ретушью, указывающею на употребленіе. Въ отдѣльности эти различные слои характеризуются слѣдующимъ образомъ:

I нижній культурный слой: многочисленные грубые каменные обломки безъ типичныхъ орудій, однако, нѣкоторые изъ этихъ обломковъ кажутся очень плохо изготовленными орудіями или обнаруживаютъ слабые слѣды употребленія.

II культурный слой: многочисленные обломки и немногія типичныя орудія въ родѣ ножа со скребкомъ, ножей съ выемками и отбитыхъ обломковъ кремня, многочисленныхъ скребковъ высокой формы; среди нихъ явственныя представители нижняго ориньякскаго періода.

III культурный слой: слабѣе предыдущихъ, но очень родственъ имъ, толстые килеватые скребки появляются чаще.

IV культурный слой: горизонтъ расцвѣта килеватыхъ скребковъ; первые рѣдко встрѣчающіеся наконечники ориньякскаго типа. Орудія для разглаживанія и

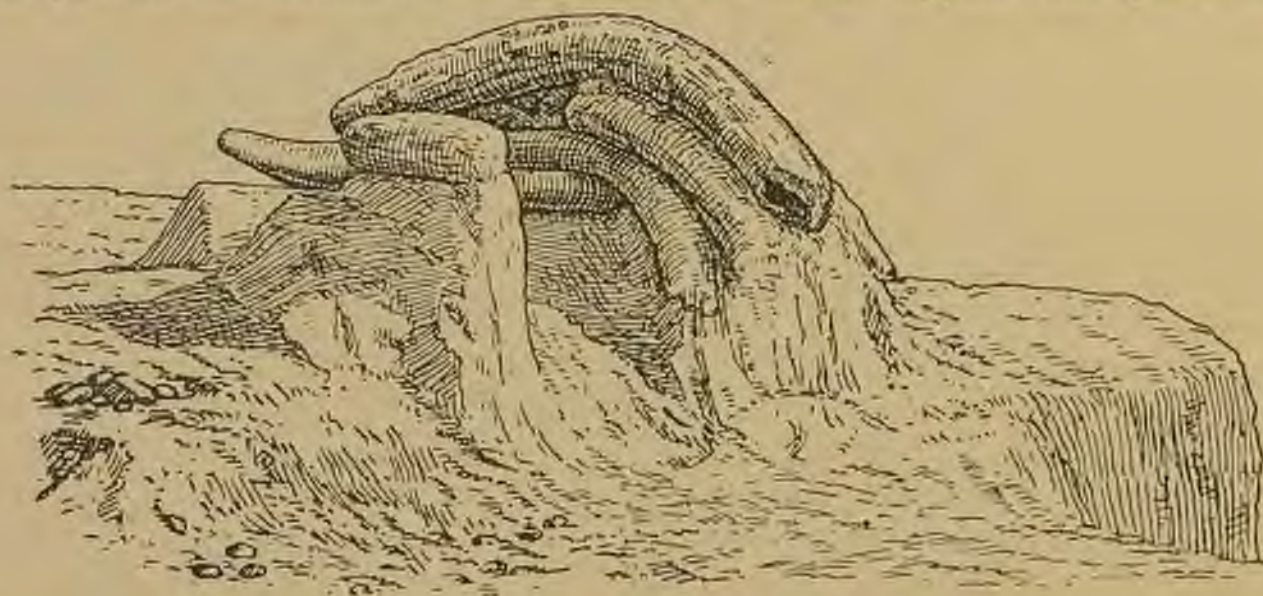

Рис. 186. Запасы бивней мамонта въ Виллендорфѣ (во II мѣстонахожденіи, въ 5 слое).

шла изъ кости и рога, выдолбленные отростки оленьяго рога для зажиманія въ нихъ кремневыхъ орудій.

V культурный слой: богатый выборъ красивыхъ и хорошо обработанныхъ орудій изъ роговаго камня; пожи отчасти съ ориньякской ретушью и выемками, лезвія и скребки высокой формы, рѣзцы, мелкіе обломки кремня и т. п.; на юго-восточномъ концѣ — груда бивней мамонта, представляющая собою запасъ мамонтовой кости (рис. 186).

VI культурный слой: переходный горизонтъ.

VII культурный слой: ножи съ ориньякской ретушью со всѣхъ сторонъ, многочисленные клинки и наконечники, имѣющіе форму листа. Лопаточки и шила изъ кости и рога.

VIII культурный слой: ориньякская ретушь отступаетъ на задній планъ, встрѣчаются многочисленные заостренные орудія въ формѣ листа. Имѣются обломки рога и кости, служащіе для зажиманія кремневыхъ орудій. Новѣйшія ориньякскія орудія.

IX культурный слой: узкіе клинки съ притупленной спинкой, ориньякскія заостренные орудія, многочисленные ножи, скребки, многогранные рѣзцы, тонкія заостренные орудія въ формѣ листа, нетипичные ножи съ выемкой, круглые стержни изъ слоновой кости и т. п. Конецъ ориньякскаго періода.

Въ VIII и IX слоѣ найдены и остатки самого человѣка въ видѣ двухъ обломковъ нижней челюсти и обломка бедра; наконецъ, внизу самаго верхняго слоя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ толщиною въ 20 сант., былъ найденъ драгоценнѣйшій, единственный въ своемъ родѣ объектъ — скульптурное изображеніе голой женщины (рис. 187), найденное однимъ изъ рабочихъ. „Это—небольшая фигура вышиною въ 11 сант. изъ тонкопористаго оолитоваго известняка, сохранившаяся въ полномъ совершенствѣ съ неправильно распределенными остатками красной окраски. Она представляетъ собою толстую женщину съ большими грудями, большимъ отвислымъ животомъ, толстыми ляжками и бедрами, но безъ настоящей стеатопигии (жирнаго отвислага зада); половые органы сильно выдѣлены, спина правильна въ анатомическомъ отношеніи и обладаетъ многими сходными съ природой деталями. Волосы на головѣ отмѣчены рядомъ концентрическихъ круговъ, образующихъ вокругъ головы какъ бы завернутыя косы, лицо совершенно не выработано. Ни одна изъ частей лица, ни глаза, ни носъ, ни ротъ даже не намѣчены. Руки укорочены, кисти рукъ и локти лишь намѣчены плоскими, положенными на груди рельефными полосами.

Колѣна хорошо выработаны, голени снабжены икрами, но сильно укорочены, ступни совершенно отсутствуютъ. Ни одежды, ни украшеній на фигурѣ не изображено, за исключеніемъ грубо-зубчатаго кольца у основанія кисти“ (Шомбаты). Вся эта фигура обнаруживаетъ, что исполнитель прекрасно владелъ искусствомъ изображенія человѣческаго тѣла, но въ данномъ случаѣ его интересовало лишь выполнить и выдвинуть на передній планъ первичные и вторичные признаки женскаго пола; все остальное сведено въ изображеніи до возможнаго минимума. Въ силу этого, мы должны разсматривать эту статуэтку, вѣроятно, какъ изображеніе божества плодородія,—это дастъ намъ въ то же время представленіе о томъ, насколько богаче была культура ориньякской эпохи; дошедшія до насъ примитивныя издѣлія первобытныхъ людей того времени, очевидно, отражаютъ лишь незначительную часть ихъ дѣйствительной способности и творческой силы.

Требуютъ еще болѣе детальнаго изслѣдованія лёссовыя мѣстонахожденія въ

Рис. 187. Каменная статуэтка изъ Виллендорфа.
($\frac{2}{10}$ наст. вел.).
(По фотографіи Шомбаты.)

Вахауской долины близъ Вёзендорфа, Юхинга, Вейсенкирхена и Ротенгофа, гдѣ пока лишь замѣчено присутствіе культурныхъ слоевъ.

Около городка Штейнъ Дунай покидаетъ Вахаускую долину и вступаетъ на равнину Тульнерфельдъ, которая въ среднемъ шириною въ 13 километровъ и тянется до Корнейбурга. Съ сѣвера эта равнина окружена цѣпью холмовъ, сложенныхъ изъ третичныхъ мергелей, окраина которыхъ называется Ваграмъ; эти холмы, съ своей стороны, окружены всюду толстымъ покровомъ лёсса, который мѣстами достигаетъ мощности 25 метровъ. Четвертичныя поселенія первобытнаго человѣка въ Ваграмѣ начинаются классическимъ мѣстонахожденіемъ Гундштейнъ у Кремса; оно тянется отъ воротъ этого городка къ востоку, чрезъ виноградники, и доходитъ до края скалы, образующей стѣну, которою Вахтбергъ спускается къ рѣкѣ Кренцъ. Раскопки этой мѣстности, о „трунахъ великановъ“ которой было извѣстно еще шведамъ (см. стр. 9), были произведены при выемкѣ лёсса, предпринятой съ цѣлью починки плотины, выстроенной по берегу Дуная, въ 1893, 1899—1901 и въ 1903—4 годахъ. Слой съ археологическими находками легко было узнать: на отвѣсной, высотой въ 12 метровъ свѣтло-желтой стѣнѣ лёсса онъ обрисовывался въ видѣ почти горизонтальной болѣе темной полосы, толщиной въ 10 сант., на которой почти черная полоса въ 2—3 сант. показывала прежнія мѣста очаговъ; достовѣрными слѣдами послѣднихъ являлась спрессованная зола, смѣшанная съ кусочками древеснаго угля и съ черными обгорѣлыми обломками костей. Въ виду того, что при выемкѣ торфа на югѣ натолкнулись на культурный слой, на глубинѣ 6 метровъ, и уровень надо было сравнить такимъ образомъ, чтобы поверхность земли оказалась на 44 метра выше уровня Дуная, оказалось, что культурный слой, вслѣдствіе прежняго естественнаго наклона мѣстности, поднимается все выше и выше надъ горизонтальной поверхностью, при чемъ все же остается на 6—8 метровъ ниже нынѣшней поверхности лёсса. Во время этихъ работъ натолкнулись не только на крупныя главныя очаги, но и на многіе мелкіе, которые служили скорѣе мѣстами работы, такъ какъ здѣсь, главнымъ образомъ, были найдены камни, служившіе для обиванія кремневыхъ орудій, куски превосходнаго кремня и особенно мелкія тонко обработанныя орудія, иногда цѣлыя коллекціи заостренныхъ орудій изъ превосходно окрашеннаго кремня безъ какихъ-либо слѣдовъ ихъ употребленія. Въ общей сложности, было собрано не менѣе 20.000 кремневыхъ орудій, и изъ нихъ около половины представляютъ собою объекты наилучшаго сорта. Несомнѣнно, столько же ихъ было высыпано и въ платину Дуная, такъ какъ техническія работы производились съ большою торопливостью; тѣмъ выше заслуги профессора Штробля, который съ рѣдкимъ умѣньемъ и самоотверженіемъ старался собрать и спасти все то, что только было возможно, и его усилія мы обязаны всѣмъ, что намъ извѣстно о Гундштейнѣ. Изъ многочисленныхъ валуновъ и камней, которые нерѣдко оказываются треснувшими отъ огня или измѣнившими свой цвѣтъ, многіе по своей формѣ и по тѣмъ слѣдамъ употребленія, которыя на нихъ находятся, свидѣтельствуютъ о томъ, что они служили для обиванія каменныхъ орудій. Матеріалъ, изъ котораго изготовлены орудія, соответствуетъ тѣмъ горнымъ породамъ и минераламъ, которые и посейчасъ находятся въ толщахъ наноса, накапливаемаго Дунаемъ. Очень часто примѣнялся богатый кремнемъ мергель, который иногда въ огнѣ совершенно превращался въ мѣлъ. Всѣ лучше обработанныя и ретушированныя орудія сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ сортовъ кремня: среди нихъ имѣются сѣрые, зеленые, красные и коричневыя, иногда болѣе тусклой, иногда болѣе яркой окраски; они имѣютъ то свѣтлые, то темные оттѣнки, иногда двуцвѣтны, полосаты, жилковаты

или пятисты. Сюда же примыкаютъ объекты изъ красной гладкой яшмы различныхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта; встрѣчаются агаты, кремневый сланецъ, полуопалъ, халцедонъ и совсѣмъ рѣдко бѣлый кварцъ. Съ археологической точки зрѣнія, эти орудія въ высшей степени поучительны,—среди нихъ мы находимъ большое число ножей съ ориньякскою ретушью, много ножей съ выемками, много скребковъ высокаго типа и нѣкоторыхъ другихъ типовъ, относительно мало рѣзцовъ и чрезвычайно много мелкихъ каменныхъ орудій, т.-е. тонкихъ заостренныхъ орудій и ножей съ простою или двойною ретушью, указывающею на употребленіе (рис. 188). Отсутствуетъ, однако, часто встрѣчающаяся въ Виллендорфѣ форма тонкаго остраго ножа съ притупленнымъ боковымъ краемъ и нетипичное заостренное орудіе съ выемкой. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ передъ собою типичную древне-ориньякскую эпоху въ самомъ классическомъ ея выраженіи. Изъ роговыхъ и костяныхъ издѣлій мы имѣемъ здѣсь лишь острия шила и круглый стержень изъ слоновой кости; вѣроятно, такія произведенія вообще не были особенно многочисленны, какъ это обнаруживается и въ другихъ мѣстонахожденіяхъ данной стадіи, гдѣ условія раскопокъ позволяли изслѣдовать весь имѣвшійся матеріалъ. Въ качествѣ украшеній служили просверленные раковины, въ качествѣ краски—красявикъ. Въ списокъ животныхъ, разумѣется, также до извѣстной степени неполномъ, значатся мамонтъ, сѣверный олень, дикая лошадь, волкъ и песецъ, въ качествѣ очень часто встрѣчающихся обитателей; рѣже попадаетъ мускусный быкъ, росомаха, заяцъ-бѣлякъ, горный козелъ, пещерный левъ, пантера (?), сибирскій носорогъ, благородный олень, серна, горный козелъ и дикіе быки. Сюда должно присоединить найденныхъ въ 1903 г. Мадсеномъ и опредѣленныхъ Винге—сурка и пещернаго медвѣдя.

Въ 10 километрахъ ниже Кремса, мы находимъ въ особенно большомъ количествѣ отложенія четвертичнаго лѣсса у нижняго теченія рѣки Кампфъ, гдѣ эта рѣка прорѣзаетъ цѣпь холмовъ Ваграма и вступаетъ въ Тульнерскую долину, послѣ чего она южнѣ Графенвѣрта впадаетъ въ Дунай. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть о Цейзелбергѣ, расположенномъ на правомъ берегу Кампфа и изслѣдованномъ археологически графомъ Вурмбрандомъ въ 1876—77 гг. Найденныя имъ каменные орудія, впрочемъ, состояли всего лишь изъ 30 экземпляровъ и, по моему мнѣнію, скорѣе всего относятся къ болѣе древней ориньякской эпохѣ. Затѣмъ идетъ Гобельсбургъ, въ которомъ каменные орудія были найдены въ 1906—07 гг. во время работъ по устройству погреба въ лѣссѣ, предпринятаго винодѣломъ Пашемъ. Мною было констатировано 3 культурныхъ слоя, которые по содержанію отличались не существенно. Изъ остатковъ животныхъ въ нихъ оказались кости волка, мамонта, сибирскаго носорога, дикой лошади, благороднаго оленя и, прежде всего, большое число костей сѣвернаго оленя; затѣмъ въ нихъ было найдено болѣе 350 орудій, приготовленныхъ изъ весьма труднаго для обработки роговаго камня. Особенно бросается въ глаза у этихъ орудій почти полное отсутствіе объектовъ съ ориньякскою ретушью: отсутствуютъ и орудія съ выемками, зато мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ удлиненныхъ узкихъ ножей частью съ болѣе новою „легкой ретушью“; вмѣсто настоящихъ скребковъ высокой формы, имѣются лишь различные скребки толстой формы. Если затѣмъ исключительное нахожденіе обыкновенныхъ рѣзцовъ указываетъ, въ общемъ, на болѣе новый возрастъ, то, съ другой стороны, это же подтверждается и весьма тщательнымъ выполненіемъ мелкихъ каменныхъ орудій. Тщательно заостренные мелкіе ножи, мелкія орудія съ тонко притупленнымъ продольнымъ краемъ или съ сильно притупленною спинкою, имѣющіеся въ видѣ цѣлаго ряда хорошихъ серій, характеризуютъ

вторую половину новѣйшаго палеолитическаго періода, такъ что, по моему убѣжденію, Гобельсбургъ такъ же, какъ и Агсбахъ, долженъ быть причисленъ къ древней магдаленской эпохѣ, а не къ ориньякской, какъ то думаетъ Байеръ относительно обѣихъ указанныхъ мѣстностей. Серія каменныхъ орудій Гобельсбурга дополняется круглыми стержнями изъ слоновой кости, приспособленіями для разглаживанія изъ оленьяго рога и двумя обломками кости, украшенными вырѣзанными линіями. За то, что климатъ былъ болѣе суровый, говорятъ, кромѣ остатковъ животныхъ, также остатки углей, которые принадлежатъ карликовымъ елямъ (стр. 66).

Въ двухъ километрахъ къ сѣверо-западу отъ Гобельсбурга располагается Лангенлойсъ; къ сожалѣнію, здѣсь благодаря присутствію кирпичнаго завода весь главный слой, содержащій археологическіе остатки, былъ уже срытъ, когда Шахерль и Гласнеръ обратили на него вниманіе. Все же тѣ немногіе объекты, которые удалось снасти, носятъ столь типичный отпечатокъ, что мѣстность эта съ полной увѣренностью можетъ быть отнесена къ ориньякской эпохѣ. Точно также и Грюбграбенъ, находящійся въ полутора килом. къ сѣверу отъ Каммерна, у Гейлигенштейна, не могъ быть до сихъ поръ изслѣдованъ согласно требованіямъ науки. Все, что стало извѣстно объ этомъ мѣстонахожденіи, благодаря изслѣдованіямъ Шахерля, Карнера, Шпёттля и Гласнера, указываетъ на то, что здѣсь имѣется большое количество находокъ, относящихся къ древнему ориньякскому періоду. Далѣе у Ваграма, слѣдуя въ сѣверо-восточномъ направленіи, располагаются два несомнѣнныхъ, но не изслѣдованныхъ еще ближе мѣстонахожденія—Гёзингъ и Штеттенгофъ, указанные Мухомъ. Слѣдуя еще далѣе къ востоку, мы встрѣчаемъ дальнѣйшія указанія на лёссовыя археологическія мѣстонахожденія въ Голлабруннѣ и Зоннбергѣ, но пока оттуда не имѣется заслуживающаго вниманія матеріала. Возстановленная плотина, замыкающая долину Дуная въ узкомъ мѣстѣ между Бизамбергомъ и Леопольдсбергомъ, недалеко отъ Корнебурга, ограничиваетъ Ваграмъ съ востока; въ долину, окружающую Вѣну, не было найдено пока археологическихъ находокъ, а лишь добыты нѣкоторые палеонтологическіе остатки четвертичнаго періода.

Остатки палеолитическаго періода и именно ориньякской эпохи встрѣчаются и южнѣе, простираясь далѣе вдоль Дуная, гдѣ также располагается лёсъ; въ долину Першлингъ въ лёсѣ было открыто поселеніе первобытныхъ охотниковъ за мамонтами близъ Лангманнердорфа; это открытіе было сдѣлано Штуммеромъ и при моемъ содѣйствіи было имъ обработано въ 1907 году. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть еще мѣстонахожденіе Штольгофена, открытое Байеромъ.

Если мы теперь снова перейдемъ къ областямъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Дуная, то на восточной границѣ Нижней Австріи мы встрѣчаемъ мѣстность Штильфридъ на берегу рѣки Мархъ,—она пока недоступна, но по небольшой коллекціи, собранной Мухомъ, предположительно содержитъ также ориньякскія отложенія.

Всѣ выше перечисленныя мѣстонахожденія располагаются въ лёсѣ; пока единственнымъ исключеніемъ является упоминавшаяся уже пещера Гуденуса въ долину Малаго Кремса (стр. 178). Какъ было выше упомянуто, мною и Брейлемъ было установлено тамъ слѣдующее расположеніе слоевъ:

- a) верхній слой съ остатками животныхъ современной эпохи;
- b) магдаленскій слой съ остатками сѣвернаго оленя и зайца-бѣляка, а также и остатками серны, благороднаго оленя и дикой лошади;
- c) черно-бурый слой съ остатками животныхъ;
- d) мустьерскій слой съ 12 ручными топорами (табл. X).

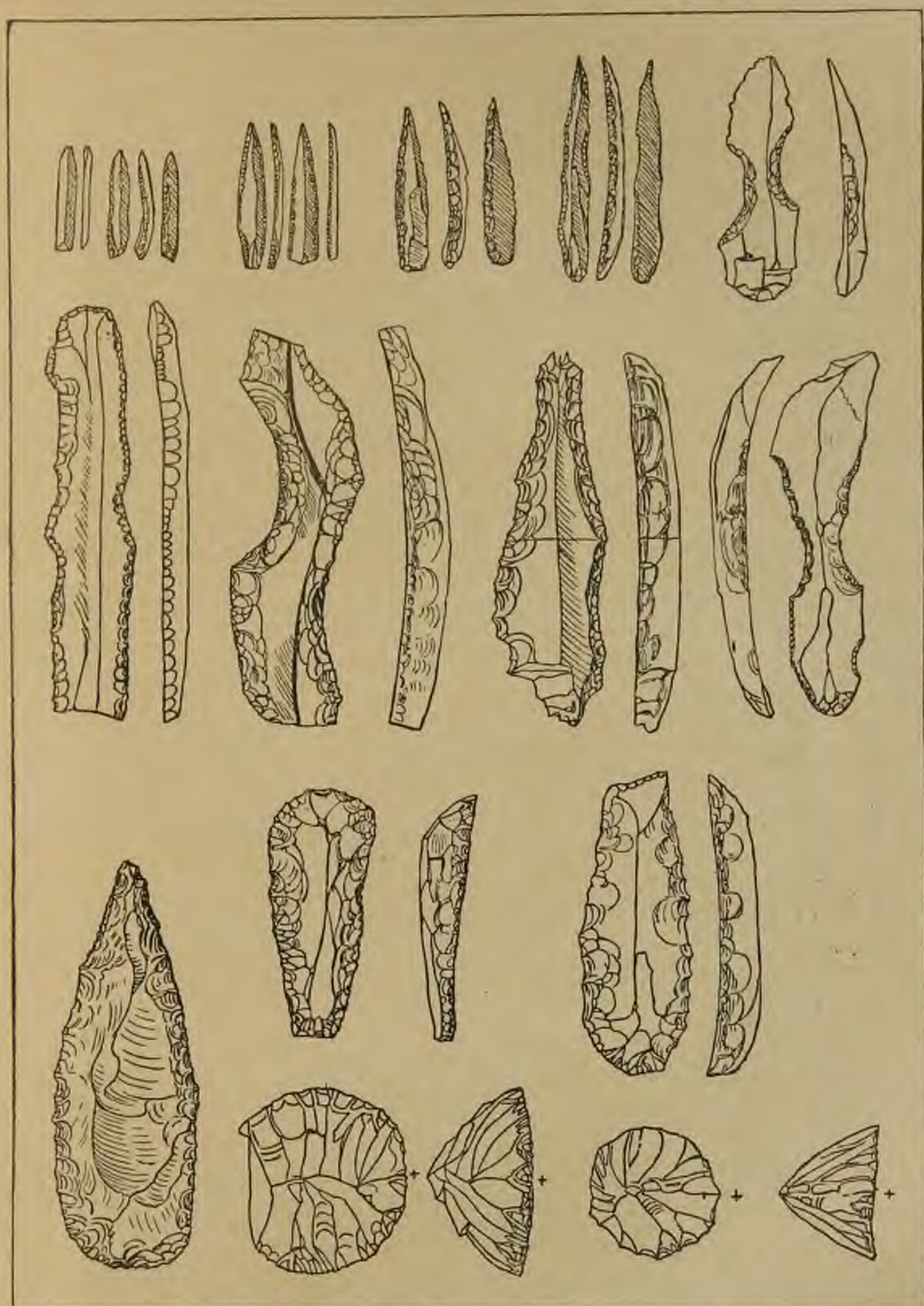

Рис. 188. Орудія древне-ориньякской эпохи изъ Гундсштейна у Кремса. ($\frac{1}{5}$ наст. вел.).
(По Штроблю и Обермайеру.)

Здѣсь насъ можетъ интересовать лишь слой b. Имѣющаяся въ немъ богатая серія находокъ магдаленской эпохи не только выдѣлялась своимъ сохраненіемъ, но и по типу рѣзко отграничивалась отъ находокъ мустьерскаго періода. Въ ней содержалось большое количество ножей, чрезвычайно плоскихъ, тонкихъ и съ продольными параллельными краями, а также были ножи съ притупленной спинкой и миниатюрныя сверла, наилучшимъ образомъ представляющіе магдаленскую эпоху; другіе ножи были совершенно простые, безъ какой-либо ретуши, третьи были превращены двумя сильными ударами или ретушью поперечнаго конца въ рѣзцы; къ тому же сюда присоединялись типичныя магдаленскіе ножи, соединенныя со скребками, сверла и толстыя скребки. Не менѣе типичнымъ является присутствіе роговыхъ и костяныхъ издѣлій, сопоставляемыхъ нами полностью на табл. XXII.

Въ этой серіи мы находимъ слѣдующія орудія:

Фиг. 1. Большая лучевая кость птицы длиною 149 миллим. съ вырѣзанными со всѣхъ сторонъ украшеніями. Посрединѣ имѣется кусокъ узора, воспроизводимый въ развернутомъ видѣ на рис. 189, — мы усматриваемъ въ немъ изображеніе головы сѣвернаго оленя. Кость эта скорѣе всего можетъ быть объяснена какъ украшенный рѣзьбою игольникъ; по крайней мѣрѣ, въ пещерѣ Плакаръ въ Шарантѣ былъ найденъ такой же точно игольникъ, къ сожалѣнію, разбитый. Онъ содержалъ внутри нѣсколько тонкихъ иглъ. Сходный „флаконъ изъ кости“, содержащій еще превращенную въ порошокъ охру, былъ найденъ также въ гротѣ ле-Коттэ въ департаментѣ Вьеннѣ.

Фиг. 2—6, 14. Тонкія иглы изъ рога или кости.

Фиг. 7. Костяныя шила.

Фиг. 9. Костяное долото съ сильно выраженными слѣдами употребленія на нижнемъ концѣ.

Фиг. 10, 16, 20. Наконечники копій съ двойнымъ скошеннымъ основаніемъ и глубокими продольными желобами по широкимъ сторонамъ (желоба для крови или для яда).

Фиг. 12, 15, 18, 19. Различныя сорта наконечниковъ, отчасти съ декоративной рѣзьбой.

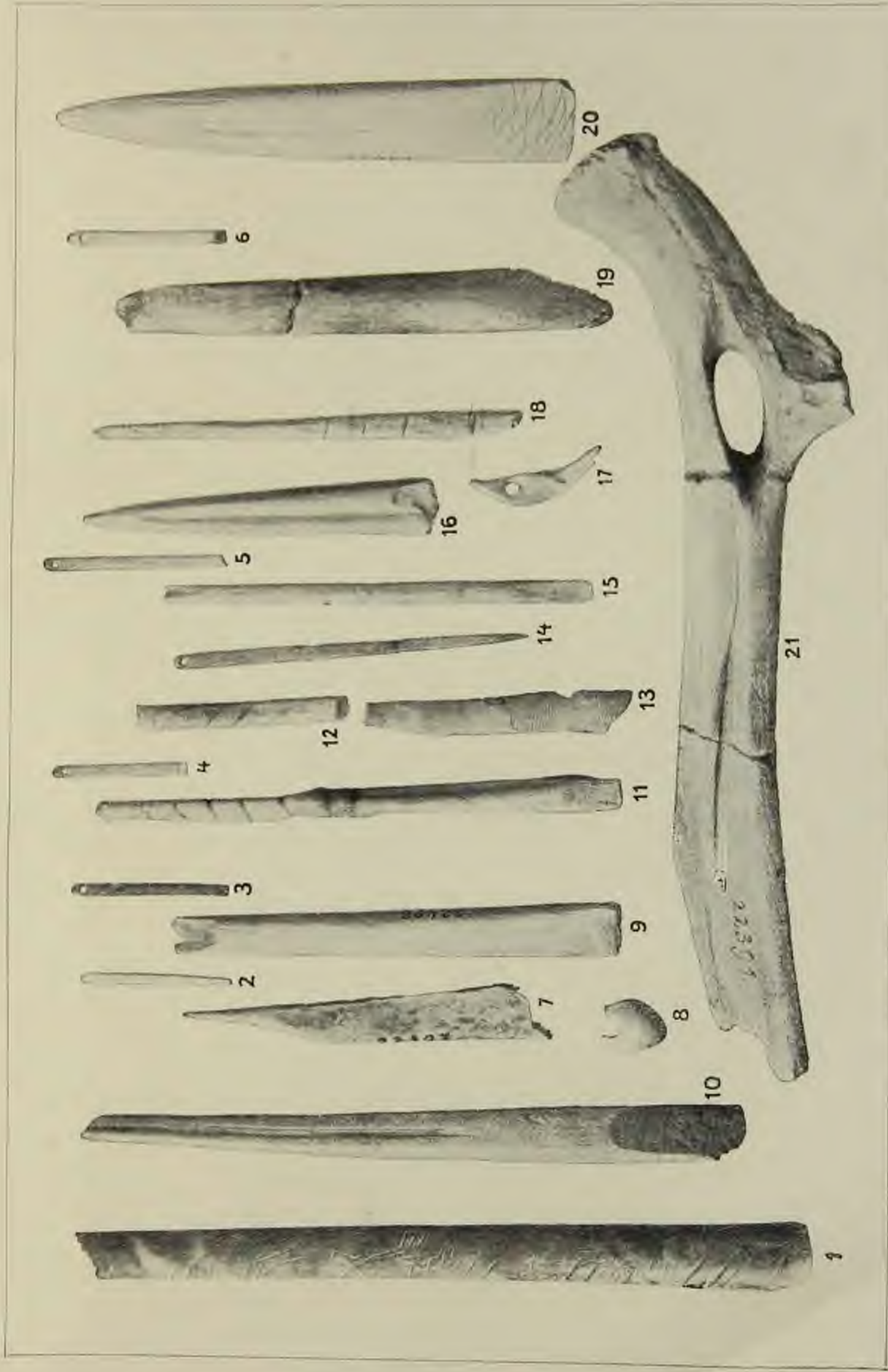
Фиг. 11, 13. Обломки кости съ декоративными узорами (фиг. 13) изъ птичьей кости, какъ это часто наблюдается среди остатковъ магдаленской эпохи.

Фиг. 8, 17. Просверленные зубы оленя и лисицы.

Фиг. 21. Стержень изъ рога сѣвернаго оленя, у котораго около отбитаго глазного отростка просверлено овальное отверстіе. Этотъ объектъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ группѣ „жезловъ начальниковъ“. Его длина 190 миллим.

Изъ остальныхъ украшеній имѣются просверленные зубы животныхъ, кровавикъ и янтарь, раковина зубовика (*Dentalium*), двѣ раковины *Ancillaria grandiformis* съ искусственнымъ разрѣзомъ и раковина *Cerithium*.

Долина Кремса, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже въ ориньякскую эпоху представляла собою путь переселенія, ведущій къ верхней Тая въ сѣверо-западную часть лѣсной области,—тамъ, благодаря изслѣдованіямъ Кисслинга, въ окрестностяхъ Дрозендорфа, было открыто 6 крупныхъ мѣстонахожденій ориньякскихъ археологическихъ остатковъ. Это были—Аутендорфъ, Тюрнау, Траберсдорфъ, Нонидорфъ I и II и Циссерсдорфъ. Всѣ эти мѣстонахожденія относительно бѣдны каменными орудіями, что объясняется, по всей вѣроятности, трудностью обрабатывать мѣстный сырой матеріалъ, состоящій въ большинствѣ случаевъ изъ кварцитаго рогового камня, который нерѣдко сильно вывѣтрился и разложился. Нельзя, однако, предполагать, что найденныя тамъ орудія пред-

Костяныя и роговыя орудія изъ магдаленскихъ отложеній пещеры Гуденуса.

ставляютъ собою естественныя обломки камня или произведенія неолитическаго періода,—противъ этого говорятъ условія находенія и многочисленныя хорошо сохранившіяся орудія, удѣлѣвшія несмотря на то, что, за отсутствіемъ въ этой мѣстности лёсса, археологическія находки хранятся здѣсь въ тонкомъ слоѣ глины, образовавшейся на мѣстѣ вслѣдствіе разложенія, и отчасти даже при вспахиваніи плугомъ попали непосредственно на поверхность земли. Фаунистическій матеріалъ изъ этой мѣстности не могъ сохраниться.

Съ Тая обитатели ориньякского времени попадали, направляясь на сѣверъ, въ область Молдавы, въ предѣлы Богеміи, гдѣ, однако, пока добыто еще сравнительно мало матеріала по новѣйшему палеолитическому періоду. Единственное богатое мѣстонахожденіе находится къ сѣверо-западу отъ Праги, у селенія Енералка. Здѣсь около кирпичнаго завода были обнаружены уже много лѣтъ тому назадъ въ лёссѣ четвертичныя культурныя слои, археологическія находки которыхъ были обработаны, главнымъ образомъ, археологомъ Кушта; въ 1895—99 гг. сохранившіяся еще слои были изучены Вольдржихомъ и послѣ того времени они были совершенно уничтожены. Геологическій разрѣзъ обнаруживалъ слѣдующіе отдѣлы: сверху слой перегной толщиною въ 0,2 метра; затѣмъ темный лишенный извести лёссъ (1 метръ) и далѣе типичный желтый лёссъ (0,9 метра). Въ послѣднемъ на разстояніи 30 сант. подъ его верхней поверхностью располагался культурный слой толщиною до 0,4 метра и длиною до 60 метровъ; подъ нимъ снова былъ лёссъ, переходившій постепенно въ темно-коричневую глину. Подъ послѣдней располагались мелкій рѣчной песокъ и, наконецъ, крупный щебень, лежавшій на филлитѣ. Самъ культурный слой представлялъ собою неправильное волнообразное отложеніе, содержащее большое количество золы и мѣстами плоскія чечевицеобразныя включенія черноватой глины. Списокъ животныхъ былъ сравнительно бѣденъ,—были найдены остатки мамонта, сибирскаго носорога, дикой лошади, сѣвернаго оленя, ископаемаго быка, медвѣдя и въ самыхъ верхнихъ частяхъ также благороднаго оленя. Каменные орудія, число которыхъ было около 400, были сдѣланы изъ кварца, кварцита, яшмы, рогового камня, амфиболоваго сланца, порфира и кремнистаго сланца. На нѣкоторыхъ костяхъ замѣтны надрѣзы, но настоящихъ костяныхъ орудій не было найдено. Значительный археологическій сборъ Кушта сдѣлалъ также въ лёссовыхъ отложеніяхъ Лубна близъ Раковица, тогда какъ слѣдующія находки обнаруживаютъ пока лишь слабыя слѣды дѣятельности человѣка. Это мѣстонахожденіе въ Либокѣ въ округѣ Смиховъ-Прага (нѣсколько каменныхъ, костяныхъ и слоновой кости издѣлій, заключенныхъ въ лёссѣ, а не въ глинѣ, какъ это нерѣдко указывалось), окрестности кирпичнаго завода Шарка около Имперскихъ воротъ въ Прагѣ, затѣмъ Фрейгёфенъ, недалеко отъ Кёнигрца, Ктельно у Врутице-Кропачово, Мельникъ и Протиць у Кёнигрца и, быть-можетъ, также Ауссигъ-Тюрмиць. Вообще достовѣрные слѣды четвертичныхъ пещеръ здѣсь отсутствуютъ; по крайней мѣрѣ, я могу утверждать это, въ противоположность мнѣнію Вольдржиха, который полагалъ, что нашелъ таковыя въ Цуцлавицѣ ниже Винтерберга (предполагаемая каменная и костяная орудія), въ Инчинѣ у Лохова, въ пещерѣ св. Ивана у Берауна и въ пещерѣ Прокошія у Инонича, недалеко отъ Праги (ложныя костяная орудія).

Рис. 189. Развернутое и увеличенное изображеніе животнаго на глыбѣ изъ пещеры Гуденуса.

Внизъ по рѣкѣ Тая путь ориньякского времени направлялся къ мѣсту стоящаго на той же рѣкѣ Йословица, къ югу отъ Цнайма въ Морави, — это археологическое мѣсто находеніе было раскопано въ 1871 г. графомъ Вурмбрандомъ.

Особенно выдающееся значеніе имѣеть могильникъ, найденный въ Брюниѣ. Здѣсь на улицѣ Франца-Йосифа былъ найденъ въ 1891 г. на глубинѣ 4,5 метровъ въ чистомъ незатронутомъ лёссѣ человѣческой скелетъ, тогда какъ еще до того въ его ближайшемъ сосѣдствѣ были добыты кости четвертичныхъ животныхъ и каменные орудія. Непосредственно надъ нимъ лежали бивень и лопатка мамонта, близко по сосѣдству — ребра сибирскаго носорога. Скелетъ этотъ, разломанный отчасти при добываніи, былъ богато украшенъ: около него лежало болѣе 600 открытыхъ на обоихъ концахъ раковинъ *Dentalium*, ископаемаго моллюска, служившаго нерѣдко въ качествѣ

Рис. 190. Веслообразная плоская дубина изъ Пржедмоста.
(По Крыжу.)

украшенія; главнымъ образомъ, изъ его раковинъ, какъ видно, состояло ожерелье; затѣмъ тутъ же находились два большихъ плоскихъ кружка изъ известняка съ круглымъ отверстіемъ въ центрѣ, три маленькихъ плоскихъ каменныхъ кружка, отчасти украшенные узоромъ по краю, три плоскихъ кружка изъ реберъ носорога или

мамонта, три такихъ же кружка изъ коренныхъ зубовъ мамонта и пять кружковъ изъ слоновой кости; наконецъ, здѣсь же была найдена выточенная изъ слоновой кости фигура голаго мужчины, которая первоначально была, вѣроятно, длиною въ 25 сант. Отъ этого плохо сохранившагося „идола“ уцѣлѣли лишь голова, большая часть туловища и лѣвая рука (табл. XXIII). Больше всего потерпѣлъ при раскопкахъ черепъ скелета, принадлежавшій, повидимому, мужчинѣ средняго возраста. Судя по сообщенію Маковскаго, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что все найденное въ глинѣ находилось въ слоѣ совершенно незатронутомъ и по археологическимъ предметамъ, найденнымъ у костяка, должно быть отнесено къ концу ориньякского періода. Остается разсмотрѣть еще одно обстоятельство, которое дало поводъ къ различнымъ предположеніямъ, — именно всѣ части черепа и другія кости скелета, равно какъ и всѣ относящіяся къ нему украшения имѣютъ ярко-красную окраску. Маковскій безъ колебанія призналъ, что эта окраска искусственная, и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, Вирховъ высказалъ мнѣніе, что такая красная окраска могла получиться лишь послѣ того, какъ кости человѣка были мацерированы. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь будто бы скелетъ, похороненный вторично уже послѣ обработки и окраски. Я самъ имѣлъ, однако, возможность познакомиться съ этою находкою, сохраняющеюся въ палеонтологическомъ музеѣ брюнскаго технологическаго института. Тамъ имѣются и пробы лёсса, взятые изъ непосредственнаго сосѣдства со скелетомъ. Исслѣдованіе, произведенное мною на мѣстѣ, показало, однако, что не можетъ быть и рѣчи о сплошной и преднамѣренной окраскѣ костей. Черепъ окрашенъ лишь частями и притомъ безъ всякой правильности въ различныхъ мѣстахъ; то же самое можно сказать и объ остальныхъ костяхъ человѣка, о большой пластинкѣ изъ известняка и о нѣкоторыхъ мелкихъ пластинкахъ и раковинахъ — эта интенсивная окраска была приобрѣтена и лежавшими

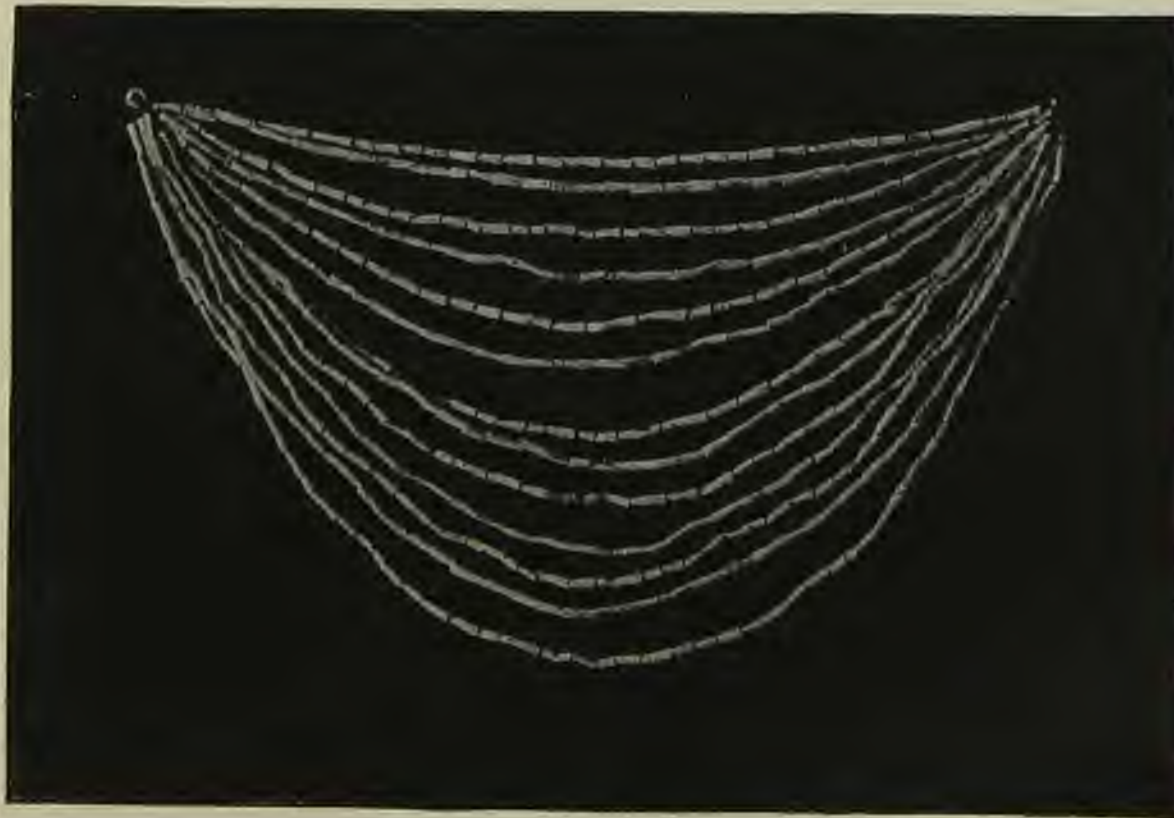
1.

4.

3.

2.

Предметы изъ могильника въ Брюннѣ.

1 — статуэтка изъ слоновой кости (1/2 наст. вел.). 2 — ожерелье изъ раковинъ *Dentalium*.
3 — украшеніе изъ слоновой кости. 4 — украшения изъ зуба мамонта.

(По фотографіи).

по близости костями животныхъ и зубами лошади, но здѣсь красная окраска лишь случайно покрываетъ отдѣльные мѣста различныхъ субъектовъ. Имѣющіяся пробы лёсса содержатъ также въ довольно большомъ числѣ зерна кровавика, вкрапленныя въ большомъ количествѣ. Это обстоятельство можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что въ свое время на положенный здѣсь, снабженный всѣми своими украшеніями трупъ были насыпаны куски кровавика, не встрѣчающагося въ качествѣ естественныхъ включеній лёсса. Тогда какъ они сохранились въ лёссѣ большею частью не затронутыми, въ непосредственной близости трупа, они при разложеніи послѣдняго растворились и осыпали на костяхъ и на окружающихъ предметахъ въ видѣ влажной массы краски. Этимъ объясняется и совершенно случайное распределеніе пятенъ краски на различныхъ частяхъ содержимаго могильника. Соответствіе, которое мы видимъ здѣсь съ другими могильниками, въ особенности съ могильниками Ментоны, Кро-Маньона и нѣкоторыхъ другихъ западно-европейскихъ мѣстонахожденій одинаковаго возраста, въ высокой степени замѣчательно.

Въ 65 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Брюнна и приблизительно въ трехъ километрахъ къ сѣверу отъ желѣзнодорожной станціи Прерау лежитъ Пржедмостъ—мѣстность, которая наравнѣ съ Виллендорфомъ является самою богатою по количеству лёссовыхъ археологическихъ находокъ въ центральной Европѣ. Среди широкой долины рѣки Бечвы, впадающей ниже Прерау въ Мораву, выдается у деревни Пржедмостъ девонская известняковая скала,

носящая названіе Градиско, — она выдѣляется изъ окружающей мѣстности совершенно изолированно и въ настоящее время почти исчезла, такъ какъ изъ нея берутъ строительный матеріалъ для сосѣднихъ селеній. У подножія ея — толстые слои гравія и наноснаго песка, надъ которыми располагается толща лёсса въ 20 метровъ; этотъ лёссъ одѣваетъ какъ покровомъ всю известняковую скалу. Здѣсь у Градиско, и именно у той стороны скалы, которая обращена къ деревнѣ, на глубинѣ 2—3 метровъ подъ нынѣшней поверхностью располагается культурный слой толщиной въ 50—80 сантим., раскопки котораго производились съ 1880 г. Ванкелемъ и другими, въ особенности Машка и Крыжемъ.

Палеолитическій слой не былъ нарушенъ; лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдались мѣстные смѣщенія, обусловленныя дѣйствіемъ воды, такъ что кое-гдѣ замѣчалось до трехъ культурныхъ слоевъ, располагавшихся другъ надъ другомъ, при чемъ оба верхнихъ слоя были постоянно болѣе тонки и располагались не на надлежащемъ мѣстѣ, тогда какъ нижній слой являлся первоначальнымъ и главнымъ. Отъ него въ настоящее время сохранились лишь небольшіе остатки. Находки, сдѣланныя въ Пржедмостѣ, попали, главнымъ образомъ, въ музей города Брюнна, часть ихъ попала также въ Ольмюць и въ Вѣну. Чрезвычайно интересную картину фауны этой мѣстности, являвшейся настоящимъ охотничьимъ раемъ въ четвертичный періодъ, даетъ списокъ животныхъ, остатки которыхъ были здѣсь найдены. Здѣсь имѣются остатки обыкновен-

Рис. 191. *a*—сидячій идолъ изъ Пржедмоста; *b*—такой же современный идолъ изъ Гренландіи.
По Целиско.

вотнаго. Скелеты хищниковъ туняцдевъ, похищающихъ мясо у человѣка, напримѣръ: волка и песца, встрѣчаются здѣсь, напротивъ, совершенно нетронутыми,—очевидно, ихъ убивали на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ ихъ кости, и пользовались, вѣроятно, самое большее ихъ шкурой, а не мясомъ. Очень богаты издѣлія изъ слоновой кости, изъ рога и изъ обыкновенной кости. Въ качествѣ характерныхъ особенностей Пржедмоста можно привести плоскую дубину (?) такого типа, какой нигдѣ болѣе не встрѣчается (рис. 190). Она, обыкновенно, изготовлялась изъ большой или малой берцовой кости мамонта и достигала длины 0,5 метра. По формѣ своей она напоминаетъ скорѣе всего лопасть весла. Нерѣдко встрѣчаются небольшія приспособленія для разглаживанія, сдѣланныя изъ слоновыхъ или мамонтовыхъ реберъ или иногда изъ рога лося или оленя, затѣмъ тонкія шила, употреблявшіяся, быть-можетъ, и въ качествѣ кинжаловъ, и наконечники изъ костей сѣвернаго оленя, волка, льва или медвѣдя, сочленовныя поверхности которыхъ были превращены въ естественныя рукоятки. Сюда присоединяются шила изъ оленьяго рога, куски оленьяго рога съ просверленными отверстіями, являющіеся прототипомъ „жезловъ начальника“, лопаточки изъ слоновой кости и цилиндры изъ этого матеріала, а также сдѣланныя изъ нея закругленные конусы съ прямо срѣзаннымъ основаніемъ. Относительно цѣлаго ряда издѣлій изъ кости и изъ слоновой кости нельзя опредѣлить, для какихъ цѣлей они предназначались,—такъ, въ коллекціи Машка имѣются объекты въ видѣ вилокъ, въ видѣ очковъ и въ видѣ крючковъ. Зубы убитыхъ животныхъ обыкновенно сохранялись. Чрезвычайно замѣчательны 7 грубо-пластическихъ округлыхъ фигуръ, находящихся въ коллекціи Машка, имѣющихъ въ среднемъ около 13 сант. въ длину и сдѣланныхъ изъ костей запястья мамонта,—они воспроизводятъ сидящія человѣческія фигуры. Вздутая часть вверху представляетъ собою голову, узкая бороздка намѣчаетъ шею, туловище кругловато, расширяется въ нижней части впередъ, гдѣ намѣчены ноги, подобно тому какъ въ верхней половинѣ намѣчены прижатая къ тѣлу и лежащая на бедрахъ руки. Основаніе гладко срѣзано, такъ что фигуры могутъ быть поставлены. Онѣ совершенно стерты и всюду обнаруживается губчатая внутренняя ткань обработанной кости; у четырехъ такихъ фигуръ имѣются сзади слѣды обжога,—что же касается до бывшаго ранѣе слоя краски, то отъ него ничего не осталось (рис. 191, *a*). Замѣчательна также двусторонняя плоская скульптура изъ слоновой кости, изображающая мамонта (изъ коллекціи Крыжа, найдено Машка). Кромѣ этихъ произведеній пластики, мы имѣемъ здѣсь и нарисованныя очертанія, изъ которыхъ одно можно истолковать какъ изображеніе головы сѣвернаго оленя. Поразительнымъ является богатство орнаментами,—они состоятъ изъ короткихъ мелкихъ линій, различно расположенныхъ, зигзагообразныхъ, волнистыхъ, концентрическихъ круговъ (рис. 192, *b*), заштрихованныхъ треугольниковъ и ромбовъ, и покрываютъ множество издѣлій изъ кости, въ особенности приспособленія для разглаживанія, сдѣланныя изъ плоскихъ реберъ мамонта. Наиболѣе совершеннымъ орнаментомъ является стилизованная фигура женщины (рис. 192, *a*), награвированная на кускѣ бивня мамонта. Въ ней орнаментъ получаетъ почти геометрическую правильность: голова женщины, быть-можетъ, покрытая татуировкой, передана обращеннымъ внизъ треугольникомъ, отвислая груди образуютъ вытянутые концентрическіе круги, руки намѣчены въ видѣ зачатковъ, какъ и у идола изъ Виллендорфа; хорошо передано суженіе въ области поясицы вмѣстѣ съ пупкомъ, очень преувеличенно нарисованъ широкій тазъ. И здѣсь мы находимъ не только стилизацію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть-можетъ, и передачу настоящей татуировки, которая служила для рисовальщика образцомъ. Ноги, очевидно, не представляли для него и въ этомъ случаѣ большого интереса и потому лишь намѣчены.

Для полировки орудій, сдѣланныхъ изъ кости, служили пластинки песчаника и шифера, поверхность которыхъ вслѣдствіе этого кажется выглаженной, но никоимъ образомъ, однако, не полированной въ томъ смыслѣ, какъ мы это находимъ въ неолитическій періодъ. Продолговатыя и овальныя гальки получали иногда по краямъ желобокъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на нихъ замѣчалось просверленное отверстіе; имѣлись также каменные пластинки, просверленные въ серединѣ, круглыя, состоящія изъ песчаника и имѣющія въ діаметрѣ 18 сант.,—онѣ въ точности соответствовали такимъ же пластинкамъ, найденнымъ вмѣстѣ со скелетомъ Брюнна.

Высокое научное значеніе находокъ въ Пржедмостѣ еще увеличивается тѣмъ, что тамъ были найдены и антропологическіе остатки. Ванкель нашелъ обломокъ нижней челюсти, принадлежавшей, по всѣмъ вѣроятіямъ, взрослой женщинѣ и находившейся въ типичномъ культурномъ слоѣ; точно также Крыжъ описываетъ цѣлый рядъ сдѣланныхъ имъ находокъ, именно черепъ 12-лѣтняго ребенка, 2 обломка нижней челюсти молодого субъекта и различныя отдѣльныя кости скелета человѣка, указывающія, что въ общей сложности здѣсь было погребено не менѣе 6 лицъ. Въ качествѣ обстоятельства, свидѣтельствующаго ясно о четвертичномъ возрастѣ этихъ находокъ, можно привести то, что съ черепомъ ребенка оказались сцементированными зубы и кости песка. Археологу Машка удалось открыть первую братскую могилу, содержащую 14 полныхъ скелетовъ и остатки еще 6 лицъ. Вообще сохранившимися оказались 10 череповъ, изъ которыхъ 6 принадлежали взрослымъ лицамъ и 4 подросткамъ; изъ первой группы три черепа были, повидимому, мужскіе, и три женскіе. Длина бедряной кости указываетъ на то, что это была рослая раса, вышиною около 1,85 метра. Несмотря на то, что въ Градиско также находились могильники доисторическаго и историческаго времени, эти находки, уже изъ условій стратиграфіи, не могутъ быть къ нимъ причислены, такъ какъ въ нихъ четвертичный культурный слой лежалъ обыкновенно глубже этихъ позднѣйшихъ могилъ и, съ другой стороны, прикрывалъ безъ всякихъ нарушеній данные болѣе древніе костяки. Различіе въ цвѣтѣ костей и отсутствіе рядомъ съ ними предметовъ, относящихся къ болѣе новымъ временамъ, имѣютъ въ данномъ случаѣ меньше значенія, но большое значеніе должно быть приписано самому положенію этой братской могилы. По Машка, скелеты были окружены со всѣхъ сторонъ защищающимъ ихъ рядомъ камней, подобно тому, какъ это дѣлается при погребеніи современными полярными народностями сѣвера. Несмотря на это, все же песцамъ и другимъ хищникамъ, кости которыхъ нерѣдко находятся вмѣстѣ съ костями человѣка, удалось растерзать трупы и растащить кости. Археологическихъ находокъ въ данномъ случаѣ не было, лишь у одного дѣтскаго скелета было найдено типично-четвертичное ожерелье, состоящее изъ 14 подвѣсковъ изъ слоновой кости (длиною 0,5—1 сант.) съ желобкомъ посрединѣ. Такимъ образомъ, здѣсь, очевидно, имѣется тщательно устроенная братская могила, происхожденіе которой относится ко времени, предшествовавшему настоящему четвертичному населенію пещеры, такъ какъ культурный слой располагается надъ нею совершенно не нарушенный.

Съ Пржедмостомъ связанъ научный споръ, который въ свое время надѣлалъ много шума, но теперь имѣетъ лишь историческій интересъ; именно въ 1888 г. Стенструпъ возбудилъ вопросъ, встрѣчались ли вообще одновременно первобытный человѣкъ и мамонтъ, и отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно. Именно, Стенструпъ вынесъ такое убѣжденіе, что хотя остатки мамонта, дѣйствительно, относятся къ ледниковому періоду, но первобытный человѣкъ воспользовался ими значительно позднѣе для своихъ техническихъ цѣлей, подобно тому какъ современныя народности сѣвера Сибири

пользуются ископаемыми бивнями мамонта и могутъ пользоваться и оттаивающими трупами этого животнаго. По его мнѣнію, здѣсь около тысячи мамонтовъ погибло подъ вліяніемъ климата и частью замерзло, частью покрылось лёссомъ. Лишь послѣ того, какъ растаялъ почвенный ледъ ледниковаго періода, обнаружилась остатки мамонтовъ, и волки и лисы воспользовались въ широкой степени ихъ трупами. Человѣкъ точно также воспользовался мамонтомъ, но въ другомъ направленіи,—онъ сталъ добывать бивни и кости его и, съ другой стороны, пользовался имъ какъ приманкою для охоты на хищниковъ. Этотъ взглядъ, высказанный еще ранѣе Шаффгаузенемъ при раскопкахъ въ Штеетенѣ на Ланѣ, былъ широко обобщенъ и примененъ ко всѣмъ находкамъ мамонта. Гипотеза эта является, однако, совершенно не выдерживающей критики. Нѣкоторыя другія обстоятельства заставляютъ насъ, кромѣ того, считать лёссъ Пржедмоста и все въ немъ найденное вообще не за остатки ледниковаго, а за остатки послѣледниковаго періода; кромѣ того, если бы мы даже считали эти лёссовыя отложенія и принадлежащими къ послѣднему ледниковому періоду, то это не помогло бы вышеуказанной теоріи, такъ какъ Пржедмостъ и остальные мѣстонахожденія Нижней Австріи и Моравіи и въ теченіе послѣдняго ледниковаго періода располагались далеко за предѣлами континентальнаго и почвеннаго льда,—присутствіе же послѣдняго составляетъ необходимую предпосылку гипотезы Стенструпа. Если бы, къ тому же, эти животныя погибли на этомъ самомъ мѣстѣ благодаря измѣненію климата, то должны были бы находиться цѣлые скелеты ихъ, чего на самомъ дѣлѣ не встрѣчается. Данная мѣстность была скорѣе всего настоящимъ становищемъ охотниковъ; остатки мамонта находятся тамъ уже на большой глубинѣ (до 8 метровъ) подъ культурнымъ слоемъ, но, кромѣ того, они находятся и надъ этимъ слоемъ и притомъ безъ всякой связи съ нимъ: мамонтъ здѣсь такъ же, какъ и въ Кремсѣ, пережилъ четвертичныхъ обитателей пещеры. Если бы хоть сколько-нибудь внимательно слѣдили за блестящими результатами изслѣдованій французскихъ ученыхъ, то самый вопросъ этотъ вообще не возбуждался бы въ 1888 году, такъ какъ во Франціи одновременность первобытнаго человѣка и мамонта была точно установлена и доказана уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

По частному сообщенію д-ра Крыжа, я могу добавить, что имъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Штейница въ Моравіи было также открыто мѣстонахожденіе остатковъ очаговъ, заключенныхъ въ лёссѣ, гдѣ на ряду съ углями и кремневыми орудіями находились и разбитыя кости ископаемаго быка, лошади, сѣвернаго оленя и зайца-бѣляка. Въ виду того, что это мѣстонахожденіе располагалось на виноградникѣ, его не удалось ближе изслѣдовать, какъ это неоднократно вообще случалось въ Нижней Австріи.

Въ виду этихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, не имѣетъ дальнѣйшаго значенія вопросъ, слѣдуетъ ли считать еще цѣлый рядъ мѣстностей въ Моравіи, гдѣ были получены разбитыя кости или слои съ остатками костровъ безъ кремневыхъ орудій, за несомнѣнное доказательство обитанія тамъ первобытнаго человѣка, или же нѣтъ. Такими мѣстностями являются Паусрамъ, примѣрно въ 25 километрахъ къ югу отъ Брюнна, Красная гора около самаго Брюнна, мельница Врана въ 8 километрахъ къ сѣверу отъ Брюнна. Въ послѣднемъ мѣстонахожденіи Маковскому бросились въ глаза наравнѣ со многими выдолбленными плечевыми костями носорога три такія же кости молодого мамонта,—ихъ суставныя поверхности были отбиты съ обѣихъ сторонъ, и губчатая масса съ передняго конца была выдолблена въ видѣ призмы. Вирховъ считалъ ихъ поддержками для свайныхъ столбовъ, при чемъ полагалъ, что выдолбленные полости произошли путемъ вколачиванія въ кость заостренныхъ въ видѣ пирамидъ столбовъ.

Исслѣдованія Шомбати и Фрааса выяснили, однако, этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь имѣются лишь естественныя полости костнаго мозга, имѣющія обыкновенно въ общихъ чертахъ четырехгранную форму.

Пржедмостъ, впрочемъ, не единственное солиотрейское мѣстонахожденіе въ Моравіи; съ нимъ можетъ быть сопоставлено также мѣстонахожденіе Целъчъ-Ондра-тицъ, въ округѣ Вишау, посрединѣ между Прерау и Брюнномъ,—откуда, между прочимъ, на ряду съ другими добытъ превосходную серію археологическихъ находокъ Машка. Эти находки располагаются тамъ не въ лёссѣ, а въ глинѣ, непосредственно подь слоємъ чернозема, и благодаря обработкѣ полей отчасти смѣшаны съ черноземомъ и извлечены на поверхность. Лѣссовыя отложенія съ костями мамонта встрѣчаются поблизости, но не стоятъ ни въ какой связи съ даннымъ слоємъ глины, фауна котораго совершенно исчезла. Каменные орудія, которыя только и имѣются въ этихъ отложеніяхъ, большею частью изготовлены изъ довольно твердаго кварцита и изъ кристаллическаго рогового камня,—эти матеріалы благоприятствовали выработкѣ заостренныхъ кинжаловъ и скребковъ мустьерской формы, а также простыхъ ножей, крупныхъ, высокихъ и нерѣдко овальныхъ, широкихъ скребковъ, которые иногда подвергались весьма тщательной ретуши. Гораздо тоньше выполнены кремневые орудія и орудія изъ яшмы и изъ близкихъ породъ, составляющія примѣрно двѣ пятыхъ всего количества. Всѣ они малы, но ножи среди нихъ немногочисленны, и короткія заостренныя орудія очень тщательно обработаны на верхнемъ концѣ. Гораздо чаще встрѣчаются скребки, которые въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ привязаны къ короткимъ ножамъ; они гораздо чаще полукруглы, иногда почти совершенно округлы и большею частью высоки и толсты, хотя и не совпадаютъ по формѣ съ типичными ориньякскими скребками высокаго типа. Рѣзцы встрѣчаются очень рѣдко. Все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ на начало солиотрейской эпохи, что подтверждается присутствіемъ пяти цѣльныхъ, пяти сломанныхъ и двухъ неготовыхъ наконечниковъ, имѣющихъ форму лавроваго листа. Вмѣстѣ съ этими издѣліями палеолитическаго періода встрѣчается непосредственно и довольно большое число неолитическихъ остатковъ, характеризующихся присутствіемъ каменныхъ сосудовъ, черепковъ глиняной посуды, а также присутствіемъ веретенъ и характерныхъ кремневыхъ орудій. Несмотря на это, раздѣлить палеолитическія произведенія отъ неолитическихъ не трудно. Тогда какъ кремневые издѣлія солиотрейской эпохи почти всѣ покрыты слоємъ толстаго бѣлаго налета, что особенно правильно наблюдается на наконечникахъ копій, издѣлія неолитическія состоятъ изъ лучшаго сорта привознаго кремня, сохранившаго свѣжую окраску матеріала, изъ котораго они сдѣланы, безъ какого бы то ни было налета.

Археологическія находки, сдѣланныя въ Моравіи подь открытымъ небомъ, вполне равноцѣнны таковымъ, добытымъ изъ пещеръ. Въ этомъ отношеніи особое значеніе имѣетъ плато, простирающееся къ сѣверу отъ Брюнна, къ которому съ запада примыкаетъ область девонскихъ отложений. Въ южной части этой области, къ сѣверо-востоку отъ Брюнна, въ живописной „Моравской Швейцаріи“ девонскіе известняки развиты въ видѣ огромныхъ самостоятельныхъ массивовъ, и здѣсь находятся снова всѣ тѣ условія, которыя благоприятны для широкаго развитія пещеръ. Въ полосѣ девонскихъ отложений Моравіи, которая имѣетъ въ длину около 40 километровъ, различаются 4 главныхъ комплекса пещеръ:

1) южная группа въ области рѣчки Гадекеръ, сгруппированная около селеній Охоцъ и Мокрау;

2) сѣверная группа Киритейской долины;

3) группа пещеръ Слупъ, располагающаяся также на сѣверѣ, въ области Пуника, и, наконецъ,

4) въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ брюнскихъ пещеръ—пещеры Литтау, приблизительно въ 12 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Ольмюца.

а) Область пещеръ долины Гадекеръ.

Въ 2 часахъ пути къ востоку отъ Брюнна, между деревнями Охоцъ и Мокрау, на южномъ склонѣ долины Гадекеръ выдается крутой скалистый обрывъ, носящій названіе Диравика. Въ немъ на ряду съ мелкими пещерами находится и очень обширная пещера длиною въ 60 метровъ, шириною въ 12—16 метровъ и вышиною въ 2—3 метра; эта пещера извѣстна больше всего подъ названіемъ Костеликъ, но называется также пещерой Мокрау, Диравика или Пекарна. Первые научныя раскопки въ этой пещерѣ были произведены въ 1880 г. и съ этого времени ихъ предпринимали неоднократно различные изслѣдователи. Крыжъ приводитъ слѣдующій списокъ животныхъ, остатки которыхъ были найдены тамъ: мамонтъ, сибирскій носорогъ, пещерный медвѣдь, гигантскій олень, мускусный быкъ, сѣверный олень, заяцъ-бѣлякъ, песецъ, леммингъ, пещерный левъ, пещерная гiena, хомякъ, дикая лошадь, первобытный быкъ, зубръ, лось, благородный олень, козуля, дикій кабанъ, лисица, волкъ, рысь, дикая кошка, хорекъ, куница, барсукъ, рѣчная выдра, бобръ, ежъ, кротъ, различныя землеройки и птицы. Остатки домашнихъ животныхъ, напримѣръ, домашняго быка, овцы, козы, домашней свиньи и собаки не переходятъ никоимъ образомъ въ четвертичный горизонтъ, но насколько все эти четвертичныя животныя были одновременны съ человѣкомъ, въ частности нельзя опредѣлить. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, кости сѣвернаго оленя и дикой лошади найдены здѣсь въ большомъ количествѣ обожженными, разбитыми и отчасти искусственно обработанными. Изъ четвертичныхъ издѣлій мы встрѣчаемъ здѣсь большое число кремневыхъ орудій, являющихся типичными доказательствами магдаленской эпохи. Имѣется также и обработанный горный хрусталь. Продолговатые естественные куски сланца украшены штриховыми бороздками; имѣются также просверленные раковины двустворчатыхъ моллюсковъ, раковины *Dentalium*, янтарь и охра. Однако, нѣкоторые камни, имѣющіе форму чашекъ или свѣтильниковъ, представляютъ собою природныя образованія, и мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы человѣкъ когда-либо пользовался ими въ качествѣ сосудовъ. Рога и кости сѣвернаго оленя во многихъ случаяхъ обработаны и превращены въ зазубренные съ двухъ сторонъ гарпуны, въ наконечники съ двойными или просто сѣзанными концами и съ желобкомъ для крови, въ иглы, лопаточки и шила. Нерѣдко они украшены орнаментами изъ черточекъ. Вѣнскій музей располагаетъ также найденнымъ здѣсь стержнемъ изъ слоновой кости; слѣдуетъ упомянуть и объ обломкѣ глинистаго сланца, у котораго съ обѣихъ сторонъ имѣются узоры, сходные съ растеніями, выполненные кровавикомъ, такъ что узоры эти рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ (рис. 193, а). Къ этому присоединяются въ коллекціи Крыжа два изображенія, сходныя съ рыбами, вырѣзанныя рельефно на обломкахъ нижней челюсти дикой лошади, и кусокъ кости, на которомъ изображено лицо человѣка въ головномъ уборѣ въ видѣ митры, какъ, по крайней мѣрѣ, истолковываютъ этотъ рисунокъ. Я лично относительно такого толкованія высказался бы съ нѣкоторою опаскою. Не стоитъ упоминать о нѣкоторыхъ ошибочныхъ указаніяхъ Ванкеля,—такъ, о томъ, что будто бы среди этихъ четвертичныхъ орудій были найдены желѣзный ножъ и глиняныя издѣлія: оче-

видно, эти предметы попали въ нижележащіе слои благодаря ходамъ, прокопаннымъ животными или благодаря какому-нибудь случайному и чисто-мѣстному нарушенію расположенія этихъ слоевъ человѣкомъ.

Въ той же самой долинь, лишь около 2 километровъ ближе къ Брюнну, нахо-

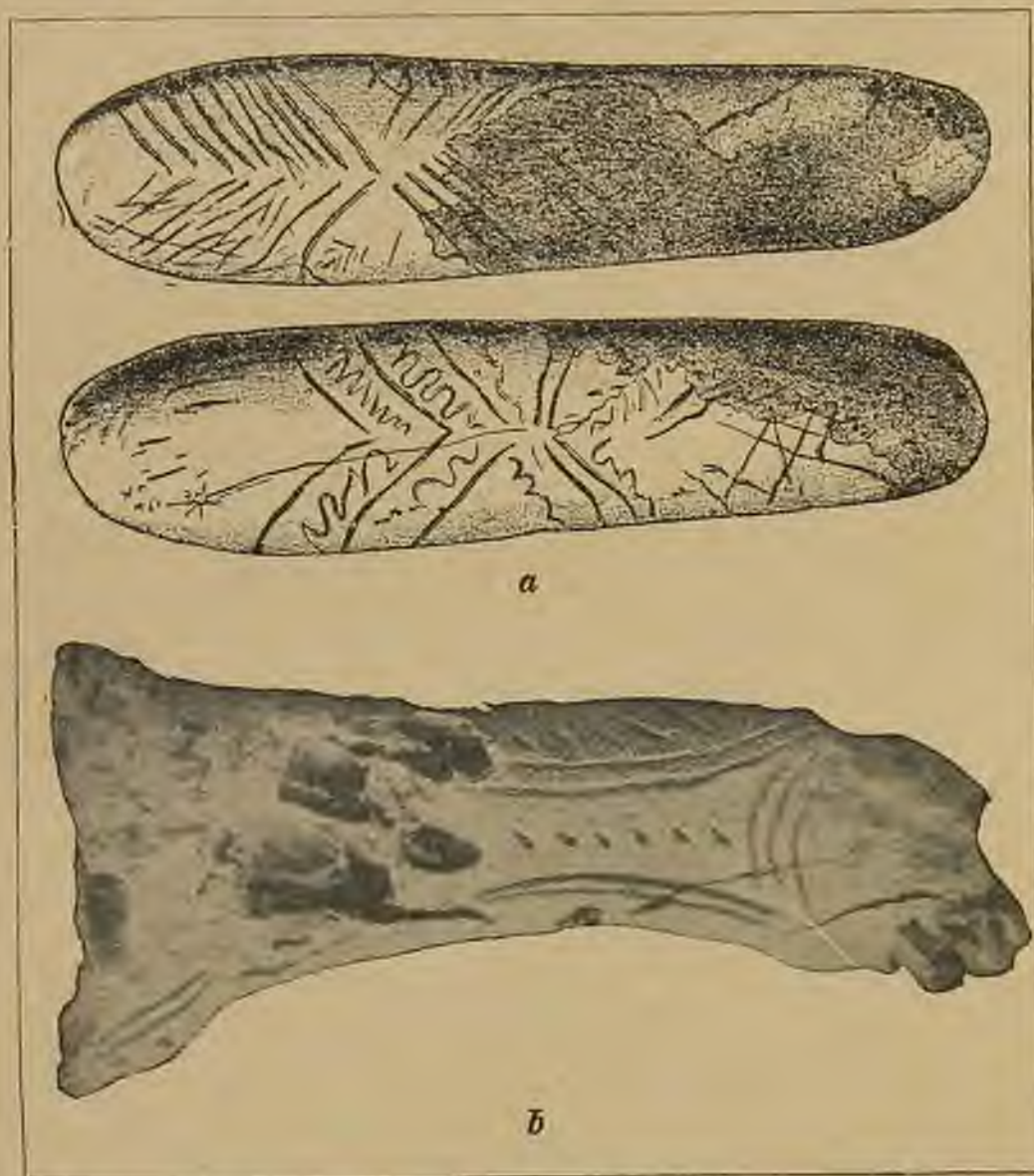

Рис. 193. *a*—украшенный узорами кусокъ глинистаго сланца.
b—рѣзьба, напоминающая рѣзьбу изъ пещеры Костеликъ.
По Машка и Крыжу.

двойными скошенными концами и съ бороздками. Еще многочисленнѣе различныя сдѣланныя изъ кости шила, находящіяся въ одной частной коллекціи.

б) Область пещеръ Киритейнъ.

Если идти по долинь рѣки Циттава отъ Брюнна къ сѣверу, то достигаемъ деревни Адамсталь, расположенной тамъ, гдѣ ручей Рзица впадаетъ въ Циттаву, и гдѣ оканчивается красивая долина этого ручья. Здѣсь, между Адамсталемъ и Киритейнъ (въ 10 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Брюнна), поднимается вертикальная стѣна скалы, вышиною въ 50 метровъ, у подножья которой находится входъ въ пещеру Бычискала. До этой скалы западная часть долины называется долиной Иосифа, тогда какъ болѣе широкая часть, тянувшаяся въ юго-восточномъ направленіи, называется Киритейнской долиной. Бычискала представляетъ собой пещеру очень узкую, возникшую изъ расщелины; лишь у входа ея имѣется болѣе значительное зало, длиною въ 45 метровъ и шириною въ 10 метровъ. М. Крыжъ произвелъ тщательныя изслѣдованія надъ

дѣислѣдованная Трамплеромъ пещера Крыжа. Въ ней было обнаружено два горизонта: верхній (0,5—1 м.) былъ довольно сильно разрытъ, нижній — четвертичный (1—1,5 м.), былъ не затронутъ; найденныя здѣсь въ числѣ около 100 штукъ кремневые орудія относятся къ магдаленской эпохѣ; здѣсь же были въ довольно большомъ количествѣ найдены рога сѣвернаго оленя и кости его, при чемъ рога во многихъ случаяхъ были расщеплены вдоль искусственно или снабжены глубокими врѣзанными бороздами. Последнія представляютъ собою какъ бы остатки тѣхъ узкихъ, врѣзанныхъ изъ рога стружекъ, изъ которыхъ выдѣлывались тонкія иглы и острія. Одна такая игла была дѣйствительно найдена, и вмѣстѣ съ нею были найдены и острые наконечники съ

расположеніемъ пластовъ въ пещерѣ. Оказалось, что сверху находятся наносные слои, происшедшіе путемъ вывѣтриванія, затѣмъ идутъ травертинскій слой и слой, состоящій изъ пещерной глины, въ верхнихъ отдѣлахъ котораго имѣлись четвертичные остатки дѣятельности человѣка. Далѣе находился слой песка и каменнаго щебня. М. Крыжъ обращаетъ особое вниманіе на то, что въ четвертичныя времена здѣсь образовались огромныя скопленія воды, чрезвычайно затруднявшія жизнь въ подземныхъ пространствахъ. Вслѣдствіе этого въ пещерѣ не жило ни пещерныхъ медвѣдей, ни какихъ-либо другихъ представителей четвертичной пещерной фауны, — все найденное здѣсь остатки животныхъ были занесены сюда человѣкомъ, который держался въ пещерѣ нѣкоторое время. Изъ этихъ животныхъ Крыжъ называетъ дикую лошадь, первобытнаго быка, сѣвернаго оленя, зайца-бѣлика, альпійскую куропатку, сѣверную куропатку, а, кромѣ того, въ вѣнскомъ музеѣ имѣются отсюда остатки зубра, козули, волка, росомахи, дикой кошки и мамонта съ явственными слѣдами надрѣзовъ, сдѣланныхъ человѣкомъ. Пренія сообщенія указываютъ также на присутствіе мускуснаго быка и сибирскаго носорога, но мнѣ не удалось найти достовѣрныхъ доказательствъ существованія здѣсь этихъ животныхъ. Весьма многочисленными являются каменные орудія изъ разноцвѣтнаго кремня, рогового камня, кварца и кварцита, — это превосходные узкіе ножи безо всякой ретуши, простые ножи въ видѣ скребковъ, полукруглые ножи либо съ притупленнымъ краемъ, либо съ зазубренными лезвіями, небольшія острия сверла, широкіе скребки и т. п. Лишь только на одномъ заостренномъ ножѣ изъ яшмы имѣется ретушь ориньякскаго типа, но этотъ ножъ очень сильно поношенъ и, повидимому, болѣе древняго происхожденія; быть-можетъ, онъ былъ найденъ первобытнымъ человѣкомъ въ магдаленскій періодъ, къ которому относится данная серія орудій, и тогда былъ вторично пущенъ въ употребленіе. На продолговатыхъ обкатанныхъ валунахъ, находимыхъ здѣсь, имѣются выцарапанные узоры изъ линий; былъ найденъ также кровавикъ, бурый уголь и кусокъ окаменѣвшаго дерева. На ряду съ остатками костей и роговъ, на разныхъ стадіяхъ обработки, имѣются и готовые тонкія иглы, многочисленные долота и нѣсколько наконечниковъ.

На южномъ склонѣ Киритейнской долины, посрединѣ между пещерой Бычшкала и мѣстечкомъ Киритейнъ, располагается пещера Житны, длиною лишь въ 7,5 метра, шириною въ 4 метра и вышиною въ 2 метра. Здѣсь подъ слоемъ вывѣтрившейся породы недавняго происхожденія находится слой перегноя, лишенный остатковъ, мощностью въ 20 сант., а подъ нимъ четвертичный слой, толщиной въ 40 сант., содержащій кости дикой лошади, сѣвернаго оленя, дикаго быка и лисицы; этотъ слой, въ свою очередь, лежалъ на коричневой глинѣ, подъ которой былъ естественный скалистый грунтъ. Отсюда Шомбаты добылъ около 100 различныхъ издѣлій изъ кремня, яшмы и рогового камня, представляющихъ собою типичныя магдаленскія произведенія. Далѣе къ нимъ присоединялось болѣе сотни орудій, приготовленныхъ изъ горнаго хрусталя, лопаточка изъ оленьяго рога и большое число тонкихъ иглъ. Наконецъ, здѣсь были найдены также обломки янтара и кровавика, но слѣдовъ очага въ этомъ небольшомъ пространствѣ, служившемъ, вѣроятно, лишь мастерскою, совершенно не было (рис. 194).

На южномъ склонѣ, напротивъ пещеры Бычшкала, располагается состоящая изъ трехъ этажей пещера Гакимка, называющаяся также пещерой Евы. Незначительныя сообщенія Ванкеля объ этой пещерѣ трудно теперь провѣрить, такъ какъ найденные имъ объекты затеряны. Въ той же самой долинѣ, между Бычшкала и Житны, располагается еще одна пещера Выпустекъ. Вмѣстѣ съ богатымъ неолитическимъ матеріаломъ изъ этой пещеры, имѣющимся въ вѣнскомъ музеѣ, Крыжъ указываетъ

два костяныхъ орудія и нѣсколько каменныхъ ножей, находившихся вмѣстѣ со слѣдами углей въ четвертичномъ слоѣ. Они были найдены въ тѣхъ мѣстахъ, ходы къ которымъ были засыпаны уже около конца четвертичнаго періода. Въ виду того, что они могли попасть туда лишь въ четвертичный періодъ, возрастъ ихъ можетъ быть съ точностью опредѣленъ.

в) Область пещеръ Слупь.

Въ часѣ пути выше впаденія рѣчки Киритейнъ въ Адамову долину, недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Бланско, рѣка Пунква, текущая съ востока, впадаетъ въ Циттаву. Чѣмъ выше поднимаешься по долинѣ Пунква, тѣмъ романтичнѣе становится мѣстность; въ разстояніи часа пути доходишь до небольшого пруда, расположеннаго у подножья известняковой скалы и, повидимому, продолжающагося подъ скалою,—это такъ называемый „истокъ Пунквы“. Къ сѣверу и къ востоку отъ этого истока, между мѣстностями Островъ, Гольнштейнъ и Слупь, разстилается довольно ровное известняковое плато, ограниченное тремя глубоко-изрѣзанными долинами, получившими свои наименованія отъ указанныхъ мѣстностей. Въ настоящее время воды Пунква текутъ не по поверхности земли, а проложили себѣ подземные пути по пещерамъ и трещинамъ, которыя оканчиваются вышеупомянутымъ истокомъ. На поверхности земли онѣ продолжаютъ далѣе за этой мѣстностью лишь у деревни Слупь, гдѣ соединяются два горныхъ ручья Ждарна и Луха. Если изъ этой дикой и романтической долины Пунквы направиться въ котловину Слупа, то тамъ можно замѣтить по правой восточной сторонѣ огромный входъ въ пещеру, вышиною въ 5 метровъ и шириною въ 30 метровъ—это пещера Кульна, длиною въ 85 метровъ. Она сперва тянется къ сѣверо-востоку, затѣмъ загибается къ сѣверу и открывается снова выходомъ вышиною въ 3 метра и шириною въ 13 метровъ,—такимъ образомъ, она является открытымъ на обоихъ концахъ подземнымъ ходомъ. Эта пещера была изслѣдована Ванкелемъ, Крыжемъ, Машка и Книсомъ,—оказалось, что дно ея было покрыто на 12 метровъ въ глубину известняковымъ наносомъ и желтою глиною, гдѣ наблюдались остатки крупныхъ травоядныхъ и хищниковъ, но настоящія сѣверныя животныя отсутствовали. Глубже располагался слой вывѣтрившейся породы толщиною въ 3,8 метра,—въ немъ были остатки мамонта, сибирскаго носорога, пещернаго медвѣдя, пещернаго льва и пещерной гиены; но попадались также и кости песца, лемминговъ, зайца-бѣляка, бѣлой куропатки и сѣвернаго оленя. Въ нижнемъ отдѣлѣ этого второго слоя имѣлись типичные представители ледниковаго періода, тогда какъ въ верхнемъ они были смѣшаны съ остатками земляного зайца, карликоваго хомяка, рыжаго суслика, обыкновеннаго суслика и хомяка. Кости мамонта, носорога и пещернаго медвѣдя также встрѣчались здѣсь, но только въ меньшемъ количествѣ. Самый верхній слой былъ образованъ черною, богатою перегноемъ землею, содержащею лишь остатки домашнихъ животныхъ. Въ верхнемъ пластѣ четвертичнаго слоя, бывшемъ толщиною въ 2 метра, были найдены и остатки очаговъ четвертичнаго человѣка — они состояли изъ впадинъ, заполненныхъ золою и углями. Изъ каменныхъ орудій здѣсь было найдено много сотенъ издѣлій изъ кремня, яшмы, рогового камня и т. п.: нѣкоторые состояли изъ горнаго хрустала. Сѣрые валуны были такъ же, какъ въ пещерѣ Бычискала, украшены симметрическими штрихами; имѣлись и благоухающія смолы, охра и раковины *Dentalium*. Очень многочисленны здѣсь издѣлія магдаленскаго періода изъ рога сѣверныхъ оленей и изъ ихъ

костей, — это тонкія иглы, скошенные наконечники копій, лопаточки, долота, кости, украшенныя штрихами, очень простой формы жезлъ начальника. Изъ слоновой кости здѣсь имѣются иглы, наконечникъ копья и цилиндрическій стержень. На одномъ изъ

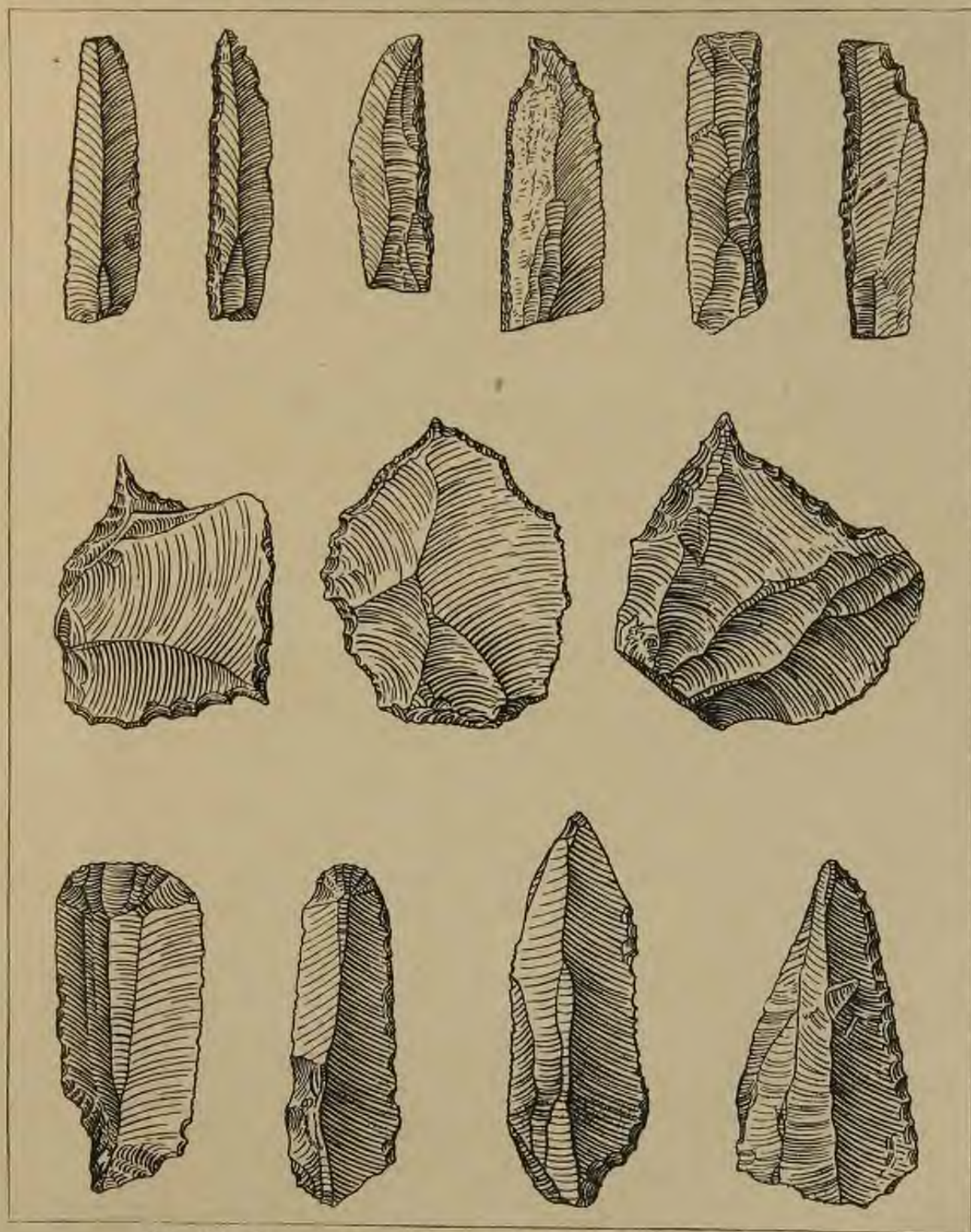

Рис. 194. Орудія магдаленской эпохи изъ пещеры Житны.

Естеств. величины, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ, нѣсколько уменьшенныхъ. Вѣискій ест.-ист. музей.

обломковъ кости, покрытомъ бороздами и царапинами, Крыжъ различаетъ рисунокъ ногъ лошади съ хвостомъ (рис. 195).

Рядомъ съ пещерой Кульна, но не находясь съ нею въ непосредственной связи,

располагается пещера Шошувка. Здѣсь Машка нашелъ въ 40 метрахъ отъ входа четвертичный культурный слой, содержащій кости сѣвернаго оленя, песца и полярнаго зайца, равно какъ ножъ изъ вулканическаго стекла и долото, сдѣланное изъ кости. Книсъ располагаетъ изъ той же самой пещеры большимъ числомъ каменныхъ орудій и долотъ, кускомъ покрытаго рѣзбою оленьяго рога и ребромъ какого-то толстокожаго, покрытымъ двумя рядами простыхъ штриховъ. Ему при раскопкахъ удалось значительно увеличить списокъ животныхъ, найденныхъ въ пещерѣ, — именно, найти кости рыси, пещерной гиены, волка, пещернаго медвѣдя, ископаемаго быка, лося, дикой лошади, носорога и мамонта. Точно такъ же и Машка подчеркиваетъ особенно богатство данныхъ отложеній костями пещернаго медвѣдя и дикой лошади, но не приводитъ ихъ въ соотвѣтствіе съ археологическими находками. Что касается данныхъ Р. Вирхова, который пишетъ о толстыхъ слояхъ остатковъ угля, о найденіи наконечника съ бороздой для крови и т. п., то я не могъ ихъ провѣрить, и мнѣ кажется, что въ дан-

Рис. 195. Образецъ узора на ребрѣ сѣвернаго оленя. Изъ пещеры Кульна.
По Крыжу.

номъ случаѣ произошло смѣшеніе, и рѣчь идетъ о другой пещерѣ. Если, съ другой стороны, Крыжъ утверждаетъ, что въ такой узкой пещерѣ невозможно было поддерживать лагерный огонь и держаться около него, и что потому имѣющійся тамъ слой угля былъ занесенъ водою, и, слѣдовательно, это его вторичное положеніе, то относительно этого можно лишь замѣтить, что все это несколько не мѣняетъ дѣла, и что находки эти относятся безусловно къ четвертичному періоду.

Восточною границею указаннаго известняковаго плато является долина Гольштейн-Островъ. На юго-западъ отъ самой деревни Островъ, тамъ гдѣ долина направляется къ западу, лежитъ пещера Балкарова-скала, происшедшая изъ трещины и имѣющая входъ вышиною и шириною въ 5 метровъ и длину въ 38 метровъ. Эта пещера, изслѣдованная Книсомъ, содержала въ четвертичномъ слое толщиною въ 1,5 метра кости рыси, дикой кошки, пещернаго льва, пантеры, пещерной гиены, волка, обыкновенной лисицы, песца, рѣчной выдры, барсука, росомахи, пещернаго медвѣдя, бѣлки, степнаго байбака, суслика, бобра, лемминга, зайца-бѣлика, землянаго зайца, дикой лошади, сибирскаго носорога, ископаемаго быка, зубра, мускуснаго быка, серны, горнаго козла, антилопы-сайги, благороднаго, гигантскаго и сѣвернаго оленей, лося, лани, козули, дикаго кабана и мамонта. Изъ остатковъ дѣятельности человѣка тотъ же заслуженный изслѣдователь отличаетъ присутствіе четырехъ остатковъ очаговъ и около 300 издѣлій изъ кремня магдаленскаго типа и около 25 роговыхъ и костяныхъ орудій, изъ коихъ нѣкоторыя съ простыми украшеніями.

Небольшое количество издѣлій человѣка было добыто до сихъ поръ также еще изъ двухъ сосѣднихъ пещеръ—изъ пещеры Михайлова-скала, лежащей въ двухъ километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Балкарова-скала, и изъ небольшой пещеры Скепъ, къ востоку отъ городка Босковицъ, у деревни Братиковъ. Сомнительнаго характера данныя относительно пещеры „Надъ-Выходомъ“, лежащей выше истока Пунква, и относительно пещеры Пустевна около Кульна.

г) Область пещеръ Литтау.

Въ 4, 5 километрахъ отъ городка Литтау, въ сѣверо-западной Моравіи, непосредственно у деревни Лаучъ располагается въ развитыхъ тамъ девонскихъ известнякахъ сильно развѣтвленная система пещеръ, состоящая изъ множества низкихъ и обвалившихся залъ, ходовъ и трещинъ. Самой большою изъ переднихъ камеръ пещеры является такъ называемая пещера Лаучъ, носящая также названіе пещеры князи Іоанна или пещеры Бочкова. Тамъ были предприняты безсистемныя раскопки еще въ 1826 г.; затѣмъ въ 1881 г. эти раскопки были продолжены Гофштеттеромъ и Шомбати. Найденные при этомъ остатки животныхъ относятся къ пещерному медвѣдю, пещерному льву, волку, сѣверному оленю, ископаемому быку, дикой лошади, лисѣ и мамонту. Очень незначительны археологическія находки, — имѣются лишь кремневыя орудія, заостренный на обоихъ концахъ кинжалъ изъ мамонтова ребра, длиною въ 30 сант., и около 20 просверленныхъ зубовъ сѣвернаго оленя, медвѣдя, волка, быка и бобра. Повидимому, ни въ какой связи съ этими культурными остатками не стояли открытыя тамъ части скелета человѣка, принадлежація, по меньшей мѣрѣ, пятерымъ лицамъ. Шомбати считалъ ихъ четвертичными, такъ какъ они отчасти были цементированы съ костями четвертичныхъ животныхъ и обнаруживали такую же степень сохраненія, какъ эти послѣднія. Если, однако, принять во вниманіе, что кости человѣка, которыхъ множество было найдено еще въ 1826 г., располагались въ среднемъ на глубинѣ 30 сант. отъ поверхности, и что онѣ были совершенно въ безпорядкѣ разбросаны, то придется согласиться съ Машка, что здѣсь имѣются всѣ доказательства многократнаго искусственнаго нарушенія слоевъ. Одинаковая степень сохраненія костей человѣка и костей четвертичныхъ животныхъ не даетъ права заключать объ ихъ одинаковомъ возрастѣ, такъ какъ выщелачиваніе и однородная окраска костей обуславливается не столько возрастомъ, сколько свойствами окружающей почвы, и цементрованіе отдѣльныхъ частей въ пещерахъ съ большимъ количествомъ влаги можетъ произойти во всякое время. Напротивъ того, издѣлія пещеры Лаучъ относятся, несомнѣнно, къ четвертичному періоду и притомъ къ магдаленскому времени.

д) Пещерная область Штрамбергъ.

Нѣсколько въ сторону отъ только-что разсмотрѣнныхъ областей въ сѣверо-восточной Моравіи располагается въ качествѣ „Карпатской группы пещеръ“ область Штрамбергъ. Здѣсь прежде всего имѣютъ значеніе пещеры Шипка и Чертова дыра, о которыхъ мы уже упоминали ранѣе (стр. 180), такъ какъ въ своихъ нижнихъ слояхъ они заключали примитивныя издѣлія изъ кварцита мустьерской эпохи; въ магдаленскую эпоху четвертичный человѣкъ уже вернулся въ пещеры, хотя и не жилъ тамъ долгое время, такъ что для обѣихъ пещеръ выясняется слѣдующій параллелизмъ:

Пещера Шипка.			Пещера Чертова Дыра.
Передняя часть.	Средняя часть.	Задняя часть.	
Современный обломочный матер.	Обваль потолка.	—	Современный обломочный матер.
Желта-бурая глина; магдаленская эпоха.	То же.	То же.	Магдаленская эпоха.
Сѣрые слои; мустьерская эпоха.	То же.	То же.	Обломочный матеріаль съ остатками мелкихъ животныхъ.
Зеленоватые слои; мустьерская эпоха.	То же.	То же.	Мустьерская эпоха.
Песокъ.	То же.	Песокъ и облом. матер.	Обломочный матеріаль.

Въ первой пещерѣ въ горизонтѣ магдаленской эпохи на ряду съ остатками волка, лисицы, бобра, медвѣдя, сѣвернаго оленя, дикой лошади, сибирскаго носорога и мамонта, находились остатки костровъ съ десяткомъ далеко не типичныхъ каменныхъ орудій. Болѣе многочисленна была фауна мелкихъ животныхъ того же горизонта въ средней части пещеры — здѣсь были кости лемминговъ и полевокъ, кромѣ того, кости тушканчиковъ, рыжаго суслика, зайца, лисицы, дикой лошади и бѣлой куропатки; дѣйствительно типично выраженный культурный слой находился лишь въ заднемъ отдѣлѣ пещеры. Подъ его угольной пылью располагались многочисленные остатки медвѣжатъ, сѣвернаго оленя, зубра, лося, песца, рыси, лемминговъ и другихъ животныхъ. Количество кремневыхъ орудій было около 30; здѣсь были ножи и наконечники, тщательно обработанные и сходные съ болѣе новыми типами. Имѣются также орудія изъ горнаго хрусталя, но зато нѣтъ ни одной обработанной человѣкомъ кости или куска рога. Магдаленскія отложенія пещеры Чертова дыра, находящаяся въ пещерной желто-бурой глинѣ толщиной въ 30—50 сант., сопровождаются многочисленными остатками очаговъ. Здѣсь изъ животныхъ на первомъ планѣ стояли бурый медвѣдь, песецъ, сѣверный олень, дикая лошадь, носорогъ, леммингъ и заяцъ-бѣлякъ, къ которымъ присоединялись въ заднемъ отдѣлѣ пещеры дикій быкъ и серна. О дѣятельности магдаленскаго человѣка свидѣтельствовало около 20 кремневыхъ орудій и, кромѣ того, 7 прекрасно обработанныхъ орудій изъ кости и изъ оленьяго рога, между которыми былъ одинъ очень тонко сдѣланный наконечникъ; 2 найденные здѣсь очага содержали много разбитыхъ костей сѣвернаго оленя.

Въ Венгріи новѣйшій палеолитическій періодъ пока представленъ лишь слабо, хотя различныя орудія изъ обсидіана, найденныя въ Моравіи, доказываютъ, что поддерживались сношенія между этой страной и областями, лежащими отъ нея къ востоку. Солотрейская эпоха пока представлена единственной находкой въ Мискольчѣ, гдѣ найдены и чрезвычайно интересные ручные топоры (стр. 177). Здѣсь на террасѣ Авасъ, на кладбищѣ, былъ найденъ наконечникъ, имѣющій форму лавроваго листа, длиною въ 74 миллим., шир. въ 29 миллим. и толщиной въ 9 миллим.; по обѣимъ сторонамъ онъ обработанъ такъ, что представляетъ крупныя раковистыя плоскія мѣста излома; по направленію къ концу наблюдалась тонкая ретушь, придающая ему типичную форму солотрейскаго орудія въ видѣ листа; лишь нижній конецъ былъ неправильно притупленъ (рис. 196, а). Этотъ наконечникъ лежалъ, несомнѣнно, въ четвертичномъ слоѣ, какъ это явствуетъ изъ изслѣдованій Паппа, и къ тому же времени должны быть, вѣроятно, отнесены длинныя призматическіе ножи, найденные на поверхности въ Мискольчѣ. Весьма удачны были новыя раскопки, произведенныя Кадичемъ и Гиллебрандомъ въ пещерѣ Сцелета, въ долину Сцива, находящейся въ хребтѣ Бюккъ къ сѣверу отъ Мискольча. Переднее зало этой пещеры очень обширно, оно въ среднемъ имѣетъ 20 метровъ длины и 15 метровъ ширины; отсюда идутъ къ сѣверо-западу боковая вѣтвь въ 40 метровъ длины и къ западу разсѣлина въ 300 метровъ длины. Кадичъ началъ раскопки въ переднемъ залѣ пещеры и констатировалъ, что здѣсь, подъ слоємъ современнаго перегноя толщиной въ 1 метръ, располагается слой сѣрой глины съ обломками известняка и остатками пещернаго медвѣдя, толщиной въ 2 метра; затѣмъ слѣдуютъ такой же толщины слои красной и бурой глины, также содержащіе известняковый щебень и кости пещернаго медвѣдя; подъ бурой глиной располагается скалистое дно пещеры.

Разсматривать кости пещернаго медвѣдя какъ объекты, занесенные сюда искусственно человѣкомъ, нельзя, такъ какъ онѣ скорѣе просто-на-просто являются смѣ-

ценными; зато раскопки, производившіяся въ 1907 и въ 1908 гг., повели къ открытію большого числа палеолитическихъ орудій, описаніе которыхъ еще не опубликовано; среди нихъ имѣются, однако, типичные наконечники (формы лавроваго листа, сдѣланные изъ особаго сорта халцедона (рис. 196, *b* и *c*). Такимъ образомъ, здѣсь, несомнѣнно, мы имѣемъ передъ собою слои солютрейской эпохи, подъ которыми, быть можетъ, рас-

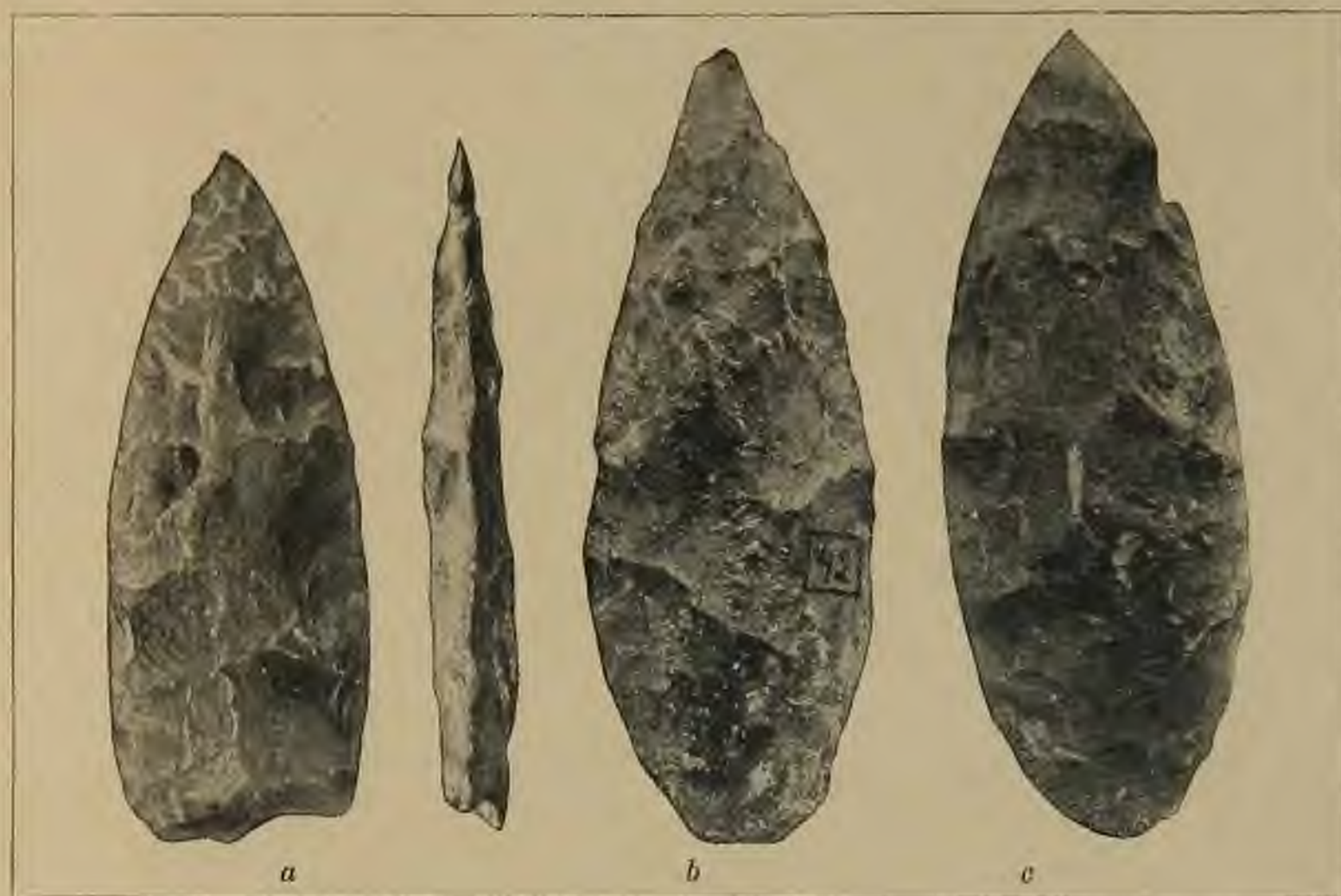

Рис. 196. Наконечники солютрейской эпохи изъ Венгріи.

a—изъ Мискольча, *b* и *c*—изъ пещеры Сзелета. Natur. вел. По Герману.

полагаются ориньякскіе слои. Въ качествѣ фауны, одновременной этимъ находкамъ, Кладичъ приводитъ, кромѣ остатковъ пещернаго медвѣдя, которые безусловно преобладаютъ, также кости пещерной гиены, пещернаго льва, волка, лошади и быка.

Если въ прежнія времена цитировались еще и другія пещерныя находки, какъ принадлежащія палеолитическому періоду, то, надо замѣтить, что ни одна изъ нихъ не выдержала строгой критики. Возможно, однако, что работа новаго поколѣнія молодыхъ и талантливыхъ археологовъ, принявшихъ за изслѣдованіе страны, дастъ вскорѣ дальнѣйшіе результаты,—на это указываютъ сообщенія Кормоса о найденныхъ имъ новѣйшихъ палеолитическихъ слояхъ въ окрестностяхъ Балатонскаго озера, въ ломкахъ известняковаго туфа въ Тата, южнѣе Коморна (находки ориньякской эпохи?) и многія другія.

Въ противоположность тому, прибрежная область не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на изслѣдованіе ея многочисленныхъ пещеръ Карста и Сентъ-Канѣана, Адальсберга и Габровица. Находки Мозера въ пещерѣ Роттартель (Vlasca resina) въ Каретѣ не имѣютъ ничего общаго съ палеолитическимъ періодомъ. Полученные тамъ гравированные рисунки—несомнѣнная фальсификація.

Польша и Россія.

Между Краковомъ и Ченстоховомъ тянется хребетъ юрской формаци, южный склонъ котораго, обращенный къ Вислѣ, сильно пересѣченъ продольными и поперечными долинами и ущельями съ отвѣсными стѣнами,—его оголенные крутые обрывы, чередующіеся съ заросшими лѣсомъ вершинами, чрезвычайно живописны. Въ политическомъ отношеніи эта область, богатая пещерами, частью принадлежитъ Австріи, частью находится въ предѣлахъ Россіи (стр. 181).

Несомнѣнные слѣды палеолитическаго періода намъ извѣстны пока лишь изъ области пещеръ близъ Ойцова въ Русской Польшѣ, гдѣ самыми важными являются пещера Машика и Нижняя Вѣржховская пещера.

Пещера Машика, названная такъ по деревнѣ Машице, располагается на лѣвомъ берегу рѣчки Прадникъ, недалеко отъ развалинъ Ойцовскаго замка. Высоко расположенная надъ подошвой долины пещера состоитъ изъ двухъ главныхъ камеръ — передней и задней; къ послѣдней примыкаетъ узкій, длиною въ 10 метровъ ходъ, который косо поднимается вверхъ и открывается на поверхности горы, образуя рукавъ, по которому пещера выполнена глиной и щебнемъ изъ верхнихъ слоевъ, покрывающихъ гору; два такіе же рукава имѣются и въ передней камерѣ пещеры. Различные слои, наблюдающіеся въ пещерѣ, оказались ясно между собою различными. Кромѣ совершенно новаго слоя, состоящаго изъ вывѣтрившейся породы, и кромѣ слоя въ 1,5 метра толщиной, относящагося къ неолитическому періоду, въ пещерѣ находился палеолитическій слой мощностью въ 1,5 метра, состоящій изъ бѣлой, кое-гдѣ желтовато-сѣрой глины, смѣшанной съ землею, щебнемъ и болѣе крупными обломками камня. Остатки животныхъ, найденные здѣсь, принадлежали мамонту, сибирскому носорогу, пещерной гienѣ, ископаемому быку, зубру, благородному оленю, лосю, сѣверному оленю, антилопѣ-сайгѣ, дикой лошади и зайцу. Каменные орудія, изображенныя Оссовскимъ, состоятъ изъ ножей, острыхъ наконечниковъ и скребковъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что богатство формъ этихъ орудій на самомъ дѣлѣ гораздо значительнѣе. Куски кварца, несомнѣнно, служили для раздавливанія зеренъ и растиранія ихъ, найденные здѣсь куски лимонита и бурога желѣзняка употреблялись для окрашиванія. Инвентарь орудій изъ кости и слоновой кости замѣчательно великъ,—на ряду съ издѣліями, готовыми лишь на половину или разломанными, встрѣчаются простыя костяныя шила, сдѣланный изъ оленьяго рога жезль начальника, лопаточки и острые наконечники и среди нихъ наконечники со скошеннымъ концомъ. Послѣдніе изготовлены изъ реберъ мамонта и носорога, нерѣдко также изъ слоновой кости или изъ рога сѣвернаго оленя; по формѣ своей они частью являются толстыми и прямыми, частью тонкими и слегка изогнутыми, но, въ большинствѣ случаевъ, они сломаны и достигаютъ не болѣе 36 сант. въ длину. Весьма замѣчательны многочисленныя украшенія, находящіяся на лопаточкахъ и на заостренныхъ орудіяхъ, сдѣланныхъ изъ слоновой кости,—они либо просто награвированы, либо выдаются въ видѣ плоскаго рельефа. Мы находимъ здѣсь образчики какъ прямыхъ, такъ и косыхъ штриховъ, зигзагообразныя полосы изъ дугообразныхъ линий, узоры въ видѣ листьевъ или въ видѣ глазъ, закругленныя фигуры и круги съ точками въ центрѣ. Вся эта геометрическая стилизація узоровъ указываетъ съ несомнѣнностью, что мы имѣемъ передъ собою произведенія древне-магдаленской эпохи; гарпуны и иглы отсутствуютъ среди этихъ издѣлій (рис. 197).

Недалеко отъ Машнице въ широкомъ боковомъ ущельѣ располагаются у деревни Вѣржховъ „Верхняя“ и „Нижняя Вѣржховскія пещеры“. Находки палеолитическаго періода содержала лишь послѣдняя пещера, извѣстная также подъ названіемъ „Мамонтова грота“. Она была изслѣдована графомъ Завиша въ 1873—1879 гг., и найденные въ ней палеонтологическіе объекты были опредѣлены Рѣмеромъ, Конерницкимъ, Фраасомъ и Слесарскимъ. Четвертичный слой мощностью въ 2,9 метра былъ рѣзко отдѣленъ отъ расположеннаго надъ нимъ неолитическаго слоя. Остатки животныхъ, находившіеся въ немъ, принадлежали мамонту,

Рис. 197. Орудія съ украшеніями изъ пещеры Машика.

По М. Муху.

носорогу, пещерному и бурому медвѣдямъ, дикой лошади, лосю, благородному и сѣверному оленямъ, лани, ископаемому быку, волку, лисицѣ, песцу, барсуку и др. Раздѣленіе этой фауны внутри отложеній четвертичной глины на дальнѣйшіе горизонты, повидимому, оказывалось неосуществимымъ—уже въ самыхъ глубокихъ горизонтахъ находились рога сѣвернаго оленя, остатки пещернаго медвѣдя и кости мамонта вмѣстѣ съ углями отъ костровъ; можно было констатировать лишь болѣе рѣдкое нахожденіе пещернаго медвѣдя по направленію къ верхнимъ слоямъ. Мы упоминали уже выше, что въ самой глубинѣ располагался слой мустьерской эпохи; надъ нимъ, несомнѣнно, нахо-

дѣлись отложенія эпохи солиотрейскаго времени, чему доказательствомъ являлось присутствіе рѣдкой красоты наконечника, имѣющаго форму лавроваго листа. Принадлежали ли верхніе горизонты мардаленской эпохи, мы не можемъ утверждать съ точностью, на основаніи тѣхъ источниковъ и изображеній, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи. Орудія, сдѣланныя изъ простой и слоновой кости, правда, чрезвычайно многочисленны, но ни въ одномъ изъ отчетовъ не сообщается, къ какимъ именно горизонтамъ они приурочены. Среди этихъ произведеній мы находимъ шила, лопаточки и острые наконечники, приготовленные не только изъ кости, но и изъ рога сѣвернаго оленя. Имѣется также ребро мамонта длиною въ 46 сант. и шириною въ 4 сант., которое суживается книзу въ видѣ закругленной рукоятки. Рога лося не употреблялись для приготовленія орудій, лишь два обломка ихъ обнаруживаютъ слабыя слѣды дѣятельности человѣка. Костяныя орудія и издѣлія изъ слоновой кости и здѣсь покрыты всевозможными узорами изъ штриховъ и бороздъ, отчасти непосредственно превращены въ украшенія. Въ большомъ числѣ были найдены также просверленные подвѣски въ видѣ бусъ, или сердцевидной формы, сдѣланные изъ слоновой кости, и пластинки изъ того же матеріала съ двумя отверстіями и 8-ю рядами точекъ въ видѣ углубленій. Продолговатый отрѣзокъ слоноваго бизня утончается къ срединѣ и несетъ тамъ глубокую охватывающую его кругомъ бороздку, тогда какъ оба наружныхъ конца украшены менѣе глубокими бороздчатыми кругами. Одно изъ изображенныхъ Завишой реберъ сѣвернаго оленя несетъ будто бы изображенія какого-то животнаго, но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, — приходится оставить вопросомъ открытымъ. Имѣются также просверленные зубы пещернаго медвѣдя, волка, лисицы, оленя и лося, — ихъ носили, очевидно, какъ подвѣски.

Палеолитическій матеріалъ содержали также пещера Еримановиче и пещера Коварніа, но ихъ находки четвертичнаго періода перемѣшались съ болѣе новыми и производятъ впечатлѣніе случайно занесенныхъ туда. Нахожденіе въ послѣдней изъ этихъ пещеръ наконечника, имѣющаго форму лавроваго листа, говоритъ за то, что здѣсь находился слой солиотрейской эпохи.

Польскія пещеры, находящіяся въ предѣлахъ Австріи, не дали достовѣрнаго археологическаго матеріала, относящагося къ четвертичному періоду, хотя Оссовскимъ было изслѣдовано здѣсь болѣе 30 пещеръ. Въ рѣзныя изъ кости издѣлія и издѣлія изъ натечнаго известняка, происходящія изъ области Мнихова, не что иное какъ фальсификаціи. Несмотря на это, пещеры Польши дали все же столь цѣнный и отчасти даже первоклассный археологическій матеріалъ, что было бы чрезвычайно желательно возобновить тамъ систематическія изслѣдованія.

Въ предѣлахъ русской Польши намъ извѣстно еще одно мѣстонахожденіе, находящееся подъ открытымъ небомъ, — это мѣстность около Новой Александрии, лежащая на древней террасѣ на берегу Вислы. По Криштафовичу, изслѣдовавшему эту террасу въ 1895 году, она состоитъ изъ песчаныхъ мергелей новѣйшихъ третичныхъ отложеній, на которыхъ располагается морена ледниковаго періода съ конгломератами изъ ледниковой гальки. Подъ нею имѣется слой темно-сѣрой глины, мощностью до 5,5 метра, заключающій въ своей нижней трети культурный слой длиною болѣе 40 метровъ и толщиной до 30 сант.; въ этомъ культурномъ слоѣ находились перѣдко обугленные и расщепленные кости мамонта, сибирскаго носорога, зубра, дикой лошади, дикаго кабана и сѣвернаго оленя, а также имѣлись и раковины моллюсковъ *Helix hispida* (var. *septentrionalis*), *Pupa muscorum*, *Pupa minutissima*, *Succinea amphibica*, *Mytilus edulis* и др. Эта сѣрая глина, по даннымъ цитируемаго автора, при-

крыта слоемъ лёсса въ 1,5—6,5 метра толщиной, который, по его мнѣнію, отложился вторично. Выше лежащій слой изъ мергелей и сильно вымытыхъ песковъ онъ также рассматриваетъ какъ ледниковое образованіе: этотъ слой мощностью достигаетъ 1,5 метра. Наконецъ, самыми верхними отложеніями являются слоистый кварцевый песокъ и гравій, а иногда сѣрая глина толщиной отъ 2 до 10 метровъ. Произведенія рукъ человѣческихъ, находящіяся въ культурномъ слое, относятся Криштафовичемъ къ магдаленской эпохѣ, чего мнѣ, впрочемъ, не удалось проверить; издѣлія изъ кости совершенно отсутствуютъ. Приведенный перечень моллюсковъ свидѣтельствуеетъ скорѣе о томъ, что отложенія эти сухопутныя, а не водныя, хотя среди моллюсковъ имѣются и водныя формы; *Mytilus edulis* является морскимъ балтійско-атлантическимъ видомъ. Вторичное изслѣдованіе этого мѣстонахожденія являлось бы чрезвычайно желательнымъ, тѣмъ болѣе, что его положеніе въ области, покрытой глетчерами въ ледниковый періодъ, позволяетъ надѣяться, что оно дастъ важныя данныя для опредѣленія геологической хронологіи.

Ближайшее достовѣрное мѣстонахожденіе образованій даннаго времени находится въ 800 километрахъ отъ Польши, къ востоку отъ Кракова, именно, на той же 50° параллели, въ Кіевѣ, гдѣ на Подолѣ, на Кирилловской улицѣ, у домовъ №№ 59 и 61 имѣется высокая стѣна лёсса, подъ которой располагается слой голубой третичной глины, а надъ нимъ зеленовато-сѣрые, мелко-зернистые слои песка; въ этихъ послѣднихъ слояхъ, именно, въ самомъ нижнемъ изъ нихъ, В. Хвойка открылъ въ 1893—1899 гг. культурный слой протяженіемъ болѣе 70 метровъ, шириною въ 40 метровъ и мощностью въ среднемъ въ 40 сант. Надъ этимъ отложеніемъ на дворѣ дома № 59 былъ слой лёсса толщиной до 19 метровъ. Первые находки, сдѣланныя здѣсь, состояли изъ большого числа костей мамонта и кремневыхъ орудій, но эти находки были уничтожены жителями и отчасти растащены ими въ качествѣ „лѣкарства“. Во время дальнѣйшихъ раскопокъ, произведенныхъ профессорами Антоновичемъ и Армашевскимъ, было найдено прежде всего большое количество остатковъ мамонтовъ, въ особенности череповъ ихъ; бивни были, однако, выломаны и лежали отдѣльно. На этихъ бивняхъ были обнаружены зарубки и царапины, кое-гдѣ отъ нихъ были отщеплены длинные куски, и нерѣдко бивни были обожжены. Лишь въ сторонѣ отъ этихъ „кучь остатковъ мамонтовъ“ начинались настоящіе слои съ остатками очаговъ, состоявшими изъ золы, углей, костей животныхъ и кремневыхъ орудій; этотъ слой дѣлился далѣе на два—верхній и нижній. На противоположной сѣверо-западной сторонѣ холма, у дома № 61, уже на глубинѣ 13—14 метровъ подъ поверхностью земли, въ слое, который здѣсь превратился кое-гдѣ въ темно-сѣрый песчаникъ, появлялись опять двѣ черныя полосы культурнаго слоя, состоявшаго изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ гнѣздъ, около 2 метровъ въ діаметрѣ каждое. Такія гнѣзда были обнаружены и на 1 метръ глубже, но содержали исключительно лишь угли. Наконецъ, на глубинѣ 18 метровъ, слѣдовательно, на 1 метръ выше, чѣмъ на противоположной сторонѣ мѣста раскопокъ, былъ снова найденъ культурный слой. Въ общей сложности въ этихъ слояхъ, у дома № 61, находились лишь незначительныя количества большею частью разсыпавшихся при прикосновеніи костей—прежде всего костей мамонта, но также и другихъ болѣе мелкихъ животныхъ; были найдены и два зуба пещернаго медвѣдя. Въ огромномъ количествѣ за предѣлами культурнаго слоя съ остатками очаговъ были найдены кремневые орудія, куски кремня и обломки, лежавшіе иногда цѣлыми кучами; здѣсь же находились и кости мамонта.

На всемъ изслѣдованномъ пространствѣ было найдено 52 челюсти мамонтовъ;

кромѣ того, Хвойка упоминаетъ кости пещерныхъ медвѣдей, пещерныхъ гienъ и пещерныхъ львовъ; найденные остатки деревьевъ были опредѣлены какъ остатки кедровъ или елей, но первое опредѣленіе, несомнѣнно, неправильное. По окончаніи настоящихъ раскопокъ, въ томъ же самомъ слоѣ въ 120 метрахъ разстоянія отъ первоначальнаго исходнаго пункта и на глубинѣ 21 метра были сдѣланы дальнѣйшія высоко интересныя находки. Былъ найденъ, прежде всего, прекрасно сохранившійся черепъ сибирскаго носорога, затѣмъ зубъ молодого мамонта, покрытый множествомъ зарубокъ, нижняя челюсть и обугленные кости того же животнаго

а

б

Рис. 198. Украшенный конецъ бивня мамонта изъ Кіева (а) и развернутый узоръ его (б).
По Хвойку.

вмѣстѣ съ нѣсколькими обломками кремня, наконецъ, обломокъ бивня съ глубоко вырѣзанными очень загадочными узорами, истолковать которые мы не рѣшаемся, тогда какъ Хвойка видитъ въ нихъ изображенія водяной птицы, лодки, волнъ и т. п. (рис. 198). „Изъ сложности этого изображенія можно замѣтить, что вся его композиція и выработка свидѣтельствуютъ о богатой фантазіи создавшаго этотъ узоръ человѣка, который обладалъ большимъ талантомъ и превосходилъ въ этомъ отношеніи своихъ современниковъ. Это свидѣтельствуетъ намъ, что человѣкъ даннаго времени былъ вполне разумнымъ существомъ, умѣлъ хорошо наблюдать и понимать окружающее и обладалъ достаточными художественными задатками“ (Хвойка).

Находки, сдѣланныя въ Кіевѣ, относятся, однако, не къ магдаленской эпохѣ, какъ полагали Волковъ, Пьеттъ и др., а къ концу ориньякской или къ началу солиотрейской. За это говоритъ сходство ихъ съ объектами, найденными въ Пржедмостѣ, и съ находками слѣдующей ближайшей станціи, которая болѣе точно извѣстна. Это мѣстечко Мезине, на Деснѣ, въ Черниговской губерніи; археологическія находки его пока еще не описаны. Здѣсь среди лёссоваго слоя, на глубинѣ 2,7 метровъ подъ черноземомъ и 1,5 метра надъ третичными отложеніями, былъ найденъ богатый культурный слой, изслѣдованный Волковымъ, Ефименко и Сахаровымъ. Фауна состоитъ здѣсь изъ остатковъ мамонта и сѣвернаго оленя, кремневые орудія указываютъ на позднюю ориньякскую эпоху; весьма замѣчательнымъ является цѣлый рядъ рельефныхъ рѣзныхъ изображеній на слоновой кости съ геометрически стилизованными орнаментами, между которыми находятся несомнѣнные изображенія человѣческихъ фигуръ, весьма своеобразно схематизированныя.

Большинство остальныхъ русскихъ мѣстонахожденій пока не даетъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ. Можно отмѣтить еще Каменецъ-Подольскъ (?), Гонцы (въ Полтавской губ.), Козелки (?) и Карачарово около Мурома, но заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія лишь мѣстонахожденія Костенки на берегу Дона, въ Воронежской губ., гдѣ Поляковъ нашелъ на глинистой террасѣ около 350 кремневыхъ орудій съ костями антилопы-сайги и остатками примѣрно 18 мамонтовъ около остатковъ очаговъ. Типичные остатки магдаленской эпохи были найдены Мерейковскимъ въ пещерахъ около Симферополя, въ Крыму,—здѣсь былъ богатый матеріалъ кремневыхъ орудій, костяныхъ наконечниковъ, иглъ и подвѣсковъ; однако, и въ этихъ пещерахъ было бы весьма желательнымъ произвести новыя изслѣдованія. Наконецъ, совершенно сомнительнымъ кажется мнѣ мѣстонахожденіе Ильская по восточному побережью Чернаго моря.

Еще меньше знаемъ мы пока о новѣйшемъ палеолитическомъ періодѣ Италіи, если оставить въ сторонѣ тѣ мало точныя свѣдѣнія, которыя существуютъ относительно пещеры Монте-делле-Джіойѣ у Аніо и пещеры Натале у Монте-Фаніо въ Сициліи. По мнѣнію Саразина, тѣ каменные орудія, которыя были найдены Джиліоли въ пещерѣ Порто-Лонгоне, на островѣ Эльбѣ, принадлежатъ ориньякской эпохѣ. О пещерахъ въ окрестности Ментоны мы говорили уже выше.

Совершенно неизслѣдованнымъ является Балканскій полуостровъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ Испаніи, нельзя, разумѣется, ожидать находенія остатковъ настоящаго „вѣка сѣвернаго оленя“, но это нисколько не исключаетъ того, что и здѣсь могутъ быть найдены соотвѣтствующія типичныя каменные орудія, издѣлія изъ кости и художественныя произведенія, выполненныя въ стилѣ новѣйшаго палеолитическаго періода.

Во всякомъ случаѣ, по состоянію теперешнихъ нашихъ знаній мы можемъ сказать, что новѣйшій палеолитическій періодъ, за исключеніемъ азильской эпохи, простирался чрезъ всю Европу, вплоть до ея восточнаго края. Главнымъ центромъ области магдаленской эпохи является, повидимому, западъ; исключительно западу была свойственна типичная азильская эпоха, которая возникла, быть-можетъ, въ Испаніи. Чрезвычайно замѣчательными являются рѣзныя издѣлія изъ слоновой кости и стилизованные узоры, берущіе начало въ Моравіи, Пржедмостѣ, и еще своеобразіе выраженные въ предѣлахъ Россіи, въ Кіевѣ и въ Мезине; для нихъ цѣтъ на западѣ настоящихъ параллелей, относящихся къ тому же самому времени, и потому они указываютъ на то, что на востокѣ Европы въ ориньякскую и солиотрейскую эпохи образовалась новая

самостоятельная „провинція искусства“, которая, быть-можетъ, была въ эти времена еще болѣе своеобразной, чѣмъ намъ кажется теперь, такъ какъ пока мы обладаемъ лишь небольшою группою отдѣльныхъ цѣнныхъ объектовъ.

б) Новѣйшій палеолитическій періодъ во внѣ-европейскихъ странахъ.

Если начать теперь нашъ обзоръ съ сѣверной Африки, то, конечно, здѣсь такъ же, какъ и на югѣ Европы, мы не можемъ ожидать находенія настоящей стадіи „сѣвернаго оленя“, — здѣсь имѣются остатки повѣйшаго палеолитическаго періода соответственно видоизмѣненной формы, какъ бы приспособленные къ мѣстнымъ условіямъ, но соответствующіе полностью характерными чертами своихъ каменныхъ орудій.

Изъ Алжира, Туниса и Триполи имѣется довольно много матеріаловъ по каменному вѣку, и многія орудія сходны съ самыми первобытными, найденными въ Европѣ, но опредѣлить въ точности ихъ геологическій возрастъ почти никогда не удается, или удается съ большимъ трудомъ, — нельзя доказать, что это орудія болѣе древнія, чѣмъ произведенія неолитическаго періода. Впрочемъ, и здѣсь уже замѣтны кое-какіе проблески выясненія данныхъ вопросовъ. Еще Швейнфуртъ, а затѣмъ Кокенъ, де Морганъ, Капитанъ и Буди предприняли на югѣ Туниса весьма подробныя изслѣдованія и нашли, что древній палеолитическій періодъ тамъ превосходно представленъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, были найдены мѣстонахожденія и болѣе поздняго времени, — таковыми по даннымъ трехъ послѣднихъ французскихъ археологовъ являются, прежде всего, эль-Мекта, Гафса, Фумъ-эль-Маза, Редейефъ, Умъ-Али и Хабетъ-Рехада. Здѣсь на поверхности древнихъ наносовъ и въ открытыхъ пещерахъ находятся замѣчательныя серіи каменныхъ орудій, которыя по формѣ удивительно точно воспроизводятъ таковыя европейской ориньякской эпохи. Хотя и невозможно точно опредѣлить возрастъ данныхъ мѣстонахожденій, все же указываемые авторы убѣждены, что орудія эти одновременны соответствующимъ европейскимъ. Въ то время, какъ обитатели Европы древняго палеолитическаго періода жили среди льсовъ, населенныхъ слонами, въ Тунисѣ мы наблюдаемъ уже наступленіе періода сухого климата, который продолжается тамъ и до настоящаго времени; остатки костей млекопитающихъ стали тамъ рѣдки, и главною пищею первобытнаго человѣка являлись моллюски, которые и теперь еще встрѣчаются въ странѣ и послѣ влажныхъ зимъ появляются во множествѣ въ весенніе мѣсяцы. Болѣе новыя стадіи, предшествовавшія неолитическому періоду, пока отсутствуютъ въ южномъ Тунисѣ, но, съ другой стороны, наконецники, имѣющіе форму лавроваго листа и являющіеся типично-солютрейскими, отличаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на примѣръ, въ Тахетъ-Хентъ-Надья, въ провинціи Константины, сильнымъ развитіемъ наружнаго вывѣтрившагося слоя, что свидѣтельствуетъ о значительно болѣе древнемъ ихъ возрастѣ, чѣмъ окружающія ихъ орудія, относящіяся къ неолитическому періоду. Въ виду этого мы считаемъ, что здѣсь намѣчается и солютрейская эпоха, но что касается кремневыхъ орудій магдаленской эпохи и орудій типа Тарденуазъ, то относительно нихъ мы должны высказаться еще съ нѣкоторой осторожностью. Орудія этого рода были найдены во многихъ мѣстахъ, на примѣръ, въ Анъ-Сефра, въ оазисѣ Уаргла и вообще въ южной Сахарѣ. Еще менѣе ясны для насъ условія, наблюдаемыя въ средней и въ южной Африкѣ.

Египетъ богатъ древне-палеолитическими орудіями (стр. 192), но и остатки новѣйшихъ палеолитическихъ орудій также найдены въ немъ. М. Бланкенгорнъ считаетъ таковыми найденныя на средней и нижней террасахъ Нила, Саразинъ отмѣчаетъ большое количество кусковъ кремня и кремневыхъ ножей, собранныхъ имъ на поверхности пустыни у Гелуана, и относитъ ихъ къ магдаленской эпохѣ.

Тѣмъ болѣе неожиданными являются находки объектовъ, относящихся къ новѣйшему палеолитическому періоду на западѣ Азіи, и именно въ Палестинѣ и въ Сиріи. Открытія, сдѣланныя въ этомъ отношеніи въ долинуъ Иордана, вызываютъ еще нѣкоторое сомнѣніе, но тѣ находки, которыя были добыты въ многочисленныхъ пещерахъ Ливана, являются не

подлежащимъ никакому сомнѣнію матеріаломъ четвертичнаго періода, — изслѣдованію ихъ мы обязаны, главнымъ образомъ, археологу Цумоффену въ Бейрутѣ. Здѣсь древній палеолитическій періодъ нашель свое дальнѣйшее органическое развитіе. Въ пещерѣ Наръ-эль-Джозъ въ долинуъ рѣки того же имени, впадающей въ Средиземное море у Батруна, древняго Ботриса, была найдена подъ современнымъ слоемъ перегноя известная еще Фраасу брекчія изъ костей, по-

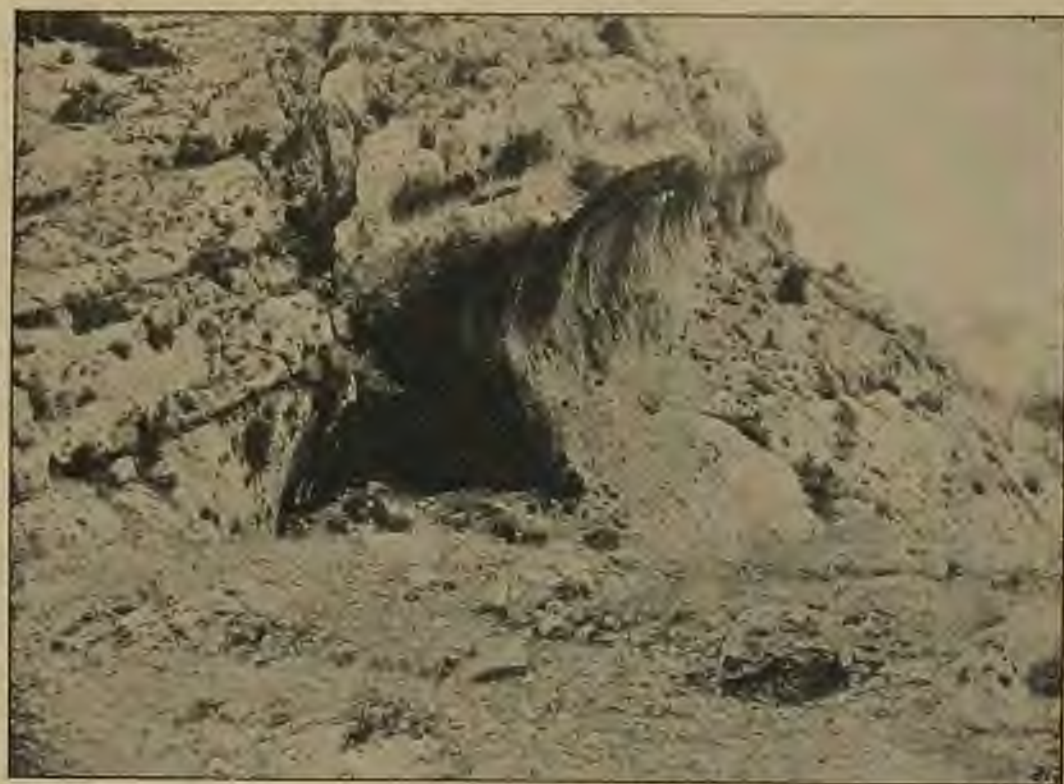

Рис. 199. Входъ въ пещеру Антелиасъ.

По фотографіи Цумоффена.

крывающая выступъ скалы длиною въ 23 метра и шириною въ 7 — 10 метровъ. Въ этой брекчіи находились остатки одного изъ представителей семейства кошекъ, остатки сирійскаго медвѣдя, родственнаго бурому альпійскому медвѣдю, кости зубра, горнаго козла (синайскаго горнаго козла), газели, обыкновеннаго и месопотамскаго оленя, козули (*Cervus pygagrus* Pall.) и дикаго кабана. Главными предметами охоты обитателей того времени были оба вида оленей, — ихъ во множествѣ умерщвляли пещерные жители, отъ которыхъ сохранилось также и большое число кремневыхъ орудій. Эти орудія покрыты такимъ толстымъ слоемъ налета, что вся ихъ поверхность до глубины 5 метровъ кажется разложившейся; по строенію своему орудія эти занимаютъ среднее положеніе между концомъ мустьерской и началомъ ориньякской эпохи, что особенно сказывается на снабженныхъ сильной ретушью заостренныхъ ножахъ.

Типичныя ориньякскія орудія были найдены также въ Антелиасѣ, самомъ интересномъ и самомъ важномъ изъ всѣхъ мѣстонахожденій новѣйшаго палеолитическаго періода Финикіи. Это — пещера у входа въ долину Антелиасъ, располагающуюся къ сѣверо-востоку отъ Бейрута приблизительно въ получасѣ ходьбы отъ берега. Она длиною, примѣрно, въ 60 метровъ, шириною въ 8 метровъ, вышиною также въ 8 метровъ и состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, приблизительно одинаковыхъ размѣровъ. Палеонтологи-

ческий и археологическій матеріалъ содержалъ лишь отдѣлъ, находящійся у самаго входа (рис. 199). Порогъ при входѣ былъ образованъ также брекчіей изъ костей, содержащей кремни, обломки костей, раковины морскихъ и сухопутныхъ моллюсковъ и остатки дерева, угля и золы. Позади въ этомъ первомъ отдѣлѣ располагалась такая же известковая брекчія съ каменными орудіями и остатками животныхъ, покрытыми натечной известковой корой. Все это отложеніе произошло отъ накопленія кухонныхъ остатковъ и обломковъ, получавшихся при обработкѣ кремневыхъ орудій. Здѣсь имѣется особенно много костей молодыхъ животныхъ, которыхъ легче добыть на охотѣ. Приблизительно $\frac{3}{10}$ костей принадлежатъ жвачнымъ, среди которыхъ преобладаютъ олени; длинныя трубчатыя кости обыкновенно разбиты, на другихъ замѣчаются явственные слѣды скобленія и надрѣзовъ. Благородный олень здѣсь представленъ сравнительно слабо, гораздо чаще встрѣчается месопотамская лань (*Cervus dama var. mesopotamicus*) и косуля. Далѣе мы находимъ здѣсь остатки животныхъ изъ семейства козъ—синайского

Рис. 200. Синайскій горный козель (*Capra bedouin*).

По Кобельту.

горного козла (*Capra bedouin*), вымершаго вида *Capra primigenia*, *Capra aegagrus*, дикой козы, антилопы и газели. Лишь одиночно встрѣчающимися костями представленъ зубръ, одинъ изъ видовъ буйволовъ, дикій кабанъ, дикая лошадь, какой-то видъ зайца, сусликъ, слѣпышъ (*Spalax Fritschii*), лисица, ласка, сирійскій медвѣдь, болотная рысь, дикая кошка и пантера. „Эта фауна—какъ замѣчаетъ Бланкенгорнъ—значительно отличается отъ фауны, населяющей въ данное время эту мѣстность. Главною пищею сирійскихъ первобытныхъ обитателей были олени. Благородный олень, лань, косуля, зубръ, дикая лошадь, медвѣдь и рысь являются, однако, обитателями лѣса, и мы должны представить себѣ, что вблизи береговъ въ тѣ времена въ окрестностяхъ пещеры Антелиасъ спускались съ горъ густыя лѣса“. Особенное вниманіе обращаетъ на себя находеніе тамъ же и остатковъ человѣка, состоящихъ изъ обломковъ нижней челюсти, одного поясничнаго позвонка, обломковъ бедра, лучевой и локтевой костей,

головки бедра и пяточной кости, а равно и остатковъ утробнаго младенца. Эти кости, принадлежащія, по меньшей мѣрѣ, тремъ лицамъ, были разсѣяны среди остальныхъ ко

Рис. 201. Оривьякскія орудія изъ Антелиаса (нѣск. уменьш.).

По Цумофферу.

стой брекчии и несутъ ясныя слѣды кремневыхъ орудій, употреблявшихся для соскребыванія съ нихъ мяса,—это указываетъ, несомнѣнно, на людоедство. Кости эти обла-

даютъ анатомическими признаками, свойственными особенно низко стоящимъ человѣческимъ расамъ, но сколько-нибудь точнаго опредѣленія расы все же нельзя сдѣлать, такъ какъ отсутствуютъ черепа.

Сырой матеріалъ, служившій для приготовленія каменныхъ орудій, находится недалеко отъ пещеры; сами орудія въ большинствѣ случаевъ мелки, узки и очень тщательно обработаны. Среди нихъ имѣются камни, служившіе для обиванія и для обтачиванія орудій, сдѣланные большею частью изъ базальта, крупныя и мелкіе ножи съ ретушью и безъ нея, рѣзцы, скобели, скребки изъ кремня (рис. 201). Найденныя въ той же брекчій, обработанныя кости являются первыми и единственными извѣстными изъ доисторическихъ отложеній Финикии. Это большею частью простыя заостренныя шила (рис. 202, *a—e*), сдѣланныя изъ костей, приспособленія для разглаживанія (*f*), изготовленныя изъ оленьяго рога, и просверленные подвѣски изъ реберъ (*g*).

Орудія ориньякской эпохи были найдены также въ пещерѣ у истока рѣки Наръ-эль-Кельбъ (древняго Ликуса), которая располагается на высотѣ 70 метровъ отъ уровня моря въ разстояніи, примѣрно, 8 километровъ отъ берега. Горный хребетъ содержитъ здѣсь три пещеры, изъ коихъ первая и третья находятся подъ водою и лишь средняя дала нѣкоторую археологическую добычу. Эта пещера располагается на высотѣ 8—10 метровъ надъ уровнемъ ручья и представляетъ собою галлерею длиною въ 56 метровъ, шириною отъ 2 до 5 метровъ и высотой отъ 2 до 9 метровъ. Первые палеолитическія отложенія располагаются у самаго входа; кромѣ того, почти все трещины и впадины выполнены твердой брекчией, состоящей изъ кухонныхъ остатковъ и обитыхъ каменныхъ орудій. Изъ остатковъ животныхъ Цумоффенъ собралъ кости и зубы горнаго козла и месопотамской лани, изъ каменныхъ орудій — довольно богатую серію издѣлій ориньякской эпохи. На 50 метровъ выше попадаются расположенныя подъ открытымъ небомъ брекчій, приросшія къ скалѣ и обнаруживающія такое же точно строеніе, какъ брекчія, находящаяся въ пещерѣ. Еще нѣсколько выше, наконецъ, располагается терраса, открытая герцогомъ Люинскимъ и археологомъ Лартэ въ 1864 году. Эти изслѣдователи наткнулись здѣсь на глубинѣ 1 метра на доисторическій очагъ, содержащій большое количество угля, золы и обитыхъ кремневыхъ орудій. Наконецъ, четвертое отложеніе находится внутри самой пещеры и содержитъ, повидимому, исключительно матеріалъ ориньякского времени. Фауна этихъ отложеній обнимаетъ слѣдующіе виды: сирійскаго медвѣдя, кабана, зубра, синайскаго горнаго козла, вымершій видъ козла—*Capra primigenia*, месопотамскую лань, косулю; кромѣ того, найдены кости птицъ и раковины моллюсковъ: *Helix pachya*, *Trochus turbinatus*, *Patella caerulea*, *Pectunculus sp.*

Высокій научный интересъ этихъ сирійскихъ мѣстонахожденій заключается въ томъ, что здѣсь палеолитическій матеріалъ встрѣчается вмѣстѣ съ остатками животныхъ, которые опредѣляютъ намъ его геологическій возрастъ. Мы указывали уже на значеніе тѣхъ древне-палеолитическихъ мѣстонахожденій, которыя содержатъ типичныя ашельско-мустьерскія орудія вмѣстѣ съ костями сибирскаго носорога и оказываются, слѣдовательно, несомнѣнно четвертичными. Мѣстонахожденіе Гараэль обнаружило намъ, что современникомъ этихъ орудій былъ также и четвертичный пещерный левъ (стр. 196). Съ другой стороны, пещеры Ливана позволяютъ съ полной точностью прослѣдить, что тамъ ориньякская эпоха развилась непосредственно влѣдъ за концомъ мустьерской, и изъ этой послѣдней здѣсь, безъ сомнѣнія, происходило такое же превращеніе и въ условіяхъ четвертичной фауны и климата,—онѣ обнаруживаютъ наступленіе болѣе влажнаго лѣснаго періода. Полное соответствіе съ такимъ же періодомъ въ Европѣ

настолько поразительно, что мы не можемъ удержаться отъ мысли о тѣсной внутренней связи между культурою Европы и культурою восточныхъ областей средиземно-морского побережья въ тѣ времена.

Несомнѣнно, такіе же сюрпризы ожидаютъ насъ и въ области Месопотаміи, когда тамъ изслѣдованіе будетъ начато методически опытными спеціалистами. Въ настоящее время тамъ нѣтъ находокъ, которыя можно было бы считать несомнѣннымъ эквивалентомъ объектовъ новѣйшаго палеолитическаго періода Европы, даже болѣе, находки

Рис. 202. Костяныя орудія изъ Антелиаса (нѣск. уменьш.).

По Цумоффену.

каменныхъ ручныхъ топоровъ въ Индіи указываютъ будто бы на то, что тамъ вообще ручные топоры непосредственно перешли въ неолитическія орудія и тѣ промежуточныя ступени, которыя мы находимъ въ другихъ областяхъ, вообще тамъ были пропущены. Въ коллекціяхъ Британскаго Музея, собранныхъ въ Индіи, имѣются всѣ переходы орудій отъ грубо обитанаго ручного топора до наполовину шлифованнаго и, наконецъ, совершенно шлифованнаго неолитическаго топора съ узкою спинкой.

Какъ быстро разъясняется первобытная исторія, когда за нее принимаются опытные заслѣдователи, является наилучшимъ доказательствомъ Цейлонъ, гдѣ въ недавнее время слѣды каменнаго вѣка привлекли особое вниманіе превосходныхъ ученыхъ,

братевъ Саразиновъ. Какъ извѣстно, на этомъ островѣ нѣтъ совершенно известняковъ, почему тамъ нѣтъ и глубокихъ пещеръ, а имѣются лишь пещеры подъ нависающими скалами, которыхъ зато чрезвычайно много, начиная отъ самыхъ незначительныхъ и вплоть до огромныхъ гротовъ въ нѣсколько метровъ вышины и ширины. Послѣ того, какъ въ пещерѣ Катарагама на юго-востоку острова были найдены подозрительные обломки кварца, указывавшіе на возможность присутствія каменныхъ орудій, была, въ концѣ концовъ, открыта огромная пещера Нилгала, которая дала неопровержимыя доказательства существованія древняго каменнаго вѣка на Цейлонѣ. Дно этой пещеры состояло изъ сѣрой пыли, заключавшей много пепла, черенковъ глиняной посуды и костей изъ времени, когда здѣсь жили сингалезы. Однако, уже на глубинѣ 35—40 сант. начали встрѣчаться орудія, приготовленныя изъ кварца, а также отсутствующіе въ окрестности пещеры красные и желтые роговые камни, притомъ какъ въ видѣ естественныхъ кусковъ, такъ и въ видѣ отбитыхъ обломковъ и, наконецъ, въ видѣ несомнѣнныхъ каменныхъ наконечниковъ и ножей, попадавшихся вмѣстѣ съ разбитыми и обугленными костями тѣхъ животныхъ, которыя служили предметомъ охоты. Слои, наиболѣе обильные каменными орудіями, располагались на глубинѣ 40—80 сант. и иногда спускались до 1 метра глубины. Далѣе въ желтой, не окрашенной пепломъ землѣ, каменные орудія и кости становились болѣе рѣдкими, но все же ихъ можно было прослѣдить до глубины 2 метровъ.

Точно также и пещера Ваулувелагалге дала обильную добычу. Если разсмотрѣть ближе этотъ инвентаръ каменныхъ орудій первобытнаго населенія Цейлона, то среди него можно встрѣтить пластинки кварца въ видѣ ножей съ двумя лезвіями и притомъ безо всякой ретуши, затѣмъ острія, изготовленныя съ помощью ретуши, тщательно обработанныя сверла и скребки, орудія въ видѣ двойного конуса и круглыя гальки, примѣнявшіяся въ качествѣ молотковъ и камней для обиванія орудій. Должно особенно подчеркнуть, что здѣсь отсутствовали совершенно глиняные черепки и шлифованныя каменные орудія, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ пещерахъ одновременно попадались и остатки глиняныхъ издѣлій и орудія изъ камня, это обстоятельство, несомнѣнно, зависѣло отъ позднешаго перемѣшиванія слоевъ, вслѣдствіе дѣятельности человѣка или животныхъ. Къ издѣліямъ изъ костей и изъ рога братья Саразинъ прежде всего причисляютъ все кости, которыя были разбиты и разломаны человѣкомъ для добыванія костнаго мозга. Сюда принадлежатъ не только все длинныя кости, но также и обломки нижнихъ челюстей оленей, въ которыхъ открыта полость, содержащая костный мозгъ. По Невиллю, впрочемъ, цейлонское племя ведда примѣняетъ костный мозгъ оленя не только въ пищу, но и въ качествѣ мази для волосъ и кожи. Многія кости сжожены, нѣкоторыя совершенно обуглены: троглодиты пользовались, слѣдовательно, уже огнемъ и обладали искусствомъ добывать его. Помимо надрѣзовъ, прошедшихъ, несомнѣнно, случайно, при отдѣленіи мяса, на нѣкоторыхъ костяхъ имѣются зарубки и надрѣзы, которые указываютъ какъ-будто на то, что ихъ сдѣлали нарочно. Ф. Саразинъ считаетъ возможнымъ разсматривать такія зарубки, какъ памятные знаки, сдѣланные для того, чтобы способствовать удержанію въ памяти какихъ-либо событій или, быть-можетъ, даже какъ „жезлы посланцевъ“ или „паспорта“. Кромѣ того, названные изслѣдователи открыли большое количество костяныхъ издѣлій, имѣющихъ видъ наконечниковъ, лопаточекъ или инструментовъ для разглаживанія, а также рукоятку, сдѣланную изъ оленьяго рога, клыкъ кабана, превращенный въ скобель, и просверленную кость.

При раскопкахъ пещеры Нилгала было найдено большое число раковинъ круп-

ной и тяжелой улитки *Helix phoenix*, которая иногда лежала въ землѣ гнѣздами по-многу вмѣстѣ. Изъ этихъ раковинъ большое число было снабжено вблизи устья отверстиемъ съ острыми краями, и у нѣкоторыхъ, кромѣ того, на послѣднемъ спиральномъ оборотѣ находилось второе отверстие. Эти правильныя круглыя или овальныя отверстия съ острыми краями не могли произойти случайно,—они несомнѣнно были сдѣланы искусственно человекомъ (рис. 203). В. Фуа и К. фонъ денъ Штейненъ признали эти раковины за „скобильныя“, какія употребляются и посейчасъ еще въ Австраліи и Бразиліи туземцами не только для разрѣзыванія, но и для скобленія, струганія и выглаживанія дерева и притомъ употребляются весьма не рѣдко. Вполнѣ возможно, что и упоминаемая въ четвертичныхъ находкахъ Европы просверленная раковина улитокъ и ракушекъ также во многихъ случаяхъ служила для практическихъ цѣлей, именно для скобленія, и просмотръ европейскаго археологическаго матеріала съ этой точки зрѣнія былъ бы желателенъ. Помимо того, среди первобытныхъ остатковъ Цейлона имѣется большое количество раковинъ ракушекъ, въ особенности *Unio*, которыми пользовались какъ скребками и скобелями.

Рис. 203. Улитка для скобленія изъ пещеры Нилгала. По Ф. и П. Саразинамъ.

Чрезвычайно интересно, что Саразинамъ на ряду съ пещерами удалось найти и мѣстоахожденія каменныхъ орудій подъ открытымъ небомъ. „Если смотрѣть на весьма своеобразную горную страну Ува съ нѣкоторой высоты, — пишетъ Ф. Саразинъ, — то она представляется состоящей изъ множества продолговатыхъ или округлыхъ, нерѣдко имѣющихъ видъ сосковъ возвышенностей, которыя все заросли сѣро-зеленою, растущею отдѣльными пучками, травой. Все эти возвышенные холмы сложены изъ гнейса, который съ поверхности вывѣтрился и превратился въ мягкую массу; плоскія верхушки этихъ холмовъ приготовили для насъ совершенно неожиданный сюрпризъ, — когда мы поднялись на одинъ такой холмъ, намъ тотчасъ же бросились въ глаза обломки кварца и горнаго хрустала, обладавшіе опредѣленными рѣзко очерченными формами, которыя соответствовали формамъ каменныхъ орудій, найденныхъ нами въ пещерахъ. Наше изумленіе возросло еще болѣе, когда мы нашли среди этихъ обломковъ ножи и наконечники изъ краснаго и желтаго рогового камня и естественные куски камня, изъ которыхъ они были приготовлены. Не трудно было констатировать, что все эти куски кварца и рогового камня являются здѣсь на вершинѣ холма чуждыми объектами, занесенными человекомъ, и никоимъ образомъ не принадлежатъ къ каменнымъ породамъ самого холма. У основанія послѣдняго они совершенно отсутствовали, но чѣмъ выше мы поднимались по склону холма, тѣмъ больше такихъ орудій мы встрѣчали; наконецъ, на плоской вершинѣ, съ которой ихъ не могъ смыть внизъ никакой дождь, ихъ было такое множество, что вершина вся была ими усеяна. На нашемъ рисункѣ (204) видны всюду между пучками травы просвѣчивающіе бѣлые куски кварца. Поверхность холма образуется либо непосредственно вывѣтрившимся гнейсомъ, либо покрыта тонкимъ слоемъ переноса; на одномъ изъ холмовъ этотъ слой былъ толщиной около 15 сант. и весь былъ переполненъ обломками кварца и рогового камня. Должно еще замѣтить, что гнейсъ холма также пронизанъ жилами кварца, который на поверхности вывѣтривается. Эти жилы распадаются, однако, на угловатыя мутныя обломки,

рѣзко отличающіеся отъ плоскихъ обломковъ кварца на вершинѣ холма. Не всеѣ такіе холмы въ окрестностяхъ Бандаравелла оказались въ одинаковой степени богатыми каменными орудіями; черепковъ глиняной посуды мы никогда не находили, хотя они несомнѣнно должны были бы сохраниться въ томъ случаѣ, если бы человѣкъ каменнаго вѣка обладалъ уже глиняными сосудами“.

Несомнѣнно, здѣсь на верхушкахъ холмовъ были открыты мѣстонахожденія доисторическихъ объектовъ подъ открытымъ небомъ, и обиліе таковыхъ указываетъ на продолжительность обитанія здѣсь человѣка палеолитическаго періода. Получается

Рис. 204. Доисторическія орудія изъ кварцита на холмѣ Бандаравелла на Цейлонѣ.
По Ф. и П. Саразинамъ.

даже впечатлѣніе, что, на ряду съ такими мѣстонахожденіями, пользованіе пещерами играло лишь второстепенную роль.

Присутствіе каменныхъ орудій также и въ центральныхъ горахъ Цейлона предполагалось уже Полемъ и Гриномъ, но окончательно это обстоятельство было установлено лишь Саразинами. Не останавливаясь въ подробностяхъ на перечисленіи животныхъ, кости которыхъ находятся въ пещерахъ Цейлона, мы отмѣтимъ лишь вмѣстѣ съ Саразинами, что тамъ наблюдается совершенно современная фауна: всеѣ найденные виды млекопитающихъ и пресмыкающихся обитаютъ и по сіе время въ области Нилгала, такъ что остатки охоты современныхъ туземцевъ дали бы совершенно такую же картину. Тѣмъ не менѣе, все же у первобытнаго населенія отсутствовали многія изъ тѣхъ животныхъ, которыми питаются современные ведда; такъ, отсутствовали растительноядныя летучія мыши, обыкновенная летучая собака и небольшой мускусный олень. Всеѣ остатки, найденные въ пещерахъ, даютъ картину чисто-

охотничьей пародности, каковою веда были еще весьма недавно. Это тожество доисторической фауны Цейлона съ современною обнаруживаетъ относительную молодость каменныхъ орудій, такъ что можно съ увѣренностью сказать, что обитатели „палеолитическаго періода“ Цейлона относятся, несомнѣнно, не къ столь древнему времени, какъ обитатели соответствующаго періода Европы, или обитатели Ливана.

Сходная, безспорно, еще болѣе запоздалая аналогія наблюдается и въ Австраліи, гдѣ нѣкоторыя находки на вершинахъ горъ живѣйшимъ образомъ напоминаютъ такія же находки Цейлона. На Малаккѣ и въ Малайскомъ архипелагѣ тщетно искали въ пещерахъ слѣдовъ каменнаго вѣка,—исключеніемъ явилась лишь пещера То ала на Целебесѣ. Она располагается въ области Ламонтьонгъ у Мокассара и была исследована также братьями Саразинами, которые нашли тамъ хорошо обитыя каменные орудія, искусственные издѣлія изъ костей и зубовъ, деревянный жезлъ и узелъ изъ волоконъ дуба. Формы этихъ орудій указываютъ на то, что мѣстонахожденія эти относятся къ новѣйшему палеолитическому періоду, такъ что Саразины относятъ эти „тоалійскія“ орудія къ „магдаленской эпохѣ“ съ неолитическимъ отбѣнкомъ. Точно такъ же и условія жизни первобытныхъ тоала соответствовали палеолитическимъ охотничьимъ племенамъ: домашнія животныя, за исключеніемъ собаки, отсутствовали, не было и глиняной посуды и шлифованныхъ каменныхъ орудій. Древніе слои пещла, находящіеся въ пещерахъ, содержали въ изобиліи обломки костей и зубовъ животныхъ слѣдующихъ породъ: буйвола, молукккаго оленя, двухъ видовъ дикихъ свиней, черной макаки, одного вида крысы *Lenomys*, бѣлки, мышей, двухъ представителей сумчатыхъ, гигантской змѣи и др. Всѣ остатки принадлежатъ къ видамъ животныхъ, обитающихъ и посейчасъ на Целебесѣ, такъ что пещерныя находки относятся къ геологически болѣе новому времени. Все же нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи видовъ животныхъ произошли съ того времени на островѣ, что говоритъ за относительную древность костей и каменныхъ орудій. Значительнымъ отличіемъ пещерной фауны отъ современной является отсутствіе оленя и буйвола въ настоящее время, такъ какъ оба эти животныя покинули теперь область Ламонтьонгъ.

Какъ мы видимъ, вся южная и восточная Азія, Австралія и прилежащіе къ ней острова не содержатъ остатковъ новѣйшаго палеолитическаго періода. Правда, тамъ представлены культурныя ступени, которыя, по всей своей внѣшности и по типу своихъ каменныхъ орудій, должны быть отнесены къ этому періоду, но нѣтъ и тѣни доказательства, что они относятся къ четвертичному времени и хотя бы приблизительно одновременны съ нашими европейскими находками.

Лишь въ сѣверной Азіи встрѣчаемъ мы снова настоящія четвертичныя орудія, хотя пока они имѣются въ довольно небольшомъ числѣ. Во всякомъ случаѣ, къ новѣйшему палеолитическому періоду относится становище первобытныхъ охотниковъ, открытое проф. Кащенко въ 1896 г. въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска. Здѣсь на глубинѣ 3,5 метровъ былъ найденъ скелетъ цѣльнаго мамонта, кости котораго были, однако, перепутаны и расщеплены; у черепа отсутствовала черепная крышка. Это были, несомнѣнно, остатки трапезы четвертичныхъ охотниковъ, о чемъ, кромѣ того, свидѣтельствовалъ и обильный углями слой пещла. Вмѣстѣ съ этими костями были найдены скребки, ножи и около сотни различныхъ обломковъ кремня, имѣвшихъ формы, характерныя для второй половины палеолитическаго періода. Съ меньшей увѣренностью пока можемъ мы высказаться относительно другихъ находокъ въ сѣверной Азіи, относительно которыхъ имѣются лишь краткія литературныя указанія.

Сѣверо-американскія находки, которыя можно было бы поставить въ па-

раллель къ европейскимъ находкамъ новѣйшаго палеолитическаго періода, намъ пока совершенно не извѣстны; точно такъ же неизвѣстны и находки изъ Южной Америки. Быть-можетъ, сюда слѣдовало бы отнести пещеру Ультима Эсперанца въ южной Патагоніи, о которой мы упоминали на стр. 114.

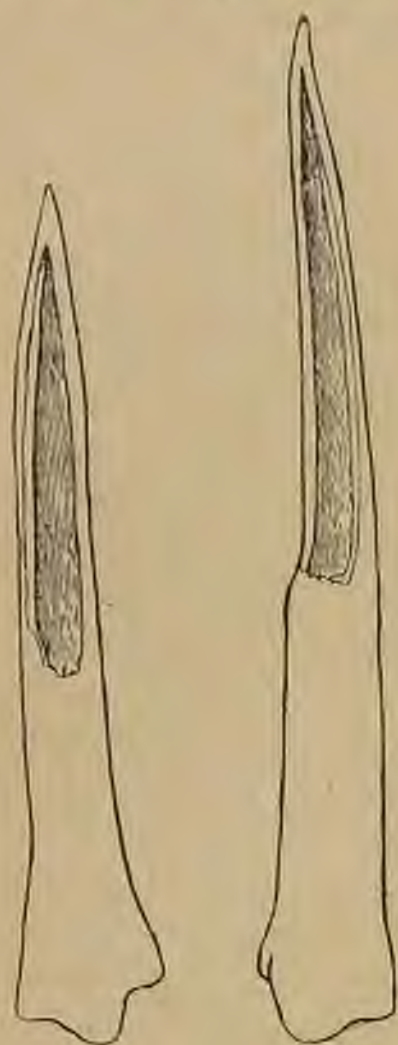

Рис. 205. Костяныя шила изъ пещеры Ультима Эсперанца (длиною въ 10 и 12 сантим.).

По Гаутгалю.

Въ ней были найдены прежде всего заключенные въ слоѣ навоза въ высокой степени интересные остатки грипотерія, виѣшній видъ которыхъ показывалъ, что они были въ рукахъ человѣка. Присутствіе человѣка здѣсь въ это время подтверждалось и нахожденіемъ остатковъ очаговъ, слоевъ пепла и, наконецъ, нахожденіемъ двухъ каменныхъ и двухъ костяныхъ орудій (рис. 205). Мы воспроизводимъ изъ нихъ два костяныхъ шила, изъ которыхъ одно находилось на глубинѣ 1 метра, другое—на 1,5 метра подъ поверхностью. Р. Гаутгалъ предполагаетъ, что грипотерій содержался человѣкомъ какъ домашнее животное и обиталъ вмѣстѣ съ нимъ въ этой огромной пещерѣ. Когда бывало нужно, огромныхъ животныхъ убивали, поѣдали и пользовались ихъ шкурою для одежды. Леманъ-Нитше справедливо замѣчаетъ, однако, что доводы Гаутгала совершенно не могутъ считаться въ данномъ случаѣ убѣдительными. Что пещера эта долгое время была населена грипотеріями, явствуетъ изъ толщины слоя навоза, отложеннаго ими; комки навоза доказываютъ, что здѣсь находились какъ взрослые, такъ и молодыя животныя, и пещера, слѣдовательно, была ихъ постояннымъ убѣжищемъ, гдѣ они размножались и жили съ молодыми особями. Легко можно себѣ представить, что охотничье племя первобытныхъ обитателей застало цѣлую семью этихъ животныхъ въ пещерѣ, убило ее тамъ, на томъ же самомъ мѣстѣ съѣло добычу и черезъ нѣкоторое время снова покинуло пещеру. Это могло совершаться даже нѣсколько разъ подъ рядъ и, быть-можетъ, каменный валъ,

находящійся у входа и образующій барьеръ, которымъ замыкалась пещера, былъ построенъ ради того, чтобы превратить эту пещеру въ западню. Остатки растений, найденныя въ пещерѣ и принятыя Гаутгалемъ за пищу охотниковъ, могли служить имъ просто вмѣсто подстилки для сна. Несомнѣнно, отъ охотниковъ же осталась и найденный въ слоѣ навоза кусокъ кожи величиной въ четвертушку бумаги, принадлежащій не грипотерію, а какому-то другому животному и состоящій изъ двухъ половинокъ, связанныхъ очень грубо швомъ изъ кожаныхъ ремней.

ГЛАВА VII.

Первобытная хронологія и древность человѣческаго рода.

Послѣ того, какъ мы познакомились съ прочно установленными культурными ступенями четвертичнаго періода, дальнѣйшею нашей задачей должно явиться помѣщеніе ихъ въ рамки геологической хронологіи, которая была нами выработана ранѣе для ледниковаго періода (см. стр. 43 и 110). При этомъ пока намъ приходится исключить совершенно изъ разсмотрѣнія виѣ-европейскія страны, такъ какъ здѣсь, за исключеніемъ Америки, еще совершенно отсутствуетъ детальное раздѣленіе четвертичнаго періода на болѣе мелкіе отдѣлы. Въ самой Европѣ наиболѣе прочныя опорныя точки были найдены въ Альпахъ, почему и въ данномъ случаѣ намъ придется начать отсюда наше разсмотрѣніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, для европейскаго материка установить геологическій возрастъ палеолитическаго періода. Всѣ прежнія попытки установленія хронологіи должны были отступить на задній планъ послѣ новѣйшихъ несравненно болѣе точныхъ изслѣдованій въ Альпахъ, такъ что объ этихъ попыткахъ мы можемъ даже и не говорить; тѣмъ болѣе значеніе имѣетъ первобытная хронологія, установленная знаменитѣйшимъ знатокомъ четвертичнаго періода, А. Пенкомъ.

Человѣкъ древняго каменнаго вѣка жилъ большею частью за предѣлами области распространенія огромныхъ глетчеровъ ледниковаго періода, благодаря чему бываетъ довольно трудно установить связь между отложеніями ледниковаго періода и одновременными археологическими находками. Тѣмъ не менѣе, различныя находки, весьма характерныя по своей природѣ, были едѣланы и внутри границъ послѣдняго оледенѣнія. „Это можно сказать какъ о Шуссенридѣ, такъ и о классическихъ мѣстонахожденіяхъ кантона Шаффгаузена, именно о Кесслерлохѣ у Таингена и о Швейцербильдѣ у Шаффгаузена; наконецъ, то же самое можно сказать и о Вейрьѣ у Женевы, мѣстности, которая по воздушной линіи отстоитъ не менѣе какъ въ 85—160 километрахъ отъ моренъ ледниковаго періода Ронскаго глетчера. Это же самое касается и находокъ Лезъ-Ото недалеко отъ Кюлозъ и цѣлага ряда другихъ станцій вдоль прорыва Роны чрезъ хребетъ Юры. Всѣмъ даннымъ мѣстонахожденіямъ свойственна определенная культурная ступень, характеризуемая обильнымъ находженіемъ издѣлій изъ рога сѣвернаго оленя. Всѣ они принадлежатъ концу палеолитическаго періода и являются типичными магдаленскими мѣстонахожденіями“. „Ничто не указываетъ намъ на то, чтобы послѣ магдаленскаго періода наступило еще болѣе значительное возвращеніе періода охлажденія. Потому мы не можемъ непосредственно послѣ максимума охлажденія признать наступленіе вюрмской эпохи, за которой послѣдовало значительное ахенское климатическое колебаніе, а должны поставить его въ параллель съ бюльскою стадіей, за предѣлами которой и возникли всѣ указанныя мѣстонахожденія. Если мы отнесемъ къ бюльскою стадіи Швейцербильдъ съ его находками издѣлій изъ рога сѣвернаго

олена, относящимися къ періоду исчезновенія мамонта и носорога, и если признаемъ, что находки Кесслерлоха, характерныя многочисленными остатками мамонта, являются болѣе древними, то они должны быть отнесены къ періоду ахенскаго колебанія, отличающагося болѣе умѣреннымъ климатомъ,—къ періоду, когда глетчеры настолько отступили къ горамъ, насколько они позднѣе отступили во время гжницкой стадіи“ (А. Пенкъ). Такимъ образомъ Пенкъ относитъ магдаленскій періодъ къ послѣдниковому времени и дѣлаетъ это съ полнымъ правомъ, такъ какъ иначе мы никоимъ образомъ не могли бы встрѣтить мѣстонахожденія, относящагося къ этому времени, въ такихъ областяхъ, которыя въ періодъ максимальнаго оледенѣнія послѣдняго ледниковаго періода находились погребенными подо льдомъ и были совершенно недоступны. „Ни одной палеолитической станціи болѣе древней эпохи, чѣмъ магдаленская, не было до сихъ поръ найдено въ предѣлахъ новѣйшихъ моренъ Альпъ, т.-е. моренъ четвертаго ледниковаго періода; но, съ другой стороны, ни одного мѣстонахожденія не было встрѣчено до сихъ поръ и на древнихъ моренахъ, т.-е. на моренахъ третьяго ледниковаго періода. Область глетчеровъ вообще ими избѣгается. Изъ того, что взаимно исключаютъ себя пещерныя находки мустьерской эпохи и границы максимальнаго оледенѣнія области Роны—оледенѣнія, относящагося къ рисской эпохѣ, я могу лишь заключить, что либо оба эти явленія относятся къ одному времени, либо оледенѣніе въ рисскую эпоху послѣдовало непосредственно за эпохой мустьерской и уничтожило всѣ ея слѣды. Только на одномъ мѣстѣ въ области Роны были найдены объекты мустьерской эпохи въ болѣе молодыхъ слояхъ, именно, въ рѣчной террасѣ Вилльфраншъ выше Ліона на Сонѣ. Эта находка во Франціи обратила на себя большое вниманіе, такъ какъ объекты происходили изъ слоевъ, которые содержали характерныя остатки животныхъ шельской фауны, наиримѣръ, кости носорога Мерка. По своимъ собственнымъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ этой мѣстности, я могу лишь присоединиться къ мнѣнію Депенрэ, что терраса у Вилльфраншъ межледниковаго происхожденія. Она относится къ послѣдному межледниковому періоду и, будучи покрыта лёссомъ, представляетъ собою болѣе древнюю фазу этого періода, именно время распространенія лёсса. Орудія мустьерской эпохи свидѣтельствуютъ о томъ, что культура этой эпохи пережила рисское оледенѣніе и продолжалась еще въ теченіе рисско-вюрмскаго межледниковаго періода, — иначе говоря, послѣдняго межледниковаго періода“. При этомъ Пенкъ дѣлитъ мустьерскую эпоху на два отдѣла,—на „холодное время“ мустьерской эпохи, общепризнанное и всѣмъ извѣстное, совпадающее съ третьимъ ледниковымъ періодомъ, и на „теплое время“, соответствующее смѣшенію каменныхъ орудій этой стадіи съ остатками свойственнаго теплomu климату носорога, какъ то было выше указано. По мнѣнію Пенка, это время представляло собою вторую болѣе позднюю половину данной стадіи культуры и совпадало съ первой половиной третьяго межледниковаго періода, которому, какъ извѣстно, соответствовалъ теплый климатъ. Относительно солотрейской эпохи и ея положенія въ этой схемѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Извѣстно, что она вмѣстѣ съ ориньякской эпохой вклинивается между мустьерской и магдаленской. Если желательно опредѣлить ея возрастъ, то, по мнѣнію Пенка, „въ окрестностяхъ Ліона имѣется въ распоряженіи слѣдующій матеріалъ: мустьерская эпоха продолжается тамъ до лёсной фазы послѣдняго межледниковаго періода, магдаленская эпоха наступаетъ послѣ отступанія вюрмскихъ ледниковъ изъ области прорыва Роны чрезъ хребетъ Юры; для солотрейской эпохи, такимъ образомъ, остается лишь вторая фаза послѣдняго межледниковаго періода и время наступанія вюрмскаго оледенѣнія. Принимая во вниманіе чрезвычайно богатую

фауну травоядныхъ животныхъ въ отложеніяхъ Солютрэ, указывающую на болѣе мягкій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сухой климатъ, можно склониться скорѣе къ тому, что солиотрейская эпоха совпадаетъ со второю фазою рисско-вюрмскаго межледниковаго періода, слѣдовательно, со временемъ послѣдняго процесса образованія лёсса, а не съ самымъ вюрмскимъ ледниковымъ временемъ. Это предположеніе подкрѣпляется археологическими находками въ лёссѣ. Правда, такихъ находокъ нѣтъ въ области Ліона, и трудно признать таковыми находки въ лёссѣ Нижней Австріи, такъ какъ ея лёссовыя отложенія, какъ я имѣлъ возможность доказать, являются чисто-межледниковыми. Нигдѣ лёссъ не спускается на нижнія террасы. Какъ бы то ни было, все же нижне-австрийскій лёссъ долженъ быть отнесенъ къ солиотрейскому періоду, и эта доисторическая эпоха должна совпадать съ концомъ послѣдняго межледниковаго времени“.

„Находки шельской эпохи чрезвычайно рѣдки вблизи Альпъ и обыкновенно являются единичными. При этомъ отсутствуютъ прочныя опорныя пункты для параллелизаціи шельской эпохи съ ледниковыми отложеніями Альпъ. Если она древнѣе мустьерской, то, самое позднее, мы можемъ отнести ее къ предпослѣднему, именно къ миндель-рисскому межледниковому періоду. Этотъ періодъ былъ значительно болѣе продолжительнымъ, чѣмъ позднѣйшій рисско-вюрмскій межледниковый періодъ; возможность, что въ теченіе его образовались отложенія, и что изъ него дошли до насъ издѣлія рукъ человѣческихъ, была потому гораздо значительнѣе“.

Такимъ образомъ, Пенкъ сводитъ свою хронологію первобытнаго человѣка ледниковаго періода въ слѣдующую таблицу, которую я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ воспроизвести, что въ 1908 г. имъ снова было заявлено, что „новѣйшія работы Буля и Обермайера не заставляютъ его ни въ чемъ измѣнить того сопоставленія между альпійскими отдѣлами ледниковаго періода и находками произведеній палеолитическаго человѣка“, которое было имъ установлено въ 1903 году. Таблица эта слѣдующая:

I ледниковый періодъ (гюнцскій)	}	Нѣтъ палеолитическихъ остатковъ.
1-й межледниковый періодъ		
II ледниковый періодъ (миндельскій)	}	Шельская эпоха. Ашѣльская эпоха.
2-й межледниковый періодъ		
III ледниковый періодъ (рисскій)	}	Холодная мустьерская эпоха.
3-й межледниковый періодъ:		
а) лѣсная стадія		
б) степная стадія	}	Ориньякская эпоха.
		Солюотрейская эпоха.
IV ледниковый періодъ (вюрмскій)	}	Магдаленская эпоха.
Послѣледниковый періодъ		
а) Ахенское колебаніе		
б) Бюльская стадія		
в) Гжницкая стадія	}	Азильская эпоха.
д) Даунская стадія		
Геологическій современный періодъ		Неолитическій періодъ и вѣкъ металловъ.

По Пенку, палеолитическій человѣкъ Европы былъ, слѣдовательно, свидѣтелемъ двухъ ледниковыхъ періодовъ, двухъ межледниковыхъ періодовъ и, само собою разу-

мѣется, также и послѣдниковаго періода. Мои собственныя изслѣдованія въ области Альпъ и Пиренеевъ привели меня къ другимъ заключеніямъ.

Чтобы начать съ той же области, на которой основывается Пенкъ, я сперва изложу данныя, касающіяся Альпъ. Я вполне согласенъ съ Пенкомъ, что магдаленская эпоха относится къ послѣдниковому періоду, но тѣмъ болѣе сомнѣній возбуждаетъ у меня отнесеніе солотрейской эпохи къ послѣдному межледниковому періоду. Относительно точнаго археологическаго характера ниже-австрійскихъ лёссовыхъ находокъ Пенкъ никогда не былъ вполне увѣренъ и не уяснилъ себѣ его достаточно; въ 1902 году онъ относилъ всѣ эти находки къ мустьерской эпохѣ, въ 1903 г. онъ приписывалъ имъ солотрейскій возрастъ и, наконецъ, въ 1905 г. указывалъ на близкое ихъ родство съ магдаленской эпохою. На самомъ дѣлѣ, въ австрійскомъ лёссѣ мы не находимъ орудій мустьерской эпохи. Къ солотрейской эпохѣ принадлежитъ изъ множества другихъ мѣстностей единственно лишь Пржедмость въ Моравіи; подавляющее большинство находокъ должно быть, однако, отнесено къ ориньякской эпохѣ, какъ это было выяснено мною въ 1908 году. Два мѣстонахожденія, впрочемъ, являются исключеніями—Аггебахъ (стр. 334) и Гобельсбургъ (стр. 339). Они не очень богаты орудіями, но матеріалъ ихъ во всей своей сложности можетъ разсматриваться лишь какъ принадлежащій къ магдаленской эпохѣ. Сюда присоединяется въ лёссовой области верхняго Рейна мѣстонахожденіе Мунцингенъ въ Баденѣ (стр. 316), которое, по Шётензаку, Брейлю и Шмидту, также относится къ магдаленской эпохѣ. Дальнѣйшія еще болѣе многочисленныя и болѣе опредѣленныя находки, несомнѣнно, впослѣдствіи рѣшатъ этотъ вопросъ окончательно. Самъ я лично нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что орудія магдаленскаго періода встрѣчаются въ лёссѣ, и что послѣдній, слѣдовательно, имѣетъ такой же геологическій возрастъ, т.-е. является послѣдниковымъ. Въ этомъ я вижу подтвержденіе въ Андернахѣ на Рейнѣ (стр. 318), мѣстонахожденіе, которое, несомнѣнно, относится къ магдаленской эпохѣ и содержитъ археологическія находки въ глинѣ, которая, по Вигерсу, „фактически представляетъ собою, въ виду находящихся въ ней известковыхъ конкрецій, раковинъ, улитокъ и остатковъ четвертичныхъ млекопитающихъ, не что иное, какъ превращенную въ глину поверхность рейнскаго повѣйшаго лёсса“. Далѣе утверждаетъ меня въ этомъ мнѣніи и мѣстонахожденіе Либоцъ въ Богеміи (стр. 343), которое сами изслѣдователи его, Гёрнесъ и Байеръ, считаютъ магдаленскимъ. Что новѣйшій лёссъ является послѣдниковымъ, а не межледниковымъ,—ошибка, которая и заставила Пенка отнести ориньякскій и солотрейскій періоды къ межледниковому времени—подтверждаютъ все болѣе и болѣе и спеціальныя геологическія изслѣдованія. Шлоссеръ нашелъ въ нижней долинѣ Инна, у Берга и у Фишбаха, настоящій лёссъ, который у послѣдняго мѣстечка имѣетъ въ толщину даже 3 метра,—этотъ лёссъ Пенкъ обходитъ полнымъ молчаніемъ, тогда какъ его послѣдниковый возрастъ не требуетъ никакого доказательства, такъ какъ эта мѣстность находится далеко позади и внутри вюрмекскихъ моренъ Иннскаго глетчера. Если самъ Брюкнеръ допускаетъ, что въ окрестностяхъ Альпъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ имѣется и послѣдниковый лёссъ или лёссовый песокъ, то мы съ Кокеномъ (1909 г.) еще съ большею увѣренностью можемъ сказать, „что лёссъ конца ледниковаго и послѣдниковаго періода наблюдается не въ качествѣ исключенія или запоздавшаго образованія на отдѣльныхъ мѣстахъ, а представляетъ собою огромную массу повѣйшаго лёсса, которая совпадаетъ съ максимумомъ послѣдняго оледенѣнія и характеризуетъ то время, когда огромныя количества льда тали, и обширныя области были завоеваны вновь раститель-

постью, при чемъ предтечами позднѣе появившагося лѣса распространились альпійскіе дуга и кустарниковыя заросли“. Этотъ новѣйшій послѣледниковый лѣсъ и содержитъ въ себѣ въ то же время остатки солотрейской и ориньякской эпохъ.

Въ силу этого, весь новѣйшій палеолитическій періодъ мы относимъ ко времени послѣ вюрмскаго періода,—это объясняетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, также, почему его фауна сохранилась въ такомъ количествѣ и столь хорошо.

Къ послѣднему теплomu межледниковому періоду Пенкъ причисляетъ „теплое время мустьерской эпохи“, признать которое его заставили находки въ Вилль-франшъ-сюръ-Сонъ, истолкованныя имъ, однако, совершенно неудачно. Какъ бросается въ глаза при ближайшемъ изученіи найденнаго тамъ матеріала, остатки носорога Мерка являются тамъ плохо сохранившимися и большею частью обкатанными, — они, слѣдовательно, перемѣщены и попали лишь позднѣе въ террасу ледниковаго наноса. Зато остатки мамонта, сѣвернаго оленя, зубра и

другихъ животныхъ сохранились въ гораздо болѣе незатронутомъ видѣ и не обкатаны вовсе такъ же, какъ не являются таковыми и орудія мустьерской эпохи, которыя приготовлялись на этомъ самомъ мѣстѣ. Этимъ характеризуется взаимная связь между данными орудіями и остатками сѣверныхъ животныхъ, и все эти находки оказываются относящимися просто-на-просто къ холодной мустьерской эпохѣ, каковая была и раньше известна въ западной и центральной Европѣ,—ея геологическій возрастъ и въ Вилльфраншъ-сюръ-Сонъ не можетъ быть съ точностью опредѣленъ.

Но, если въ альпійской области и отсутствуетъ мустьерская эпоха, то тамъ, во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, находятся орудія ашѣльской эпохи. Одно изъ этихъ мѣстонахожденій—Конльежъ, недалеко отъ Лонъ-ле-Сонъ, гдѣ въ совершенно ледниковой области были найдены два ручные топора, описанные Булемъ (рис. 206). Они находились въ слоѣ глины, которая, несомнѣнно, была новѣе ледниковыхъ отложений тамошней мѣстности, относящихся, по предположенію самого Пенка, лишь къ третьему ледниковому періоду. Наша ашѣльская эпоха относится, слѣдовательно, къ третьему, послѣднему ледниковому періоду, и Пенкъ

Рис. 206. Ручные каменные топоры изъ Конльежъ.
Нат. вел.

(a—по фотографіи аббата Турнье, b—по Булю).

значительно отстываетъ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, когда заявляетъ, что тамъ необходимы еще болѣе подробныя изслѣдованія, чѣмъ его собственныя, для точнаго раздѣленія миндельскихъ и рисскихъ отложений. Эта находка, какъ было указано уже Булемъ, никоимъ образомъ не является единичною. Еще въ 1887 году Тарди опубликовалъ описаніе типичнаго ручнаго топора, имѣющаго форму наконечника копья и относящагося къ новѣйшей ашѣльской эпохѣ; этотъ топоръ былъ найденъ въ окрестностяхъ Шаль-де-Боанъ у Откура въ департаментѣ Энъ, гдѣ находилась, повидимому, цѣлая мастерская, такъ какъ тамъ же было найдено еще пять ручныхъ топоровъ, которые, впрочемъ, по сообщенію аббата Турнье, были выброшены (рис. 207). Они находились „in situ“, въ слоѣ красной глины, который тамъ всюду покрываетъ углубленія известняковъ, самыя глубокія части которыхъ выполнены ледниковымъ наносомъ, какъ мѣстнымъ, такъ и альпійскимъ. Это ледниковое образованіе, по мнѣнію Пенка, относится къ рисскому времени, такъ что опять-таки ашѣльскій періодъ мы должны признать бывшимъ послѣ третьяго ледниковаго періода, а не передъ нимъ. Будучи поставленъ въ немалое затрудненіе этою находкою, Пенкъ отдѣляется отъ него на этотъ разъ замѣчаніемъ, что „и въ ранній неолитическій періодъ неоднократно случалось находить каменные орудія, очень сходныя съ шелльскими каменными топорами“. Это замѣчаніе, какъ справедливо говоритъ Буль, должно поразить cadaго изслѣдователя-спеціалиста по четвертичному періоду, такъ какъ находка въ Шаль-де-Боанъ обнаруживаетъ совершенно несомнѣнный четвертичный характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не представляетъ собою находки, сдѣланной на поверхности земли, — она была добыта изъ нѣдръ безспорно четвертичной глины. Если безъ всякой предвзятости смотрѣть на вещи, то нельзя не отмѣтить, что геологическія представленія Пенка о хронологіи и выводы, дѣлаемые имъ на основаніи археологическихъ находокъ, между собою не согласуются. Въ частности вышеупомянутыя находки указываютъ на то, что ашѣльскій періодъ относится къ послѣднему межледниковому времени; къ нему же относится и шелльскій періодъ, изъ котораго ашѣльскій органически развился.

Къ такимъ же выводамъ о первобытной хронологіи приводитъ и разсмотрѣніе столь богатой палеолитическими мѣстонахожденіями западной Европы, гдѣ мы видимъ всѣ ступени постепенныхъ переходовъ и можемъ безъ пропуска возстановить преемственность и связь между эпохами. Здѣсь мы находимъ фауну теплаго климата всюду лишь вмѣстѣ съ шелльскими орудіями; начиная съ этого времени, отъ ашѣльскаго періода и вплоть до конца магдаленской эпохи фауна соответствуетъ холодному климату. Несомнѣнно, „теплая“ мустьерская эпоха Пенка, вклинивавшаяся, по его мнѣнію, между холодной мустьерской эпохой и холодной же ориньякской, должна была бы прежде всего и лучше всего сказаться во Франціи, если на самомъ дѣлѣ существовала такая перемѣна фаунистическихъ условій. Ничего подобнаго, однако, мы не находимъ въ западной Европѣ, хотя тамъ развитіе фауны и археологическихъ находокъ можетъ быть прослѣжено съ такою полнотою, какой никогда и нигдѣ мы не находимъ болѣе.

Археологическія находки Франціи во всей своей сложности показываютъ намъ, что остатки палеолитическаго періода всего лишь единственный разъ находятся вмѣстѣ съ остатками животныхъ теплаго климата, и это именно въ шелльскую эпоху. Она совпадаетъ, такимъ образомъ, съ самою послѣднею южною четвертичною фауною послѣдняго межледниковаго періода. Развивающаяся изъ шелльской ашѣльская эпоха (Шаль-де-Боанъ и Коильежъ) представляетъ собою уже холодную эпоху развитія степей и является переходомъ къ четвертому ледниковому періоду. Параллельно этому періоду развивается настоящая мустьерская эпоха, которая французскими учеными съ

давнихъ поръ относилась къ періоду оледенія. Весь точно также холодный новѣйшій палеолитическій періодъ относится къ послѣдниковому періоду, при чемъ нѣсколько болѣе умѣренныя стадіи ориньякской и солотрейской эпохи входятъ въ составъ ахенскаго колебанія, обнаружившаго болѣе умѣренный климатъ, а холодная магдаленская эпоха прекрасно совпадаетъ съ бюльскимъ оледеніемъ, во время котораго холодъ увеличился.

Не менѣе ясны фаунистическія условія и въ Германіи. Р. Шмидтъ подчеркиваетъ, что въ особенности въ палеолитическихъ профиляхъ пещеръ Швабскихъ Альпъ обнаруживается двукратное массовое появленіе арктической фауны мелкихъ животныхъ съ высоко арктическимъ леммингомъ во главѣ. Первое совпадаетъ со временемъ между концомъ мустьерской эпохи и началомъ ориньякской. Конецъ ориньякской является также холоднымъ, но все же въ нѣсколько меньшей степени; лишь съ солотрейской эпохи обнаруживается второе вторженіе арктическихъ грызуновъ, достигающее въ раннюю магдаленскую эпоху самаго сильнаго развитія. Ранняя ориньякская и ранняя магдаленская эпохи совпадаютъ, слѣдовательно, съ двумя наиболѣе глубокими пониженіями температуръ въ ледниковый періодъ. Въ виду того, что магдаленская эпоха соотвѣтствуетъ бюльскому распространенію льдовъ Пенка, ранняя ориньякская можетъ соотвѣтствовать лишь вюрмекому максимуму, — но этимъ опять-таки весь новѣйшій палеолитическій періодъ приходится признать послѣдниковымъ, а мустьерскую эпоху, по существу, эквивалентной послѣднему, четвертому ледниковому періоду.

Нѣкоторыя другія возраженія Пенка мы можемъ разсматривать также какъ доводы, вовсе не ослабляющіе нашихъ соображеній, такъ какъ они относятся къ тѣмъ мѣстоименіямъ,

которыя вообще не находятся въ слояхъ, представляющихъ собою ледниковыя отложенія, хронологически точно устанавливаемые. Относительно мустьерскихъ отложеній пещеръ Гримальди мы высказали уже свои взгляды выше (стр. 186), точно также были нами высказаны взгляды и на древне-мустьерскія отложенія Вильдкирхли (стр. 183) съ ихъ умѣренною, но нѣкоимъ образомъ не относящеюся къ теплomu климату фауною, такъ какъ пещерный левъ и пещерный медвѣдь чаще всего встрѣчаются во время прохладныхъ стадій, и нерѣдко послѣдній замѣщается въ періодъ рѣзко выраженнаго межледниковаго лѣснаго климата бурымъ медвѣдемъ. Если Пенкъ считаетъ Таубахскія находки,

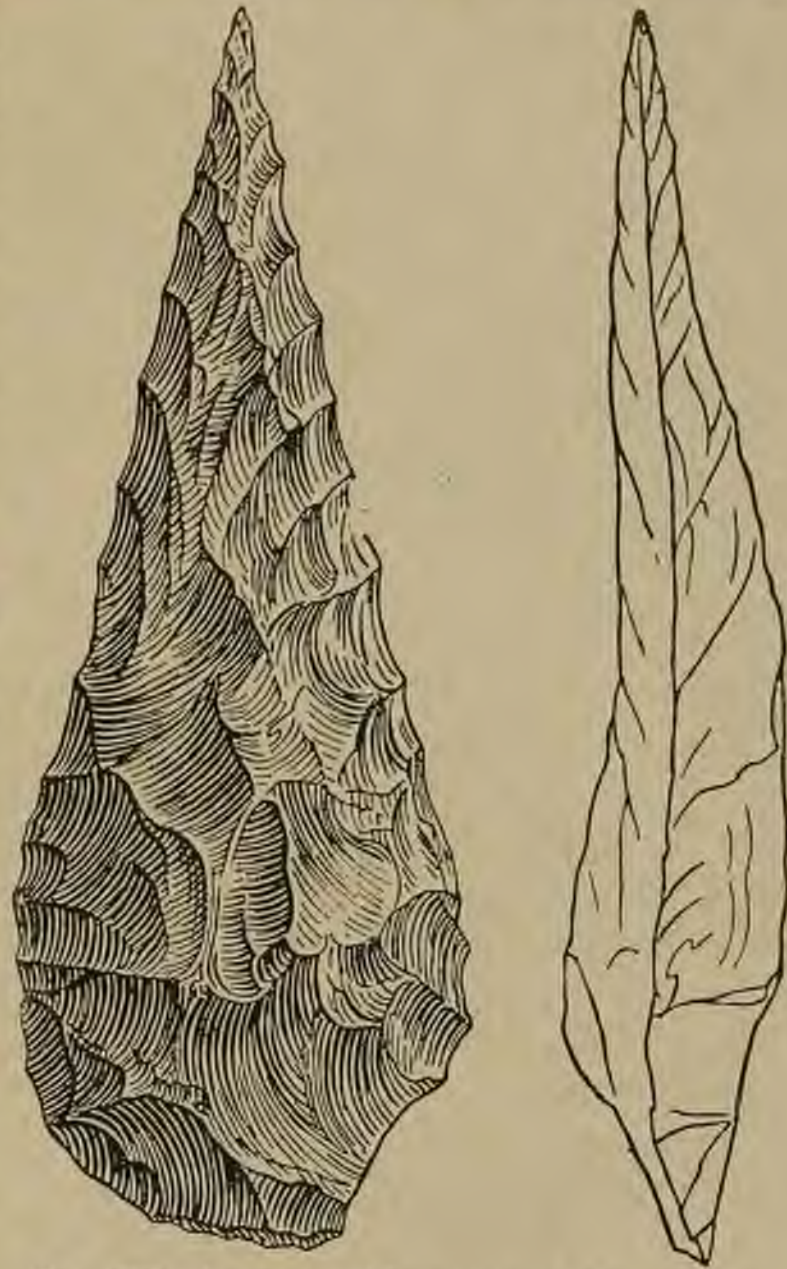

Рис. 207. Ашэльскій каменный опоръ изъ Шаль-де-Боанъ. $\frac{1}{2}$ нат. вел.
По Тарди.

найденныя за предѣлами Альпъ, „типично мустьерскими“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соответствующими шельской фаунѣ, то пока мы можемъ лишь съ опредѣленностью сказать, что самый нижній травертинскій слой Таубаха заключаетъ совершенно нетипичныя каменные орудія, а верхніе отдѣлы тѣхъ же травертинскихъ слоевъ Эрингедорфа содержатъ несомнѣнно болѣе новыя орудія ашѣльскаго времени, которое самъ Пенкъ причисляетъ „безспорно къ риско-вюрмскому межледниковому времени“. Находки эти не даютъ никакихъ основаній предполагать конецъ мустьерской эпохи или ориньякское время, не говоря уже о томъ, что эта область требуетъ, конечно, гораздо болѣе подробнаго изслѣдованія, что и не скрывается вовсе лучшимъ знатокомъ этихъ мѣсто-нахожденій Вюстомъ. Не стоитъ возвращаться здѣсь и къ находкамъ, сдѣланнымъ въ Краинѣ (стр. 174). Мы считаемъ, однако, необходимымъ отмѣтить еще разъ находку Вустрофъ-Нигагена. По своей виѣшной формѣ она обнаруживаетъ ашѣльскій типъ (рис. 208) и по указаніямъ нашедшаго располагалась въ четвертичномъ мергелѣ въ области Балтійскаго оледенѣнія, которое можетъ быть отнесено къ четвертому ледниковому періоду. Въ этомъ случаѣ возможно лишь предположеніе, что это орудіе относится къ послѣдному межледниковому періоду, и что послѣ того, какъ оно было сдѣлано, никакъ не могли прійти еще два ледниковыхъ періода. Возможно, впрочемъ, что орудіе это относится даже къ еще болѣе позднему времени, обнаруживая совпаденія виѣшной формы, тѣмъ болѣе, что стратиграфическія условія его нахожденія весьма спорны. Если загѣмъ Чарновскій констатировалъ, что на Смаржевицкой горѣ слои съ ашѣльскими орудіями прикрыты ледниковымъ наносомъ (стр. 181), то, по состоянію современныхъ нашихъ знаній, мы можемъ эти ледниковыя отложенія на сѣверномъ склонѣ Бескидовъ привести въ связь лишь съ третьимъ ледниковымъ періодомъ, такъ какъ онъ представляетъ собою максимальное распространеніе льдовъ. Въ этомъ случаѣ мы должны признать ашѣльскій періодъ соответствующимъ риско-вюрмскому межледниковому времени, что вполне совпадаетъ съ моей классификаціей.

Къ такимъ же выводамъ привели меня и мои геологическія изслѣдованія въ Пиренеяхъ. Въ 1905 г. я нашелъ въ бассейнѣ Гаронны между Казаръ и Тулузою 4 системы террасъ ледниковаго наноса, принадлежность котораго къ эпохѣ развитія рѣкъ въ ледниковомъ періодѣ кажется мнѣ несомнѣнной, почему я и для этихъ горъ призналъ 4 ледниковыхъ періода и четвертую самую низкую террасу считать относящеюся къ послѣдному ледниковому періоду, третью—къ предпослѣдному. Въ этомъ отношеніи мои выводы совершенно согласуются съ выводами геолога Харлэ, тогда какъ Буль склоненъ признать лишь три системы террасъ, Пенкъ предполагаетъ ихъ пять и изъ нихъ древнѣйшую считаетъ плиоценовой. На моей третьей террасѣ находятся три мѣстности съ палеолитическими находками—Фонсорбъ, Камбернаръ и Сенъ-Кларъ; имъ соответствуетъ въ области Арьежъ мѣстопахожденіе Инфернэ, гдѣ найдены остатки пещернаго льва, мамонта, сибирскаго носорога, гигантскаго оленя, горнаго козла, дикой лошади и зубра (мѣстность эта нанесена на карту, помещенную къ стр. 46). Всѣ эти станицы относятся, какъ я доказалъ, къ шельской эпохѣ и соответствуютъ, слѣдовательно, второй половинѣ третьяго межледниковаго періода. Несомнѣнно, послѣдниковый возрастъ магдаленской эпохи обнаружился также въ снятой мною области изъ положенія ла-Турасъ и Оранзанъ. Мѣстопахожденіе Лортэ на рѣкѣ Нестѣ, наконецъ, содержитъ въ самомъ низу у своего основанія археологическіе остатки, которые я ставлю въ связь съ новѣйшею солиотрейскою эпохою, обнаруживающею въ южной Франціи нѣкоторыя измѣненія сообразно съ областями распространенія; здѣсь отсутствуютъ классическія для всѣхъ другихъ мѣстностей и типичныя для солиотрейской эпохи ка-

менные орудія — наконечники копій, имѣющіе форму лавроваго листа. Надъ ними находится слой съ чисто-магдаленскими и азильскими каменными орудіями. Имѣя въ виду, что эта пещера располагается на 15 метрахъ надъ уровнемъ Несты, слѣдовательно, на горизонтѣ нижней террасы, и что ея включенія покоятся въ слояхъ глины, которые не затрагивались водами рѣки и не нарушались, можно заключить, что и въ Пиренеяхъ солиотрейская эпоха относится къ послѣднему межледниковому времени. Болѣе подробное изслѣдованіе условій въ области Арьежъ я имѣю въ виду предпринять еще въ будущемъ. Здѣсь же можно указать, что Коммонъ, Тіо и Дюбюсъ нашли несомнѣнные магдаленскіе слои въ лёссовыхъ отложеніяхъ сѣверной Франціи.

Такимъ образомъ, мы считаемъ въ настоящее время окончательно установленнымъ, что древній палеолитическій періодъ относится лишь къ послѣднему межледниковому времени. Но, несмотря на это, первобытный человекъ въ предѣлахъ Европы, безспорно, является еще болѣе древнимъ. Шёттензакъ получилъ въ 1907 г. нижнюю челюсть человека, найденную на глубинѣ 24 метровъ въ пескахъ Неккара и Мауера въ окрестностяхъ Гейдельберга, — объ этой челюсти намъ придется говорить еще далѣе подробнѣе въ антропологической части. Она была найдена вмѣстѣ съ остатками одного изъ видовъ медвѣдей (*Ursus Deningeri*), который является предполагаемымъ родоначальникомъ пещернаго медвѣдя, и вмѣстѣ съ костями *Rhinoceros etruscus*—предка носорога Мерка. Оба эти вида уже не могутъ относиться къ третьему межледниковому времени, и потому эту находку мы должны отнести ко второму межледниковому времени, тѣмъ болѣе, что съ анатомической точки зрѣнія она довольно точно примыкаетъ къ другимъ остаткамъ человека древне-палеолитическаго періода. Основное значеніе этой челюсти заключается въ томъ, что она происходитъ изъ отложеній, изъ которыхъ намъ не извѣстно еще пока издѣлій человека. Это доказываетъ, что въ Европѣ еще до шельскаго періода жилъ человекъ, находившійся на болѣе низкой культурной ступени, чѣмъ человекъ палеолитическаго періода,—эта ступень намъ пока не извѣстна подробнѣе, но она отличается чрезвычайной простотою и примитивностью.

Такимъ образомъ, геологическая хронологія первобытнаго человека въ Европѣ получаетъ ту форму, которая передана на приводимой здѣсь таблицѣ. Эта таблица относится, впрочемъ, какъ мы должны особенно подчеркнуть, лишь къ Европѣ. Относительно перваго появленія человека въ другихъ частяхъ земного шара мы пока не можемъ рѣшительно ничего сказать. Здѣсь мы, во всякомъ случаѣ, должны обратиться къ еще болѣе давнимъ временамъ, такъ какъ абсолютно ничто не даетъ намъ права считать Европу колыбелью человеческого рода.

Установивъ, такимъ образомъ, геологическую древность первобытныхъ жителей Европы, намъ хотѣлось бы, конечно, выразить въ сколько-нибудь подходящихъ къ дѣйствительности цифрахъ и его абсолютный возрастъ. За послѣднее десятилѣтіе дѣлалось не мало такихъ попытокъ, но огромная разница между отдѣльными цифрами, при-

Рис. 208. Ашѣльскій каменный топоръ изъ Вустровъ-Нигагена.
(По Бельцу.)

водимыми разными авторами, въ достаточной степени свидѣтельствуешь какъ мало до сихъ поръ было возможно ученому міру придти въ этомъ отношеніи къ сколько-нибудь одинаковымъ выводамъ. Иѣкоторыя цифры достигаютъ чрезвычайной вышины, благодаря страсти къ преувеличенію, нерѣдко особенно проявляющейся въ различныхъ популярныхъ книгахъ. Съ другой стороны, существуетъ и противоположное стремленіе, основанное на желаніи приблизиться къ библейской хронологіи, давно уже признанной несостоятельной, — именно многіе авторы приводятъ безспорно непригодныя черезчуръ низкія цифры.

Эпохи.	Фауна.	Культурная ступень.
I Ледниковый періодъ. (Гюнцское время).	Сѣверная ф.	Нѣтъ слѣдовъ человѣка.
1-й межледниковый періодъ.	Южная ф.	
II Ледниковый періодъ. (Миндельское время).	Сѣверная ф.	Нижняя челюсть изъ Мауера. До-неолитическія, еще не вполне изученныя издѣлія.
2-й межледниковый періодъ.	Южная лѣсная ф.	
III Ледниковый періодъ. (Рисское время).	Арктич.-альпійск. ф.	То же.
3-й межледниковый періодъ. а) Начало. б) Середина. в) Конецъ.	Степная ф. Южная лѣсная ф. Степная ф.	
IV Ледниковый періодъ. (Вюрмское время).	Арктич.-альпійск. ф.	Шельская эпоха. Ашѣльская и древняя мустьерская. Мустьерская эпоха.
Послѣледниковый періодъ: а) Ахенское колебаніе. б) Бюльское распротр. леди. γ) Гжницкая стадія. δ) Даунская стадія.	Степная ф. Арктич.-альпійск. ф. Лѣсная ф. Лѣсная ф.	Ориньякская и солотрейская эпохи. Магдаленская эпоха. Азильская эпоха. Начало неолитическаго періода.
Геологическая современность.	Лѣсная ф.	Середина неолитическаго періода.

Серьезный изслѣдователь, разумѣется, не будетъ вдаваться въ такія крайности и не можетъ опираться на одностороннее толкованіе отдѣльныхъ деталей, — его заключенія должны быть построены на общей оцѣнкѣ всѣхъ соответствующихъ фактическихъ данныхъ, а такая оцѣнка даетъ, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно большую продолжительность отдѣльныхъ эпохъ ледниковаго періода. Огромная масса ледниковыхъ и межледниковыхъ образованій откладывалась съ большою правильностью и постоянствомъ, какъ это извѣстно каждому, кто самъ работалъ въ этой области. Эти образованія, по свойствамъ своимъ, совершенно соответствуютъ таковымъ же настоящаго времени, такъ что наши современные наблюденія надъ вывѣтриваніемъ, размываніемъ и осажденіемъ ледниковыхъ отложеній возможно безо всякой опаски цѣликомъ перенести и на событія доисторическихъ временъ. Если тогда и дѣйствовали иныя, несравненно болѣе ускоряющія эти процессы причины, то должны были, конечно, обнаруживаться и иные результаты, которые должны были соответствовать наблюдаемому въ настоящее время въ тѣхъ областяхъ, гдѣ имѣется исключительно быстрое измѣненіе поверхности; по отношенію къ огромному большинству четвертичныхъ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, это, однако, оказывается неподходящимъ.

О чрезвычайной продолжительности каждаго ледниковаго періода говорить уже бѣглый взглядъ, брошенный на карту ледниковаго періода Европы. Даже если мы примемъ нѣсколько ускоренное движеніе глетчеровъ, по сравненію съ современнымъ, то необходимы были все же огромныя промежутки времени для того, чтобы ледяныя потоки Скандинавіи могли перебраться чрезъ Балтійское и Нѣмецкое моря и проникнуть до самаго сердца средней Европы, или для того, чтобы сѣверная сторона Альпъ могла обрасти колоссальнымъ, по мощности, слоемъ материковаго льда,—по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ надъ движеніемъ льдовъ въ арктическихъ и горныхъ областяхъ десятилѣтія играютъ въ данномъ случаѣ ничтожную роль и, какъ отмѣчаетъ Пенкъ, даже годовая скорость на границѣ сѣвовой линіи Альпъ, гдѣ глетчеры имѣютъ значительное паденіе, не превосходитъ и трехъ километровъ. Что оледенѣніе сохранялось въ теченіе значительнаго періода времени на стадіи максимума, можно считать прочно установленнымъ. Наиболѣе очевидно это для вюрмскаго времени, границы коего всюду отмѣчены огромными концевыми моренами. На небольшомъ разстояніи позади этого вала концевыхъ моренъ находятся дальнѣйшіе дугообразныя валы новѣйшихъ моренъ и затѣмъ обширныя поверхности, покрытыя моренами. Массы горныхъ породъ, отложенныхъ въ теченіе максимума вюрмскаго ледниковаго періода, огромны; это свидѣтельствуешь о значительномъ пониженіи горъ и о значительной продолжительности дѣйствія льда. То же самое можно сказать и относительно максимума рисскаго ледниковаго періода съ тѣмъ лишь отличіемъ, что, повидимому, за это время были нанесены еще болѣе крупныя морены; точно также и ледниковый наносъ—если мы представимъ себѣ террасы его дополненными до прежнихъ ихъ размѣровъ—обнаруживаетъ значительно большій объемъ. Можно было бы заключить изъ этого, что рисское ледниковое время продолжалось дольше, чѣмъ вюрмское. То же самое можно было бы сказать и относительно миндельскаго ледниковаго періода, имѣя въ виду огромныя массы моренъ, нанесенныя въ предгорьяхъ Альпъ въ области Германіи, и колоссальныя количества наноса, образующаго покровъ, если дополнить недостающія части его. Даже и гюнцское оледенѣніе, весьма мало извѣстное съ точки зрѣнія своихъ моренъ, имѣло, повидимому, болѣе значительную продолжительность, судя по огромнымъ массамъ древняго ледниковаго наноса, образующаго покровъ“ (А. Пенкъ). Приблизительно столь же медленнымъ темпомъ должно было совершаться и отступаніе ледниковъ въ концѣ каждаго ледниковаго періода, во всякомъ случаѣ—это отступаніе прерывалось продолжительными остановками, которыя съ большими подробностями извѣстны намъ изъ послѣдняго послѣ-ледниковаго періода. Такимъ образомъ, вся сумма времени каждаго ледниковаго періода, именно его „до-ледниковый періодъ, его максимумъ и его послѣ-ледниковый періодъ“, обнимають, слѣдовательно, весьма большіе промежутки времени и, въ общей сложности, въ виду того, что такихъ періодовъ было четыре, продолжительность всего ледниковаго времени была огромною.

Если, по отношенію къ отдѣльнымъ ледниковымъ періодамъ, является еще спорнымъ, были ли они неодинаковой продолжительности, то относительно межледниковыхъ это можно считать вполне прочно установленнымъ. Что они вообще продолжались чрезвычайно долго, объ этомъ свидѣтельствуешь уже сильнѣйшее вывѣтриваніе горныхъ породъ, которое, по сравненію съ вывѣтриваніемъ, происшедшимъ съ вюрмскаго ледниковаго періода, въ ледниковыхъ террасахъ оказывается во много разъ сильнѣе, притомъ даже тамъ, гдѣ поверхность наноса впоследствии оказывалась открытой болѣе новымъ наносамъ и, такимъ образомъ, была защищена ими. Можно предположить, что это продолжительное и сильное вывѣтриваніе на поверхности происходило въ

періодъ болѣе теплаго лѣснаго времени быстрѣе, чѣмъ сейчасъ. Зато, несомнѣнно, въ теченіе періодовъ образованія лѣсса вывѣтриваніе происходило гораздо медленнѣе, чѣмъ сейчасъ, такъ какъ эти сухіе періоды времени были чрезвычайно бѣдны осадками. За различную продолжительность отдѣльныхъ межледниковыхъ періодовъ, по мнѣнію П е н к а, говоритъ то обстоятельство, что всюду, гдѣ въ предгорьяхъ Альпъ насныя образованія четырехъ ледниковыхъ періодовъ имѣютъ форму террасъ, террасы двухъ болѣе раннихъ періодовъ располагаются значительно выше, чѣмъ таковыя обихъ позднихъ. Такимъ способомъ, образованіе рѣчныхъ долинъ въ промежутокъ между миндельскимъ и рисскимъ ледниковыми періодами было значительно болѣе интенсивнымъ, чѣмъ въ промежутокъ между рисскимъ и вюрмскимъ. Кромѣ того, въ Швейцаріи можно замѣтить остатки древняго дна долины, которая относится ко второму межледниковому періоду. Изъ того обстоятельства, что ему нельзя противопоставить соотвѣтствующаго образованія третьяго ледниковаго періода, слѣдуетъ заключить, что продолжительность перваго была несравненно значительнѣе. „Совершенно такъ же, какъ обнаруживается, что продолжительность межледниковаго періода, бывшаго между миндельскимъ и рисскимъ, была гораздо большею, чѣмъ продолжительность между рисскимъ и вюрмскимъ, и послѣдній межледниковый періодъ оказывается гораздо длиннѣе всего того времени, которое прошло съ конца послѣдняго ледниковаго періода. Вюрмскія морены являются совершенно молодыми и свѣжими, тогда какъ рисскія морены въ значительной степени утратили уже свою форму. Если въ новѣйшихъ моренахъ ледниковый матеріалъ оказывается невывѣтрившимся, то въ моренахъ древнихъ онъ съ поверхности вывѣтрился очень сильно, и эти слои вывѣтрившагося матеріала исчезаютъ подъ новѣйшими моренами. Такимъ образомъ, рисскія морены были уже въ періодъ отложенія вюрмскихъ моренъ по самой природѣ своей состарившимся. Несомнѣнно, межледниковый періодъ между рисскимъ и вюрмскимъ оледенѣніями, бывший въ четыре раза короче миндель-рисскаго межледниковаго періода, былъ, въ свою очередь, во много разъ продолжительнѣе послѣднего времени, наступившаго по окончаніи вюрмскаго оледенѣнія. На основаніи данныхъ, полученныхъ въ окрестностяхъ Мюнхена, мы должны думать, что эти два періода относятся другъ къ другу какъ 3 : 1“. (А. П е н к ъ).

Нѣкоторое общее представленіе о чрезвычайной продолжительности всего ледниковаго времени можетъ дать намъ также разсмотрѣніе его флоры и фауны. Растительность и животный міръ въ нашихъ предѣлахъ неоднократно мѣнялись: четыре раза Европа покрывалась ковромъ арктической тундры, три раза покрывалась она болѣе южною растительностью, чѣмъ въ настоящее время, въ промежуткахъ возникали временно соотвѣтствующія переходныя флоры. Каждый, кому извѣстно, съ какою медленностью въ естественныхъ условіяхъ переселяются растенія и замѣщаютъ одно другое, можетъ легко составить себѣ представленіе о томъ, какіе огромные періоды времени необходимы для того, чтобы послѣ максимума оледенѣнія данную область завоевала степь или тундра, чтобы лѣсъ покрылъ сплошнымъ покровомъ страну, и чтобы подъ его защитою могли проникнуть и поселиться южныя растенія, родина которыхъ была въ Испаніи, Италіи и Далмаціи, и которыя, въ концѣ концовъ, попали даже въ самую середину Альпъ. Безъ сомнѣнія, и это межледниковое господство лѣса продолжалось долгій періодъ, пока съ наступленіемъ слѣдующаго ледниковаго періода не началось его обратное переселеніе.

Повидимому, быстрѣе происходило измѣненіе животнаго населенія, но не слѣдуетъ забывать, что фауна стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ природы мѣст-

ности и отъ флоры, которая доставляетъ ей необходимое пропитаніе. Привязанные къ теплomu климату, южный и древній слонъ и неуклюжій гиппопотамъ могли проникнуть лишь тогда въ теченіе межледниковаго періода въ наши страны, когда для нихъ имѣлась надлежащая пища, точно также сѣверный олень и мускусный быкъ появились лишь въ тѣ времена, когда наши области покрылись ковромъ лишайниковъ, которыми они питаются. По ихъ слѣдамъ проникли въ страну и хищники, обнаруживающіе вообще, значительно, большую приспособляемость. Съ какою медленностью переселяются степныя животныя,—на это мы указывали уже въ зоологическомъ отдѣлѣ книги: такіе виды, какъ степныя тушканчики, придерживаются постоянно своихъ норокъ и, не будучи въ состояніи плавать, могутъ перебираться черезъ рѣки развѣ лишь при случаѣ, весною, пока имѣется ледяной покровъ. Особенно важнымъ съ этой точки зрѣнія является изученіе сухопутныхъ моллюсковъ южнаго и арктическаго характера, такъ какъ ихъ распространеніе въ теченіе отдѣльныхъ фазъ ледниковаго періода требовало еще болѣе продолжительныхъ промежутковъ времени, чѣмъ распространеніе остальныхъ животныхъ.

Человѣкъ, какъ мы видѣли, жилъ въ Европѣ со времени мидель-рисскаго, слѣдовательно, второго межледниковаго періода и былъ, такимъ образомъ, свидѣтелемъ двухъ теплыхъ межледниковыхъ періодовъ, цѣлаго ряда промежуточныхъ степныхъ періодовъ, двухъ продолжительныхъ ледниковыхъ періодовъ и различныхъ стадій межледниковаго времени. Многочисленныя измѣненія въ составѣ флоры и фауны, которыя влекла за собою смѣна этихъ періодовъ, должны были совершаться абсолютно незамѣтно для человѣка, такъ какъ происходили въ теченіе длинныхъ рядовъ поколѣній. Если мы примемъ во вниманіе лишь точно описанныя палеолитическія издѣлія человѣка, начинающіяся шельскою и оканчивающіяся азильскою стадіею, то теоретически могло бы, пожалуй, казаться, что ихъ органическое развитіе совершилось сравнительно быстро, такъ какъ, на примѣръ, тотъ прогрессъ, который замѣчается въ переходѣ отъ грубо обработаннаго первобытнаго ручного топора шельской эпохи къ болѣе тонко-обработанному топору ашѣльской, конечно, не долженъ вовсе быть результатомъ опытовъ въ теченіе длиннаго ряда тысячелѣтій. На дѣлѣ, однако, если мы бросимъ взглядъ на современныя примитивныя народности, мы увидимъ, что онѣ могутъ въ теченіе безконечно долгихъ промежутковъ времени оставаться на одной и той же первобытной ступени безо всякаго движенія, безо всякаго представленія о времени и исторіи и безо всякаго стремленія къ совершенствованію, видоизмѣненію и прогрессу, столь свойственныхъ культурнымъ народамъ. Вѣдь, на примѣръ, тасманійцы, первобытныя австралійцы, ведды и другія народности оставались еще лѣтъ сто тому назадъ на стадіи самыхъ первыхъ періодовъ каменнаго вѣка, тогда какъ у насъ уже въ теченіе многихъ тысячелѣтій развивалась и совершенствовалась культура. Вполнѣ твердо установленнымъ можно считать, что наши четвертичныя предки, на самомъ дѣлѣ, оставались въ теченіе тогдашнихъ стадій культуры чрезвычайно долгое время безъ измѣненія. Мы видѣли, что, на примѣръ, четвертичная шельско-мустьерская стадія была распространена по всему Старому Свѣту и даже захватывала Америку,—спрашивается, какіе колоссальные промежутки времени были необходимы для того, чтобы, при своемъ лишенномъ какого бы то ни было плана, кочевомъ блужданіи по земному шару, человѣчество могло охватить его весь и разнести по всѣмъ уголкамъ его одинаковую культуру? Ориньякская стадія имѣетъ характеръ, по крайней мѣрѣ, сплошной и цѣлостной европейско-средиземноморской культуры,—она распространена отъ Испаніи до Ливана, и сходное распространеніе получаетъ и солотрейская стадія. Но, что мы не можемъ считать особенно короткими

и эти относительно ограниченныя культурныя стадіи новѣйшаго палеолитическаго періода, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ нѣкоторыя находки во Франціи. Пьеттъ на-шелъ въ „Гротъ гіенъ“ у Брассампуи, на потолокъ пещеры, покрытую известковымъ налетомъ брекчію, содержащую типичныя каменныя орудія ориньякской эпохи; на днѣ той же самой пещеры, въ рыхлой землѣ были найдены остатки классическаго солиотрейскаго характера. Изъ этого слѣдуетъ, что послѣ того, какъ обитатели ориньякского времени оставили эту пещеру, наполненную до потолка остатками ихъ культуры, она оставалась пустою въ теченіе столь долгаго періода, что содержимое ея постепенно сцементировалось въ брекчію. Эта послѣдняя затѣмъ медленно вывѣтривалась, такъ что лишь на самомъ верху у потолка остались нѣкоторыя ея остатки, и подъ ними снова образовалось пустое пространство. Въ этой, вторично образовавшейся, пещерѣ поселились затѣмъ новые обитатели, которые стояли, впрочемъ, на ступени развитія непосредственно слѣдующей за ориньякскою,—между тѣмъ для нихъ остатки ихъ предшественниковъ являлись уже палеонтологическими окаменѣлостями. Точно также какую продолжительность должны мы признать для магдаленской эпохи, если при началѣ ея, въ Дордони, имѣющей теперь такой мягкій климатъ, жили лемминги, мускусные быки и тюлени, а подъ конецъ ея имѣлись благородныя олени и другія сопровождающія ихъ лѣсныя животныя?

Попробуемъ теперь сдѣлать хоть нѣкоторый цифровой расчетъ продолжительности хотя бы того отдѣла четвертичнаго періода, въ теченіе котораго въ Европѣ обиталъ человѣкъ, пользовавшійся палеолитическими орудіями. Мы не стремимся, въ данномъ случаѣ, дать сколько-нибудь точныя цифры, но желали бы дать представленіе хотя бы о порядкѣ величины продолжительности данныхъ періодовъ. Весьма удачнымъ исходнымъ пунктомъ для подобныхъ расчетовъ можетъ служить мѣстопагожденіе археологическихъ находокъ въ Швейцербильдѣ около Шаффаузена (стр. 306).

Здѣсь Ньюэшъ установилъ слѣдующее напластованіе слоевъ:

- а) Слой перегной толщиною въ 40 сант. = промежутокъ времени $40 \times 100 = 4000$ лѣтъ.
- б) Слой съ неолитическими орудіями толщиною въ 40 сант. = промежутокъ времени въ $40 \times 100 = 4000$ лѣтъ.
- в) Верхній слой брекчій толщиною въ 80—120 сант. = промежутокъ времени въ 80×100 или $120 \times 100 = 8000—12000$ лѣтъ.
- г) Желтый культурный слой толщиною въ 30 сант. = промежутокъ времени $30 \times 100 = 3000$ лѣтъ.
- е) Нижній слой грызуновъ толщиною въ 50 сант. = промежутокъ времени $50 \times 100 = 5.000$ лѣтъ.

Указанный авторъ предполагаетъ, слѣдовательно, относить образованіе новѣйшаго слоя къ періоду, начинавшемуся за 2000 лѣтъ до нашей эры и захватывающему до-историческій періодъ пользования металлами, что въ общихъ чертахъ является правильнымъ. Изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что каждый сантиметръ слоя вывѣтрившагося матеріала соотвѣтствуетъ столѣтію, и, на основаніи этихъ данныхъ, дѣлаетъ расчетъ и всѣхъ остальныхъ слоевъ. Такимъ образомъ, возникновеніе всей толщи въ 240—290 сант. требовало бы для своего образованія 24000—29000 лѣтъ,—это число Ньюэшъ считаетъ максимумомъ продолжительности періода образованія. 20.000 лѣтъ онъ считаетъ цифрою, хорошо выражающею то время, которое должно было пройти съ перваго появленія охотниковъ магдаленской эпохи въ Швейцербильдѣ,—это время относится къ бюльскому оледенѣнію, такъ какъ это была послѣдняя значительная хо-

лодная фаза послѣдниковаго періода. По опредѣленіямъ Гейма времени нарастанія дельты рѣки Муота періодъ отложенія бюльскихъ моренъ у Фирвальдштетскаго озера отстоитъ отъ нашего времени примѣрно на 16000 лѣтъ, что довольно близко согласуется съ цифрами Ньюэша, хотя результатъ этотъ и полученъ совершенно инымъ путемъ. Этотъ расчетъ, основанный на занесеніи осадками Швицской бухты, имѣлъ, однако, въ основѣ своей предположеніе, что дно озера было нѣкогда ровнымъ дномъ долины, что въ дѣйствительности было неправильно. Пенкъ считаетъ послѣднюю цифру „безспорно слишкомъ малою“ и точно также и расчетъ Ньюэша признаетъ скорѣе чрезчуръ низкимъ, чѣмъ слишкомъ высокимъ; мнѣ самому кажется необходимымъ внести въ хронологическіе расчеты, основанные на Швейцербильдѣ, многочисленныя поправки. Ньюэшъ предполагаетъ, что въ среднемъ сант. нарастанія дна пещеры соответствуетъ столѣтію, но забываетъ то обстоятельство, на которое указывалъ уже Буль, а именно, что здѣсь имѣются два дальнѣйшіе фактора, которые должно принять во вниманіе: отложеніе геологическихъ слоевъ въ этой пещерѣ происходило, безъ сомнѣнія, въ различные періоды съ разной быстротою и не во всѣ времена равномерно. Нижніе четвертичные слои возникли при очень суровыхъ климатическихъ условіяхъ, которыя чрезвычайно способствовали вывѣтриванію, влѣдствіе чего оно должно было въ тѣ времена проходить съ большою быстротою, чѣмъ въ заключительную эпоху, когда мы можемъ считаться уже съ положительными цифрами. Къ этому присоединяется, что тѣ слои, которые большею частью состоятъ изъ отбросовъ обитавшаго въ пещерѣ человѣка, вполне естественно должны были нарастать гораздо быстрѣе, чѣмъ тѣ, которые получались лишь путемъ вывѣтриванія.

Рис. 209. Рудольфъ Вирховъ.
(1821—1902.)

По моему мнѣнію, конецъ новѣйшаго каменнаго вѣка долженъ считаться приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Хр., продолжительность этого каменнаго вѣка должна быть опредѣлена въ 4000 лѣтъ, слѣдовательно, начало его относится, по меньшей мѣрѣ, за 6000 лѣтъ до Р. Хр. Первичныя неолитическія стадіи, къ которымъ мы прежде всего относимъ находки періода *Ancyclus* и *Litorina* въ Скандинавіи (скандинавскіе кухонные остатки), затѣмъ кампиньенскую эпоху во Франціи, требуютъ также, по меньшей мѣрѣ, 4000 лѣтъ, такъ какъ значительныя измѣненія, которыя тогда должна была продѣлать Скандинавія, и о которыхъ мы скажемъ подробнѣе во введеніи къ неолитическому періоду, совершались никоимъ образомъ не быстрѣе, а скорѣе—можно даже думать—медленнѣе, чѣмъ нами указывается. Магдаленская эпоха, какъ свидѣтельствуется ея фауна, является еще болѣе давнею. Если отнести ея относительно теплое уже по климату окончаніе за 12000 лѣтъ до Р. Хр., то самый расцвѣтъ ея, когда господствовала арктическая и альпійская фауна, а тѣмъ болѣе начало ея должно от-

ности не позже какъ за 16000—18000 лѣтъ до нашей эры. Такимъ образомъ, несмотря на то, что хронологическія вычисленія, основываемыя на Швейцербильдѣ, нельзя считать достаточно надежными, все же различныя общія археологическія и геологическія соображенія заставляютъ насъ относить магдаленскую эпоху, по меньшей мѣрѣ, за 16000 лѣтъ до Р. Хр.

Относительно продолжительности періода, протекшаго отъ послѣдняго ледниковаго времени до бюльскаго стадіи, мы можемъ высказать лишь одни предположенія. Мы должны въ эти рамки помѣстить прежде всего послѣледниковыя стадіи, солютрейскую и ориньякскую, степная фауна которыхъ указываетъ на ахенское колебаніе. Широкое распространеніе этихъ стадій культуры и сильное развитіе ориньякскихъ отложеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ, въ Виллендорфѣ въ Нижней Австріи, равно какъ и находженіе „ископаемой ориньякской стадіи“ въ видѣ брекчій на потолкѣ пещеры въ Брассампуи, гдѣ на днѣ пещеры находятся солютрейскія отложенія, заставляютъ насъ для каждой изъ этихъ стадій принять продолжительность не менѣе 5000 лѣтъ,—такимъ образомъ, весь послѣледниковый періодъ обнимаетъ, по меньшей мѣрѣ, 26000 лѣтъ. По существу, параллельной послѣднему ледниковому періоду должна считаться мустьерская стадія, когда снова мы встрѣчаемъ арктическую и альпійскую фауну. Значительное надвиганіе ледяныхъ массъ и несомнѣнно продолжительное существованіе максимальнаго оледенѣнія заставляютъ предположить, что она продолжалась, по меньшей мѣрѣ, 10000 лѣтъ. Такая же цифра должна считаться минимальной для ашѣльской стадіи, характеризовавшейся степнымъ климатомъ, и для шелльской стадіи, которая развилась при условіяхъ теплаго южнаго климата, и остатки которой въ Таубахѣ находятся окаменѣлыми въ мощныхъ травертинскихъ отложеніяхъ (рис. 85).

Мы нарочно, для избѣжанія упрека въ преувеличеніи, приняли при этомъ расчетѣ минимальныя величины и, тѣмъ не менѣе, пришли къ заключенію, что древность человѣка палеолитическаго періода въ Европѣ должна опредѣляться, по меньшей мѣрѣ, въ 50000 лѣтъ, что соответствуетъ все же лишь 1500 поколѣніямъ, если считать, что на каждое столѣтіе приходится три поколѣнія. Ископаемые остатки, найденные въ Мауерѣ и относящіеся, по меньшей мѣрѣ, ко времени, отдѣленному еще на одинъ ледниковый и на одинъ межледниковый періодъ, заставляютъ насъ признать, что первое появленіе человѣка въ Европѣ относится ко времени, удаленному на вдвое большую цифру лѣтъ, т.-е. произошло не менѣе какъ 100000 лѣтъ тому назадъ. Наше личное мнѣніе все же таково, что эти цифры все-таки еще слишкомъ низки, и что для большей близости къ дѣйствительности мы должны взять гораздо большія величины.

Примѣненный нами методъ основывается какъ на различныхъ геологическихъ и палеонтологическихъ, такъ и на различныхъ археологическихъ соображеніяхъ и является поэтому свободнымъ отъ тѣхъ недостатковъ, которые неизбежно присущи одностороннему разсмотрѣнію тѣхъ или другихъ находокъ. Перѣдко въ качествѣ примѣра приводятъ Ніагарскій водопадъ, гдѣ изъ современнаго ежегоднаго отступанія водопада можно вычислить время, которое потребовалось для образованія его желоба со времени отступанія глетчеровъ ледниковаго періода. Лайэлль опредѣлялъ продолжительность времени образованія этого желоба отъ Квинстоуна до Левистона въ 35000 лѣтъ, Бэкуэлль—въ 10500 и Райтъ—въ 6000 лѣтъ. Точно также Винчель изъ своихъ наблюденій надъ отступаніемъ водопада Миссиссиппи у Миннеаполиса, въ Миннезотѣ, опредѣлялъ, что со времени отступанія глетчернаго льда прошло 8.000 лѣтъ.

При разсмотрѣннн всего четвертичнаго періода во всемъ его цѣломъ, конечно, нельзя руководствоваться такими подвергающимися самымъ различнымъ колебаніямъ мѣстными измѣненіями.

Еще труднѣе установить продолжительность всего четвертичнаго періода, а не только того отдѣла его, въ которомъ жилъ человѣкъ.

По мнѣнію Рюто (1904 г.), первый ледниковый періодъ продолжался 50.000 лѣтъ, второй—44.000, третій—40.000 и четвертый—5.000 лѣтъ, такъ что вся продолжительность четвертичнаго періода принимается имъ въ 139.000 лѣтъ, но эта цифра, несомнѣнно, слишкомъ низка, тѣмъ болѣе, что продолжительные межледниковые періоды почти совершенно упускаются имъ изъ вида.

Гораздо болѣе крупный масштабъ принимаетъ Пильгримъ въ своемъ „Опытѣ вычисленія продолжительности системы ледниковаго времени“ (1904). Въ основѣ его вычисленій положены формулы Стоквеля, которыя должны, однако, еще претерпѣть значительныя измѣненія и отнюдь не являются вполне достовѣрными. По Пильгриму продолжительность отдѣльныхъ періодовъ слѣдующая:

Первый ледниковый періодъ—300.000 лѣтъ.

Второй ледниковый періодъ—170.000 лѣтъ.

Третій ледниковый періодъ—230.000 лѣтъ.

Четвертый ледниковый періодъ—190.000 лѣтъ.

Первый межледниковый періодъ— 80.000 лѣтъ.

Второй межледниковый періодъ—190.000 лѣтъ.

Третій межледниковый періодъ—130.000 лѣтъ.

Впрочемъ, этотъ авторъ замѣчаетъ, что онъ ограничилъ бы время всѣхъ ледниковыхъ періодовъ 300.000 лѣтъ, если бы Пенкъ не утверждалъ, что весь четвертичный періодъ продолжался отъ 500.000 до 1.000.000 лѣтъ.

Гильдебрандтъ не получаетъ такихъ крупныхъ чиселъ, какъ Пильгримъ, но считаетъ все же, что четвертичный періодъ продолжался болѣе полумилліона лѣтъ, именно 530.000 лѣтъ; другіе авторы довольствуются меньшими цифрами, но притомъ они обыкновенно принимаютъ прежнюю точку зрѣнія, по которой ледниковыхъ періодовъ было менѣе, и мало обращаютъ вниманія на межледниковые періоды.

Какъ бы то ни было, можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что весьма вѣроятна относительно очень большая цифра продолжительности всѣхъ четырехъ ледниковыхъ и трехъ межледниковыхъ періодовъ. Притомъ можно совсѣмъ оставить безъ разсмотрѣннн вопросъ, не слѣдуетъ ли гюнцское время относить къ пліоцену, какъ это дѣлаютъ Шлоссеръ, Буль и др.

ГЛАВА VIII.

Человѣкъ четвертичнаго періода и его строеніе.

(Палеантропология).

Количество остатковъ человѣка, относящихся несомнѣнно къ четвертичному періоду, сравнительно невелико. Правда, въ прежнія времена перѣдко находились скелеты, которые считались четвертичными, если они располагались вмѣстѣ съ остатками соответствующей культурной эпохи или съ костями животныхъ ледниковаго періода; однако, весьма часто удавалось доказать, что либо эти остатки относятся къ могиламъ, выкопаннымъ позднѣе, либо произошли смѣщенія слоевъ почвы, и благодаря имъ остатки новѣйшаго происхожденія попали въ древніе слои. Потому прежде всего намъ предстоитъ подвергнуть критическому разсмотрѣнію тѣ кости человѣка, которыя считаются четвертичными, чтобы такимъ образомъ составить себѣ понятіе о находкахъ, возрастъ которыхъ съ несомнѣнностью установленъ, — лишь эти находки могутъ служить исходнымъ пунктомъ для сравнительно-анатомическихъ и антропологическихъ изслѣдованій. Мы будемъ при этомъ соблюдать хронологическую послѣдовательность, чтобы такимъ образомъ установить и древность, и порядокъ во времени отдѣльныхъ находокъ. Если въ дальнѣйшемъ нами отмѣчается, что находка должна считаться „недостовѣрною“, то этимъ отнюдь не говорится, что она не можетъ быть четвертичнаго возраста. Въ различныхъ случаяхъ впоследствии, несомнѣнно, сама антропология будетъ въ состояніи хотя бы съ нѣкоторою приблизительной точностью опредѣлять возрастъ тѣхъ остатковъ человѣка, которые изъ недостаточной точности данныхъ относительно расположенія слоевъ, гдѣ они найдены, не могутъ быть сами по себѣ опредѣлены безошибочно.

Начнемъ и въ этомъ случаѣ съ западной Европы, и прежде всего съ Франціи.

Ни одинъ изъ безспорныхъ древне-палеолитическихъ скелетовъ, найденныхъ въ этой странѣ, не принадлежитъ шельской эпохѣ съ полной достовѣрностью. Къ поздней ашѣльской эпохѣ или къ древне-мустьеерской долженъ быть отнесенъ могильникъ Ле-Мустье (стр. 158), къ новѣйшему мустьеерскому времени принадлежать оба скелета Ла-Ферраеи (стр. 160), хотя и здѣсь, быть-можетъ, мы имѣемъ находки, относящіяся къ концу ашѣльской эпохи. Къ верхнему отдѣлу мустьеерской стадіи относится скелетъ Ла-Шанелль-о-Сэнтъ (стр. 159, рис. 210), и дѣтскіе черепъ Пешъ-де-л'Аза (стр. 162). Къ этому присоединяется еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ отрывочныхъ находокъ.

Нижняя челюсть изъ Маларно была найдена въ 1888 г. Бурра и Реньо и описана Фильолемъ. Она принадлежитъ субъекту, имѣвшему около 20 лѣтъ отъ роду, и находилась въ пещерѣ Маларно, недалеко отъ Монферона, въ Аржежѣ.

Эта сильно развѣтвленная пещера являлась сперва приближащемъ пещерныхъ медвѣдей, вмѣстѣ съ многочисленными костями которыхъ тамъ были найдены также остатки пещерной гіены, пещернаго льва, пантеры, гигантскаго оленя, мамонта и волка; были открыты также зубъ носорога и остатки сѣвернаго оленя. Это послѣднее животное встрѣчается особенно часто въ верхнемъ слоѣ, гдѣ имѣются также во множествѣ кости дикаго быка, дикой лошади, благороднаго оленя, серны и горнаго козла. Найденная челюсть происходитъ изъ нижняго слоя съ остатками медвѣдей, такъ что, особенно если принять во вниманіе ея древнюю форму,—ее можно съ полной увѣренностью считать древне-палеолитической (рис. 211).

Рис. 210. Черепъ изъ Ла-Шапель-о-Сэнтъ (сбоку.)
(По Булю.)

Несомнѣнно, къ мустьерской эпохѣ относятся обломки челюсти человѣка изъ Пти-Шюймауанъ, найденные въ разсѣлинахъ скалы около селенія Шюймауанъ въ Шарантъ археологомъ Фавро въ 1906 году. Здѣсь вмѣстѣ съ остатками сѣвернаго оленя, благороднаго оленя, дикой лошади, дикаго быка, гіены, волка и т. п. были добыты классическія каменные орудія поздней мустьерской эпохи и включенная въ твердую натечную брекцію челюсть человѣка, при чемъ въ той же брекціи находились и каменные орудія и кости и зубы сѣвернаго оленя. Вторая челюсть лежала недалеко оттуда, точно также включенная въ брекцію; наконецъ, имѣется еще обломокъ верхней челюсти съ нѣсколькими отдѣльными зубами.

Рис. 211. Нижняя челюсть изъ Маларно (Аржежъ).
(По Ренъо.)

Загѣмъ находеніе нѣсколькихъ костей ноги было недавно отмѣчено Мартеномъ въ Ла-Квина, въ Шарантъ, гдѣ также были добыты орудія мустьерской эпохи. Въ 1904 г. было указано находеніе одного верхняго ложно-коренного зуба въ сталагмитовомъ слоѣ въ Бо-де-л'Обезь, также мустьерской станціи департамента Воклюзь.

Сюда же примыкаетъ и находка, сдѣланная еще въ 1859 году, въ Пещерѣ Фей, въ окрестностяхъ Арси-сюръ-Эръ (въ департаментѣ Юнны). Тамъ де Вибрэ установилъ слѣдующее чередованіе слоевъ. За современнымъ слоемъ продуктовъ вывѣтри-

ванія вдетъ слой магдаленской эпохи съ многочисленными остатками очаговъ, костяными издѣліями, включеніями костей животныхъ и кремневыхъ орудій, при чемъ между ними располагается слой съ остатками пещернаго медвѣдя, содержащій кости этого животнаго, а также пещерной гіены, пещернаго льва, дикаго быка, мамонта и носорога. У основанія этого послѣдняго горизонта и были найдены обломки нижней челюсти человѣка и первый шейный позвонокъ.

Опредѣлить возрастъ сильно поврежденнаго черепа изъ Брешамъ (департаментъ Эйръ и Луары), именно изъ лёссовыхъ слоевъ, содержавшихъ мустьерскія каменные издѣлія, невозможно. Большинство палеонтологовъ считаютъ его современнымъ мустьерской эпохѣ и относятъ туда же сильно попорченный черепъ изъ Марсильеюръ-Эйръ, который былъ найденъ Доре-Делантомъ въ 1883 г. на довольно значительной глубинѣ въ 7 метровъ. Довольно трудно также сколько-нибудь достоверно опредѣлить древность костей скелета изъ Денизы (верхняя Луара). Они располагались въ вулканическихъ отложеніяхъ, которыя считаются Булемъ очень древними, тогда какъ, по Дольфусу, расположеніе слоевъ въ этомъ мѣстонахожденіи установлено далеко не достоверно. Послѣдній ученый полагаетъ, что мы имѣемъ тамъ рыхлыя осыпи, древность которыхъ не подтверждается ни остатками одновременной фауны, ни одновременными издѣліями человѣка.

Совершенно исключить изъ разсмотрѣнія мы должны, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, скелетъ изъ Гравъ-Нуаръ, найденный въ 1891 г. Жиро и Готье, затѣмъ нижнюю челюсть ребенка изъ Эстала у Казава, въ Аржежъ, представленную въ 1895 г. Рулемъ и Реньо, кости человѣка изъ туфовъ у Рессона въ окрестностяхъ Сольсотъ (департаментъ Объ) и остатки человѣка изъ Гренель, у Парижа, и изъ Ле-Валуа-Клиши, тамъ же. Точно также лучше совершенно отказаться отъ разсмотрѣнія нижней челюсти изъ Муленъ-Киньонъ въ департаментѣ Соммы,—она была найдена въ окрестностяхъ Аббевиля въ 1863 г., какъ указывалось, на глубинѣ 4,5 метра и на 30 метровъ выше лѣтняго уровня Соммы, въ крупномъ пескѣ. Нашли ее рабочіе, которые, какъ было признано, сильно подозрѣвались въ обманѣ, и которымъ, кромѣ того, было обѣщано за остатки человѣка вознагражденіе въ 200 франковъ.

Нѣсколько богаче антропологическія находки новѣйшаго палеолитическаго періода во Франціи, хотя и въ этомъ случаѣ не всегда возможно распредѣлить болѣе достоверныя находки по отдѣльнымъ подраздѣленіямъ этого періода.

Къ ориньякской эпохѣ относятся остатки пяти скелетовъ изъ КроМаньона, въ Дордони (стр. 217), сохраняющійся въ Парижскомъ музеѣ и открытый Лаланномъ скелетъ изъ Ложери-Отъ, въ Дордони, а также находка Гаузера въ Комбъ-Капелль въ Перигорѣ (стр. 217).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что часть костей человѣка, найденныхъ въ Солютрѣ, также четвертичнаго возраста (стр. 220). Здѣсь скелеты были частью защищены каменными плитами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ клались на еще горячіе очаги, такъ какъ нѣкоторыя кости слегка обгорѣли. Къ сожалѣнію, изъ различныхъ скелетовъ, найденныхъ въ этой мѣстности и относящихся къ разнымъ періодамъ, трудно выдѣлить тѣ, которые безспорно солютрейскаго періода.

Къ магдаленской эпохѣ относится цѣлый рядъ могильниковъ, о которыхъ мы большею частью говорили уже ранѣе (стр. 239—242). Таковыми являются скелеты, найденные въ Ла-Маделенъ, въ Дордони, въ слоѣ съ цилиндрическими гарпунами, въ Ложери-Бассъ и въ Раймонденъ у Шанселада, также въ Дордони, скелетъ въ Дюрюти у Сорда, въ Ландахъ, и скелетъ изъ Лезъ-Отто въ Энъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, древніе могильники, разрушенные еще въ вѣкъ сѣвернаго оленя, были въ Брюникелѣ (Grotte des Forges), въ департаментѣ Тарнъ и Гаронна, гдѣ были найдены различныя кости, происходящія отъ большого числа людей; онѣ попали частью въ Тулузскій, частью въ Британскій музеи. Р. Оуенъ полагалъ, что одинъ изъ костяковъ находился въ сидячемъ положеніи съ поджатыми руками и ногами. Остатки изъ „Abris sous Roche“, находящіеся тамъ же, относятся, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ магдаленской эпохѣ. Въ пещерѣ дю-Плакаръ (или Рошбертье), въ Шарантѣ, де-Маре нашелъ въ слѣдъ, относящемся къ болѣе поздней солютрейской эпохѣ, два куска черепа и челюсть, тогда какъ въ нижнемъ магдаленскомъ слѣдѣ имъ были найдены, безъ сомнѣнія, нарочно положенные вмѣстѣ пять череповъ, а изъ остальныхъ костей плечо и бедро. Нѣсколько выше лежавшій горизонтъ того же магдаленскаго слоя содержалъ еще два обломка черепа, а налѣво отъ входа въ пещеру въ немъ былъ найденъ отдѣльный черепъ женщины съ нижней челюстью, окруженный богатыми украшеніями изъ раковинъ. Часть черепныхъ крышекъ была обработана непосредственно для „чашъ“ точно такъ же, какъ и черепная крышка изъ Ложери-Бассъ въ Дордонь, относящаяся къ магдаленской эпохѣ. Три такіе же отдѣльные черепа, принадлежащіе концу палеолитическаго періода, были открыты аббатомъ Паромъ въ Grotte des Hommes близъ Арси-сюръ-Эйръ, въ департаментѣ Юнны; еще одинъ такой черепъ былъ найденъ Пьеттомъ въ раннихъ магдаленскихъ отложеніяхъ пещеры Масъ-д'Азиль (на правомъ берегу).

Въ качествѣ несомнѣнно четвертичныхъ, но имѣющихъ меньшее значеніе, находокъ, должно указать еще слѣдующія:

Пэръ-ионъ-Пэръ (Жиронда). Теменная кость (солютрейской эпохи)	Дало.
Лакавъ (Ло). Теменная кость (солютрейской эпохи). А. Вирэ.	
Монконфоръ (Верх. Гаронна). Части теменной кости (солютрейской эпохи).	Л. Дарбасъ.
Розэ (Тарнъ). Части черепа (конецъ солютрейской эпохи).	
Оранзанъ (Верх. Пиреней). Части черепа	Гами.
Гурданъ (Верх. Гаронна). Части черепа (магдаленской эпохи).	Э. Пьеттъ.
Лурдъ (Верх. Пиреней). Части черепа (магдаленской эпохи)	Л. Нелли.
Брассампуй (Ланды). Два зуба (магдаленской эпохи)	Г. Брейль.
Сордъ (Ланды). Части черепа	Г. Брейль.
Пещера Фей (Жиронда). Куски челюсти магдаленской эпохи	Ф. Дало.
Ла-Маделенъ (Дордонь). Куски челюсти магдаленской эпохи	К. Картальякъ.
Лезъ-Эйзи (Дордонь). Части черепа магдаленской эпохи	Ларте, Картальякъ и Капитанъ.
Ла-Муть (Дордонь). Зубъ и позвонокъ (магд. эпохи)	К. Ривьеръ.
Ливейль (Дордонь). Обломки черепа	Ж. Буйссонъ.
Люссакъ (Віенна). Обломокъ нижней челюсти магда. эпохи	Г. Брейль.

Къ азильской эпохѣ относятся два скелета, найденные Пьеттомъ въ пещерѣ Масъ-д'Азиль (стр. 251).

Совершенно нельзя воспользоваться цѣлымъ рядомъ находокъ, указываемыхъ въ прежнее и въ настоящее время,—таковъ, на примѣръ, могильникъ изъ Ориньяка (Верхняя Гаронна), который, несомнѣнно, неолитическаго возраста, и короткій черепъ чело-вѣка изъ Ла-Трюшерь (департаментъ Соны и Луары), найденный на крутомъ берегу Соны, гдѣ находятся остатки чело-вѣка почти всѣхъ эпохъ.

Мало изученная пока еще Испанія не дала сколько-нибудь значительныхъ антропологическихъ находокъ. Весьма замѣчательнъ черепъ изъ Форбсъ-Кверри, открытый около 40 лѣтъ тому назадъ Бускомъ, въблизи Гибралтара (рис. 212). Хотя геологическій возрастъ его совершенно неопредѣленъ, все же первобытныя черты его указываютъ на четвертичное происхожденіе. Къ ориньякской эпохѣ принадлежатъ черепная крышка изъ Камарго (провинція Сантандеръ), къ древней магдаленской эпохѣ относится небольшой обломокъ черепа изъ Кастильо, недалеко отъ Пуанте-Віесо. Ошибочными являются указанія относительно костей чело-вѣка, найденныхъ въ Альтамирѣ у Сантильяна-дель-Маръ, у Торрелавега и въ пещерѣ Абриго де-ла-Виргенъ-де-Лорето у Пенъи-Кастильо недалеко отъ Сантандеръ.

Изъ Италіи намъ пока извѣстны лишь богатая антропологическія находки окрестностей Ментоны, о которыхъ мы уже подробно говорили выше (стр. 209—216). Потому здѣсь мы дадимъ лишь общее ихъ перечисленіе.

1. Grotte des Enfants:

- a) Скелетъ молодого мужчины и старой женщины негроиднаго типа (нижній могильникъ). (См. рис. 109, стр. 210).
- b) Могильникъ мужчины.
- c) Могильникъ женщины.
- d) Два скелета дѣтей (см. рис. 110, стр. 211).

2. Grotte du Cavillon:

- a) Могильникъ мужчины.

3. Varma-Grande:

- a) Могильникъ мужчины (рис. 213) и обугленный скелетъ (нижній могильникъ).
- b) Могильникъ съ тремя скелетами: мужчины, женщины и молодого субъекта.
- c) Могильникъ мужчины.

4. Vausso da Torre:

Могильникъ съ двумя скелетами взрослыхъ и между ними скелетъ ребенка.

Всѣ эти могильники относятся къ ориньякской эпохѣ; къ нимъ примыкаютъ и отдѣльныя кости, найденныя Ривьеромъ въ сосѣднихъ пещерахъ. Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ о возрастѣ черепа, найденнаго въ Ольмо (Валь-Чіана у Флоренці), который былъ добытъ въ 1863 г. Коччи. Во всякомъ случаѣ, его глубокое положеніе (15 метровъ ниже земной поверхности), его близкое сосѣдство съ остатками дикой лошади, гигантскаго оленя и слоновъ, равно какъ и найденный около него типичный наконечникъ мустьерской эпохи свидѣтельствуютъ въ пользу его четвертичнаго происхожденія. Сохраненіе его очень плохое, форма же значительно уклоняется отъ формы остальныхъ череповъ древне-палеолитическаго періода. Точно также приписывали четвертичный возрастъ черепу изъ Медцана-Корти, найденному на глубинѣ 7,5 метровъ въ наносѣ рѣки По, а равно обоимъ черепамъ изъ Арпино, въ долинѣ Лири у Неаполя, костямъ чело-вѣка изъ пещеры Романелли-Кастро (Терра-д'Отранто) и черепу изъ Орвиетто и Изола-дель-Лири. Вопросъ о возрастѣ этихъ остатковъ приходится оставить открытымъ, и потому мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Несомнѣнно четвертичнаго возраста найденная въ Бельгійи нижняя челюсть человѣка изъ пещеры Ла-Нолеетъ на лѣвомъ берегу Лессы (община Фюрфоозъ) около Диванга. Дно пещеры состояло изъ слоя глины толщиной въ 11 метровъ съ 7-ю прослойками изъ натечной извести; между вторымъ и третьимъ прослойками, считая снизу, и былъ найденъ обломокъ нижней челюсти вмѣстѣ съ нѣсколькими другими костями человѣка, обломкомъ плечевой кости какого-то слона (мамонта?), съ костями носорога, гигантскаго оленя, сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ. Настоящаго культурнаго слоя не было, но въ томъ же самомъ слоѣ находилось много костей, повидному, обработанныхъ рукою человѣка. Челюсть типично древней формы. Специально новѣйшей мустьерской эпохѣ должны быть приписаны оба скелета Спи, повидному, происходящіе изъ настоящихъ могильниковъ (стр. 166, рис. 214).

Относительно остальныхъ остатковъ человѣка изъ Бельгійи, относимыхъ перѣдко къ четвертичному періоду, мы не можемъ сказать ничего достовѣрнаго и не рѣшаемся включить ихъ въ нашъ списокъ, такъ какъ условія ихъ нахождения недостаточно извѣстны. Должно упомянуть здѣсь, однако,

объ остаткахъ человѣка изъ Анжи (провинція Люттихъ), которые заключались въ твердой натечной брекчій, частью несомнѣнно четвертичной, частью безспорно относящейся къ болѣе новымъ временамъ; точно такъ же заслуживаютъ вниманія кости, найденныя въ Трулю-Фронталь у Фюрфооза и отнесенныя къ магдаленской эпохѣ. Столь же мало достовѣрны данныя о распределеніи слоевъ, въ которыхъ были найдены кости человѣка въ Матрихтѣ въ Вильре и въ другихъ мѣстностяхъ Бельгійи. Въ виду этого чрезвычайно странно, что Рюто за послѣднее время въ противоположность своимъ собственнымъ прежнимъ объясненіямъ говоритъ о безспорности четвертичнаго характера остатковъ человѣка въ трехъ ориньякскихъ горахъ

Рис. 212. Гибралтарскій черепъ, спереди и сбоку.
(По Сопласъ.)

зонтахъ Ла-Гастьеръ, о таковомъ же въ верхнемъ ориньякскомъ горизонтѣ Тру-Маргрить у Понтъ-Алесь, о четвертичномъ характерѣ среднихъ и новѣйшихъ ориньякскихъ горизонтовъ и нижняго магдаленскаго горизонта пещеры Гуайе и о среднемъ магдаленскомъ горизонтѣ Тру-де-Шале. Эти данныя основываются, главнымъ образомъ на старинныхъ раскопкахъ Дюпона, относительно которыхъ бельгійскій ученый мѣръ довольно согласно высказывается за то, что имъ недостаточно принимались во вниманіе условія стратиграфіи.

Весьма скромный списокъ также и четвертичныхъ находокъ Англій. Въ качествѣ единственнаго, дѣйствительно несомнѣннаго мѣстонахожденія мы можемъ указать пещеру Кента, у Торкэ въ Девонѣ (стр. 242), гдѣ были найдены нижняя поло-

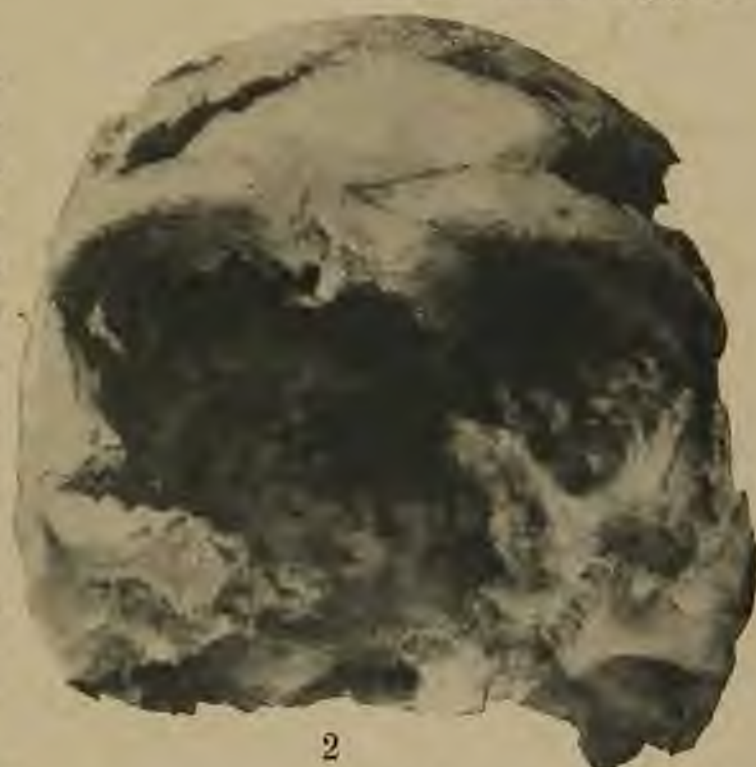
Рис. 213. Черепъ изъ пещеры Варма-Гранде у Мейтоны (мужской). Найденъ въ 1891 г.
(По Верно.)

вина плечевой кости человѣка, два обломка плечевой и локтевой костей, обломки нижней челюсти и нѣсколько позвонковъ. Всѣ эти остатки находились въ слѣдъ, содержащемъ кости пещернаго медвѣдя, мамонта, сѣвернаго оленя и гигантскаго оленя. Очень вѣроятно четвертичное происхожденіе скелета изъ Тильбюри, который былъ найденъ въ 1884 г. на лѣвомъ берегу Темзы при закладкѣ большого лондонскаго Индійскаго Дока. Онъ находился на глубинѣ 10,5 метра и сохранился очень несовершенно; при постройкѣ того же Дока были найдены и другія отдѣльныя кости человѣка и большое число безформенныхъ обломковъ кремня, обитыхъ рукою человѣка, но не стоявшихъ въ непосредственной связи съ главною находкой. Весьма замѣчательны и, по всеѣмъ вѣроятіямъ, также четвертичнаго происхожденія уже по самой первобытной формѣ ихъ черепа, сохранившіеся лишь въ видѣ обломковъ и найденные въ Моноръ-Гамильтонъ въ графствѣ Слиго, въ Ирландіи, и въ Бюри-Сенъ-Эдмондъ въ Суффолкѣ. Никакого примѣненія нельзя сдѣлать находкамъ изъ пещеры Викторіи у Сеттля въ Йоркширѣ, изъ пещеры Брейянь, пещеры Эдрисхегъ въ Эргильшайрѣ и пещеры Гелли-Хилль, въ Кентѣ. О послѣдней находкѣ все же надо сказать подробнѣе, такъ какъ за послѣднее время она совершенно незаслуженно обращала на себя вниманіе. Въ 1888 г. здѣсь былъ найденъ скелетъ, который располагался на глубинѣ 3,5 метра

1

топоры. Рюто првмываетъ къ нѣкоторымъ англійскимъ изслѣдователямъ и считаетъ этотъ скелетъ четвертичнымъ, притомъ принадлежащимъ „маффлійской“ эпохѣ, придуманной имъ и предшествовавшей будто бы шелльской эпохѣ. Чтобы дойти до такого опредѣленія возраста, онъ свободно оперируетъ съ различными параллелизаціями геологическихъ напластованій Англій и Бельгій, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ осторожный геологъ, изучающій четвертичный періодъ. Если оставить въ сторонѣ всѣ теоретическія комбинаціи и предположить, что описываемая находка относится къ четвертичному

2

періоду, то мы можемъ ее съ такимъ же правомъ отнести къ теплой шелльской эпохѣ, какъ и къ холодной, характеризующейся присутвіемъ мамонта, англійской или мустьерской. Въстѣ съ Джономъ Эвансомъ и Бойдъ Даукинсомъ мы должны, однако, высказать сильныя сомнѣнія вообще относительно четвертичнаго возраста этой находки. Скелетъ этотъ являлся совер-

3

Рис. 214. Черепъ изъ Спи. Фиг. 1 и 2—черепъ I, сбоку и спереди. Фиг. 3—черепъ II, сбоку. (По Фрепонъ.)

шенно нетронутымъ и содержалъ даже нижнюю челюсть и ключицы,—этимъ онъ стоитъ въ полномъ противорѣчii съ остатками животныхъ того же времени, являющимися чрезвычайно разбросанными и перемѣшанными. Смѣшеніе фауны теплаго и холоднаго климата въ этой мѣстности свидѣтельствуетъ о многократномъ перемѣщеніи находящихся тамъ песковъ и глинъ, и потому является совершенно неожиданнымъ, что именно этотъ скелетъ оказывается вовсе незатронутымъ и сохранившимся полностью. Поэтому гораздо болѣе вѣроятно, что онъ попалъ на это мѣсто гораздо позднѣе, по всѣмъ вѣроятіямъ, путемъ погребенія въ могилѣ. Если въ доказательство перваго мнѣнія ссылаются на то, что не замѣчалось нарушенія слоевъ, то въ противовѣсъ этому можно сказать, что именно въ рѣчныхъ отложеніяхъ такое нарушеніе чрезвычайно трудно констатировать, тѣмъ болѣе, что критическая провѣрка этого вопроса была совершена лишь черезъ 6 лѣтъ послѣ выемки скелета. Въ анатомическомъ отношеніи данный скелетъ не обнаруживаетъ никакихъ особыхъ признаковъ древности.

Ничего общаго съ четвертичнымъ періодомъ не имѣютъ кости человѣка изъ Стенгенезъ, у Богуслена, въ Швеціи, принадлежація двумъ скелетамъ и добытыя въ 1844 году Свеномъ Нильсономъ въ кучѣ раковинъ на высотѣ 30 метровъ надъ уровнемъ моря. Они, безъ сомнѣнія, относятся къ неолитическому періоду, но, впрочемъ, очень раннимъ эпохамъ его, когда берегъ располагался ниже.

Въ средней Европѣ антропологическія находки еще малочисленнѣе, чѣмъ въ западной части нашего континента, но зато онѣ нерѣдко представляютъ выдающійся интересъ.

Въ Германіи въ недавнее время были открыты древнѣйшіе остатки человѣка, какіе мы вообще знаемъ изъ временъ ледниковаго періода. Они были найдены въ октябрѣ 1907 г. у деревни Мауеръ въ 10 километрахъ къ югу отъ Гейдельберга и въ 6 километрахъ къ югу отъ впаденія Пеккара, непосредственно на южной границѣ Оденвальда. Здѣсь въ большой ямѣ для добыванія песка, среди такъ называемыхъ „Маурерскихъ песковъ“, отложенныхъ Пеккаромъ, была найдена на глубинѣ 24,10 метровъ нижняя челюсть, если правильны указанія рабочихъ на ея положеніе (рис. 215). Но, какъ бы то ни было, челюсть эта, несомнѣнно, относится именно къ этому геологическому горизонту, а не къ лёссовымъ отложеніямъ, располагающимся надъ нимъ. Ископаемая раковина этой мѣстности принадлежатъ 21 сухопутному и 14 воднымъ моллюскамъ; изъ первыхъ лишь 3 вида относятся къ моллюскамъ, обитающимъ на деревьяхъ, тогда какъ всѣ остальные водятся по берегамъ, на лугахъ и на кустарникахъ и частью отсутствуютъ въ настоящее время въ области Пеккара, но держатся еще въ восточной Европѣ. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что климатъ той эпохи былъ континентальнѣе современной. Въ новѣйшее время въ пескахъ окрестностей Мауера были найдены остатки слѣдующихъ млекопитающихъ: льва (нещернаго льва?), большой дикой кошки, дикой собаки (*Canis Neschersensis*), небольшого вида медвѣдя (*Ursus arvernensis*), крупнаго вида медвѣдя (*Ursus Deningeri*), дикаго кабана, гигантскаго по размѣрамъ лося, козули, одного изъ видовъ зубровъ, дикой лошади, этрускаго носорога, древняго слона и бобра. Эта ископаемая фауна, очень напоминающая фауну мосбахскихъ песковъ, носитъ безусловно древній отпечатокъ; если животное, остатки котораго являются въ ней главными, именно древній слонъ, и являлся перѣдкимъ въ третій межледниковый періодъ, то никакія параллели не позволяютъ намъ считать столь же древними *Ursus Deningeri*, бывшаго предшественникомъ *Ursus spelaeus* и *Rhinoceros etruscus*, предшествовавшаго *Rhinoceros Merckii*. Если О. Шётензакъ, открывшій эту челюсть и прекрасно описавшій ее, склоненъ относить ее „къ древнѣй-

шему четвертичному періоду“, то мы лично, согласно съ мнѣніемъ Верта и другихъ ученыхъ, считаемъ правильнѣе относить ее къ среднему четвертичному періоду, т.-е. ко второму межледниковому періоду, такъ какъ нѣтъ никакихъ палеонтологическихъ данныхъ, которыя привязывали бы ее къ первому межледниковому періоду (стр. 385).

Къ шельской эпохѣ, которая нами относится ко второму межледниковому періоду, принадлежитъ зубъ взрослого человѣка и зубъ ребенка, найденные въ Таубахъ у Веймара (стр. 167); къ нимъ Пфейфферъ присоединяетъ еще нѣсколько мелкихъ обломковъ черепа, найденныхъ лѣтомъ 1908 г. въ Эрингсдорфѣ на глубинѣ 15 метровъ въ твердомъ известковомъ туфѣ.

Слѣды древняго палеолитическаго періода были найдены въ ориньякскомъ горизонтѣ Зиргенштейна (стр. 329); это было нѣсколько зубовъ человѣка; къ магдаленской эпохѣ относятся два рѣзца ребенка и 7 обломковъ реберъ, найденныхъ въ

Рис. 215. Нижняя челюсть изъ Мауера у Гейдельберга. Нат. вел.
(По Шётензаку.)

Андернахѣ (стр. 318); къ азильской эпохѣ принадлежатъ обильныя собранія погребенныхъ череповъ, найденныхъ въ пещерѣ Офнетъ (стр. 330).

Особенно знаменитыми въ ученomъ мѣрѣ сдѣлались находки въ Неандерталѣ. Впадающая въ Рейнъ у Дюссельдорфа рѣчка Дюссельбахъ протекаетъ въ западной своей части глубоко врѣзающуюся въ девонскіе известняки долину, которая состоитъ изъ чередующихся расширеній въ видѣ бассейновъ и узкихъ ущелій. Последнее самое значительное по длинѣ ущелье, которое эта рѣчка прорѣзаетъ передъ тѣмъ, какъ выйти въ долину Рейна, образуетъ вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ нему расширеніемъ Neanderthal—долину Неандеръ. Это ущелье, значительно измѣнившееся за послѣднее время вслѣдствіе ломки камня, было прежде ограничено высокими, частью сплошными, частью зубчатыми стѣнами скаль, которыя по обѣимъ сторонамъ рѣчки на неодинаковой высотѣ надъ равниною содержали рядъ болѣе или менѣе глубокихъ пещеръ. Двѣ изъ этихъ пещеръ, носящія названіе Фельдгоферскихъ, располагались на южной сторонѣ, приблизительно по срединѣ ущелья, въ почти вертикально поднимавшемся обрывѣ, на высотѣ около 20 метровъ надъ уровнемъ долины и въ 34 метрахъ ниже

верхняго края обрыва. Пещеры эти открывались—большая изъ нихъ по направленію къ западу, меньшая по направленію къ сѣверу—и выходили на узкую лежащую спереди террасу, на которую можно было попасть лишь чрезъ южный край ущелья. Входъ въ меньшую изъ обѣихъ пещеръ былъ невозможенъ, такъ какъ устье ея намѣчалось лишь въ видѣ низкаго полукруглаго отверстія, чрезъ которое была замѣтна незначительная часть внутренности пещеры. Дно обѣихъ пещеръ было до одинаковой высоты, именно до уровня виѣшней террасы, покрыто слоемъ глины, толщиною въ 5—6 фут. Еще лѣтомъ 1856 г. разрушеніе каменныхъ стѣнъ съ лѣвой стороны ущелья, вслѣдствіе добычи камня, продвинулось настолько, что была захвачена и удалена узкая терраса, располагавшаяся впереди Фельдгоферскихъ пещеръ, и этимъ было открыто отверстіе малой пещеры, которое оставалось до этого времени невидимымъ въ большей своей части,—оказалось, что оно имѣетъ 3 метра въ ширину и 2,5 метра въ вышину, тогда какъ въ глубину пещера вдавалась на 5 метровъ, постепенно суживаясь кзади. По позднѣйшимъ наблюденіямъ, сквозъ эту пещеру проходила разсѣлина, имѣвшая въ ширину 0,3 метра и пересѣкавшая ее въ косомъ направленіи, расщепляя всю скалу,—эта разсѣлина сообщала поверхность скалы съ пещерою. Чрезъ эту разсѣлину, какъ Ляйэлль убѣдился путемъ изслѣдованій на мѣстѣ, произошло выполненіе углубленнаго дна пещеры глиною и щебнемъ сверху, такъ что уровень ея сравнялся съ поверхностью виѣшней террасы. Когда затѣмъ рабочіе, занятые разрушеніемъ Фельдгоферскихъ пещеръ, начали удалять щебень, лежавшій на днѣ меньшей пещеры, они натолкнулись примѣрно на 0,6 метра подъ ея поверхностью на остатки скелета человѣка, которые благодаря приклеившейся къ нимъ глины такъ мало обратили на себя первоначально ихъ вниманіе, что и черепная крышка, находящаяся тамъ, была ими вмѣстѣ съ удаляемой глиной сброшена внизъ съ террасы въ долину. Лишь послѣ того, какъ была найдена плечевая кость, стали относиться внимательнѣе, произвели поиски въ уже удаленной глины и выбрали изъ нея все, что тамъ нашлось. Такимъ образомъ, была добыта черепная крышка (рис. 216), двѣ совершенно цѣльныя бедренныя кости, цѣльная правая плечевая и двѣ нижнія трети лѣвой плечевой кости, цѣлая локтевая кость лѣвая и верхняя половина правой, цѣлая правая лопатка, часть лѣвой сѣдалищной кости, часть правой лопатки, почти цѣльная правая ключица и часть обломковъ реберъ. Достоверныхъ свидѣтелей при выемкѣ этой находки не было. К. Фюльротъ получилъ ее нѣсколько времени спустя. Данныя, сообщаемыя этимъ изслѣдователемъ, производятъ впечатлѣніе большой добросовѣстности, что можно сказать какъ объ его большомъ отчетѣ (1859 г.), такъ и о второмъ отчетѣ (1865 г.), въ которомъ онъ счелъ необходимымъ внести поправки къ разнымъ неточностямъ и неправильнымъ предположеніямъ, которыя вкрались въ научныя работы, вышедшія за это время относительно данной находки. Фюльротъ не касается вопроса о томъ, насколько показанія рабочихъ, которыя были сдѣланы ему лишь два года спустя (лѣтомъ 1858 г.), заслуживаютъ довѣрія; онъ не рѣшается даже высказаться, находился ли въ глины полный человѣчскій скелетъ, и лежали ли всѣ его части вмѣстѣ или нѣтъ. Предположеніе, что кости принадлежали человѣку, обитавшему въ пещерѣ и погибшему тамъ, или что это кости трупа, погребеннаго въ пещерѣ, кажется ему, по состоянію пещеры и по узости входнаго отверстія въ нее до разрушенія находившейся предъ нею террасы, совершенно немислимымъ. Онъ считаетъ, что скорѣе всего кости одновременно съ наносною глиною попали въ пещеру чрезъ ея отверстіе, или, что еще вѣроятнѣе, чрезъ вышеупомянутую разсѣлину. Когда произошло это отложеніе пещерной глины и щебня, и когда попали туда кости, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было палеонтологическихъ или археоло-

гическихъ находокъ, не можетъ быть установлено, хотя бы съ приближительной точностью—въ этомъ отношеніи можно высказывать лишь предположенія самаго различнаго свойства. Въ этомъ направленіи надо внести поправку къ прежнему сообщенію Клаа ча, будто бы „вмѣстѣ съ четвертичной фауной Неандерталя были найдены первобытныя кремневыя орудія шелльского типа“.

Вопросъ о древности неандертальской находки былъ позднѣе снова пересмотрѣнъ К. Кёненомъ. Онъ опирался при этомъ на изслѣдованія сохранившихся до настоя-

Рис. 216. Черепная крышка изъ Неандерталя (сбоку и спереди).
(По Швальбе.)

щаго времени пещеръ того же самаго горнаго хребта, на изслѣдованія вестфальскихъ и бельгійскихъ находокъ и высказалъ предположеніе, что масса, заключавшая въ себѣ кости неандертальскаго человѣка, была совершенно иною, чѣмъ та, которая составляетъ слои, покрывающіе пещеры Неандерталя. Относительно ея можно высказать сомнѣніе, принадлежитъ ли она, дѣйствительно, третичному періоду, одновременна ли она съ массою наноса, покрывающаго гору и мѣстами проникающаго въ разсѣлины и притомъ содержащаго остатки четвертичной фауны, или же она относится

просто къ древне-напоснымъ образованіямъ современнаго періода. Рауфъ высказался противъ этихъ взглядовъ; по его мнѣнію, остатки неандертальскаго человѣка были найдены въ пещерѣ, образованіе которой одновременно образованію долины Дюссель. Поэтому кости эти могутъ быть либо четвертичными, либо послѣчетвертичными, но не могутъ относиться ко времени, предшествующему четвертичному періоду, такъ какъ долина Дюссель была размыта лишь въ четвертичный періодъ. Но, каковы бы ни были теоретическія точки зрѣнія, является, во всякомъ случаѣ, твердо установленнымъ, что возрастъ чрезвычайно интересныхъ находокъ Неандерталя не можетъ быть опредѣленъ хотя бы приблизительно, ни геологически, ни стратиграфически. Это объясняетъ и противорѣчивыя мнѣнія, высказывавшіяся относительно „неандертальскаго человѣка“: одни изслѣдователи считали его старикомъ, страдавшимъ отъ ревматизма костей, другіе — полумумнымъ отшельникомъ, одни признавали его обитателемъ четвертичнаго періода, другіе — казакомъ русской арміи 1814 года.

Въ настоящее время мы знаемъ, что остатки человѣка, найденные въ Неандертальѣ, несомнѣнно, четвертичнаго происхожденія — они были установлены въ качествѣ таковыхъ позднѣйшими находками въ другихъ мѣстностяхъ, и такимъ образомъ прежде всего антропология позволила опредѣлить ихъ возрастъ. Черепная крышка Неандерталя обнаруживаетъ цѣлый рядъ нормальныхъ, не патологическихъ особенностей, которыхъ не наблюдается на черепахъ послѣ-четвертичнаго времени Европы, тогда какъ, съ другой стороны, эти самыя черты проявляются на несомнѣнно древне-палеолитическихъ черепахъ нашего континента. Этотъ черепъ, слѣдовательно, долженъ быть отнесенъ къ той же категоріи и является древне-палеолитическимъ.

Совершенно никакого употребленія нельзя сдѣлать изъ данныхъ Раутерта и Клаача относительно „неандертальскаго человѣка № 2“, кости котораго были найдены на глубинѣ 0,6 метра отъ поверхности и въ 250 метрахъ къ западу отъ прежней неандертальской пещеры, въ слояхъ лёсса. Его возрастъ абсолютно не извѣстенъ, и его нельзя привести ни въ какую связь съ первою неандертальскою находкою.

Точно также нельзя сдѣлать никакого примѣненія и различнымъ другимъ сообщеніямъ о четвертичныхъ остаткахъ человѣка Германіи. Потому мы совершенно неключаемъ изъ разсмотрѣнія въ Баваріи данныя относительно четвертичныхъ скелетовъ «Разбойничьей пещеры» Эттерцаузена около Регенсбурга, и о такихъ же остаткахъ въ пещерѣ Гайленрейта и въ пещерѣ Офнетъ (въ болѣе глубокихъ горизонтахъ); въ Вюртембергѣ мы оставляемъ въ сторонѣ находки остатковъ человѣка въ Геппенлохѣ, въ пещерѣ Бокштейнѣ (стр. 330), въ пещерѣ Голефельсѣ и въ Каиштаттѣ. Послѣдняя находка обратила на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ французскіе изслѣдователи сочли этотъ скелетъ типичнымъ представителемъ четвертичной „каиштаттской расы“. На самомъ дѣлѣ, происхожденіе даннаго черепа, какъ показали критическія изслѣдованія Гельдера, совершенно темно и загадочно. Въ 1700 году герцогъ Эбергардъ Людвигъ Вюртембергскій приказалъ раскопать римское укрѣпленіе, у подножія котораго были найдены остатки четвертичныхъ животныхъ, попавшіе въ Кабинетъ Естественной Исторіи въ Штуттгартѣ. При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что въ первомъ сообщеніи о нихъ, принадлежащемъ перу д-ра Рейссельса (1700 г.), ясно подчеркивается отсутствіе остатковъ человѣка. То же самое подтверждается въ 1701 г. д-ромъ Шплейссіусомъ и въ 1749 и 1753 гг. д-ромъ Гесснеромъ. Въ 1812 г. Кювье говоритъ о человѣческой нижней челюсти изъ Каиштатта, не упоминая о черепѣ, и лишь въ 1835 г., т.-е. 135 лѣтъ спустя послѣ

раскопокъ мы встрѣчаемъ и „канштаттскій черепъ“, красующійся въ витринѣ „ридомъ съ римскими сосудами, найденными въ 1700 г.“. Одного этого сосѣдства оказалось достаточнымъ, чтобы говорить позднѣе о четвертичномъ происхожденіи черепа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не знали, откуда онъ взялся, и какъ онъ попалъ въ „серію канштаттскихъ находокъ“ герцога Эбергарда Людвига. Быть-можетъ, онъ происходитъ изъ временъ неолитическаго періода, или изъ какой-нибудь римской гробницы, или даже относится къ началу среднихъ вѣковъ, такъ какъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ находокъ находились остатки человѣка, относившіеся къ этимъ эпохамъ.

Въ Баденѣ, Гессенѣ и Эльзасѣ слѣдуетъ исключить изъ разсмотрѣнія остатки человѣка, найденные въ Моосбахѣ у Висбадена, въ Зелигенштадтѣ, равно какъ и два черепа изъ Мангейма, хотя послѣдніе все же были добыты съ значительной глубины въ 6 метровъ, гдѣ они лежали въ четвертичныхъ пескахъ, намытыхъ Неккаромъ; столь же мало достовѣрнаго знаемъ мы и относительно остатковъ, найденныхъ у Лара на рѣкѣ Шуттеръ и хранящихся въ Парижѣ. Несомнѣнно, относительно недавними по происхожденію являются 7 скелетовъ изъ Больвейлера и 14 скелетовъ изъ Тагольсгейма въ Эльзасѣ; точно также нельзя ничего сказать и о черепѣ изъ Эгисгейма въ кантонѣ Вингенгеймѣ. Тамъ въ 1865 г. въ лёссѣ холма Бюль, расположеннаго къ югу отъ Эгисгейма, на глубинѣ 2,5 метра были найдены части крышки черепа человѣка. Кости животныхъ, оказавшіеся разсыянными въ различныхъ мѣстахъ того же самаго геологическаго слоя, принадлежать мамонту, дикой лошади, зубру и др. Шумахеръ на основаніи заслуживающаго полнаго довѣрія сообщенія объ этомъ черепѣ Шауделя снова пересмотрѣлъ вопросъ объ его древности и высказался въ пользу того, что предположеніе о принадлежности этого черепа человѣку, жившему одновременно съ мамонтомъ, должно считаться недоказаннымъ, хотя обстоятельства находенія черепа и позволяютъ высказать такое предположеніе, а анатомическое изслѣдованіе черепа, предпринятое Швальбе, указываетъ, по крайней мѣрѣ, на то, что онъ принадлежитъ представителю древней доисторической расы; окончательно въ ту или другую сторону вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь позднѣйшими находками въ данной мѣстности. И, на самомъ дѣлѣ, возобновленныя раскопки, предпринятыя Гутманомъ и Герцогомъ въ 1893 году въ окрестностяхъ того же самаго холма, повели къ находенію сходнаго по строенію черепа, около котораго не было найдено никакихъ другихъ предметовъ, и затѣмъ къ находенію 4 несомнѣнно неолитическихъ скелетовъ очень малаго роста. Сходство перваго „эгисгеймскаго черепа“ со вторымъ черепомъ, найденнымъ Гутманомъ въ лёссѣ, заставляеть предполагать одновременность обѣихъ находокъ, которыя получаютъ еще болѣе антропологическій интересъ, благодаря присутствію остальныхъ скелетовъ. Въ общемъ должно упомянуть также, что, по даннымъ Герцога, холмъ Бюль съ неолитическихъ временъ и вплоть до аллеманско-франконскаго періода былъ излюбленнымъ мѣстомъ погребенія покойниковъ.

Неопредѣленнымъ остается и возрастъ различныхъ находокъ въ сѣверной Германіи, такъ, напримѣръ, возрастъ 8 скелетовъ изъ пещеры Вильдшейеръ у Штеентенъ-анъ-деръ-Ланъ и другихъ скелетовъ изъ сосѣдней пещеры Вильдгаузъ. Точно также дѣло обстоитъ съ находками въ Бухенлохѣ у Герольштейна въ Эйфель и съ находками въ пещерахъ Разбойничьей—у Летмате, Бальве—у Гённе и Бильштейнъ—у Варштейна. Никакихъ болѣе опредѣленныхъ заключеній мы не можемъ дать и относительно остатковъ человѣка въ брекчіяхъ Пёсснека въ Тюрингіи и черепа изъ Риксдорфа близъ Берлина.

Въ Швейцаріи мы имѣемъ достовѣрные, но маловажные по значенію остатки

человѣка магдаленской эпохи въ пещерѣ Фрейденталь (стр. 312). Оттуда имѣется теменная кость, лежавшая среди углей очага ледниковаго періода, нижняя челюсть 16—19-лѣтняго юноши и обломки черепа и таза. Въ Кесслерлохѣ (стр. 299) Меркъ открылъ въ слоѣ, относящемся къ вѣку сѣвернаго оленя, ключицу молодого субъекта. Въ Швейцербильдѣ у Шаффаузена не было найдено никакихъ антропологическихъ остатковъ четвертичнаго періода.

Если мы теперь обратимся къ Австро-Венгріи, то первое мѣсто тамъ по значенію антропологическихъ находокъ занимаетъ Крапина, въ Кроаціи (стр. 174). По остаткамъ фауны, соответствующей теплomu климату (кости носорога Мерка), и по чрезвычайно примитивнымъ каменнымъ орудіямъ мы относимъ его къ концу шельской эпохи; изъ остатковъ человѣка Горяновичъ-Крамбергеръ отрылъ тамъ въ слоѣ, соответствующемъ данной эпохѣ, кости дѣтей 1½—2 лѣтъ и кости взрослыхъ лицъ болѣе 40 лѣтъ отъ роду (табл. XXIV); общее количество людей не можетъ быть точно установлено, но изъ числа нижнихъ челюстей, теменныхъ костей и другихъ остатковъ ясно, что тамъ было не менѣе 10 лицъ. Въ общей сложности было найдено болѣе

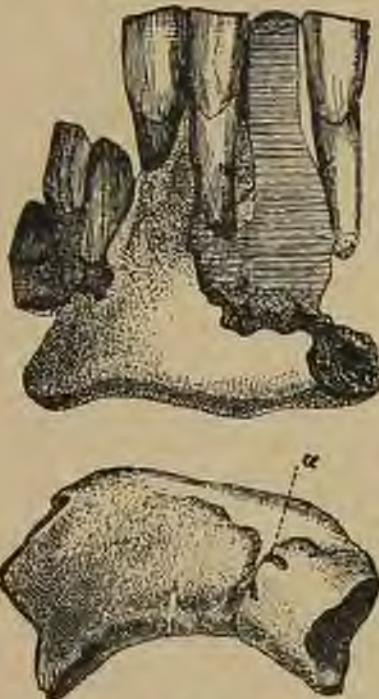

Рис. 217. Обломокъ челюсти изъ пещеры Шипка. Нат. вел. (По Машка.)

500 костей, къ сожалѣнію, большей частью разломанныхъ и обгорѣвшихъ. Изъ болѣе крупныхъ обломковъ черепа отсюда имѣются двѣ черепныя крышки дѣтей, лѣвый кусокъ черепной чаши съ лицомъ и съ обоими глазными отверстіями (но безъ верхней челюсти и безъ верхней части лба), правая теменная кость съ частью лобной кости, большая лобная кость съ правой надбровной дугой, двѣ основныя лобныя кости съ надбровными дугами, нѣсколько височныхъ костей и т. п.; кромѣ того, мы имѣемъ здѣсь 6 обломковъ верхней челюсти, 9 обломковъ нижней челюсти, около 200 отдѣльныхъ и притомъ какъ молочныхъ, такъ и постоянныхъ зубовъ, нѣкоторое количество позвонковъ и реберъ, обломки лопатокъ, 21 ключица, 19 обломковъ плечевыхъ костей, 11 обломковъ подвздошныхъ костей, 11 кусковъ локтевыхъ и т. д.

Къ мустьерской эпохѣ относится обломокъ нижней челюсти человѣка изъ пещеры Шипка у Нейтчейнъ въ Моравіи (стр. 180, рис. 217). Точно также несомнѣнной древне-палеолитической находкою является нижняя челюсть изъ Шведентской пещеры Гадкерской долины въ Моравіи, которая въ научной литературѣ извѣстна какъ челюсть Охось. Въ слоѣ глины, мощностью въ 2 метра, находившемся въ пещерѣ, М. Крыжъ еще ранѣе нашель кости пещернаго медвѣдя, сѣвернаго оленя и сибирскаго носорога, притомъ въ большомъ количествѣ. Кромѣ того, въ меньшемъ числѣ были найдены кости ископаемаго быка, благороднаго оленя, дикой кошки, зайца-бѣляка, мамонта, песца, пещернаго льва, лося, кабана, волка, барсука, гигантскаго оленя, рѣчной выдры, бобра, горнаго козла, серны, леопарда, мускуснаго быка и росомахи. Кости дикой лошади не упоминаются. Въ оставленныхъ Крыжемъ остаткахъ слоя студентъ К. Кубазекъ нашель еще остатки обыкновенной лисицы и стенинаго сурка и затѣмъ человѣческую нижнюю челюсть, нижняя часть которой, къ сожалѣнію, почти совершенно отсутствуетъ, такъ что сохранилась, главнымъ образомъ, верхняя часть съ альвеолами зубовъ (рис. 218). По своему сохраненію и по своему цвѣту эта челюсть совершенно отвѣчаетъ четвертичнымъ остаткамъ животныхъ. Кромѣ того, и по своему первичному характеру она является несомнѣннымъ древнимъ образованіемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, относящимся къ мустьерской эпохѣ.

Остатки череповъ изъ Крапины.

a, b — лобныя части, *c, d* — обломки нижней челюсти.
(По Горяновичу-Крамбергеру).

А. Ржегакъ, которому мы обязаны описаніемъ этой важной находки, установилъ это съ полною несомнѣнностью; кромѣ того, К. Машка сообщаетъ мнѣ, что даже въ томъ горизонтѣ, гдѣ была найдена челюсть, встрѣчаются еще остатки золы и углей, но нѣтъ никакихъ издѣлій человѣка, если не считать нѣсколькихъ, повидимому, разбитыхъ человѣкомъ костей животныхъ.

Къ новѣйшему палеолитическому періоду относится и обломокъ лѣваго бедра изъ ориньяккаго мѣстонахожденія Виллендорфа въ Нижней Австріи, который былъ описанъ Вольдржихомъ; къ нему присоединились послѣ новыхъ значительныхъ раскопокъ тамъ въ 1908 г. обломокъ бедра, обломки верхней и нижней челюсти изъ нижняго ориньяккаго горизонта (стр. 337). Къ концу ориньякской эпохи относится скелетъ изъ Брюнна въ Моравіи (стр. 344). Огромное значеніе имѣетъ могильникъ съ большимъ числомъ погребенныхъ тамъ скелетовъ, найденный на солотрейской станціи Пржедмостъ въ Моравіи,—тамъ К. Машка открылъ 14 полныхъ скелетовъ и разрозненные остатки еще 6 костяковъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не появилось точнаго описанія этой находки. Списокъ найденнаго дополненъ, кромѣ того, обломкомъ нижней челюсти, черепомъ ребенка, двумя кусками нижней челюсти и другими костями, происходящими, по меньшей мѣрѣ, отъ 6 скелетовъ, которые были выкопаны М. Крыжемъ (стр. 347). Наконецъ, 1 зубъ ребенка былъ найденъ въ магдаленскомъ словъ пещеры Гуденуса въ Нижней Австріи (стр. 340).

Не могутъ быть использованы совершенно данныя относительно нахожденія человѣческихъ скелетовъ въ Цуцлавицѣ у Винтерсберга, въ Гичинѣ у Лохова, въ пещерѣ Прокопія у Иноница, въ Брюксѣ, Подбабѣ, Либенѣ и Штребиховицѣ (все эти мѣстности находятся въ Богеміи). Черепъ изъ Брюкса вмѣстѣ съ другими костями скелета былъ открытъ въ четвертичномъ пескѣ и примѣрно въ 65 сант. надъ нимъ лежалъ каменный топоръ неолитическаго типа. Вольдржихъ обозначилъ эти пески новѣйшими, но, во всякомъ случаѣ, остается открытымъ вопросъ, не являются ли каменный топоръ и черепъ человѣка одновременными и не долженъ ли поэтому черепъ разсматриваться какъ неолитическій? Не лучше дѣло обстоитъ и съ моравскими находками у Красной Горы, въ окрестностяхъ Брюна, у Шлаппаница и Гуссовица, въ пещерахъ Костеликъ, Бычишкала, Яхимка и Балкарова скала. Точно также приходится скептически относиться и къ черепу, добытому въ пещерѣ князя Іоанна въ окрестностяхъ Лауча (стр. 357).

Несомнѣнно четвертичнымъ является скелетъ полуторугодоваго ребенка, найденный въ 1911 г. въ пещерѣ Балла, въ горахъ Бюкъ, около Мискольча въ Венгріи. Онъ находился на значительной глубинѣ въ 7,3 метра, въ желтой наносной глинѣ, вмѣстѣ съ остатками фауны, характерной для холоднаго климата (кости сѣвернаго оленя, полярной куропатки и т. п.); черепъ почти не затронутъ и чрезвычайно долихоцефальный. Остатковъ очаговъ или остатковъ издѣлій человѣка не было найдено, но зато въ сосѣднихъ пещерахъ были открыты остатки солотрейской эпохи, такъ что, по всеѣмъ вѣроятіямъ, и этотъ скелетъ является одновременнымъ.

Никакихъ достовѣрныхъ остатковъ четвертичнаго періода намъ не извѣстно пока изъ Польши, гдѣ кости, найденныя въ пещерѣ Машика и въ пещерѣ Оборжиско Вильки, относятся, повидимому, къ неолитическому періоду. На этомъ и оканчивается списокъ европейскихъ находокъ четвертичныхъ остатковъ человѣка, поскольку таковой можетъ быть въ настоящее время составленъ.

Изъ внѣ-европейскихъ странъ мы имѣемъ еще менѣе данныхъ. Единственное несомнѣнное четвертичное нахожденіе остатковъ человѣка въ Азіи это—кости, найденныя

въ пещерѣ Антелиасъ въ Сиріи, о которыхъ сообщаетъ Цумоффенъ (стр. 367), относящій ихъ къ ориньякской эпохѣ. Кости эти были сильно разсѣяны, такъ что невольно является мысль о каннибализмѣ; по Фричу они обнаруживаютъ признаки низко стоящихъ человѣческихъ расъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, сюда же относятся и зубъ человѣка изъ Зондебаха на островѣ Явѣ (стр. 433).

Въ Америкѣ дѣло изслѣдованія четвертичныхъ остатковъ человѣка поставлено пока еще очень плохо. Антропологъ Хредличка предпринялъ въ 1907 г. критическое изслѣдованіе всѣхъ описанныхъ до сихъ поръ въ качествѣ четвертичныхъ и иногда считавшихся еще болѣе древними остатковъ человѣка Сѣверной Америки съ точки зрѣнія ихъ возраста. Въ этомъ направленіи подлежали разсмотрѣнію различныя кости, найденныя въ 1844 г. въ Новомъ Орлеанѣ въ Луизианѣ; скелетъ, найденный въ Клебекѣ, въ Канадѣ; тазъ, найденный въ Начезѣ на Миссисиппи; различныя кости, най-

Рис. 218. Обломокъ нижней челюсти изъ Охось (Моравія).
(По Ржегакъ.)

денныя въ 1852 или 1853 г. на озерѣ Монроэ, во Флоридѣ; скелетъ, найденный въ 1860 г. въ Сода-Крикѣ въ Колорадо; обломки костей, найденныя въ Чарлстонѣ въ Южной Каролинѣ; черепъ, найденный въ 1866 г. въ Калаверасѣ въ Калифорніи; черепъ, найденный тогда же въ Рокъ-Блефѣ въ Иллинойсѣ; скелетъ, найденный въ 1884 г. въ Пеннопѣ въ Мексикѣ; нѣсколько череповъ (1879—1887 гг.), найденныхъ въ Трентонѣ въ Нью-Джерси; черепъ и другія кости, найденныя въ западной Флоридѣ; бедро, найденное въ 1899 г. въ Трентонѣ въ Нью-Джерси; скелетъ, найденный въ 1902 г. въ Лансингѣ, въ Канзасѣ; 10 скелетовъ, найденныхъ въ лёссѣ Небраски (1894—1906). Все выводы Хредлички отрицательныя,—по его мнѣнію, мы не имѣемъ никакихъ геологическихъ и стратиграфическихъ доказательствъ древняго возраста этихъ находокъ, нерѣдко имѣемъ даже доказательства противнаго. Различныя части скелета не различаются ничѣмъ существеннымъ отъ скелетовъ современныхъ индѣйцевъ, такъ что можно сказать, что „ископаемаго человѣка“ Сѣверной Америки надо еще открыть, и очевидно рано или поздно такое открытіе будетъ сдѣлано, такъ какъ остатки издѣлій человѣка четвертичнаго періода уже извѣстны съ несомнѣнностью, а также имѣется и безспорно древняя нижняя челюсть изъ Трентона (стр. 198).

Въ Южной Америкѣ изслѣдованіе первобытной исторіи человѣка до настоящаго времени съ наибольшимъ успѣхомъ развивалось въ Аргентинѣ, благодаря систематическимъ трудамъ Амегино, Сантьяго Рота, Утеса, Лемана-Питше и др. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ придерживаться изслѣдованія Лемана-Питше надъ „Пампасовой формаціей ископаемаго человѣка Аргентинской Республики“ (1907 г.). Въ этомъ сочиненіи упоминаются слѣдующіе ископаемые остатки человѣка: къ верхней пампасовой формаціи или къ формаціи желтаго лёсса относятся зубы человѣка, найденныя въ Каркаранья, провинціи Санта-Фе въ 1864 г., черепъ и части скелета, найденныя въ Фриасѣ, около города Мерседесъ, въ провинціи Буэносъ-Айресъ въ 1870 г.,

и тамъ же найденныя въ 1873 г. различныя кости человѣка, бедрачная кость и 9 зубовъ, найденныя въ Саладеро у Пергаминио въ 1876 г., и черепъ съ различными костями, найденный у Фонтезуэласъ въ 1881 г. Последняя находка особенно важна: Сантьяго Ротъ нашелъ эти кости въ лёссѣ подъ спиннымъ панциремъ глиптодонта; удаливъ послѣдній, онъ натолкнулся на человѣческой черепъ и на разбросанныя отдѣльныя кости, изъ чего вытекаетъ съ несомнѣнностью, что трупъ человѣка лежалъ здѣсь долгое время, предоставленный свободно вывѣтриванію, пока случайно надъ нимъ не оказался панцирь броненосца; послѣдній не стоитъ ни въ какой связи съ остатками человѣка, но указываетъ на возрастъ ихъ; размѣры скелета, принадлежащаго, повидимому, женщигѣ, были 1,51 метра. Далѣе, къ этой же формации относится скелетъ человѣка, найденный въ 1882 г. въ Самборомбонѣ, въ провинціи Буэносъ-Айресъ, черепъ, найденный въ 1888 г. въ Аррецифесъ, черепъ и различныя кости изъ Хокори, такіе же остатки изъ Ла-Тигра, при чемъ черепъ изъ послѣдней мѣстности искусственно деформированъ. Въ недавнее время былъ найденъ относящійся также сюда скелетъ въ Некохра. Къ средней пампасовой формации или къ бурому лёссу относится скелетъ изъ Барадеро, который, однако, очень плохо сохранился (1887 г.); къ нижней пампасовой формации или къ коричневому лёссу относится предположительно первый шейный позвонокъ (атласъ) изъ Монте-Гермозо. Бранка такъ же, какъ и Леманъ-Питше, считаетъ за несомнѣнное, что онъ принадлежитъ человѣку, но отмѣчаетъ, что найденная тамъ же значительно позднѣе белая кость не имѣетъ отношенія ни къ этому скелету, ни даже къ тому же самому виду живого существа, такъ какъ животное, которое ею обладало, было величиною не болѣе лисицы. О лопаткѣ, найденной въ Ультима-Эсперанца въ Патагоніи, мы уже говорили выше (стр. 116).

Въ 1910 г. Хредличка и Бели-Уиллисъ, съ своей стороны, предприняли изслѣдованіе вопроса о существованіи первобытнаго человѣка въ Южной Америкѣ и рассмотрѣли его критически. Судя по ихъ предварительному сообщенію, можно сказать, что большая часть южно-американскихъ находокъ должна быть относительно недавнею; во многихъ случаяхъ мы имѣемъ несомнѣнно кости современные, лишь случайнымъ образомъ перемѣстившіяся въ болѣе древніе геологическіе слои. Въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить, что и въ Бразиліи, именно въ пещерахъ Лагоа-Санта, древнѣйшіе слѣды человѣка относятся не далѣе, какъ ко времени новѣйшаго пампасоваго лёсса и, слѣдовательно, не древнѣе остатковъ человѣка въ Европѣ. „Всѣ болѣе древнія находки, по меньшей мѣрѣ, сомнительны“ (Штейнманъ), почему всѣ чрезмѣрно послѣднія заключенія Амегино о существованіи „*Homo pliocaenicus*“, „*Diprothomo*“, „*Tetraprothomo argentinus*“ и т. п. не имѣютъ подъ собою никакой почвы. „Все встрѣчающееся въ пампасахъ изъ остатковъ человѣка принадлежитъ къ остаткамъ типичнаго *Homo sapiens*“ (Леманъ-Питше).

Изъ Австраліи до сихъ поръ не извѣстно никакихъ ископаемыхъ остатковъ человѣка, но извѣстны чрезвычайно своеобразныя отпечатки слѣдовъ, которые связываются съ первобытнымъ человѣкомъ этого континента. Они были найдены у Варриамбуля, въ Викторіи, въ песчаникѣ, который по существу представляетъ собою окаменѣлыя прибрежныя дюны, неопредѣленнаго геологическаго возраста. Особый интересъ имѣетъ кусокъ песчаника съ отпечатками слѣдовъ, которые мы здѣсь воспроизводимъ (рис. 219). Слѣды этихъ двухъ родовъ,—одни изъ нихъ, на рисункѣ верхніе, истолковываются Арчибалдомъ какъ отпечатки сѣдалищной части сидящаго на землѣ человѣка, тогда какъ другіе, нижніе,—какъ отпечатки ногъ того же самаго человѣка. Должно прибавить, что въ тѣхъ же самыхъ слояхъ песчаника были найдены и даль-

нѣйшіе подобные слѣды ногъ двухъ существъ, одного побольше, другого поменьше; эти слѣды вели отъ мѣста сидѣнія и сопровождались слѣдами дикой собаки динго. Въ другой мѣстности Викторіи, именно въ Хи-хи, натолкнулись на такіе же точно отпечатки и, наконецъ, въ третьей мѣстности, въ песчаникѣ русла рѣки найдены подобные отпечатки вмѣстѣ со слѣдами динго, кенгуру и эму. Бранка критически изслѣдовалъ, насколько возможно это сдѣлать по изображеніямъ, эти отпечатки и пришелъ къ выводу, что форма предполагаемыхъ отпечатковъ сѣдалищной части не позволяетъ сдѣлать никакого волюнѣ определеннаго вывода; оба слѣда отъ ногъ въ общемъ имѣютъ человѣческія очертанія, это безспорно, но, не говоря уже о поразительной узости слѣда, они имѣютъ форму, которая немыслима ни при сидячемъ положеніи, ни при сидѣніи

Рис. 219. Предполагаемые отпечатки ногъ и сѣдалищной части человѣка въ дюнныхъ песчанникахъ Варрамбуля въ Австраліи.

a—выпуклая часть отпечатка ногъ, соответствующая подъ-ему правой ступни; *b, c, d*—зубчатые отпечатки лѣвой ноги, можетъ-быть, отпечатки пальцевъ. Сверху плоскіе отпечатки, можетъ-быть, отпечатки сѣдалищныхъ частей.
(По Альсбергу.)

на корточкахъ. Точно также Грегори не соглашается съ тѣмъ, что отпечатки сѣдалищныхъ частей принадлежать двумъ лицамъ, и полагаетъ, что они съ такимъ же успѣхомъ могутъ представлять собою впадины, образованныя вѣтромъ; относительно отпечатковъ слѣдовъ онъ воздерживается отъ всякихъ объясненій, полагая, однако, что если они принадлежать человѣку, то заставляютъ думать, что человѣкъ былъ въ обуви. Клаачъ, какъ и Грегори, видѣлъ лишь изображеніе единственно уцѣлѣвшаго экземпляра отпечатковъ. По его мнѣнію, всѣ попытки отнести эти отпечатки ногъ и сѣдалищной части къ одному субъекту, совершенно неудовлетворительны, такъ какъ такихъ отпечатковъ не можетъ получиться при сидѣніи на корточкахъ. Отпечатки слѣдовъ кажутся ему, дѣйствительно, принадлежащими человѣку, но если и отпечатки сѣдалищныхъ частей являются также человѣческими, то въ этомъ случаѣ субъекты, которымъ они принадлежать, должны были сидѣть спиною къ тѣмъ, отъ которыхъ сохранились отпечатки ногъ и, по-видимому, какъ это нерѣдко дѣлаютъ

современные австралійцы, они сидѣли на землѣ съ вытянутыми впередъ ногами. Въ заключеніе мы не можемъ не упомянуть и о мнѣніи, выраженномъ недавно Нетлингомъ,—онъ полагаетъ, что слѣды изъ Варрамбуля не что иное, какъ слѣды кенгуру. Ихъ значительная величина основывается либо на томъ, что ископаемые кенгуру были крупнѣе современныхъ, либо, что эти слѣды принадлежать большому числу животныхъ, которые, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе, когда ихъ много, вскакивать поочередно на слѣды животнаго, находящагося впереди; отпечатки сѣдалищныхъ частей могутъ также принадлежать кенгуру. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ, окажется, можетъ-быть, въ концѣ концовъ, что мы имѣемъ дѣло просто съ ископаемыми слѣдами животныхъ. Совершенно также ученые были ранѣе введены въ заблужденіе слѣдами

въ Карсонъ-Сити въ хребтѣ Пейнъ-Нетъ въ Невадѣ (стр. 117), которые первоначально принимались за слѣды человѣка въ мокассинахъ, позднѣе же оказались слѣдами толстокожихъ.

Сопоставимъ теперь въ видѣ таблицы самые важные и оказавшіеся несомнѣнно четвертичными остатки человѣка. Въ Европѣ мы получимъ слѣдующую серію:

А. Второй межледниковый періодъ. Первобытная фауна теплаго климата:

Нижняя челюсть человѣка изъ Мауера у Гейдельберга (отдѣльно стоящая находка до-шелльской эпохи).

В. Третій межледниковый періодъ. Теплая шелльская эпоха:

Остатки человѣка изъ Крапины въ Кроации.

Ашѣльская или древняя мустьерская эпоха:

Могильникъ Ле-Мустье въ Дордони.

С. Четвертый ледниковый періодъ. Мустьерская эпоха съ холоднымъ климатомъ:

Могильники Ла-Ферраси въ Дордони.

Могильникъ въ Ла-Шапелль-о-Сенъ въ Коррезѣ.

Могильники въ Спи въ Бельгii.

Нижняя челюсть изъ Маларно въ Арьежѣ.

Нижняя челюсть изъ Пти-Пюи-Муайенъ въ Шарантѣ.

Нижняя челюсть изъ Арси-сюръ-Эйръ въ Юннѣ.

Нижняя челюсть изъ Ла-Пошеттъ въ Бельгii.

Нижняя челюсть изъ Шинки въ Моравii.

(Въ общемъ въ эту группу относятъ также неандертальскій черепъ, черепъ изъ Тильбюри, изъ Гибралтара и еще нѣкоторые другіе).

Д. Послѣледниковое время.

Ориньякская эпоха:

Могильникъ съ остатками, похожими на кости негровъ въ Ментонѣ.

Остальные скелеты Ментоны.

Могильникъ Кро-Маньонъ въ Дордони.

Могильникъ въ Комбъ-Шапелль въ Перигорѣ.

Могильникъ въ Ложери-Отъ въ Дордони.

Солютрейская эпоха:

Могильникъ въ Брюниѣ въ Моравii.

Могильникъ въ Пржедмостѣ въ Моравii.

Магдаленская эпоха:

Могильникъ въ Ложери-Бассъ въ Дордони.

Могильникъ въ Ла-Маделенъ въ Дордони.

Могильникъ въ Шанселладѣ въ Дордони.

Могильникъ въ Дюрюти въ Ландахъ.

Могильникъ въ Лезъ-Отто.

Различные отдѣльные черепа въ Ле Плакаръ, Масъ-д'Азиль и др.

Азильская эпоха:

Могильникъ со множествомъ череповъ въ Оффнетъ въ Баварii.

Скелеты въ Масъ-д'Азиль въ Арьежѣ.

Если сравнить между собой этотъ несомнѣнный матеріалъ, то вполне естественно можно раздѣлить его на два главнѣйшіе отдѣла: на болѣе древній—находки, относящіяся къ группамъ *A*, *B* и *C*, и болѣе новый, принадлежащій къ новѣйшему палеолитическому періоду,—находки, относящіяся къ *D*; послѣдняя группа охватываетъ всѣ, повидимому, связанныя между собою формы, не отличающіяся ни въ одномъ существенномъ пунктѣ отъ основного типа современнаго европейскаго человѣка, и всю эту группу обозначаютъ однимъ сборнымъ именемъ, обыкновенно — расы „Кро-Маньонъ“. Этому названію

Рис. 220. Черепъ Ла-Шепелль-о-Сень (спереди.)
(По фотографіи.)

мы даемъ предпочтеніе предъ другими такими же—расы „Фюрфюзъ“, расы „Ложери Бассъ“, расы *Homo aurignacensis* и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе это соответствіе расы Кро-Маньонъ съ современнымъ европейскимъ типомъ, мы можемъ отказаться отъ ближайшаго ея разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что она будетъ подробнѣе описана въ слѣдующемъ томѣ даннаго сочиненія Ф. Биркнеромъ. Черепъ этой расы, являющійся вообще наиболѣе важнымъ объектомъ, подвергающимся изученію, имѣетъ значительно большую длину, чѣмъ ширину, представляетъ собою, слѣдовательно, долихоцефальный типъ

съ широкимъ низкимъ лицомъ, съ большимъ лбомъ, съ выпуклою черепною чашею и со значительною ёмкостью черепа (до 1600 куб. сант.); надбровныя дуги развиты умеренно и не сильно выступаютъ, нижняя челюсть не очень массивна, подбородокъ хорошо развитъ и сильно выдается. Размѣры тѣла очень варьируютъ, иногда являются гигантскими (до 2 метровъ), мускулатура была развита, повидимому, необычайно сильно (рис. 213 и 226 *a*). Типичные брахицефальные черепа съ узкимъ лицомъ до сихъ поръ не извѣстны изъ новѣйшаго палеолитическаго періода.

Къ этимъ же остаткамъ „*Homo recens*“ (человѣка современности) мы относимъ и остатки обитателей ориньякской эпохи изъ Комбъ-Шанель и изъ Пржедмоста, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ нихъ обнаруживаются, особенно въ нижней части лица, и нѣкоторыя болѣе древнія черты. Верно отнесъ болѣе глубоко лежащія „нег-

родныя“ скелеты изъ Grotte des Enfants у Ментоны къ особой „расѣ Гримальди“, являющейся спеціальнымъ четвертичнымъ типомъ,—ея характерными чертами являются лобъ и черепная чаша совершенно европейскаго склада, сопровождаемая, однако, сильнымъ прогнатизмомъ (выступающей нижней челюстью) и слабо развитымъ подбородкомъ, что указываетъ на низшую организацію. Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ Бранка, можно думать, что это переходный типъ.

Отъ этой болѣе молодой группы рѣзко отдѣляется болѣе древняя: она характеризуется болѣе наклоннымъ лбомъ, болѣе низкою черепною чашею, сильно выдающимися надбровными дугами, глубокими вдавленіями въ области висковъ, сильнымъ развитіемъ лицевой части черепа и жевательныхъ приспособленій, наконецъ, прогнатизмомъ, т.-е. косо выдвинутой впередъ верхней челюстью. Нижняя челюсть этого типа массивна и высока, притомъ либо совершенно лишена подбородка, либо обладаетъ очень слабо выступающимъ подбородочнымъ бугромъ. Настоящіе брахицефальные черепа отсутствуютъ. Ростъ былъ средний или малый, тѣлосложеніе плотное, характеризующееся относительной короткостью предплечья и бедра, мускулатура, повидимому, являлась очень сильно развитой.

Этою первобытною древне-палеолитическою расою, рѣзко отличающеюся отъ современныхъ европейцевъ, мы займемся теперь подробнѣе, при чемъ будемъ основываться въ особенности на изслѣдованіяхъ Швальбе и Клаача. Прежде всего мы отмѣтимъ,

что эти остатки относятся, дѣйствительно, къ настоящимъ человѣческимъ существамъ. Нерѣдко высказывалось, однако, мнѣніе, что мы имѣемъ передъ собою здѣсь болѣзненно видоизмѣненные части скелета,— что едва ли, однако, возможно предположить по отношенію къ эпохѣ, изъ которой до насъ дошли лишь отдѣльные весьма немногочисленные слѣды существованія человѣка. Вирховъ указалъ на различныя

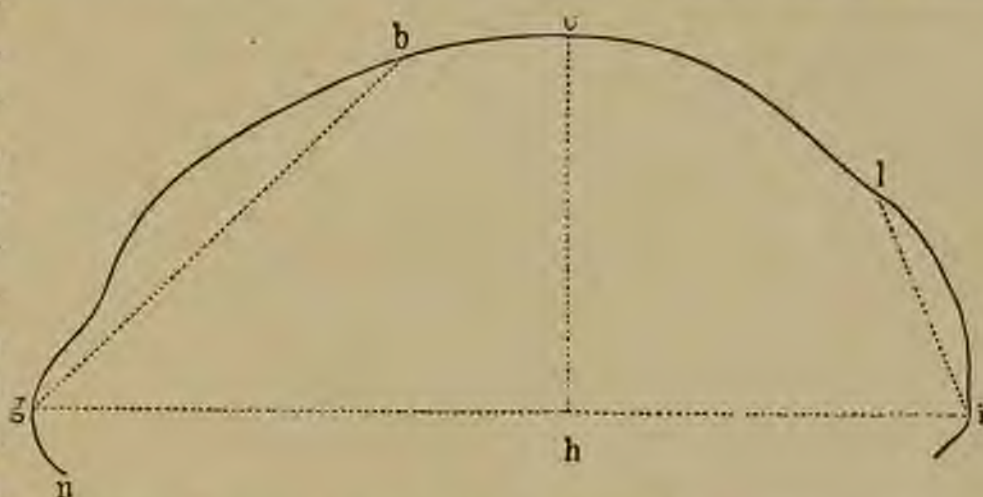

Рис. 221. Срединный разрѣзъ неандертальскаго черепа.
(По Швальбе.)

особенности неандертальскаго черепа—на начинающееся исчезновеніе кости, на воронковидное вдавленіе въ 3—4 миллиметра въ поперечникъ и въ 2 миллиметра глубины позади праваго теменнаго бугра, на шрамъ надъ правою надбровною дугою и на утолщеніе кости на внутренней поверхности черепа. Однако, подробныя изслѣдованія Швальбе доказали съ полною очевидностью, что неандертальскій черепъ все же принадлежалъ вполне нормальному, а не болѣзненно-видоизмѣненному индивидууму. Швальбе доказалъ, что всѣ указанные Вирховымъ патологическіе признаки совершенно нормальны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій на лѣвой локтевой кости, обусловленныхъ пораненіемъ. Такимъ образомъ, патологическія измѣненія не повліяли на форму неандертальскаго черепа и не могутъ отражаться на его анатомическихъ и антропологическихъ чертахъ строенія. Къ тому же, за послѣднія 15 лѣтъ, сдѣланъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ открытій, такъ что теперь эта находка не является уже болѣе изолированной. Всѣ позднѣйшія открытія, по особенностямъ своего строенія, настолько примыкаютъ къ ней, что не можетъ уже быть никакого сомнѣнія въ томъ,

что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нормальной группою человѣческаго рода, отличающеюся лишь первичными чертами.

Разсмотримъ теперь въ подробностяхъ особенности этой „неандертальской расы“, которую прежде называли также „канштаттскою расою“ или „расою Спи“. При этомъ разсмотрѣннн мы будемъ принимать во вниманіе не только остатки, найденные въ долинѣ рѣки Дюссель, но и все относящіяся сюда находки, которыя совершенно напрасно были изукрашены такими ничего не говорящими названіями, какъ „*Homo krapinensis*“, „*Homo mousteriensis Hauseri*“, „*Homo Heidelbergensis*“ и т. п. Специально для того, чтобы сравнить форму черепа первобытнаго человѣка съ черепомъ питекантропа и съ черепомъ современнаго человѣка, Швальбе ввелъ цѣлый рядъ весьма важныхъ измѣреній, легко усваиваемыхъ изъ прилагаемаго чертежа (рис. 221). На немъ точка *g* изображаетъ самую выдающуюся точку выпуклости, находящейся надъ носомъ—*glabella*, *b*—мѣсто соединенія вѣчнаго шва черепа со стрѣловиднымъ швомъ—*bregma*, *l*—мѣсто соединенія стрѣловиднаго шва съ ламбдовиднымъ—*lambda*, *i*—наружный затылочный бугоръ—*inion*. Благодаря установленію такихъ легко опредѣляемыхъ на каждомъ черепѣ точекъ, можно получить цѣлый рядъ вполне точныхъ измѣреній, которыя, будучи собраны въ таблицу, даютъ въ цифрахъ характеристику важнѣйшихъ чертъ черепа. Если провести основную линію *gi* и опустить на нее съ самой высокой точки черепной крышки перпендикуляръ *ch*, то онъ будетъ выражать мѣру вышины свода черепа. Въ виду того, однако, что абсолютныя числа недостаточны для точнаго сравненія, такъ какъ основная линія можетъ имѣть очень различную длину, высоту свода лучше выразить въ процентахъ длины черепа (по формулѣ $\frac{ch \cdot 100}{gi}$). Такимъ способомъ получается индексъ (показатель) вышины черепной крышки.

Характерныя особенности наклоннаго лба выражаются въ брегматическомъ углѣ (*bgi*) и въ лобномъ углѣ, который опредѣляется проведеніемъ касательной отъ передняго конца линіи длины черепной крышки къ наибольшему выступу лобной кости. Форму затылочной части выражаетъ ламбдатическій уголъ (*gil*).

	1.	2.	3.	4.
	Индексъ вышины череп. крышки.	Брегматич. уголъ въ градусахъ.	Лобный уголъ въ градусахъ.	Ламбдатич. уголъ въ град.
I. Современный человѣкъ (<i>Homo recens</i>)				
Максимумъ	68	66	—	85
Среднее	59	—	90	—
Минимумъ	50	—	73	78
Австралійцы	(Швальбе) 48,9	50	(Швальбе)	(Швальбе) 74
8 лопарей	(Клаачъ)	(Швальбе и Клаачъ) 46	—	(Клаачъ) 77
1 жит. Вадена	—	(Макнамара)	—	(Макнамара) 75
Японцы	—	—	—	(Клаачъ) 71
				(Клаачъ)
II. Древнія формы (переходныя?)				
Брюнвскій черепъ	(51)?	54	75	78
Гибралтар. черепъ	45,4	50,5	73—74	(Клаачъ) 74
	(Швальбе)	(Швальбе)		(Макнамара)

	1.	2.	3.	4.
	Индексъ вышины череп. крышки.	Брегматич. уголь въ градусахъ.	Лобный уголь въ градусахъ.	Ламбдатич. уголь въ град.
III. Неандертальская раса (<i>Homo primigenius</i>)				
Черепъ Спи II	41,3 (Швальбе и Клаачъ)	50,5	67 (Швальбе)	70 (Клаачъ)
» Спи I	40,9 (Швальбе)	45 (Швальбе и Клаачъ)	57,5 (Швальбе)	68 (Клаачъ)
» Крапнины	42,2 (Клаачъ)	50—53 (Клаачъ)	66—68 (Клаачъ)	65—72 (Клаачъ)
» Неандертальскій	40,4 (Швальбе)	44 (Швальбе)	62 (Швальбе)	66,5 (Швальбе)
IV. Ископаемая человекообразная обезьяны				
Питекантропъ (<i>Pithecanthropus</i>)	34,2	34—38	52,5	—
V. Современные обезьяны				
Максимумъ	37,7	39,5	56	—

Къ сожалѣнію, въ настоящее время отсутствуют еще монографіи, посвященные черепамя, найденнымъ въ Ла-Ферраси и въ Ла-Шапель-о-Сенъ; точно также и измѣренія черепа Ле-Мустье могутъ быть точно произведены лишь послѣ того, какъ онъ будетъ окончательно составленъ; достаточно, однако, посмотрѣть на эти черепа, чтобы убѣдиться въ томъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ подходятъ къ неандертальской расѣ.

Если мы рассмотримъ теперь ряды цифръ, приведенные въ предыдущей таблицѣ, то мы увидимъ прежде всего, что первобытный черепъ неандертальскаго типа отличается небольшою высотой. Индексъ высоты черепной крышки у неандертальскаго черепа 40,4 (1-ая графа табл.), тогда какъ у самой низшей изъ современныхъ расъ человека—48,9. Варіируя, разумѣется, между собою, первобытные черепа обнаруживаютъ въ то же время общую всѣмъ имъ черту незначительной вышины черепной крышки,—черту, которая приближаетъ ихъ къ человекообразнымъ обезьянамъ (индексъ шимпанзе 37,7).

Дальнѣйшимъ признакомъ является сильный наклонъ лба, обнаруживающійся въ брегматическомъ и лобномъ углахъ (2-ая и 3-ья графы табл.). Брегматическій уголь неандертальской черепной крышки 44° стоитъ значительно ниже современнаго минимума въ 50° . Остальные описанные болѣе подробно черепа неандертальской расы достигаютъ въ этомъ отношеніи минимума современныхъ череповъ; ниже этого минимума, въ видѣ исключенія, стоятъ 8 череповъ, изученныхъ Макнамара, принадлежащіе одной изъ мелкихъ расъ лопарей. Также обстоитъ дѣло и съ лобнымъ угломъ: минимумъ неандертальскихъ череповъ $57,5^{\circ}$, максимумъ ихъ 67° , тогда какъ у современныхъ череповъ минимумъ 73° , максимумъ болѣе 90° . Изъ этого вытекаетъ, что переднія доли головного мозга (*lobi frontales*) были соотвѣтственно слабѣе развиты. Этимъ опять-таки неандертальскій черепъ поразительно приближается къ черепу современныхъ обезьянъ: его брегматическій уголь 44° , тогда какъ у шимпанзе онъ $39,5^{\circ}$; лобный уголь неандертальскаго черепа 62° , у шимпанзе онъ 56° . Въ смыслѣ уплощенія черепной крышки черепъ изъ Ла-Шапель-о-Сенъ превосходить таковой изъ Спи и изъ Неандертали (рис. 210).

Аналогично покату лбу и затылочная кость не является столь круто поднятой, какъ у современныхъ череповъ: ламбдатическій уголъ неандертальскаго черепа $66,5^\circ$, тогда какъ у современныхъ австралійцевъ онъ 74° ,—этой величины не достигаютъ и остальные первобытные черепа. Лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія у отличающихся очень малымъ ростомъ японцевъ былъ найденъ уголъ, оказывающійся болѣе низкимъ, чѣмъ современный минимумъ, именно равный 71° .

„Дальнѣйшая особенность неандертальской расы — пишетъ Швальбе — заключается въ томъ, что на лобной кости верхняя крышка глазной полости образована сильнымъ выростомъ, ограничивающимъ оба верхніе края глазницъ и соединяющимся съ такимъ же выростомъ противоположной стороны надъ основаніемъ носа. Этотъ общій *torus supraorbitalis* (непрерывная надбровная дуга) у неандертальскихъ череповъ рѣзко отграничивается по направленію къ черепной чашѣ и образуетъ, до известной степени, какъ бы навѣсъ надъ глазницами, и не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ надбровными дугами современнаго человѣка“.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ особенностей теменной и лобной костей—въ образованіи той и другой неандертальскіе черепа занимаютъ очень низкое положеніе. Присутствіе рѣзко выраженныхъ мѣстъ прикрѣпленій мышцъ на лобной и на височной костяхъ, а равно и на затылочной, указываетъ на существованіе сильныхъ жевательныхъ и затылочныхъ мышцъ.

Объемъ черепа неандертальской расы впервые могъ быть какъ слѣдуетъ опредѣленъ на хорошо сохранившемся черепѣ изъ Ла-Шапелль-о-Сень. Буль вычислилъ его емкость и получилъ 1626 куб. сант.; можно ожидать, что очень близкая цифра будетъ получена и при опредѣленіи емкости черепа Ле-Мустье, отличающагося значительной длиною. Это—цифры, поразительно высокія, превосходящія даже среднія цифры емкости черепа современнаго европейца, такъ какъ таковая опредѣляется для мужчины въ 1560 куб. сант., для женщины—въ 1375 куб. сант. Такимъ образомъ, уменьшеніе объема черепа вслѣдствіе незначительной вышины черепной крышки, въ общемъ навѣстывается сильнымъ удлиненіемъ черепа сзади. Впрочемъ, этотъ фактъ не можетъ казаться слишкомъ удивительнымъ: все у неандертальской расы является относительно большимъ и неуклюжимъ—и туловище, и черепъ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ мозгъ. При опредѣленіи степени душевнаго развитія должно къ тому же обращать вниманіе не на абсолютную массу мозга, а на отношеніе ея къ остальной массѣ нервнаго вещества и на тонкость ея строенія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ черепъ Ла-Шапелль-о-Сень стоитъ безусловно на болѣе низкой ступени. Хотя, конечно, слѣпокъ полости черепа не можетъ дать вполне точной копіи головного мозга, все же изслѣдованія Буля и Антони, произведенныя надъ этимъ черепомъ, показали съ несомнѣнностью, что здѣсь мы имѣемъ образованіе болѣе низкое, приближающееся къ животнымъ, хотя оно и можетъ еще быть названо вполне человѣческимъ. Большой мозгъ, между прочимъ, не налегаетъ здѣсь правильно на плоскій мозжечекъ, но направленъ болѣе впередъ, какъ-будто и голова является болѣе вытянутой впередъ; такія же особенности обнаруживаетъ и третья лопасть головного мозга. Во всякомъ случаѣ, та часть головного мозга, которая является носителемъ духовнаго развитія, именно лобная часть, была очень ограничена, тогда какъ задній отдѣлъ большого мозга, гдѣ находятся центры, связанные со способностью наблюденія, былъ развитъ хорошо. Принимая во вниманіе значительный объемъ черепа, требуетъ поправки и сдѣланное до настоящаго времени опредѣленіе объема неандертальскаго черепа, который по сохранившейся черепной крышкѣ опредѣленъ въ 1230 куб. сант.; Ранке и Манувріе, быть-можетъ, правы,

когда принимаютъ объемъ его равнымъ болѣе 1500 куб. сант. Является ли поэтому правильнымъ указаніе Кейта, что объемъ гибралтарскаго черепа, принадлежащаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, женщинѣ, составляетъ лишь 1100 куб. сант.,—мы оставимъ пока безъ разсмотрѣнія.

Лицевая часть черепа неандертальской расы стала лучше извѣстна лишь благодаря находкѣ черепа въ Ла-Шапель-о-Сенъ, такъ какъ черепа изъ Спи и изъ Крапины извѣстны лишь въ видѣ обломковъ. Въ общихъ чертахъ это подтвердило ту картину, которую набросалъ Клаачъ относительно строенія черепа неандертальцевъ, исходя изъ современныхъ австралійцевъ. „Извѣстно, что при прежнихъ попыткахъ реконструировать лицо неандертальскаго человѣка, ему придавалось чрезвычайно дикое и мрачное выраженіе тѣмъ, что основаніе носа отодвигали далеко назадъ, глубоко подъ сильно выпуклыя надбровныя дуги и glabella. Очевидно, въ данномъ случаѣ служили моделью черты лица современныхъ австралійскихъ туземцевъ въ связи съ желаніемъ придать первобытному человѣку Европы возможно болѣе дикій видъ. Въ этомъ отношеніи, однако, такой параллелизмъ съ австралійцами оказался совершенно ошибочнымъ; глубокое помѣщеніе основанія носа, характерное для многихъ, но не для всѣхъ австралійскихъ череповъ, у неандертальской расы отсутствовало“ (рис. 222). Глазницы черепа являются большими и круглыми, особенно замѣчательно, однако, образованіе верхней челюсти. Буль, по отношенію къ черепу Ла-Шапель-о-Сенъ, принадлежавшему сильно пожилому человѣку, подчеркиваетъ, что верхняя челюсть вмѣсто того, чтобы образовывать по бокамъ подъ глазами впадину, fossa canina—какъ то всегда бываетъ у современнаго человѣка,—направляется здѣсь непосредственно наискось впередъ и напоминаетъ такимъ образомъ строеніе морды животнаго. Довольно широкій носъ сидѣлъ, слѣдовательно, на округло выпуклой ротовой части черепа (рис. 220). Гексли и Солласъ указываютъ, что такое же похожее на морду выступаніе верхней губы и носа свойственно и гибралтарскому черепу. Клаачъ отмѣчаетъ то же самое у черепа Ле-Мустье, который, однако, являясь совершенно разбитымъ, самъ по себѣ не могъ бы дать достаточно надежныхъ результатовъ.

Нижняя челюсть неандертальской расы замѣчательна значительною вышиною и неуклюжестью своей формы, большими размѣрами зубной дуги и прежде всего отсутствіемъ подбородка. Очень важно, какъ отмѣчаетъ Горяновичъ-Крамбергъ, что гейдельбергская челюсть вообще не имѣетъ еще и зачатка подбородка (рис. 215). „Этотъ фактъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что именно подбородокъ разсматривался всегда какъ образованіе, спеціально свойственное человѣку. Между тѣмъ, въ самыхъ глубокихъ четвертичныхъ слояхъ Мауера, мы находимъ остатки настоящаго человѣка, не имѣющаго, однако, и самыхъ первыхъ зачатковъ подбородка. Такимъ образомъ, передняя часть пластинки нижней челюсти гейдельбергскаго человѣка является совершенно иною, чѣмъ у остальныхъ четвертичныхъ и современныхъ череповъ; она соотвѣтствуетъ своимъ легкимъ изгибомъ вдоль мѣста сращенія челюстямъ челоукообразныхъ обезьянъ. Въ то же время строеніе зубовъ и строеніе основанія нижней челюсти и внутреннія ея вѣтви являются признаками, которые связываютъ эти древнѣйшіе остатки человѣка непосредственно съ неандертальскимъ черепомъ, при чемъ глубокая fossa genioglossa основанія черепа, безъ сомнѣнія, напоминающая человѣка, сказывается притомъ и у неандертальскихъ череповъ, особенно на нижней челюсти изъ Ла-Польтъ. Убѣдившись въ томъ, что подбородокъ не является специфически свойственнымъ человѣку признакомъ, мы можемъ видѣть такой признакъ развѣ лишь въ строеніи зубовъ этого древнѣйшаго человѣка“. Толдтъ, лучший знатокъ вопроса о подбородкѣ, замѣчаетъ, что

„выдающійся подбородокъ является новымъ приобрѣтеніемъ человѣка и притомъ свойствомъ, которымъ не обладали еще древнѣйшіе извѣстные намъ люди, — это свойство развилось, слѣдовательно, за время существованія человѣческаго рода и затѣмъ передавалось по наслѣдству отъ человѣка къ человѣку. При этомъ намъ нѣтъ никакого дѣла до того, является ли современный человѣкъ непосредственнымъ потомкомъ человѣка четвертичнаго, не имѣвшего подбородка; намъ достаточно знать, что нѣкогда были такой типъ людей безъ подбородка. Если ранѣе могло еще быть сомнѣніе относительно этого, такъ какъ соотвѣтствующія находки были немногочисленны, то теперь, благодаря изслѣдованіямъ Горяновича-Крамбергера, доказано съ полной точностью, что обитатели пещеръ Крапина палеолитическаго періода представляли собою расу, отличающуюся, на ряду съ другими особенностями, также полнымъ отсутствіемъ подбородочнаго выступа“ (табл. XXIV c, d). „Пока мы стоимъ, такимъ образомъ, на вполне прочной почвѣ безспорныхъ фактовъ. Мы не очень далеко отъ нея отойдемъ, однако, если предположимъ, что у вышеназванныхъ палеолитическихъ нижнихъ челюстей ходъ развитія былъ другимъ, чѣмъ у нижней челюсти современнаго человѣка, и притомъ что онъ ближе стоялъ къ ходу развитія нижней челюсти млекопитающаго. Эти нижнія челюсти, по моимъ представленіямъ, стояли во взаимной связи съ шириною передней части черепа, если принять пропорціи, которыя по отношенію къ механическимъ задачамъ этой части скелета не являлись благоприятными; особенно передній отдѣлъ нижней челюсти требовалъ соотвѣтствующаго утолщенія. Въ качествѣ такого образованія, можетъ разсматриваться раз-

Рис. 222. Лицевая часть черепа неандертальскаго человѣка.
(По реконструкціи Клаача.)

витіе выдающейся челюсти. Появленіе ея можно представить себѣ такимъ образомъ, что тѣ процессы развитія и роста, которые въ настоящее время у каждаго человѣка вызываютъ образованіе подбородочнаго выступа, стали появляться у четвертичнаго человѣка строго постепенно и затѣмъ въ теченіе тысячелѣтій все болѣе и болѣе развивались. Можно, такимъ образомъ, представить себѣ, что первоначально, подъ вліяніемъ какой-то функціи, прекратился относительно сильный ростъ основной части нижней челюсти въ продольномъ направленіи; эти условія затѣмъ унаслѣдовались и стали обнаруживаться далѣе и въ эмбриональномъ состояніи. Вслѣдствіе этого передніе углы обѣихъ половинокъ челюсти зародыша, въ области основныхъ своихъ частей, образовали промежутокъ, внутри котораго, въ качествѣ самостоятельныхъ центровъ окостенѣній развились подбородочныя косточки. Такимъ образомъ, сперва получилась та форма челюсти, которая находится нами въ настоящее время у многихъ негритянскихъ

череповъ. Въ дальнѣйшемъ интенсивность роста переднихъ угловъ основныхъ частей челюсти еще болѣе возросла, такъ что, въ концѣ концовъ, дѣло дошло до образованія выступающаго подбородка“. Валькгофъ идетъ еще далѣе и на основаніи своихъ снимковъ рентгеновскими лучами съ увѣренностью заявляетъ, что человѣкъ изъ Ла-Полетъ и изъ пещеры Шипка не пользовался еще въ широкомъ размѣрѣ способностью членораздѣльной рѣчи, а человѣкъ изъ Краины пользовался ею лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, тогда какъ позднѣйшіе люди „четвертичнаго періода“ говорили уже болѣе. Тольдтъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ своей работы, что „эти утвержденія не основываются ни на какомъ анатомическомъ, фактическомъ матеріалѣ и вообще являются сомнительными“.

Лучше всего различіе между лишенной подбородка нижней челюстью неандертальской расы и нижней челюстью современнаго человѣка выясняется изъ проекцій профиля нижней челюсти, даваемыхъ Шётензакомъ для гейдельбергской челюсти, челюсти африканскаго негра и челюсти современнаго еврейца (табл. XXV). Своею массивностью гейдельбергская челюсть, сходная съ древней неандертальской, превосходитъ остальные нижнія челюсти неандертальской расы, но она совершенно сходна съ ними во всѣхъ остальныхъ важнѣйшихъ особенностяхъ. Въ качествѣ перваго намека на человѣческую форму подбородка должно разсматривать на ней такъ называемую подбородочную борозду, съ помощью которой она получаетъ профиль, хотя выступъ очень слабый, затѣмъ другимъ такимъ намекомъ является настоящій подбородочный вырѣзь.

Рис. 223. Нижняя челюсть жителя восточной Гренландіи массивнаго строенія съ широкимъ отросткомъ и слабо развитымъ подбородкомъ.
(По Горяновичу-Крамберггеру.)

Внутренній подбородочный отростокъ, какъ и у большинства четвертичныхъ челюстей неандертальской расы, отсутствуетъ, зато имѣется наблюдающійся и на этихъ послѣднихъ шиловидный отростокъ у мѣста прикрѣпленія подбородочно-подъязычной мышцы (*musc. genio-hyoideus*). Является ли ширина вѣтвей нижней челюсти, тупая форма вѣчнаго отростка и другіе признаки признаками совершенно особыми, будетъ выяснено лишь тогда, когда будетъ имѣться большее количество сравнительнаго матеріала. Чрезвычайно наглядно отличаются отъ этой челюсти съ покатой областью подбородка профили обѣихъ современныхъ нижнихъ челюстей, у которыхъ мы видимъ въ видѣ выступовъ настоящіе подбородки. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что отсутствіе подбородка или покатый подбородокъ до извѣстной степени встрѣчаются и у австралійскихъ череповъ; на нижнихъ челюстяхъ эскимосовъ Оттекингъ и Горяновичъ-Крамберггеръ недавно установили, что и они приближаются по слабому развитію подбородка къ неандертальскимъ нижнимъ челюстямъ, съ которыми у нихъ общею является и чрезвычайная массивность (рис. 223).

Насколько неандертальская нижняя челюсть, особенно гейдельбергская, приближается своимъ отсутствіемъ подбородка къ таковымъ человѣкообразныхъ обезьянъ, показываетъ табл. XXV, *b*; это оправдываетъ замѣчаніе Шёттензака, что въ данномъ случаѣ главнымъ различіемъ являются зубы, а не форма выпуклой и выдвинутой впередъ нижней челюсти. Изслѣдованія зубовъ, найденныхъ въ Крапинѣ, показало, что по формѣ своей они вполне помѣщаются въ границахъ варіацій современнаго человѣка и, несмотря на бесспорно примитивныя особенности (складки эмали, поперечныя борозды, вертикальныя борозды надъ коронкою и надъ корнемъ), обнаруживаютъ уже очень сильную редуцію, даже болѣе сильную, чѣмъ у австралійцевъ.

Затѣмъ слѣдуетъ остановиться вкратцѣ на разсмотрѣніи костей конечностей неандертальской расы. Фишеръ, по отношенію къ лучевой и локтевой кости, пришелъ къ заключенію, что лучевая кость неандертальскаго скелета и скелета въ Спи сильнѣе изогнута, чѣмъ у всѣхъ современныхъ людей, и что, съ другой стороны, *fossa olecrani* локтевой кости имѣетъ болѣе сильно развитый выступъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было среди современнаго матеріала. Бедряная кость неандертальской расы была подробно изслѣдована Бумюллеромъ и затѣмъ Клаачемъ. По Бумюллеру особенность этой кости заключается въ ея массивности, въ сильномъ, равномерномъ изгибѣ ея и въ значительномъ развитіи эпифизовъ. Хотя индексъ длины и толщины ея и находится внутри предѣловъ варіацій современныхъ костей, тѣмъ не менѣе, по своей вышинѣ онъ является настолько бросающимся въ глаза среди всѣхъ древнихъ находокъ, „что стоитъ за предѣлами случайности“ (Бумюллеръ). Особенно характерною, по мнѣнію того же изслѣдователя, оказывается равномерность изгиба. „Уголъ, подъ которымъ сходятся при продолженіи оси верхняго и нижняго концовъ бедра, составляетъ у ископаемыхъ бедеръ 163—166°, тогда какъ у значительнаго количества современныхъ бедеръ онъ въ среднемъ составляетъ около 170°, однако и эти числа лежатъ еще въ границахъ варіацій, наблюдаемой у человѣка, такъ какъ иногда уголъ уменьшается до 161°, но это, впрочемъ, рѣдкое исключеніе“. Особенно значительно увеличиваетъ общее впечатлѣніе массивности и неуклюжести кости сильное развитіе эпифизовъ. „Если число измѣренныхъ бедеръ и не велико, то все же рѣзко бросается въ глаза чрезвычайное развитіе суставовъ у представителей неандертальской расы. Лишь одна изъ трехъ древнихъ бедряныхъ костей находится еще внутри предѣловъ современной варіацій, и она стоитъ на самомъ краю этихъ предѣловъ, тогда какъ другіе выходятъ значительно за предѣлы, а бедро изъ Спи даже выходитъ чрезвычайно далеко“. Дальнѣйшія весьма замѣчательныя особенности обнаруживаются на скелетѣ Ла-Шапель о-Сенъ, изслѣдованія котораго еще не закончены.

Такимъ образомъ, неандертальская группа представляетъ собою рѣзко очерченную древнюю группу первобытнаго человѣка, относительно которой необходимо теперь выяснить, каково ея отношеніе къ современному человѣку. Если эту группу отмѣтить названіемъ *Homo primigenius*, какъ это дѣлается теперь почти всеми по примѣру Вильзера, если назвать нынѣ живущаго, появляющагося въ послѣдникъ періодъ человѣка *Homo recens*, то вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, въ какомъ соотношеніи стоитъ *Homo primigenius* къ *Homo recens*? Швальбе счелъ себя въ правѣ высказать слѣдующее положеніе: „Выдающіеся признаки, особенно невысокая форма черепа и отсутствіе подбородка совершенно достаточны для отличенія *Homo primigenius* отъ современнаго человѣка въ качествѣ низшей формы человѣческаго рода, въ качествѣ особаго вида“. Ему кажется весьма вѣроятнымъ, что именно изъ этой формы развился современный человѣкъ. „Если это такъ, то въ этомъ случаѣ, какъ

правильно замѣчаетъ Кольбрюджъ, признаки *Homo primigenius* должны быть таковы, что они выходятъ за предѣлы варіацій *Homo sapiens*; если этого не наблюдается, то каждый имѣетъ право утверждать, что данная раса является лишь разновидностью *Homo sapiens* и могла бы появиться въ единичныхъ экземплярахъ даже и въ настоящее время“.

На самомъ дѣлѣ, мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ „промежуточныхъ формъ“, которыя во многихъ отношеніяхъ выполняютъ разстояніе между обѣими группами и потому сближаютъ эти обѣ формы сильнѣе, чѣмъ это предполагалъ Швальбе. Для доказательства мы обращаемъ вниманіе на нашу табличку, помѣщенную на стр. 416—417; при разсмотрѣніи ея мы видѣли, что брегматическій и ламбдатическій углы современныхъ череповъ хотя и рѣдко, но все же иногда спускаются въ тѣ предѣлы, которые свойственны расѣ *Homo primigenius*, и что, наоборотъ, отдѣльные максимумы этой расы подходятъ къ минимуму современного человѣка. Абсолютной границы такимъ образомъ не существуетъ. Это же можно сказать и относительно остальныхъ признаковъ. Клаачъ, во время своего послѣдняго путешествія, имѣлъ возможность подробно изучить самые первобытные отрывки современного человѣчества, именно австралійцевъ,—на сходство ихъ череповъ съ неандертальскими черепами указывали еще Гёксли (рис. 224). Главнымъ отличительнымъ признакомъ, на который указывали все наблюдатели, было сильное развитіе у австралійцевъ надбровныхъ дугъ. Нахожденіе послѣднихъ у современного человѣка Швальбе не считалъ возможнымъ, но, какъ оказалось теперь, это было совершенно несправедливо. Правда, въ противоположность къ древнимъ неандертальскимъ черепамъ, многіе австралійскіе мужскіе черепа не обнаруживаютъ совершенно этихъ дугъ, тогда какъ на женскихъ онѣ являются рѣдкостью; однако, Клаачъ, тѣмъ не менѣе, былъ въ состояніи наблюдать черепа, гдѣ надбровныя дуги типично выражены, и гдѣ очертанія этой выпуклости, „несмотря на значительно меньшіе размѣры, очень сходны съ неандертальскимъ“. На рис. 225 *a, b* изображена сагиттальная и поперечная кривая этихъ череповъ, при чемъ средняя линія австралійцевъ во всѣхъ чертахъ превосходитъ таковую неандертальцевъ. Черепъ является сильнѣе приподнятымъ, чѣмъ неандертальскій, но зато послѣдній обладаетъ болѣе широкимъ основаніемъ, такъ что своею шириною наверстываетъ тотъ недостатокъ вышины, который его отличаетъ, и это не только въ заднемъ, но и въ переднемъ отдѣлѣ. Въ области лба австраліецъ обнаруживаетъ, несомнѣнно, болѣе низкое развитіе: „его ширина позади глазъ оказывается гораздо меньшей, чѣмъ въ черепѣ неандертальской расы. Принимая во вниманіе большое значеніе именно этой средней части черепа для развитія мозга, должно при-

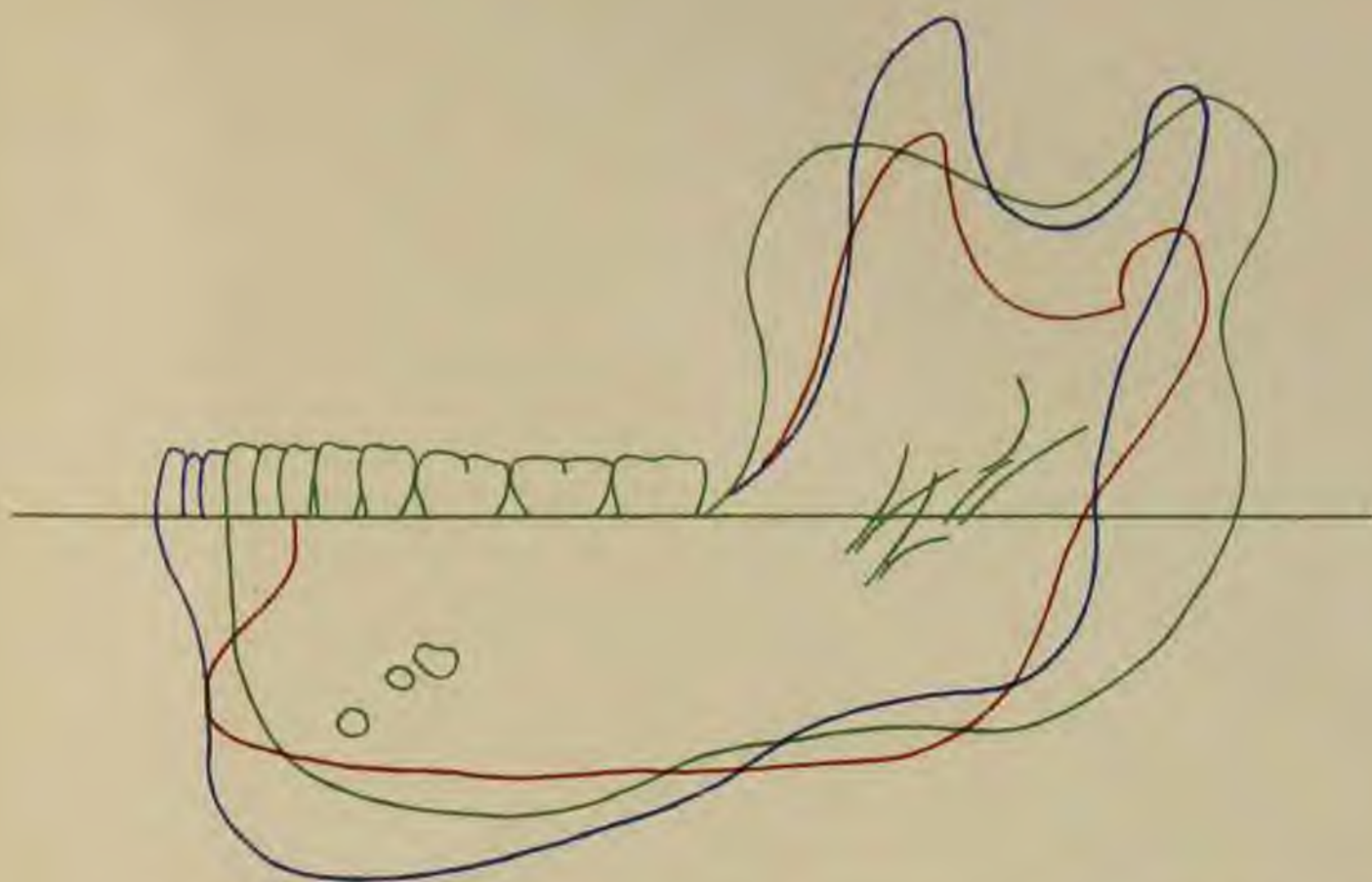
Рис. 224. Лицевая часть черепа австралійца изъ раскопокъ о. Мельвилль 1906 г.
(По Клаачу.)

Рис. 225 *a, b* изображена сагиттальная и поперечная кривая этихъ череповъ, при чемъ средняя линія австралійцевъ во всѣхъ чертахъ превосходитъ таковую неандертальцевъ. Черепъ является сильнѣе приподнятымъ, чѣмъ неандертальскій, но зато послѣдній обладаетъ болѣе широкимъ основаніемъ, такъ что своею шириною наверстываетъ тотъ недостатокъ вышины, который его отличаетъ, и это не только въ заднемъ, но и въ переднемъ отдѣлѣ. Въ области лба австраліецъ обнаруживаетъ, несомнѣнно, болѣе низкое развитіе: „его ширина позади глазъ оказывается гораздо меньшей, чѣмъ въ черепѣ неандертальской расы. Принимая во вниманіе большое значеніе именно этой средней части черепа для развитія мозга, должно при-

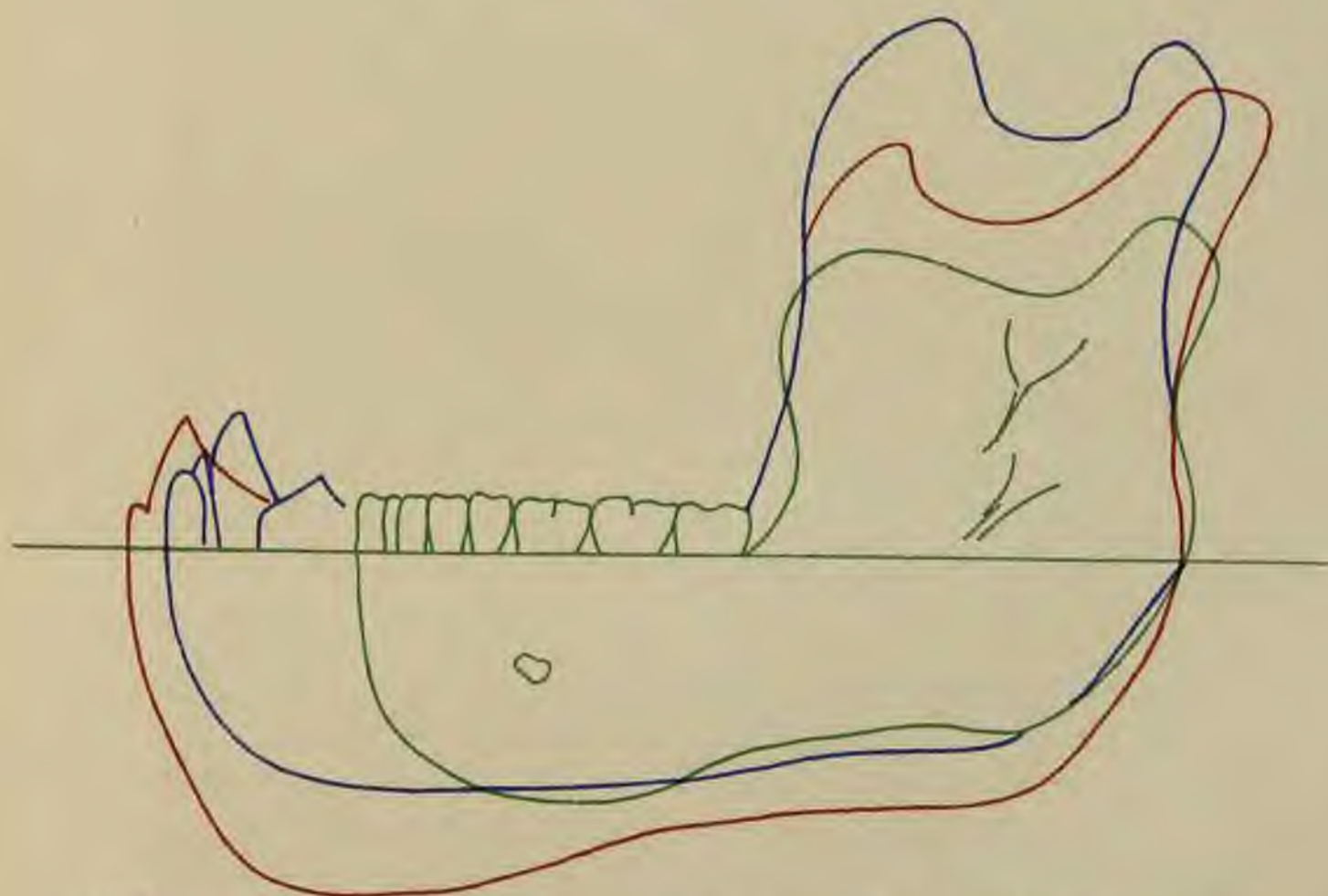
знать весьма существеннымъ такое превосходство неандертальскаго человѣка надъ австралійцемъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, слѣдовательно, австралійцы представляютъ собою какъ бы „до-неандертальскую“ стадію. Оба черепа указываютъ на существованіе общей первичной стадіи, изъ которой они могли развиться по различнымъ направленіямъ и могли специализироваться,—неандертальскій черепъ обнаружилъ равномерное увеличеніе во всѣ стороны, австралійскій—увеличеніе лишь въ вышину. Въ качествѣ общаго наслѣдства отъ общаго корня они сохранили выросты надбровныхъ дугъ“ (Клаачъ 1907 г.).

Не менѣе важнымъ является открытіе Клаача, что развитіе „первичной вытянутой впередъ морды“ у человѣка, обнаруживаемой въ особенности на черепѣ Ла-Шапель о-Сенъ и посейчасъ, „почти полностью сохранилось“ въ различныхъ вариацияхъ черепа у австралійцевъ, и что между послѣдними и представителями четвертичнаго періода и въ смыслѣ образованія подбородка „нѣтъ никакого принципиальнаго различія“. И тѣмъ, и другимъ свойственно отсутствіе подбородка—черта, которая является первичною и изображаетъ исходное состояніе, которое затѣмъ у высшихъ и позднѣе появившихся расъ претерпѣло дальнѣйшее развитіе. Такимъ образомъ составляетъ неоспоримый фактъ, что неандертальскій типъ черепа стоитъ весьма близко къ австралійскому и во многихъ существенныхъ пунктахъ соотвѣтствуетъ ему полностью. Нельзя, однако, сказать, чтобы онъ цѣликомъ совпадалъ съ послѣднимъ, такъ какъ по наблюденіямъ Клаача лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ современные формы по вышинѣ черепной крышки и по величинѣ брегматическаго и ламбдатическаго угловъ близко соотвѣтствуютъ неандертальскому черепу, но и то все же выше его; потому всѣ соображенія Клаача относительно „до-неандертальскаго“ характера отдѣльныхъ череповъ австралійцевъ являются до тѣхъ поръ гипотетическими, пока мы на самомъ дѣлѣ не познакомились съ такимъ „до-неандертальскимъ типомъ“. Лишь по отношенію къ индексу ширины основанія черепа и къ послѣглазничному перехвату нѣкоторыя рѣдкія современные уклоненія стоятъ ниже измѣреній неандертальской расы *Homo primigenius*, почему огромное большинство формъ *Homo primigenius* должно быть связано органически и вполне закономерно съ *Homo recens*.

Такія связующія „переходныя формы“ между обѣими группами встрѣчались нами, однако, и ранѣе въ видѣ тѣхъ череповъ, которые мы на основаніи ихъ недостаточно достовѣрнаго положенія въ слояхъ земли не могли отнести съ полной увѣренностью къ опредѣленной геологической ступени четвертичнаго періода, но которые, съ другой стороны, несомнѣнно не могутъ считаться черепами „современнаго“ періода. Таковымъ является, напримѣръ, гибралтарскій черепъ (см. табл. на стр. 416), черепъ изъ Брюксъ въ Богеміи, черепъ изъ Геллей-Хилъ въ Англій, черепа изъ Марсильи и Брешанъ во Франціи и др. черепа, о которыхъ мы упоминали ранѣе въ отдѣлѣ, посвященномъ стратиграфіи и хронологіи четвертичныхъ находокъ; къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще и различные ориньякскіе и солотрейскіе черепа. То же самое, несмотря на противоположное мнѣніе Швальбе, можно сказать относительно черепа изъ Новоселка, найденнаго въ курганѣ Кіевской губерніи и относящагося, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ историческимъ временамъ; черепъ этотъ былъ описанъ К. С. Столыво. Такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ имѣются и существовали ранѣе связующія формы между *Homo primigenius* и *Homo recens*, и онѣ встрѣчались вплоть до новѣйшихъ періодовъ современности, какъ это было отмѣчено и Джіуфрида-Руджери, Хузе, Тедески, Ранке, Кольбрюджемъ, Талько-Гриневичемъ, Валькгофомъ, Жарико, Кольманомъ и др. На основаніи нашихъ современныхъ свѣдѣній нѣтъ

а) Проекція профилей нижней челюсти ископаемого и современного человека.
 — Гейдельбергская челюсть — Челюсть негра — Челюсть современного европейца.

б) Проекція профилей челюстей ископаемого человека и человекообразных обезьянъ.
 — Гейдельбергская челюсть — Челюсть гориллы — Челюсть орангъ-утана.
²/₃ натуральной величины. По Шётензаку.

возможности провести сколько-нибудь рѣзкую границу между обѣими группами. *Homo primigenius* не является родомъ, промежуточнымъ между обезьяной и человѣкомъ, и не является въ то же время другимъ болѣе низко стоящимъ видомъ, чѣмъ *Homo sapiens*, но представляетъ собою болѣе древнюю, болѣе первобытную разновидность или расу этого вида, которая въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ сохранилась на земномъ шарѣ и по сіе время. Если слѣдовать точно правиламъ зоологической систематики, эту разновидность должно обозначить какъ *Homo sapiens* var. *primigenius* въ противоположность къ *Homo sapiens* var. *recens*.

Этотъ *Homo primigenius* былъ настоящимъ человѣкомъ,—не подлежитъ никакому сомнію, что онъ ходилъ въ вертикальномъ положеніи и владѣлъ языкомъ. Изъ этого относительно эластичнаго и измѣнчиваго корня должны были развиваться различныя болѣе новыя и молодыя расы; на самомъ дѣлѣ спереди суженный, сзади постепенно расшаряющійся и довольно широкій первобытный черепъ *Homo primigenius* можетъ служить прекрасною исходною формою какъ для позднѣйшихъ настоящихъ долихоцефальныхъ череповъ, такъ и для череповъ брахицефальныхъ. Относительно физіономическихъ особенностей послѣдняго остатка этой первичной расы—относительно австралійцевъ Клаачъ сообщаетъ, „что они обладаютъ тѣсными отношеніями ко всѣмъ народамъ земного шара, и что не трудно было бы привести убѣдительныя доказательства въ пользу того, что австралійцы близко стоятъ къ африканскимъ неграмъ, или что они точно также родственны съ сѣверо-американскими индѣйцами или палеолитическими обитателями Европы“.

„Нѣкоторыя мужскія лица австралійцевъ, перенесенныя въ европейскую обстановку, оказались бы чрезвычайно характерными европейскими типами. Во многихъ физіономіяхъ австралійцевъ мы встрѣчаемъ поразительную комбинацію чертъ, свойственныхъ европейцамъ, съ таковыми, свойственными человѣкообразнымъ обезьянамъ. Одинъ изъ обитателей-туземцевъ на Арчеръ-Риверъ въ заливѣ Карпентарія въ спокойномъ состояніи производилъ впечатлѣніе высоко-развитаго въ духовномъ отношеніи европейца, но едва только онъ открывалъ свой ротъ и дѣлалъ гримасу, какъ начиналъ походить на гориллу“. Подобно Клаачу, мы не допускаемъ, чтобы пятая страна свѣта являлась областью схождения различныхъ расъ, и эти общія черты австралійцевъ могутъ быть объяснены лишь какъ общее наслѣдство отъ одной первоначальной

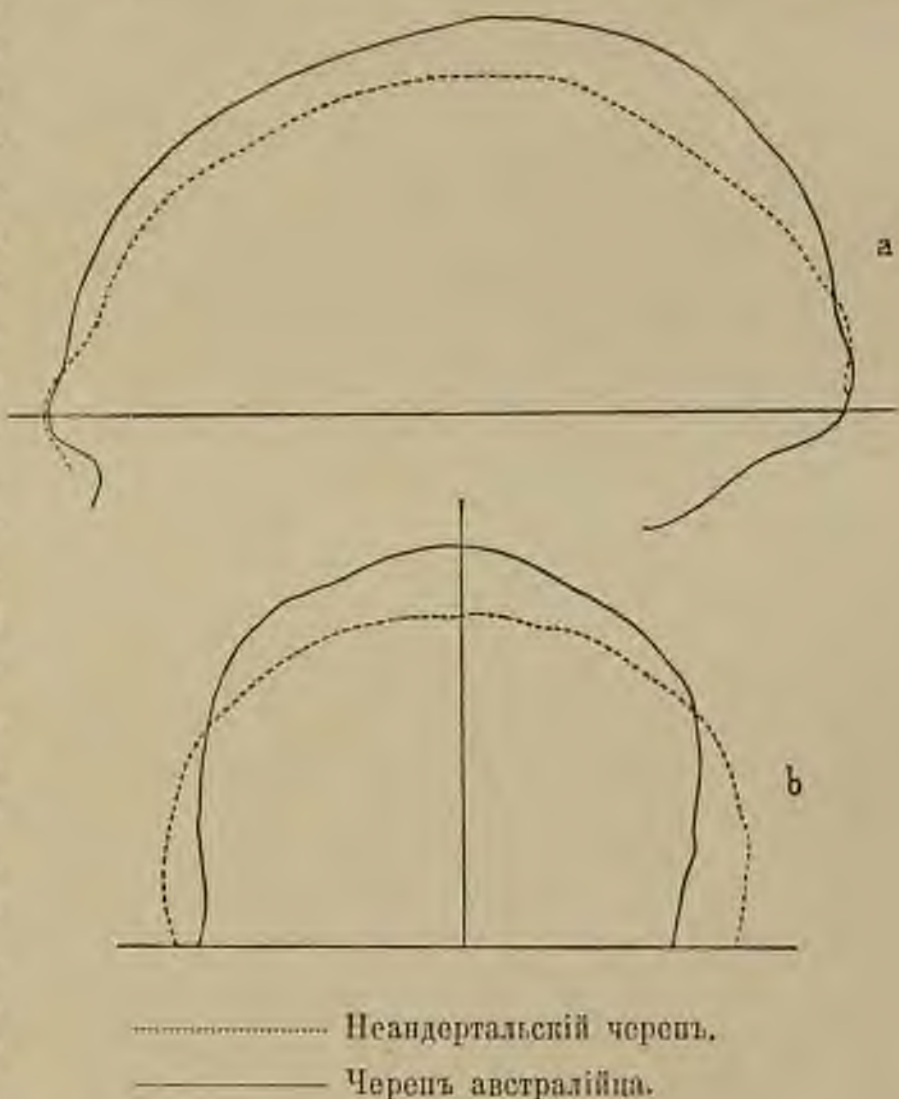

Рис. 225. *a*—сагиттальная кривая неандертальскаго черепа и черепа австралійца. *b* — поперечная кривая, проведенная чрезъ bregma. (По Клаачу.)

чальной исходной формы,—черты, которая въ отдѣльныхъ австралійцахъ сохранилась долѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Что переходъ отъ *Homo primigenius* къ *Homo recens* кро-маньонской расы ориньякской, солотрейской и магдаленской эпохъ совершился въ самой Европѣ, на это намекаетъ то обстоятельство, что связь между издѣліями древняго палеолитическаго и новѣйшаго палеолитическаго періодовъ является столь тѣсною, органическою, что о вторженіи новыхъ расъ едва ли можетъ быть какая-нибудь рѣчь. Мы думаемъ, однако, что, несмотря на непрерывность эволюціи, совершавшейся отъ мустьерской эпохи до ориньякской, тѣмъ не менѣе, не было непосредственнаго соматическаго перехода въ предѣлахъ нашего континента. Этому противорѣчатъ различныя причины; такъ, прежде всего уже тотъ фактъ, что современный европеецъ обладаетъ менѣе специализированною зубною системою, чѣмъ ископаемый человѣкъ изъ Крапины. Новѣйшая кро-маньонская раса, возникшая за предѣлами нашего континента, дѣйствительно могла медленно смѣшаться съ древнею неандертальскою расою и постепенно замѣстить ее безъ какихъ-либо рѣзкихъ скачковъ въ цивилизаціи и безъ сильныхъ потрясеній. Нѣсколько названныхъ выше переходныхъ формъ, въ родѣ остатковъ, найденныхъ въ Брюниѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, являлись бы въ этомъ случаѣ продуктами смѣшенія расъ и должны были бы разсматриваться какъ настоящіе промежуточные типы. Именно, въ слѣдствіе этого могло позднѣе случиться, что въ пограничныхъ горизонтахъ, въ концѣ мустьерской или въ началѣ ориньякской эпохъ, могли одновременно встрѣчаться настоящіе черепа *Homo recens* вмѣстѣ съ такими же *Homo primigenius*—въ этомъ не могло быть въ такомъ случаѣ ничего удивительнаго.

Съ полною увѣренностью на основаніи точно установленнаго ископаемаго антропологическаго матеріала, извѣстнаго намъ въ настоящее время, можемъ мы сказать, что въ началѣ появленія человѣческаго рода мы имѣемъ чрезвычайно, по сравненію съ современными расами, примитивныя формы. Эта раса по тѣлосложенію стояла на низкой ступени, что особенно проявлялось въ строеніи черепа; она обнаруживала цѣлый рядъ признаковъ, которые безспорно приближали ее къ животнымъ предкамъ человѣка, къ представителямъ животнаго царства, а именно къ человѣкообразнымъ обезьянамъ. Лишь у самыхъ низшихъ современныхъ дикихъ народностей, спеціально у австралійцевъ, сохранились эти первичныя формы въ видѣ комбинаціи самыхъ основныхъ чертъ: здѣсь тѣ черты, которая ранѣе были общимъ правиломъ, остались въ видѣ рѣдкихъ отдѣльно встрѣчающихся исключеній. Такимъ образомъ, безспорно и нашъ человѣческій родъ оказывается подчиненнымъ законамъ совершенствованія и эволюціи: начало ему положила примитивная исходная раса, которая въ теченіе древняго палеолитическаго періода одна господствовала въ Европѣ, а позднѣе несомнѣнно расчленилась на рядъ низшихъ расъ. Для серьезнаго изслѣдователя, основывающаго свои выводы на фактахъ, недопустимо, однако, приводить въ подтвержденіе этому совершенно недостоверныя, лишеныя точныхъ геологическихъ данныхъ о происхожденіи, находки череповъ и скелетовъ изъ Гелли-Хилль, Клиши, Греннеля и другихъ мѣстностей. Съ той же постепенностью, съ какою прогрессивно развивалась и совершенствовалась культура, развивалась и физическая природа человѣка: увеличеніе интеллектуальнаго труда, вліяніе климата и среды повели медленно и къ физическому улучшенію расы, но не стерли при этомъ окончательно послѣднихъ слѣдовъ первобытнаго состоянія и въ современномъ человѣчествѣ. Высказывавшееся неоднократно предположеніе, что въ *Homo primigenius* мы имѣемъ форму, „дегенерировавшую въ сторону животной природы“ изъ высшаго болѣе совре-

меннаго типа, остается до тѣхъ поръ вполнѣ произвольной теоріей, пока это не будетъ доказано точно установленными фактическими открытіями. Противъ такого взгляда говорятъ, однако, болѣе чѣмъ когда-либо всѣ наиболѣе цѣнныя находки, сдѣланныя за послѣднее время.

Но, если человѣкъ по физической своей природѣ подлежитъ законамъ эволюціи, что теперь, принимая во вниманіе, напримѣръ, процессъ образованія подбородка и т. п.,

едва ли можно считать подлежащимъ сомнѣнію, то спрашивается, проявлялась ли эта эволюція лишь въ рамкахъ его вида, или она представляетъ

открыскъ того грандіознаго процесса эволюціи, который охватываетъ все мірозданіе. Такая связь, конечно, не можетъ не быть признана тѣмъ, кто въ общемъ считаетъ развитіе міровъ гармоничнымъ и цѣльнымъ процессомъ, охватывающимъ и органическую жизнь на землѣ. Мы затронули уже эти соображенія во введеніи нашей книги, здѣсь же раземотримъ лишь, въ какой мѣрѣ вѣнецъ творенія, человѣкъ, принималъ непо-

Рис. 226. Скелетъ человѣка (ростъ 1,72 метр.) и орангъ-утана (р. 1,60 м.).
(По Васманну)

средственное участіе въ этомъ медленномъ и постепенномъ ходѣ эволюціи. Вопросъ этотъ за послѣднія десятилѣтія неоднократно подвергался бурному обсужденію, результаты коего были, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи благоприятны, что заставили провести болѣе рѣзкія разграниченія и принудили поставить точнѣе и опредѣленнѣе самый вопросъ.

Если мы отрѣшимся отъ обычнаго злоупотребленія примѣненіемъ теоріи эволюціи, то она предстанетъ предъ нами все же какъ „величественный примѣръ научной теоріи, имѣющей безспорное право на существованіе, — теоріи, значеніе которой такъ велико, что самая идея эволюціи въ настоящей стадіи развитія біологіи должна считаться аксіомой, т.-е. требованіемъ нашего разума, не нуждающимся въ доказательствахъ“ (Рейнке).

Если мы далѣе затронемъ вопросъ о происхожденіи и развитіи человѣка, то въ данной главѣ, трактующей исключительно о его физической природѣ, мы остановимся лишь на морфологической сторонѣ этого вопроса. О развитіи психической жизни первобытнаго человѣка будетъ трактоваться въ X главѣ.

Приступая къ задачамъ морфологическаго сравненія человѣка съ животными, мы должны прежде всего сравнить современнаго человѣка съ современными обезьянами и изъ послѣднихъ выбрать для такого сравненія такъ называемыхъ чело-вѣкообразныхъ обезьянъ, къ которымъ принадлежатъ шимпанзе, горилла и орангъ-утанъ. Разстояніе между обѣими группами является, однако, настолько большимъ, что въ настоящее время ни одинъ изъ изслѣдователей и не думаетъ ставить человѣка въ сколько-нибудь тѣсную связь съ этою группою (рис. 226). Ранке достаточно выяснилъ это въ своемъ огромномъ трудѣ „Человѣкъ“. Точно также невозможно установить связи и между *Homo primigenius* и современными обезьянами, такъ что и этотъ вопросъ мы можемъ оставить въ сторонѣ. Намъ необходимо выяснитъ иное, — именно, не содержатъ ли болѣе древніе слои земного шара остатковъ ископаемыхъ обезьянъ, которыя морфологическими своими чертами могутъ считаться предтечами или, по крайней мѣрѣ, родственными группами человѣка и прежде всего, конечно, неандертальской расы, относительно которой мы видѣли, что она обнаруживаетъ безспорно нѣкоторыя низшія, чисто-животныя черты строенія. И въ этомъ случаѣ намъ въ первую очередь приходится обратиться къ настоящимъ чело-вѣкообразнымъ обезьянамъ, такъ какъ „мы потеряли бы, такъ сказать, почву подъ своими ногами, если бы, исключивъ совершенно обезьянъ, попробовали привязать человѣка съ его физической природой непосредственно къ полуобезьянамъ или къ какимъ-нибудь еще болѣе низко стоящимъ группамъ“ (Швальбе).

Ископаемая чело-вѣкообразная обезьяны по современному состоянію нашихъ знаній образуютъ слѣдующій рядъ:

I. Олигоценовая эпоха.

Propliopithecus haeckeli. Египетъ.

II. Міоценовая эпоха.

Pliopithecus Gervais. Южная Франція, Швейцарія, Штирія.

Dryopithecus Lartet. Южная Франція (можетъ-быть, тождественъ съ *Pliohylabates rhenanus* Dubois).

Griphopithecus Abel. Бассейнъ Вѣны.

III. Пліоценовая эпоха.

Anthropodus de Lapouge. Южная Франція.

Neopithecus Abel. Южная Германія (тождественъ съ *Anthropodus* Schlosser).

Palaeopithecus Lydekker. Индія.

IV. Четвертичный періодъ.

Pithecanthropus erectus Dubois. Ява.

Открытый недавно Шлоссеромъ въ рѣчныхъ и морскихъ олигоценовыхъ отложенияхъ Египта *Propliopithecus* былъ размѣрами съ небольшую кошку и является, по видимому, предкомъ не только всѣхъ обезьяноподобныхъ (*Simiidae*), но и всѣхъ человекоподобныхъ (*Hominidae*). Къ сожалѣнію, остатки даже міоценовыхъ и пліоценовыхъ видовъ человекообразныхъ обезьянъ чрезвычайно незначительны. Изъ всѣхъ этихъ формъ для изслѣдованія въ предѣлахъ болѣе узкой области происхожденія человека приходится принимать во вниманіе лишь родъ *Dryopithecus*. „Главное значеніе при оцѣнкѣ его совершенно справедливо приписывается зубной системѣ, но замѣчательнымъ образомъ при этомъ указывалось лишь на большое сходство, какое имѣютъ его коренные съ человеческими, а не отмѣчалось въ то же время большое различіе обонхъ переднихъ коренныхъ или ложно-коренныхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *Dryopithecus*'а нѣкоимъ образомъ нельзя считать занимающимъ высшее мѣсто въ генетическомъ ряду человекообразныхъ обезьянъ, но слѣдуетъ въ соотвѣтствіи съ геологическими данными ставить въ основаніе всей группы“ (Швальбе). „Мы не знаемъ, такимъ образомъ, относительно третичныхъ ближайшихъ животныхъ предковъ нашихъ ничего опредѣленнаго“—это особенно слѣдуетъ подчеркнуть въ противовѣсъ „къ тѣмъ утвержденіямъ Геккеля, которыя онъ приводитъ еще и въ настоящее время, что теперь намъ будто бы извѣстны всѣ важнѣйшія ископаемыя промежуточныя формы, образующія непрерывную цѣпь предковъ отъ древнѣйшихъ полуобезьянъ до человека. Все это—чистѣйшая фантазія“ (Бранка).

Этотъ крупный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ былъ выполненъ, казалось, въ значительной степени въ 1891 году, когда голландскій военный врачъ Э. Дюбуа нашель у Тринила, на берегу рѣки Бенгаванъ, въ центральной части Явы нѣсколько частей скелета—черепную крышку, два зуба и бедряную кость. Эти остатки онъ приписалъ новой формѣ—питекантропу (*Pithecanthropus erectus*), въ которой онъ наравнѣ со многими другими учеными видѣлъ недостающее звено, промежуточную форму, связующую рядъ ископаемыхъ обезьянъ съ человекомъ. Если мы сперва оставимъ въ сторонѣ вопросъ о черепной крышкѣ, то прежде всего спрашивается, можетъ ли найденная отъ послѣдней на большомъ разстояніи бедряная кость принадлежать къ этой черепной крышкѣ или нѣтъ? Многіе ученые предполагали возможность этого и, заявляя, что бедряная кость чрезвычайно похожа на человеческую, считали, что обладатель ея ходилъ въ вертикальномъ положеніи, почему ему и дали названіе *Pithecanthropus „erectus“*, т.-е. „прямоходящій“. Ничто, однако, не заставляеть насъ признавать эту связь между обоими объектами, и помимо того многіе изслѣдователи оспариваютъ, что бедро такъ похоже на человеческое. Бумюллеръ на основаніи точныхъ изслѣдованій пришелъ къ выводу, что это бедро болѣе всего похоже на бедро гиббона. Клаачъ высказался въ пользу того, что оно въ такой же степени можетъ принадлежать формѣ, родственной южно-американскимъ обезьянамъ. Такимъ образомъ, если даже бедро и черепная крышка принадлежать даже одному и тому же индивидууму, названіе „*erectus*“ (прямоходящій) дано ему несправедливо. Что черепная крышка принадлежитъ обезьянѣ, является вполне бесспорнымъ (рис. 227). Она, съ одной стороны, обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ черепомъ гиббона, съ другой—съ черепомъ шимпанзе и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходна и съ человеческимъ черепомъ. По даннымъ Бумюллера она совершеннѣе развита и болѣе человекоподобна, чѣмъ черепа нынѣ живущихъ человекообразныхъ обезьянъ, почему и лицевая часть черепа не оказывается столь исключительно животнаго типа, какъ у послѣднихъ,—по всѣмъ вѣроятіямъ, она менѣе выдавалась и была не столь массивно развитою. Этому противорѣчатъ, несмотря

на величину черепной крышки, и некоторые черты низкой организаціи, которыя являются общими съ низшими обезьянами. Къ такимъ чертамъ принадлежитъ слабый изгибъ лобной кости, указывающій на совершенно несходныя съ человѣческими лобныя лопасти головного мозга, и затѣмъ прежде всего уже рельефъ лобной кости, который у некото-

Рис. 227. Черепная крышка питекантропа (*Pithecanthropus erectus*) съ Явы (сбоку и сверху).
(По Дюбуа.)

рыхъ низшихъ обезьянъ обнаруживаетъ даже болѣе высокую степень развитія (сравни табл. на стр. 417). Великая цѣнность находки, сдѣланной въ Тринилѣ, заключается все же въ томъ, что мы познакомились съ ископаемой человекообразной обезьяной, черепная коробка которой значительно сильнѣе развита, чѣмъ у современныхъ человекообразныхъ обезьянъ, и потому, безспорно, обнаруживаетъ болѣе сильное приближеніе къ человѣку. Это сказывается и въ слѣдующей таблицѣ, изображающей ёмкости черепа:

Горилла—550 куб. сант.
Питекантропъ—850 куб. сант.

Человѣкъ (расы карликоваго роста, въ среднемъ 1,40 метра):

Бушмены женщины (минимумъ)—900 куб. сант.
Бушмены мужчины (среднее)—1240 куб. сант.
Ведды (минимумъ) 960 куб. сант.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что питекантропъ и человѣкъ неандертальской расы, несмотря на ихъ приблизительно одинаковый ростъ (около 1,60 метра), именно въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ чрезвычайно сильныя различія, такъ какъ ёмкость черепа послѣдняго, какъ мы выше видѣли (стр. 418), очень высока. Сравненіе скелетовъ показываетъ намъ, однако, во всякомъ случаѣ, что яванская обезьяна значительно превосходила современныхъ человекообразныхъ обезьянъ, какъ въ смыслѣ формы черепа, такъ и въ смыслѣ его ёмкости, и что въ морфологическомъ отношеніи она стояла ближе къ человѣку, чѣмъ кака-либо изъ другихъ человекообразныхъ формъ.

Можно ли, въ силу этого, разсматривать питекантропа какъ непосредственнаго предка человѣка? Въ этомъ отношеніи Кольбрюджъ очень удачно замѣчаетъ, что именно это сходство черепной крышки питекантропа съ гиббономъ, шимпанзе и человѣкомъ дѣлаетъ невозможнымъ, при составленіи генеалогическаго дерева, считать эту

форму родоначальникомъ человѣка,—напротивъ, какъ-разъ оно-то и заставляетъ прибѣгать къ помощи совершенно гипотетическихъ формъ. „Необходимо, слѣдовательно, принять, что всѣ эти формы имѣли общаго родоначальника, или необходимо показать, что питекантропъ обнаруживаетъ, какъ приблизительно выглядѣлъ такой гипотетическій родоначальникъ. Подобная родоначальная форма должна, слѣдовательно, содержать черты, свойственныя различнымъ нынѣ живущимъ формамъ“. Ставить яванскую обезьяну непосредственно въ ряды предковъ человѣка было еще до извѣстной степени возможно, пока она считалась, какъ это вмѣстѣ съ Дюбуа почти всеми признавалось ранѣе, формой третичною; было, слѣдовательно, возможно, что отъ нея произошла гипотетическая родоначальная форма, отъ которой, въ свою очередь, возникла четвертичная неандертальская раса. Въ настоящее время намъ извѣстно, однако, что находка Дюбуа четвертичнаго возраста. Ископаемая фауна тѣхъ самыхъ слоевъ, гдѣ были найдены остатки питекантропа, была изучена съ того времени различными экспедиціями и оказалась состоящей изъ слѣдующихъ родовъ: *Stegodon* и *Leptobos*, извѣстные изъ индійскихъ четвертичныхъ отложеній, *Elephas*, *Rhinoceros*, *Cervus*, *Cervulus*, *Tetracerus*, *Bibos*, *Bubalus*, *Sus*, *Hexaprotodon*, *Tapirus*, *Hyaena*, *Felis*, *Lutra*, *Manis*, а также *Crocodylus*, *Gavialis* и др., представленные почти 30 видами. Всѣ эти формы относятся къ нынѣ живущимъ родамъ и видовыми признаками приближаются гораздо болѣе къ современной фаунѣ, чѣмъ къ древне-плиоценовой фаунѣ сиваликскихъ слоевъ, такъ что въ этомъ отношеніи представляютъ полное сходство съ четвертичной фауной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мартинъ установилъ, что и соотвѣтствующіе ископаемые прѣсноводные моллюски принадлежатъ всецѣло къ нынѣ живущимъ видамъ. О четвертичномъ возрастѣ ихъ свидѣлствуетъ ископаемая флора данной мѣстности, какъ это доказали изслѣдованія Элъберта и Шустера. Несмотря на совершенно противоположные взгляды относительно мѣстонахожденія растений, оба изслѣдователя приходятъ къ выводу, что они четвертичнаго возраста. „Остатки растений, найденные въ ископаемомъ состояніи въ слояхъ Триниля, относятся всѣ къ такимъ видамъ, которые живутъ и посейчасъ и являются поэтому не древнѣе четвертичныхъ. Изъ 54 точно опредѣленныхъ видовъ лишь 24 водятся теперь на Явѣ и изъ нихъ 10 въ окрестностяхъ Триниля. Всѣ растенія принадлежатъ только одной формаци и именно открытому вѣчнозеленому смѣшанному дѣвственному лѣсу умѣреннаго пояса, слѣдовательно, полосѣ, лежащей на высотѣ 600—1200 метровъ и притомъ на верхней границѣ этой полосы—въ области, характеризующейся лавромъ. Изъ этого слѣдуетъ, что температура въ эпоху обитанія питекантроповъ была въ среднемъ на 6° Ц. ниже, и снѣжная линія располагалась на 800 метровъ ниже, чѣмъ въ настоящее время. Составъ флоры свидѣлствуетъ, однако, не только о болѣе прохладномъ, но и о болѣе влажномъ климатѣ“ (Шустеръ). Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, передъ собою ледниковый періодъ, и притомъ именно періодъ оледенѣнія, когда граница глетчеровъ, лежащая на Явѣ въ настоящее время на высотѣ 3000—3100 метровъ, располагалась на высотѣ примѣрно 2200—2300 метровъ, и когда въ болѣе низкихъ областяхъ господствовалъ умѣренный и влажный климатъ.

Этому соотвѣтствуютъ, наконецъ, и геологическіе результаты, полученные Фольцемъ во время экспедиціи его въ 1904—6 гг. Какъ извѣстно, остатки питекантропа были найдены въ руслѣ рѣки Бенгаванъ или Соло, у подножья цѣпи холмовъ Кенденгъ, въ песчаникообразныхъ туфахъ. Эти холмы Кенденгъ, достигающіе высоты примѣрно 150 метровъ, сложены изъ новѣйшихъ третичныхъ осадковъ и ограничиваютъ на сѣверѣ котловину, образовавшуюся вслѣдствіе провала еще и нынѣ слабо дѣйствующаго вулкана Лаву-Кукузанъ; рѣка Бенгаванъ, слѣдуя естественному рельефу, напра-

вляется между вулканомъ и цѣпью холмовъ къ самой наружной границѣ котловины (рис. 228). Однородный комплексъ туфовъ, въ нижнихъ слояхъ которыхъ были найдены кости питекантропа, располагается надъ древне-плиоценовыми брекчіями и образуетъ нынѣшнюю поверхность земли; слой почвы представляетъ собою продуктъ вывѣтриванія этихъ туфовъ. „Мы должны, слѣдовательно, древность этого комплекса туфовъ считать отъ нынѣшняго времени назадъ и спросить себя, къ какимъ временамъ относится процессъ отложенія самыхъ нижнихъ слоевъ ихъ, — такимъ способомъ мы можемъ узнать древность питекантропа. Туфы между тѣмъ представляютъ собою продукты дѣятельности Лаву-Кукузана. Они частью были непосредственно отложены въ качествѣ вулканическаго песка и пепла, большею же частью образовались въ видѣ потоковъ ила, приносимыхъ дождемъ и рѣчными водами со склоновъ. Изверженія Лаву являлись, по видимому, губительными и для животнаго населенія, такъ какъ при этомъ цѣлыми массами погибали олени и дикіе кабаны, толстокожіе и хищники, и въ видѣ пестрой смѣси съ

Рис. 228. Разрѣзъ слоевъ у Тринида.
(По Фольцу.)

остатками моллюсковъ и съ другими обитателями засыпанныхъ пепломъ водъ, кости ихъ уносились потокомъ и отлагались въ спокойныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ иломъ; такимъ способомъ и образовались скопленія костей у Тринида, отложенныя въ потокахъ вулканическаго наноса и прорѣзанныя затѣмъ рѣкою Бенгаванъ. Кости эти, слѣдовательно, не были наметы самою рѣкой. Можно съ увѣренностью предположить, что пока существовалъ конусъ Лаву, до тѣхъ поръ существовала и обтекающая его рѣка, которая принимала въ себя потоки, извергавшіеся съ его склона; этой рѣкѣ приходилось, однако, постоянно заново прорывать русло, которое засыпали изверженія; въ своемъ современномъ видѣ рѣка эта сохранилась лишь съ того времени, когда вулканъ до нѣкоторой степени пришелъ въ спокойное состояніе. Туфы, содержащіе кости животныхъ, являются, слѣдовательно, болѣе древними, чѣмъ современныя русла рѣки Бенгавана — они возникли въ періодъ дѣятельности Лаву-Кукузана. Древность этого вулкана можно опредѣлить путемъ сравненія съ другими вулканами на Суматрѣ и на Явѣ. Онъ относится къ группѣ такъ называемыхъ молодыхъ вулкановъ, первое появленіе которыхъ должно быть отнесено, быть-можетъ, уже къ концу третичнаго періода, тогда какъ въ четвертичномъ періодѣ они достигаютъ главнаго расцвѣта и начинаютъ уменьшать свою дѣятельность въ началѣ современнаго періода. Лаву обнаруживаетъ еще слабую дѣятельность, Кукузанъ совершенно потухъ и, слѣдовательно, является болѣе древнимъ. За древность его говорятъ различныя обстоятельства его сохраненія, равно какъ и степень изрѣзанности его ручьями и развитіе террасъ. Судя по всемъ этимъ даннымъ, онъ относится не къ самымъ древнимъ изъ повѣйшихъ вулкановъ, — Кукузанъ можетъ считаться, самое большее, относящимся къ началу четвертичнаго періода, Лаву нѣсколько моложе, и потому и туфы его являются не болѣе какъ древне-четвертичными.

Изъ формы современнаго русла Бенгавана мы можемъ получить нѣкоторыя указанія относительно минимальнаго возраста рѣки. Какъ было выше замѣчено, современное русло могло образоваться лишь послѣ того, какъ Лаву пришелъ въ спокойное состояніе и, слѣдовательно, пересталъ засыпать постоянно русло рѣки. Русло это вѣзано приблизительно на глубину 18 метровъ въ мягкихъ туфахъ съ крутыми стѣнами. Этотъ типъ рѣкъ, прорѣзающихъ туфы, довольно широко распространенъ на Суматрѣ, и глубина ущелий рѣкъ, достигающая нерѣдко 80—100 метровъ, зависитъ сильно отъ возраста. Въ большинствѣ случаевъ я имѣлъ возможность доказать существованіе двухъ системъ террасъ на высотѣ около 25 и около 60 метровъ, при чемъ террасы эти относились одна къ началу современнаго періода, другая къ концу четвертичнаго. Соответственно съ этимъ, рѣка Бенгаванъ, имѣющая приблизительно 15 метровъ глубины, находится на стадіи образованія нижней террасы, и ея долина относится къ началу геологической современности; такимъ образомъ вулканъ Лаву, какъ это ясно изъ его слабой дѣятельности, перешелъ въ спокойное состояніе въ началѣ современнаго періода, и мы можемъ отнести его главную дѣятельность къ концу четвертичнаго. Кости были найдены въ нижнихъ слояхъ, но не у самаго основанія комплекса туфовъ; слѣдовательно, возрастъ ихъ долженъ быть нѣсколько болѣе старымъ. Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что слон, содержащій остатки питекантропа, никоимъ образомъ не древнѣе древне-четвертичныхъ, но и не моложе новѣйшихъ четвертичныхъ, такъ что, по видимому, ихъ должно отнести къ серединѣ четвертичнаго періода“ (Фольцъ).

Рис. 229. Зубъ съ рѣчки Зонде на Явѣ. Увелич.
(По Бланкенгорну.)

Но если *Pithecanthropus* относится къ серединѣ четвертичнаго періода, то въ этомъ случаѣ онъ не можетъ занимать мѣста въ генеалогическомъ древѣ человѣческаго рода. Онъ является не предкомъ человѣка, а его современникомъ, такъ какъ къ серединѣ четвертичнаго періода относится уже черепъ изъ Мауера (стр. 385). Обезьяна Тринила и древніе обитатели Неандерталя жили, слѣдовательно, одновременно и притомъ на Явѣ, быть-можетъ, даже бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ Бранка мы отнеслись бы еще съ нѣкоторой сдержанностью къ даннымъ, приводимымъ Картгаузомъ, о нахожденіи въ Тринилѣ большого количества разбитыхъ человѣкомъ костей и вмѣстѣ съ Шустеромъ признали бы найденные тамъ куски древеснаго угля столь же мало доказательными, какъ и куски разбитыхъ костей. Эти угли могутъ быть остатками вѣтвей, обожженныхъ горячимъ пепломъ или расплавленной лавой, съ такимъ же успѣхомъ, какъ и остатками очаговъ человѣка. Несомнѣнно, болѣе интересъ имѣетъ открытіе двухъ хорошо сохранившихся, безспорно ископаемыхъ, зубовъ, изъ которыхъ одинъ, по видимому, принадлежитъ новому роду человѣкообразныхъ обезьянъ, тогда какъ другой—человѣку. Этотъ зубъ былъ, однако, найденъ не въ Тринилѣ, а въ 3,5 километрахъ къ западу оттуда, въ галькѣ рѣчки Зонде, гдѣ его нашелъ заслуживающій полнаго довѣрія голландецъ и передалъ экспедиціи Селейки (1907—08). Зубъ представляетъ собою лишь шапочку эмали и является безспорно древнею палеонтологическою находкою, но доказать его полную одновременность съ находками Тринила невозможно (рис. 229).

Въ заключеніе разсмотрѣнія находокъ на Явѣ, мы не можемъ не подчеркнуть еще разъ высокаго научнаго значенія черепной крышки *Pithecanthropus*. Существо это въ морфологическомъ отношеніи безспорно занимаетъ промежуточное мѣсто между первобытнымъ человѣкомъ и всѣми нынѣ живущими и ископаемыми человѣкообразными обезьянами. Эта обезьяна изъ Тринила „не представляетъ собою связующаго звена между человѣкомъ и обезьяною, но является вообще промежуточной формою и показываетъ, сколь близко подходило генетическое дерево человѣкообразныхъ обезьянъ къ человѣческому роду“ (Фольцъ).

Ничто не обнаруживаетъ лучше морфологическихъ соотношеній между черепомъ гориллы, какъ представительницы современныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, черепомъ питекантропа, представителемъ ископаемыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, черепомъ Спи I, какъ представителя неандертальской расы, черепомъ современного австра-

Рис. 230. Кривыя продольнаго сѣченія черепа черезъ glabella-inion.
(По Клаачу.)

ліица и черепомъ современного европейца, какъ схематическіе чертежи, изображенные нами на рис. 230 и 231. Мы видимъ здѣсь столь очевидную постепенность въ развитіи строенія, что было бы трудно не признать внутренней связи между членами этого ряда, который, постепенно повышаясь отъ формы, сходной съ питекантропомъ, черезъ *Homo primigenius* ведетъ къ *Homo recens*. Такого рода эволюція тѣмъ болѣе вѣроятна, если мы примемъ во вниманіе, что здѣсь соблюдается и хронологическая послѣдовательность, такъ какъ первобытная ископаемая обезьяна Тринила и неандертальская раса человѣка относятся къ четвертичному періоду, а выше стоящій *Homo recens* съ австралийцами, въ качествѣ послѣднихъ представителей первобытной формы, появляется на землѣ позднѣе.

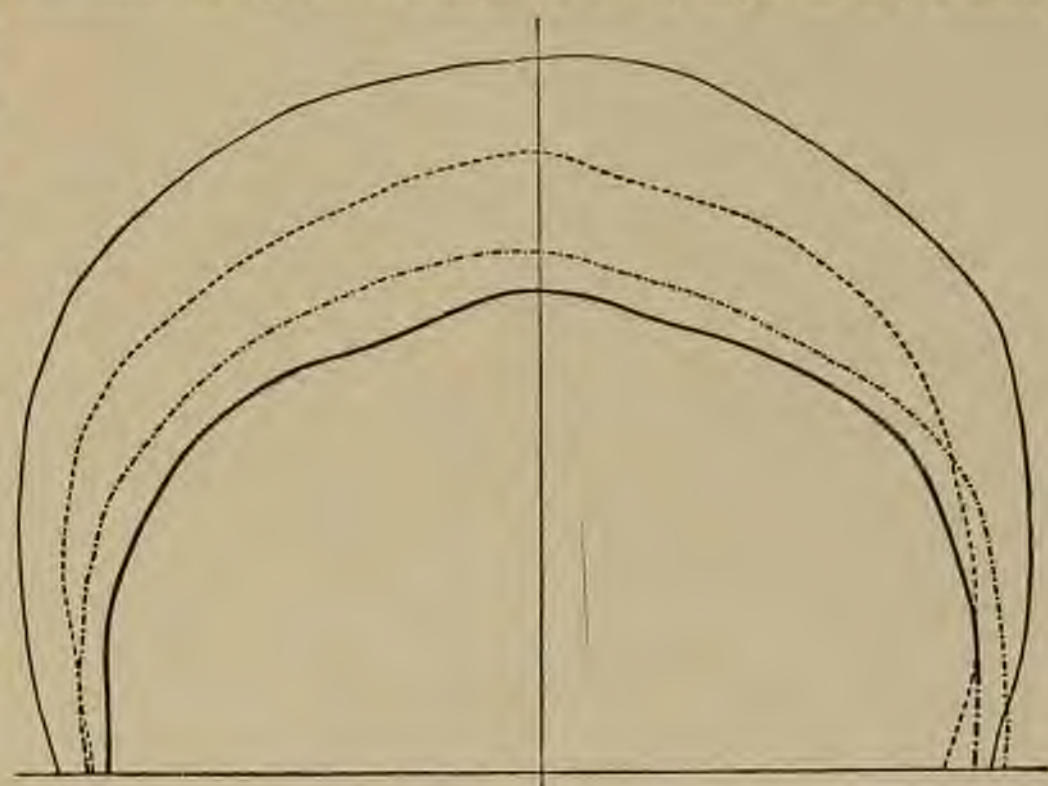
Мы до сихъ поръ разсматривали лишь данныя изъ области остеологіи. Онѣ безспорно говорятъ за то, что великій законъ эволюціи примѣнимъ и къ человѣку, и если бы мы его не признали, намъ пришлось бы искать спасенія въ агностицизмѣ, и мы должны были бы отказать себѣ вообще въ правѣ строить какіе-либо логическіе выводы на основаніи наблюденія внѣшнихъ явленій. Что наша точка зрѣнія правильна, подтверждается и результатами другихъ дисциплинъ естествознанія,—результатами, полученными безъ какой-либо зависимости отъ данныхъ палеонтологіи и антропологіи, почему они и становятся тѣмъ болѣе доказательными. Мы имѣемъ возможность затронуть ихъ здѣсь лишь самымъ бѣглымъ образомъ.

Мы до сихъ поръ разсматривали лишь данныя изъ области остеологіи. Онѣ безспорно говорятъ за то, что великій законъ эволюціи примѣнимъ и къ человѣку, и если бы мы его не признали, намъ пришлось бы искать спасенія въ агностицизмѣ, и мы должны были бы отказать себѣ вообще въ правѣ строить какіе-либо логическіе выводы на основаніи наблюденія внѣшнихъ явленій. Что наша точка зрѣнія правильна, подтверждается и результатами другихъ дисциплинъ естествознанія,—результатами, полученными безъ какой-либо зависимости отъ данныхъ палеонтологіи и антропологіи, почему они и становятся тѣмъ болѣе доказательными. Мы имѣемъ возможность затронуть ихъ здѣсь лишь самымъ бѣглымъ образомъ.

Сюда относятся прежде всего цѣлый рядъ явленій изъ области развитія отдельныхъ особей, иначе говоря, изъ области эмбриологіи. Имѣя въ виду остановиться лишь на самыхъ важнѣйшихъ фактахъ этого рода, мы постараемся, конечно,

избѣжать той односторонности и тѣхъ преувеличеній, коими человѣческой зародышъ превращается въ какую-то мозаику, состоящую сплошь изъ „рудиментарныхъ органовъ, свойственныхъ предкамъ“. Намъ незначѣмъ также останавливаться и на разсмотрѣніи справедливости и универсальной примѣнимости такъ называемаго „основного біо-генетическаго закона“. Несомнѣнными напоминаніями о низшихъ стадіяхъ развитія, соответствующихъ млекопитающимъ, мы имѣемъ въ развитіи зародыша прежде всего хвостъ, который у двухмѣсячнаго человѣческаго зародыша выступаетъ совершенно ясно какъ особое, лежащее за предѣлами полости тѣла, образованіе, и затѣмъ

растетъ внутрь въ видѣ копчиковой кости (*Os coccygis*). Затѣмъ около конца второй половины зародышеваго періода является такимъ признакомъ волосяной покровъ (*lanugo*), который обыкновенно исчезаетъ на девятомъ мѣсяцѣ. Точно также утратилась съ первобытныхъ временъ подвижность наружнаго уха, хотя мышцы, служація для подниманія ушей, сохранились у взрослого человѣка въ видѣ зачатковъ и въ исключительныхъ случаяхъ могутъ даже нѣсколько функционировать. Неубѣдительнымъ въ этомъ отношеніи мы считаемъ присутствіе напоминающихъ стадію

- европеецъ.
 австралиецъ.
 - - - - - черепъ Спи I (неанд. груп.).
 — питекантропъ.

Рис. 231. Кривыя поперечнаго сѣченія черепа чрезъ врегма.
 (По Клаачу.)

рыбы жаберныхъ дугъ зародыша, изъ которыхъ при прямомъ участіи жаберныхъ щелей закладывается цѣлый рядъ важныхъ органовъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы имѣемъ лишь соответствіе вишнихъ формъ (явленіе конвергенціи)—формъ, которыя могли быть приобрѣтены совершенно самостоятельно ¹⁾).

Большое значеніе имѣютъ также явленія атавизма или возврата къ формамъ, предшествовавшимъ человѣку, — эти явленія наблюдаются иногда въ видѣ исключительныхъ случаевъ у отдѣльныхъ людей, и ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ врожденными уродствами. Сюда мы причисляемъ появленіе большого, чѣмъ слѣдуетъ, числа шейныхъ и поясничныхъ позвонковъ, развитіе четвертаго коренного зуба и, прежде всего, такъ называемую полимастію, т.-е. развитіе большого числа млечныхъ железъ и сосковъ. Прилагаемый рис. 233 изображаетъ схематически тѣ мѣста, гдѣ

¹⁾ Видѣть въ жаберныхъ дугахъ и жаберныхъ щеляхъ человѣка одинъ изъ примѣровъ конвергенціи можетъ только тотъ, кто недостаточно знакомъ съ данными сравнительной анатоміи.

наблюдались до сихъ поръ рудиментарныя, симметрично расположенныя млечныя железы у женщины; при этомъ отдѣльныя изолированно встрѣчающіяся железы не приняты во вниманіе, какъ не имѣющія значенія. Полимастія указываетъ, несомнѣнно, на болѣе древнюю стадію, соответствующую млекопитающимъ, вскармливающимъ сразу большое число дѣтенышей. Быть-можетъ, и случающееся рожденіе двойней, тройней, четырехъ, пятерыхъ и однажды даже семерыхъ младенцевъ должно разсматриваться какъ явленіе атавизма.

Большое вниманіе обратили на себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ физиологическія изслѣдованія крови, предпринятыя Фриденталемъ, Уленгуттомъ и другими надъ кровью современнаго человѣка и обезьянъ. Какъ извѣстно, виды животныхъ, не родственные между собой, имѣютъ и кровь, сильно различающуюся химически, такъ что кровь одного изъ нихъ дѣйствуетъ на другое болѣе или менѣе ядовито, и красныя кровяныя тѣльца растворяются кровяной сывороткой и уничтожаются. Но если заставить дѣйствовать на кровь какого-либо животнаго кровь членовъ того же

Рис. 232. Зародышъ чело́вѣка съ хвостомъ (S).

(По Гиссу.)

семейства,—взять, на примѣръ, кровь лошади и осла, кровь волка и собаки,—то въ этомъ случаѣ чужая кровь не оказываетъ вреднаго вліянія и не дѣйствуетъ растворяющимъ образомъ на красныя кровяныя тѣльца. Фриденталь распространилъ эти изслѣдованія на кровь обезьянъ и человѣка и нашелъ, что человѣкъ и человекообразныя обезьяны (орангъ-утанъ, шимпанзе, гиббонъ) имѣютъ сходную кровь, не вызывающую разрушенія красныхъ кровяныхъ тѣлецъ. Спрашивается, можно ли изъ этого вывести съ достовѣрностью дѣйствительное внутреннее кровное родство, изъ котораго вытекаетъ, что человѣкъ не только происходитъ отъ современныхъ человекообразныхъ обезьянъ, но и принадлежитъ даже „къ одной съ ними семьѣ“? Если сдѣлать такое предположеніе, то надо признать, что человѣкъ и человекообразныя обезьяны стоятъ между собою въ такихъ же близкихъ соотношеніяхъ, какъ лошадь и осель, собака и волкъ,—этотъ выводъ не можетъ быть принятъ въ серьезъ ни однимъ изъ современныхъ зоологовъ въ виду большого числа признаковъ, которые морфологически рѣзко отдѣ-

ляютъ насъ отъ современныхъ человекообразныхъ обезьянъ и „на ряду съ языкомъ, головнымъ мозгомъ и душевною жизнью образуютъ наши собственныя сокровища, которыя насъ рѣзко отъ нихъ отличаютъ“ (Бранка). Если, слѣдовательно, предъ нами встаетъ дилемма, съ одной стороны, на основаніи тождественной крови принимать лишь недавно совершившееся раздѣленіе группъ, съ другой—въ виду крупныхъ анатомическихъ особенностей считать это раздѣленіе происшедшимъ въ самыя отдаленныя времена, то естественно является мысль, что нѣтъ никакого тождества человѣческой и обезьяньей крови, основывающагося на родственности происхожденія, а имѣется лишь химико-физиологическое родство между обоими родами крови. Въ лучшемъ случаѣ это доказываетъ, что наше тѣло какъ по отношенію къ большинству своихъ органовъ и составныхъ частей, такъ и по отношенію къ составу крови, является болѣе похожимъ на высшихъ обезьянъ, чѣмъ на низшихъ. Мы говоримъ „въ лучшемъ случаѣ“, такъ какъ въ 1904 г. Уленгуттъ сообщилъ о такой же благопріятной реакціи между кровью человѣка и кровью собакоголовыхъ обезьянъ и мартышекъ, а Фриденталь недавно привелъ данныя о такой же реакціи между кровью человѣка и кровью лемурувъ.

Ясно, что для проблемы общности происхожденія это не даетъ никакихъ положительныхъ данныхъ.

Упомянутыя выше явленія атавизма и эмбриологическія данныя наводятъ, однако, на многія размышленія. Если бы мы представили себѣ человѣческое тѣло совершенно отдѣльно стоящимъ и независимымъ отъ организма животныхъ, то въ этомъ случаѣ указанные несомнѣнные случаи возврата къ животнымъ предкамъ не имѣли бы никакого смысла и являлись бы совершенно безцѣльными,—они противорѣчили бы всецѣло тѣмъ мудрымъ законамъ, которые сказываются во всемъ міро-зданіи. Единственно лишь въ свѣтѣ эволюціонной теоріи получаютъ эти факты смыслъ и значеніе.

Изъ всѣхъ высказанныхъ выше соображеній вытекаетъ съ полной убѣдительностью, что тѣло человѣка имѣетъ за собою весьма длинную исторію развитія, и что корни данного ствола должны находиться въ животномъ царствѣ. Каковы были, однако, пути развитія рода человѣческаго, не можетъ быть выяснено на основаніи современнаго состоянія нашихъ знаній. Мы сами вмѣстѣ со многими другими зоологами и палеонтологами раздѣляемъ то убѣжденіе, что человѣкъ хотя и можетъ быть противопоставленъ въ качествѣ особаго вида животнымъ, морфологически стоитъ все же близко къ обезьянамъ и среди послѣднихъ ближе всего подходитъ къ человѣкообразнымъ обезьянамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ископаемый человѣкъ *Homo primigenius* во многихъ свойствахъ своей природы стоялъ ближе къ обезьянамъ, чѣмъ мы; вмѣстѣ съ тѣмъ, морфологическая близость питекантропа къ неандертальскому человѣку дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ развитіе человѣка чрезъ промежуточную форму, сходную съ человѣкообразными обезьянами.

Во всякомъ случаѣ, полной увѣренности въ этомъ мы получить не можемъ,—всѣ детали развитія человѣческаго рода до появленія человѣка за отсутствіемъ соответствующаго ископаемаго матеріала покрыты пока полнымъ мракомъ. Потому не удивительно, если мы встрѣчаемъ и среди ученыхъ самыя различныя мнѣнія по этому вопросу. Взглядъ, нѣсколько отклоняющійся отъ только-что развитаго, защищавшагося въ недавнее время прежде всего анатомомъ Швальбе, былъ высказанъ проф. Кольманомъ. Послѣдній исходитъ изъ того наблюденія, что черепъ молодой новорожденной обезьяны гораздо болѣе похожъ на человѣческій, чѣмъ черепъ взрослыхъ обезьянъ. Изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что обезьяны происходятъ отъ формъ, которыя были болѣе сходны съ человѣкомъ. Затѣмъ сперва возникли не тѣ расы, которыя отличаются плоскимъ черепомъ и выдающимися надбровными дугами, а тѣ, у которыхъ имѣется высокая, хорошо сложенная теменная кость, какую мы наблюдаемъ у зародышей обезьянъ, у карликовыхъ племенъ и у современныхъ расъ. Исходная форма, къ которой человѣкъ стоитъ ближе всего,—шимпанзе (рис. 234). Большое соответствіе между черепами человѣкообразныхъ обезьянъ, питекантропа и человѣка (*Homo primigenius*) основывается не на родствѣ, а на конвергенціи формъ,—подъ этимъ Кольманъ понимаетъ „появленіе значительнаго сходства въ строеніи тѣла или отдѣльныхъ органовъ у представителей отдѣльныхъ группъ животнаго царства, не связанныхъ между собою никакимъ тѣснымъ родствомъ“. Человѣкъ

● — рудиментарныя молочныя железы.

Рис. 233. Схема распреденія избыточныхъ молочныхъ железъ.

(По Меркелю.)

вѣкообразныя обезьяны въ третичный періодъ не обнаруживали еще такой дифференцировки въ строеніи черепа, при которой сильно развиты края глазницъ, — онѣ обладали гладкими краями и сильно выпуклымъ лбомъ, какъ молодой шимпанзе и многія изъ собакоголовыхъ обезьянъ. Кольманъ, во всякомъ случаѣ, отстаиваетъ родство между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами, исходною формою которыхъ была форма довольно мало дифференцированная, человѣкоподобная; питекантропъ и современныя человѣкообразныя обезьяны являются формами болѣе молодыми и болѣе специализированными, не входящими въ составъ непосредственнаго генеалогическаго ствола человѣческаго рода. Эта теорія кажется намъ, однако, слишкомъ односторонней, опирающейся лишь на біогенетическій основной законъ, примѣнимости котораго не установлена хотя бы приблизительно. Вполнѣ надежное изслѣдованіе должно все же прежде всего опираться на изученіе взрослого организма, такъ какъ одинъ взрослый организмъ представляетъ собою окончательную форму, являющуюся прочнымъ фундаментомъ. Швалъбѣ совершенно справедливо замѣтилъ, что при примѣненіи принципа Кольмана мы получаемъ для первыхъ стадій развитія человѣчества вообще „сверхъ-человѣческіе“ черепа (рис. 232). Точно также Кольманъ не можетъ пока похвастаться и тѣмъ, чтобы результаты палеонтологіи подтверждали его теорію. Взгляды его могутъ встать на прочную почву лишь въ томъ случаѣ, если ему удастся доказать палеонтологическими данными, что исходныя формы для всего ряда развитія человѣческаго рода были пигмеи или расы съ высокимъ лбомъ. До сихъ поръ намъ не извѣстно, однако, изъ четвертичнаго періода ни одного карликоваго черепа и ни одного прочно установленнаго древне-палеолитическаго черепа высокой формы безъ особенностей, свойственныхъ неандертальской расѣ.

Еще одна теорія происхожденія человѣка была высказана уже въ 1867 году Эби. Путемъ сравненія черепной коробки и лицевой части черепа онъ пришелъ къ убѣжденію, что „по отношенію къ формѣ черепа рядъ обезьянъ начинается не съ такъ называемыхъ человѣкообразныхъ, а съ ихъ гораздо болѣе мелкихъ и невзрачныхъ родичей“; почему человѣкъ, по мнѣнію этого ученаго, происходитъ отъ формъ, сходныхъ съ низшими южно-американскими обезьянами, а высшія и человѣкообразныя обезьяны остаются въ сторонѣ. Гексли и Жоффруа защищали сходные взгляды, въ недавнее же время до извѣстной степени ихъ защитникомъ сталъ Амегино. Онъ также привязываетъ всѣхъ приматовъ, всѣ человѣкообразныя формы и самого человѣка къ ископаемымъ патагонскимъ формамъ эоценоваго періода, изъ которыхъ, по его мнѣнію, исключительно произошелъ человѣкъ, обитающій въ Америкѣ, при чемъ онъ считаетъ, однако, возможнымъ, что предки этого человѣка переселились и въ Старый Свѣтъ и образовали тамъ стволъ, отъ котораго отдѣлились человѣкообразныя формы и человѣкъ. Весьма неблагоприятно для этой теоріи, что Амегино основывается и на такомъ матеріалѣ, какъ остатки человѣка, найденные въ Монте-Гермозо, въ Фонтезуэлазъ и т. п., — остатки, древность которыхъ очень сомнительна, или которые при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи анатомическаго строенія оказываются принадлежащими современнымъ расамъ (стр. 411).

Отнесеніе начала генеалогическаго ствола человѣка къ эоценовому періоду, слѣдовательно, къ началу третичной эпохи и даже ко временамъ еще болѣе раннимъ, составляетъ переходъ къ слѣдующей, весьма важной гипотезѣ, которая была высказана Клаачемъ, но за послѣднее время сильно подверглась нападкамъ. Самъ Клаачъ выразилъ эту гипотезу слѣдующимъ образомъ:

„Въ палеозойскій періодъ существовала уже исходная группа сухопутныхъ позво-

почныхъ, которая по строенію своихъ конечностей обладала вполнѣ тѣми чертами, которыя характеризуютъ приматовъ—именно, была снабжена пятью пальцами, изъ которыхъ какъ на рукѣ, такъ и на ногѣ первый палецъ могъ противопоставляться остальнымъ. Отпечатки слѣдовъ такихъ хиротеріевъ находятся въ слояхъ, относящихся къ каменноугольной, пермской системѣ и къ триасу, что доказываетъ широкое распространеніе этихъ формъ,—они находятся въ Америкѣ, въ Европѣ и въ южной Африкѣ. Изъ этой основной группы выдѣлились постепенно тѣ формы, которыя претерпѣли разнообразныя превращенія конечностей, встрѣчаемыя нами у животныхъ, плавающихъ и летающихъ. Остальная часть сохранила лазающій образъ жизни и развилась лишь въ смыслѣ большого совершенства головного мозга, не претерпѣвая никакихъ превращеній въ строеніи конечностей. Въ третичный періодъ отщенились отсюда нѣкоторыя отдѣльныя группы млекопитающихъ, тогда какъ остатокъ составилъ собственно приматовъ и отличался превосходствомъ развитія головного мозга отъ всѣхъ остальныхъ болѣе или менѣе односторонне развитыхъ формъ. Предположить такое относительно высокое развитіе головного мозга человѣка мы должны волею-неволею, и въ этой чертѣ я вижу доказательство того, что человѣкъ представляетъ собою остатокъ древней родоначальной группы, которая постоянно развивалась далѣе по одному опредѣленному пути, не продѣлывая вмѣстѣ съ другими позвоночными различныхъ уклоненій въ сторону. Съ этой точки зрѣнія, въ ископаемыхъ остаткахъ человѣка и нельзя ожидать специфическаго сходства съ животными, и на самомъ дѣлѣ мы такого не встрѣчаемъ“.

Рис. 234. Черепъ молодого шимпанзе.
(По Кольману.)

Клаачъ опирается, главнымъ образомъ, на то, что организмъ человѣка сохранилъ много примитивныхъ чертъ, которыми онъ напоминаетъ животныхъ. Сравнительная анатомія, дѣйствительно, показываетъ намъ, что далеко не во всѣхъ частяхъ своего организма человѣкъ можетъ считаться достигшимъ высшей ступени развитія; напротивъ, въ различныхъ и даже весьма существенныхъ отношеніяхъ его превосходятъ нѣкоторые виды животныхъ, обнаруживающіе болѣе высокое физическое развитіе, чѣмъ человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ Годри указалъ, на примѣръ, на относительно отсталое строеніе зубной системы человѣка. Онъ обратилъ вниманіе на то, что у человѣка верхніе коренные сохранили форму, свойственную таковымъ всеядныхъ животныхъ, жившихъ въ началѣ третичной эпохи, въ эоценовомъ періодѣ, притомъ сохранили съ такою точностью, что обнаруживаютъ столь же большое и, пожалуй, даже большее сходство съ коренными зубами *Phenacodus*, *Arctocyon* и другихъ третичныхъ млекопитающихъ, чѣмъ съ таковыми человѣкообразныхъ обезьянъ. Это сказывается и въ формахъ руки человѣка, которая встрѣчается уже у млекопитающихъ эоценоваго періода, а равно и въ строеніи ноги человѣка съ ея семью косточками

предплюсны, пятью параллельными плюсневыми костями и пальцами. Нельзя не обратить вниманія на то, какъ сильно отклоняется строеніе ноги отъ такового различныхъ другихъ млекопитающихъ, начиная съ хватательной ноги обезьянъ, съ ихъ противопоставляющимся вторымъ пальцемъ, и кончая приспособленными къ бѣганью ногами парнокопытныхъ, однокопытныхъ и т. п. И, тѣмъ не менѣе, если мы изслѣдуемъ все эти различныя формы животныхъ въ направленіи выясненія ихъ предковъ, то мы увидимъ, что уже въ эоценовомъ періодѣ у нихъ имѣлись предки, обнаруживавшіе пятипалую ногу съ семью косточками предплюсны. Далѣе мы убѣдимся также, что такая нога является первичнымъ исходнымъ типомъ ноги млекопитающаго. Въ то время, слѣдовательно, какъ различные роды млекопитающихъ уклонились по различнымъ направленіямъ въ ту и въ другую сторону отъ этого первоначальнаго древняго типа ноги, въ основномъ генеалогическомъ стволѣ человѣка этотъ типъ сохранился въ точности и претерпѣлъ лишь небольшія измѣненія въ смыслѣ нѣкотораго усиленія перваго пальца. Такимъ образомъ, нога человѣка никоимъ образомъ не произошла отъ хватательной ноги обезьянъ, а представляетъ собою скорѣе типъ болѣе древній, чѣмъ нога обезьянъ. Ранке въ одной изъ своихъ работъ доказалъ, что межчелюстные кости человѣка точно также обнаруживаютъ примитивность формы и могутъ быть сравнены лишь съ такими костями низшихъ млекопитающихъ. Ни у одной изъ обезьянъ замѣчательнымъ образомъ не сохранилось слѣдовъ шва, свидѣтельствующаго о составѣ межчелюстныхъ костей изъ двухъ частей,—челюсть обезьянъ въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, болѣе удалена отъ низшихъ животныхъ и стоитъ выше, чѣмъ таковая человѣка. Такимъ образомъ, Клаа чъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „чѣмъ менѣе утрачиваетъ обезьяна примитивныхъ чертъ, тѣмъ болѣе она становится человѣкоподобной; въ этомъ отношеніи американскія формы обезьянъ стоятъ отчасти выше обезьянъ Стараго Свѣта; этимъ связь между полуобезьянами и человѣкомъ относится къ еще болѣе отдаленнымъ періодамъ жизни земли, и родоначальная форма полуобезьянъ должна обладать нѣкоторыми болѣе высокоразвитыми „человѣкообразными“ признаками“.

Въ этомъ смыслѣ мы можемъ придерживаться положенія, что человѣкъ въ давніе геологическіе періоды долженъ былъ имѣть предшественниковъ, которые стояли далеко отъ настоящихъ обезьянъ. Конечно, у высшихъ изъ этихъ предшественниковъ должны были обнаруживаться въ большей или меньшей степени обезьянообразныя признаки, но мы не можемъ рассчитывать на то, чтобы между ними намъ встрѣтились вполне сложившіяся обезьяны. Съ начала эоценоваго періода предки человѣка имѣли свой собственный ходъ развитія, первоначально параллельный съ ходомъ развитія человѣкообразныхъ обезьянъ, но затѣмъ послѣднія по мѣрѣ приближенія къ современнымъ періодамъ жизни земли постепенно все болѣе и болѣе удалялись отъ хода развитія человѣческаго рода. Какъ ни заманчива во многихъ отношеніяхъ гипотеза Клаа чъ привязать человѣка къ исходной формѣ эоценоваго періода, она обнаруживаетъ все же и много слабыхъ сторонъ и заставляетъ дѣлать весьма невѣроятныя предположенія. Прежде всего она оставляетъ въ сторонѣ огромныя различія между человѣкомъ и низшими обезьянами или даже примитивными млекопитающими,—эти различія столь значительны, что „не допускаютъ и мысли о тѣсномъ родствѣ“ (Камилло Шнейдеръ). Такимъ образомъ, мы увѣрены, что, несмотря на эти отношенія къ низшимъ формамъ, оказывается болѣе вѣроятной все же тѣсная связь генеалогическаго ствола человѣческаго рода съ группою ископаемыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ.

Какъ бы то ни было, никоимъ образомъ нельзя пока опредѣлить хотя бы съ

приблизительной точностью ни путей развитія человѣческаго рода, ни геологической древности непосредственныхъ предковъ человѣка; намъ приходится довольствоваться исключительно гипотезами, и лишь удачныя находки въ будущемъ могутъ либо подтвердить ихъ, либо ослабить.

Сильное смѣшеніе различныхъ соматическихъ чертъ въ природѣ человѣка обнаруживаетъ съ полной опредѣленностью единичное происхожденіе человѣческаго рода, который произошелъ, надо полагать, въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ земного шара. Весьма трудно, однако, опредѣлить пока родину человѣческаго рода и установить мѣсто, гдѣ возникъ человѣкъ. По мнѣнію Бранка „по господствующимъ сейчасъ взглядамъ мало вѣроятно, чтобы человѣкъ возникъ въ Америкѣ. Человѣкъ принадлежитъ къ приматамъ, его ближайшими родичами изъ нынѣ живущихъ формъ считаются узконосыя обезьяны и въ частности человѣкообразныя. Между тѣмъ изъ нихъ ни въ современной, ни въ ископаемой фаунѣ не найдено представителей на американскомъ континентѣ,—все они обитаютъ въ Старомъ Свѣтѣ“. Дарвинъ, Штромеръ и др. полагали, что первоначальная родина человѣка находится въ Африкѣ, такъ какъ тамъ живетъ горилла и шимпанзе, но никакихъ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ это, пока не найдено. Очевидно сходство, обнаруживающееся между человѣкомъ неандертальской расы и современными австралійцами, навело Штензака на мысль, что первоначальной родиной человѣчества является Австралія,—палеонтологическіе выводы дѣлаютъ это, однако, мало вѣроятнымъ. Подобно Патагоніи и Мадагаскару, Австралія принадлежитъ къ древне-третичному комплексу континентовъ южнаго полушарія, гдѣ, начиная съ міоценоваго періода, прекратилось всякое развитіе фауны млекопитающихъ. Если мы, слѣдовательно, находимъ здѣсь примитивный отпрыскъ человѣческаго рода, то ясно, что онъ не могъ развиваться въ этой области, а переселился сюда изъ другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, первоначальная родина человѣческаго рода должна была находиться въ комплексѣ сѣверныхъ континентовъ, по всемъ вѣроятіямъ въ предѣлахъ Азіи. Въ этой части земного шара найдены остатки питекантропа, и тамъ же на Явѣ и Борнео живутъ и посейчасъ человѣкообразныя обезьяны. Здѣсь, въ Азіи, развитіе жизни во время третичнаго и четвертичнаго періода шло полнымъ ходомъ и здѣсь же, очевидно, человѣкъ, являющійся конечнымъ и высшимъ результатомъ этой эволюціи, и образовался впервые и претерпѣлъ свое начальное развитіе.

Рис. 235. Каннъ. Картина Кормона.
(Парижъ, Люксембургскій дворецъ.)

ГЛАВА IX.

Человѣкъ третичнаго періода и вопросъ объ эолитахъ.

Мы указывали выше, что человѣкъ четвертичнаго періода, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, жилъ со времени второго межледниковаго періода и съ этой эпохи прочно обосновался въ странѣ. Теперь предъ нами встаетъ вопросъ: дѣйствительно ли тогда впервые появился человѣкъ на землѣ или, если мы предположимъ существованіе еще болѣе древнихъ виѣ-европейскихъ четвертичныхъ предковъ, являются ли они, по крайней мѣрѣ, древнѣйшими представителями нашего рода? Не въ правѣ ли мы говорить и о существованіи третичнаго человѣка?

Эта задача тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ настоящее время нѣтъ уже чисто-научной оппозиціи противъ существованія ископаемаго человѣка, какъ было въ тѣ времена, когда Буше-де-Перть впервые выступилъ со своими находками остатковъ человѣка четвертичнаго періода. Напротивъ, въ настоящее время „современное общее направленіе научной мысли“ заставляеть допускать существованіе въ третичную эпоху человѣка или, по меньшей мѣрѣ, какого-нибудь предшественника человѣка—иначе не преодолѣть теоретическихъ затрудненій. Несмотря, однако, на такое благосклонное со стороны всѣхъ отношеніе къ этому вопросу, фактически, съ точки зрѣнія полной безпристрастности, нѣтъ возможности подтвердить существованіе третичнаго первобытнаго человѣка, и даже нельзя считать это существованіе сколько-нибудь доказаннымъ,—вопросъ сейчасъ является въ такой же степени открытымъ, какъ и въ прежнія времена.

Въ качествѣ наиболѣе доказательныхъ свидѣтельствъ существованія человѣка въ третичный періодъ могли бы явиться, конечно, третичные скелеты человѣка; всѣ соответствующія находки этого рода не могли, однако, выдержать строгой провѣрки ихъ

предполагаемаго древняго возраста. Въ настоящее время никто уже не станетъ утверждать, что скелеть, найденный въ Савонѣ, въ Лигуріи, въ 1856 году, относится къ пліоценовому періоду, или что къ тому же періоду относятся кости, найденныя въ Кастенодоло у Брешии, въ Италіи; еще менѣе можетъ подлежать серьезному разсмотрѣнію скелеть изъ Делемона въ Швейцаріи, который найденъ даже будто бы въ эоценовыхъ слояхъ, или скелеть міоценоваго періода изъ Хотфажа въ департаментѣ Верхней Гаронны, вмѣстѣ съ которымъ было найдено желѣзное орудіе. Точно такъ же и прославившійся въ свое время черепъ изъ Калаверасъ въ Сѣверной Америкѣ обреченъ снова на полное забвеніе. Онъ былъ найденъ въ 1867 году при закладкѣ шахты въ золотоносныхъ пескахъ, какъ предполагалось, третичнаго возраста, притомъ на глубинѣ 50 метровъ. Не говоря уже о томъ, что пески эти другими геологами признаются за четвертичныя, самое происхожденіе черепа не можетъ считаться выясненнымъ. Золотоискатель, который заявилъ, что нашелъ его, неоднократно мѣнялъ свои показанія относительно точнаго его мѣстоположенія, такъ что и послѣднее не является точно установленнымъ. Къ этому присоединяется, что черепъ этотъ скорѣе производитъ впечатлѣніе современнаго, чѣмъ дѣйствительно древняго. Онъ вполнѣ напоминаетъ современные черепа индѣйцевъ, а включенія, которыя въ немъ найдены, содержатъ, между прочимъ, экземпляръ улитки *Helix pomum*, которая и посейчасъ водится въ Сіерра-Невадѣ. Просто-на-просто, золотоискатели, не нашедшіе достаточно золота въ своихъ шахтахъ, хотѣли добыть его съ меньшею затратою труда изъ кармана редактора „Geological Survey“, который долженъ былъ заплатить за рѣдкую находку соотвѣтственно большую сумму. Точно такъ же тѣ черепа и кости человѣка, которые Амегино нашелъ въ Южной Америкѣ и объявилъ третичными, представляютъ совершенно ненадежный матеріалъ не только съ точки зрѣнія происхожденія, но и съ точки зрѣнія древности слоевъ, изъ которыхъ они произошли.

Точно такъ же и третичныя человѣкообразныя обезьяны никоимъ образомъ не являются формами, которыя можно было бы съ увѣренностью отнести къ человѣкоподобнымъ стадіямъ развитія. Кто познакомится только съ крайней бѣдностью сохранившихся до сихъ поръ остатковъ ископаемыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, „тогда самъ, даже будучи непосвященнымъ, вынесетъ убѣжденіе, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы эти формы доказывали существованіе тѣснаго ряда предковъ человѣка“ (Бранка). Относительно питекантропа, найденнаго на Явѣ и являющагося дѣйствительно „человѣкоподобнымъ“, намъ извѣстно въ настоящее время, что онъ относится къ четвертичному періоду.

Столь же мало положительныхъ данныхъ и по вопросу о такъ называемыхъ слѣдахъ дѣятельности третичнаго человѣка, среди которыхъ прежде всего должно принять во вниманіе нѣкоторые слѣды на костяхъ ископаемыхъ животныхъ. Въ 1869 году Дель-Фортри обратилъ вниманіе ученаго міра на кости третичныхъ морскихъ животныхъ, добытыя въ слояхъ Леоньяна въ Жирондѣ. На нихъ имѣлись многочисленныя зарубки и вдавленія, но относительно этихъ знаковъ не трудно было доказать, что они являются слѣдами зубовъ крупныхъ хищныхъ рыбъ, жертвою которыхъ пали данныя животныя. Этимъ же объясняются и „зарубки на костяхъ“, найденныя Капеллини на частяхъ скелета пліоценоваго *Balaenotus*, относительно которыхъ другіе авторы предполагали, что они могли быть сдѣланы лишь руками человѣка съ помощью острыхъ рѣжущихъ инструментовъ. Однако, обкатываніе въ грубомъ крупно-зернистомъ пескѣ производитъ сходныя же царапины, а еще чаще причиною ошибокъ являются зарубки и царапины, которыя кость получаетъ при вы-

капываніи и очисткѣ, такъ какъ сперва она перѣдко очень мягка. Если кости очень рыхлы и покрыты сильно окрашенной землею, то теперешніе порѣзы и зарубки перѣдко чрезвычайно трудно отличимы отъ старыхъ. Шаффгаузенъ воскресилъ снова давнишнее опровергнутое еще Циттелемъ и другими мнѣніе Дюккера о томъ, что кости гинпаріона, собранныя имъ въ Пикерми, въ Греціи, носятъ на себѣ слѣды работы третичнаго человѣка. „Именно, на двухъ костяхъ имѣются слѣды ударовъ, которые кости выдержали, притомъ ударовъ весьма сильныхъ,—такихъ, что они образовали глубокую впадину въ кости и раздробили и вдавили наружную пластинку. Должно думать, что это произошло на свѣжей кости, такъ какъ такой ударъ по старой кости раздробилъ бы ее“. Ранке, который подробно изслѣдовалъ эти кости, замѣчаетъ съ полной справедливостью: „Впадины происходятъ здѣсь, какъ и на другихъ костяхъ, въ той же самой мѣстности, не отъ удара, а являются углубленіями, которыя возникаютъ въ размягченныхъ и рыхлыхъ костяхъ, когда онѣ надавливаются на лежащія въ землѣ мелкіе камешки и на другіе куски костей. При раскопкахъ доисторическихъ могильниковъ на Баварскомъ плоскогоріи вблизи горъ, гдѣ почва перѣдко состоитъ изъ гальки, или гдѣ въ землѣ находятся мелкіе обкатанные камни, перѣдко можно наблюдать подобныя разрушенія или вдавленія въ костяхъ, которыя по возрасту являются гораздо болѣе молодыми“. По всѣмъ вѣроятіямъ, относящійся къ концу третичнаго періода и глубоко расположенный слой наноса въ Сенъ-Прэ недалеко отъ Шартра, въ департаментѣ Эры и Луары, обнаруживаетъ не только такіе же многочисленные слѣды ударовъ, но и большое число настоящихъ довольно длинныхъ надрѣзовъ и царапинъ, которые Денуайе также считалъ за результаты дѣятельности человѣка, несмотря на то, что они выполнены песчаными конкреціями. Однако, даже убѣжденный приверженецъ теоріи существованія человѣка въ третичную эпоху, аббатъ Буржуа, не рѣшился обосновывать свои теоріи этими находками и призналъ ихъ неубѣдительными. Нельзя не упомянуть также о многочисленныхъ слѣдахъ дѣйствія зубовъ, которые перѣдко оставляются хищниками на костяхъ ихъ добычи и которые представляютъ собою вдавленія и поврежденія, на менѣе опытныхъ изслѣдователей производящія впечатлѣніе дѣла рукъ человѣческихъ. Подобныя заблужденія являются особенно опасными въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается столь отдаленныхъ эпохъ, что не существуетъ другихъ болѣе выдерживающихъ критику доказательствъ присутствія человѣка. Ляйэлль констатировалъ, что въ частности грызуны, напримѣръ, дикобразы, путемъ обгладыванія костей производятъ совершенно такія же зарубки, какъ тѣ, которыя были найдены на ископаемыхъ костяхъ изъ Сенъ-Прэ. Бобръ и сурокъ, крысы и мыши обгладываютъ кости столь же замѣчательнымъ образомъ, и слѣды зубовъ ихъ лишь съ большимъ трудомъ можно отличить отъ зарубокъ, сдѣланныхъ рукою человѣка. Для четвертичнаго періода Германіи Ранке установилъ присутствіе дикобраза среди представителей пещерной фауны Франконіи, именно благодаря характернымъ слѣдамъ его зубовъ на костяхъ другихъ четвертичныхъ животныхъ; эти слѣды даже опытными знатоками признавались частью зарубками, сдѣланными руками человѣка, частью царапинами отъ зубовъ гіены.

Если проблема третичнаго человѣка именно въ настоящее время опять заставляетъ говорить о себѣ такъ много и раздѣляетъ весь ученый міръ на два противоположныхъ лагеря, то надо сказать, что это основывается не на тѣхъ слѣдахъ дѣятельности человѣка, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ, а на обломкахъ кремня третичнаго времени, которые одними учеными считаются бесспорно обитыми и обработанными искусственно, тогда какъ другіе признаютъ ихъ за продукты, возникшіе совер-

шенно естественно безъ участія человѣка. Эти каменные орудія получили въ настоящее время названіе эолитовъ, иными словами — каменныхъ орудій изъ періода „утренней зари человѣческаго рода“. Если будетъ доказано искусственное происхожденіе эолитовъ, то тѣмъ самымъ древность человѣческаго рода отодвинется назадъ на нѣсколько милліоновъ лѣтъ, — если такого доказательства нельзя будетъ дать, то древнѣйшими свидѣтельствами происхожденія человѣческаго рода должны будутъ считаться тѣ четвертичныя образованія, о которыхъ была рѣчь въ предшествующихъ главахъ. Столь высокій интересъ и столь широкія раскрывающіяся перспективы придаютъ вопросу объ эолитахъ особое значеніе, — потому и намъ здѣсь придется заняться ими нѣсколько подробнѣе, чтобы строго фактически оцѣнить все доводы за и противъ отдѣльныхъ научныхъ взглядовъ и достигъ просто обоснованной личной точки зрѣнія на данный вопросъ.

Обработка кремня можетъ производиться либо ударами при помощи другого твердаго камня — такъ приготовлены, напримѣръ, ручные топоры древне-палеолитическаго періода — либо форма можетъ при-

даваться сильнымъ давленіемъ, при чемъ прежде всего тонкіе края заостряются давленіемъ твердаго тѣла, ведущимъ къ тому, что отъ нихъ отдѣляются тончайшіе обломки; такимъ способомъ производилась тонкая ретушь краевъ каменныхъ орудій мустьерской эпохи и новѣйшаго палеолитическаго періода. Длинные осколки производились легче всего путемъ поперечнаго раскалыванія естественнаго желвака кремня, такъ что получалась горизонтальная поверхность; затѣмъ сильными косыми ударами по этой поверхности отдѣлялись съ продольныхъ

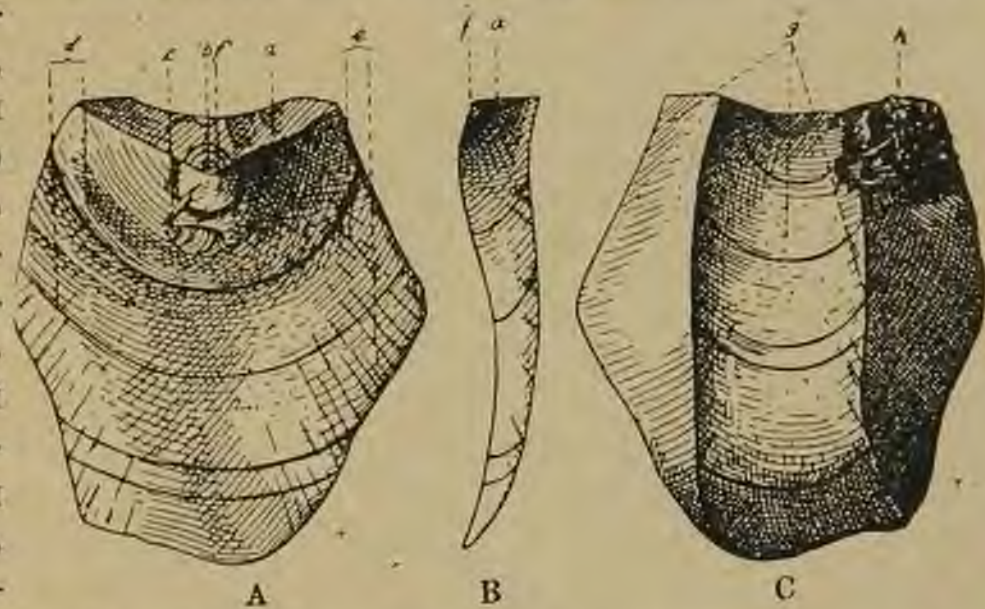

Рис. 236. Схема отбиванія кремня. А—спереди, В—сбоку, С—сзади.

a—поверхность удара; *b, f*—ударная выпуклость; *c*—рубцы отъ удара; *d*—волнообразныя кольца; *e*—лучистость; *h*—мѣсто отдѣленія мелкихъ обломковъ; *g*—мѣтки отъ удара.

(По Ферворну.)

сторонъ желаемые осколки, несущіе большею частью сверху выпуклую поверхность удара, отъ которой, кромѣ того, снизу отдѣлялись мелкіе осколки. Достаточно бросить взглядъ на многочисленныя изображенія четвертичныхъ кремневыхъ орудій, приведенныя въ предыдущей главѣ, чтобы уяснить себѣ эти процессы, — лучше всего, однако, продѣлать самому нѣсколько опытовъ съ разбиваніемъ камней, чтобы понять вполне эту технику и сдѣлать излишнимъ дальнѣйшее подробное ея изложеніе (рис. 236).

Было бы, конечно, очень легко отличить искусственно обработанныя кремневая орудія отъ естественныхъ обломковъ кремня, если бы поверхность удара, выпуклая сторона и ретушь имѣли какіе-нибудь несомнѣнные признаки и критеріи преднамеренной обработки. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, — это допускаютъ даже самые энергичные сторонники эолитовъ.

Настоящимъ отцомъ проблемы эолитовъ былъ аббатъ Буржуа, директоръ семинаріи въ Поилеуа, который впервые въ 1863 году возбудилъ вопросъ о существованіи человѣка въ третичную эпоху и до конца своихъ дней рьяно отстаивалъ свои взгляды.

Имъ было открыто въ Тенэ, около Понлевуа, въ департаментѣ Луары и Шеры, въ прѣсноводныхъ отложеніяхъ верхняго олигоцена большое количество кремневыхъ орудій, обитыхъ рукою человѣка, и по его мнѣнію, они относились къ обычнымъ типамъ четвертичныхъ наносовъ сѣверной Франціи, служили для рѣзанія, сверленія, скобленія и царапанья и отчасти подвергались дѣйствию огня, такъ какъ на своей наружной поверхности неоднократно обнаруживали мелкія трещины (рис. 237). Аббатъ Буржуа выступилъ поэтому съ теоріей о существованіи человѣка еще въ первую половину третичной эпохи, притомъ человѣка, знакомаго уже съ довольно сложными каменными орудіями и пользовавшагося уже огнемъ. Эти люди населяли, слѣдовательно, Европу въ тѣ времена, когда современные горные хребты, такіе, какъ Альпы, едва начали подниматься съ морского дна, и когда огромныя озера покрывали поверхность нашего континента, и на нихъ колыхались водяныя лиліи и лотосы, какъ въ настоящее время на болотахъ Сенегамбіи и въ лагунахъ Индіи, по берегамъ же произрастали пальмы, драконовыя и гуммигутовыя деревья, образывавшія лѣса, гдѣ находили себѣ пріютъ огромныя крокодилы, динотеріи, мастодонты и предки лошади.

Открытіе это произвело большой переполохъ въ ученыхъ кругахъ, когда Буржуа сообщилъ о немъ въ 1867 году на Международномъ Антропологическомъ Конгрессѣ въ Парижѣ, но эти „издѣлія изъ Тенэ“ не были признаны антропологами за издѣлія человѣка. Несмотря на это, Буржуа не счелъ себя побѣжденнымъ, онъ потребовалъ въ 1872 году на Брюссельскомъ Конгрессѣ новой провѣрки даннаго вопроса, и такая провѣрка была поручена комисіи изъ 15 членовъ. Пять членовъ этой комисіи заявили, что не видятъ никакого слѣда человѣческой дѣятельности на изслѣдованныхъ кремневыхъ орудіяхъ, 8 членовъ сочли орудія искусственно обработанными, остальные два голоса высказались нерѣшительно. Такимъ образомъ большинство одержало верхъ, но въ научномъ вопросѣ рѣшающимъ является не простое большинство голосовъ. Споръ продолжался и затихъ нѣсколько лишь въ 1901 году, когда Маудо и Капитанъ собрали въ Тенэ, при предпринятыхъ ими значительныхъ раскопкахъ, снова большую коллекцію въ 2500 кремневыхъ орудій. Они признали, что въ этой коллекціи встрѣчаются формы, напоминающія настоящіе четвертичные типы каменныхъ орудій, на примѣръ, ручные острія, скребки, сверла, скоблильные ножи съ выемкой и даже настоящіе ножи, но заявили, что при разсмотрѣніи большихъ серій такихъ находокъ нельзя и думать о томъ, чтобы формы эти являлись преднамѣренно сдѣланными. Въ Тенэ куски кремня въ теченіе эоценовой и олигоценовой эпохъ долгое время подвергались всевозможнымъ физическимъ, химическимъ и механическимъ воздѣйствіямъ. „Всѣмъ геологамъ извѣстно, что въ этомъ случаѣ кремни и въ особенности ихъ ломкія краевыя части подвергаются всевозможнымъ измѣненіямъ, поразительно напоминающимъ дѣйствіе преднамѣренной обработки“. Капитанъ указалъ прежде всего на четвертичные наносные слои Сены, въ которыхъ находящіеся въ нихъ желваки кремней обнаруживаютъ чрезвычайную измѣчивость въ смыслѣ изломовъ и образованія обитыхъ краевъ,—эти куски кремня, однако, уже вслѣдствіе своего огромнаго количества не могли быть сдѣланы людьми ледниковаго періода. Д'О-дю-Мениль и Салмонъ обратили также вниманіе на находки въ департаментѣ Юнны, гдѣ кремни лежатъ въ глинѣ и, подвергаясь дѣйствию атмосферы, влажности и давленія, вслѣдствіе оползней, въ концѣ концовъ, размываются и „принимаютъ самыя разнообразныя формы, въ которыхъ можно найти сходство съ главнѣйшими извѣстными типами каменныхъ орудій,—при этомъ края ихъ сдавливаются и обнаруживаютъ ложную обработку краевъ, которая выражена даже гораздо лучше, чѣмъ въ Тенэ. Здѣсь совершенно

устраняется предположеніе о томъ, что эти каменные орудія сдѣланы человѣкомъ, такъ какъ образованіе ихъ продолжается и можетъ быть прослѣжено во всемъ своемъ развитіи. Капитанъ указываетъ также на то, что обыкновенно продолжительное давленіе, весьма часто наблюдающееся при геологическихъ процессахъ, образуетъ на обломкахъ кремня „великолѣпнѣйшую ретушь“ краевъ. Кроме того, Карно, на основаніи химическихъ анализовъ, высказался за то, что достаточно одного вліянія атмосферы, чтобы вызвать на поверхности кремня трещинки и разрывы, наблюдаемые на кремняхъ изъ Тенэ, и потому нѣтъ никакой надобности предполагать въ этомъ случаѣ

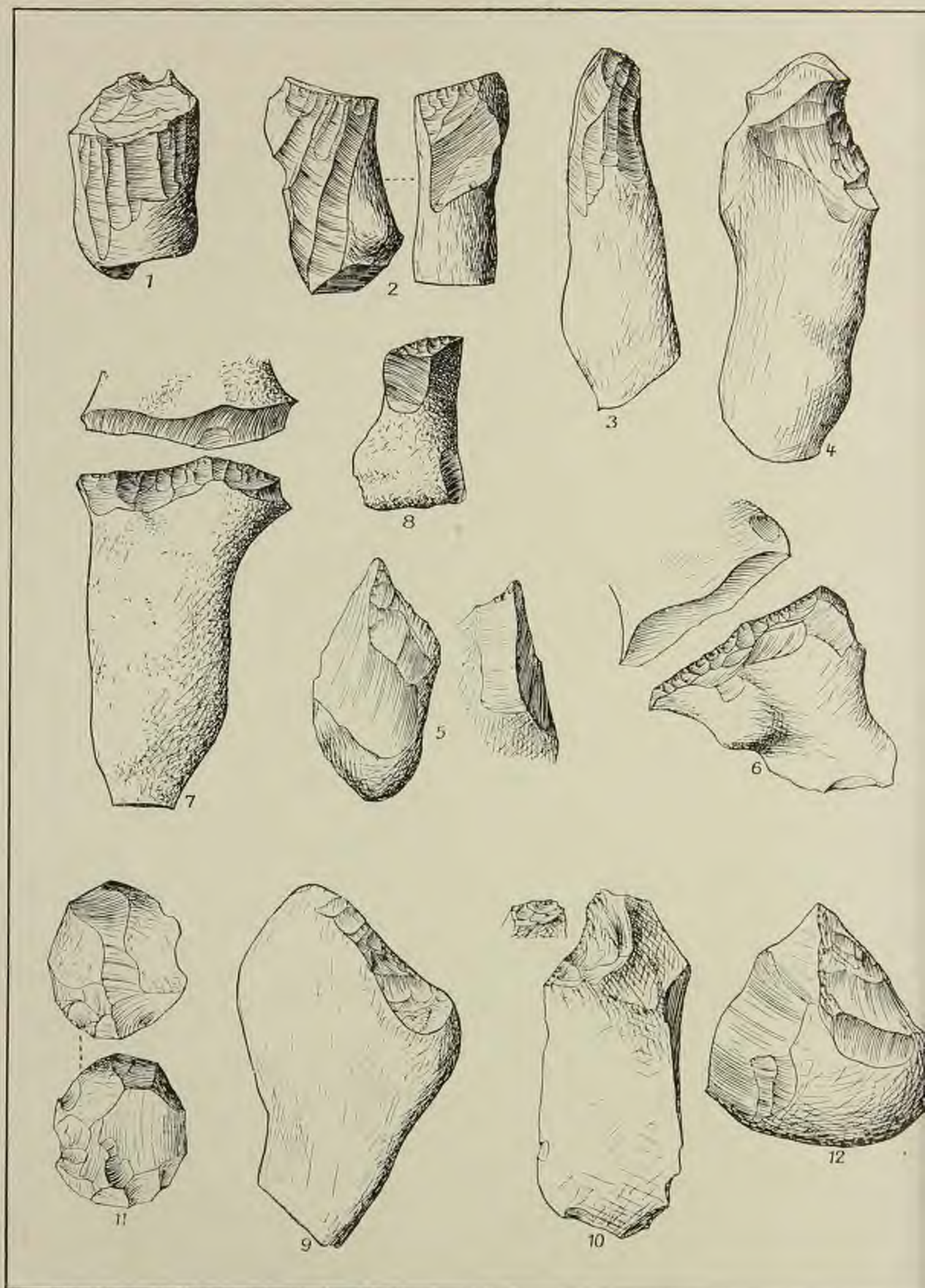

дѣйствіе огня. Въ виду всего этого, находки Буржуа за послѣдніе годы отступили на задній планъ, несмотря на то, что, въ общемъ, все же вопросъ не былъ окончательно разъясненъ.

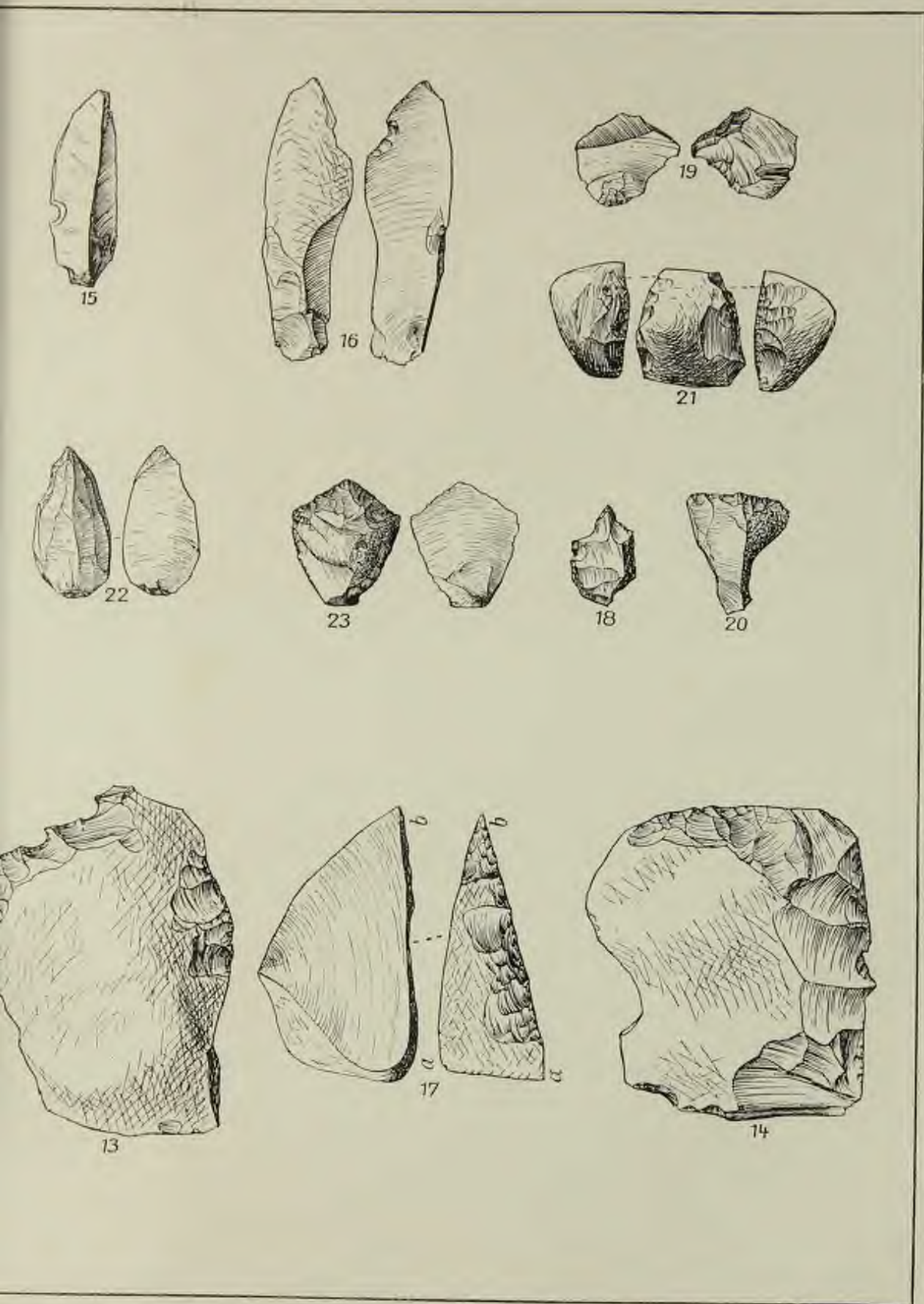
Энергичнаго союзника аббата Буржуа приобрѣлъ въ 1871 году въ испанскомъ инженерѣ Рибейро, который представилъ Парижской Академіи Наукъ коллекцію обработанныхъ кремней и кварцитовъ изъ слоевъ верхняго міоцена въ Отта, въ долину Тахо. Онъ показывалъ ее и на Брюссельскомъ конгрессѣ въ 1872 году, но лишь Франксъ изъ Британскаго Музея въ Лондонѣ заявилъ, что убѣжденъ его доводами, самъ Буржуа призналъ всего лишь одно орудіе „дѣйствительно обработаннымъ человѣкомъ“. Лиссабонскій международный конгрессъ 1880 года назначилъ снова комиссію для провѣрки этого вопроса; эта комиссія единогласно высказалась за то, что образцы кремней происходятъ большею частью изъ третичныхъ слоевъ и въ смыслѣ „поверхностей удара и выпуклыхъ поверхностей“ являются несомнѣнно искусственно и нарочно сдѣланными. Третичный возрастъ ихъ впоследствии былъ установленъ съ полною несомнѣнностью тщательными раскопками, при которыхъ въ сосѣднихъ эквивалентныхъ слояхъ у Монте-Редондо были найдены кости гиппаріона, раковины *Unio* и новѣйшіе міоценовые остатки растений: однако, нѣсколько лѣтъ спустя Каргальякъ отказался признать эти орудія искусственными, и вопросъ остался нерѣшеннымъ окончательно.

Къ той же геологической ступени, какъ въ Отта, относится и одно французское мѣстонахожденіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ съ 1877 года и за послѣднее время неоднократно посѣщавшееся,—именно Пюи-Курри, въ Канталѣ. Это мѣстонахожденіе было открыто геологомъ Рамсомъ и фигурировало на парижскихъ выставкахъ 1878 и 1879 гг. Въ 1901 году Капитанъ предпринялъ тамъ же новыя систематическія раскопки, богатые результаты которыхъ я имѣлъ возможность лично подробно изслѣдовать; наконецъ, въ 1905 году здѣсь собралъ богатую коллекцію орудій физіологъ Максъ Ферворнъ, который посвятилъ ихъ изученію также много труда. Геологическая послѣдовательность слоевъ въ этомъ мѣстонахожденіи такая: на глубинѣ канталъскихъ отложеній располагаются гнейсы и слюдяные сланцы, надъ которыми находятся слои каменноугольной формаци; затѣмъ отсутствуютъ все остальные образованія, вплоть до третичныхъ отложеній. Третичныя отложенія начинаются олигоценовыми прѣсноводными и солоноватоводными отложеніями, содержащими огромное число прѣсноводныхъ и наземныхъ моллюсковъ; эти отложенія прорѣзаются грядами кремней, матеріаль которыхъ, надо кстати замѣтить, легче разбивается и раскалывается, чѣмъ кремни морского происхожденія,—этотъ матеріаль и послужилъ для образованія включенныхъ въ располагающихся надъ нимъ слояхъ „искусственныхъ кремневыхъ издѣлій“. Непосредственно надъ олигоценовыми отложеніями залегаютъ известковые туфы, равно какъ рѣчные пески и галечники, содержащіе остатки *Dinotherium giganteum*, *Mastodon longirostris*, *Rhinoceros Schleiermachersi*, *Hipparion gracile*, *Tragocerus amaltheus*, *Gazella desperdita* и *Cervus*, а равно обильную флору,—все это характерно для верхняго міоцена. Это былъ періодъ теплаго климата, когда на ряду съ хвойными деревьями произрастали дубы и камфарныя деревья и въ густыхъ дѣвственныхъ лѣсахъ ключемъ была жизнь, соответствующая климатическимъ условіямъ современной Мадеры, Малаги, Японіи и Георгіи. Къ этому же времени относятся первыя сильныя изверженія кратера Кантала, почему съ вулкана въ долину стекали массы базальта, трахита и лабрадорита, а отложенія вулканическаго пепла и потоковъ вулканической грязи оказываются лежащими частью подъ міоценовыми слоями, частью надъ ними; во многихъ мѣстностяхъ эти слои непосредственно разрыты и прикрыты такими отложеніями. Въ этихъ-то новѣйшихъ міоценовыхъ слояхъ, и именно среди прѣсноводныхъ галечниковъ, находятся одновременно въ самыхъ различныхъ мѣстахъ столь много заставившія о себѣ говорить „искусственныя кремневая орудія изъ Кантала“. Надъ ними располагаются пліоценовыя отложенія, въ которыхъ попадаются кости южнаго слона и *Mastodon arvernensis*; сильныя вулканическія изверженія этого времени создали огромныя андезитовыя и базальтовыя покровы плоскогорій этой мѣстности. Наконецъ, въ четвертичный періодъ вершина Кантала была покрыта шапкою глетчеровъ, о которыхъ намъ приходилось упоминать выше (стр. 35).

Обратимся теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію міоценовыхъ золотовъ Кантала, возрастъ которыхъ опредѣленъ съ полной несомнѣнностью, и приведемъ прежде всего мнѣніе Ферворна. „Кремневая орудія располагаются здѣсь перемѣшанныя съ кремнями, которые не обработаны и, очевидно, послужили въ качествѣ сырого матеріала для обработки. Процентное отношеніе обработанныхъ кусковъ въ различныхъ мѣстахъ различно велико. До нѣкоторой степени оно зависитъ отъ случая—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаешь много такихъ издѣлій, въ другихъ—онѣ отсутствуютъ. Что касается ихъ внѣшности, то необработанные куски представляются обыкновенно кругловатыми, обкатанными, тогда какъ обработанные не обнаруживаютъ болѣею частью никакихъ слѣдовъ обкатыванія. Степень обкатыванія по краямъ на раз-

Эолиты изъ эоценовыя
(По Брейлю и

Клермона.
(иные).

личныхъ мѣстахъ различна. Такъ, у Пюи-Курни и у Бельбекеа я находилъ преимущественно орудія, края которыхъ обнаруживали ясные слѣды обкатыванія, тогда какъ у Пюи-де-Будье попадались почти исключительно орудія съ совершенно острыми краями. При своихъ раскопкахъ въ различныхъ мѣстностяхъ я производилъ подсчетъ всѣхъ кремней. При этомъ оказалось, что кремней, обнаруживавшихъ несомнѣнные слѣды обработки, было:

у Пюи-де-Будье	около 30%
„ Пюи-Курни	„ 20%
„ Вейрака	„ 15%
„ Бельбекеа	„ 8%

Въ дѣйствительности, однако, эти процентныя отношенія могли значительно передвинуться въ сторону увеличенія количества обработанныхъ кремней. Именно, когда я опредѣлялъ процентное отношеніе на несомнѣнно необработанныхъ кремняхъ, какъ это было въ главномъ мѣстѣ раскопокъ, въ Пюи-де-Будье, то процентъ обработанныхъ былъ чрезвычайно малъ—около 15—20%. При этомъ 50—55% кремней были таковы, что я не могъ сказать съ увѣренностью, обработаны они или нѣтъ. Затѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, нѣкоторые камни, казавшіеся на первый взглядъ необработанными, я отбрасывалъ, тогда какъ при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, быть-можетъ, на нихъ удалось бы замѣтить слѣды обработки, такъ какъ я долженъ сознаться, что во многихъ случаяхъ слѣды обработки на отдѣльныхъ мѣстахъ камня признавались лишь позднѣе послѣ неоднократнаго разсматриванія“.

Интересно, конечно, познакомиться со взглядами Фервора относительно того, что онъ считалъ признаками преднамѣренной обработки кремня. „Два ряда явленій, главнымъ образомъ, разсматриваются какъ признаки преднамѣренной обработки: съ одной стороны, явленія, указывающія на ударъ и замѣтны какъ на отколотомъ кускѣ, такъ и на желвакѣ, отъ котораго онъ отколотъ, съ другой — ряды направленныхъ въ одну сторону отлѣтѣвъ, указывающихъ на ударъ по краямъ кусковъ кремней.

„Явленія, указывающія на ударъ, на отбитыхъ кускахъ слѣдующія: ударная поверхность, выпуклая поверхность и рубецъ отъ удара (рис. 236, стр. 445); послѣдній является непосредственнымъ результатомъ удара. Тамъ, гдѣ всѣ три элемента встрѣчаются вмѣстѣ, на одномъ и томъ же кремнѣ, по мнѣнію Мортилъе, нѣтъ никакого сомнѣнія въ преднамѣренной обработкѣ кремня. Имѣется, однако, еще и большее число типичныхъ признаковъ удара,—такъ, волнообразныя кольца на передней сторонѣ отбитаго кремня, конусообразно-расходящіяся отъ мѣста удара, лучевидно отходящія мѣста излома, вертикально-направленные къ волнообразнымъ кольцамъ, и, наконецъ, нерѣдко замѣтные на верхнемъ концѣ отбитаго куска слѣды отколовшихся осколковъ. Всѣ эти явленія не болѣе какъ симптомы одного и того же дѣйствія, и если бы число ихъ даже возросло въ 100 разъ, рѣшеніе вопроса о томъ, преднамѣренно ли раскололся камень, не сдѣлалось бы несколько болѣе надежнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда имѣлся бы лишь одинъ такой симптомъ или немного ихъ. Всѣ эти явленія не что иное, какъ выраженіе дѣйствія давленія, и болѣе или менѣе ясно они всегда наблюдаются въ тѣхъ случаяхъ, когда на поверхность кремня направлено какое бы то ни было давленіе, толчокъ или ударъ достаточной силы, и притомъ прилагаемый къ одной точкѣ. Они не говорятъ намъ, слѣдовательно, ничего относительно рода тѣхъ факторовъ, которые вызвали давленіе. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно, что въ природѣ и совершенно неорганическіе факторы оказывали давленіе, прилагаемое къ одной точкѣ,—

въ этихъ случаяхъ все обстоятельства, указывающія на давленіе, совершенно недостаточны для того, чтобы признать преднамѣренное отдѣленіе кремня. Относительно возможности такового можно еще спорить. Въ настоящее время, однако, почти всеми признано, что дѣйствіе сильнаго колебанія температуры, дѣйствіе влажности и сухости, а также и дѣйствіе мороза, хотя и вызываютъ раскалываніе кремня, но никогда не обнаруживаютъ вышеописанныхъ симптомовъ. Иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ движеніямъ воды,—возможно, на примѣръ, что при внезапномъ сильномъ вздутіи горныхъ ручьевъ, въ водопадахъ и на морскомъ берегу иногда камни бросаются водою съ такою силою одинъ на другой, что раскалываются, образуя типичныя явленія удара. Такая возможность представляется мнѣ вполне мыслимой, хотя я и предполагаю, что такіе случаи, если они и бываютъ, относятся всегда къ случаямъ рѣдкимъ. Точно также я вполне могу себѣ представить, что при скатываніи внизъ тяжелыхъ камней или при осыпяхъ на скатахъ горъ, подвергающихся дѣятельности размыванія, нерѣдко кремни точно также разбиваются, обнаруживая типичныя явленія удара. Все же и такой случай не можетъ быть особенно частымъ. Наконецъ, мнѣ представляется возможнымъ, что при движеніи глетчера камни такъ сильно надавливаются одинъ на другой, что раскалываются съ характерными симптомами удара. Короче говоря, я не буду отрицать, что существуетъ полная возможность произведенія вышеуказанныхъ явленій удара дѣйствіемъ чисто-неорганическихъ факторовъ на кремни. Но въ такомъ случаѣ выпуклыя стороны, рубцы отъ удара, ударныя поверхности, волнообразныя кольца, конусовидныя осколки и т. п., сами по себѣ, въ противоположность мнѣнію Мортилье, не являются вполне безупречными критеріями преднамѣренной обработки.

„Не лучше обстоитъ дѣло и со вторымъ критеріемъ преднамѣренной обработки кремней—съ рядами направленныхъ въ одну сторону выбонокъ, образующихъ ретушь. Эти выбоинки соотвѣтствуютъ мелкимъ осколкамъ и чрезъ все переходныя величины ведутъ къ крупнымъ отбитымъ мѣстамъ, совершенно такъ же, какъ и осколки бываютъ всевозможныхъ величинъ. Возникновеніе ихъ основывается постоянно на одномъ и томъ же принципѣ, и всегда замѣтны одни и тѣ же типичныя признаки удара. Они могутъ, однако, возникнуть вслѣдствіе различныхъ дѣйствій давленія совершенно такъ же, какъ возникаютъ и крупные обломки, но лишь подъ вліяніемъ болѣе слабаго давленія. Изъ факторовъ, вызывающихъ при преднамѣренной обработкѣ такія мелкія выбоинки, должно отмѣтить особенно три манипуляціи, производившіяся при производствѣ каменныхъ орудій: обтачиваніе края скобленіемъ, обиваніе его другимъ кремнемъ и отдавливаніе рогомъ или костью. Я предпринялъ въ этомъ направленіи экспериментальныя изслѣдованія, но долженъ немедленно замѣтить, что для каждаго даннаго случая отсутствуютъ рѣшающіе критеріи,—во всехъ трехъ случаяхъ дѣло сводится, въ концѣ концовъ, къ давленію, и потому результатъ принципиально остается одинаковымъ. Спрашивается, являются ли всегда такіе односторонне обработанные края, наблюдаемые у найденнаго орудія, обусловленными несомнѣнно преднамѣренной обработкою камня? Я долженъ замѣтить, что это далеко не всегда такъ. Я считаю возможнымъ, что и въ этой группѣ явленій вполне мыслимо производство этихъ явленій неорганическими факторами. Можно представить себѣ, на примѣръ, что куски кремня съ острыми краями выдаются изъ глины, и что сверху на нихъ падаютъ массы гальки,—въ этомъ случаѣ, особенно если это часто повторяется, возникаетъ цѣлый рядъ направленныхъ въ одну сторону выбонокъ. Я могу себѣ также представить, что при дѣйствіи давленія, производимаго, на примѣръ, глетчернымъ льдомъ на слои песка, глины или гальки, куски кремня съ

острыми краями придавливаются въ опредѣленномъ направленіи къ массамъ песка или гравія, такъ что по краю съ одной стороны образуются выбоины. Но, если это дѣйствительно можетъ случиться, въ этомъ случаѣ такіе ряды односторонне направленныхъ выбоинокъ по краю кремня столь же мало свидѣтельствуютъ съ несомнѣнностью объ обработкѣ его руками человѣка, какъ и присутствіе выпуклой стороны или другія явленія ударовъ“.

Но въ такомъ случаѣ, какъ же объясняется природа данныхъ кремней? Ферворнъ отрицаетъ, чтобы вообще были какіе-либо критеріи, по которымъ можно съ полной увѣренностью отличить естественный кремень отъ искусственно сдѣланнаго каменнаго орудія. Онъ ставитъ требованія, „чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ производился специальный критическій діагнозъ, основывающійся на глубокомъ анализѣ, какъ самой находки, такъ и условій, въ которыхъ она была сдѣлана. Діагнозъ индивидуальныхъ свойствъ данной находки долженъ основываться не на одномъ, а на цѣломъ рядѣ признаковъ, совершенно такъ же, какъ діагнозъ врача при внутренней болѣзни. Лишь если этотъ діагнозъ будетъ опираться на характерную комбинацію многихъ чертъ, можно считать его заслуживающимъ уваженія“. Ферворнъ выражаетъ свое „правило“ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы должны, слѣдовательно, стремиться не къ отысканію одного опредѣленнаго и постоянно и вѣдоу рѣшающаго критерія, которымъ выяснилось бы искусственное происхожденіе даннаго кремня, — такого критерія на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и стремленіе отыскать его напрасно. Мы должны стремиться скорѣе къ развитію критической діагностики, которая должна быть совершенно такъ же развита, какъ діагностика врача. Чѣмъ тоньше мы разовьемъ эту діагностику путемъ наблюдений и эксперимента, тѣмъ скорѣе уменьшится для насъ количество сомнительныхъ случаевъ. Лишь критическій анализъ комбинаціи признаковъ способенъ дать намъ возможность вынести правильное рѣшеніе“.

Правило это, несмотря на ученую оболочку, которая ему придана, является довольно темнымъ; получается такое впечатлѣніе, что эта красивая оболочка должна замѣнить собою отсутствующее ядро, такъ какъ на практикѣ примѣненіе этого правила открываетъ дорогу самому опасному субъективизму; каждый коллекціонеръ, въ зависимости отъ своего образованія и темперамента, будетъ ставить тѣ или другіе діагнозы; серьезное же критическое изслѣдованіе потеряетъ подъ собою твердую почву. Между тѣмъ, нѣтъ такой области въ наукѣ, въ которой не приходилось бы вести упорную борьбу противъ подмѣны точно установленныхъ фактовъ „взглядами на нихъ и толкованіями ихъ“, — и лишь путемъ этой борьбы можно освободиться отъ господства фантазіи и вмѣсто нея установить холодное, но надежное индуктивное мышленіе.

Діагностическіе методы Ферворна привели его къ выводу, что имѣется цѣлый рядъ „совершенно не возбуждающихъ никакихъ сомнѣній объектовъ“. По его мнѣнію, „этимъ устанавливается съ непоколебимой твердостью заключеніе о существованіи въ началѣ міоценоваго періода живого существа, которое обрабатывало кремни“. Мы здѣсь уже можемъ отмѣтить, что еще въ 1906 году превосходный знатокъ эолитовъ Кантала, д-ръ Люсьенъ Майе, высказалъ полное несогласіе съ этимъ выводомъ.

Всѣ предполагаемыя каменные орудія Кантала состоятъ исключительно изъ кремня. Ферворнъ въ Пюи-де-Будѣ получилъ такое впечатлѣніе, что не только наибольшее количество всѣхъ кремней прошло черезъ руки человѣкообразныхъ существъ, но что эти кремни позднѣе не претерпѣли значительныхъ смѣщеній, такъ какъ большею частью сохранили свои острые края. Они, очевидно, остались на томъ

мѣстѣ, гдѣ были выбиты, такъ какъ массы міоценоваго рѣчного песка и заноса, лежащаго въ Шюи-де-Будье подъ вулканическими туфами, представляютъ собою, повидимому, остатки древнихъ міоценовыхъ береговъ рѣкъ или ручьевъ, сохранившіеся на томъ мѣстѣ, гдѣ они были ранѣе. Въ виду того, что сырой матеріалъ кремней имѣетъ большею частью форму пластинокъ, эта форма является господствующей и среди кремневыхъ орудій, такъ что послѣднія представляютъ собою либо небольшія пластинки, либо обломки таковыхъ. Эолиты почти все безъ исключенія состоятъ изъ болѣе или менѣе темной массы, которая нерѣдко на одномъ и томъ же объектѣ обнаруживаетъ двойную окраску, изъ чего слѣдуетъ, что отъ объекта неоднократно отдѣлялись осколки. Сами „орудія“ имѣютъ очень различную величину, нерѣдко являются мелкими и нѣжными, всего въ нѣсколько сантиметровъ, иногда же крупны — около 15—20 сант. въ діаметрѣ.

Изъ своихъ находокъ Ферворнъ выдѣляетъ прежде всего обломки, встрѣчающіеся самой различной величины и обнаруживающіе ясно выраженные типичныя явленія, связанныя съ ударомъ — ударную поверхность, ударную выпуклость и т. п., количество такихъ объектовъ съ ударною выпуклостью опредѣляется имъ болѣе чѣмъ въ 50%. Сообразно съ большимъ числомъ отбитыхъ орудій (рис. 238, 1—6) нерѣдко встрѣчаются и желваки кремней, отъ которыхъ эти объекты отбиты. Зато вовсе не часто попадаются камни, служившіе для отбиванія. У этихъ камней большею частью обнаруживается сильно расщепленный уголь, хотя они, повидимому, примѣнялись лишь для небольшого числа ударовъ, такъ что на нихъ не наблюдается сильнаго вліянія ударовъ. Бросаются въ глаза крупныя плоскіе куски кремня тяжестью въ нѣсколько килограммовъ, на которыхъ по обитымъ краямъ наблюдаются такія же выбоинки и такая же ретушь, какъ на малыхъ объектахъ; по своей формѣ и по своему огромному вѣсу они не могутъ быть истолкованы какъ каменные орудія. Ихъ разсматривали поэтому какъ «наковальни», на которыхъ разбивались зерна плодовъ и кости. Иногда удары соскальзывали съ разбиваемыхъ объектовъ и, попадая на такую наковальню, отбивали отъ нея кусокъ отъ края. Ферворнъ обращаетъ затѣмъ вниманіе на скобели, которые въ ихъ различныхъ формахъ составляютъ важнѣйшую часть инвентаря обитателей міоценовой эпохи и болѣе или менѣе совпадаютъ со скребками. Размѣры скобелей также варьируютъ отъ очень небольшихъ объектовъ до огромныхъ инструментовъ величиной съ ладонь. Ихъ можно раздѣлить на прямыя скобели, округлыя, заостренныя и вогнутыя. Въ качествѣ инструментовъ для прокальванія, просверливанія и надрѣзанія примѣняются тѣ орудія, у которыхъ имѣется остріе, вслѣдствіе того, что два сходящіеся края обиты съ обѣихъ сторонъ. И въ данномъ случаѣ остріе устроено очень различно, иногда оно короче, иногда длиннѣе, иногда заострено, иногда болѣе тупо. Быть-можетъ, такія острія служили для продѣлыванія дырокъ, другія — для надрѣзанія мягкихъ предметовъ. Совершенно грубыя орудія служили для того, чтобы рубить, вколачивать или рыть. Ферворнъ полагаетъ, что они примѣнялись для обработки дерева, для раскапыванія земли или для разбиванія костей.

Онъ заканчиваетъ свои изслѣдованія находокъ у Кантала такими словами: „Если изготовленіе человѣческими руками кремней, встрѣчаемыхъ въ верхнемъ міоценѣ, доказано съ полной несомнѣнностью, то передъ нами встаетъ тотчасъ же цѣлый рядъ вопросовъ относительно тѣхъ, кто приготовлялъ такія орудія. Невольно желаешь сдѣлать еще шагъ впередъ, хочешь узнать нѣсколько подробнѣе о жизни, культурномъ развитіи и физическихъ особенностяхъ этихъ древнихъ обитателей Кантала, и, такимъ образомъ, возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ задачъ. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ

вопросовъ остается безъ отвѣта. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь культуру, которая, какъ мы видимъ съ удивленіемъ, по качеству каменныхъ орудій отнюдь не стоитъ на первыхъ ступеняхъ развитія, а предполагаетъ уже продолжительную предшествующую эволюцію. Особенно поражаетъ насъ то обстоятельство, что обитатели міоценовой эпохи умѣли уже разбивать кремень и обрабатывать его. Если самая цѣль приготовления каменныхъ орудій изъ обломковъ кремня является прочно установленной, то, съ другой стороны, цѣлый рядъ орудій бросаетъ и нѣкоторый свѣтъ на то назначеніе, которое преслѣдовалось при обработкѣ краевъ орудій. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что при этомъ старались получать края, удобные для скобленія. Здѣсь обнаруживается широкая дифференцировка и приспособленіе орудій къ специальнымъ цѣлямъ. Отдѣльные типы прямыхъ скобелей, округлыхъ и, въ особенности, заостренныхъ и вогнутыхъ скобелей, встрѣчаемые нами въ видѣ длинныхъ рядовъ объектовъ съ характерными признаками, настолько рѣзко специализировались, что можно заключить о примѣненіи ихъ къ самымъ различнымъ цѣлямъ, хотя, конечно, въ концѣ концовъ, дѣло сводится всегда къ обскабливанію или отдиранію. Мы не знаемъ, что именно скоблили этими различными формами орудій, но едва ли что-либо иное, кромѣ дерева, костей, мяса или шкуры. Во всякомъ случаѣ, изъ присутствія огромнаго количества скобелей, являющихся въ эту пору самымъ распространеннымъ и важнымъ каменнымъ орудіемъ, мы должны сдѣлать выводъ о существованіи другихъ культурныхъ явленій, именно объ обработкѣ дерева для различныхъ орудій, о различныхъ приемахъ охоты и о расчлененіи убитой дичи для полученія мяса и шкуръ. Весьма вѣроятно, что и то и другое правильно. Всякое выраженіе эстетическаго чувства при приготовленіи орудій совершенно отсутствуетъ въ міоценовую эпоху. Исключительно опредѣленное назначеніе вліяетъ на форму орудія. Наконецъ, при обработкѣ кремневыхъ орудій въ міоценовый періодъ замѣчается нѣкоторое приспособленіе, именно обнаруживается отбиваніе острыхъ и рѣжущихъ выступовъ и краевъ. Значительное количество орудій различной степенью вывѣтриванія отдѣльных системъ обитыхъ мѣстъ обнаруживаетъ, что орудіе это неоднократно примѣнялось въ разное время и затѣмъ долгое время лежало безъ употребленія на землѣ. Это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что орудія послѣ употребленія не сохранялись. Ихъ, очевидно, послѣ примѣненія просто бросали. Въ случаѣ новой надобности всегда можно было найти достаточно сырого матеріала въ видѣ необработаннаго кремня и сдѣлать себѣ легко новое орудіе, или же брали старое уже употребленное орудіе, валявшееся на землѣ, и снова его обивали для той потребности, которая въ данный моментъ представлялась.

Однако, пока еще нельзя съ увѣренностью рѣшить вопросъ, обрабатывало ли населеніе Канталя въ третичную эпоху, кромѣ камня, и другіе матеріалы. Преимущественное производство скобелей и скребковъ возбуждаетъ подозрѣніе, что это и на самомъ дѣлѣ было такъ. Впрочемъ, изъ другихъ соображеній приходится допустить, что по крайней мѣрѣ, дерево, т.-е. вѣтви, быть-можетъ, лубъ, тростникъ, кустарники примѣнялись уже тогда самымъ примитивнымъ образомъ. Если бы было извѣстно, что человѣкъ питался тогда мясомъ, то можно было бы думать и о примѣненіи шкуръ убитыхъ животныхъ; быть-можетъ, даже примѣнялись и кости. Цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, вѣтающихъ передъ нами, приходится пока оставить безъ отвѣта. Лишь относительно физической природы человѣка того времени я позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній. Съ большимъ вѣроятіемъ можно заключить на основаніи строенія кремневыхъ орудій, что въ общемъ человѣкъ обладалъ такими же формами и размѣрами руки, слѣдовательно, и остальнаго тѣла. Присутствіе крупныхъ скобелей и

топоровъ, умѣщающихся въ нашей рукѣ, и удобства для руки почти всѣхъ орудій приводятъ меня къ этому выводу и дѣлаютъ его весьма вѣроятнымъ. Орудія самыхъ различныхъ размѣровъ въ большинствѣ случаевъ такъ прекрасно укладываются въ нашей рукѣ, что можно думать, что они прямо для нея сдѣланы.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не было найдено никакихъ остатковъ скелета отъ міоценовыхъ обитателей Кантала, и потому всѣ дальнѣйшія соображенія относительно физическихъ свойствъ ихъ не имѣютъ подъ собою никакой опоры. Быть-можетъ, эти обитатели были уже столь высоко развиты, что мы безъ всякаго колебанія можемъ дать имъ титулъ „людей“. Такое предположеніе будетъ имѣть ровно столько же вѣроятія, какъ и предположеніе Мортилье относительно нейтральной промежуточной формы.

Если принять во вниманіе тотъ замѣчательный и бросающійся въ глаза фактъ, что техника каменныхъ орудій въ концѣ міоценоваго періода остается неизмѣнной въ теченіе всего пліоценоваго и древняго четвертичнаго періода, то придется придти къ выводу, что культурное развитіе въ тѣ отдаленныя времена совершалось съ крайнею медленностью. Этимъ самымъ, однако, первыя начала культуры отодвигаются далеко назадъ за предѣлы верхняго міоцена, но меньшей мѣрѣ, къ началу третичнаго періода“. Дальнѣйшее развитіе этихъ идей приводитъ Ферворна къ выводу, что кантальская ступень культуры вообще не представляетъ собою «первой утренней зари» культуры. Таковая предполагаетъ, по его мнѣнію, продолжительное развитіе, предполагаетъ существованіе стадіи, когда не было извѣстно приготовленіе кремневыхъ орудій и обиваніе ихъ краевъ, а когда просто брали камни съ поверхности земли и пользовались тѣми формами, въ какихъ они встрѣчаются въ природѣ. Именно, вслѣдствіе этого Ферворнъ предлагаетъ назвать всѣ культурныя ступени отъ міоценовой эпохи до четвертичнаго палеолитическаго періода „археолитическими“ культурными ступенями, а названіе „эолитическихъ ступеней“, которое обыкновенно примѣняютъ ко всѣмъ до-палеолитическимъ находкамъ, онъ относитъ къ ступенямъ культуры, предшествовавшимъ кантальскому періоду. Такимъ образомъ, настоящіе, самые первые начатки культуры мы должны относить къ еще болѣе древнимъ временамъ, при чемъ Ферворнъ предвидитъ, что чѣмъ далѣе каменные орудія отдѣлены отъ насъ во времени, тѣмъ труднѣе будетъ найти слѣды ихъ употребленія или неупотребленія, — эти слѣды должны быть лишь очень слабыми, такъ какъ при большомъ количествѣ матеріала едва ли камни употреблялись долгое время и потому едва ли обладали значительными слѣдами отъ употребленія. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ ожидать, „что и по отношенію къ этимъ слабымъ признакамъ примѣненія камней въ качествѣ орудія нашъ глазъ впоследствии еще будетъ изощренъ“.

И на самомъ дѣлѣ, едва прошелъ годъ съ того времени, какъ ученый міръ былъ пораженъ открытіемъ мѣстонахожденія каменныхъ орудій до міоценоваго времени, — это мѣстонахожденіе превосходило древностью даже столь много заставившее о себѣ говорить Тенэ! Это было Бонселль, въ окрестностяхъ Люттиха, въ Бельгіи; орудія здѣсь были найдены Мункомъ и описаны въ 1907 году А. Рюто. Этотъ ученый, занимающій мѣсто консерватора въ Брюссельскомъ Естественно-Историческомъ Музее, послѣ продолжительной карьеры геолога, посвятилъ себя послѣднее десятилѣтіе изученію каменнаго вѣка и стоитъ въ настоящее время во главѣ „школы сторонниковъ эолитовъ“, которая защищаетъ существованіе третичныхъ и древне-четвертичныхъ каменныхъ орудій. Его многочисленныя работы на эту тему послужили къ значительному углубленію вопроса, но въ то же время являются во многихъ отношеніяхъ спорными и содержатъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, полемическихъ приемовъ, что, къ сожалѣнію, нерѣдко

препятствуетъ ясности и опредѣленности и далеко не способствуетъ разъясненію вопроса.

Расположеніе слоевъ въ Бонселль, именно, въ ямѣ Гонхиръ, слѣдующее: надъ нижне-девонскими отложеніями располагается слой толщиной почти въ метръ, состоящій изъ кусковъ кремня различныхъ размѣровъ, начиная отъ мелкихъ осколковъ и до кусковъ около полуметра въ діаметрѣ. Это и есть тотъ слой, въ которомъ располагаются

Рис. 238. Эолиты изъ Пюи-де-Будьё. Наст. велич.
(По Фернору.)

данныя орудія; незначительные промежутки между кремнями выполнены красной, содержащей песокъ, глиною, которая вмѣстѣ съ обломками кремня представляетъ собою остатокъ прежнихъ мѣловыхъ слоевъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выщелоченныхъ неглубокимъ моремъ. Надъ этимъ слоевъ громоздятся до вышины 15 метровъ морскіе пески, олигоценовой эпохи, которые, въ свою очередь, прикрыты пліоценовыми слоями. Рюто, въ соотвѣтствіи съ этимъ, считаетъ горизонтъ съ кремнями „по меньшей мѣрѣ, принадлежащимъ къ среднему олигоцену“ и, такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ

ни на чемъ не основанное предположеніе объ еще болѣе раннемъ возрастѣ, быть-можетъ, эоценовомъ, мы должны признать, что человѣческій родъ существовалъ въ олигоценѣ, слѣдовательно, во времена еще болѣе древнія, чѣмъ въ Тенз. Притомъ отложенія здѣсь отличаются „такою мощностью и опредѣленностью“, какой далеко не имѣютъ тамъ. Если указанный изслѣдователь и приводитъ это въ качествѣ „труднаго вопроса“, то самъ онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что дѣло касается „настоящихъ эолитовыхъ орудій“,—онъ называетъ ихъ „фатніенскими“ и находитъ среди нихъ безъ труда (несмотря на то, что имъ было вынута лишь около 3 куб. метровъ слоя) всѣ извѣстные типы эолитовъ: камни, служившіе для обиванія, наковальни, ножи, скобели, скребки, сверла и камни для метанія. Камни для обиванія представляютъ собою многогранные куски кремня, которыми непосредственно ударяли по другимъ кремнямъ, и которые во многихъ случаяхъ представляютъ собою нѣчто въ родѣ топоровъ „столь ясно и хорошо выраженныхъ, какъ только это возможно“,—они употреблялись преимущественно правой рукой. Иногда они заострены. Къ нимъ присоединяются наковальни, обитыя по краямъ, и настоящіе ножи, т.-е. болѣе или менѣе длинные клинки, утолщенные на спинкѣ, тогда какъ противолежащее тонкое лезвіе снабжено ретушью, указывающею на употребленіе орудія въ качествѣ ножа. Скобели обыкновенно состоятъ изъ овальныхъ обломковъ или осколковъ и несутъ иногда выемки или являются двойными. Среди орудій „смѣшанныхъ типовъ“ мы должны отмѣтить тонкія заостренные орудія; особенно хорошо представлены также каменные скребки или сверла (рис. 239). Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, первобытные обитатели Бонселль умѣли уже превосходно готовить „эолитическія орудія“, Рюто полагаетъ, что они, по всѣмъ вѣроятіямъ, знали и огонь, хотя не умѣли еще его добывать. Такимъ образомъ, Рюто приходитъ къ выводу, что уже въ олигоценовую эпоху были существа, достаточно развитыя, „чтобы пользоваться совершенно ясно выраженными и разнообразными орудіями“. Что же представляло собою это развитое въ духовномъ отношеніи существо, — предка ли человѣка, или настоящаго человѣка? Рюто въ первомъ своемъ сообщеніи о находкахъ Бонселля оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, въ позднѣйшей же работѣ высказывается съ полной опредѣленностью за существованіе „олигоценоваго человѣка“, при чемъ не останавливается даже и передъ характеристикой духовнаго развитія этихъ древне-третичныхъ нашихъ предковъ. Мы приведемъ здѣсь вкратцѣ эти его соображенія: „Въ Бонселль видно, что эти орудія, какъ они ни рудиментарны (ибо они состоятъ изъ простыхъ осколковъ кремня), все же въ общемъ соответствуютъ нашему современному инвентарю орудій, который, правда, въ усовершенствованномъ видѣ оказывается достаточнымъ для изготовленія самыхъ грандіозныхъ локомотивовъ и пароходовъ. И если мы, такимъ образомъ, уже въ олигоценовую эпоху видимъ столь интересныя и опредѣленные слѣды интеллигентности,—спрашивается, какъ далеко мы должны отойти назадъ, къ какимъ давнимъ временамъ вернуться, чтобы открыть самыя основныя черты первыхъ представителей человѣчества? Уже на этой зарѣ жизни отдѣльные представители человѣческаго рода были настолько развиты, что думали объ облегченіи труда своихъ рукъ примѣненіемъ рѣжущихъ обломковъ камня, — одни изъ этихъ обломковъ позволяли имъ производить болѣе сильные удары, чѣмъ просто своими кулаками, другіе позволяли лучше скрести, чѣмъ своими ногтями, третьи—лучше сверлить, чѣмъ пальцами, и лучше догонять прыткую дичь, чѣмъ съ помощью своихъ ногъ и рукъ. Послѣ того, какъ сдѣлано было это основное открытіе, стремленіе къ подражанію проявилось во всѣхъ представителяхъ того времени; это представленіе настолько поднимало человѣ-

чество надъ окружающимъ животнымъ міромъ, что оно долгое время думало, что достигло высшаго прогресса. Дѣйствительно, мы видимъ въ теченіе долгихъ періодовъ времени, именно въ теченіе всей остальной части олигоценовой эпохи, затѣмъ въ теченіе міоценовой, пліоценовой и всей древней четвертичной эпохи, что население земного шара сохраняетъ безъ измѣненія это пріобрѣтеніе своихъ предковъ. Лишь около конца

Рис. 239. Олигоценовыя каменные орудія изъ Бонселля («фагнненскія» орудія).

a—много употреблявшійся молотъ. *b*—наковальня. *c*—ножь. *d*—скребокъ. *e*—двойной скребокъ. *f*—заостренный обломокъ. *g*—большой скребокъ. *h*, *i*—сверло. $\frac{2}{3}$ наст. велич.

(По Рюто.)

древне-четвертичнаго времени, когда послѣдніе представители эолитической культуры населяли центральную Европу, появляются первые проблески новаго міра, управляемаго иными духовными принципами. Тогда, мы видимъ, человѣчество переходитъ къ настоящей обработкѣ камней, къ изготовленію специально приспособленныхъ орудій желаемой

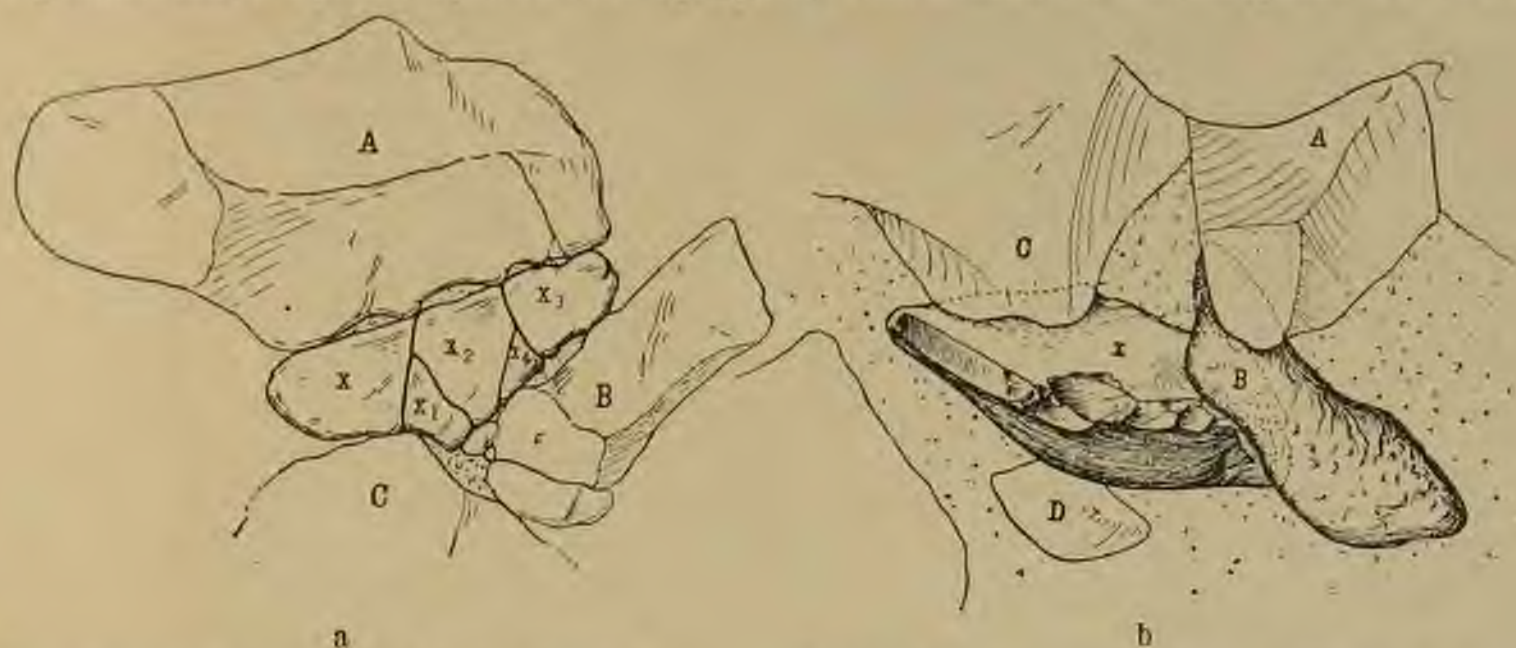
формы (авторъ подразумѣваетъ начало нашего древне-палеолитическаго періода). Однако, уже и въ самыя отдаленныя времена, въ какія мы знаемъ нашихъ предковъ, мы наблюдаемъ, что у нихъ была довольно сложная промышленность,—у нихъ вырабатывалось, по меньшей мѣрѣ, 7 или 8 родовъ орудій, приспособленныхъ къ совершенно опредѣленному употребленію. Положительно можно сказать, что духовное напряженіе, которое было необходимо для того, чтобы поставить человѣка на уровень эолитической культуры, было столь велико, что оно на неизмѣримый періодъ времени парализовало дальнѣйшій прогрессъ уметвеннаго развитія. Такимъ образомъ мы вплоть до четвертичнаго періода наблюдаемъ человѣчество какъ бы въ полномъ застоѣ уметвеннаго развитія,—человѣчество, проявляющее совершенно исключительный консерватизмъ, и невольно является искушеніе сравнить это возникающее человѣчество съ современными государствами пчель и муравьевъ, обнаруживающими весьма сложные нравы и дѣятельность. Лишь по окончаніи столь долгаго періода застоя начинаетъ не внезапно, но довольно быстро разгораться новая искра прогресса. Спрашивается, что же было съ искусствомъ? Къ сожалѣнію, при первомъ своемъ проявленіи оно оказывается въ тѣсной связи съ фетишизмомъ, со страстью къ господству, съ нелѣпыми суевѣріями и даже съ каннибализмомъ. Дикость и грубость отмѣчаютъ эту вторую ступень развитія,—каменные орудія палеолитическаго періода представляютъ собою почти исключительно оружіе, употреблявшееся человѣкомъ въ борьбѣ съ себѣ подобными. Такимъ образомъ, какъ только искра генія коснулась прогресса, какъ только повела она къ усовершенствованію человѣческаго мозга, такъ тотчасъ же появились и всевозможныя смертоносныя орудія: дубины, кинжалы, мечи, наконечники копій и стрѣлы,—и они сохранились вплоть до изобрѣтенія пороха.

„Таковы характерныя черты второго періода развитія человѣчества, который начинается въ серединѣ четвертичнаго періода и, развиваясь и совершенствуясь, продолжается до середины XVIII столѣтія по Р. Хр., т.-е. до той эпохи, когда начали развиваться научныя методы. Тогда, отказавшись отъ нелѣпыхъ, исключительно идейныхъ ученій (метафизики?), человѣчество перешло въ область реальныхъ фактовъ и стало опираться на наблюденія постоянныхъ и подверженныхъ контролю явленій. Такимъ образомъ теперь наши надежды направлены на третій родъ развитія человѣческаго духовнаго міра—на развитіе большей терпимости, любви къ истинѣ и справедливости“.

Эта „философія“ Рюто, конечно, вызоветъ лишь улыбку сожалѣнія на устахъ философовъ-спеціалистовъ. Что касается насъ, то мы принуждены уже были признать „убійственныя мечи и кинжалы шельской эпохи“ совершенно безвредными фальсификаціями и, подвергшись въ свое время со стороны Рюто и нѣкоторыхъ другихъ его сторонниковъ за наше критическое отношеніе къ вопросу объ эолитахъ непосредственнымъ оскорбленіямъ и заподозриваніямъ, не можемъ никакъ не усомниться, что теперь дѣйствительно наступаетъ эра „справедливости, мудрости“ и тѣмъ менѣе „терпимости“. Для насъ это было бы возможно развѣ лишь при допущеніи, что „школа эолитовъ“ обнаруживаетъ еще въ довольно сильной степени духовный атавизмъ.

Ожиданія Ферворна, что за предѣлами міоценоваго времени будутъ найдены орудія „пре-археолитическія“, было, слѣдовательно, опровергнуто находками Бонселля, такъ какъ и здѣсь, по Рюто, техника стояла на уровнѣ эолитической культуры, каковую мы видѣли въ Канталѣ, и даже на еще болѣе позднихъ ступеняхъ развитія. Тѣмъ неожиданнѣе кажется намъ отвѣтъ Ферворна, который самъ въ 1909 году производилъ раскопки въ Бонселлѣ. Ни онъ, ни его спутники не могли убѣдиться въ томъ, „чтобы здѣсь дѣйствительно имѣлись орудія, обработанныя человѣкомъ. Зато

наши собственные раскопки — и шеть онъ — дали иной, чрезвычайно цѣнный и совершенно опредѣленный результатъ, именно, указали тотъ факторъ, который совершенно неорганическимъ путемъ производитъ продукты, описывавшіеся неоднократно въ каче-

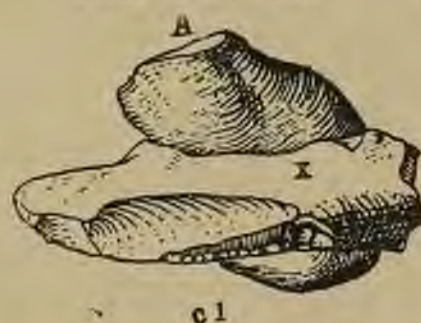
а
Положеніе кремней въ слоѣ. Большой камень А давить на средній (x и т. д.), который покоитя на камняхъ С и В и давленіемъ большого раздавленъ на 5 кусковъ (x—x₅). Около 1/2 наст. вел.

б
Положеніе камня въ слоѣ. Большой камень А давить на твердую гальку В и этимъ давленіемъ производить ретушь одного изъ краевъ кремня x. Около 1/2 наст. вел.

ствѣ „эолитическихъ орудій“ и дѣйствительно обнаруживающіе особенности, которыя встрѣчаются на настоящихъ орудіяхъ“. Этотъ факторъ — давленіе, которое производятъ камни въ данномъ слоѣ другъ на друга. „Здѣсь въ Бонселлѣ я могъ путемъ тонкой препаровки расположенія камней въ томъ видѣ, какъ они лежатъ въ слоѣ, получить доказательство того, что они, дѣйствительно, вследствие взаимнаго давленія, во-первыхъ, даютъ осколки типичнаго вида (рис. 240, a); во-вторыхъ, ряды одностороннихъ мелкихъ осколочковъ (рис. 240, b) и, въ-третьихъ, куски кремня съ выбоинами въ видѣ скобелей съ выемкой (рис. 240, c)“.

Ферворнъ прослѣдилъ все образованіе предполагаемыхъ камней, служившихъ для обколачиванія, осколковъ кремня и скребковъ, и не могъ найти среди кусковъ кремня похожихъ на орудія ни одного, о которомъ можно было бы сказать съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что онъ произошелъ не

вслѣдствіе естественнаго механическаго давленія. Точно также и въ тѣхъ коллекціяхъ изъ Бонселли, которыя находятся въ Брюссельскомъ музеѣ, не обнаружилось ни одного куска, относительно котораго съ увѣренностью можно было бы утверждать, что онъ не могъ произойти путемъ такого давленія. „Намъ не удалось найти кремней съ такой комбинаціей признаковъ, чтобы мы были вынуждены признать ее продуктомъ дѣятельности человѣка“. Кроме того, Штейнманъ предполагаетъ относительно находокъ Бонселли, что матеріалъ этотъ былъ вымытъ прибоемъ моря, распространявшагося въ началѣ верхняго олигоцена по всему плоскогорію отъ Отъ-Фанъ; затѣмъ онъ былъ этимъ при-

с1
Положеніе камня въ слоѣ. Твердая галька А вдавлена въ край кремня и произвела такимъ образомъ «ретушь» въ родѣ выгнутого скобеля. Въ эту выемку галька точно приходится.

с2
Кусокъ кремня съ «ретушью» съ «ретушированной» стороны.

Рис. 240. Естественное раскалываніе кремней въ Бонселлѣ.
(По Ферворну.)

боемъ разбитъ и отложенъ вмѣстѣ съ песчаными цементирующими веществами въ видѣ конгломерата. „При этомъ процессѣ желваки кремня неоднократно разбивались отъ удара другъ о друга на большіе или меньшіе куски, отбивались также ихъ углы и ребра, такъ что возникали осколки различныхъ размѣровъ и различнаго рода“. Настоящее закругленіе угловъ произошло лишь въ ограниченномъ количествѣ случаевъ, такъ какъ здѣсь господствовалъ морской прибой, который переносилъ эти обломки внутрь опустившагося затѣмъ материка, и, слѣдовательно, они лишь короткое время могли тереться другъ о друга, — при этомъ они разбивались и обивали свои углы и ребра; образованіе изъ нихъ брекчій относительно скоро защищало ихъ отъ обкатыванія. Мы пока довольствуемся тѣмъ, что отмѣчаемъ этотъ значительный шагъ назадъ, сдѣланный Ферворномъ, который, само собою разумѣется, въ своихъ собственныхъ „археолитахъ“ Кантала въ настоящее время, какъ и раиѣ, признаетъ присутствіе всѣхъ „комбинацій“ признаковъ, которыхъ не находитъ въ Бонселлѣ!

Къ концу третичной эпохи относятся слои эолитовъ мѣлового плоскогорія Кента въ южной Англій. Они принадлежатъ къ среднему пліоцену и стали извѣстны со времени изслѣдованія Прествича. Нѣсколько болѣе молодымъ, именно принадлежащимъ къ верхнему пліоцену, является чрезвычайно богатое мѣстонахожденіе Сень-Прэ въ департаментѣ Эйры и Луары, — оно было изслѣдовано Лавиллемъ и описано Рюто. Того же возраста эолитовые слои Кромеръ-Форестъ-Бада въ юго-восточной Англій открыты Льюисомъ Эбботомъ. Они относятся уже къ эпохѣ распространія южнаго слона; приводитъ изображенія сдѣланныхъ тамъ находокъ мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ эти орудія совершенно соответствуютъ тѣмъ, которыми изображены нами выше изъ древнихъ третичныхъ слоевъ.

Конецъ эолитовъ относится къ четвертичному періоду. Рюто на основаніи бельгійскихъ мѣстонахожденій раздѣлилъ періодъ эолитовъ на рядъ ступеней. Этотъ рядъ начинается рѣтельской эпохой, названной такъ по мѣстечку Рѣтель въ области Беселеръ къ востоку отъ Ипра. За этой ступеню, представленной въ особенности орудіями, найденными въ долигѣ рѣки Лисъ, слѣдуетъ маффлійская эпоха, получившая названіе отъ селенія Маффли близъ Ата; эта ступень развита въ долинахъ рѣкъ Энъ, Оано, Труилль, Самбръ и Граидъ-Гестъ. Еще новѣе наносные слои, образующіе мевиньскую ступень, установленную еще Дельво по мѣстности Мевинь. Она особенно хорошо представлена въ ямахъ для добыванія песка между общинами Спіенскою и Сень-Симфорьенскою, при чемъ важнѣйшимъ мѣстонахожденіемъ является яма Гелинъ, которая постоянно упоминается въ работахъ Рюто. Здѣсь надъ мевиньскими слоями, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ заключается цѣлый рядъ настоящихъ обработанныхъ каменныхъ орудій („ранней шельской эпохи“, см. стр. 130), располагаются слои настоящаго древне-палеолитическаго періода съ ручными топорами. Последнюю ступень образуютъ стрепійскія отложенія, названныя по имени селенія Стрепи въ долигѣ Энъ; по представленіямъ Рюто эта ступень образуетъ переходъ къ настоящему четвертичному палеолитическому періоду и на самомъ дѣлѣ должна считаться таковой (стр. 165). Четвертичные эолиты такъ же ничѣмъ не отличаются отъ третичныхъ предшественниковъ. Правда, относительно геологическаго толкованія ихъ положенія въ слояхъ, даваемого Рюто, я могу возразить весьма многое на основаніи собственныхъ изслѣдованій въ Бельгіи; здѣсь, однако, можно оставить это въ сторонѣ, такъ какъ вопросъ этотъ не затрагиваетъ собственно эолитовъ.

Идеи Рюто нашли и за предѣлами Бельгіи нѣкоторыхъ воодушевленныхъ сторонниковъ; такъ, во Франціи они поддерживались Балла, Тіелленомъ, Дюбю-

сомъ и др., временно ихъ поддерживалъ и Капитанъ, имѣлись защитники этихъ идей и въ Англии и въ Америкѣ. Въ Германіи за послѣдніе годы они встрѣтили поддержку со стороны Клааха, Гане, Краузе, Ферворна и Штейнманна, тѣмъ болѣе, что ихъ поддерживали нѣкоторыя находки въ сѣверо-германскихъ четвертичныхъ наносахъ. Далѣе, четвертичныя эолиты были найдены въ Сициліи, въ Тунисѣ и въ Египтѣ, въ южной Африкѣ, въ Индіи и въ Австраліи, при чемъ почти во всѣхъ случаяхъ дѣло касалось находокъ въ наносахъ, и эти орудія имѣли вышеописанные признаки.

Для того, кто склоненъ признавать безчисленные третичныя эолитическія орудія дѣломъ рукъ человѣческихъ и вѣрить въ „милліоны употреблявшихся человекомъ обломковъ кремня въ четвертичныхъ наносахъ Сены, Марны и другихъ рѣкъ“ (Рюто), мыслимо, конечно, представлять себѣ существованіе и украшеній и проявленій искусства у людей эолитической культуры. „Камни для украшеній“ этихъ существъ были особенно подробно изслѣдованы Тіелленомъ въ Парижѣ. Наносы Сены, которыми усыпаны дорожки парковъ Парижа, дали ему тысячи „каменей геометрической формы“, частью кубиковъ, частью треугольниковъ, параллелепипедовъ и т. п. Камни эти обыкновенно сильно обкатаны и, по мнѣнію названнаго автора, получили такую форму благодаря обработкѣ человѣка „для неизвѣстныхъ цѣлей“. Къ нимъ примыкаютъ „естественно или искусственно просверленные гальки“, которыя примѣнялись будто бы въ качествѣ подвѣсокъ. На самомъ дѣлѣ эти гальки съ совершенно естественными отверстіями должно разсматривать какъ простую игру природы. Стоило сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ, чтобы предположить и существованіе эолитическихъ „скульптурныхъ произведеній“. Тіелленъ называетъ ихъ „фигурными камнями“, подразумѣвая подъ этимъ естественныя желваки кремня или обломки его, имѣющіе случайно формы, которыя болѣе или менѣе соответвуютъ формамъ какого-либо животнаго или человѣка. Такіе камни бросались въ глаза первобытному человѣку, и онъ совершенствовалъ ихъ обработкой, такъ что получалась довольно похожая „статуэтка“. Въ глазахъ владѣльца такія произведенія имѣли высокую цѣну, быть-можетъ, считались даже фетишами или идолами божествъ. Такія толкованія вовсе не новы,—они восходятъ еще къ Буше-де-Перту, который высказывалъ такіе же точно взгляды. Цѣлую серію такихъ камней, имѣющихъ форму человѣка или животныхъ, опубликовалъ Исаія Дервентъ подъ заглавіемъ „Первыя скульптурныя опыты доисторическаго человѣка“ (Руанъ, 1902 г.). Въ этомъ сочиненіи приводится изображеніе цѣлаго ряда скульптурныхъ объектовъ изъ древне-четвертичныхъ отложений сѣверной Франціи, въ томъ числѣ 14 головъ человѣка, 13 человѣкоподобныхъ масокъ, 4 человѣческихъ черепа, 8 головъ обезьянъ, 1 зародышъ птицы, 6 головъ кабана, 1 морской конекъ и т. д. (рис. 241). Сходство многихъ изъ этихъ объектовъ съ приписываемымъ имъ толкованіемъ не подлежитъ сомнѣнію, но если представить себѣ, какое безконечное множество камней даетъ каждая яма для добыванія песка, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что между ними можно выбрать и самыя фантастическія по формѣ камни; вѣдь совершенно подобную же забаву можно было бы предпринять по отношенію къ формѣ облаковъ на небѣ! Далѣе совершенно непонятно, какимъ образомъ собирателямъ этихъ рѣдкостей не пришло въ голову, что четвертичная фауна Франціи не имѣла въ своемъ составѣ моделей, которыя могли бы послужить человѣку для изготовленія изображеній гориллы, различныхъ породъ собакъ или морского конька! Такъ называемая обработка человекомъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи совершенно случайнымъ результатомъ естественныхъ толчковъ и давленій. Рюто точно также заявляетъ, что четвертичныя

„фигурные камни“ Тисслена и Дервента кажутся ему не убѣдительными. Онъ не можетъ не отмѣтить, что эти авторы „постоянно приводятъ въ примѣръ собакъ, птицъ и оленей“, тогда какъ главными представителями животнаго царства ледниковаго періода были мамонты, дикія лошади, сѣверные олени и зубры, и потому, конечно, въ тѣ времена эти животныя были гораздо ближе къ человѣку и скорѣе могли быть имъ изображены. Еще болѣе изумленъ онъ тѣмъ, что въ міоценовыхъ наносахъ Капталя, содержащихъ эолиты, встрѣчаются тѣ же самыя „собаки, лошади и птицы“, какъ въ

а

б

Рис. 241. Древне-четвертичные «фигурные камни».

а—жаба, б—голова обезьяны. Наст. вел. (По фотографіи.)

четвертичный періодъ, что, конечно, совершенно уже не соответствуетъ представлению о третичной фаунѣ. Такимъ образомъ, онъ предостерегаетъ противъ дѣлаемыхъ данными авторами выводовъ, которые въ сущности являются лишь дальнѣйшими слѣдствіями примѣненія его собственного принципа „постояннаго подбора наилучшихъ объектов“.

Впрочемъ, намъ извѣстны теперь даже и эоценовые эолиты! Они открыты уже довольно давно, но до послѣдняго времени замалчивались. На нихъ указалъ еще въ 1885 году Адриенъ Арселинъ, когда онъ описывалъ эоценовые слои Маконна, особенно богатые включеніями кусковъ кремня, на которыхъ находятся слѣды дѣйствія различныхъ физическихъ и механическихъ вліяній. Нѣкоторые изъ этихъ кусковъ почти совершенно разложились, другіе обкатаны, третьи разбиты различнымъ образомъ, въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, совершенно не затронуты. Тамъ можно найти кремни съ естественными слѣдами ударовъ, многогранные куски, куски въ видѣ настоящихъ ножей и т. п. Въ качествѣ курьеза Арселинъ упоминаетъ о скребкѣ, который по совершенству своего выполненія можетъ быть признанъ даже неолитическимъ. Онъ состоитъ изъ эоценоваго обломка, но находящаяся на немъ ретушь, болѣею частью, свѣжая,—она является про-

дуктомъ давленія, происходящаго, какъ оказалось, вслѣдствіе того, что при современномъ добываніи песка галька скользила по торчащему краю, который и обшлифовывался совершенно правильно съ одной стороны. Здѣсь, слѣдовательно, давно уже наблюдалось и было описано то, чего коснулся Ферворнъ въ 1906 году: „я могу себѣ представить,—писалъ онъ,—что, напримѣръ, куски кремня съ острыми краями выдаются изъ глины, и что сверху на нихъ скатываются массы гальки,—въ этомъ случаѣ по выдающемуся краю должны образоваться направленные въ одну сторону выбоинки какъ бы отъ ударовъ. Или я могу себѣ представить также, что вслѣдствіе давленія куски кремней съ острыми краями придавливаются въ опредѣленномъ направленіи къ массамъ гальки или песка, такъ что по краю получаютъ направленные въ одну

сторону изломы, вслѣдствіе отдѣленія осколковъ. Но если это иногда и случается, то все же образующіяся такимъ образомъ, направленные въ одну сторону выбоинки по краямъ камня въ такой же степени не могутъ служить доказательствомъ, говорящимъ

Рис. 242. Эоценовые эолиты изъ Дюана.

1—6—обломки, имѣющіе форму заостренныхъ орудій и ножей. 3—обломокъ со слѣдами удара. 7—обломокъ съ тонкою ретушью края у а. 8—типическій скребокъ. (Наст. вел.)

за обработку его человѣкомъ, какъ не могутъ служить такимъ доказательствомъ выпуклости, получающіяся отъ удара, или другіе признаки удара“. Для эолитовъ изъ Бонселля Фервориъ долженъ былъ это самъ непосредственно признать въ 1909 году.

Далѣе коллекція эолитовъ имѣется въ École des Mines въ Парижѣ; она добыта

въ древнихъ эоценовыхъ слояхъ Дюана, недалеко отъ Бру въ департаментѣ Эйры и Луары, Лавиллемъ, который, однако, истолковывалъ ее самъ далеко не въ смыслѣ ученія объ эолитахъ. Среди этихъ находокъ особенно поразительными являются нѣкоторые ножи и чрезвычайно типичный скребокъ (рис. 242)—при систематическихъ раскопкахъ, несомнѣнно, удалось бы найти еще болѣе богатый матеріалъ. Что эти древнія, происшедшія отъ вывѣтриванія глины Дюана являются не миоценовыми, какъ мы первоначально предполагали,—это было мною исправлено уже въ другой работѣ.

Еще болѣе важнымъ является мѣстонахожденіе, описанное Брейлемъ въ 1910 году, которое мнѣ самому удалось изучить подъ руководствомъ этого изслѣдователя въ 1909 году. Это былъ большой разрѣзъ рѣчного наноса въ Белль-Ассизъ недалеко отъ Клермона въ департаментѣ Уазы. Здѣсь надъ мѣловыми отложениями располагается сперва происшедшій отъ вывѣтриванія глины слой со многими включеніями кремней,—этотъ слой и содержитъ интересующія насъ находки, перемежающіяся съ прослойками песка и гравія. Надъ нимъ располагается толстый слой песковъ Браше, принадлежащихъ къ эоцену, такъ что нани кремни, которые располагаются глубже, должны считаться, по меньшей мѣрѣ, принадлежащими къ древнему эоцену. Кверху отъ нихъ находятся сильно обкатанные пліоценовые и четвертичные галечники и, наконецъ, слой современнаго перегона. Если изслѣдовать кремневые включенія слоя, происшедшаго отъ вывѣтриванія мѣла, то среди нихъ можно открыть множество кремней, обладающихъ всеми признаками искусственной обработки и ретуши. Среди нихъ имѣются объекты съ сильно выглаженными сторонами и съ толстой корой, которая доказываетъ, что изломъ относится къ очень давнему времени — болѣе давнему, чѣмъ отложения песковъ Браше, соприкосновеніе съ которыми ихъ видоизмѣнило. Большая часть этихъ обломковъ оказывается совершенно недавно разбитой, и при тщательной выемкѣ ихъ можно наблюдать все стадіи ихъ естественнаго разложенія. Нерѣдко крупныя обломки, отдѣленные давленіемъ, и мелкіе осколки находятся еще въ связи съ тѣмъ кускомъ, изъ котораго образовались, и отдѣляются лишь въ тотъ моментъ, когда послѣдній пробуютъ вынуть. Какія превосходныя серіи каменныхъ орудій можно получить изъ этого матеріала, показываетъ табл. XXVI. Мы находимъ тамъ длинныя цилиндрическіе куски съ поверхностью, получившеюся отъ удара и съ отдѣлившимися слѣдами пластинокъ, вполне подражающіе настоящимъ кускамъ кремня, служащимъ для приготовленія каменныхъ орудій (рис. 1, 2), находимъ „долота“, съ поперечнымъ лезвіемъ на одномъ концѣ (рис. 3), нерѣдко имѣются внизу или сбоку выемки (рис. 4) и тупыя острія, какъ у сверлъ (рис. 5). Кусокъ кремня, изображенный на рис. 6, имѣетъ угловатое острие и вдоль лезвія красивую одностороннюю ретушь, встрѣчаемую часто у скребковъ,—она тянется по всей его ширинѣ и точно также удивительно выраженной является на кускахъ, изображенныхъ на рис. 7 и 8. Плоскіе желваки кремней даютъ такъ же весьма разнообразныя формы, угловатыя рѣзцы, прямыя скребки (рис. 9), скребки съ выемкой (рис. 10), обработанныя со всехъ сторонъ дисковидныя орудія (рис. 11) и массивныя заостренныя топоры трехсторонней „обработки“ (рис. 12). Очень различны по формѣ неправильныя обломки кремня (рис. 13), среди которыхъ имѣются красивыя острія и ножи, короткіе скребки и широкіе скобели (рис. 14). Выпуклости отъ удара и все другія явленія, связанныя съ ударами (рис. 236, стр. 445), наблюдаются на всехъ этихъ кремняхъ; среди нихъ имѣются и продолговатыя обломки въ видѣ пожей (рис. 15 и 16). Весьма замѣчательнъ толстый заостренный обломокъ, изображенный на рис. 17, съ прекрасною ретушью и сверло (рис. 18 и 19). Типы скребковъ дѣлятся на косые, прямолинейно-поперечныя (рис. 20) и круглыя скребки, иногда съ симметрич-

ною многостороннею ретушью (рис. 21). Исключительно совершенные объекты мы находимъ, наконецъ, въ видѣ мелкихъ рѣзцовъ (рис. 22) и скребковъ (рис. 23) — они могли бы съ честью занять мѣсто въ любой коллекціи орудій магдаленской эпохи. Какъ ни поразительна эта серія, все же не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ это отмѣчаетъ и Брейль, что мы имѣемъ здѣсь исключительно вполне естественные обломки кремня, происшедшіе механически. Все это — обломки, которые образовались въ слѣдствіе раскалыванія кремней внутри эоценоваго слоя, — тамъ же они получили и свою тонкую „ретушь“, — причиною такой обработки является просто давленіе земли и ея болѣе грубыхъ и болѣе мелкихъ составныхъ частей, — процессъ, который происходилъ еще до эоценоваго времени, какъ на это указываетъ толстая кора, покрывающая обломки; этотъ процессъ продолжается и до настоящаго времени, какъ это ясно изъ болѣе или менѣе свободно лежащихъ недавно растрескавшихся кусковъ кремня.

Теперь спрашивается, каково отношеніе защитниковъ эолитовъ ко всѣмъ этимъ находкамъ? Глава таковыхъ, Рюто, имѣлъ однажды случай получить хорошій подборъ такихъ объектовъ изъ серіи, найденной въ Белль-Ассизѣ, при чемъ ему дали ихъ безъ указанія на стратиграфическое положеніе, прямо такъ, какъ они были, и спросили о его мнѣніи. Его заключеніе гласило, что эолиты эти столь прекрасно выражены, что относятся, несомнѣнно, къ переходу отъ эолитическаго періода къ палеолитическому, именно къ такъ называемой стрепіенской стадіи, которая соотвѣтствуетъ древне-шелльской эпохѣ Франціи. Во всѣхъ ихъ формахъ отражается даже будто бы заря палеолитическаго періода! Впрочемъ, Рюто съ полною откровенностью не скрывалъ, что нахожденіе данныхъ объектовъ въ эоценовыхъ слояхъ вызываетъ у него нѣкоторое безпокойство.

Изъ тѣхъ же самыхъ геологическихъ горизонтовъ происходятъ и превосходные эолиты Коммона, собранные въ Лио у Кревъ-Кера въ департаментѣ Уазы и въ Эше въ департаментѣ Соммы, — находки, относительно которыхъ Рюто полагалъ, что „никому и въ голову не придетъ приписывать ихъ человѣку“. Такимъ образомъ, въ настоящее время теорія эолитовъ разрослась въ величественное сооруженіе. Эпоха эолитовъ охватываетъ слѣдующія стадіи:

А. Третичный періодъ.

1. Белль-Ассизъ и Дюанъ — древній эоцень.
2. Бонселль — средний олигоценъ („фагніенская стадія“).
3. Тенэ — верхній олигоценъ („тенейская стадія“).
4. Пюи-Курни и Отта — верхній міоценъ („кантальская стадія“).
5. Плато Кента — средний пліоценъ („кентская стадія“).
6. Сень-Прэ и Кромеръ-Форестъ-Бэдъ — верхній пліоценъ („сень-престьенская стадія“).

В. Древній четвертичный періодъ.

1. Рейтельская стадія.
 2. Маффлійская стадія.
 3. Месвиньская стадія
 4. Стрпейская стадія
- } отчасти древняя шелльская эпоха.

Теперь намъ предстоитъ важная задача изслѣдовать, насколько эта теорія эолитовъ, а вмѣстѣ съ нею и существованіе третичнаго и ранне-четвертичнаго человѣка можетъ быть обосновано точными дан-

ными изслѣдованіями, и насколько она заслуживаетъ довѣрія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ до нѣкоторой степени въ предыдущей части главы, гдѣ было разсмотрѣно историческое развитіе вопроса объ эолитахъ (стр. 458 и 462).

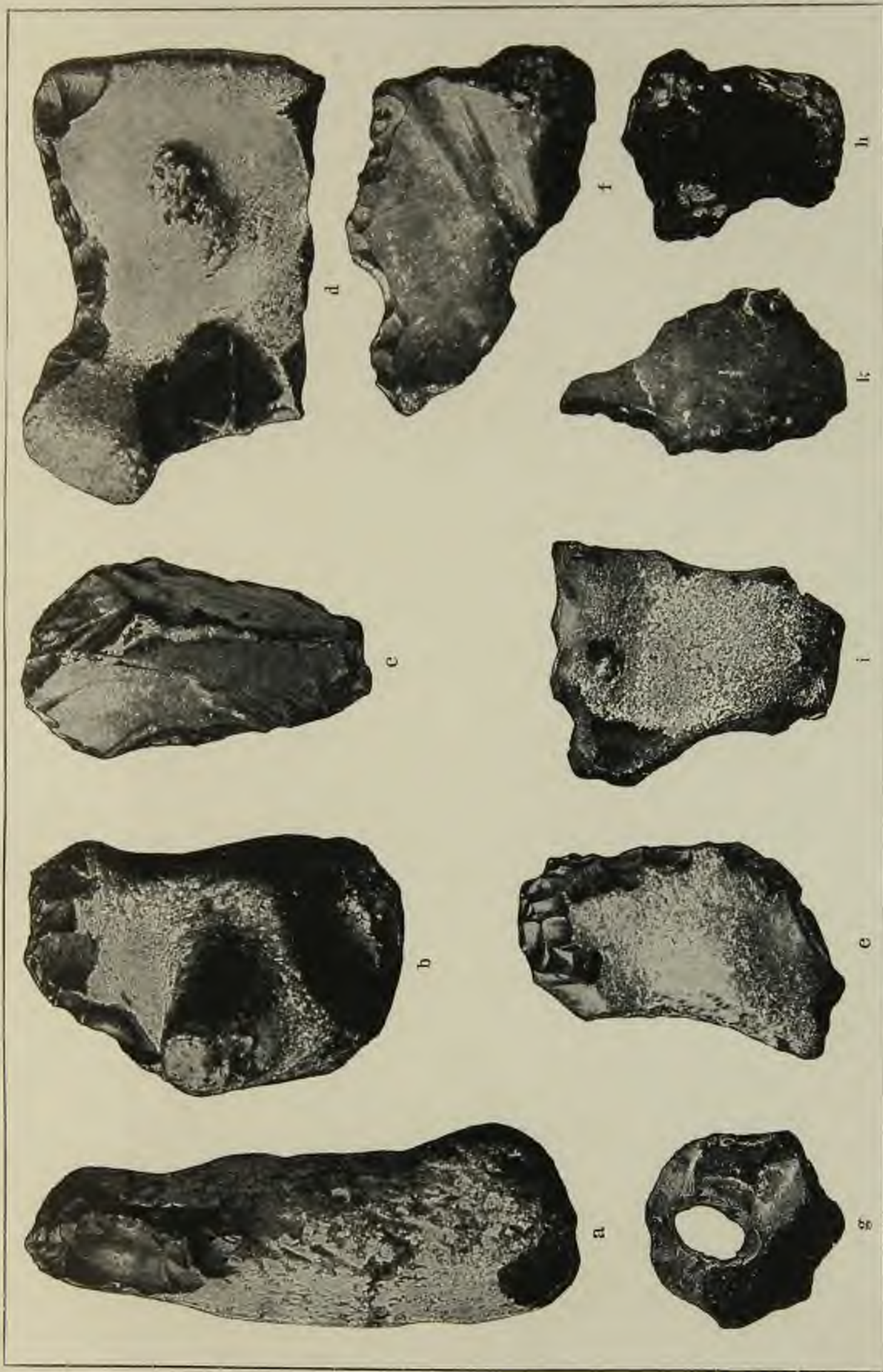
Археологическія соображенія заставляютъ насъ прежде всего требовать, чтобы доказательствомъ фактическаго существованія техники эолитоваго періода была настоящая искусственная обработка камней. Во многихъ коллекціяхъ эолитовъ обнаруживается, однако, что огромное большинство объектовъ дѣйствительно по природѣ своей могутъ быть образованіями искусственными, но надо еще доказать, что они и на самомъ дѣлѣ сдѣланы искусственно. Никто, конечно, не будетъ отрицать, что обитатели „эолитическаго періода“ могли пользоваться продолговатыми каменными ножами и заостренными осколками кремня, которые получались при естественномъ разрушеніи желваковъ кремня чисто-природными силами; никто не станетъ такъ же сомнѣваться въ томъ, что они въ этомъ случаѣ могли снабжать эти кремни ретушью. Если, напримѣръ, энергичный защитникъ эолитовъ Рюто описываетъ изъ Бонселля „каменные молотки, наковальни, ножи, скребки, скобели и сверла“, то легко понять, что эти объекты сами по себѣ, дѣйствительно, могли служить для соответствующихъ цѣлей, которыя имъ приписываетъ названный археологъ; очевидно, этому своему назначенію они могли бы удовлетворять даже и въ настоящее время. Такое теоретическое примѣненіе приписать имъ не трудно,—не слѣдуетъ, однако, забывать, что форма обломка кремня отнюдь недостаточна для того, чтобы признать его настоящимъ искусственнымъ издѣліемъ. Положеніе вещей усложняется еще болѣе, если принять во вниманіе, что эолиты представляютъ собою объекты, выбранные изъ многихъ тысячъ кремней, которые образуютъ всевозможныя переходныя формы къ ничего не говорящимъ обломкамъ и, слѣдовательно, вполне логично могли бы повести и къ признанію за издѣліе человѣка „фигурныхъ камней“ Бушэ-де-Перта, Тіеллена и Дервента. Спрашивается, при какой формѣ излома и при какомъ расположеніи ретуши можно провести границу между природой и искусствомъ человѣка, между правильнымъ истолкованіемъ и областью полной фантазіи? Мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы критическая діагностика, которую требуетъ и примѣняетъ Ферворнъ, и „критическій анализъ данныхъ комбинацій и признаковъ“ былъ подчиненъ всецѣло полному субъективизму, исключаяющему возможность всякой достовѣрности, которая является цѣлью каждаго точнаго изслѣдованія. Поэтому вполне уместно привести слова Капитана, высказанныя имъ по поводу уже упомянутаго изслѣдованія находокъ Тонэ: „Оставимъ въ сторонѣ рѣшительно все остальные аргументы, высказывавшіеся за и противъ—легкость, съ которою держатся эти орудія въ рукѣ, раціональное распредѣленіе ретуши, пользованіе отдѣльными частями камня (краемъ, выемкою, остріемъ), обработку отдѣльныхъ частей и т. п. Все это—аргументы субъективныхъ взглядовъ и чисто теоретическаго характера. Мы должны предостеречь наблюдателей отъ самовнушенія, въ результатъ котораго, въ концѣ концовъ, послѣ изслѣдованія большого числа такихъ кремней, на нихъ удастся найти цѣлый рядъ слѣдовъ обработки человѣкомъ,—на самомъ дѣлѣ, однако, эти слѣды—плодъ чистѣйшаго воображенія, или же они основываются на сильно натянутыхъ толкованіяхъ весьма неопредѣленныхъ признаковъ“.

Обстоятельство, которое далѣе заставляетъ сильно призадуматься, заключается въ томъ, что предполагаемая „издѣлія первобытнаго человѣка“ встрѣчаются въ огромномъ количествѣ и въ опредѣленной пропорціи. По Ферворну, процентное содержаніе несомнѣнно необработанныхъ кусковъ кремня въ Пюи-де-Будье поразительно мало, именно—около 15—20%. Буль утверждаетъ, что въ Оверни, въ Велэ и въ Же-

воданъ, гдѣ онъ изучалъ эти отложенія съ особой тщательностью, въ качествѣ геолога, производящаго съемку, эолиты встрѣчаются въ колоссальномъ количествѣ среди олигоценовыхъ и міоценовыхъ рѣчныхъ галечниковъ на протяженіи сотенъ квадратныхъ километровъ. Не менѣе поразительно количество ихъ въ пліоценовыхъ отложеніяхъ Сень-Прэ, гдѣ около 75% всѣхъ встрѣчающихся тамъ кремней представляютъ собою матеріалъ, „пригодный для музея“. Относительно четвертичныхъ стадій эолитовъ Бельгій Рюто писалъ, что количество объектовъ тамъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ подходишь къ палеолитическимъ отложеніямъ. Маффлійская стадія относится въ смыслѣ числа издѣлій изъ кремня къ месвиньской и къ апшѣльской, какъ 400 : 100 : 10. Если допустить, что введеніе болѣе однородныхъ типовъ повлекло за собою уменьшеніе числа каменныхъ орудій, употреблявшихся ранѣе безъ какой-либо правильности, то все же надо сказать, что цифры эти различаются между собою столь значительно, что даже самъ Рюто могъ объяснить такое уменьшеніе одновременными климатическими измѣненіями, обусловившими „уменьшеніе населенія“. Мощные наносы долины Сены дали ему огромное количество рейтельскихъ, маффлійскихъ и месвиньскихъ орудій въ одномъ и томъ же геологическомъ горизонтѣ. Ради спасенія своей классификаціи онъ принужденъ допустить, что здѣсь три стадіи эолитовъ были сперва раздѣльны, но затѣмъ между собой перемѣшались. Съ этой гипотезой не можетъ согласиться ни одинъ изъ геологовъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ четвертичными отложеніями окрестностей Парижа, такъ какъ здѣсь весьма часто между слоями грубой гальки имѣются прослойки мелкаго песка, заключающіе въ себѣ раковины прѣсноводныхъ моллюсковъ, столь нѣжныя, что онѣ, конечно, были бы уничтожены, если бы происходили подобныя перемѣщенія отложеній. Особенно слѣдуетъ отмѣтить, что требуется слишкомъ богатая фантазія для того, чтобы представить себѣ населеніе эпохи эолитовъ, которое на протяженіи огромныхъ пространствъ пользовалось бы почти каждымъ кремнемъ, встрѣчающимся тамъ, и даже каждый изъ нихъ обрабатывало бы. Это заставляло бы предполагать чрезвычайную густоту и продолжительность существованія населенія, такъ что являлось бы совершенно непонятнымъ, какимъ способомъ въ тѣхъ самыхъ слояхъ, въ которыхъ заключена цѣлая фауна соотвѣтствующей эпохи (въ томъ числѣ даже весьма нѣжные молочные зубы слоновъ), не сохранилось ни малѣйшаго намека на какіе-либо остатки самихъ обитателей эпохи эолитовъ—не сохранилось ни зубовъ ихъ, ни какихъ-либо частей скелета; вѣдь несомнѣнно въ такомъ случаѣ эти обитатели должны были являться наиболѣе часто встрѣчающимся видомъ живыхъ существъ данной области. Мы говоримъ „данной области“, такъ какъ карта распредѣленія населенія, съ точки зрѣнія защитниковъ эолитовъ, представляла бы весьма своеобразную картину. Дѣло въ томъ, что эолиты привязаны не къ опредѣленнымъ станціямъ, а къ опредѣленнымъ областямъ. Можно съ полной опредѣленностью предсказать нахожденіе эолитовъ тамъ, гдѣ кремень находится въ естественныхъ условіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе дислокацій (перемѣщеній въ земной корѣ) претерпѣваетъ смѣщенія, въ особенности же какъ въ болѣе древнихъ, такъ и въ болѣе новыхъ рѣчныхъ наносахъ. Обитатели эпохи эолитовъ жили, слѣдовательно, лишь въ областяхъ „распространенія кремня“. Будучи осѣдлыми, они не ограничивались, однако, опредѣленными рѣзко очерченными станціями, такъ какъ, напримѣръ, рейтельскія отложенія простираются въ одной Бельгій на поверхности 120, а маффлійскіе даже на протяженіи 380 кв. километровъ. Если мы даже допустимъ, что эти народности придерживались береговъ, то все же будетъ непонятно, почему онѣ не использовали своей свободы, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы перейти изъ областей распространенія кремня хотя бы въ не-

посредственно рядомъ лежація области. На самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ рѣшительно не было найдено ни одного золота за предѣлами географическихъ и геологическихъ границъ, отмѣчающихъ естественное распространіе залежей кремня.

Невольно напрашивается мысль, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою скорѣе геологическую, чѣмъ археологическую проблему. Многіе ученые и высказывались съ самаго начала въ этомъ направленіи. Прежде всего Буль въ вышедшей подъ его редакціей „Антропологіи“ указываетъ постоянно на то, что, на основаніи своихъ многолѣтнихъ геологическихъ изслѣдованій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что путемъ естественнаго давленія, обкатыванія и толчковъ на кремняхъ могутъ обнаруживаться такія явленія, которыя придаютъ имъ внѣшній видъ „орудій, сдѣланныхъ человѣкомъ“. Конечно, было не мало и возраженій противъ такой аргументаціи. Поэтому я считаю большою удачею, что Лавиллю, Картальяку, Булю и мнѣ самому удалось въ 1905 году наблюдать экспериментально, что дѣлается съ кремнемъ въ текучей водѣ. Французская „Компанія обработки цемента“ располагаетъ въ Гервиллѣ недалеко отъ Манта, на Сенѣ, большими ломками мѣла, которыя служатъ для того, чтобы добывать отмученный мѣлъ, — затѣмъ онъ смѣшивается съ находящеюся тамъ же глиною и употребляется для изготовленія цемента. Тамонній мѣлъ принадлежитъ къ сенонскимъ отложеніямъ и содержитъ залежи кремней, которые для данной промышленности являются бесполезными и потому, по возможности, эти кремни выбрасываются уже въ самомъ мѣстѣ ломки мѣла. При этомъ, однако, неизбѣжнымъ образомъ мелкіе желваки кремня, вкрапленные безъ какого-либо порядка въ массу чистаго мѣла, попадаютъ незамѣченные на фабрику. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно незатронутыми, заключенными внутри первоначальныхъ слоевъ мѣла кремнями, которые на мѣстѣ ломки, быть-можетъ, получаютъ развѣ лишь ударъ лопатою, если случайно находятся тамъ, гдѣ она ходитъ. Такіе удары ведутъ къ частичному раскалыванію желваковъ кремня, но отнюдь не вызываютъ пріобрѣтенія обломками какихъ-либо болѣе опредѣленныхъ формъ или къ образованію на нихъ ретуши,—въ этомъ мы, само собою разумѣется, убѣдились лично на мѣстѣ. Затѣмъ отломанные куски мѣла бросаются на фабрику въ бассейны, наполненные водою, вышиною въ 1 метръ и діаметромъ въ 5 метровъ, и тамъ продѣлывается процессъ отмучиванія, при которомъ мѣлъ выдѣляется въ видѣ тонкаго ила и освобождается отъ постороннихъ частей, т.-е. прежде всего отъ заключенныхъ въ немъ кусковъ кремня, которые, въ концѣ концовъ, остаются на днѣ среди отмученной массы. Для отмучиванія въ каждомъ бассейнѣ находится нѣчто въ родѣ горизонтальной турбины приблизительно въ 4 метра въ діаметрѣ, и на лопаткахъ этого колеса прикрѣплены желѣзные зубцы въ видѣ граблей; когда колесо приводится въ движеніе паровой машиной, масса воды съ заключенными въ ней кусками мѣла приходитъ во вращеніе и принуждена описывать нѣкоторый спиральный путь при скорости движенія у внѣшняго края въ 4 метра въ секунду—скорости, которая во всякомъ случаѣ не достигаетъ скорости движенія воды въ рѣкѣ при половодѣ. Взаимное треніе кусковъ камней другъ о друга и о зубья колеса обуславливаетъ распусканіе мѣла, и по прошествіи двухъ рабочихъ дней мѣлъ всплываетъ въ водѣ въ видѣ подвѣшенной мути, тогда какъ желваки кремня опускаются на дно. Такимъ образомъ, мы имѣемъ при описанномъ процессѣ искусственный вихрь въ водѣ, въ которомъ желваки кремня катаются, подобно галькамъ, въ водѣ текучей. Зубцы колеса послѣ отдѣленія кремней отъ мѣла не приходятъ уже болѣе въ соприкосновеніе съ ними. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это происходитъ, они вызываютъ лишь изломъ кусковъ, а не отбиваніе отъ нихъ мелкихъ кусочковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ движеніе совершается

Экспериментально полученные золиты изъ Манта.

a—молотокъ, *b*—скребокъ, *c*—тонкій ножъ-скребокъ, *d*—типичный вогнутый скребокъ ретушированный, *e*—тонкій скребокъ, *f*—скребокъ съ выемкой, *g*—подвѣсокъ (украшение), ретушированный со всѣхъ сторонъ, *h*—скребокъ съ ручкой, *i*—скребокъ съ ручкой болѣе тонкій, *k*—сверло съ тонкою двустороннею ретушью.

(По Булю и Обермайеру).

въ томъ же направленіи, какъ движеніе воды. Весьма существенно, однако, треніе кремней другъ о друга. Сталкиваясь между собою и перекатываясь другъ черезъ друга, они производятъ такой брякающій шумъ, какой перѣдко можно слышать въ быстро текущихъ горныхъ ручьяхъ отъ ударовъ гальки о гальку. Само собою разумѣется, что эти направленные съ разныхъ сторонъ удары не могутъ остаться безъ вліянія на образованіе изломовъ и на откалываніе отдѣльныхъ кусковъ у столь склоннаго для этого кремня: желваки кремня, попадающіе въ бассейнъ цѣльными или, самое большее, просто разломанными, выходя изъ него, получаютъ самую разнообразную форму и не только разбиваются на рядъ мелкихъ осколковъ, но и обнаруживаютъ иногда правильную ретушь. Что такія выбоинки, въ видѣ ретуши, обуславливаются дѣйствіемъ камней другъ на друга, въ данномъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Тамъ, гдѣ образуется изломъ по краю или по поверхности, нижняя сторона обыкновенно остается гладкою, тогда какъ верхніе края большею частью съ полной правильностью ретушируются въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Подробное изученіе большого числа такихъ кремней показываетъ, что во многихъ случаяхъ этотъ процессъ повторяется съ большою равномерностью, такъ что, въ концѣ концовъ, края совершенно притупляются. Среди множества обломковъ имѣются и куски въ формѣ трапецій, на которыхъ притуплены два параллельныхъ края съ верхней и съ нижней стороны вслѣдствіе того же процесса обкатыванія.

Какія формы кремней можетъ произвести этотъ совершенно механическій процессъ, показываютъ лучше всего прилагаемые изображенія (табл. XXVII): они поразительнѣйшимъ образомъ напоминаютъ эолиты. Послѣ тщательнаго сравненія этихъ мантскихъ кремней съ настоящими эолитами, я могу утверждать съ полной опредѣленностью, что нѣтъ такихъ формъ ретуши и такихъ очертаній, которыя не были бы также представлены и на мантскихъ кремняхъ. Они обнаруживаютъ полнѣйшую аналогію и относятся несомнѣнно къ одной и той же группѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ полную или частичную обработку краевъ, глубокую или плоскую ретушь, куски, обточенные въ видѣ скребковъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь встрѣчаются цѣлыя серіи заостренныхъ въ видѣ рѣзцовъ орудій, которыя такъ часто воспроизводятся съ разными варіаціями, что можно говорить о типахъ ихъ; на ряду съ этимъ неоднократно встрѣчается образованіе выемокъ и заостренныхъ концовъ, являющихся столь же неправильными и произвольными, какъ и въ предполагаемыхъ „эолитахъ“. Перѣдко встрѣчаются и слѣды удара, и ударныя плоскости, нижняя сторона кусковъ кремня хотя и является всегда болѣе или менѣе гладкою, все же, въ общемъ, не обладаетъ такою правильною плоскостью или такою равномерною закругленностью, какъ у большинства настоящихъ каменныхъ орудій. Среди кремней Манта мы встрѣчаемъ, наконецъ, на ряду съ кусками, у которыхъ края совершенно остры, также куски, которые болѣе или менѣе обкатаны. Получивъ разрѣшеніе нѣсколько недѣль спустя послѣ нашего перваго посѣщенія произвести тамъ опыты, мы вмѣстѣ съ Капитаномъ нашли, что достаточно уже 8—10 часовъ вращенія, чтобы получить прекрасные эолиты, которые могутъ вполне выдерживать сравненіе съ наилучшими древними типами. Однако, вслѣдствіе того, что желваки кремня кружатся въ бассейнѣ гораздо дольше, послѣ этой описанной выше „первой фазы“ начинается слѣдующій интересный процессъ. Послѣ этого первые возникшіе эолиты начинаютъ въ различной степени обтачиваться, тогда какъ въ это же время образуются новые. При этихъ условіяхъ не удивительно, что въ Мантѣ на одномъ и томъ же обломкѣ кремня на ряду со старыми, нѣсколько обкатанными выбоинками ретуши, встрѣчаются „вторичные“ болѣе новаго происхожденія выбоинки, совершенно

такъ же, какъ это наблюдается, по словамъ Ферворна, на эолитахъ Кантала. Тамъ, слѣдовательно, также имѣются различныя „стадіи“, придающія ретушь различнаго возраста, какъ, впрочемъ, мнѣ приходилось наблюдать нерѣдко и на простыхъ галькахъ Сены. Крупные желваки и пластинки кремня въ Гервиллѣ у Манта рѣдки, потому что обыкновенно ихъ удаляютъ еще ранѣе. Понятно, само собою, что формы кусковъ кремня тамъ могли бы подвергнуться еще различнымъ измѣненіямъ,—это могло бы зависѣть, съ одной стороны, отъ величины кусковъ сырого матеріала, съ другой—отъ меньшей твердости самого кремня, который, напримѣръ, въ Канталѣ ломается гораздо болѣе эластично; наконецъ, это зависить также и отъ продолжительности дѣйствія механической обработки, отъ глубины и быстроты теченія воды и отъ общаго количества камней, находящагося тамъ.

Во всякомъ случаѣ, опытъ, произведенный въ Мантѣ, наглядно показываетъ каждому непредубѣжденному наблюдателю, что процессы чисто-механическіе и прежде всего обкатываніе въ водѣ, сопровождаемое взаимными толчками и давленіемъ, могутъ придать кремню формы, не отличающіяся отъ тѣхъ, которыя свойственны эолитамъ. И на самомъ дѣлѣ извѣстные знатоки и собиратели эолитовъ, не знавшіе о происхожденіи мантскихъ кремней, которые я имъ давалъ для разсмотрѣнія, безъ всякихъ колебаній признавали ихъ за классическіе образцы эолитовъ.

Имѣя въ виду эти искусственныя образованія, мы можемъ теперь указать кстати на одно важное наблюденіе, сдѣланное самимъ Рюто. Онъ пишетъ, что на основаніи многолѣтнихъ изслѣдованій пришелъ къ убѣжденію, что эолиты находятся лишь тамъ, гдѣ имѣются два условія: обильное количество сырого матеріала въ видѣ кремня, либо мѣстнаго, либо принесеннаго рѣкою, и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ непосредственномъ содѣйствіи имѣются водные потоки. Было бы въ высшей степени странно, если бы являлось чистою случайностью, что эолиты Рюто и эолиты изъ Манта столь тѣсно привязаны къ присутствію рѣки. Невольно возникаетъ предположеніе, что одинаковыя причины вызываютъ здѣсь одинаковыя слѣдствія. Правда, наилучше изученныя области распространенія эолитовъ—сѣверная Франція и Бельгія—снабжены въ настоящее время лишь медленно текущими рѣками, такъ какъ даже въ Сенѣ при половодьѣ быстрота теченія не болѣе 1,5 метра въ секунду. Геологія учитъ насъ, однако, что въ этихъ областяхъ въ третичное и въ четвертичное время были несравненно болѣе крупныя рѣки, которыя пробѣгали по плоскогорію на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ. Грубый гравій Буа-ле-Руа (44 метра надъ уровнемъ нынѣшней Сены) и Сенара (52 метра надъ этимъ уровнемъ), мощные, отложенные быстро текущими рѣками галечники Шелля, Сенъ-Прэ и др., вмѣстѣ съ отложенными среди нихъ нерѣдко огромными валунами, имѣющими объемъ болѣе 1 куб. метра, являются наилучшими свидѣтелями того, что Сена и ея притоки въ геологическомъ прошломъ были не такими медленно текущими рѣками, какъ въ настоящее время. Рѣка Энъ недалеко отъ Монса въ Бельгіи, вблизи которой лежитъ такъ много слоевъ съ эолитами Рюто, представляетъ собою теперь невзрачный ручей въ 3 метра ширины. Подъ ея современнымъ русломъ, однако, располагаются мощные наносы толщиной въ 12 метровъ, которые она нагромоздила въ тотъ періодъ, когда промыла долину шириною въ 3—4 километра. Для этого необходимы не только колоссальныя промежутки времени, но и огромныя массы воды и грандіозная водяная сила. Что касается четвертичныхъ отложеній сѣверной Германіи, то слѣдуетъ лишь указать на связь ихъ съ сѣверными массами материковатаго льда, которые по краямъ давали огромное количество воды, происходившей отъ таянія льдовъ,—о колоссальной силѣ этихъ водъ свидѣтельствуютъ въ достаточной степени „первобытныя долины

рѣкъ“. Однимъ словомъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя являются богатыми кремнемъ, имѣлись и всѣ естественныя условія для образованія эолитовъ—такія же условія, какъ тѣ, которыя создаются турбинами въ Мантѣ въ теченіе немногихъ часовъ. То, что здѣсь, благодаря особой комбинаціи условій, возможно въ короткое время, тамъ совершалось въ теченіе мѣсяцевъ, но оказывалось выраженнымъ нисколько не менѣе типично.

Возраженія Рюто на эти наши критическія замѣчанія могутъ быть названы лишь весьма своеобразными. Изъ совершенно дѣтскихъ аргументовъ указанного автора достаточно привести хотя бы то, что, по его мнѣнію, теперь скоро приготовятъ экспериментальнымъ способомъ и шлифованные каменные топоры, и тогда наступитъ конецъ всякой доисторической археологіи! Рюто настолько сошелъ съ пути строго фактическаго разсмотрѣнія вопроса, что не остановился даже передъ обвиненіемъ меня въ поддѣлкѣ изображеній искусственно полученныхъ орудій, обнаруживающихъ такое разительное сходство съ эолитами. Отвѣтъ на это даетъ постановленіе цѣлаго ряда мюнхенскихъ ученыхъ, именно проф. А. Ротплица, Ранке, М. Шлоссера, Ф. Биркнера и Ф. Бройли, которые въ документѣ отъ 15 марта 1906 г. удостоверяютъ, что „по внимательномъ сравненіи оригиналовъ, негативовъ и изображеній мантскихъ кремней, о которыхъ напечатано въ „Архивѣ Антропологіи“ (1905 г., вып. I), оказалось, что при изготовленіи фотографій не было примѣнено никакой ретуши, и что изображенія эти настолько точно воспроизводятъ оригиналы, насколько это вообще возможно при фотографіи. Автотипии изготовлены по этимъ негативамъ и обнаруживаютъ разницу лишь въ томъ смыслѣ, что при этомъ способѣ воспроизведенія углы и ребра всегда оказываются менѣе рѣзкими, чѣмъ въ оригиналахъ“.

Дальнѣйшимъ источникомъ образованія эолитовъ, наравнѣ съ обкатываніемъ проточными водами, является морская прибой. Тамъ, гдѣ желваки кремней выбрасываются волнами на берегъ и ударяются одинъ о другой, возникаютъ также поразительно сходныя съ эолитами образованія. Буль наблюдалъ это на берегахъ Англии между Шерингэмомъ и Кромеромъ, Роменъ—на берегу у Гавра, гдѣ также постоянно образуются такіе эолиты. П. Саразинъ обратилъ вниманіе на обломки бутылокъ, выбрасываемые у Ниццы волнами вмѣстѣ съ обкатанными гальками,—одни изъ этихъ обломковъ приняли уже совершенно закругленные формы галековъ, другія обнаруживаютъ типичную форму эолитовъ. Такой же процессъ образованія эолитовъ указываетъ Штейманъ у Бонселля.

На ряду съ водой эолиты производятся и давленіемъ земли, что вовсе не составляетъ новаго наблюденія (стр. 461). Я указывалъ еще въ 1905 году на вліяніе давленія и растяженія на кремни, находящіеся внутри земли. Это обстоятельство даетъ ключъ къ рѣшенію вопроса объ эолитахъ, привязанныхъ къ глинамъ плоскогорій. Съ весьма поучительнымъ примѣромъ такого рода мы познакомились выше при описаніи находокъ Бель-Ассизъ у Клермона, гдѣ можно прослѣдить весь генезисъ тамошнихъ „эолитовъ“ (стр. 464). Также и Бонселль даетъ въ этомъ отношеніи весьма интересныя и поучительныя примѣры (стр. 454). И если Ферворнъ старается спасти, по крайней мѣрѣ, свои эолиты Кантала, то надо замѣтить, что и тамъ какъ-разъ у Пюи-де-Будье М. Майе обнаружилъ ясныя слѣды поднятія и перемѣщенія миоценовыхъ слоевъ, содержащихъ эолиты. Здѣсь, слѣдовательно, наравнѣ съ первоначальной дѣятельностью воды, дѣйствуетъ и давленіе земной коры, почему кремни большею частью имѣютъ острые края и отдѣльные осколки ихъ, совершенно какъ въ Бель-Ассизѣ, перѣдко лежатъ еще въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Ферворнъ придаетъ большое значеніе тому, что осколки эти почти всѣ имѣютъ на сторонѣ противо-

ложной поверхности, по которой ударяли, ретушь, сходную съ орудіями палеолитическаго періода. То же самое наблюдается, однако, и въ Белль-Ассизъ: природа, какъ и человекъ, при „ретушированіи“ неизбѣжно придерживалась линіи наименьшаго сопротивленія. Именно, вѣдствіе этого не приходится считать и находку, сдѣланную въ Канталъ, за что-либо особенное: тамошніе „археолиты“ являются членами обширной группы эолитовъ и не имѣютъ передъ ними никакихъ преимуществъ.

Затѣмъ образованія, сходныя съ эолитами, встрѣчаются въ области ледниковъ, прежде всего среди обломковъ щебня моренъ, напримѣръ, въ концевыхъ моренахъ у Фрейбурга въ Швейцаріи. Точно также и атмосферныя условія создаютъ иногда

Рис. 243. Такъ называемые «пре-эолиты» Австраліи.

Простая обкатанная галька, слѣва со слѣдами ударовъ, справа превращенная обиваніемъ въ каменное орудіе. Изъ дюнъ Белламби у Сиднея. (По Клаачу. 2-я наст. вел.).

особую „фленюсъенскую“ ступень, то эти „похожіе на эолиты камни обязаны своими обитыми какъ бы „ретушированными“ краями, безъ сомнѣнія, башмакамъ крестьянъ, желѣзу плуговъ и копытамъ лошадей. Многочисленныя пятна ржавчины на этихъ камняхъ являются очевидными слѣдами дѣйствія колесъ повозокъ и подковъ. Это заключеніе Саразина очень рѣзко, но едва ли преувеличено. Я самъ при разсмотрѣніи кремней рейтельской и фленюсъенской стадій сѣверной Франціи и Бельгіи получилъ такое впечатлѣніе, что здѣсь преобладаетъ прежде всего щебень, находящійся на дорогахъ!

Изъ всѣхъ нашихъ вышеприведенныхъ разсужденій вытекаетъ, что въ настоящее время чисто-механическое естественное возникновеніе эолитовъ можетъ быть доказано со всей ясностью, какую только можно пожелать; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гипотеза, что эолиты по формѣ и по обработкѣ могутъ быть лишь искусственными произведеніями рукъ человѣческихъ, утрачиваетъ подъ собою всякую почву.

Совершенно отрицательные результаты по вопросу о признаніи эолитовъ издѣліями человека дасть и палеонтологическое изслѣдованіе. Рюто, какъ извѣстно, въ своей

эолиты, напримѣръ, морозъ, вызывающій раскалываніе на части кремневыхъ желваковъ, пропитанныхъ водою (Сенъ-Менъе), и горячіе лучи солнца въ пустынѣ, которые вызываютъ растрескиваніе кремня (Циттель, Саразинъ).

Интереснымъ является доказательство геолога Деке, что всѣ такъ называемые эолиты Рюгена и Борнгольма являются по возрасту послѣледниковыми, слѣдовательно, относятся ко времени, когда имѣлись уже превосходныя орудія норѣйшаго палеолитическаго періода. „Не подлежитъ сомнѣнію, что до сихъ поръ нѣтъ доказательствъ въ пользу того, чтобы эти осколки относились и къ четвертичному періоду“.

Если Рюто говорилъ даже о неолитическихъ эолитахъ и создалъ на основаніи ихъ даже

брошюрѣ о находкахъ Бонселля поставилъ вопросъ, принадлежатъ ли орудія фагніенской стадіи самому человѣку, или они должны быть приписаны одному изъ его предшественниковъ. По его мнѣнію, „чистый человѣческій родъ“ олигоценовой эпохи настолько поднялся уже надъ животнымъ міромъ, что въ теченіе долгихъ періодовъ могъ полагать, что находится на высшей точкѣ своего развитія и прогресса. Рюто, Клаачъ и др. на самомъ дѣлѣ принуждены признать эолиты даже древне-третичныхъ эпохъ произведеніями человѣка. Установлено, однако, что эолиты встрѣчаются и у современныхъ дикихъ народностей. А. де Катрфажъ въ этомъ направленіи указалъ на обитателей Андаманскихъ острововъ, Рюто и Клаачъ приводятъ въ качествѣ примѣра также тасманійцевъ. Рюто располагалъ богатой коллекціей тасманійскихъ каменныхъ орудій Метлинга и послѣ сравненія ея съ эолитами Бонселля убѣдился въ томъ, „что тѣ и другіе издѣлія совершенно одинаковы“, и что, слѣдовательно, вымершіе въ настоящее время тасманійцы всего лишь 60 лѣтъ тому назадъ находились на томъ самомъ культурномъ уровнѣ, на которомъ стояли первобытные обитатели олигоценовой эпохи Бельгіи. Клаачъ по поводу своего путешествія въ Австралію снова поднялъ вопросъ, затронутый еще Рональдомъ Гуниомъ (1846), Джемсомъ Скоттомъ (1874), Р. Джонстономъ (1888 и 1891) и Тейлоромъ (1893), относительно австралійскихъ и тасманійскихъ каменныхъ орудій. Онъ пишетъ слѣдующее: „Тогда какъ въ Европѣ склонны видѣть въ такъ называемыхъ „эолитахъ“ пліоцена южной Англій, міоцена Кантала и олигоцена Бельгіи низшую степень каменныхъ орудій, она оказывается болѣе высокой и заслуживающей полнаго вниманія въ виду находенія несравненно болѣе простыхъ орудій, лишенныхъ какой-либо ретуши или какого-либо опредѣленнаго приданія формы у австралійскихъ туземцевъ, гдѣ эти орудія оказываются единственными инструментами. Они представляютъ собою частью простые обломки, образующіеся при разбираніи болѣе крупнаго куска камня, частью обкатанныя гальки, которыми пользуются либо въ томъ видѣ, какъ онѣ найдены, либо послѣ того, какъ отъ нихъ отбитъ кусокъ. Такія орудія едва ли кто-нибудь признаетъ настоящими искусственными произведеніями, и во всякомъ случаѣ никто не можетъ доказать такого ихъ искусственнаго происхожденія, если это не устанавливается самимъ мѣстомъ и обстоятельствами ихъ находенія. Они образуютъ главную массу того матеріала, который находится въ кучахъ раковинъ, тянущихся въ восточной и южной части Австраліи на большое протяженіе совершенно такъ же, какъ это наблюдается въ Тасманіи вдоль береговъ. Окрестности Сиднея предоставили мнѣ обильное поле дѣятельности. Одинъ изъ служащихъ Музея привелъ меня на такую площадку, покрытую орудіями, на берегу моря къ югу отъ Сиднея у Белламби. Здѣсь на огромномъ протяженіи песокъ береговыхъ дюнь переполненъ тысячами каменныхъ обломковъ, матеріалъ которыхъ собранъ издалека. Отчасти еще можно замѣтить даже, гдѣ находились костры тѣхъ людей, которые работали, и вѣтеръ, сдувая дюнный песокъ, обнажаетъ то здѣсь, то тамъ новые слѣды прежней дѣятельности, продолжавшейся, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма долгіе періоды, ибо такіе періоды требовались для образованія этихъ огромныхъ грудъ раковинъ на берегахъ, изобилующихъ пещерами и сильно изрѣзанныхъ бухтами. Здѣсь въ грудяхъ раковинъ можно найти такіе же обломки камня, какіе находятся рядомъ съ человѣческими скелетами. Ясно, что всѣ эти обломки камня, лежащіе въ такомъ культурномъ слоѣ, гдѣ кромѣ раковинъ содержатся и кости мелкихъ сумчатыхъ и рыбъ, принадлежатъ къ инвентарю тогдашнихъ обитателей пещеръ. Здѣсь находятся также и плоскія, круглыя каменные пластинки, которыхъ совершенно нельзя счесть за предметы, принадлежавшіе первобытному человѣку; на самомъ дѣлѣ они служили подкладкою, на которой разбивали ра-

ковины и кости животныхъ. Въ качествѣ камней, служившихъ молотками, наблюдатель, привычный къ такого рода тонкостямъ, замѣтитъ обкатанные камни, которые на нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживаютъ неровности или углубленія, являющіяся слѣдами бывшаго употребленія ихъ. Путемъ отколачиванія куска отъ такого обкатаннаго камня получается рѣжущій или скобящій инструментъ, который по грубой формѣ обработки обнаруживаетъ приближеніе къ болѣе высокой „эолитической стадіи“.

„Такія „пре-эолитическія орудія“ я нашелъ весьма широко распространенными. На небольшихъ островахъ залива Карпентарія, равно какъ и на дюнахъ пустынныхъ береговъ Брумъ въ сѣверо-западной Австраліи мы встрѣчали такіе же точно обломки— иногда болѣе крупныя, похожіе на ножи, скобели и т. п., иногда болѣе мелкія, служившія, быть-можетъ, даже хирургическими инструментами“. „Отъ этого низшаго состоянія къ типамъ болѣе высокимъ, такъ называемымъ „неолитическимъ“, т.-е., иначе говоря,

Рис. 244. «Универсальный инструментъ» изъ Тасманіи.

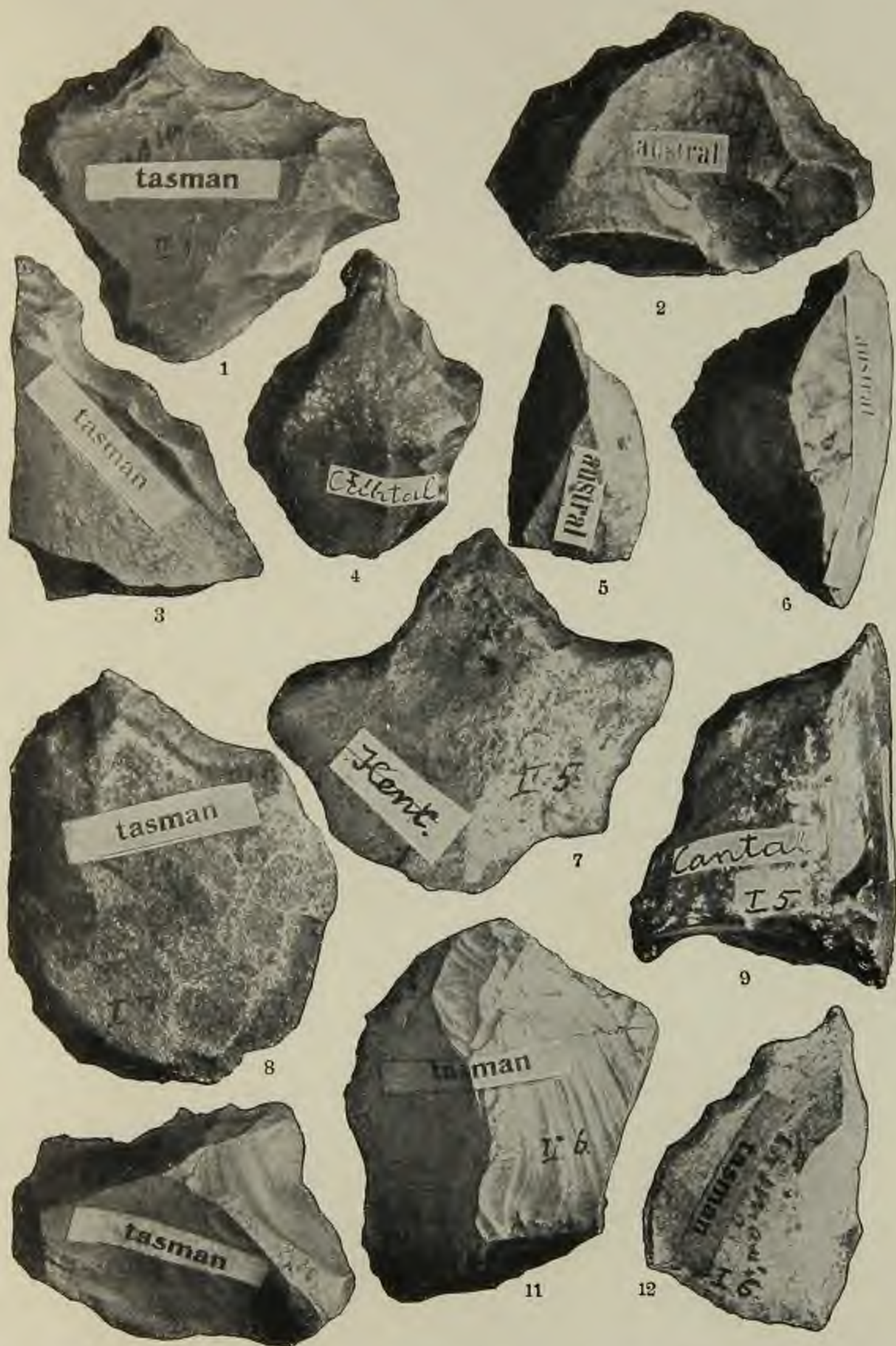
Грубое орудіе мустьерскаго типа.

(По Клаачу. 2/3 наст. вел.).

къ культурной ступени, характеризующейся полированными каменными топками, ведетъ путь гораздо болѣе прямой, чѣмъ это обыкновенно принимается“. Одно изъ такихъ орудій является несомнѣнно очень недавняго времени, другое, по своимъ условіямъ залеганія, весьма древне; однако, вопросъ о возрастѣ именно при данныхъ изслѣдованіяхъ отступаетъ на задній планъ, въ виду того, что австралійскія первобытныя издѣлія по всѣмъ своимъ свойствамъ могутъ быть поставлены въ параллель съ эолитами Европы, хотя сами они относительно молодого возраста. Послушаемъ, что говоритъ Клаачъ относительно тасманійцевъ. По его собственнымъ словамъ, матеріалъ его былъ гораздо богаче того, которымъ располагалъ Рюто, такъ что въ этомъ отношеніи изученіе этого матеріала представлялось тѣмъ болѣе интереснымъ. Въ качествѣ исходнаго Клаачъ избираетъ типъ каменнаго орудія, который представленъ большимъ числомъ образцовъ, онъ считаетъ его какъ бы универсальнымъ инструментомъ (рис. 244). „Общая характер-

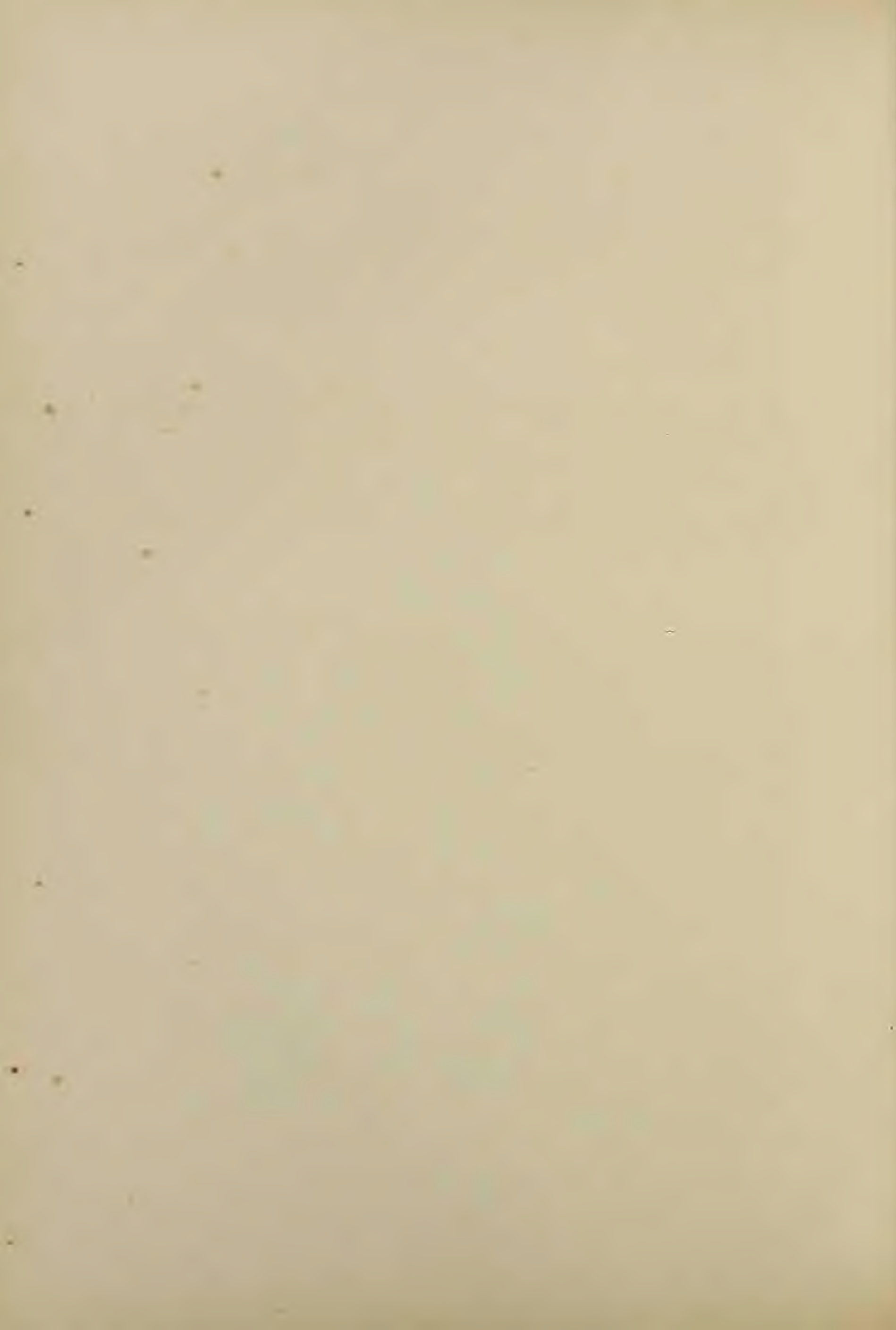
ная черта такихъ орудій заключается въ томъ, что они обработаны по всему краю путемъ отбиванія большихъ или меньшихъ осколковъ, исключительно съ одной стороны, тогда какъ другая, нерѣдко образующая выпуклость, остается гладкою. Размѣры этихъ осколковъ очень различны. Путемъ уменьшенія и поднятія обработанной поверхности, происходятъ образованія, которыя по своимъ краямъ примыкаютъ къ типу скребковъ, тогда какъ по заостреннымъ концамъ — къ сверламъ. Круглыя и полукруглыя скребки находятся въ Тасманіи въ большомъ количествѣ. Въ другомъ направленіи отъ послѣднихъ производятся скребки съ выемкой,—они играютъ во всѣхъ производствахъ каменныхъ орудій выдающуюся роль, такъ какъ служатъ, главнымъ образомъ, для изготовленія простѣйшаго оружія, именно дубинъ и копій изъ дерева“.

Лучше всего мы приведемъ изображеніе цѣлой серіи этихъ австралійскихъ и тас-

Австралійскія и тасманскія каменныя орудія рядомъ съ третичными европейскими.

(По Клаачу).

маіійскихъ каменныхъ орудій параллельно съ таковыми добытыми изъ третичныхъ отложений Европы,—это будетъ доказательство, чѣмъ всякія длиныя описанія. На табл. XXVІа можно видѣть цѣлый рядъ широкихъ наконечниковъ, сверлъ, заостренныхъ наконечниковъ съ двойной выемкой и скребковъ, частью изъ Кантала (рис. 4, 9), частью изъ Кента (рис. 7)—они оказываются, очевидно, совершенно тождественными съ первобытными издѣліями австралійскаго материка (рис. 2, 5, 6) и Тасманіи (рис. 1, 3, 8, 10, 11, 12); параллелизмъ между ними доходитъ до мельчайшихъ подробностей.

Спрашивается, позволяетъ ли это тождество формы Рюто и Клаачу писать, что теперь „вопросъ объ эолитахъ рѣшенъ“, и что этими „приведенными параллелями противники существованія третичныхъ орудій, сдѣланныхъ руками человѣка, совершенно обезоружены, тѣмъ болѣе, что тѣ грубыя орудія, которыя они старались воспроизвести съ помощью мельницъ для размалыванія мѣла, выскользнули изъ ихъ рукъ“?

Непредубѣжденный наблюдатель легко заключить изъ всего этого, что формы каменныхъ орудій, напоминающія эолиты,—мы оставимъ въ сторонѣ совершенно излишнія названія „пре-эолитовъ“ и „архе-эолитовъ“—на самомъ дѣлѣ сопровождаютъ всякую первобытную выдѣлку орудій. Это не является ни новымъ, ни сколько-нибудь удивительнымъ; напротивъ, это вполне естественно и вытекаетъ изъ самой природы всюду и всегда, когда примѣняется или обрабатывается для приготовленія орудій камень. Въ моей собственной работѣ о „Каменныхъ орудіяхъ древняго палеолитическаго періода Франціи“ (1908), гдѣ впервые разсматривается монографически весь инвентарь каменныхъ орудій шелльской эпохи съ примѣненіемъ точно установленной стратиграфіи, равно какъ и въ моей работѣ о пещерѣ Гуденуса въ Нижней Австріи (1908) указывается ужъ множество примитивныхъ формъ орудій, сходныхъ съ эолитами и попадающихся въ каждомъ мѣстѣ производства каменныхъ орудій. Такіе сами по себѣ мало надежные обломки камня указываютъ лишь на то, что природа и искусство во многихъ случаяхъ непосредственно должны соприкасаться между собой. Новѣйшій палеолитическій періодъ обнаруживаетъ сходныя образованія, но въ несравненно меньшемъ числѣ; точно также имѣетъ ихъ и древній неолитическій періодъ, какъ это показываетъ цѣлый рядъ археологическихъ мѣстонахожденій Франціи и Бельгіи. Если примѣнить, какъ это дѣлаютъ Рюто и Клаачъ, къ издѣліямъ, сходнымъ съ эолитами, современныхъ дикихъ народностей и къ эоценовымъ и олигоценовымъ эолитамъ одинаковый масштабъ для оцѣнки, то изъ этого получится весьма опасное обоюдоострое орудіе для школы, защищающей эолиты. На это было указано мною самимъ и не менѣе ясно было указано Пенкомъ — послѣдній заявилъ, что если признать олигоценовыя находки Рюто въ Бонселлѣ не за естественныя произведенія, а за издѣлія человѣка, то тогда придется признать существованіе человѣка среди столь низко организованнаго животнаго міра, что самое его появленіе тамъ будетъ казаться „почти невѣроятнымъ“. Белль-Ассизъ у Клермона, эолиты котораго стоятъ въ полномъ развитіи, заставилъ бы насъ признать даже существованіе настоящаго эоценоваго человѣка! Такой выводъ, несмотря на всю его головокружительность, является абсолютно неизбежнымъ: эолиты Тасманіи и Австраліи представляютъ собою несомнѣнныя произведенія человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживаютъ поразительное сходство съ произведеніями древне-третичными. Если изъ внѣшняго сходства тѣхъ и другихъ образованій вывести внутреннюю связь между ними, то должно признать третичныя орудія нисколько не въ меньшей степени принадлежащими человѣку, чѣмъ орудія, сдѣланныя современными дикими народностями; они обнаруживаютъ въ то же время и совершенно тождественныя культурныя потребности людей, которыми были изготовлены. Можно даже сказать, что

люди, изготовлявшіе древніе эолиты Клермона, въ качествѣ предполагаемыхъ изобрѣтателей таковыхъ должны считаться въ интеллектуальномъ отношеніи выше современныхъ дикарей, которые вплоть до настоящаго времени въ полной косности сохранили это свое наслѣдіе съ первобытныхъ временъ.

Между тѣмъ, до настоящаго времени остатки костей человѣка намъ извѣстны лишь съ середины четвертичнаго періода (стр. 413), когда современникомъ человѣка былъ питекантропъ (*Pithecanthropus erectus*). Мы не имѣемъ даже ни малѣйшаго слѣда доказательства присутствія хотя бы древне-четвертичнаго человѣка, не говоря уже о безконечно болѣе древнемъ человѣкѣ начала третичнаго періода. Въ эоценовую эпоху онъ долженъ былъ въ качествѣ своихъ современниковъ имѣть ближайшими своими родственниками такъ называемыхъ пахилемуровъ — среднюю форму между современными полуобезьянами и настоящими обезьянами.

Въ виду абсолютной невозможности этого мы должны прибѣгнуть къ неизбежному выводу, представляющему собою обходъ даннаго затрудненія, — именно къ выводу, что эти орудія, если они дѣйствительно искусственнаго происхожденія, сдѣланы не человѣкомъ, а какимъ-либо изъ его предковъ, напримѣръ, какой-либо изъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Такое допущеніе, однако, также не мыслимо, такъ какъ наши эолиты, какъ ясно изъ всего вышесказаннаго, очевидно, стоятъ на „уровнѣ культуры современныхъ дикихъ народностей“, слѣдовательно, „на уровнѣ настоящаго человѣка“. Спрашивается, что могла бы предпринять третичная обезьяна съ произведеніями чисто-человѣческой культуры — скребками, сверлами и т. п.? Кромѣ того, и палеонтологія высказывается абсолютно противъ такого предположенія объ обезьянахъ, изготовляющихъ эолиты. Эоценовая эпоха не знаетъ вовсе человѣкообразныхъ обезьянъ; онѣ начинаютъ появляться лишь уже послѣ расцвѣта „эолитовыхъ издѣлій“, при чемъ первоначально появляются олигоценовыя человѣкообразныя обезьяны размѣрами съ кошку (стр. 428). Между тѣмъ, уже въ эоценовыхъ отложеніяхъ находятся типы эолитовъ, которые по размѣрамъ и по формѣ вполне соотвѣтствуютъ рукѣ современнаго человѣка. Вѣдь все, что Ферворнъ говоритъ о „людяхъ Кантала“, подходитъ полностью и къ обитателямъ Бонселли и Белль-Ассиза. Начиная отъ олигоцена, человѣкообразныя обезьяны развиваются въ восходящемъ порядкѣ, т.-е. совершенствуются въ смыслѣ строенія тѣла и размѣровъ головного мозга вплоть до обезьяны, остатки которой найдены въ Тринилѣ. Въ виду того, что анатомія живого существа идетъ въ своемъ развитіи рука-объ-руку съ физиологіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ духовнымъ развитіемъ его, надо думать, что и продукты послѣдняго должны были постепенно шагъ за шагомъ развиваться и совершенствоваться. Этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что орудія третичнаго періода, которыя въ смыслѣ продолжительности времени соотвѣтствовали бы девяти десятымъ всего каменнаго вѣка, отъ эоцена до конца развитія эолитовъ въ четвертичномъ періодѣ оставались абсолютно одинаковыми. Самъ Рюто подчеркиваетъ эту чрезвычайную косность и неподвижность третичнаго человѣчества, благодаря которой въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ не было сдѣлано ни одного самаго малѣйшаго технического усовершенствованія, и, слѣдовательно, въ смыслѣ развитія головного мозга и общаго интеллектуальнаго развитія, человѣчество оставалось на уровнѣ эоценоваго періода. Этотъ уровень приходится признать тѣмъ болѣе высокимъ, чѣмъ ниже въ духовномъ отношеніи, по сравненію съ изобрѣтателями каменныхъ орудій, стоятъ позднѣйшіе ихъ подражатели. Въ этомъ мы видимъ полное и абсолютное противорѣчіе общему закону развитія, выражающемуся во всемъ мірозданіи!

Въ заключеніе разсмотримъ вопросъ, въ правѣ ли мы не признавать вообще у

обезьянъ способности изготовлять настоящія орудія. Современная зоологія самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ такую возможность. Извѣстно, что обезьяны при случаѣ пользуются камнями въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ природѣ, употребляя ихъ какъ при защитѣ себя отъ враговъ, такъ и при расколачиваніи плодовъ съ твердой оболочкой. Ни разу, однако, не было замѣчено, чтобы обезьяны изготовляли себѣ искусственно орудія,—этого не наблюдалось даже въ зоологическихъ садахъ. Каждое орудіе представляетъ собою какъ бы нѣкоторое увеличеніе и усовершенствованіе одного изъ органовъ человѣческаго тѣла, благодаря которому дѣйствіе совершается со значительно меньшей затратой силы, чѣмъ въ обыкновенныхъ условіяхъ. Орудіе требуетъ, слѣдовательно, сознанія цѣли и связи причины и слѣдствія. Орудіе, изобрѣтенное въ результатѣ извѣстнаго разсужденія, орудіе, получившее наиболѣе удобопримѣнимую форму и сохраняющееся затѣмъ въ видѣ опредѣленнаго „типа“, является границею между человѣкомъ и настоящимъ животнымъ, оно дѣйствуетъ на данный объектъ со всею возможною силою и является специфически человѣческимъ приобрѣтеніемъ, которое самымъ явственнымъ образомъ выражаетъ наше господство надъ природою.

Во всякомъ случаѣ, изъ нашего изложенія вытекаетъ, что объ „окончательномъ рѣшеніи вопроса объ эолитахъ“ не можетъ быть и рѣчи, какъ это полагаетъ Рюто. Естественное механическое происхожденіе эолитовъ не только возможно, но даже столь многосторонне и непреложно доказано, что нахожденіе ихъ однихъ не можетъ быть истолковано въ пользу существованія третичнаго человѣка или третичныхъ ступеней культуры. Насколько неудачными были попытки аббата Буржуа доказать существованіе человѣка въ третичный періодъ, настолько же пока не доказано это и его учениками, такъ что, въ этомъ отношеніи, мы и сейчасъ еще стоимъ предъ совершенно открытой, абсолютно не рѣшенной проблемой.

Этимъ, конечно,—какъ я это и ранѣе отмѣчалъ и сейчасъ еще разъ подчеркиваю,—никоимъ образомъ не утверждается, что рѣшительно все эолиты должны быть отнесены исключительно къ чисто-механическому происхожденію, потому я высказался бы и противъ такой односторонней позиціи, „что самая бѣлая честь, которую можно оказать эолитамъ, это—совершенно о нихъ промолчать“ (М. Гернесъ, 1910). Дѣйствительно, въ настоящее время мы не знаемъ народовъ, которые теперь еще находились бы на стадіи „культуры эолитовъ“ и въ этомъ смыслѣ отражали бы состояніе культуры, которое существовало до палеолитическаго періода. Независимо отъ этого, ранняя шельская и ашѣльская эпохи (стр. 132, 134) стоятъ уже на такой высотѣ, что, слѣдуя закону постепенности развитія, необходимо требуютъ болѣе простыхъ, болѣе примитивныхъ предшествовавшихъ имъ ступеней развитія. Неизбѣжнымъ образомъ мы попадаемъ при этомъ на такую почву, что будетъ чрезвычайно трудно, болѣею частью даже совершенно невозможно рѣшить по отдѣльнымъ находкамъ, являлись ли они произведеніемъ природы, или же произведеніемъ человѣка. Здѣсь должны быть даны особыя условія, которыя совершенно исключаютъ первое предположеніе. Таковымъ было бы, на примѣръ, нахожденіе эолитовъ изъ кремня или другихъ каменныхъ породъ на мѣстахъ, гдѣ они не могли бы естественно находиться въ почвѣ и не могли бы быть занесены механическими естественными факторами, на примѣръ, водою; въ этомъ случаѣ, конечно, можно было бы предположить, что они занесены развитымъ въ духовномъ отношеніи существомъ. Точно также ясно было бы положеніе вещей, если бы эолиты были найдены въ непосредственной связи со слѣдами очаговъ человѣка, кухонными остатками, или, наконецъ, вмѣстѣ съ костями самого человѣка. Такіе случаи въ будущемъ, рано или поздно, должны

обнаружиться,—шелльскую эпоху мы можемъ отнести лишь къ послѣднему межледниковому періоду (стр. 413), тогда какъ нижняя челюсть изъ Мауера близъ Гейдельберга принадлежитъ, по всеѣмъ вѣроятіямъ, къ предпослѣднему межледниковому періоду. Несмотря на то, что въ слояхъ, содержащихъ эту челюсть, не было никакихъ слѣдовъ издѣлій рукъ человѣческихъ, въ настоящее время все же прочно установлено, что между третьимъ и вторымъ межледниковыми періодами должны были существовать допалеолитическія, иначе говоря, эолитическія ступени культуры, которыя мы пока не можемъ никоимъ образомъ сколько-нибудь точно и опредѣленно описать, такъ какъ параллельно съ ними встрѣчаются и поразительно тождественныя естественныя образованія. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ эпохи челюсти Мауера пользовался уже каменными орудіями, но несравненно болѣе простыми и примитивными, чѣмъ шелльскія, — мы ихъ должны себѣ представить именно въ видѣ современныхъ естественныхъ эолитовъ или эолитовъ, сдѣланныхъ современными дикарями.

Еще болѣе древнія находки этого рода могутъ отодвинуть исторію человѣка значительно далѣе назадъ,—во всякомъ случаѣ, точное научное изслѣдованіе всегда будетъ воздерживаться отъ того, чтобы переходить ту пограничную черту, которая намѣчается не вызывающими никакихъ сомнѣній находками, сопровождающими эолиты, и никогда не будетъ расплываться въ невѣдомой безграничной дали. Присутствіе человѣка въ третичный періодъ до настоящаго времени никоимъ образомъ не доказано, хотя изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что онъ и вообще не могъ существовать.

ГЛАВА X.

Психическая жизнь человѣка четвертичнаго періода.

Картина жизни четвертичнаго человѣка, развертывающаяся передъ нами въ предыдущихъ главахъ, показываетъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ сходенъ съ современными дикарями; объ этомъ говорятъ и многочисленныя черты первобытнаго человѣка, тождественныя съ таковыми нынѣшнихъ дикихъ народностей и, съ другой стороны, черты, отдѣляющія его отъ позднѣйшихъ культурныхъ народностей доисторической Европы.

Основнымъ и главнымъ центромъ психической жизни человѣчества является религія; она была уже внутренне необходимымъ условіемъ для человѣка древнѣйшихъ временъ—тѣхъ эпохъ, когда онъ только-что получилъ по справедливости самое званіе человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ, религія была и соціальной необходимостью „въ качествѣ элемента, выходящаго за предѣлы разума и нормирующаго въ цѣломъ рядъ случаевъ поведеніе отдѣльныхъ людей, когда интересы ихъ оказывались противоположными интересамъ соціального организма“ (Б. Киддъ). Въ религіи, т.-е. въ отношеніяхъ человѣчества къ божеству, мы видимъ существенное отличительное свойство, отдѣляющее человѣка отъ животныхъ. Притомъ религія такъ же, какъ и языкъ, не можетъ считаться продуктомъ лишь однихъ инстинктовъ. Все возникающее изъ инстинктовъ является равномѣрнымъ и произвольнымъ и не обладаетъ ни развитіемъ, ни исторіей. Между тѣмъ, и развитіе, и исторія свойственны какъ языкамъ, такъ и религіямъ; потому оба послѣднія явленія коренятся въ свободномъ элементѣ психики человѣка. Но тамъ, гдѣ имѣется религія, безспорно существуютъ и этические законы. Отдѣльный человѣкъ можетъ, правда, кажущимся образомъ, временно отрѣшиться отъ всякихъ религіозныхъ идей, „тѣмъ не менѣе, абсолютная истина, красота и добро сохраняютъ общую цѣнность свою въ мірѣ, и, въ концѣ концовъ, она всегда прорвется наружу и настанетъ“ (М. Карнери). Соціальныя группировки одинаково свойственны какъ человѣку, такъ и животнымъ, но жизнь человѣческая не исчерпывается еще однимъ животнымъ существованіемъ. Существенныя отличія между соціальными явленіями человѣчества и таковыми животныхъ состоятъ въ томъ, что въ сообществахъ животныхъ проявляется лишь одна животная жизнь, тогда какъ въ соціальныхъ единицахъ человѣка, даже въ самыхъ примитивныхъ, всегда къ послѣдней присоединяются мотивы духовнаго характера и нѣкоторыя высшія цѣли. „Группировки животныхъ остановились на достигнутой однажды ступени и не продѣлывали дальнѣйшаго развитія, тогда какъ человѣческое общество развивалось отъ простой орды кочевниковъ до самыхъ сложнѣйшихъ формъ государственности,—это основывается на участіи въ данномъ случаѣ разума, логическаго мышленія, способности выбирать и сознанія цѣли“ (К. Ценкеръ). Вполнѣ

правильно замѣчаетъ тотъ же авторъ: „соціальное развитіе — это вѣчное стремленіе выйти за предѣлы животной жизни, держащейся прочно за существующее, — каждый соціальный успѣхъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, представляетъ собою побѣду идеи надъ инстинктами“. Относительно этого вывода должно лишь замѣтить, что такое различіе между чисто-животной и чисто-человѣческой жизнью является не только количественнымъ, но по существу и качественнымъ. Ходъ процессовъ развитія, дѣящійся въ теченіе тысячелѣтій, не можетъ намъ объяснить этого факта, такъ какъ рѣшительный шагъ все же должно было сдѣлать въ одинъ опредѣленный моментъ. И въ этомъ случаѣ существо, живущее лишь животной жизнью, никогда не дошло бы до выработки идей, которыя превратили бы его изъ того состоянія, въ которомъ оно находилось, въ такое состояніе, какое у него должно было быть. Поэтому вполне справедливо положеніе, такъ прекрасно сформулированное Гисвейномъ, что человѣкъ отнюдь не является существомъ, дѣятельность котораго регулируется лишь физико-механическими, физиологическими или матеріальными экономическими законами, — его природа дополняется и управляется чѣмъ-то высшимъ, — именно духомъ!

И на самомъ дѣлѣ, человѣкъ, въ качествѣ существа, совершенно лишеннаго культуры, немислимъ, и какъ только мы встрѣчаемъ первые слѣды его физическаго существованія, такъ эти слѣды должны давать указанія и на извѣстную культуру. Слѣды эти слабы, но намъ, конечно, только и возможно ожидать находенія лишь ничтожной доли его первобытнаго имущества, — мы можемъ найти лишь то, что было сдѣлано изъ неорганическихъ, способныхъ сохраняться веществъ. Итакъ, мы относимъ пока первое появленіе человѣка въ Европѣ ко второму межледниковому періоду, — къ эпохѣ, отъ которой мы располагаемъ такимъ замѣчательнымъ остаткомъ, какъ нижняя челюсть изъ Мауера близъ Гейдельберга. Этотъ „древній неандерталецъ“ былъ, безъ сомнѣнія, существомъ, передвигавшимся въ вертикальномъ положеніи и заслуживавшимъ, во всякомъ случаѣ, титула „человѣка“, несмотря на многія древнія и примитивныя черты, которыя обнаруживаетъ его челюсть, являющаяся пока единственнымъ дошедшимъ до насъ остаткомъ. Если бы отъ насъ потребовали подробностей относительно культурныхъ и психическихъ свойствъ человѣка того времени, то мы были бы, конечно, въ большомъ затрудненіи. Намъ не извѣстно рѣшительно ничего не только относительно религіозно-этической стороны или соціальныхъ группировокъ того времени, но и ничего относительно другихъ культурныхъ приобрѣтеній. Мы не можемъ сказать даже, были ли въ то время извѣстенъ огонь; не знаемъ, имѣлись ли украшенія, и не можемъ хотя бы съ приблизительной точностью опредѣлить, каковы были каменные орудія и оружіе этой эпохи.

Изъ изученія значительно болѣе позднихъ шельскихъ орудій вытекаетъ, во всякомъ случаѣ, что до нихъ должны были существовать гораздо болѣе примитивныя и грубыя издѣлія, являвшіяся ихъ предшественниками. По всѣмъ вѣроятіямъ, первоначально пользовались просто поднятыми съ земли обкатанными камнями, которыя и служили первыми каменными орудіями, — изъ нихъ былъ сдѣланъ первый молотокъ, приготовлена первая палица, послужившая орудіемъ, увеличившимъ силу руки. Случайное раскалываніе употреблявшихся для этого кремней проложило путь къ спеціальному приготовленію первыхъ рѣжущихъ орудій, которыя затѣмъ стали обрабатываться сообразно съ назначеніемъ и соответственнымъ образомъ подправлялись и регулировались. Это повело къ созданію орудій, сходныхъ съ эолитами, которыя можетъ создавать и сама природа, почему мы въ предыдущей главѣ и подчеркивали такъ то обстоятельство, что образованія эти сами по себѣ не могутъ служить доказательствомъ присутствія

человѣка. Мы, тѣмъ не менѣе, высказываемся за существованіе стадіи пользованія настоящими эолитами, по крайней мѣрѣ, въ теченіе второго межледниковаго и третьяго ледниковаго періода и вплоть до наступленія настоящей шельской эпохи въ третьемъ межледниковомъ періодѣ. Поэтому мы можемъ надѣяться, что намъ удастся еще найти несомнѣнныя мѣстонахожденія эолитовъ и установить хоть сколько-нибудь ихъ основныя типы,—въ Мауерѣ не было никакихъ слѣдовъ каменныхъ орудій. Какъ бы ни были примитивны такія произведенія, они будутъ, во всякомъ случаѣ, представлять

Рис. 245. Лагерь бушменовъ въ южной Африкѣ.
(По оригинальной фотографіи д-ра Р. Пѣхъ.)

собою настоящія орудія, которыя животнымъ вообще не извѣстны. „Нарочно приготовить орудія опредѣленной формы и для опредѣленной цѣли можетъ лишь человѣкъ“ (Краузе).

Въ виду столь скудныхъ результатовъ изслѣдованія, быть-можетъ, читатели сочтутъ слишкомъ отважной попытку опредѣленія „психическихъ свойствъ“ древнихъ неандертальцевъ середины четвертичнаго періода. Однако, мы все же располагаемъ нѣкоторыми современными народностями, которыя выноляютъ зіяющую пропасть безчисленнаго ряда тысячелѣтій между первымъ появленіемъ человѣческаго рода и наступленіемъ настоящаго палеолитическаго періода, и тѣмъ проливаютъ яркій свѣтъ на первобытныя времена. Именно, среди насъ и посейчасъ еще живутъ остатки народностей, отражающихъ съ точностью тотъ жалкій уровень развитія, который былъ въ первобытныя времена; В. Шмидтъ остроумно доказалъ, что совершенно несправедливо было бы считать эти народности продуктами дегенерации. Онѣ скорѣе сохранились до сихъ поръ на той древнѣйшей стадіи культуры, которая ранѣе была всеобщей. В. Шмидтъ доказалъ, что современные пигмеи, которые болѣе всѣхъ другихъ народностей имѣютъ значеніе

для даннаго вопроса, являются народностями, возникшими не вѣдствіе вторичной дегенерации, а настоящей примитивной расой, изображающей младенческое состояніе челоѣчества. Древнѣйшею группою являются центрально-африканскія карликовыя народности, отъ которыхъ отдѣлились въ видѣ особой восточной вѣтви азіатскіе пигмеи и въ видѣ южной вѣтви—бушмены. „Въ экономическомъ отношеніи, все эти народности стоятъ на низшей ступени развитія, на такъ называемой стадіи собиранія,—они не занимаются ни земледѣлемъ, ни скотоводствомъ, а лишь берутъ путемъ охоты и собиранія растений то, что природа доставляетъ имъ безъ всякихъ заботъ съ ихъ стороны. Мы видимъ въ нихъ, слѣдовательно, чисто-кочевыя охотничьи народности, не имѣющія постоянного мѣстообитанія. Даже и по отношенію къ временнымъ жилищамъ своимъ они находятся на самой низшей ступени развитія и обнаруживаютъ тѣ формы жилищъ, которыя представлялись самыми первоначальными,—они живутъ въ пещерахъ, подъ навѣсами (рис. 245) и въ хижинахъ, имѣющихъ видъ пчелиныхъ ульевъ. Орудій и инструментовъ, которыми они пользуются, очень мало. Изъ оружія у нихъ отсутствуютъ самыя первичныя оружія нападенія и защиты; они, по всемъ вѣроятіямъ, не знали первоначально даже копій и во всякомъ случаѣ не были знакомы съ палицами. Зато, повидимому, они являются изобрѣтателями оружія, бьющаго на дальнее разстояніе,—именно лука и стрѣлы. Не трудно замѣтить, что изъ этого можно вывести весьма важныя заключенія относительно психологіи и первоначальныхъ взаимоотношеній карликовыхъ народностей. Совершенно ясно, что первоначально у нихъ битвы между собою и внѣшнія войны были рѣдки, такъ какъ иначе они изобрѣли бы оружіе и для борьбы вблизи; но если эти битвы были рѣдки, то еще менѣе понятно, какъ могли бы быть часты отдаленныя войны (съ чуждыми племенами). Изъ этого можно вывести, что лукъ и стрѣлы служили первоначально вообще не для борьбы съ людьми, а для охоты на животныхъ. Весьма убѣдительно обнаруживается большая примитивность пигмеевъ также и въ вопросѣ о добываніи огня. Одна изъ карликовыхъ народностей, именно андаманцы, вообще не знакомы съ добываніемъ огня; у другихъ для полученія огня примѣняется самый первобытный способъ, считающійся и самымъ древнимъ,—именно, огонь добывается треніемъ. Не менѣе примитивными оказываются пигмеи и съ точки зрѣнія того матеріала, изъ котораго они изготовляютъ свои орудія. Огромное большинство ихъ находится на стадіи, которую слѣдовало бы поставить не только ранѣе палеолитическихъ эпохъ, но даже ранѣе эолитическихъ, такъ какъ племена эти примѣняютъ для изготовленія орудій не камни, а дерево, раковины и кости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда изготовляются каменные орудія, обработка ихъ самая примитивная, такъ какъ, во-первыхъ, нѣтъ специалистовъ, изготовляющихъ каменные орудія, во-вторыхъ, обломки и осколки камня, которые приготавливаются ими, никогда не употребляются болѣе, чѣмъ однократно, послѣ чего всегда выбрасываются; обработка ихъ также совершается весьма первобытнымъ способомъ; наконецъ, камни у нихъ никогда не примѣняются для рѣзанія дерева или костей, а также нѣтъ и каменныхъ орудій, которыя служили бы для распиливанія или выцарапыванія,—для этого служатъ раковины. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что пигмейскія народности представляютъ собою самыя первыя ступени, какія мы вообще можемъ себѣ представить въ области матеріальной культуры“.

Если прибавить къ этому, что было нами выше сказано относительно эолитовыхъ орудій тасманійцевъ и австралійцевъ (стр. 472, 473), то окажется, что намъ, дѣйствительно, извѣстенъ теперь пѣлый рядъ современныхъ первобытныхъ народностей, являющихся полноправными членами челоѣческаго общества, но обладающихъ матеріальнымъ инвентаремъ,

который несколько не лучше и не богаче тѣхъ скудныхъ слѣдовъ культуры, которые мы должны предположить у древнихъ неандертальцевъ середины четвертичного периода. Было бы, однако, несправедливымъ и ненаучнымъ, если бы мы стали отрицать въ виду этого духовную культуру пигмеевъ и приравнивали бы ихъ къ животнымъ. Эти народности всецѣло удовлетворяютъ окружающимъ условіямъ и могутъ не бояться сравненія съ народами, болѣе высоко стоящими. Точно также и то обстоятельство, что древніе неандертальцы, жившіе въ Европѣ со времени второго теплаго межледниковаго периода, удержались тамъ и въ теченіе суроваго третьяго ледниковаго периода, когда совершенно измѣнился климатъ и весь окружающій міръ,—это обстоятельство можетъ быть приписано лишь ихъ духовному развитію: не пользуясь со стороны природы какой-либо особою защитою, они были свидѣтелями, какъ погибали и переселялись цѣлыя фауны, и какъ появлялись вслѣдствіе наступленія холодовъ новыя животныя. Обитатели эти остались попрежнему властителями данныхъ областей, противъ измѣненія климата они приняли особыя мѣры личнаго охраненія. Къ тому же каждый день жизни охотника требуетъ отъ него проявленія настоящаго охотничьяго таланта, какимъ располагаютъ обыкновенно и наши современныя дикія народности;—такому охотнику приходится преслѣдовать страшнѣйшихъ хищниковъ, толстокожихъ гигантовъ и быстроногихъ степныхъ обитателей, возмѣщая отвагою, ловкостью и хитростью тотъ недостатокъ физической силы и быстроты бѣга, который ему свойственъ отъ природы.

Мы можемъ пойти и еще далѣе. Мы можемъ установить тезисъ, недавно высказанный специалистами (Гребнеромъ, Анкерманомъ, Фу), основывающійся на прочно установленномъ новомъ этнологическомъ методѣ,—тезисъ, „что возникаютъ не отдѣльныя части матеріальной и духовной культуры независимо одна отъ другой, а что всегда возникаетъ одна общая культура, связанная въ одно органическое цѣлое, представляющая собою опредѣленный культурный циклъ, различная по своему богатству въ зависимости отъ степени развитія, но во всякомъ случаѣ, охватывающая все существенныя потребности человѣческой природы, и эта общая культура развивается далѣе и распространяется“ (В. Шмидтъ). Такимъ образомъ, каждый „культурный циклъ“ охватываетъ опредѣленныя характерныя формы какъ матеріальной, такъ и духовной культуры—совпаденіе, внутренняя природа котораго намъ не ясна, но которое, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою конкретно наблюдаемый историческій фактъ,—его можно констатировать въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ земнаго шара. Но если такъ, то въ такомъ случаѣ, на основаніи соответствія матеріальной культуры современныхъ пигмеевъ съ таковою древнихъ неандертальцевъ, можно заключить и о приблизительной родственности тѣхъ и другихъ съ точки зрѣнія ихъ духовной природы. Какъ выяснено В. Шмидтомъ, именно современныя карликовыя народности обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи совершенно неожиданныя черты. „Въ области соціальной жизни мы находимъ у нихъ прежде всего вполне опредѣленное устройство отдѣльной семьи. У нихъ развитая моногамія и бракъ значительно болѣе подходятъ къ идеалу неразрывной связи, чѣмъ у позднѣйшихъ народностей. Замѣчается также настоящая нравственная упорядоченность, признаніе различія моральнаго добра и зла. Правда, эти первобытныя народности обнаруживаютъ свою истинную человѣческую природу въ томъ отношеніи, что у нихъ нерѣдко случается нарушеніе морали,—было бы нелѣпнымъ преувеличеніемъ не признавать этого. Еще хуже было бы, однако, въ угоду какимъ-либо теоріямъ, отрицать вопреки всеѣмъ почти единогласнымъ показаніямъ наблюдателей, что нравственность этихъ народностей во всеѣхъ отношеніяхъ лучше и выше большинства другихъ дикихъ и многихъ культурныхъ народовъ. Мы не находимъ у нихъ

господства суровой и жестокой борьбы за существованіе, но встрѣчаемъ ясно выраженный альтруизмъ, при которомъ нерѣдко собственное благо приносится въ жертву ради того, чтобы помочь другимъ и улучшить ихъ существованіе. Совершенно отсутствуетъ у нихъ людоедство, абсолютно не извѣстны устанавливаемые закономъ членовредительства или какія-либо мучительныя операціи; наконецъ, не извѣстно и рабство,— свобода пользуется у нихъ всеобщей любовью, и никто не посягаетъ на это достояніе каждой отдѣльной личности. Понятіе о собственности у нихъ является во многихъ случаяхъ ограниченнымъ заботами общины, потому грабежи и воровство у нихъ— вещь почти неизвѣстная. Весьма замѣчательна ихъ большая любовь къ правдѣ. Относительно ихъ религіозныхъ вѣрованій достаточно сказать, что народности эти обладаютъ настоящей вполне выработанной религіей съ опредѣленными вѣрованіями, опредѣленнымъ куль-

Рис. 246. Добываніе огня австралійскими
неграми.

(Рис. Кранца по Лаутереру.)

томъ, состоящимъ изъ молитвъ и жертвоприношеній, и нѣкоторыми моральными ученіями. Далѣе мы можемъ добавить, что религія эта хотя и проста, но все же сравнительно столь чиста и высока, что положительно является еще вопросомъ, могутъ ли считаться нѣкоторыя свойственныя ей черты антропоморфизма препятствіемъ къ тому, чтобы признать ее настоящимъ этическимъ монотеизмомъ. Этимъ завершается картина, которую мы получаемъ о духовномъ развитіи карликовыхъ народностей. Состояніе высняго развитія ихъ культуры безспорно представляетъ собою самое первое начало, самую низшую ступень. Но то, что составляетъ самую суть человѣка, то, что является наилучшимъ и наиболѣе цѣннымъ въ немъ, все духовныя его дарованія, все состояніе этической и соціальной культуры, наконецъ, связующая все эти зачатки религія,—представляются намъ столь высокими и чистыми, что ничего подобнаго нельзя было бы ожидать на столь

первичной ступени. Теорія, по которой признаніе добра и зла приписывается лишь влиянію высшей культуры, теорія о первоначальномъ коммунизмѣ всего имущества и о первоначальной нравственной расщепленности въ половыхъ отношеніяхъ оказывается здѣсь совершенно разбитой.

Если даже относиться съ нѣкоторой сдержанностью къ теоріи „культурныхъ цикловъ“, по крайней мѣрѣ, въ первобытныя времена, то все же изъ весьма цѣнныхъ вы-

водовъ В. Шмидта вытекаетъ, что народы, которые находятся на первой и на нашъ взглядъ столь низкой ступени „эолитовъ“, никоимъ образомъ вслѣдствіе этого не должны быть непременно неразвиты также и въ духовномъ отношеніи, отнюдь не должны считаться приближающимися болѣе къ животнымъ, чѣмъ къ человѣку. Потому, не покидая почвы эволюціоннаго ученія, но оцѣнивая безъ всякаго предубѣжденія приведенныя выше этнологическія параллели, мы должны признать и древнихъ неандертальцевъ эпохи эолитовъ съ психической точки зрѣнія полноправными и настоящими людьми.

Новѣйшую и болѣе высокую степень представляютъ собою люди древняго палеолитическаго періода, соответствующаго послѣднему межледниковому періоду въ Европѣ. Хотя пока все еще является открытымъ вопросъ, когда именно человѣкъ впервые сталъ пользоваться огнемъ, во всякомъ случаѣ, въ эту эпоху огонь былъ уже во всеобщемъ употребленіи,—стѣдуетъ напомнить лишь остатки углей въ травертинскихъ слояхъ Таубаха у Веймара. На этотъ цѣнный даръ природа, очевидно, сама указала первобытному человѣку. Когда загорались деревья, пораженныя молніей, то это не препятствовало первобытному человѣку находиться вблизи пламени и познакомиться съ его благодѣтельнымъ вліяніемъ. Пламя отпугиваетъ дикихъ звѣрей, дѣлаетъ болѣе съдобными корни, плоды и мясо, высушиваетъ провіантъ для охоты и дѣлаетъ твердыми и прочными деревянныя копья. Наконецъ, пламя, подобно небесному свѣтилу, распространяетъ свѣтъ и тепло. Первоначально, по всѣмъ вѣроятіямъ, огонь, дарованный самою природою, поддерживался день и ночь и сохранялся человѣкомъ. Настоящимъ крупнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ онъ сдѣлался лишь тогда, когда человѣкъ научился добывать его по желанію. Простѣйшій способъ производить огонь заключается въ томъ, что берутся два сухихъ деревянныхъ стержня различной твердости, и мягкій стержень употребляется какъ подкладка, болѣе твердый—какъ сверло. Сверло это приводится во вращеніе, прижимается къ подкладкѣ, и тогда векорѣ показываются дымъ и огонь, если сверлятъ съ достаточной быстротой и силою (рис. 246). Добывать огонь треніемъ—также, повидимому, искусство чрезвычайно древнее; нѣсколько болѣе новымъ является искусство добывать огонь ударами о камень,—въ этомъ случаѣ лишь тогда удается зажечь, когда имѣются трутъ и огниво. Гёрнесъ справедливо замѣчаетъ, что „огонь съ древнѣйшихъ временъ вѣрный другъ человѣка, и только лишь одного человѣка; исторія искусственно добытаго и поддерживаемаго огня является въ то же время и исторіей человѣческой культуры. Именно, вслѣдствіе этого, мы и не можемъ утверждать, что люди эпохи эолитовъ не пользовались огнемъ, хотя до сихъ поръ нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ тому, что огонь употреблялся на этой стадіи.

Изготовленіе орудій изъ камня въ древне-палеолитическомъ періодѣ стоитъ, по сравненію съ развитіемъ этой техники у нѣкоторыхъ изъ современныхъ дикарей, на гораздо большей высотѣ. Человѣкъ шельской эпохи создаетъ окончательные, твердо установленные типы орудій, совершенствуетъ ихъ и расширяетъ свой инвентаръ прогрессивно. Онъ является изобрѣтателемъ топора, рѣзущаго ножа, скребка, скобеля, заостреннаго кинжала и сверла—орудій, которыя съ того времени сохранились въ обиходѣ человѣчества, и которыя у современныхъ дикарей во многихъ случаяхъ удержались въ качествѣ наслѣдія предковъ; даже и мы, культурные люди, не можемъ обойтись безъ этихъ орудій, хотя мы и приготовляемъ ихъ изъ другого матеріала и измѣнили и усовершенствовали ихъ формы.

Весьма интересныя черты духовной жизни древне-палеолитическаго періода открываютъ намъ могильники этого времени, извѣстные съ конца ашѣльской и начала мустьерской эпохи (стр. 413),—изъ этого, конечно, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что

ранѣе не было вовсе никакого культа мертвыхъ. Вѣдь еще весьма недавно „принципіально“ отрицались и въ новѣйшемъ палеолитическомъ періодѣ могильники и предвѣренное погребеніе, относительно же могильниковъ мустьерской эпохи археологи не хотѣли ничего и слышать. Каждодневно можемъ мы ожидать новыхъ открытій въ этой области, и они, быть-можетъ, заставятъ отодвинуть приведенную границу еще далѣе назадъ. Нами были описаны выше могильники Ле-Мустье (стр. 158), Ла-Шапель-О-Сенъ (стр. 159), Ла-Ферраси (стр. 161) и Сии (стр. 165). Всѣ они восходятъ ко временамъ чрезвычайно глубокой, положительно вызывающей къ себѣ уваженіе древности. Изъ разсмотрѣнія ихъ вытекаетъ и чрезвычайно высокая древность почитанія мертвыхъ. Трупъ считался не вызывавшимъ отвращеніе предметомъ, отъ котораго надо какъ-нибудь освободиться, а былъ скорѣе предметомъ, вызывавшимъ любовь и поклоненіе и за предѣлами жизни. Люди стремились хоронить умершихъ соплеменниковъ не только тамъ, гдѣ ничто не возмутило бы ихъ покоя, но и старались сдѣлать имъ послѣднее мѣсто упокоенія возможно болѣе удобнымъ, укладывали тѣло въ томъ положеніи, въ которомъ человѣкъ спитъ, и даже подкладывали ему подъ голову „подушку“. Культъ мертвыхъ и уваженіе къ смерти является постояннымъ источникомъ религіозныхъ идей, слѣдовательно и здѣсь таковыя проявлялись. Кромѣ того, покойный снабжался своими наилучшими каменными орудіями, быть-можетъ, также и пищею, въ томъ предположеніи, что предметы эти могутъ быть полезны въ загробной жизни.

Въ то же время кое-гдѣ наблюдались и совершенно иные обычаи. Человѣческія кости, найденныя у Крапины (стр. 175), дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что существовало людоедство. Что таковое основывалось на самыхъ низменныхъ мотивахъ, на чисто-хозяйственныхъ, экономическихъ причинахъ,—это наименѣе вѣроятно, особенно по отношенію къ охотничьимъ племенамъ четвертичнаго періода, которыя не могли пожаловаться на недостатокъ пищи. Скорѣе въ основѣ здѣсь были также религіозныя причины. Быть-можетъ, поѣдались люди, приносившіеся въ жертву ради выздоровленія, или въ видахъ достиженія плодовитости, или возможно, что съ людоедствомъ совмѣщалось нерѣдко связанное съ нимъ представленіе, что, поѣдая убитыхъ враговъ, побѣдитель получаетъ и ихъ силу, и инныя качества. Ненависть и зависть, какъ было указано еще Ратцелемъ,—причины, весьма часто обуславливающія людоедство. При ненависти человѣкъ желаетъ окончательно уничтожить врага, поѣдая его, при зависти—желаетъ получить самъ или пріобрѣсти для своего рода тѣ преимущества, которыми обладалъ убитый имъ собратъ. У нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ поѣданіе своихъ родственниковъ основывается прямо на благоговѣніи предъ покойными,—представленіе, совершенно противоположное нашему чувствованію. Должно еще отмѣтить, что полное отсутствіе могильниковъ шельской эпохи и другихъ болѣе древнихъ горизонтовъ отнюдь не позволяетъ дѣлать изъ этого вывода, что древнѣйшіе представители человѣческаго рода не обладали культомъ мертвыхъ. Возможно, что трупы въ тѣ времена помѣщались на поверхности земли или на небольшой глубинѣ,—въ этомъ случаѣ мало вѣроятія найти кости человѣка, а между тѣмъ возможно, что, несмотря на это, существовалъ опредѣленный ритуаль, и съ такимъ погребеніемъ были связаны различныя представленія о загробной жизни.

Тогда какъ современныя дикія народности съ незапамятныхъ временъ представляютъ собою остановившіеся въ своемъ развитіи члены человѣческой семьи, европейскій первобытный человѣкъ не остановился на той ступени, которой онъ достигъ въ древне-палеолитическомъ періодѣ,—путемъ медленнаго, но прогрессивнаго развитія и совершенствованія онъ создалъ почву для несравненно болѣе высокой культуры новѣй-

шаго палеолитического периода. То, что мы знаем относительно техники издѣлія каменных орудій, выдѣлки кости и рога и художественныхъ украшеній этого послѣдняго періода, обнаруживаетъ столь высокій уровень развитія, что среди современныхъ дикихъ племенъ намъ долго пришлось бы искать такихъ, которыя хоть сколько-нибудь могли бы быть поставлены въ параллель съ обитателями палеолитическихъ временъ.

Весьма яркіе лучи свѣта на этотъ третій „циклъ культуры“ и на психологическія задачи его бросаютъ прежде всего разнообразныя способы погребенія и разныя формы могильниковъ. Такъ, слѣдуетъ напомнить прежде всего замѣчательныя могильники пещеръ Гримальди (стр. 208) съ ихъ различными варіаціями (стр. 216). Должно отмѣтить также равноправность женщинъ и полное любви обращеніе съ дѣтьми, какъ любимцами семьи, обнаруживающееся въ отношеніи къ мертвымъ,—это обнаруживаютъ могильники Ментоны. Эти могильники, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминаютъ нравы современныхъ дикихъ племенъ, которыя нерѣдко оставляютъ покойныхъ на ихъ прежнемъ мѣстообитаніи, а сами переселяются въ другія мѣстности. Зависимость между жилищемъ и могилою здѣсь очевидна: домашній очагъ превращенъ непосредственно въ мѣсто упокоенія мертвыхъ, которые тамъ остаются, „чтобы продолжать жизнь далѣе“. Вслѣдствіе того, что трупъ, положенный непосредственно на плоское мѣсто очага, прикрывался защищавшими его камнями или слоемъ земли, получалась сама собой выдающаяся на поверхности земли могила.

У довольно многочисленныхъ другихъ могильниковъ новѣйшаго палеолитического періода мы находимъ почти постоянно останки, убранные съ полнымъ благоговѣніемъ различными украшениями и оружіемъ. Они покоятся частью въ лежачемъ положеніи съ вытянутыми ногами, иногда на боку въ позѣ сна, какъ въ большинствѣ случаевъ въ древне-палеолитическомъ періодѣ [ср. могильники Комбъ-Капелль и Ложери-Отъ (стр. 217), могильники Дю-Рюти и Лезъ-Отто (стр. 240), наконецъ, могильники Брюнна и Пржедмоста (стр. 345)]. Иногда тѣламъ покойныхъ придавалось искусственное положеніе—они хоронились въ позѣ человека, сидящаго съ ногами, подогнутыми и прижатыми къ туловищу, руки сгибались и прижимались къ груди, какъ изображено на рис. 129. Этотъ послѣдній способъ погребенія, появляющійся уже въ древне-палеолитическомъ періодѣ, именно въ Ла-Ферраси II (стр. 169), въ наиболѣе глубоко-лежащемъ двойномъ могильникѣ „Дѣтскаго Грота“ (стр. 209) и въ самомъ нижнемъ изъ могильниковъ пещеры Барма-гранде (стр. 214), позднѣе является еще болѣе частымъ, хотя и далеко не исключительнымъ (Ложери-Бассъ стр. 239, Раймонды стр. 239); этотъ способъ—переходъ къ новому обряду погребенія. Погребеніе покойника въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами показываетъ, что забота о мертвыхъ происходила не только исключительно

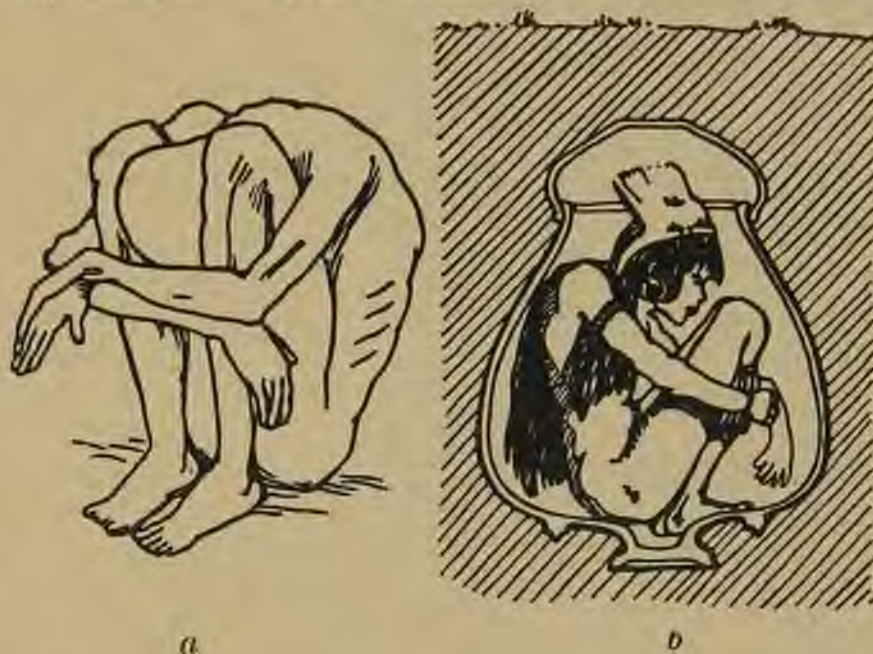

Рис. 247. Погребеніе въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами.

a—у эскимосовъ низовьевъ Юкона. По Нельсону. *b*—у южно-американскихъ индейцевъ племени манаосъ.
(По Келлеръ-Лейцингеру.)

изъ любви къ нимъ, продолжавшейся за гробомъ, но имѣла своею основною подкладкою также и страхъ передъ тѣмъ, что они вернутся и появятся снова.

Погребеніе въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами сохранилось до настоящаго времени во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы, и современныя наблюденія

Рис. 248. Могила зулусовъ въ Наталѣ.
(По Фричу.)

могутъ быть съ большою пользою привлечены для объясненія того, что наблюдается въ четвертичномъ періодѣ,—въ основу этого разсмотрѣнія мы можемъ положить превосходныя изслѣдованія Р. Андрее.

Въ Америкѣ такой способъ погребенія наблюдается какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ континентѣ, при чемъ такъ погребаютъ не только народности, стоящія на низкой ступени развитія, но и высоко-развитыя въ культурномъ отношеніи. Нельзя, однако, не замѣтить, что на ряду съ этимъ наблюдаются и различныя другіе способы погребенія. Достаточно выбрать здѣсь лишь нѣсколько примѣровъ изъ обширнаго, находящагося въ нашемъ распоряженіи, матеріала. На Юконѣ эскимосы погребаютъ своихъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи, при чемъ втискиваютъ имъ голову между

колѣнъ и перевязываютъ трупъ веревками (рис. 247, а). Сѣверо-американскіе индѣйцы до Колумба хоронили своихъ покойниковъ точно также въ сидячемъ положеніи, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ изслѣдованія огромныхъ кладбищъ въ Моундсѣ,—такое погребеніе продолжается и до настоящаго времени тамъ, гдѣ проникновеніе христіанства и соприкосновеніе съ европейцами не измѣнило еще туземныхъ обычаевъ, напримѣръ, у индѣйцевъ-команчей.

Рис. 249. Трупъ австралійца изъ Аделаиды.
(По Андрее.)

Въ Мексикѣ и въ Центральной Америкѣ этотъ способъ погребенія также широко распространенъ, тогда какъ въ Южной Америкѣ наравнѣ съ нимъ существуетъ еще обычай, который мы встрѣчаемъ лишь въ Индіи, именно погребеніе въ огромныхъ глиняныхъ урнахъ, въ которыя трупъ втискивается въ положеніи сидящаго съ согнутыми колѣнами (рис. 247, б). Въ Рио-Гранде-до-Суль такія урны изготовлялись изъ глины, украшались узорами и раскрашивались въ бѣлый и красный цвѣтъ. Ихъ зарывали отверстиемъ внизъ, что указываетъ на желаніе воспрепятствовать возвращенію покойниковъ. Риверо и Чуди пишутъ слѣдующее объ мумифицированныхъ естественнымъ путемъ трупахъ перуанцевъ: „Положеніе тѣла таково, какъ если бы человѣкъ сидѣлъ съ колѣнами, поднятыми къ подбородку; руки его скрещены на груди или подпираютъ голову, такъ что кулаки находятся подъ подбородкомъ, руки обыкновенно связаны, и у большинства мумій толстая веревка три или четыре раза обмотана кругомъ; кромѣ того, палка всунута между бедрами и доходитъ до горла,—она

служитъ для того, чтобы поддерживать туловище“.

Въ Африкѣ, если не считать такого погребенія въ доисторическія времена Египта, оно отсутствуетъ въ сѣверной части континента, тогда какъ является господствующимъ

въ средней его части и на югѣ, конечно, на ряду съ другими способами погребенія. Негры Судана и хамитическія народности не примѣняютъ такого способа погребенія, но зато оно примѣняется племенемъ банту и готтентотами (рис. 248). У Баронга на заливѣ Лоренцо-Маркезъ складываніе вмѣстѣ рукъ и ногъ трупа считается „религіозной обязанностью“; не останавливаются даже передъ тѣмъ, чтобы въ случаѣ наступленія трупнаго окоченѣнія сломать члены, чтобы только уменьшить объемъ, занимаемый покойникомъ. Племя ніамъ-ніамъ погребаетъ своихъ покойниковъ иногда сидящими на деревьяхъ, иногда въ дуплахъ деревьевъ, между тѣмъ какъ живущее далѣе къ сѣверу племя бонго точно также добивается того, „чтобы трупъ занималъ минимальный объемъ“,—его стягиваютъ для этого съ согнутыми руками и ногами и хоронятъ въ могилѣ, имѣющей видъ ниши. Когда умираетъ предводитель племени дамара, ему переламываютъ большимъ камнемъ позвоночникъ, связываютъ трупъ въ позѣ сидящаго съ головой, пригнутой къ колѣнамъ, заворачиваютъ въ шкуру быка и опускаютъ въ круглую яму небольшого діаметра.

Доисторическое погребеніе въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами извѣстно также и въ Азіи, особенно въ Передней Азіи; въ настоящее же время примѣняется въ Индостанѣ и Индо-Китаѣ и на восточно-азиатскихъ островахъ, вплоть до Японіи. Въ Индостанѣ примѣняется погребеніе дѣтей въ урнахъ, и точно также и взрослые съ незапамятныхъ временъ погребаются въ огромныхъ урнахъ. Такое погребеніе въ урнахъ особенно часто наблюдается на югѣ Индіи; эти урны достигаютъ 12 футовъ въ вышину, книзу онѣ заострены, хорошо обожжены, и въ нихъ помѣщается трупъ съ согнутыми колѣнами. Индійскіе паріи, бродячія племена и населеніе Андаманскихъ острововъ точно также хоронятъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи, равно какъ и племена полуострова Малакки (послѣднія, впрочемъ, не всегда, а какъ говорятъ, лишь въ томъ случаѣ, когда не хотятъ рыть большой могилы). Весьма своеобразенъ способъ погребенія на Люпонѣ, на одномъ изъ Филиппинскихъ острововъ,—здѣсь первоначально сажаютъ трупъ на стулъ съ высокою спинкою и оставляютъ его въ такомъ положеніи 4 дня передъ его домомъ, при чемъ поютъ жалобныя пѣсни съ припѣвомъ „не возвращайся, чтобы не взять съ собою кого-нибудь изъ твоихъ друзей или родственниковъ“. Затѣмъ покойникъ въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами хоронится въ землѣ. Въ Японіи примѣняется обыкновенно сожженіе, но бѣднѣйшіе классы населенія погребаютъ своихъ покойниковъ въ деревянныхъ кадкахъ вышиною примѣрно въ метръ, при чемъ придаютъ покойнику тотчасъ же послѣ смерти позу сидящаго съ согнутыми колѣнами и уничтожаютъ трупное окоченѣніе особымъ порошкомъ „дозія“.

Чрезвычайно разнообразныя способы погребенія имѣются въ Австраліи: тамъ мы находимъ сожженіе, погребеніе труповъ на деревьяхъ, выставленіе ихъ на особыхъ подставкахъ, тасканіе трупа по землѣ женщинами, пока мясо не отдѣлится отъ костей, и затѣмъ храненіе послѣднихъ (въ Гицелэндѣ), помѣщеніе покойниковъ въ челноки, сдѣланные изъ коры, зарываніе въ землю умершихъ стариковъ, между тѣмъ какъ трупы людей средняго возраста оставляются на землѣ, а дѣти сжигаются (заливъ Ветрѣчи). Однако, здѣсь встрѣчается такъ же, какъ и на всемъ земномъ шарѣ, и погребеніе въ сидячемъ положеніи (Р. Андрее). Относительно племени дѣйери изъ Куперъ-Крика намъ извѣстно, что его представители связываютъ плотно большіе пальцы ногъ покойника и точно также связываютъ большіе пальцы рукъ, сложенныхъ позади на сивѣ. На рис. 249 представлена мумія, подаренная въ 1845 г. губернаторомъ этой области Греемъ Королевской Медицинской Академіи въ Лондонѣ,—она была найдена въ окрестностяхъ Аделаиды и находилась на поверхности земли въ копченомъ состояніи.

Аватомъ Флоуеръ сообщаетъ о ней слѣдующее: „Человѣкъ этотъ былъ такъ стиснутъ, что колѣни лежали позади плечъ, руки были на животѣ, и кисти рукъ были прижаты къ ногамъ. Чтобы трупъ держался въ такой позѣ, онъ былъ прочно обвязанъ веревками. Проконченная дымомъ кожа была красноватаго цвѣта, такъ какъ трупъ былъ покрашенъ охраю; волосы трупа исчезли, внутренности же были оставлены. Интереснѣе всего было то, что ротъ и ноздри были закупорены перьями аму, губы и заднепроходное отверстіе были зашиты“. Это закупориваніе всѣхъ отверстій тѣла высушенныхъ съ помощью дыма и привязанныхъ къ деревьямъ труповъ поздиѣ и непосредственно наблюдалось въ той мѣстности. На островахъ южнаго Тихаго океана, какъ меланезійцы, такъ и папуасы и полинезійцы погребаютъ точно также въ положеніи человѣка сидящаго съ согнутыми колѣнами; на островахъ Таити, на примѣръ, такой способъ погребенія господствовалъ до первой трети XIX вѣка и исчезъ лишь со введеніемъ христіанства.

Какъ много новыхъ задачъ въ этомъ отношеніи возникаетъ для изслѣдованія, ясно уже изъ обзорннхъ чрезвычайнаго разнообразія тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя связаны съ такимъ современнымъ способомъ погребенія. Теравасы Ост-Индіи погребаютъ въ сидячемъ положеніи лишь женщинъ, паріи Коимбаторе — лишь женатыхъ мужчинъ; туземцы бонго центральной Африки обращаютъ трупы мужчинъ, сидящіе на корточкахъ, лицомъ къ сѣверу, трупы женщинъ — къ югу; туземцы вагого германскихъ восточноафриканскихъ владѣній кладутъ мужскіе трупы на правый, женскіе — на лѣвый бокъ. Въ Индіи погребеніе въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами ограничивается опредѣленными кастами и сословіями; такъ, на примѣръ, у племени де ванга такъ погребаются лишь ткачи. Племя альфуровъ изъ Гальмакера погребаютъ въ сидячемъ положеніи лишь туземцевъ, которые умерли въ самой деревнѣ, тогда какъ въ вытянутомъ положеніи хоронятъ тѣхъ, которые умерли за ея предѣлами. У племени багуана въ области Конго всѣ трупы погребаются въ сидячемъ положеніи, за исключеніемъ лишь тѣхъ людей, которые убиты молніей, такъ какъ они „сѣдены кошкой облаковъ“, такъ что ихъ не нужно болѣе связывать. Нерѣдко въ этомъ погребеніи сказываются и различія сословій, — иногда оно свойственно лишь высшимъ сословіямъ и жрецамъ, иногда, наоборотъ, привязано къ низшимъ классамъ и составляетъ достояніе бѣдняковъ. Таковы тѣ интересныя указанія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какія сложныя представленія связаны, быть-можетъ, и съ нашими доисторическими европейскими могильниками, въ которыхъ мы находимъ покойниковъ въ позѣ людей, сидящихъ съ согнутыми колѣнами.

Но каковы же, спрашивается, внутреннія причины такого способа погребенія? Нельзя отрицать, что во многихъ случаяхъ оно объясняется отсутствіемъ мѣста и удобствомъ приготовленія небольшой могилы. Это оправдывается и наблюденіями надъ дикими современными народностями. Такъ, если у племени богаджимъ могила оказывается слишкомъ короткой для покойника, то ноги его, безъ всякихъ церемоній, втискиваются въ нее; точно также скалистая почва Дибонга въ долину Брамалутры заставляетъ туземцевъ племени аборсѣ хоронить трупы въ сидячемъ положеніи, чтобы они могли помѣститься въ небольшихъ могилахъ. Неоднократно указывалось также, что такая поза при погребеніи придается изъ-за того, что желаютъ помѣстить покойника въ томъ положеніи, какое является наиболѣе удобнымъ и при жизни. Правда, многія народности рассматриваютъ сами такой способъ погребенія, какъ происшедшій отъ желанія придать наиболѣе удобное положеніе, и нерѣдко, дѣйствительно, сидятъ въ похожей позѣ съ согнутыми колѣнами и рукой, подпирающей лицо, и даже спятъ въ такой позѣ. Нельзя, однако, не отмѣтить, что придаваніе такой позы, въ которой спятъ, наблюдается сравнительно рѣдко, и что этимъ не оправдываются нерѣдко связанныя съ такимъ по-

гребеніемъ насильственныя дѣйствія надъ трупомъ. Еще болѣе фантастическимъ кажется намъ предположеніе, что поза, придаваемая покойнику, должна, будто бы, соответствовать позѣ утробнаго младенца, и будто бы трупъ укладываютъ такъ, какъ онъ родится, въ нѣдра „матери земли“, дабы въ естественномъ положеніи новорожденнаго онъ претерпѣлъ новое рожденіе. Противъ этого говорить уже то, что первобытныя народности не располагаютъ никакими свѣдѣніями о точномъ анатомическомъ положеніи утробнаго младенца; къ тому же, нерѣдко они позднѣе нарушаютъ придаваемую трупу позу и иногда, напримѣръ, сохраняютъ лишь черепъ; наконецъ, часто они вовсе не хоронятъ въ нѣдрахъ „матери-земли“, а хоронятъ на деревьяхъ, на особыхъ подставкахъ, въ челнахъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Андрее мы приходимъ скорѣе къ слѣдующему отмѣченному уже объясненію, которое является несравненно болѣе простымъ и естественнымъ, чѣмъ только-что указаннымъ. „Уже богатые дары, полагаемые вмѣстѣ съ покойникомъ, котораго хоронятъ въ сидячемъ положеніи, свидѣтельствуютъ о томъ, что какъ въ доисторическія времена, такъ и у современныхъ первобытныхъ народностей существуетъ вѣрованіе въ продолженіе жизни за гробомъ и въ послѣдующее воскресеніе. Точно также распространено вѣрованіе, что покойникъ, возставшій изъ гроба, можетъ нанести вредъ оставшимся въ живыхъ, можетъ ихъ убить или взять съ собою въ могилу. Это вѣрованіе не подлежитъ никакому сомнѣнію и является широко распространеннымъ даже и въ Европѣ. Потому возвращенію покойника должно воспрепятствовать, для чего и примѣняются различныя средства, къ которымъ относится также и утаптываніе земли надъ нимъ и накладываніе камней на могилу. Изъ такихъ представлений и возникло болѣею частью обыкновеніе погребать въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами; въ огромномъ большинствѣ случаевъ трупъ при этомъ болѣе или менѣе сильно связывается и заворачивается, связать его къ тому же въ такомъ видѣ гораздо легче, чѣмъ въ вытянутомъ состояніи. Въ подтвержденіе нашего взгляда можно привести и неоднократныя объясненія самихъ дикарей, что связываніе покойника производится, дѣйствительно, изъ-за того, чтобы воспрепятствовать ему тѣлесно или хотя бы въ формѣ духа вернуться на землю. Иногда даже чрезвычайно торопятся его связать, и, напримѣръ, на островѣ Нерамъ въ Малайскомъ архипелагѣ, а также и въ Гренландіи туземцы связываютъ уже умирающаго, чтобы спастись отъ него, и чтобы онъ не вернулся. Когда туземцы племени вагого восточной Африки хоронятъ своихъ покойниковъ, они кричатъ: „не безпокой оставшихся въ живыхъ!“. Относительно связыванія труповъ одинъ изъ эскимосовъ низовьевъ Юкона давалъ такое объясненіе: „Это—лучшее средство, чтобы воспрепятствовать духамъ возвращаться и странствовать среди людей“. Такимъ образомъ, связываніе трупа объясняется тѣмъ, что надо воспрепятствовать ему дѣйствовать ногами и руками; потому понятнымъ является и зашиваніе трупа въ матерію, какое наблюдается и въ Аделаидѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, а также зашиваніе отверстій трупа, какое мы видѣли у муміи изъ Аделаиды, и какое наблюдается и въ другихъ мѣстахъ: надо воспрепятствовать и духу выходить изъ мертваго тѣла, дабы остающіеся въ живыхъ могли быть спокойны и не тревожились опасными ночными привидѣніями отошедшихъ въ вѣчность“.

Лишь такое освѣщеніе объясняетъ намъ и тѣ находки, которыя относятся къ четвертичному періоду,—напримѣръ, описанный нами скелетъ Ла-Ферраса (стр. 160), а равно и тѣсно прижатыя къ груди руки на различныхъ скелетахъ Гримальди,—ихъ можно истолковать какъ результатъ хотя бы частичнаго связыванія трупа, считавшагося все же не излишнимъ, даже несмотря на то, что оставшіеся въ живыхъ покидали

жилище покойника и предоставляли ему одному оставаться въ немъ. Типичнымъ примѣромъ погребенія въ позѣ сидящаго съ согнутыми колѣнами является могильникъ старой женщины негроиднаго типа въ Ментонскомъ „Дѣтскомъ гротѣ“ (рис. 109), а также скелетъ въ Ложери-Бассѣ, который, кромѣ того, въ видахъ чрезмѣрной предосторожности похороненъ лицомъ внизъ. Быть-можетъ, по отношенію къ нѣкоторымъ людямъ или къ нѣкоторымъ случаямъ смерти окружающіе питали особый страхъ.

На мой взглядъ, нѣтъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ тому, что въ теченіе повѣйнаго палеолитическаго періода примѣнялось сожженіе труповъ,—въ пользу этого предположенія можно было бы привести развѣ лишь наиболее глубоко лежащій скелетъ пещеры Барма-гранде (стр. 213) и нѣкоторые изъ могильниковъ въ Солютрѣ (стр. 220). Изъ обгорѣлыхъ костяковъ пещеръ Ментоны можно вывести лишь заключеніе, что покойники нерѣдко клались на прежній семейный очагъ. Быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ зажигались соответствующіе ритуалу огни, и трупъ помещался на нихъ, пока огонь еще не совсѣмъ погасъ. Однако, мы всегда замѣчаемъ, что кости лишь нѣсколько обуглились или слабо обгорѣли, а не вполне превратились въ золу и пепель, почему мы думаемъ, что преднамѣреннаго сжиганія не производилось.

Ко всему этому присоединяется частичное погребеніе ритуальнаго характера. Наилучшимъ примѣромъ его является баварская пещера Офнетъ, гдѣ Р. Шмидтъ открылъ двѣ круглыя, усыпанныя охрою ямы, въ которыхъ находились кучи въ одной изъ 27, въ другой изъ 6 череповъ, относящихся къ азильской эпохѣ, какъ мы это подробно описали выше (стр. 329); меньшее изъ этихъ гнѣздъ изображено на прилагаемомъ рис. 250. Богато украшенные черепа эти были, несомнѣнно, отдѣлены отъ свѣжихъ еще труповъ, тогда какъ остальное тѣло, по всѣмъ вѣроятіямъ, было сожжено. Р. Шмидтъ совершенно справедливо предполагаетъ, что такой способъ погребенія, несомнѣнно, стоялъ въ связи съ совершенно особыми религіозными представленіями. Вмѣстѣ съ нимъ я не считаю возможнымъ, чтобы въ пещерѣ Офнетъ были слѣды людоедства; этому противорѣчитъ тщательность погребенія. Здѣсь скорѣе можно видѣть способъ погребенія, при которомъ отдѣльныя части тѣла подвергаются особой обработкѣ: черепа хоронятся специально въ пещерѣ, которая была, быть-можетъ, въ то же время мѣстомъ проявленія религіознаго культа, при чемъ погребеніе ихъ совершается по точно опредѣленному и строго соблюдаемому ритуалу.

И для такихъ частичныхъ погребеній современная этнологія дастъ намъ не мало примѣровъ; такъ, относительно индѣйцевъ ахови намъ извѣстно, что они, наоборотъ, погребаютъ трупъ безъ головы, а голову сжигаютъ надъ могилою. Я не считаю, впрочемъ, абсолютно невозможнымъ, чтобы въ баварской пещерѣ нельзя было видѣть также доказательства религіознаго человѣческаго жертвоприношенія, при которомъ благороднѣйшая часть тѣла человѣка, именно голова, торжественно погребалась. Такіе обычаи хорошо извѣстны какъ въ старое, такъ и въ новѣйшее время. Какъ бы то ни было, гнѣзда череповъ въ пещерѣ Офнетъ свидѣтельствуютъ съ несомнѣнностью о чрезвычайной древности „культа череповъ“. Въ головѣ концентрируются высшія чувства, она является сѣдалищемъ духа—этимъ объясняются настоящія коллекціи череповъ и систематическая охота за черепами, наблюдаемая у многихъ народностей Индіи, Малайскаго архипелага, Австраліи и Океаніи, а также въ прежнія времена въ Перу и Эквадорѣ. Путемъ внезапнаго нападенія или въ честномъ бою туземцы добываютъ головы мужчинъ и женщинъ, и нерѣдко юноша признается тогда совершеннолѣтнимъ и способнымъ къ браку, когда онъ доставитъ, по крайней мѣрѣ, хоть одну голову. Отдѣленіе головы у навшихъ враговъ далеко не всегда обозначаетъ обезславленіе ихъ,—каждый, кто добываетъ черепъ своего друга или

педруга, получает и часть его силъ и свойствъ, получает (напримѣръ, на островѣ Формозѣ) фетишъ для изгнанія дьявола, и душа умершаго становится ему подчиненной. Черепа болѣе близкихъ родственниковъ нерѣдко становятся предметами религіознаго поклоненія. Поэтому у андаманцевъ вдовы долгое время носятъ съ собою черепа своихъ умершихъ мужей, черепа начальниковъ въ качествѣ особыхъ талисмановъ тщательно хранятся и служатъ предметами культа предковъ. Насколько этотъ древній языческой культъ предковъ сохранился даже еще и у насъ, свидѣлствуютъ склепы съ костями предковъ, нерѣдко хранящіеся и въ средней и въ западной Европѣ. Здѣсь при возобно-

вленія гробницъ черепа нерѣдко не только тщательно сохраняются, но даже украшаются вѣнками изъ листьевъ, нарисованными на нихъ пестрыми цвѣтами и т. п., иногда даже цѣликомъ или отчасти золотятся или серебрятся и снабжаются надписями и гербами. Сюда примыкаютъ и нѣкоторые народные обычаи и преданія: по бретонскому вѣрованію, такіе черепа умершихъ въ извѣстные дни могутъ говорить, а въ день Всѣхъ Святыхъ могутъ называть имена тѣхъ лицъ, которые умрутъ въ слѣдующемъ году; въ Каринтіи и Штиріи находятъ черепа, которые, если написать на нихъ номера лотерейныхъ билетовъ, указываютъ счастливый номеръ.

Рис. 250. Небольшое «гнѣздо череповъ» въ пещерѣ
Офнетъ въ Баваріи.
(По оригин. рис. Р. Шмидта.)

Такимъ образомъ, находкамъ пещеры Офнетъ можно дать различныя толкованія, но если бы даже мы и отрицали на основаніи этихъ находокъ существованіе культа череповъ, то мы должны были бы все же признать его въ виду многихъ другихъ находокъ новѣйшаго палеолитическаго періода. Мы подразумѣваемъ въ данномъ случаѣ прежде всего чашу изъ черепа пещеры Плакаръ въ Шарантѣ, которая была найдена въ 80-хъ годахъ де-Марэ и недавно была подробнѣе изслѣдована и описана Брейлемъ. Въ этой пещерѣ находилось 9 человѣческихъ череповъ или остатковъ таковыхъ, при чемъ, два изъ нихъ относились къ средней, пять къ нижней магдаденской эпохѣ и два къ верхней солиотрейской, при чемъ возможно, однако, что еще въ палеолитическое время произошло смѣщеніе слоевъ, и что этотъ обычай, слѣдовательно, ограничивался лишь магдаденскимъ временемъ (стр. 379). Два черепа мало затронуты и остались въ общемъ цѣльными; однако, кости лица и основныя части черепной коробки удалены, а края излома выравнены горизонтально, такъ что образуютъ чашу; виѣшняя сторона этихъ „сосудовъ“ обнаруживаетъ цѣлый рядъ глубокихъ надрѣзовъ и въ одномъ мѣстѣ неболь-

шое пятно ожога. Еще болѣе обработаны 7 остальныхъ череповъ, изъ которыхъ, впрочемъ, пять сильно разломаны. Они также покрыты слѣдами надрѣзовъ, обнаруживающихъ, что первоначально съ головы послѣ отдѣленія отъ туловища были удалены волосы, кожа и мышцы. Затѣмъ не только лицевая и основная части черепа были удалены ударами кремневыхъ орудій, но и большой кусокъ нижняго края лобной, теменной и затылочной кости; притомъ срѣзаны онѣ были въ одной плоскости, такъ что получилаcя плоская правильная чаша (рис. 251). Линіи излома выравнены довольно однородно, при

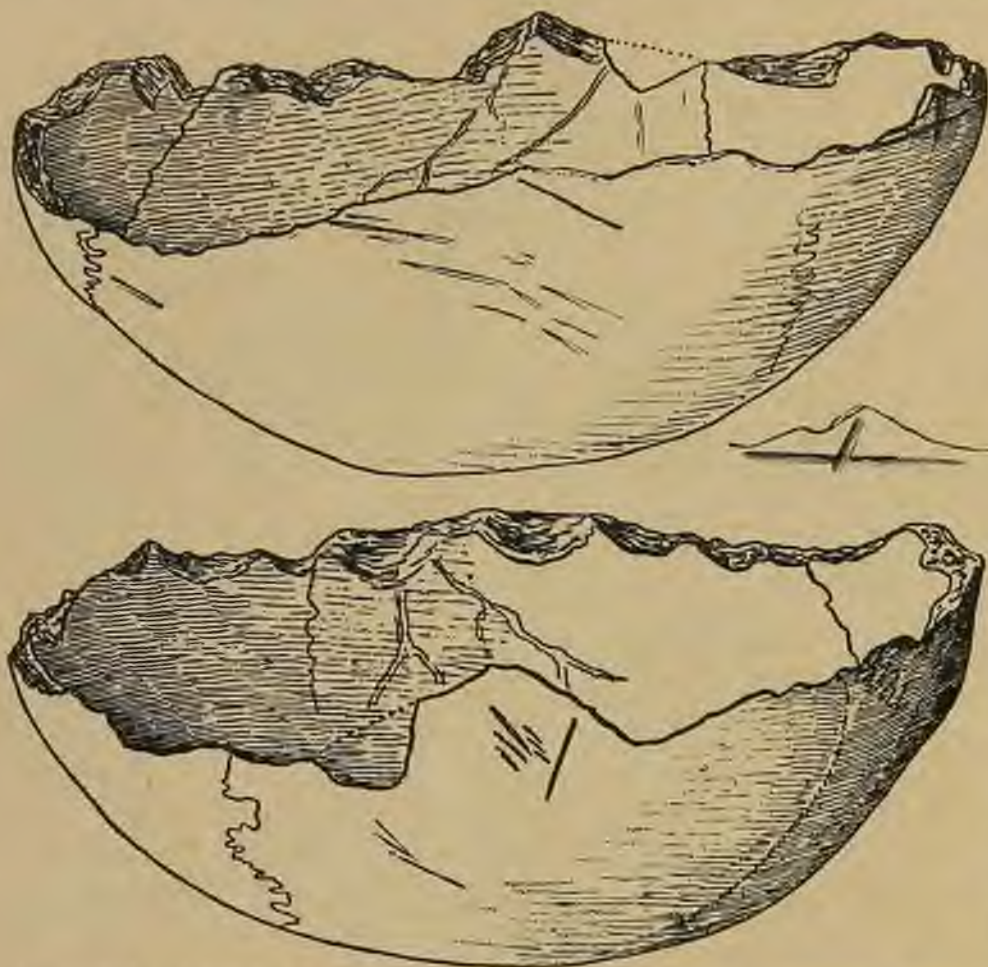

Рис. 251. Чаши изъ череповъ, найденныя въ пещерѣ Плакаръ (въ Шарангѣ.)
(По Врейлю и Обермайеру.)

чемъ первоначально ихъ направление намѣчено вѣзанной бороздкой. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, настоящія чаши изъ череповъ, при чемъ еще одинъ такой же объектъ имѣется въ коллекціи Жиро изъ Ложери-Бассъ, гдѣ онъ былъ найденъ въ магдаленскомъ слоѣ. Кому бы ни принадлежали эти черепа—врагамъ или друзьямъ, героямъ или родственникамъ,—они должны, во всякомъ случаѣ, считаться трофеями или талисманами, должны служить жертвенными чашами или сосудами, изъ которыхъ считалось особенно важнымъ пить. Такіе же обычаи намъ извѣстны и изъ новѣйшихъ періодовъ доисторическихъ временъ. Въ свайныхъ постройкахъ Бильскаго озера, въ Швейцаріи, были найдены че-

репа, искусственно обработанные ударами долота и употреблявшіеся для питья; точно также относительно скифовъ Геродотъ рассказываетъ, что они обрѣзали черепа особенно ненавидимыхъ враговъ выше бровей, вынимали мозгъ и внутри выкладывали такую чашу бычьей шкурой, а богатые покрывали ее золотомъ и дѣлали сосудъ для питья. Точно также поступали и съ черепами родственниковъ, къ которымъ отношенія были враждебны. Во время пиршествъ такія чаши обходили въ круговую, и изъ нихъ же приносились въ торжественныхъ случаяхъ жертвы виномъ. Сходные обычаи существовали даже въ средніе вѣка. Такъ, Павелъ Діаконъ рассказываетъ, что Альбоинъ, король лангобардовъ, былъ убитъ своею женою Розамундою за то, что заставилъ ее во время праздника выпить изъ чаши, сдѣланной изъ черепа ея отца, короля генидовъ, Кунимунда. Точно также печенѣгъ Курія (972 г. по Р. Хр.) приготовилъ кубокъ изъ черепа князя Святослава, а болгарскій князь Крумъ (811 г.) приготовилъ такой же кубокъ изъ черепа византийскаго императора Никифора. Даже въ концѣ среднихъ вѣковъ посвященное святымъ вино приносилось въ жертву въ черепахъ святыхъ,—такъ, для этого служилъ черепъ св. Севастьяна въ Эберсбергѣ въ Баваріи, св. Гумпертуса въ Ансбахѣ, св. Теодула—въ Тривѣ, св. Кверинуса—въ Нейссѣ,—въ этомъ сказывается

сильно еще развитый в народѣ древне-германскій обычай приносить жертвы виномъ изъ череповъ и справлять тризны по умершимъ, пуская такую чашу въ круговую. Если искать такого обычая въ настоящее время, то надо обратиться къ южной Австраліи. Ангасъ сообщаетъ, что тамъ десятилѣтняя дѣвочка проявляла тѣмъ уваженіе къ памяти своей матери, что носила съ собою сосудъ для питья изъ ея черепа; Моллиа упоминаетъ, что чаши изъ череповъ принесенныхъ въ жертву враговъ примѣняются арауканцами въ Чили,—о такомъ же обычѣ чокоаносовъ въ Дарин упоминаетъ Кулленъ, а Добрицгофферъ наблюдалъ его у абиноновъ Парагвая, Джексонъ же—у туземцевъ Фиджи. По сообщенію стариннаго путешественника Рубруквиса, тибетцы, поминая своихъ предковъ, пили изъ ихъ череповъ, а, по Гуккеру, въ Тибетѣ и посейчасъ черепа, обтянутые кожей, употребляются въ качествѣ барабановъ на праздникахъ. Наконецъ, Рениель видѣлъ въ Бенгаліи черепа, покрытые лакомъ и служащіе въ качествѣ чашъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, и наши находки въ пещерѣ Плакаръ являются результатомъ религіознаго культа, источникомъ котораго была либо любовь, либо ненависть.

Различными учеными неоднократно указывалось на то, что въ четвертичныхъ остаткахъ поселеній нерѣдко встрѣчаются совершенно отдѣльныя человѣческія нижнія челюсти, находеніе которыхъ производитъ весьма странное впечатлѣніе. Это обстоятельство при свѣтѣ современной этнологіи становится также понятнымъ. Въ Дагомеѣ и въ Того военныя трубы украшаются въ качествѣ трофеевъ нижними челюстями враговъ, на островахъ Торресова пролива (къ сѣверу отъ Австраліи) нижнія челюсти, нанизанныя на веревку, точно также примѣняются при религіозныхъ церемоніяхъ. Вдовы нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ носятъ челюсти своихъ умершихъ мужей въ качествѣ амулетовъ на шеѣ; точно также на Новой Гвинееѣ челюсти родственниковъ и предковъ сохраняются въ видѣ сувенировъ. Пьетту при раскопкахъ въ Бурданѣ въ Верхнихъ Пиренеяхъ бросилось въ глаза, что встрѣчаются въ большомъ количествѣ отдѣльные обломки череповъ и притомъ почти исключительно лишь челюсти и первые шейные позвонки,—весьма возможно, что относительно ихъ является правильнымъ такое же точно предположеніе, какъ и относительно отдѣльныхъ нижнихъ челюстей; они также, вѣроятно, представляютъ собою либо результаты частичнаго погребенія, либо талисманы изъ остатковъ предковъ. То же самое можно сказать и относительно находокъ аббата Парра въ „Grotte des Pommes“ на Арси-Сюръ-Эйръ. Здѣсь слой, располагавшійся надъ содержащимъ ориньякскія отложенія и, повидимому, еще принадлежавшій къ палеолитическимъ, содержалъ три черепа, правильно расположенные на каменной пластинкѣ; точно также и на правомъ берегу Масъ-д'Азиля Пьеттъ нашелъ отдѣльный хорошо сохранившійся черепъ, относящійся къ началу магдаленской эпохи. Не исключена даже возможность, что и приведенные выше древне-палеолитическія находки должны быть истолкованы въ этомъ смыслѣ (челюсть изъ Ла-Полеть, челюсти изъ Арси-сюръ-Эйръ, Маларно, Пюи-Муанъ, Шинка и Охосъ).

Имѣя въ виду столь обширный уже кругъ представленій первобытныхъ обитателей, который открывается передъ нами при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи предметовъ, сопровождающихъ останки людей новѣйшаго палеолитическаго періода, вполнѣ естественно, что мы должны представлять себѣ всю ихъ жизнь проникнутой самыми разнообразными религіозными идеями и представленіями. Не иначе, какъ идолами, должны мы считать тѣ человѣческія статуэтты изъ слоновой кости и изъ камня, которыя извѣстны намъ въ настоящее время въ довольно большомъ числѣ (изъ Брассампуи, Ментоны, Виллендорфа). Статуэтты эти болѣею частью изображаютъ женщинъ, при

чемъ первичные и вторичные половые признаки сильно подчеркнуты и преувеличены; и потому фигуры эти, быть-можетъ, представляютъ собою изображеніе боговъ плодovitости; впрочемъ, кромѣ нихъ имѣются и нѣкоторые мужскіе идолы, напримѣръ статуэтка изъ Брюнна (стр. 260, 337, 344).

Уже въ древнемъ палеолитическомъ періодѣ наблюдается сильное стремленіе къ коллекціонированію, изъ-за коего въ пещеры собираются мелкія круглыя гальки, обкатанные пестрые куски мрамора и песчаника, бросающіеся въ глаза и не попадающіеся въ данной мѣстности минералы, окаменѣлости и раковины. Быть-можетъ, они служили для удовлетворенія инстинктовъ игры, представляли собою инвентарь „дѣтской“ первобытнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, многочисленныя просверленные подвѣски, костяныя и каменныя пластинки, просверленные зубы звѣрей, мелкія изображенія животныхъ, изрѣдка встрѣчающіяся фаллическія изображенія и т. п. никакъ нельзя считать исключительно украшениями. И теперь еще дикарь постоянно увѣшанъ различными амулетами, защищающими отъ волшебства и отъ враговъ и такое же точно религіозное значеніе имѣла, безъ сомнѣнія, большая часть палеолитическихъ украшеній. Знаки и узоры на оружій, на гарпунахъ и копьяхъ далеко не всегда представляютъ собою про-

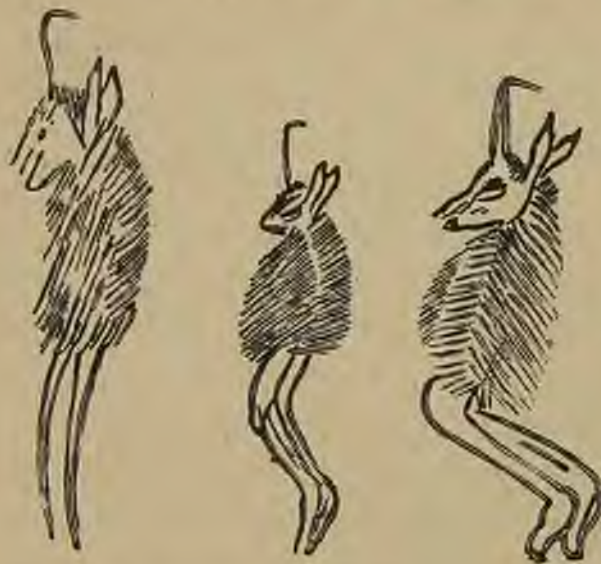

Рис. 252. «Танцующія фигуры» изъ Абри-Межа въ Дордони.
(По Брейлю.)

стыя украшенія или клейма, указывающія хозяина, — весьма нерѣдко это настоящіе волшебные знаки, которые должны гарантировать успѣхъ на охотѣ, отражать враждебныя силы и противостоятъ волшебству противниковъ. Своеобразныя, большею частью богато украшенныя „жезлы начальниковъ“, наконецъ, точно также естественнѣе всего могутъ быть объяснены какъ жезлы для волшебства (стр. 230).

Весьма замѣчательны многочисленныя фигуры, изображающія танцующихъ людей, какъ, напримѣръ, фигура мужчины съ лошадиной головой изъ пещеры Эспелюгъ у Лурда (стр. 236) и три фигуры съ головами сернъ на жезлѣ начальника изъ Абри-Межъ у Тейята въ Дордони (рис. 252). Здѣсь мы имѣемъ передъ собою, несомнѣнно, изображенія людей съ масками животныхъ, и къ этой же группѣ отно-

сятся другіе рисунки, — какъ, напримѣръ, рисунокъ человѣка съ головою медвѣдя изъ Масъ-д'Азиль, наброски фигуръ съ лошадиными головами въ Альтамирской пещерѣ (рис. 165). Полное соответствіе этимъ даннымъ, касающимся первобытнаго человѣка, мы встрѣчаемъ въ тѣхъ костюмахъ и въ тѣхъ танцахъ съ масками въ видѣ головъ животныхъ, которые входятъ въ религіозный ритуалъ весьма многихъ дикихъ народностей, притомъ въ самыхъ различныхъ областяхъ, — такіе танцы имѣются у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, въ южной Африкѣ, въ Австраліи и въ Океаніи (рис. 253). Слѣдовательно, по всеѣмъ вѣроятіямъ, и изображенія танца въ маскахъ, относящіяся къ четвертичному періоду, представляютъ собой религіозныя танцы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть-можетъ, такимъ способомъ воспроизводятся „злые духи“. Хотя холодный климатъ послѣледниковаго періода и сдѣлалъ для человѣка необходимымъ пользованіе одеждою, но при охотѣ и при подкрадываніи къ дичи, по всеѣмъ вѣроятіямъ, нерѣдко приходилось сбрасывать съ себя одежду, какъ это подтверждаютъ и нѣкоторые рисунки первобытныхъ людей. Точно также и при религіозныхъ танцахъ одежда если не совсѣмъ, то отчасти снималась, какъ это ясно изъ четвертичныхъ изображеній на скалахъ Когуля въ Испа-

ни, гдѣ мы видимъ цѣлый хороводъ изъ 9 женщинъ съ совершенно голымъ торсомъ, но въ длинныхъ юбкахъ; въ центрѣ этого хоровода находится голый мужчина.

Подобно тому какъ у древнѣйшихъ первобытныхъ народностей, и у современныхъ дикарей танцы находятся на службѣ религіи; съ нею же было связано, по всеѣмъ

Рис. 253. Танецъ дукъ-дукъ въ Новой Гвинее.
(Рисунокъ Кранца по Гарди.)

вѣроятіямъ, и изобразительное искусство. Причины этого были нами уже изложены выше на стр. 289,—лишь этимъ способомъ, по нашему мнѣнію, возможно объяснить нѣкоторыя особенности искусства, проявляющагося въ стѣнной живописи того времени; такимъ образомъ объяснится, на примѣръ, преобладаніе изображеній животныхъ,

являвшихся предметомъ охоты, отсутствіе человѣческихъ изображеній и помѣщеніе многихъ рисунковъ въ неудобныхъ и трудно доступныхъ мѣстахъ.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, передъ нами множество задачъ, множество вопросовъ и очень мало вполнѣ надежныхъ отвѣтовъ на нихъ. Мы не хотѣли бы, однако, заключить наши психологическія и этнологическія изслѣдованія, не упомянувъ еще объ одномъ замѣчательномъ открытіи, которымъ мы обязаны Реньо, Брейлю и Картальяку. Это—тѣ своеобразные отпечатки рукъ, которые были открыты сперва въ 1906 г. въ Кастильо у Сантандера, а затѣмъ въ пещерахъ южной Франціи Фонтъ-де-Гомъ, Портель и Гаргасъ. Эти отпечатки производились весьма простымъ способомъ:

Рис. 254. Силуэты рукъ изъ пещеры Гаргаса въ Верхнихъ Пиренеяхъ.
(По Картальяку и Брейлю.)

на сырую или смазанную жиромъ скалу клалась рука съ растопыренными пальцами, а затѣмъ на нее бросалась или выдувалась измельченная въ порошокъ сухая краска, такъ что, когда затѣмъ снимали руку, получался силуэтъ ея среди образовавшагося пятна краски въ видѣ свѣтлаго изображенія (рис. 254). Мѣстами встрѣчается больше отпечатковъ правыхъ рукъ, въ другихъ мѣстахъ—больше лѣвыхъ. Въ одномъ мѣстѣ воспроизведена даже ручка ребенка; иногда же изображены лишь отдѣльныя группы пальцевъ, при чемъ, повидимому, это обуславливается отнюдь не частичнымъ разрушеніемъ изображенія. Руки, которыя принадлежатъ, повидимому, иногда мужчинамъ, иногда женщинамъ, являются обыкновенно либо красными, либо черными, слѣдовательно, намѣченными кровавикомъ или углемъ; въ двухъ случаяхъ, изъ 150 сохранившихся въ Гаргасѣ отпечатковъ, имѣется желтый фонъ и въ двухъ случаяхъ бѣлый, встрѣчающійся однажды и въ Испаніи; въ одномъ случаѣ наблюдаются красный фонъ и черный контуръ. Особенно замѣчательна одна черта, нерѣдко встрѣчаемая въ Гаргасѣ и рѣже наблюдавшаяся въ Испаніи,—именно нѣкоторыя руки выглядятъ такъ, какъ-будто пальцы укорочены, т.-е. лишены нѣкоторыхъ суставовъ. Мнѣ съ моими спутниками неоднократно приходило въ голову попробо-

вать, можно ли получить такое изображеніе путемъ подгибанія пальцевъ, но всегда при опытѣ оказывалось, что въ этомъ случаѣ не получается яснаго и рѣзкаго силуэта, какъ въ нашихъ доисторическихъ находкахъ, четвертичный возрастъ которыхъ опредѣляется съ полною несомнѣнностью неоднократно наблюдающеюся связью съ безспорно четвертичными изображеніями животныхъ (въ Альтамирской пещерѣ, на примѣръ, изображенія животныхъ нарисованы поверхъ силуэтовъ рукъ). Приходится, слѣдовательно, думать, что въ данномъ случаѣ имѣлись дѣйствительно изуродованныя руки. Быть-можетъ, уже въ эти времена свирѣпствовала проказа, и пещера Гаргасъ являлась „лепрозоріей“

или мѣстомъ религіознаго культа, гдѣ прокаженные искали прибрѣжища въ маги. Однако, такое предположеніе пока не находитъ ни въ чемъ подтвержденія, такъ что скорѣе нужно допустить, что руки, дѣйствительно, уродовались, какъ ни удивительно въ данномъ случаѣ, что охотничья народность, требовавшая для поддержанія своего существованія ловкости рукъ, могла обнаруживать склонность къ такому обычаю,—впрочемъ, конечно, онъ ограничивался, вѣроятно, лишь опредѣленными группами населенія.

Если мы обратимся къ современнымъ первобытнымъ народностямъ, то встрѣтимъ прежде всего въ Калифорніи, затѣмъ въ Южной Америкѣ и въ особенности въ Австраліи племена, у которыхъ распространенъ тотъ же обычай увѣковѣчивать свои руки. Въ особенности у австралійцевъ распространено совершенно такое же обыкновеніе, хотя оно относится къ такимъ отдаленнымъ временамъ, что у современныхъ туземцевъ не сохранилось никакого воспоминанія о немъ и о его значеніи (рис. 170, 8 и 9). На ряду съ этимъ у современныхъ дикарей встрѣчается и уродованіе пальцевъ,—именно, оно является знакомъ печали у различныхъ американскихъ, африканскихъ и полинезійскихъ народностей. Жены и дочери харруасовъ на Ла-Платѣ отрѣзаютъ себѣ послѣ смерти мужей, отцовъ и братьевъ, начиная съ мизинца, по одному суставу, такъ что, по сообщенію Азара, нѣтъ ни одной взрослой женщины безъ обрѣзанныхъ пальцевъ. Точно также и у готтентотовъ, особенно среди женщинъ, мы находимъ нерѣдко укороченные пальцы. Туземные „врачи“ совершаютъ это обрѣзаніе пальцевъ съ такимъ искусствомъ, что никогда не происходитъ никакого несчастья; способъ же, которымъ они отдѣляютъ суставы пальцевъ, чрезвычайно простъ: палецъ кладется на плоскій кусокъ дерева, острый камень или ножъ ставится лезвіемъ на палецъ и затѣмъ по этому орудію ударяютъ молоткомъ. Обрубокъ держится надъ дымомъ сырой травы и скоро заживаетъ. Бевингъ рассказываетъ слѣдующее: „если мать теряетъ своего перваго ребенка, то она отрѣзаетъ суставъ пальца у своего слѣдующаго ребенка, въ полномъ убѣжденіи, что такимъ образомъ она тѣмъ легче сохранитъ его въ живыхъ“. Въ южномъ Тихомъ океанѣ отдѣленіе сустава пальца совершается въ видѣ жертвоприношенія за покойника или за больного, такъ что Форстеръ встрѣтилъ много туземцевъ, у которыхъ не хватало одного или двухъ суставовъ на обоихъ мизинцахъ. На островахъ Фиджи практикуется, кромѣ того, обрѣзаніе мизинцевъ ногъ, при чемъ бѣдняки пользуются этимъ обычаемъ и даютъ рѣзать свои пальцы за болѣе богатыхъ, которые имъ за это платятъ. Когда умеръ начальникъ туземцевъ, то у всѣхъ женщинъ стали обрубать пальцы; обрубленные суставы въ качествѣ знаковъ печали были защемлены въ палочки изъ тростника и выставлены. По словамъ Стоу, бушмены думаютъ, что путемъ ампутаціи пальцевъ они получаютъ послѣ смерти участіе въ цѣломъ рядѣ празднествъ за гробомъ; у племени мкабба на озерѣ Нгами въ Африкѣ такая ампутація примѣняется для обозначенія рода, къ которому принадлежитъ данный человѣкъ, и потому производится надъ маленькими дѣтьми. Такимъ же точно образомъ должны мы себѣ объяснять и наблюдаемое укороченіе пальцевъ у обитателей новѣйшаго палеолитическаго періода, въ особенности у людей ориньякской и солотрейской эпохъ. Въ пещерѣ Гаргасъ особенно указываетъ на ритуальность этихъ изображеній рукъ то обстоятельство, что они весьма часто помѣщаются посреди особо расположенныхъ, бросающихся въ глаза нишъ, имѣющихъ видъ часовень.

Резюмируя все сказанное въ этой главѣ, мы можемъ раздѣлить все извѣстное намъ пока человѣчество четвертичнаго періода на три культурныхъ слоя, которые по времени слѣдуютъ одинъ за другимъ. Первый „эолитическій“ слой производитъ впечатленіе чрезвычайно примитивнаго и въ физическомъ, и въ культурномъ отношеніи, хотя,

тѣмъ не менѣе, должно признать, что и тогда уже это были настоящіе люди. Второй—древне-палеолитическій слой представляетъ собою высоко развитую культуру каменнаго вѣка, со сложнымъ культомъ мертвыхъ и съ нѣкоторыми несомнѣнными религіозными представленіями. Наконецъ, третій слой новѣйшаго палеолитическаго періода является чрезвычайно высоко развитымъ, во многихъ отношеніяхъ стоящимъ выше большинства современныхъ дикихъ народностей, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что относительно этого слоя до насъ дошла лишь часть и притомъ лишь небольшая часть данныхъ. Культъ мертвыхъ доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь уже сильно видоизмѣненныя разнообразно развитыя религіозныя представленія, и что психологія этихъ четвертичныхъ обитателей пещеръ является весьма сложною и дифференцированою. При свѣтѣ психологическихъ и культурныхъ проявленій современныхъ первобытныхъ народностей этотъ культъ получаетъ чрезвычайную жизненность, такъ какъ въ этихъ народностяхъ мы до извѣстной степени имѣемъ какъ бы ископаемыя существа, первобытность коихъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій значительно уменьшилась. Должно, впрочемъ, предостеречь отъ примѣненія слишкомъ поспѣшнаго приравниванія нашихъ доисторическихъ предковъ времени ледниковаго періода къ современнымъ бушменамъ и австралійцамъ въ смыслѣ ихъ вѣрованій и представленій. Одно и то же внѣшнее явленіе можетъ у различныхъ народностей обозначать совершенно различныя внутреннія состоянія и тѣмъ труднѣе разобратся въ этихъ различіяхъ, чѣмъ глубже въ нихъ вникаешь, и чѣмъ отдаленнѣе времена, къ которымъ они относятся.

Дополненія къ первой части.

КЪ ГЛАВЪ Ш.

Германія.

Я обязанъ Р. Шмидту сообщеніемъ, что на ряду съ упоминаемымъ въ этомъ сочиненіи ручнымъ топоромъ древне-ашельской эпохи, найденнымъ у Саблона вблизи Меца (стр. 173), такой же топоръ, относящійся къ новѣйшей ашельской эпохѣ, найденъ въ Рюдерсгеймѣ у Альткирха въ Эльзасѣ. Особое значеніе, повидимому, будетъ имѣть благодаря точнымъ изслѣдованіямъ П. Вернерта лёссовое мѣстонахожденіе Ахенгейма у Страсбурга. Тамъ на древнихъ дилювіальныхъ вогѣзскихъ пескахъ располагаются слои древняго лёсса, раздѣленные многими прослойками глины и содержашіе

кости носорога Мерка, являющіяся, впрочемъ, ископаемымъ предшествующей теплой лѣсной фазы третьяго межледниковаго періода. Въ верхней зонѣ этого лёсса былъ найденъ приведенный уже выше превосходный ручной топоръ конца ашельской эпохи (стр. 173); нижній горизонтъ слѣдующаго слоя лёсса относится къ мустьерской эпохѣ, которая была, однако, представлена лишь нѣкоторыми намеками, совершенно такъ же, какъ и въ другомъ эльзасскомъ мѣстонахожденіи, именно въ Момменгеймѣ. Еще выше въ болѣе новыхъ лёссовыхъ отложеніяхъ Ахенгейма находятся ориньякскій и, быть-можетъ, также магдаленскій горизонты. Р. Шмидтъ

особенно подчеркиваетъ, что Эльзасъ всецѣло относится къ провинціи ручныхъ топоровъ восточной Франціи, границу которой образуетъ Рейнъ. На сѣверѣ Германіи лишь Таубахъ, по его мнѣнію, указываетъ на болѣе продолжительное пребываніе тамъ ордѣ

Рис. 255. Красныя письмена въ пещерѣ Ла-Пасъега въ сѣверной Испаніи.

(Сильно уменьш. По фотографіи.)